

**ДРЕВНОСТИ ОТРАРА
И ОТРАРСКОГО ОАЗИСА,
КАЗАХСТАНА И ЕВРАЗИИ**

«Ә. Х. МАРҒУЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ»
РЕСПУБЛИКАЛЫҚ МЕМЛЕКЕТТІК ҚАЗЫНАЛЫҚ ҚӨСІМОРНЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА
«КАЗАХСТАНСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

ДРЕВНОСТИ ОТРАРА И ОТРАРСКОГО ОАЗИСА, КАЗАХСТАНА И ЕВРАЗИИ

Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 40-летию работ Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции

Шаульдер 18-19 октября 2011 г.

Алматы 2012

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
«ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ҚОҒАМЫ»

«Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ»
РЕСПУБЛИКАЛЫҚ МЕМЛЕКЕТТІК ҚАЗАҚАЛЫҚ КӨСНІОРНЫ

ЕЖЕЛГІ ОТЫРАР МЕН ОТЫРАР АЛҚАБЫ, ҚАЗАҚСТАН МЕН ЕУРАЗИЯ

Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының
40 жылдық жұмысына арналған ғылыми
конференцияның материалдары

Шәуілдір 18-19 қазан 2011 ж.

Алматы 2012

БИБЛИОТЕКА
Инв.№ 3946

УДК 902.904
ББК 63.4 (5 каз)
Д 73

*Печатается по постановлению Ученого Совета
Института археологии им. А.Х.Маргулана
Министерства образования и науки Республики Казахстан*

Редакционная коллегия:

К.М. Байпаков - академик НАН РК, профессор (ответственный редактор)
С.Ж. Жолдасбаев – доктор исторических наук, профессор
Б.Н. Нурмуханбетов,
Т.В. Савельева – доктор исторических наук,
Д.А. Воякин – кандидат исторических наук (зам. ответственного редактора)
О.В. Кузнецова (ответственный секретарь)

Рецензенты:

Б.Е. Кумеков – академик НАН РК, профессор
Б.А. Байтанаев – член-корреспондент НАН РК

Д 73 Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии.
Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию работ Южно-Казахст. комплексной археолог. экспедиции (Шаульдер, 18-19 октября 2011 г.). Ред. колл.: К.М. Байпаков, С.Ж. Жолдасбаев, Б.Н. Нурмуханбетов и др. - ISBN 978-601-210-077-8. - Алматы, 2012. - 382 с.; илл.

Сборник научных трудов содержит научные обобщающие работы, статьи по историографии, публикации, заметки об истории, археологии и нумизматике Отрара, Отрарского оазиса, Южного Казахстана и Евразии.

Сборник иллюстрирован чертежами, черно-белыми и цветными фотографиями. Рассчитан на специалистов и широкий круг читателей.

УДК 902/904
ББК 63.4 (5 каз)

ISBN 978-601-210-077-8

© Институт археологии
им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2012
© ОО «Казахстанское археологическое
общество», 2012
© Авторы статей, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7
<i>I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ОТРАРА, ОТРАРСКОГО ОАЗИСА И КАЗАХСТАНА</i>	
Байпаков К.М. Из истории изучения археологического и культурного наследия Отрара, Отрарского оазиса и Казахстана	16
Жолдасбаев С.Ж. Ортағасырлық Сығанақ қаласын музейлендіру меәселелері	51
Бахтыбаев М.М. Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесі мүшелерінің оңтүстік Қазақстан облысында атқарған қызметі	57
Есжан Е., Байсариева Г. Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Отырарды зерттеу тарихынан	67
<i>II. ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА И КАЗАХСТАНА</i>	
Акишев К.А. Древний Отрар и теоретические проблемы археологии Казахстана	75
Байпаков К.М. Развитие и достижения археологии Казахстана	87
Нурмуханбетов Б. О проблеме изучения некрополей	106
Ерзакович Л.Б. О южно-казахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды	110
Подушкин А.Н. Раскопки жилого комплекса на рабаде городища Пшук-Мардан (по материалам работ 1977 года)	118
Байпаков К.М., Савельева Т.В. Великий Шелковый Путь: казахстанские караванные маршруты и караван-сарай	130
Смагулов Е.А. Археология мечетей: жума мечети Отрара и Саурана	152
Тепловодская Т.М., Кузнецова О.В. Поливная керамика Отрара XV - начала XVII в. (технологический аспект)	170
Грошев В.А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса	181
Терновая Г.А. Основные принципы планировки и формообразования храмов конца III – IV в. (Отрарско- каратауская культура)	190
<i>III. ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЕВРАЗИИ</i>	
Кольченко В.А. Археологические исследования В.В. Радлова в Кыргызстане	220
Баратов С.Р., Садуллаев Б.П. Новые материалы к археологии древнего Хорезма	226
Сулейманов Р.Х. Зарождение столичного центра Нахшеба	247
Богомолов Г.И. Зеркала из Текели и Бешкуби: к семантике изображения	252
Туребеков М. Городище Богрохан	265
Зиливинская Э.Д., Рудаков В.Г. Склепы-мавзолеи в Золотой Орде	270
Dwivedi S. International Trade Routes Through Kazakhstan And Ties With India	279

Коваль В.Ю. Керамика эпохи средневековья в коллекциях музеев Ирана	285
IV. ИСТОРИЯ	
Жандарбек З.З. Роль Тариката Йасавиййа в истории народов Дешт-и Кыпчака (по материалам казахских родословных)	292
Кожа М. Могила Абылая в ханаке Ходжа Ахмеда Ясави: опыт археолого-антропологического изучения погребения казахского хана	300
Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т. О захоронении и перезахоронении останков хана Абулхаира	318
Туякбаев М.К. Түркістандағы алғашқы хан ордасының орынын зерттеу мен тұмшалау	336
V. НУМИЗМАТИКА	
Камышев А.М. Новые типы и разновидности монет Ясы и Сайрама	340
Мусакаева А. Находки монет Тюргешей с городища Канка	346
VI. ДРЕВНИЕ ТЕХНОЛОГИИ	
Park J.S., Voyakin D.A. A Comment on High Tin Bronzes of Medieval Korea and Iran	368
VII. РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА	
Дикань М.Е. Развитие детского туризма в рамках программы «Культурное наследие» и разработка новых учебно- исторических маршрутов в долине Арыси	376
Принятые сокращения	379
Краткие сведения об авторах	380

ОТ РЕДАКТОРА

«Б. Х. ШАРГУЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ»
РЕСПУБЛИКАЛЫҚ МЕМЛЕКЕТТІК ҚАЗАҚАЛЫҚ ҚОСҚОРНЫ

В 2011 году исполнилось 40 лет с момента создания крупнейшей в Казахстане Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции. Она была организована в 1971 году решением Президиума Академии Наук Казахской ССР в Институте истории, археологии и этнографии имени Ч. Валиханова. Начальником экспедиции был назначен К.А. Акишев.

Первоначально основным регионом ее исследований был выбран Отрар и Отрарский оазис - памятник древней и средневековой культуры Казахстана, широко известный в истории Евразии.

Отрар и Отрарский оазис расположены в районе слияния рек Арысь и Сырдарья, его средневековое название - округ Фараб. Географическое и стратегическое положение округа в Центральной Азии было удобным. О нем упоминают многие исторические источники. Отрар, располагавшийся вблизи предгорий Каратау, был одной из опорных крепостей кочевников, от Отрара шли дороги по Сырдарье вверх в Шап, Согд, Хорасан - в Ташкент, Самарканд, Бухару, Мерв и далее в Нишапур и Рей; вниз в Приаралье, на Мангышлак к Каспию, на Кавказ, после переправы через реку Урал - в Европу; на север в степи Центрального Казахстана и далее в Сибирь; на Восток к Жетысу, в Монголию и Китай. Трудно найти в Центральной Азии более выгодное и опасное положение. Столетия, которые пронесли над городом и оазисом, войны и разрушения сделали свое дело: сейчас на месте некогда цветущего города остались заросшие травой руины. Человек, впервые попавший сюда, невольно останавливается потрясенный видом грандиозных развалин городов и селений, замков и сторожевых башен. Высохшие поля, растрескавшиеся от жары русла, которые пересекают магистральные каналы, вот уже сотни лет не получавшие ни капли воды. Этот своеобразный музей под открытым небом скрывает историю жизни наших далеких предков. Задачу изучения истории и должна была выполнить Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция, развернувшая широкомасштабные раскопки городища Отрар и памятников Отрарского оазиса.

В археологических исследованиях Казахстана существуют свои традиционные направления, заключающиеся в параллельном изучении памятников как кочевого, так и оседлого населения. Это обусловлено спецификой исторического развития древнего Казахстана, в котором с эпохи бронзы тесно взаимодействовали оседлое и кочевое население; прогресс скотоводческого и земледельческого хозяйства стимулировался

их взаимодействием и взаимообогащением. Поэтому одной из задач работ, проводимых в Южном Казахстане и связанных с раскопками Отрара, было установление связи Города и Степи.

Историко-культурная значимость Отрара и Отрарского оазиса в культурном наследии определяется следующими причинами.

Первая из них заключается в том, что Отрарский оазис и прилегающие к нему регионы были древнейшим центром оседлости, ирригационного земледелия и городской цивилизации Казахстана. Поиски истоков ее привели к древнейшей культуре присырдарьинских племен эпохи поздней бронзы и оседлых саков, обитавших там в первом тысячелетии до нашей эры.

Многокамерные погребальные сооружения саков (мавзолеи), относящиеся к VIII-III вв. до н.э., были открыты и исследованы в низовьях Сырдарьи, в дельтах его протоков - Жанадарьи и Инкардарьи. Эти древнейшие и монументальные мавзолеи типа Тагискен, Баланды 2, Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла 2, последний - с купольным перекрытием, сложенным из сырцового кирпича,¹ свидетельствуют о том, что древнее население Южного Казахстана владело не только техникой изготовления кирпича-сырца, но и сооружало из него культовые здания сложного решения, имело технический опыт строительства. Несомненно, этот опыт и умение были приобретены в результате возведения жилых и общественных построек, архитектурного оформления поселений и городов.

Археологические данные показывают, что в первой половине I тысячелетия нашей эры ранние укрепленные поселения получают распространение по всей территории Южного Казахстана. Так, в низовьях р. Арысь и Средней Сырдарьи (Отрарский оазис), в предгорьях Таласского Алатау и Каратау зарегистрированы и обследованы сотни поселений. Раскопы, заложенные на городищах Костобе, Пшук-Мардан, Куик-Мардан, выявили топографию поселений, их застройку, определили уровень хозяйственного и культурного развития.

Теперь можно констатировать, что в эволюции южно-казахстанского средневекового города устанавливается генетическая преемственность от ранних поселений I тыс. до н.э. - первой половины I тыс. н.э. до развитого города. Конечно, этот путь развития не был единственно возможным путем зарождения средневекового города. Но полученный вывод принципиально важен для изучения генезиса города и установления традиций и инноваций в его развитии.

В период развитого средневековья Южный Казахстан с Отрарским оазисом становится одним из крупнейших центров городской цивилизации Казахстана и всей Центральной Азии. О масштабах экономического и культурного развития оазиса говорят руины свыше 180 поселений и городов, следы мощной и широко разветвленной оросительной системы. По археологическим данным хронологические пределы жизни Отрара охватывают период с I по XVIII вв. Городище Отрар хранит двухтысячелетнюю историю, как свидетельствуют письменные источники, богатую событиями.

Во-вторых, Отрар являлся крупным центром на Великом Шелковом пути, центром встречи различных культур и цивилизаций: китайской, европейской, восточной; религий - христианской, мусульманской, зороастрийской. Округ Фараб дал человечеству великого ученого-энциклопедиста Абу Насра аль-Фараби. По некоторым сведениям можно предполагать, что в Отраре имелось свое книгохранилище. Отрар был не только центром экономической и культурной жизни, но и центром научной мысли средневекового Казахстана.

Культура Отрара и оазиса оказывала влияние на жизнь всего сырдарьинского региона.

Художественная продукция отрарских ремесленников поступала на рынки городов северных и южных склонов Каратау - Сузака, Кумкента и Икана; среднего течения Сырдарьи - Яссы, Саурана, Сыгнака, Куджана, Аккоргана, Узгена; долины р. Арысь, находившихся на местах городищ, ныне известных под названием Караспантобе, Жуантобе, Шортобе.

Третья причина - географическое расположение Отрара между оседлоземледельческими оазисами Средней Азии и кочевым скотоводческим Дешт-и-Кыпчаком. Именно в этом районе, как нигде больше, еще с глубокой древности происходила инфильтрация племен, смешение и взаимное влияние культур. Если в первых веках до нашей эры началось зарождение оседлого быта и земледельческой культуры, возникновение укрепленных поселений, то, начиная с VI-VIII вв., т.е. со времени переселения сюда тюрок и согдийцев, после занятия тюрками кагана Истеми (560 г.) Согдианы и захвата Або-ханом (587 г.) Бухары, началось бурное развитие урбанизации. В итоге в Южном Казахстане и Жетысу сложилась своеобразная городская цивилизация, в которой четко вычлняются пласты самобытной и элементы пришлой культуры.

В-четвертых, значимость Отрара определяется «кыпчакской проблемой» - культурой кыпчакских племен - обитателей степей Дешт-и-Кыпчак, Причерноморских и Венгерских степей, роль которых в сложении казахского народа, его материальной культуры, языка и в образовании Казахского ханства очень велика.

Через изучение Отрара и других сырдарьинских городов прослеживается расселение кыпчаков, распространение их культуры.

Юг Казахстана, Отрарский оазис и северо-запад Жетысу с глубокой древности были районом зимовок многих и многих скотоводческих племен, а позднее - большинства казахских родов и племен. Это и определило то обстоятельство, что именно здесь начался и завершился процесс консолидации многочисленных племен Казахстана в единый народ. Южный Казахстан - один из центров этногенеза казахов.

В-пятых, значимость древнего Отрара, памятников его оазиса определяется кругом узловых вопросов, без изучения которых не может быть решена проблема генезиса материальной и духовной культуры Казахстана.

Это и тема расселения первобытного человека на территории Евразии и Казахстана, эволюции его культуры как часть общей проблемы антропогенеза и истории расселения человечества на нашей

планете. На юге Казахстана и в Отрарском оазисе до сих пор выявлено мало памятников эпохи бронзы. Между тем изучение памятников южно-казахстанского варианта андроновской и бегазы-дандыбаевской культур имеет глубокое значение для разработки вопросов миграции и исторических судеб андроновских (арийских) племен в Иран и Индию.

В-шестых, Отрар - центр древнетюркской государственности. Понятие собственно «средневековая археология» начинается с VI в., т.е. с так называемого древнетюркского времени, которое в казахстанской науке принято называть временем раннего средневековья.

Высшим этапом развития культуры у древних тюркоязычных племен было государство Караханидов.

В настоящее время можно лишь гадать, какого уровня общественного развития достигло бы Караханидское государство, если бы его процесс не прервала «Отрарская катастрофа» и события, ей предшествующие. Нашествие монголов затормозило не только развитие государства, но, что особенно важно, и процесс консолидации тюркоязычных племен в единые народности.

В-седьмых, значимость Отрара и Отрарского оазиса объясняется еще и тем, что именно здесь сохранились и изучены остатки древней ирригации - каналы, распределители, плотины, остатки полей, огородов, бахчей - орошаемого земледелия.

Изучение их позволило установить динамику развития агрокультуры и ирригационной системы оазиса с эпохи древности до позднего средневековья.

В других государствах центральноазиатского региона остатки древней ирригации не сохранены в связи с бурным развитием сельскохозяйственной деятельности.

Изучение позднесредневековой ирригации Отрарского оазиса свидетельствует о том, что возникновение поливного земледелия связано с внутренними процессами социально-экономического развития местного населения, с его культурой. Становление ирригационной техники имело здесь ряд особенностей по сравнению с другими районами Центральной Азии. Эти особенности были обусловлены своеобразными природно-климатическими условиями, темпами развития общества, его связями с окружающим миром.

Однако историю орошения Отрарского оазиса нельзя рассматривать вне развития орошаемого земледелия сопредельных аридных зон.

Археолого-топографическое изучение остатков оросительных сооружений с применением материалов космо- и аэрофотосъемки свидетельствуют о том, что наиболее развитые формы орошения в Южном Казахстане получают широкое распространение на аллювиальных равнинах. Обследование Отрарского оазиса позволило выделить несколько этапов в истории искусственного орошения этого района, начиная с рубежа нашей эры и кончая XVIII в.

Все вышеперечисленное делает Отрар и Отрарский оазис одним из значимых памятников археологии, истории, архитектуры, палеоэкономики в ряду памятников мирового культурного наследия.

Сразу же наряду с раскопками Отрартобе, где был заложен стратиграфический шурф, начались исследования топографии памятников Отрарского оазиса, среднесырдарьинского региона и предгорьев Каратау. Вслед за работами Хорезмской археологической экспедиции, осуществившей широкие исследования, были проведены беспрецедентные по своему территориальному охвату аэроразведки и осуществлена аэрофотосъемка памятников Отрарского и Туркестанского оазисов, южных и северных склонов Каратау.

Основными объектами многолетних стационарных исследований были выбраны памятники Отрарского оазиса: городища Отрартобе, Костобе, Кок-Мардан, Куйрыктобе, Алтынтобе, Мардан-Куик, Актобе (Бузук); городища северных склонов Каратау: Культобе, Ран; наскальные изображения; Борижарский могильник в долине Арыси, некрополи Конуртобе, Кок-Мардан, Шага в долине Сырдарьи.

В археологических работах ЮККАЭ использовались традиционные и новые методы исследования в археологии.

Широкими рекогносцировками и микроразведками был охвачен весь регион Южного Казахстана. Была составлена археологическая карта размещения памятников, выявлены отдельные группы новых городищ на левом берегу Сырдарьи, на южных и северных склонах Каратау, в долине Арыси.

При изучении памятников применялось визуальное обследование в сочетании с инструментальной съемкой и аэрометодами. При исследовании городищ выполнялись шурфы и разрезы в целях выяснения стратиграфии, хронологии, динамики их развития. На опорных памятниках использовался метод раскопок широкими площадями: сплошного вскрытия жилых кварталов, комплексов ремесленных мастерских, общественных сооружений.

В результате исследований были также получены археологические материалы по древнекаменному веку, эпохе бронзы.²

Изучение памятников древнекаменного века имеет важное значение для понимания процессов заселения Средней Азии и Казахстана, выявления той основы, на которой происходило все последующее развитие самого человека, экономики, общественных отношений, культуры. Находки в районе хребта Каратау имеют важное значение для изучения древнейших периодов развития человека в этом регионе. Большой интерес представляет изучение памятников эпохи мустье, верхнего палеолита, неолита.

В составе ЮККАЭ изучением палеолита и неолита занимался отряд, руководимый Х.А. Алпысбаевым, позднее - Ж.К. Таймагамбетовым. Наиболее ранние по времени орудия были обнаружены на стоянке Кзылкіндык. Она, по мнению исследователей, - один из наиболее ранних памятников шелльско-ашельской эпохи палеолита Южного Казахстана.³

Особое внимание уделялось поискам памятников переходного времени от позднего палеолита к неолиту. Были обнаружены мезолитические и неолитические стоянки Жаначилик I-III, связанные

со второй террасой р. Чаян; мезолитическая стоянка Маятас в районе станции Тимур. Исследована также стоянка Чилик, которая отнесена к неолиту и ранней бронзе, неолитические стоянки Дармене I-IV. Интерес представляет также неолитическое поселение Таскотан.

Было высказано предположение о сосуществовании в эпоху неолита двух культур - для одной из них (стоянка Караунгур) характерно наличие керамики, другая (стоянки Арысь I, II, Дармене, Таскотан) керамики не имела⁴.

Эпоха бронзы - один из наиболее слабо изученных периодов на юге Казахстана. Единственным достаточно полно исследованным памятником андроновской культурной общности остается могильник Таутары, находящийся на северных склонах Каратау.

Позднее был изучен могильник Куюкты в урочище Бес-Арык и Шербай, вблизи г. Туркестан.

Большой научный интерес представляет проблема возникновения и развития земледельческой культуры на юге Казахстана, тесно связанная с «кангуйской» проблемой.

Раскопки цитадели городища Куйрыктобе показали, что в основе ее находилась дворцовая постройка замкового типа, поставленная на пахсовый стилобат высотой 5,5 м со стороны основания приблизительно 60х60 м.

Прослежено два строительных периода VII - первой половины IX в. Организующим ядром всего комплекса помещений цитадели был парадный зал площадью около 160 м². При расчистке завала на полу зала (расчищены два угла и часть центра) в культурном слое толщиной от 0,3 до 0,7 м обнаружены перемешанные с кусками стен и земляной кровлей остатки деревянного перекрытия и уникального деревянного фриза, украшенного высокохудожественной резьбой. Замок погиб от пожара, видимо, в начале IX в. и рухнувшее горевшее перекрытие было законсервировано упавшей кровлей и стенами.

Широкие раскопки, проведенные на городище Отрар по уровню слоев XIII - начала XVII в., позволили получить представление о казахстанском городе поры позднего средневековья.

Топография центрального бугра городища Отрартобе, как показали исследования, сложилась в основных чертах в XIII-XVII вв.⁵

Исследовалась ирригация Отрарского оазиса, кяризное орошение позднесредневекового Саурана.⁶

Крупные по масштабу раскопки проводились и на городище Туркестан на уровне слоев XVII-XIX вв.⁷

Расширение археологических исследований на позднесредневековых городищах, количественное накопление материалов и их большие потенциальные возможности в вопросах выявления многих проблем позднесредневековой истории, привели к признанию специалистами нового направления в науке - позднесредневековой археологии. На Всесоюзном совещании в Алма-Ате в 1981 г. новый раздел археологии был признан официально.⁸

В результате систематических раскопок Отрара и других южно-казахстанских городищ была собрана коллекция монет, которая вместе с находками прежних лет и случайно найденными кладами, послужила основой нового направления для казахстанской науки - нумизматики.

Монеты исследовались не только как датирующий материал, но и как источник для изучения политической и экономической истории Казахстана в древности и средние века, экономических и торговых связей региона с другими культурно-историческими областями Центральной Азии.⁹

Одним из ключевых вопросов казахстанской науки является вопрос о взаимодействии оседлых и кочевых культур, города и степи. Этой теме был посвящен международный симпозиум, проведенный в Алматы в 1987 г., в котором участвовали археологи СССР и Франции.¹⁰

Таким образом, исследования ЮККАЭ составили важный этап в развитии археологии как в части организации полевых исследований, методики раскопок, так и в накоплении материала, приведшего к качественно новому информативному уровню и разработке ряда научных направлений, в том числе и новых.

В связи с обретением в 1991 году Казахстаном независимости, открылись новые горизонты развития страны, в том числе и в науке. В 1991 году был организован Институт археологии им. А.Х. Маргулана в составе Национальной Академии наук Республики Казахстан.

В свете этих важных решений активизируется работа в области археологии, в том числе и полевых исследованиях ЮККАЭ. Расширяется территория исследований, охватывая весь Казахстан.¹¹

В августе 2001 г. между Правительством Республики Казахстан и ЮНЕСКО было подписано Соглашение о «Сохранении и реставрации древнего городища Отрар», включая финансовую помощь, выделяемую через ЮНЕСКО Японским трастовым фондом.

Масштабы археологических раскопок в Отраре, Отрарском оазисе и в Казахстане резко возросли в связи с принятием в 2003 г. программы «Культурное наследие». Необходимость сохранения раскопанных памятников, находящихся под воздействием эрозии и разрушающих природных факторов, делает важнейшим направлением консервационные мероприятия.

В ходе реализации проекта были разработаны и апробированы новые методы консервации, а также подход, предполагающий совмещение археологических работ с последующей консервацией. Методы консервации, разработанные для городища Отрар, применяются и для других памятников региона.¹²

Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция продолжает свои исследования, спустя 40 лет со дня ее организации.

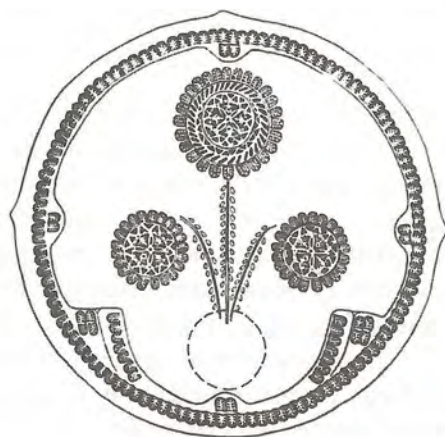
Ее юбилею была посвящена Международная научно-практическая конференция, организованная Институтом археологии, коллективом ЮККАЭ, Отрарским государственным археологическим музеем-заповедником. Она была проведена 18-19 октября 2011

года в районном центре Отрарского района Южно-Казахстанской области - Шаульdere. Доклады участников конференции публикуются в предлагаемом сборнике.

Байпаков К.М.

1. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962. - С. 80-88, 144-152, 165-168, 177-179.
2. Полную библиографию археологических работ в Отраре и Отрарском оазисе до 1986 года см.: Савельева Т.В., Костина Д.М. Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Проблемные исследования Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции 1971-1985 гг. - Алма-Ата, 1986.
3. Алтысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. - Алма-Ата, 1979.
4. Алтысбаев Х.А. Мезолитические и неолитические стоянки Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. - Алма-Ата, 1977. - С. 93-103.
5. Акишев К.А., Байпаков К.М. Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (Топография, стратиграфия, перспективы). - Алма-Ата, 1972.
6. Грошев В.А. Ирригация Отрарского оазиса и Южного Казахстана. - Алма-Ата, 1985; Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана. - Алматы, 1995.
7. Сенигова Т.Н. Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта (XVII-XVIII вв.) // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, 1978. - С. 171-187; Смагулов Е.А., Настич В.Н. Гончарные штампы с надписями XIX в. из Туркестана // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1983. - № 2. - С. 45-50.
8. Тулепбаев Б.А. Вступительное слово // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. - С 3-5; Резолюция. - Там же. - С. 229.
9. Бурнашева Р.З. Монеты Казахстана как один из источников изучения социально-экономического, политического и духовного взаимодействия городов Южного Казахстана и Средней Азии (VII-XII вв.) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, 1989. - С. 367-374.
10. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, 1989. - 464 с.
11. Байпаков К.М. Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи становления археологии // Известия Министерства науки - Академии наук РК. Серия обществ. наук. - 1996. № 2 - С. 3-14.
12. Отрар. ЮНЕСКО, Японский целевой фонд «Сохранение и реставрация древнего городища Отрар». Алматы, 2003.

*І. История изучения
памятников Отрара,
Отрарского оазиса и
Казахстана*

К.М. Байпаков

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОТРАРА, ОТРАРСКОГО ОАЗИСА И КАЗАХСТАНА

В 1904 г. были проведены первые широкие раскопки на городище Отрар.¹ Это были новаторские работы, которые открыли эпоху накопления археологических источников для воссоздания картины древней и средневековой истории региона Казахстана и Средней Азии. Археологические источники, в отличие от письменных, постоянно увеличиваются: делаются все новые и новые открытия, которые меняют представления об истории и культуре того или иного периода. Именно на археологических данных базируются в значительной степени исследования по истории Казахстана, тем более, что количество письменных источников о древнем прошлом и средневековье невелико и поэтому археологические источники являются бесценными в процессе познания истории.

Нарастающая волна новых открытий имеет огромное значение и для развития самой науки археологии. Так случилось и с изучением древнего города Отрара и городов Казахстана. Открытие и изучение их имеет свою историю, а историография исследований позволяет проследить динамику развития исторических знаний.

Историография археологического изучения Отрара – это значимая часть археологии страны, ее основных этапов, их количественных и качественных изменений.

Истории развития археологии Казахстана посвящена значительная литература, в том числе библиографические и историографические исследования с выделением основных периодов развития науки.

Для историографии археологии Отрара характерна следующая динамика развития: начальный этап накопления знаний; период научных исследований, связанный с именем В.В. Бартольда и организованного при его содействии Туркестанского кружка любителей археологии (90-е гг. XIX в. – 1917 г.); послереволюционный этап, который длится до 1946 г.; период с 1946 года – времени создания Академии наук Казахской ССР и организации в ее составе Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Следующий этап – с 1971 г., когда была создана Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция; до 1991 г. – времени получения Казахстаном независимости и современный этап – с 1991 г. до настоящих дней.

Этот раздел не предполагает детальной характеристики всех работ по названной тематике, его задача – дать характеристику тенденций исследований и основных работ.

Начальный этап изучения Отрара. Во второй половине XIX в. в связи с присоединением Казахстана к России и образованием Туркестанского генерал-губернаторства в составе Сырдарьинской (Туркестанской) и Семиреченской областей интерес к новому краю,

его прошлому усиливается. Как писал В.В. Бартольд: «Образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время... вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью было изучение края в географическом, естественноисторическом и статистическом отношениях, благо были приняты меры для изучения быта населения и его прошлого».²

В 1886 г. П.И. Пашино осмотрел развалины Саурана и не согласился с точкой зрения В.В. Вельяминова-Зернова, который отождествил Сауран с Отраром.³

В 1867 г. Среднюю Азию и Казахстан посетил П.И. Лерх. В своем отчете он описал развалины Джанкента, где им были проведены небольшие раскопки, и Саурана, а также привел некоторые сведения письменных источников о сырдарьинских городах.⁴ Хотя об Отраре П.И. Лерх ничего не сообщает, ценность его отчета в том, что в нем имеются данные о городах Туркестана в средние века.

В 1893 г. на вершине сторожевого холма Караул-тобе рядом с селом Мамаевка был найден клад монет в глиняном кувшине.⁵ Часть из них определил А.К. Марков. Оказалось, что большинство монет выпущено в Отраре.⁶ Эти немногочисленные данные определяют начало археологического изучения городища Отрар.

Исключительное значение для развития городской культуры и урбанизации Южного Казахстана и Жетысу сыграла работа В.В. Бартольда «Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью (1893-1894 гг.)». В этой работе выдающийся ученый в возрасте 24-25 лет первым подготовил исследование, в котором сделана успешная попытка соединить сведения письменных источников и археологических наблюдений, которая в свой черед дала начало широкораспространившейся позднее жажде историко-археологического исследования.⁷

Бартольдовский этап и Туркестанский кружок любителей археологии. Следующий период в изучении Отрара связан с деятельностью Туркестанского кружка любителей археологии, организованного в 1895 г.⁸ Грандиозные развалины Отрара не могли привлечь внимания его членов. Уже в 1896 г. Е.Г. Смирнов, описывая памятники нижнего и среднего течения Сырдарьи, сообщает и об Отраре.⁹

В 1898 г. на городище побывал И.Т. Пославский. В небольшой заметке на страницах журнала, издаваемого кружком, он дает характеристику городищу и приводит интересные сведения о подземном потайном ходе, сохранившемся в развалинах Отрар-тобе, сообщает о грабительских раскопках некоего паломника, искавшего здесь «громadne сокровища», о которых он якобы прочитал в священных книгах, будучи в Мекке.¹⁰

В 1899 г. Н.С. Лыкошин публикует статью об Отраре, в которой отождествляет его развалины с городом Хамукатом, основанном выходцами из Бухары, покинувшими ее во время правления Або-кагана (Абруя). Н.С. Лыкошин полагал, что потом Хамукат был переименован

в Фараб, а после одного из набегов кочевников сожжен и назван Утрар-Отрар (от тюркского «ут» – огонь, пепелище).¹¹

Мнение Н.С. Лыкошина не разделял В.В. Бартольд. Он отнес возникновение Отрара к более раннему времени, чем конец VI в., когда произошло переселение жителей Бухары.¹² В 1902 г. члены кружка А.К. Кларе и А.А. Черкасов сняли план городища и вычертили профиль цитадели (основной бугор), а в 1904 г. произвели раскопки на средства Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии.¹³

Были обнаружены остатки строения из сырцового кирпича с полом, выложенным жженым кирпичом. В траншеях 2 и 3, судя по описаниям, выявлены тандыры, остатки конструкций из сырцового и жженого кирпича, «дорожка из крестообразного кирпича», кости животных, а в траншеях 4 и 5 – большое количество глазурованной керамики. Представление о полученных находках можно получить по нескольким опубликованным фотографиям.

Следует отметить, что наиболее полные данные о сырдарьинских городах содержит работа А.И. Кастанье. В ней дан обзор археологических исследований городища Отрар.¹⁴

Изучение Отрара и памятников оазиса в 1946-1970 гг. После революции наступил новый этап в развитии археологии Казахстана. Стали осуществляться планомерные исследования разновременных и разнохарактерных памятников, вести раскопки в различных районах республики. Однако Отрар долгое время оставался вне поля зрения археологов.

И только в 1947 г. Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР совместно с Ленинградским отделением Института материальной культуры (сейчас Институт истории материальной культуры РАН) была организована Южно-Казахстанская археологическая экспедиция (ЮКАЭ). Возглавил ее известный археолог, профессор А.Н. Бернштам.

За шесть лет работ (1946-1951 гг.) экспедиция провела широкую разведку в Южном Казахстане и раскопки ряда памятников.

В статьях, посвященных результатам работ, А.Н. Бернштам наметил несколько узловых проблем, главные из них – пути этногенеза Южного Казахстана в древний и средневековый периоды и роль кангуйских племен в этом процессе. Для разработки и решения данных вопросов он планировал проведение многолетних раскопок памятников материальной культуры Южного Казахстана.¹⁵

Одним из районов работ ЮКАЭ стал Отрарский оазис – «великолепный и выразительный», по словам А.Н. Бернштама, комплекс.

В первый год были обследованы городища Пшакшитобе, Алтынтобе и Куйруктобе, Оксус, Артык-Ата, Кауген-Ата и Сумагартобе.

Датировка городищ определялась в широких пределах: от скифо-сарматского до монголо-тимуридского времени.

Была разработана схема развития типов поселений и выделено восемь разновидностей памятников, которые различались топографией

и хронологически. Так, например, городища в виде многогранника или прямоугольные в плане, были датированы VIII-X вв. и отнесены к периоду господства огузов.¹⁶ Безусловно, столь прямолинейное решение сложных вопросов только на основе топографии памятников неоправданно. Последующие исследования не подтвердили многие из предложенных ранее датировок городищ, что, в свою очередь, исключило их этнополитическую атрибуцию.¹⁷

Керамика, собранная в результате первых разведывательных поездок, описана в работе Е.И. Агеевой. Большой и разнообразный материал был впервые систематизирован и рассмотрен в хронологическом аспекте.¹⁸

Е.И. Агеева разделила подъемную керамику Отрара на хронологические группы.¹⁹ Итоги работ опубликованы в книге Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича.²⁰ В ней освещены вопросы локализации средневековых городов. Специальный раздел посвящен орошению, где обстоятельно описывается система ирригации Отрарского оазиса.²¹

В целом, работа Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича внесла существенный вклад в изучение казахстанских городов и сыграла важную роль в развитии археологии Южного Казахстана.

Большой интерес представляет монография А.Х. Маргулана.²² В ней дана картина развития городской жизни на юге Казахстана, показана роль Отрара в системе караванных путей, намечены связи города и степи. Вся археологическая информация об Отраре, памятниках оазиса, накопленная к концу 50-х гг., была опубликована в Археологической карте Казахстана²³.

На северных склонах Каратау был исследован район, тесно связанный с долиной среднего течения Сырдарьи и в первую очередь с Отрарским оазисом. В результате раскопок поселения Актобе и городища Баба-Ата удалось проследить на данной территории преемственность в развитии материальной культуры с первых веков до XIII в.

Впервые в Казахстане раскопки велись сравнительно в широких масштабах. Основная часть поселения Актобе была вскрыта полностью. Ознакомление с выявленным керамическим материалом, планировкой и архитектурой жилищ, хозяйством населения обогатило науку новыми данными.

Раскопки на цитадели, шахристане и рабаде Бабы-Аты позволили выяснить стратиграфию городища, характер застройки его частей. Найденная здесь в хорошо датированных слоях керамика подтвердила правильность разработанной ранее в основном на материалах городищ Отрарского оазиса хронологической классификации средневековой керамики.

В 1946 г. на юге Казахстана начались исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции²⁴.

Л.М. Левина, рассматривая в своих работах подъемный керамический материал и комплексы керамики из раскопок памятников Отрарского оазиса и Каратау, выделила отрарско-каратаускую культуру, а керамический материал подразделила на три хронологических периода: I-IV, IV-V, VI-VIII вв. Она указывает на близость керамических комплексов джетыасарской, отрарско-каратауской и каунчинской культур.²⁵

В 1969-1970 гг. под руководством К.А. Акишева начались работы Отрарской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Их целью была подготовка городища древнего Отрара к масштабным раскопкам. Она включала в себя маршрутно-поисковые, археолого-топографические работы, аэрофотосъемку и авиаразведку, закладку стратиграфических шурфов и раскопов. Итоги исследований ежегодно публиковались.²⁶

Изучение Отрартобе и памятников Отрарского оазиса в 1971-1991 гг. Постановлением Президиума Академии наук Казахской ССР от 24 декабря 1970 г. была организована Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ), перед которой была поставлена задача изучения древней и средневековой истории Южного Казахстана по данным исследований археологических памятников региона. Комплексность исследований с самого начала предполагала изучение памятников широкого хронологического диапазона – от эпохи камня до XVIII в. В число разрабатываемых направлений включались также древняя ирригация, нумизматика, палеоэтнография, палеозоология, палеоантропология.

Основными объектами многолетних стационарных исследований были выбраны памятники Отрарского оазиса: городища Отрар-тобе, Костобе, Кок-Мардан, Куйрыктобе, могильник Кок-Мардан; городища северных склонов Каратау: Культобе, Ран, наскальные изображения; Борижарский могильник в долине Арыси.

В археологических работах ЮККАЭ использовались традиционные в археологии и новые методы исследования.

Широкими рекогносцировками и микроразведками был охвачен весь регион Южного Казахстана. Была составлена археологическая карта размещения памятников, выявлены отдельные группы новых городищ на левом берегу Сырдарьи, на южных и северных склонах Каратау, в долине Арыси.

При изучении памятников применялось визуальное обследование в сочетании с инструментальной съемкой и аэрометодами. При исследовании городищ применялись шурфы и разрезы в целях выяснения стратиграфии, хронологии, динамики развития. На опорных памятниках использовался метод раскопок широкими площадями: сплошного вскрытия жилых кварталов, комплексов ремесленных мастерских, общественных сооружений.

В 1971-1975 гг. проводились раскопки верхних слоев Отрара, датируемых концом XVI – началом XVIII в. Вскрытая площадь составила около 7 га. В 1970-1982 гг. и 1981-1985 гг. раскапывались участки городской застройки XIII-XVI вв. В эти же годы раскапывались кирпичеобжигательные мастерские XIII-XVI вв.; керамические мастерские в двух строительных горизонтах конца XIII – первой половины XIV вв. и второй половины XIV – первых трех десятилетий XV вв. Изучались общественные постройки: баня XIII-XV вв. и соборная мечеть XV в.

В 1977-1979 гг. на площади в 5000 м² были вскрыты слои городища Кок-Мардан, датированные VI-VII вв.

В 1978-1979 гг. в Отраре раскопаны две бани, датируемые XII – началом XIII в., в 1983-1985 гг. изучалась городская застройка этого же периода.

С 1980 г. велись раскопки городища Куйрыктобе – столицы округа Отрар-Фараб в X-XI вв.

С 1980 г. проводились широкие раскопки центральной части Отрара, на площади 1500 м² изучались слои XII-XVIII вв. Были начаты раскопки юго-восточной части Отрара, где находилась соборная мечеть.

С 1986 г. на городище Алтынтобе проводились широкие раскопки центральной части городища, шахристана и городских стен.

В 1986 г. были начаты и продолжены в 1987 г. раскопки городища Куик-Мардан.

В 1988-1989 гг. рядом с городищем Куик-Мардан были проведены раскопки могильника Конуртобе.

В 1990-1993 гг. продолжались раскопки соборной мечети Отрартобе.

Затем наступает перерыв в работе Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, которая была возобновлена лишь в 1998 г.

Широкие раскопки проводились также на городищах Туркестан (XVIII-XIX вв.), Культобе и Ран на северных склонах Каратау (XVI – начало XVIII в.).

Разведки выявили ряд новых памятников в долине Арыси, на левобережье Сырдарьи, в предгорьях Каратау.

В результате указанных работ были также получены археологические материалы по древнекаменному веку, эпохе бронзы, по средневековой городской культуре, ее связи с земледельческо-скотоводческими культурами конца первых веков до нашей эры – первых веков нашей эры.²⁷

Изучение памятников древнекаменного века имеет важное значение для понимания процессов заселения Средней Азии и Казахстана, выявления той основы, на которой совершалось все последующее развитие самого человека, техники, экономики, общественных отношений, культуры. Находки в районе хребта Каратау (Борыказган, Танирказган, Токалы и др.)²⁸ имеют важное значение для изучения древнейших периодов развития человека в этом регионе. Большой интерес представляет изучение памятников эпохи мустье, верхнего палеолита, неолита.

В составе ЮККАЭ изучением палеолита и неолита занимался отряд, руководимый Х.А. Алпысбаевым. Наиболее ранние по времени орудия были обнаружены на стоянке Кзылкіндык. Она, по мнению исследователей, – один из наиболее ранних памятников шелльско-ашельской эпохи палеолита Южного Казахстана.

Следующая по времени стоянка Жанатас была отнесена к позднему ашельско-мустьерскому времени.²⁹

Особое внимание уделялось поискам памятников переходного времени от позднего палеолита к неолиту. Были обнаружены

мезолитические и неолитические стоянки Жаначилик I-III, связанные со второй террасой р. Чаян; мезолитическая стоянка Маятас в районе станции Тимур. Исследована также стоянка Чилик, которая отнесена к неолиту и ранней бронзе, неолитические стоянки Дармене I-IV. Интерес представляет также неолитическое поселение Таскотан.

Было высказано предположение о сосуществовании в эпоху неолита двух культур – для одной из них (стоянка Караунгур) характерно наличие керамики, другая (стоянки Арысь I, II, Дармене, Таскотан) керамики не имела.³⁰

Эпоха бронзы – один из наиболее слабо изученных периодов на юге Казахстана. Единственным достаточно полно исследованным памятником андроновской культурной общности остается могильник Таутары, находящийся на северных склонах Каратау.

Позднее был изучен могильник Куюкты в урочище Бес-Арык.³¹

Большой научный интерес представляет проблема возникновения и развития земледельческой культуры на юге Казахстана, тесно связанная с «кангюйской» проблемой. Последняя включает целый ряд вопросов, связанных с локализацией государственного объединения Кангюй, хронологией комплексов каунчинской, отрарско-каратауской и джетыасарской культуры, их этнической «атрибуцией».

Кангюйская тематика активно разрабатывалась в ЮККАЭ. Велась поиски и выявление новых поселений на Сырдарье, Арыси. Раскопочные работы проводились на поселении Кок-Мардан, Пшук-Мардан, Костобе, Ботайтобе, Алтынтобе, на могильниках Кок-Мардан, Конуртобе и Коныртобе I, Кырккескен, Алтынтобе, Борижарском.

На левом берегу Сырдарьи центральным памятником эпохи, в том числе и Кангюя, был Оксыз.

Интенсивное развитие кангюйских поселений происходило в первые века нашей эры. Именно к этому времени относятся многочисленные поселения и могильники – основные слои Кок-Мардана и Пшук-Мардана, Алтынтобе Бадамского, могильники Кок-Мардан, Куик-Мардан. Керамика III-V вв. встречается в подъемном материале подавляющего числа памятников.

Наивысший расцвет оседло-земледельческой культуры относится к середине I тысячелетия н.э. В VI-VII вв. число поселений сокращается, большинство их пустеет и гибнет.

Рядовая городская застройка VI – первой половины VIII вв. изучалась на городище Кок-Мардан. Здесь вскрыт массив городской застройки вместе с участками улиц. Удалось выявить систему в группировке отдельных домовладений и выделить кварталы.

Параллельно с изучением городского квартала исследовалось городское жилище, его эволюция.

Погребальные памятники, изученные вблизи Кок-Мардана, Куюк-Мардана, дают представление о нескольких типах погребений. Это, во-первых, курганные могильники с грунтовыми одиночными и коллективными захоронениями в катакомбах с длинными дромосами. Погребенные лежат на спине, ориентация самая разнообразная. Они сопровождаются инвентарем в виде сосудов, оружия, украшений.

Во-вторых, отмечены одиночные захоронения в платформах, а также подбойные и ямные захоронения. Сопровождающий инвентарь – керамика, оружие, украшения. Отмечена локализация детских захоронений в пристройках к платформам. У погребенных отмечается кольцевая деформация черепов.

Состав металлических изделий, встреченных при раскопках поселений и могильников, свидетельствует о развитии кузнечного, медницкого, ювелирного ремесла.

Основой экономической жизни поселений было земледелие в сочетании со скотоводством.

Торговые связи исследуемой области были достаточно развиты. Сырдарья была артерией международных торгово-экономических связей. О торговле с Востоком можно судить по находкам монет и зеркал. Развивались не только торговые международные связи, но и традиционная для области торговля между оседлым и кочевым населением.

В процессе исследований получены материалы, освещающие духовную культуру населения.

Наличие ручек сосудов в виде фигурок животных и прежде всего барана, по мнению исследователей, связано с представлениями о фарне – божественной благодати, счастье.

Вопрос об этнической атрибуции носителей каунчиноидных культур и, в частности, отарско-каратауской, остается малоразработанным и сложным. Исследователями высказано мнение о принадлежности кангюйцев к северо-иранским племенам, этнический облик которых к середине I тысячелетия н.э. стал изменяться под влиянием инфильтрации тюркоязычных этнических групп с востока.³²

Археологические исследования и, в первую очередь, широкомасштабные раскопки дали обширную информацию о структуре города раннего и развитого средневековья, о характере жилища и его эволюции, об общественных постройках, идеологии городского населения.

Раскопки цитадели городища Куйрыктобе показали, что в основе ее находилась дворцовая постройка замкового типа, поставленная на пахсовый стилобат высотой 5,5 м со стороны основания приблизительно 60х60 м.

Прослежено два строительных периода в VII – первой половине IX в. Организующим ядром всего комплекса помещений цитадели был парадный зал площадью около 160 м². При расчистке завала на полу зала (расчищены два угла и часть центра) в культурном слое толщиной от 0,3 до 0,7 м обнаружены перемешанные с кусками стен и земляной кровлей остатки деревянного перекрытия и деревянного фриза, украшенного высокохудожественной резьбой. Замок погиб от пожара, видимо, в начале IX в. и рухнувшее горевшее перекрытие было законсервировано упавшей крышей и стенами.

Нумизматический комплекс состоит из шести монет, найденных на полах, в обмазке помещений, в припольном слое. Монеты двух типов: первый – со львом в круге из перлов на одной стороне и тюркской монограммой «н+уш» (в виде лука) - на обратной. Второй тип – со львом

и монограммой «ат» в виде подставки со скрещенными ножками. Такие монеты, по-видимому, местного чекана, датируются VII-VIII вв.

Датировка дворцового комплекса на Куйруктобе не вызывает сомнения, а материал дает представление о репрезентативном характере дворцовой постройки местного владельца.

Впервые на средневековом городище Казахстана была обнаружена мечеть. Она находилась в центре шахристана городища Куйруктобе.

Мечеть дважды перестраивалась, после запустения города в XIII-XIV вв. была полностью разобрана на кирпичи для возведения погребальных конструкций возникшего здесь мусульманского кладбища.

Среди общественных сооружений средневекового города были бани. Раскопки двух из них, относящихся к XI-XII вв., проведены на рабаде Отрара.

Третья баня, также расположенная на территории рабада Отрара, датируется XIII – началом XV вв.

Широкие раскопки, проведенные на городище Отрар по уровню слоев XIII – начала XVII вв., позволили получить представление о казахстанском городе поры позднего средневековья.

Топография центрального бугра городища Отрартобе, как показали исследования, сложилась в основных чертах в XIII-XVII вв.³³

Жилые постройки конца XIV – начала XV вв. исследовались в центре городища на площади около 1500 м². Объектом исследования стал «квартал», включающий внутриквартальную улицу протяженностью около 40 м и выходящие на нее проходами жилые дома строительного горизонта конца XIV – начала XV вв.

Отношение исследователей к возможностям археологии в изучении позднесредневековых периодов истории того либо иного региона до недавнего времени оставалось неоднозначным.

В свое время А.К. Якубовский писал, что период исторического развития Средней Азии позднее XV в. «выходит за пределы прямых интересов археологии, последняя свое главное внимание сосредотачивает на древней и раннесредневековой истории Средней Азии».³⁴

Этот постулат находился в прямой связи с конкретными исследованиями археологов Средней Азии и Казахстана, которые, как правило, не шли дальше изучения тимуридской керамики, архитектурного декора и памятников архитектуры.

Однако усилиями Г.А. Пугаченковой и других исследователей изучение тимуридской керамики, ее типологии, хронологической классификации, художественных особенностей выделилось в самостоятельное направление археологии и искусствоведения, о чем свидетельствует серия специальных публикаций.³⁵

Параллельно развивалась и другая тенденция – исследование позднесредневекового города. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, руководимая М.Е. Массоном, исследуя городище Нису, включила в сферу своих интересов и объекты XIII-XVIII вв.³⁶

Однако прорывом в изучении позднесредневековой истории и, конкретно, позднесредневекового города, следует считать работы

Хорезмской археолого-этнографической экспедиции на городище Ургенч – раскопки слоев XVI-XVII вв.³⁷ Раскопки были проведены на комплексе южных ворот городища Таш-Кала и на участке, занятом, как выяснилось, торгово-ремесленным кварталом XV-XVII вв.³⁸ Впервые была получена совершенно новая информация, характеризующая жизнь позднесредневекового города Средней Азии, хозяйство и быт горожан. В общую систему хронологической классификации керамики была включена и охарактеризована группа керамики XV-XVII вв.³⁹ Исследования экспедиции в низовьях Сырдарьи охватили также городища и поселения позднего средневековья, в том числе поселения казахов и каракалпаков XVIII-XIX вв.

Изучая города и поселения XIII-XVIII вв. Южного Казахстана и Жетысу, археологи констатировали упадок городской и оседлой культуры в послемонгольское время. Утверждалось, что жизнь на ряде городищ продолжалась в XIII-XV вв.⁴⁰, но какие-либо конкретные исследования по уровню этих слоев не проводились. И лишь в начале 60-х гг. специально организованный археологический отряд приступил к конкретным поискам и раскопкам памятников позднесредневековой оседлой и городской культуры. Исследовались памятники XIII-XVIII вв. в Таласской и Чуйской долинах, на северных склонах Каратау.⁴¹

Исследования позднесредневековых городищ долины Арыси, левобережья Сырдарьи, Туркестанского и Отрарского оазисов провела в 1969-1970 гг. Отрарская археологическая экспедиция.⁴²

Как выше отмечалось, основным объектом раскопок ЮККАЭ было выбрано городище Отрар. В течение многих лет на нем вскрываются слои городища по уровню XIII-XVIII вв. В итоге изучена городская застройка, жилище, общественные постройки, ремесла, торговля, сельское хозяйство.⁴³

Исследована позднесредневековая ирригация Отрарского оазиса⁴⁴, кяризное орошение позднесредневекового Саурана.⁴⁵

Крупные по масштабу раскопки проводились и на городище Туркестан по уровню слоев XVII-XIX вв.⁴⁶

С середины 70-х гг. ведутся раскопки позднесредневековых городков на территории Средней Азии – Бухары⁴⁷, исследования позднесредневековых слоев Ходжента⁴⁸ и Шахрухии.⁴⁹

Расширение археологических исследований на позднесредневековых городищах, количественное накопление материалов и их большие потенциальные возможности в вопросах выявления многих проблем позднесредневековой истории привели к признанию специалистами нового направления в науке – позднесредневековой археологии. На Всесоюзном совещании в Алма-Ате в 1981 г. новый раздел археологии был признан официально.

Совещание «Проблемы исследования средневековой археологии Казахстана и Средней Азии XIII-XVIII вв.» было организовано Академией наук АН КазССР, Институтом археологии АН СССР, Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана. Оно было посвящено актуальным проблемам истории, археологии

и палеоэтнографии, культуры Средней Азии и Казахстана периода позднего средневековья.

Разработка методики раскопок средневековых городов, точное хронологическое определение массового материала позволили по-новому подойти к изучению динамики исторического развития Мерва, Самарканда, Бухары, Ташкента, Ходжента, Отрара и многих других городских центров.

Позднесредневековая археология выделилась в особый раздел археологической науки. Этому способствовали интенсивные исследования археологических памятников XIII-XVIII вв. в Казахстане (раскопки Отрара), в Таджикистане (раскопки Ходжента), в Узбекистане (раскопки Бухары), в Поволжье (раскопки золотоордынских городов).

Таким образом, стало ясно, что возможности археологии в изучении исторического процесса в Казахстане и Средней Азии, в исследовании материальной культуры, социальных отношений распространяются и на период XIII-XIX вв.⁵⁰

Раскопки позднесредневековых городов Южного Казахстана дали большой материал, который публиковался, анализировался в монографиях и многочисленных статьях, диссертационных исследованиях.

В Отрартобе прослежена традиционная на протяжении 400 лет (XIII-XVII вв.) застройка, формировавшаяся в границах квартала при подвижной планировке и площади отдельных домовладений.⁵¹

Кварталы XVI – начала XVIII вв. в основном совпадают с кварталами более раннего периода. Сохранилась преемственность в типах жилищ.⁵²

Исследование пригородной территории позволило установить динамику ее развития в послемонгольское время. Выяснилось, что к концу XIII – началу XIV вв. город занимал всю площадь в границах домонгольского рабада. Сокращение ее начинается во второй половине XV в. К началу XVI в. жизнь города концентрируется лишь на небольшом участке у южных ворот. Здесь раскопана гончарная мастерская и мастерская по производству алебаstra. Раскопки показали, что в пригородной территории сосредоточено ремесленное производство. Так, в южной части раскопаны мастерская и жилище кирпичника.

Гончарное производство на Отраре было сосредоточено в восточной части пригорода. Здесь на поверхности концентрируются остатки керамических шлаков, бракованные гончарные изделия, прослеживаются западины гончарных печей. Общие размеры гончарного квартала около 1,5 га (100x150 м).⁵³

В пригороде Отрара раскопана общественная баня. Она была расположена на берегу водохранилища в 200 м западнее южного въезда.

Как известно, существуют две точки зрения о времени возрождения города после монгольского завоевания.

По мнению В.В. Бартольда, поворотным пунктом в подъеме экономики Средней Азии и юга Казахстана явилась денежная реформа

Кебека. Он писал: «Кебеку принадлежит введение в Чагатайском ханстве общегосударственной монеты, причем была принята та же монетная система, как в Персии и Золотой Орде».⁵⁴

Иных взглядов придерживается Е.А. Давидович. Она считает, что переломной и наиболее важной денежной реформой в Средней Азии, на юге Казахстана и в Жетысу была реформа купца-правителя Масудбека, выдвигавшаяся в 1271 г. и «не вторую четверть XIV в., а последнюю четверть XIII в. можно считать временем, когда для частичного восстановления городской жизни и денежной торговли Средней Азии созрели прочные и достаточно благоприятные условия». Рост в Отраре ремесленного производства и в первую очередь кирпичеобжигательного, подъем гончарства в последнюю треть XIII в. подтверждают точку зрения Е.А. Давидович.⁵⁵

В это же время наблюдается оживление сельскохозяйственной жизни. Пространство вокруг Отрара в четырехугольнике между городищами Отрар – Куйруктобе – Алтын-тобе – Мардан-Куюк сплошь занято сельскими усадьбами, агроирригационными планировками, каналами.

Материальная культура города, известная по коллекциям керамики, изделий из металла, кости, камня, показывает, что в XIII-XIV вв. Отрар являлся высокоразвитым центром ремесла и торговли.

Выяснилось, что Отрар с раннего средневековья был традиционным местом чеканки монеты. Особенно интенсивно действовал монетный двор города в последней четверти XIII в. В Отраре, в отличие от большинства других городов, денежное хозяйство было представлено полным комплексом денежных единиц – золотыми динарами, медными посеребренными дирхемами и медными фельсами, обслуживавшими все сферы экономической деятельности.

Сложилось представление о топографической структуре города, ремесленном производстве, денежном обращении. Намечена социальная стратификация населения, выяснены занятия горожан, получены данные по этническому составу населения. Близкие параллели прослеживаются при сопоставлении культуры Отрара с культурой позднесредневековых городов Средней Азии, что позволяет говорить об общности развития культуры всего казахстанско-среднеазиатского региона.

Вместе с тем для южно-казахстанского города отмечено сохранение многих своеобразных черт в характере городской застройки, жилья, в керамическом производстве, обусловленных тесными связями со степью.

Одним из важнейших социологических аспектов изучения средневековых городов и поселений является демографическое исследование населения определенного города.

Широкие раскопки Отрара позволяют достаточно уверенно определить количество его жителей.

При типовой однородности жилищ позднесредневекового Отрара выделяются дома зажиточного, рядового и бедного населения.

Отмечается ремесленная специализация некоторых кварталов позднесредневекового Отрара. В северо-восточной части города располагался квартал, где жили гончары.

Судя по обилию шлаков, связанных с производством металла, ямам с древесным углем, в некоторых домах Отрара находились мастерские по выплавке металла, производству изделий из железа. В одном из домов обнаружены остатки ткацкого станка, сгнившие куски ткани. Судя по целому ряду небольших помещений со стороны улицы, входивших в состав многокомнатных домовладений – торговых лавок, видимо, были кварталы, специализировавшиеся на торговле.

Одним из направлений экспедиционных исследований было изучение древней ирригации и орошаемого земледелия, составлявших основу оседлой цивилизации и городской культуры Южного Казахстана. Ставились вопросы, связанные с исследованием динамики развития орошаемого земледелия, его связи с политической, социально-экономической и культурной жизнью области.

В итоге по накопленным материалам была составлена картина развития ирригации в Отрарском оазисе.⁵⁶

В результате систематических раскопок Отрара и других южно-казахстанских городищ была собрана коллекция монет, которые вместе с находками прежних лет и случайно найденными кладами послужили основой нового направления для казахстанской науки – нумизматики.

Монеты исследовались не только как датирующий материал, но и как источник для изучения политической и экономической истории Казахстана в средние века, экономических и торговых связей региона с другими культурно-историческими областями Центральной Азии. Впервые была собрана многочисленная группа раннесредневековых монет, чеканенных в Отрарском оазисе местными тюркскими правителями. Находки на Отраре согдийских монет VII в., древнетюркских конца VII в., чачских начала VIII в., китайских монет династии Тан и бухарских свидетельствуют о широких международных торговых связях Отрара.

Как известно по письменным источникам, во второй половине IX в. Отрарский оазис и Южный Казахстан попадают в сферу политического и экономического влияния Саманидов. Теперь этот факт подтвержден находками на Средней Сырдарье саманидских фельсов конца IX – первой трети X вв. из Самарканда, Уструшаны, Шаша и Бухары, а также находками монет, чеканенных в Отраре с именем Саманида Насра б. Ахмеда, ранее известных в кладах.

В пору наивысшего подъема городской жизни монетные дворы функционировали в Отраре и Испиджабе. Интересны новые находки медных посеребренных дирхемов двух номиналов. Находки отрарских (фарабских) монет известны в кладах, найденных далеко за пределами округа. Находки монет в Жамбыле вызвали к жизни гипотезу о вхождении в состав округа Фараб во второй половине XII – начале XIII вв. Тараза. В промежутке между 1210/11 и 1216/17 гг. в Отраре чеканится монета от имени хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша. Интересна эмиссия монет того же Мухаммеда б. Текеша в Яссы, видимо, преследовавшая политические цели.

За время работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции наиболее интенсивно шло накопление

нумизматического материала раннемонгольского времени (1251/52-1264/65 гг.). Как показывает анализ монет этого времени, восстановление экономики и торговли области произошло в сравнительно короткий срок, и уже с середины XII в. здесь была налажена регулярная чеканка монет. Выяснилось, что Отрар – единственный из городов Средней Азии и Казахстана, выпускавший монеты трех номиналов (динары, дирхемы и фельсы). О широких международных связях города в области свидетельствует находка серебряного денежно-вещевого клада, содержащего в составе серебряные изделия и вещи Малой Азии, Крыма, Поволжья и Восточного Туркестана. Клад был накоплен до реформы Масудбека.

Многочисленные находки медных монет в раскопках на Отраре, чеканенных в Самарканде, Бухаре, Андигане, свидетельствуют о значительном подъеме экономики и товарно-денежных отношений в сырдарьинском регионе во время вхождения Отрара, Сыгнака, Туркестана, Саурана и других городов в состав империи Тимура. Интенсивные связи Отрара с областями, входившими в состав государства Тимура, а позднее тимуридов, иллюстрирует клад серебряных монет, состоящий из монет Астрабада, Герата, Йезда, Кашана, Кума, Сабзевера. К началу XV в. относится медный отрарский чекан Улугбека (1415-1416 гг.).

Еще более значительным в развитии экономики сырдарьинских городов был период середины XV – первой четверти XVI вв. Медные монеты, выпущенные в Самарканде, Хисаре, Ташкенте, Кундузе, распространены в монетных материалах с Отрара и других городских центров Южного Казахстана.

На следующем этапе до середины XVII в. в денежном хозяйстве Отрара преобладает медный чекан Туркестана, Ташкента. Медные монеты – некачественной чеканки. Этот период (XVI-XVIII вв.), связанный с историей Казахского ханства, пока наиболее слабо изучен ввиду некачественности монет, их малой информативности.

Интересен для периода второй половины XVII в. отмеченный факт проникновения на городские рынки Южного Казахстана медных копеек с именем царя Алексея Михайловича, чеканенных в 1655-1663 гг.

Эпиграфические находки при раскопках городищ, некрополей стимулировали появление работ, посвященных анализу, характеристике, датировке надписей и предметов с надписями.⁵⁷

Развивается изучение технологических особенностей керамики южно-казахстанских городов и на базе большого числа анализов определение прогрессивных явлений в гончарном ремесле, его организации.

Интересны работы, посвященные анализу знаковой символики на керамике Южного Казахстана.

Результативными были палеоэтнографические исследования материальной культуры казахов XV-XVIII вв. Основной выявленный материал относился к XVIII-XIX вв. – это зимовки, жилища, керамика.⁵⁸

Многие культурные достижения поры средневековья составили основу материальной культуры казахов. Городское население Южного Казахстана также участвовало в этногенезе казахского народа. Этнические процессы в городах Южного Казахстана, проблемы оседания казахов в городах вместе с проблемами этногенеза, начиная с эпохи саков и кангюев, явились одним из важных научных направлений ЮККАЭ.

Одним из ключевых вопросов казахстанской науки является вопрос о взаимодействии оседлых и кочевых культур, города и степи. Этой теме был посвящен международный симпозиум, проведенный в Алматы в 1987 г., в котором участвовали археологи СССР и Франции.

Мир оседлых культур и мир номадов реально отражают многообразие формопроявлений мировой истории, причем каждый со своей спецификой – от социально-политической структуры до темпов исторического развития. Достаточно вспомнить дискуссии о номадах как изначально прогрессивном или, наоборот, неизменно регрессивном явлении в историческом процессе. Наиболее перспективно рассмотрение проблемы о перманентном взаимодействии двух историко-культурных ареалов, многообразии форм и типов взаимодействий, эпохальных изменениях и диалектической противоречивости.

Материалы симпозиума отражали стремление научных коллективов и отдельных ученых сосредоточить внимание, в первую очередь, на этих аспектах и особенностях.

Тема «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» стала предметом специальной конференции не случайно. Необходимость рассмотрения накопленных знаний по древней и средневековой археологии и истории Центральной Азии именно под таким углом зрения была продиктована всем ходом развития исторической науки, решительно отказавшейся от устоявшихся стереотипов в трактовке этой проблемы. Рассматривая взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций как объективный процесс, детерминированный историческим разделением труда и сложившимися в эпоху становления производящего хозяйства различными хозяйственно-культурными типами, научное знание ощущало острую потребность в выявлении основных закономерностей межкультурного взаимодействия на различных этапах развития человеческого общества и в изучении региональных особенностей этого процесса. Симпозиум имел целью активизировать исследователей в конкретно-исторической разработке проблем взаимодействия, организовать обмен идеями, методологическими разработками теоретического плана, а также результатами исследований всевозможных аспектов этой проблемы.

Представительный состав участников также продемонстрировал огромный интерес к затронутой проблеме научной общественности нашей страны. На заседаниях присутствовали исследователи из Института археологии АН СССР (Москва, Ленинград), Института археологии АН УзССР (Самарканд), Института искусствознания Министерства культуры УзССР (Ташкент), Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (Душанбе, Пенджикент),

Института истории КиргССР (Фрунзе), Института археологии и этнографии АН АрмССР (Ереван), Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (Алма-Ата), Ташкентского, Казахского, Карагандинского, Челябинского, Кемеровского Госуниверситетов, педагогических институтов и областных музеев Казахстана, Института «Казпроектреставрация» Министерства культуры Казахской ССР.

Участие в симпозиуме группы французских специалистов из Национального центра научных исследований во главе с проф. А.-П. Франкфором, подготовивших серию научных докладов, свидетельствовало о международном сотрудничестве.

Большинство докладов и сообщений содержало разработки по важнейшим направлениям данной научной проблемы: общие закономерности взаимодействия; взаимодействие и социально-экономическое развитие; взаимодействие и культурный процесс; взаимодействие и этническая история; взаимодействие и духовное производство.

Важный результат симпозиума – обнародование значительных успехов в сфере накопления нового материала, что позволило в вопросе взаимодействия кочевников и древних цивилизаций исследовать археологическом материале и перейти от общих установок к конкретным историческим разработкам. Открылись перспективы совершенствования приемов интерпретационных построений, и здесь большое значение имели, в частности, работы французской школы теоретической археологии.

В центре ряда статей стояла проблема города и степи, традиционная для истории и археологии Средней Азии и Казахстана. Важна была постановка вопроса об археологических признаках кочевничества. Огромный археологический материал требует неустанного совершенствования самой процедуры его использования в исторических построениях. Вместе с тем следует иметь в виду, что набор специфических артефактов в таком случае на объяснительном уровне должен определяться образом жизни как устойчивой специфической системой, выработанной в данной среде. Хорошо зарекомендовавшее и в целом продуктивное привлечение к трактовке археологических материалов данных этнографии должно идти не по пути отдельных выхваченных аналогий, а по пути комплексного анализа и моделирования. В этом отношении направление, именуемое «этноархеологией», представляет несомненный интерес.

В науке несколько ослаблено внимание к социально-экономической проблематике кочевых обществ, формационная природа которых требует дальнейшего анализа и творческих дискуссий. Существует терминологическая разнобой в определении кочевников, пастухов, «неоседлых скотоводов». В целом наметилась тенденция определять скотоводческо-земледельческие культуры степной бронзы как пастушеские и именовать кочевыми культуры, формирующиеся после широкого освоения верхового коня. Расширительное использование термина «номады» вплоть до эпохи неолита, принятое,

в частности, французскими учеными, в определенной мере гасит эпохальную специфику.

Ряд докладов был посвящен интерпретации материалов из раскопок Отрара, как центра активного взаимодействия городских и степных цивилизаций.⁵⁹

Таким образом, исследования ЮККАЭ составили важный этап в развитии археологии как в части организации полевых исследований, методики раскопок, так и в накоплении материала, приведшего к качественно новому информативному уровню и разработке ряда новых научных направлений, что нашло широкое отражение в проанализированной научной литературе.

Вполне закономерно, что накопление материала по топографии городов оазиса и самому Отрару на базе широких раскопок; объем данных по домостроительству и архитектуре; нумизматике, ремеслах, торговле послужили закономерной причиной появления обобщающих работ, которые подвели итоги двадцатилетнего цикла масштабных археологических исследований.

В первую очередь, следует назвать три коллективных монографии, посвященные исследованиям Отрара.⁶⁰

Первая из них была, по сути дела, программной и базировалась на материалах исследований Отрара и Отрарского оазиса в 1969-1971 гг.

Особо важные наблюдения получены в крупном стратиграфическом раскопе на «центральной бугре» (шахристане). Его местоположение оказалось весьма удачным. Этот раскоп позволил установить смену культурных наслоений и строительных горизонтов на протяжении почти полутора тысячелетий – от IV-VI вв. до XVII-XVIII вв. включительно.

Добытые материалы были тщательно описаны и проиллюстрированы четко выполненными многочисленными графическими рисунками и фотографиями. Привлеченный сравнительный материал из других районов Средней Азии и Казахстана убеждает в правильности предложенных датировок.

Одновременно с раскопками городища было проведено обследование многочисленных памятников древности всего «Отрарского оазиса и его Каратауской периферии» с целью изучения их топографии и хронологии. Раскопки на ряде памятников позволили уточнить данные предшествующих исследований района, как в смысле количества учтенных памятников, так и их характеристики. Полученные материалы свидетельствуют, в частности, о том, что оседлая культура в этом районе восходит к первым векам н.э. Особую роль сыграли аэрофотосъемки, с помощью которых были обнаружены следы ирригационных систем, едва уловимые при наземном обследовании.

Проблема этнической атрибуции памятников рассматривалась в свете данных письменных источников и тех материалов, которые получены археологическими исследованиями. Привлекались также материалы по современной топонимике и этнонимике.

Был аргументирован общий вывод об определенном своеобразии археологических материалов исследуемого района.

Отрарский оазис в большей мере, чем другие районы Казахстана, дает возможность изучить взаимосвязанность оседлой и кочевой культур – проблемы, актуальной для обширнейшей степной зоны. Исследования в южных районах Казахстана важны для выяснения реальных культурно-исторических связей с соседними областями Средней Азии в разные эпохи. Изучение Отрара актуально также для решения вопроса о развитии городской жизни в Казахстане, в частности, в позднем средневековье (XV-XVIII вв.).

В целом книга, посвященная первым результатам изучения Отрарского оазиса, получила высокую оценку.⁶¹

Вторая монография была посвящена раскопкам слоев XVI-XVIII вв. на городище Отрар, изучению топографии позднесредневекового города, его жилищу, ремеслам, вопросам социально-экономических отношений. Важной ее частью явилось приложение «Каталог монет», выполненный Р.З. Бурнашевой.⁶²

Монография явилась, по сути дела, первой фундаментальной работой, посвященной археологии позднесредневекового города Средней Азии и Казахстана.

Третья монография также явилась новационной в части хронологического периода. Эпоха XIII-XV вв., или монголо-тимуридское время, до этого никогда в казахстанской археологии не была предметом внимания исследователей, хотя отдельные аспекты ее исследования затрагивались. Следует отметить нумизматические обзоры и изучение монет XIII-XV вв.⁶³ Это также небольшие раскопки на городищах Сарайчик в Западном Казахстане,⁶⁴ раскопки верхних слоев городища Баба-Ата, датированные XIII-XIV вв.⁶⁵

Более значимые результаты были получены Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в восточном Приаралье, где проводились исследования городищ Дженд, Асанас и ряда поселений золотоордынского периода⁶⁶.

Существенную роль в вопросах изучения культуры южно-казахстанских городов XIII-XIV вв. как части большой евразийской проблемы, связанной с историей Золотой Орды и сложением ее городской культуры, сыграла статья Л.Б. Ермакова, опубликованная в 1970 г.⁶⁷

Исследование Отрара и городищ оазиса по уровню слоев XIII-XV вв. послужило отправной точкой изучения города эпохи монгольской империи, Джагатаидов, Джучидов и Акорды. Это время имеет исключительно важное значение для понимания образования и формирования Казахского ханства и этногенетических проблемах на юге Казахстана в XIII-XV вв.

Достоинством монографии является приложение в виде каталога монет, собранных на Отраре в 1979-1985 гг.⁶⁸

Определенное значение для воссоздания средневековой истории Отрара и Отрарского оазиса, а также Южного Казахстана сыграла монография К.М. Байпакова, посвященная изучению городской культуры Южного Казахстана и Семиречья.⁶⁹

В монографии на базе накопленного материала рассматривались вопросы формирования города в эпоху средних веков: VI–начала XIII вв.; обобщены материалы по топографии городищ, домостроительству, ремеслам, развитию культуры.

Одной из рассматриваемых в работе проблем явилась преемственность в развитии культуры первой половины I тыс. н.э. и культуры средневековой.

Раскопки городищ кангюйского времени, а также некрополей этого же периода привели к решению ряда вопросов «кангюйской проблемы».

Большое значение в исследовании вопросов кангюйского времени сыграла работа Л.М. Левиной, посвященная керамике нижней и средней Сырдарьи.⁷⁰

В монографии Л.М. Левиной проведено исследование массового археологического материала – керамики, полученной из раскопок и путем сборов на памятниках, расположенных по нижнему и среднему течению Сырдарьи. Это был первый сводный труд по классификации и датировке керамики I тысячелетия н.э. долины Сырдарьи. В книге на основе сравнения керамических комплексов выделены три региона с распространенными в них тремя культурами: джетыасарской, каунчинской и отрарско-каратауской.

Большое внимание в книге уделено керамике отрарско-каратауской культуры, впервые выделенной А.Н. Бернштамом под именем кангюйско-каратауской⁷¹. Трудности датировки керамики из районов распространения памятников этой культуры вполне понятны. Широкие раскопки здесь почти не проводились, и керамика в большинстве своем была подъемная. Хронологическая периодизация ее, предложенная в свое время Е.И. Агеевой, в значительной мере устарела.⁷²

Поэтому была вполне оправданна попытка автора дать новую датировку керамики Тек-Турмаса, Ак-тобе, Алтынтау, Тарса-тобе и других хорошо известных по прежним исследованиям памятников. Вполне убедительно предлагались более узкие хронологические рамки для керамики из единственного раскопанного поселения Ак-тобе Баба-атинского, ранее датированного в пределах III в. до н.э. – III в. н.э.⁷³ Были новые даты, ставился акцент на хорошо датированные керамические комплексы джетыасарской и каунчинской культур.

Был опубликован подъемный керамический материал с некоторых памятников, обследованных в 1968 г. маршрутным отрядом Хорезмской экспедиции. В Отрарском оазисе это Маслахат-тобе, Ак-тобе и Шошак-тобе.

Обследованы и предварительно датированы тобе с ранней керамикой из района Туркестана, Яны-Кургана и левобережье Сырдарьи. Публикации материала свидетельствуют об общем сходстве керамики с этих иногда значительно удаленных друг от друга памятников.

В конце главы предлагается деление керамики отрарско-каратауской культуры по трем этапам: I-IV, IV-VI и VII-VIII вв.

Книга дает полное и четкое представление о керамике зардариьинских памятников I тысячелетия н.э.

Позднее, спустя 20 лет, в монографии К.М. Байпакова и А.Н. Подушкина была дана характеристика поселений Отрарского оазиса и их хронология. Описаны квартальная застройка и городища Кок-Мардана; храмовые комплексы. Дана типология и хронология керамики, а также рассмотрены, вопросы этногенеза как части «кангюйской проблемы».⁷⁴

Эти же вопросы рассматривались и в монографии К.М. Байпакова, посвященной памятникам Отрарского оазиса, среди которых были городище Кок-Мардан, могильник Кок-Мардан, городище Куик-Мардан.⁷⁵

В частности в разделах, посвященных раскопкам городища Куик-Мардан, дана характеристика раскопок городских кварталов IV-VI и VI-VIII вв. Материалы, проанализированные в монографии, позволили поставить вопросы исторической этнографии Отрарского оазиса, сопоставить раннесредневековые комплексы VII-VIII вв. с кангарами, печенегами.⁷⁶

Следует отметить и раскопки могильника Конуртобе, расположенного рядом с Куик-Марданом, давшим специфический обряд погребения и комплекс керамики I-IV вв., характерный для второго этапа отрарско-каратауской культуры. Частично эти материалы были опубликованы в вышеназванной монографии, частично в серии статей.⁷⁷

В монографии К.М. Байпакова рассмотрен также ряд вопросов палеоэтнографического плана, а также проанализированы материалы из раскопок памятников оазиса, связанные с функциями городов – ремеслом, торговлей, сельским хозяйством и культурой.

Вопросам гончарного ремесла Отрара была посвящена монография М. Кожаева, в которой он характеризует раскопки гончарных мастерских XIII-XV вв., расположенных неподалеку от Отрара в 1 км юго-западнее в местности Мыншукур. Автор, во многом опираясь на раскопки мастерских в пригороде Отрара,⁷⁸ характеризует устройство гончарных печей, описывает керамические комплексы.⁷⁹

Публикации высокохудожественной керамике Отрара и Отрарского оазиса был посвящен альбом, который содержал наиболее интересные в художественном отношении гончарные изделия. Анализ керамических изделий позволил подтвердить вышесказанную исследователями мысль о существовании отрарской школы керамистов.⁸⁰

Многолетние исследования ирригации Отрарского оазиса нашли отражение в монографии В.А. Грошева.⁸¹ Книга посвящена комплексному изучению ирригации оазиса на основе археолого-топографического обследования оросительных систем и поселений, на базе полевых археологических работ и аэрометодов. В свое время академик Б.А. Рыбаков очень образно назвал «воздушную археологию» «окрыленной археологией». Действительно, аэрофотосъемка – серия плановых снимков разного масштаба дает наиболее точное документальное изображение всех следов человеческой деятельности на земной поверхности, нередко даже скрытых под современным

почвенно-растительным покровом. Важной проблемой для Средней Азии и Казахстана – территории с аридным климатом, где земледелие было основано преимущественно на искусственном орошении, является изучение истории орошения крупных оазисов.

В работе описываются основные водные источники и природа края, отражены основные этапы возникновения и развития ирригации Южного Казахстана, ирригационная техника и система водоснабжения Отрара; изучение ирригации левого берега Сырдарьи, южных и северных склонов Каратау; общие вопросы роли и значения ирригации в хозяйственной и общественной жизни городов Южного Казахстана.

Автору удалось разработать общую схему развития ирригации: от лиманных форм дельтовой ирригации и использования стариц в древности до развитых, классических форм ирригации (с VII по IX вв. н.э.), расцвета систем орошения (в X – начале XIII вв.), гибели многих поселений и запустения каналов при нашествии монголов; нового подъема ирригации с XVI по первую половину XVII вв. и, наконец, период последующего упадка.

Такой широкий хронологический охват и системный подход являются большим достоинством работы, они и предопределили успешное решение вопросов динамики развития ирригации в разных ландшафтных зонах Южного Казахстана.

Автор проследил зависимость развития ирригации от социально-политической обстановки в регионе. Достоинством работы является изложение фактов развития техники ирригации и судеб систем орошения на широком историческом фоне.

Результаты исследований памятников Отрарского оазиса были также обобщены и опубликованы в монументальном издании «Свод памятников истории и культуры Казахстана». Памятники археологии Кзылкумского района вошли в реестр Свода. Каждому из них посвящена статья с фотографиями и планами, историей открытия и изучения. Свод является своеобразной энциклопедией памятников, способствует охране культурного наследия.⁸²

В 1987 г. на 24-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО был одобрен Международный проект по комплексному изучению Великого Шелкового пути. Инициатива принадлежит Греции, Египту, Индонезии, Италии, КНР, МНР, Оману, Португалии, Шри-Ланке и бывшему СССР. Осуществляются две крупные программы: «Окружающая человека среда, ресурсы земли и моря» и «Культура и будущее».

Как известно, Шелковый путь – система караванных дорог, которые в древности и средневековье пересекали Евразию от Средиземноморья до Китая и служили истоками возникновения и развития торговых и культурных связей народов, государств, регионов, находившихся в зоне этого пути. Вот почему осуществление данного проекта означает, прежде всего, поиски ответа на вопрос: как реализовывался первый в истории человечества мирный контакт между народами Востока и Запада. Кроме того, исследования Великого Шелкового пути призваны поддержать научное и культурное сотрудничество между учеными стран, входивших когда-то в регионы влияния древнего пути.

Наиболее полная оценка стоящих перед исследователями задач была дана Генеральным директором ЮНЕСКО Федерико Майором: «Шелковый путь, проходивший через степи, моря и пустыни, предоставлял великолепную возможность для установления контактов и диалога, способствовал возможности взаимного обогащения выдающихся цивилизаций. Цель проекта комплексного исследования Шелкового пути – содействовать тому, чтобы народы осознали необходимость возобновить диалог, воспользовались имеющей историческое значение возможностью взаимопонимания, общения и взаимного обогащения цивилизаций, расположенных вдоль этого пути».

В Казахстане в рамках реализации проекта ЮНЕСКО был создан Национальный комитет Республики Казахстан «Шелковый путь» (апрель 1991 г.), который вскоре же (совместно с ЮНЕСКО) провел международную экспедицию по степному участку Шелкового пути, когда-то проходившему и через Казахстан. Участники путешествия побывали в районах Сырдарьи и Жетысу, обследовали древние и средневековые городища – Отрар и Туркестан, поселения урочища Джетыасар, грандиозные сакские могильники Джетытобе, Тальхир, Иссык, Кегень, уникальное святилище Тамгалы-Тас.⁸³

Археологи Казахстана вели свои исследования по программе, которая в системе Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан была утверждена под названием «Великий Шелковый путь: взаимодействие кочевых и оседлых культур». Разработанная тематика учитывала такие проблемы, как развитие средневековой урбанизации; культурное взаимодействие стран, народов и цивилизаций в древности и средневековье; трассы Шелкового пути. Тем самым удалось объединить такие исследования, которые уже много лет велись археологами Казахстана в русле изучения древней и средневековой истории и археологии страны, и интегрировать разные фундаментальные научные направления. Исследования, которые проводили по программе Великий Шелковый путь, были конкретно связаны с изучением главных трасс Великого Шелкового пути, его ответвлений, городов на трассах; распространением товаров, культурных эталонов и религий. По теме Великий Шелковый путь и роли на нем Отрара и Отрарского оазиса был опубликован ряд статей и монографий.⁸⁴ Был издан также альбом, где собраны фотографии городов на Шелковом пути, их раскопок и замечательные изделия, найденные там.⁸⁵

Археология в Независимом Казахстане. В 1991 г. произошли значительные изменения в организации академической археологии, в Независимом Казахстане.

Постановлением Кабинета Министров Республики Казахстан №496 от 28 августа 1991 г. и Постановлением Президиума Республики Казахстан №73 от 6 сентября 1991 г. на базе Археологического центра Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР был создан Институт археологии, которому присвоено имя выдающегося ученого, академика А.Х. Маргулана.

В центре внимания республики Казахстан были поставлены вопросы идеологии, культурной стратегии и науки. В 1995 г. Национальным советом по государственной политике при Президенте РК утверждена Концепция исторического сознания Республики Казахстан, 1998 год был объявлен Годом национального единства и национальной истории. В феврале 1998 г. Указом Президента утверждена государственная программа РК «Возрождение исторических центров Шелкового пути, сохранение и преемственное развитие культурного наследия тюркоязычных государств, создание инфраструктуры туризма», включающая комплекс мероприятий по исследованию, музеефикации, консервации, восстановлению памятников историко-культурного наследия. Указом Президента РК 2002 год был объявлен Годом поддержки культуры, в 2004 г. Указом Президента была принята Государственная программа «Культурное наследие».⁸⁶

Ежегодно в процессе археологического исследования памятников появлялись и появляются новые материалы, несущие дополнительную информацию. Пополнение фондов и расширение информационного поля являются необходимым и обязательным звеном в процессе археологических исследований. Казахстанской археологией накоплена значительная источниковая база, позволяющая разрабатывать и совершенствовать типологию и классификацию памятников, выделять новые археологические культуры, хозяйственно-культурные типы, историко-культурные общности, успешно решать вопросы хронологии и периодизации. Археологические источники являются важнейшей основой для восстановления исторической картины древней и средневековой истории Казахстана в широких хронологических рамках от палеолита до позднего средневековья.

Важное значение в проведении сплошного обследования территории Казахстана и ширококомасштабных систематических раскопок имеет изначально практиковавшаяся организация крупных археологических экспедиций.

Знаковыми событиями в общественной жизни Казахстана имели юбилей городов Туркестана и Тараза. Основанные на археологических данных, эти даты были аргументированы широкими исследованиями, раскопками, проведением международных конференций, в том числе и в ЮНЕСКО, выпуском монографий, альбомов, многочисленных статей.⁸⁷ В этих мероприятиях принимали участие сотрудники ЮККАЭ.

Как одно из явлений этого периода развития археологии стали расширившиеся связи с исследователями дальнего и ближнего зарубежья, участие в грантах, международные совместные научные конференции, что, безусловно, расширило возможности археологической науки страны. Одним из значительных событий в связи с этим является «прорыв» казахстанских археологов через многочисленные публикации в престижные научные издания зарубежных стран. За эти годы изданы совместные сборники трудов по археологии, опубликованы десятки научных статей в США, Франции, Италии, Германии, КНР, Южной Корее, Пакистане. Зарубежные исследователи публикуют статьи в научных изданиях Казахстана.

Среди получивших известность в научном мире издания, посвященные археологическим исследованиям в Казахстане, вышедшие во Франции и Италии.⁸⁸

Много сделано в части выпуска альбомов-каталогов, посвященных публикации археологических коллекций из раскопок отдельных памятников, тематических альбомов художественных произведений саков Казахстана, древнего золота, бронзы, керамики. Эти издания содержат тексты на казахском, русском и английском языках, что дает возможность знакомиться с культурным наследием Казахстана широкому читателю.⁸⁹

Большое внимание уделял Институт археологии вопросам пропаганды культурного наследия в стране и за рубежом. Выставки «Золотой человек и древние сокровища Казахстана», «Древние религии Казахстана», подготовленные музеем Института археологии, с большим успехом демонстрировались в областных центрах республики и за рубежом в Италии и Франции, США, Южной Корее.⁹⁰

В августе 2001 г. между Правительством Республики Казахстан и ЮНЕСКО было подписано Соглашение о «Сохранении и реставрации древнего городища Отрар», включая финансовую помощь, выделяемую через ЮНЕСКО/Японский трастовый фонд. Правительство Казахстана оказывало поддержку, включая предоставление материальной помощи, обеспечение участия в работах национальных экспертов и технического персонала, а также организовывало мероприятия по сохранению памятника. Отдел культурного наследия ЮНЕСКО в сотрудничестве с Кластерным Бюро ЮНЕСКО в Казахстане руководил ходом выполнения поставленных целей и задач, а также координировал работу экспертов в рамках проекта.

Настоящий проект выполняли Министерство образования и науки РК, Министерство культуры и информации РК, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Республиканский научно-исследовательский и проектный Институт памятников материальной культуры и Отрарский государственный археологический музей-заповедник.

Масштабы археологических раскопок в Отраре и Отрарском оазисе, раскопки по программе «Культурное наследие», необходимость сохранения раскопанных памятников, находящихся под воздействием эрозии и разрушающих природных факторов, делают необходимыми срочные консервационные мероприятия. Сырцовые памятники, раскопанные более 40 лет назад, подверглись частичному разрушению, а состояние недавно открытых объектов стремительно ухудшается. Растущее количество посетителей, ступающих на непрочные архитектурные сооружения, также представляет опасность.

Проект сохранения Отрара был рассчитан на четыре года (2001-2004) и направлен на создание научной документации, популяризацию и использование памятника, а также выработку методов консервации. Консервационные работы проводились как на Отраре, так и на других памятниках, входящих в оазис. Проект был также призван повысить научную квалификацию и знания специалистов, занимающихся

сохранением и восстановлением культурного наследия не только в Казахстане, но и во всем регионе Центральной Азии. Таким образом, были заложены основы для сохранения культурного наследия и управления им.

Одним из сложных факторов является резко континентальный климат в регионе – температура варьирует от +40 летом и до –20 зимой. Климат также характеризуется обилием осадков. Это создает большую угрозу разрушению памятников на территории оазиса. Вследствие этих факторов стандартные методы консервации, успешно апробированные в других регионах, не могут быть применены для Отрара. Вторая проблема связана с размерами Отрарского оазиса и масштабом памятников.

В рамках проекта была выполнена консервация ряда раскопанных объектов на городище Отрар-тобе, на городищах Куйрыктобе, Алтынтобе и Кок-Мардан.

Цели проекта были определены так: документирование и научные исследования; научная регистрация и документирование; создание компьютерной базы данных; разработка мастер-плана для городища Отрар и его округи; повышение профессионального и технического потенциала организаций, ответственных за сохранение и менеджмент памятников, и подготовку специалистов для выполнения на международном уровне консервации; презентации и менеджмента объектов культурного наследия. Было обращено внимание на популяризацию ценностей культурного наследия Казахстана, в частности, городища Отрар-тобе.

Работы в рамках проекта начались весной 2001 года. Основные усилия экспертов были направлены на консервацию мечети, дворца в районе цитадели, бани, гончарных мастерских и крепостной стены, а также дворцового комплекса на территории соседнего городища Куйрыктобе.

В апреле 2002 г. на территории Отрарского музея-заповедника был построен экспериментальный корпус, в котором живут и работают научные эксперты в период сезонных работ. В экспериментальном корпусе, построенном в традиционном народном стиле, установлены компьютеры, современное оборудование и лаборатория для проведения различных научных экспериментов.

После завершения проекта в 2004 г. было решено продолжить работы по поддержанию, управлению и реставрации памятника. В рамках проекта был разработан всесторонний менеджмент-план для управления памятником. В этом документе были также отражены вопросы развития туризма в регионе.

В ходе реализации проекта были разработаны и апробированы новые методы консервации, а также подход, предполагающий совмещение археологических работ с последующей консервацией. Методы консервации, разработанные для городища Отрар, применяются и для других памятников в регионе. Проект послужил образцом научно выверенной и инновационной консервации.⁹¹

В 2005-2006 гг. осуществлялся проект «Документация историческая география Отрара и Отрарского оазиса: основа сохранения и защиты». Была исследована обширная территория оазиса на предмет фиксации археологических объектов и последующей их документации как основы, на которой строится стратегия включения уникального комплекса «Отрарский оазис» в список Всемирного наследия.

Отрарский оазис с его многочисленными средневековыми городами, поселениями и могильниками является одним из самых известных в Республике объектов туризма. Оазис уникален сохранностью древних культурных ландшафтов. Вместе с тем настораживает активное освоение земель под хлопок и другие культуры, в ходе которого памятники археологии, равно как и культурные ландшафты, оказываются под угрозой полного или частичного разрушения. Столь же опасными становятся и природные факторы.

Разработка системы учета и документации на сегодняшний день, пожалуй, единственная возможность охраны, а также проведения мониторинга памятников.⁹²

Широкие работы, как уже отмечалось, с 2004 г. проводятся по программе «Культурное наследие», инициированной Президентом страны. Многообразие и богатство культурного наследия являются основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие.

Цивилизованные страны все с большим вниманием относятся к проблемам сохранения и использования культурного наследия. В развитых странах повышение уровня благосостояния способствовало развитию массового туризма, формированию целой туристской индустрии, что экономически стимулирует внимание к культурному наследию. Совершенствуется соответствующее законодательство, идут поиски наиболее эффективных форм организации.

Практически культурное наследие и разумное отношение к нему в современном мире выступают как показатель цивилизованного общества. Это касается и законотворческой ситуации и нравственного строя.

Год 2003 стал этапным в изменении подхода к изучению, сохранению и использованию культурного наследия Казахстана и в том числе археологического наследия. Археологические объекты, предлагаемые для изучения согласно программе, в том числе и масштабных раскопок, выбирались с учетом их значимости и наличия определенного задела в предыдущих изысканиях. Это, по сути дела, эталонные памятники, несущие важную историко-культурную нагрузку и являющиеся знаковыми для генетической памяти народа, и те, которые вошли в список будущих номинантов Всемирного культурного наследия.

Исследования по программе велись комплексно, вслед за раскопочными работами и параллельно им следовали мероприятия,

связанные с подготовкой проекта, затем консервацией и восстановлением раскопанных объектов и их музеефикацией.

Музеефицированные памятники включаются в систему казахстанских государственных и международных туристических маршрутов, становятся своеобразными узлами развивающейся туристической инфраструктуры.

Одной из главнейших задач программы являются подготовка Свода памятников истории и культуры, строгий учет и ревизия историко-культурного наследия. Свод – это фундамент всей работы по изучению и охране памятников.

Прошедшие годы стали временем подготовки областных и районных сводов памятников истории и культуры.

ЮККАЭ активно участвует в этих работах. К ранее подготовленным Сводам памятников по Южно-Казахстанской и Жамбылской областям,⁹³ в которых сотрудники ЮККАЭ принимали самое активное участие, добавился Свод памятников Кызылординской области,⁹⁴ подготовлен Свод памятников Алматинской области (в производстве). Подготовлен Свод памятников по Отрарскому району Южно-Казахстанской области и районам Жамбылской области: Кордайскому, Таласскому, Байзакскому, Меркенскому, Луговскому.⁹⁵

Широкие археологические исследования ЮККАЭ по программе «Культурное наследие» начались в 2004 г. Они велись в Жетысу, Южном Казахстане, Приаралье, в Западном Казахстане.⁹⁶ Большой интерес вызвали работы по изучению могильника Иссык и поселения Рахат.

Одним из наиболее крупных городищ Северо-Восточного Жетысу является городище Антоновка, которое было отождествлено с городом Каялыком – столицей карлукских джабгу.⁹⁷

Проводились крупномасштабные исследования городища Талгар, которое отождествляется со средневековым городом Тальхизом-Тальхиром. Изучены его застройка, городские кварталы и жилище, фортификация, определена роль города как крупного центра ремесла и торговли, сельского хозяйства и культуры. Удалось определить роль Тальхира, как крупного центра кузнечного производства, где использовались передовые технологии в производстве железа, чугуна и литебуритной (дамасской) стали. Проведена консервация центральной улицы и городских кварталов⁹⁸.

Работы по программе «Культурное наследие» были проведены на городище Актобе в Чуйской долине.⁹⁹

На памятнике Акыртас велись раскопки «дворца», замка и караван-сараяв. Изучение объектов после завершения цикла раскопочных работ были законсервированы и музеефицированы.¹⁰⁰

В Южном Казахстане археологические работы проводились на городище Шымкент, которое находится в центре города.¹⁰¹

На средней Арыси научные работы были связаны с изучением памятников средневекового округа Кенджида-Кендже, а также таких известных городищ, как Жуантобе, Караспан и самого крупного некрополя Казахстана – Борижарского.

Раскопки Борижарского могильника позволили выделить здесь погребения двух хронологических периодов: кангюйского и раннесредневекового, переходного от поздне-кангюйского этапа развития отрарско-каратауской культуры к периоду древнетюркских каганатов.

Изучался погребальный обряд, материальная культура и идеология.¹⁰²

Раскопки городищ Жуантобе и Караспана позволили проследить развитие урбанизации в районе Средней Азии на протяжении тысячелетнего периода, а также выявить роль этого района в диалоге оседло-земледельческой и городской культур и культуры кочевников – Ирана и Турана.¹⁰³

Одним из главных объектов исследований был Отрар – памятники Отрарского оазиса. На самом городище Отрар велись раскопки в центральной части по уровню слоев X–XII вв.; изучались главный въездной комплекс; велись исследования соборной мечети конца XIV – начала XV вв. и мечети XVI в.

Продолжались работы на городищах Куйрыктобе, Алтынтобе, Буйк-Мардан, Жалпактобе.

Консервационные работы велись на мечетях, бане XIII–XIV вв., гонимых мастерских XIII–XIV вв. По программе «Культурное наследие» были опубликованы научные монографии и альбомы.¹⁰⁴

Изучалось городище Сауран, один из крупных городов Казахстана, бывший столицей Ак Орды и одним из центров Казахского ханства. На городище открыты, изучены и законсервированы медресе, соборная мечеть, участок магистральной улицы, фортификация. Исследовалась сельскохозяйственная округа Саурана и уникальная система кыргызского орошения и водоснабжения.¹⁰⁵

Одним из районов исследований стало Северо-восточное Приаралье, где многие годы работала Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.¹⁰⁶

Были проведены раскопки городища Жанкент – средневекового Янгикента и работы на городище Мынтобе, которое сопоставляется с Янгикентом позднесредневекового времени. Исследования и раскопки так называемых «болотных городищ» гузов и, прежде всего, Кескен-Куюккалы позволили выявить динамику формирования этих городов, застройку, а также поставить вопрос о двух столицах огузов – новом городе Янгикенте и старой столице – Джувара-Хувара-Хора, которая находилась на месте городища Кескен-Куюккала. Исследовались и другие города огузов Приаралья, в частности, городище Джан-кала, которое отождествлялось С.П. Толстовым с городом Джендом.¹⁰⁷

Неожиданное открытие было сделано при обследовании высохшего дна Аральского моря после ухода воды. Здесь на дне моря были обнаружены руины двух городищ с некрополями и остатками ирригационных систем возле них. Датируются эти города серединой XIV в., они, видимо, сформировались на базе караван-сараяв, возникших на новом участке караванного пути, соединявшего Золотую

Орду, Хорезм и Приаралье с городами Центрального Казахстана. Важен установленный в результате этого открытия факт «усыхания» Арала, имевшего место в древности и в средние века.¹⁰⁸

В Западном Казахстане ЮККАЭ по программе «Культурное наследие» продолжала раскопочные работы на обнаруженном еще в 2001 г. городище XIII-XIV вв. Жайык вблизи г. Уральска и на некрополе Кырк-оба.¹⁰⁹

Широкие исследования по программе «Культурное наследие» проводились на памятниках Алматы, Тараза и Жамбылской области. Результаты этих работ частично требуют обобщения, расширяющих представления о древней и средневековой истории Казахстана.¹¹⁰

Түйін

К.М. Байпаков

Отырар, Отырар алқабы мен Қазақстанның археологиялық және мәдени мұраларын зерттеу тарихынан

Мақалада Отырар мен Отырар алқабының зерттелуінің негізгі кезеңдері қарастырылып, зерттеу үрдісі мен негізгі жұмыстардың сипаттамасы берілген. Сонымен қатар аймақтың мындаған жылдарға созылған тарихы айтылған. Ұсынылып отырған зерттеу тарихнамасына шолу жасау авторға тарихи ілімнің даму динамикасын қадағалауға мүмкіндік туғызған.

Abstract

K.M. Baipakov

From the History of Study of Archaeological and Cultural Heritage of Otrar, Otrar Oasis and Kazakhstan

The main stages of study of Otrar and Otrar Oasis are presented in the article and characterizing of research tendencies and main works are given. History of the region of prolongation of thousands years is shown parallel. Presented review of historiography of the researches let author to follow the dynamics of development of the historical knowledge.

1. *Кларе А.А., Черкасов А.А.* Древний Оtrar и раскопки, произведенные в развалинах его // Протоколы ТКЛА. - Ташкент, 1904. - Год IX. - С. 13-35.
2. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. - СПб., 1911. - С. 228-229.
3. *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1868 г. - СПб., 1869. - С. 60.
4. *Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. - СПб., 1870; *Лерх П.И.* Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. // Отчет археологической комиссии за 1867 г. - СПб., 1868. - С. XXI-XXXI.
5. Клад из Мамаевки // Туркестанские ведомости. - 1893. - № 67; *Воронин К.М.* Находка клада монет близ с. Мамаевка в Чимкентском уезде в 1893 г. // Среднеазиатский вестник. - Ташкент, 1896. - № 9. - С. 17-18.
6. *Лукин Б.В.* К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана // ИМКУ. - Ташкент, 1969. - Вып. 8-9. - С. 175-178.
7. *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью (1893-1894 гг.). Соч. - М., 1966. - Т. IV. - С. 19-87.

8. Лукин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. - Ташкент, 1958. - С. 44-47.
9. Смирнов Е.Г. Древности на среднем и нижнем течении Сырдарьи // Протоколы ТКЛА. - Ташкент, 1897. - Год II. Приложение. - С.1-14.
10. Пославский И.Т. Развалины города Отрара // Протоколы ТКЛА. - Ташкент, 1898. - Год III. - С. 236-238. В 1969 г. случайно у подножия южного склона Отрар-тобе был обнаружен вход в тоннель. Участок тоннеля длиной 10-15 м был обследован. Он проложен на глубине 1,5-2 м по направлению к центру городища. Высота его 1,6 м, ширина - 2 м. Стены обложены сырцовым кирпичом, свод коробовый. У стен, на уровне пола, положено по два ряда гончарных труб. Звенья их имеют диаметр 20 см и длину 50 см. Это остатки городской системы водоснабжения, видимо, принятой И.Т. Пославским за потайной ход; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Археологические открытия в Южном Казахстане // АО. 1969. - М., 1970. - С. 398.
11. Лыкошин Н.С. Догадка о прошлом Отрара // Протоколы ТКЛА. - Ташкент, 1899. - Год IV. - С. 171-174.
12. Бартольд В.В. По поводу статьи «Догадка о прошлом Отрара» // Протоколы ТКЛА. - Ташкент, 1899. - Год IV. - С. 70-74.
13. Черкасов А.А. Поездка на развалины Отрара // Протоколы ТКЛА. - Ташкент, 1903. - Год VIII. - С. 70-74; Кларе А.К., Черкасов А.А. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. // Протоколы ТКЛА. - Ташкент, 1904. - Год IX. - С. 13-35.
14. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. - Оренбург, 1910. - Вып. XXII. - С. 155-183.
15. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - 1950. - Вып. 2. - С. 59.
16. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН КазССР. Серия археологическая. - 1950. - Вып. 2. - С. 76.
17. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН КазССР. Серия археологическая. - 1950. - Вып. 2. - С. 89.
18. Агеева Е.И. К истории изучения археологических памятников Среднего течения Сырдарьи и Каратау // ИАН КазССР. Серия археологическая. - 1949. - Вып. 2. - С. 109-119.
19. Агеева Е.И. Керамика Отрара // ИАН КазССР. Серия археологическая. - 1951. - Вып. 3. - С. 98-110.
20. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ. - 1958. - Т. 5. - С. 27-60, 78-91.
21. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ. - 1958. - Т. 5. - С. 123-128.
22. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1950.
23. Археологическая карта Казахстана. - Алма-Ата, 1960.
24. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М., 1948. - С. 125-140; Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962.
25. Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. - М., 1971.
26. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата, 1969. - С. 3-42; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар по итогам работ 1969 г. // ВАН КазССР. - 1970. - № 6. - С. 60-64; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Археологические работы в Южном Казахстане // АО 1969. - М., 1970. - С. 397-398.
27. Полную библиографию археологических работ в Отраре и Отрарском оазисе см.: Савельева Т.В., Костина Д.М. Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Проблемные исследования Южно-казахстанской комплексной археологической экспедиции 1971-1985. - Алма-Ата, 1986.

28. *Алтысбаев Х.А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. - Алма-Ата, 1979.
29. *Алтысбаев Х.А.* Индустрия палеолита Южного Казахстана // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980. - С. 54-64.
30. *Алтысбаев Х.А.* Мезолитические и неолитические стоянки Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. - Алма Ата, 1977. - С. 93-103.
31. *Ахинжанов С.М., Акишев А.К.* Могильник Куюкты – первый памятник эпохи бронзы // ИАН КазССР. Серия обществ. наук. - 1972. - № 2. - С.46-52.
32. *Кляиторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. - М., 1964. - С. 174.
33. *Акишев К.А., Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар (Топография, стратиграфия, перспективы). - Алма-Ата, 1972.
34. *Якубовский А.Ю.* Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI-XV вв.) // КСИИМК. – М.-Л., 1949. - Вып. 38. - С.43.
35. *Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана. – М., 1967. - С. 163-166; *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Очерк искусства Средней Азии. – М., 1982. - С. 207-208; *Лунина С.Б.* Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане // ОНУз. - Ташкент, 1969. - № 8-9. - С. 89-93; *Вархотова Д.* Художественная керамика XV – начала XVI вв. из Ташкента // ОНУз. - Ташкент, 1969. - № 8-9. - С. 86-89; *Ахраров И.* Археологические исследования городища Ахсикет в 1960 г. // ОНУз. - Ташкент, 1962. - № 8. - С. 53-58; *Ахраров И.* Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV-XVI вв. // ОНУз. - Ташкент, 1969. - № 8-9. - С. 79-81; *Бляшимова Н.С.* Художественная глазурированная керамика Южного Туркменистана IX-XIV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Ташкент, 1985.
36. *Массон М.Е.* Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ, 1946 г.) // Труды ЮТАКЭ. - Ашхабад, 1949. - Т. I. - С. 9-12; *Массон М.Е.* Городище Ниса в селении Багир и их изучение // Там же - С. 84-98; *Пугаченкова Г.А.* Глазурированная керамика Нисы XV-XVI вв. // Там же. - С. 400-417.
37. *Толстов С.П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // ТХАЭЭ. – М., 1958. - Т. II. - С.224-232.
38. *Тургенев-Амитиров А.Г.* Раскопки комплекса южных ворот и крепостной стены Таш-калы // ТХАЭЭ. – М., 1958. - Т. II. - С. 494-504; *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки ремесленного квартала XV-XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // Там же. - С. 505-528.
39. *Вактурская Н.Н.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Там же. - С. 467-494.
40. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. 5. - С. 214; *Агеева Е.И.* Общий обзор находок. Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТИИАЭ АН КазССР. - 1962. - Т. 14. - С.201-204.
41. *Ерзакович Л.Б.* Оседлая культура Южного Казахстана в XIII-XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Москва, 1966; *Ерзакович Л.Б.* О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968. - С. 85-97; *Ерзакович Л.Б.* О позднесредневековом городище Сузак // Известия АН. Серия обществ. наук. - 1966. - № 3. - С. 66-69; *Ерзакович Л.Б.* Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972. - С. 98-106.
42. *Акишев К.А., Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата, 1969. - С. 5-42; *Акишев К.А., Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972.

43. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.). - Алма-Ата, 1981; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987.
44. *Грошев В.А.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. - Алма-Ата, 1985.
45. *Акишев К.А., Байпаков К.М.* Кяризы Саурана // Вестник АН. - 1973. - № 4. - С. 76-78.
46. *Сенигова Т.Н.* Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта (XVII-XVIII вв.) // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, 1978. - С. 171-187; *Смагулов Е.А., Настич В.Н.* Гончарные штампы с надписями XIX в. из Туркестана // Известия АН. - 1983. - №2. - С. 45-50.
47. *Мирзахмедов Д.К.* Глазурованная керамика Бухары второй половины XIII - начала XVII вв. как исторический источник. - Самарканд, 1987.
48. *Негматов Н.Н.* Проблемы археологии Таджикистана позднего средневековья // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, 1983. - С. 152-158; *Беляева Т.В.* Художественная керамика XIII-XIX вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, 1983. - С. 38-51.
49. *Буряков Ю.Ф.* Археологические материалы и топография Шахрухии XIII-XVIII вв. // Средневековая культура Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, 1983 - С. 61-66; *Буряков Ю.Ф., Тихонин М.Р.* Раскопки керамической мастерской конца XV-XVI вв. в Шахрухии // ИМКУ. - 1981. - Вып. 16. - С. 58-64.
50. *Тулепбаев Б.А.* Вступительное слово. Резолюция // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: матер. Всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г., г. Алма-Ата. - Алма-Ата, 1981. - С. 3-5, 229.
51. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987. - С. 15-99.
52. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар. - Алма-Ата, 1981.
53. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV вв. ... - С. 129-187.
54. *Бартольд В.В.* История Туркестана // Сочинения. - М., 1963. - Т. II. - С. 152.
55. *Давидович Е.А.* Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. - М., 1972. - С. 125.
56. *Грошев В.А.* Ирригация Южного Казахстана...
57. *Бурнашева Р.З.* Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу южно-казахстанских городов. - Алма-Ата, 1989.
58. *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара // Древности Казахстана. - Алма-Ата, 1975. - С. 145-152.
59. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.336-344; 367-399; 432-461.
60. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар... *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.)...; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV вв....
61. *Беленицкий А.М.* Рецензия на книгу: *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар (Топография, стратиграфия, перспективы) // Известия АН КазССР / Серия общественная. - Алма-Ата, 1973. - № 3. - С. 71-73.
62. *Бурнашева Р.З.* Каталог монет из раскопов и сборов на городище Отрар-тобе (1971-1977 гг.) // *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.). - Алма-Ата, 1981. - С. 289-342, рис. 116-118.
63. *Байпаков К.М., Настич В.Н.* Клад серебряных вещей и монет из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. - Алма-Ата, 1981. - С. 20-62.
64. *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1950. - С. 85-88; *Арзютов Н.* Отчет о раскопках,

- произведенные в 1937 г. на месте развалин Золотоордынского города Сарайчик // Известия АН. Серия археологическая. - 1950. - Вып. 2. - С. 126-134.
65. Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТИИАЭ. - 1962. - Т. 14. - С. 154-216.
  66. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. - Москва, 1962. - С. 273-294; Вактурская Н.Н. Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. - Москва, 1979. - С. 127-133.
  67. Ерзакович Л.Б. О южно-казахстанском компоненте в материальной культуре Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 60-68.
  68. Бурнашева Р.З. Каталог монет... С. 224-254.
  69. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). - Алма-Ата, 1986. - 256 с.
  70. Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи. - Москва, 1972.
  71. Бернишам А.Н. Древний Отрар // Известия АН. Серия археологическая. - 1965. - № 3. - С. 97.
  72. Байпаков К.М. Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946–1962 гг. // СА. - 1964. - № 2. - С. 243.
  73. Сенигова Т.Н. Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау. - ТИИАЭ. - 1962. - С. 79.
  74. Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). - Алма-Ата, 1989.
  75. Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). - Алма-Ата, 1990. - С. 56-64.
  76. Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана... - С. 10-15; Байпаков К.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Отрарского оазиса // Вестник АН КазССР. - 1985. - № 1. - С. 68-75.
  77. Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Раскопки могильника Мардан-Куик на юге Казахстана // Известия АН КазССР. - 1990. - № 6. - С. 65-80; Ваураков К.М., Smagulov E.A. Donness resentes sul le problem Kangju // Researches archaeologiques au Kazakhstan. - Paris, 1998. - С. 27-38.
  78. Байпаков К.М. Гончарное ремесло в позднесредневековом Отраре // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, 1983. - С. 17-38.
  79. Кожжаев М. Отрардағы керамика ондірісі. Керамическое производство Отрара. - Туркестан, 1996.
  80. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Керамика древнего Отрара. - Алма-Ата, 1991.
  81. Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана...
  82. Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. - Алматы, 1994. - С. 116-155.
  83. Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути / Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО, Алма-Ата, 15-16 июня 1991 г. - Алма-Ата, 1991.
  84. Байпаков К.М. Великий Шелковый путь идет через Казахстан // Памятники истории и культуры Казахстана. - Алма-Ата, 1992. - С. 34-44; Байпаков К., Нуржанов А. Ұлы Жібек жолы және ортағасырлық Қазақстан. - Алматы, 1992.
  85. По Великому Шелковому пути. Along the Great Silk Road. - Алма-Ата, 1991.
  86. Байпаков К.М. Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи становления археологии // Известия Министерства науки РК. - 1996. - № 2(207) - С. 3-14.
  87. Города Туркестана: Сборник научных статей. - Алматы, 1999; Загадки древнего Туркестана: Сборник научных и научно-популярных статей. - Алматы, 1998; Есмаханов А., Байпаков К. Туркестан – очаг цивилизации. - Алматы, 2000; Тараз – 2000: Матер. Республиканской научно-практ. конф. 4-5 апреля 2002 г. - Тараз, 2002; Тараз – 2000: диалог тысячелетий и цивилизаций / Материалы международной научно-теоретической конференции 26- 27 сентября 2002 г. - Тараз, 2002.

88. The gold and grass. Nomads of Kazakhstan. - Access Industries, 2006; Recherches archéologiques au Kazakhstan. - Paris, 1998; Cavalier delle steppe. Memoria delle terre del Kazakhstan. - Electa, Milano, 2000; *Baipakov K.M.* Aeos Central Asia. History civilization of Central Asia. UNESCO publication. - Paris, 2000. - P. 221-226; *Baipakov K.M., Kumekov B.E.* The Kazakh history of Central Asia. - UNESCO publication. Paris, 2003. - P. 89-108; *Baipakov K.M.* Handisecraft. Там же - Vol. V. - P. 379-392.
89. *Акишев К.А., Акишев А.К.* Древнее золото Казахстана. - Алматы, 1998; *Байпаков К.М.* Древняя бронза Казахстана. - Алматы, 1998; *Байпаков К.М., Савельева Т.В.* Древние сокровища Алматы и Жетысу. - Алматы, 2004.
90. L'onomo d'oro. La cultura dale Steppe del Kazakhstan dall eta del bronzo alle graandi migrazioni. - Electa, Milano, 1998; Shimani e dervisci dale steppo del Prete Gianni. Religisita del Kazakhstan persezione del fantastic a Venezia. - Venezia, 2000; Gold and grass. Nomads of Kazakhstan. - USA: Access Industries, 2006.
91. Отрар. ЮНЕСКО, Японский целевой фонд «Сохранение и реставрация древнего городища Отрар». Алматы, 2003.
92. Otrar oasis. Документация и историческая география Отрарского оазиса: основы сохранения и защиты. - Алматы-ЮНЕСКО, 2005.
93. Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. - Алматы, 1993; Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. - Алматы, 2002.
94. Свод памятников истории и культуры Кызылординской области. - Алматы, 2000.
95. Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. - Алматы, 2007; Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Кордайский район. - Алматы, 2010; Таласский район. - Алматы, 2010; Байзакский район. - Алматы, 2010; Жамбылский район. - Алматы, 2010; Меркенский район. - Алматы, 2011; Турар Рыскуловский район. - Алматы, 2011.
96. *Нурмуханбетов Б.Н., Ахатов Г.А., Бермаганбетов А.Ж.* Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие 2004». - Алматы, 2005. - С. 112-113.
97. *Байпаков К.М.* Средневековые города и поселения Семиречья (VII-XII вв.): автореферат ... канд. ист. наук. - Алма-Ата, 1966. - С. 12.
98. *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2005.
99. *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998. - С. 149-152; *Шалекенов У.Х., Нуржанов А.А., Акымбек Е.Ш.* Археологические исследования на городище Актобе (Баласагун) в 2007 г. // «Культурное наследие 2007». - Алматы, 2008. - С. 235-237; *Шалекенов У.Х., Акымбек Е.Ш.* Краткие итоги исследования, проведенные на средневековом городище Актобе (Баласагун) в 2008 г. // «Культурное наследие 2007». - Алматы, 2008. - С. 170-171; *Шалекенов У.Х., Акымбек Е.Ш., Байбузунов Б.А.* Краткие итоги исследования, проведенные на средневековом городище Актобе (Баласагун) в 2008 г. // «Культурное наследие 2009». - Алматы, 2008. - С. 189-190.
100. *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Капекова Г.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего Тараза и Жамбылской области. - Алматы, 2011. - С. 399-413.
101. *Байпаков К.М., Байтанаев Б.А., Сулейманов Р.Х., Гриценко А.Н.* Стратиграфия городища Шымкент: возникновение и развитие города // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента / Материалы международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. - Шымкент, 2008. - С. 19-30.
102. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. - Алматы, 2005.
103. *Байпаков К.М.* Города округа Кенджида-Кендже // Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст города Алматы: матер. междунаод. научно-практ. конф. - Алматы, 2011. - С. 78-91.

104. *Байпаков К.М.* Городище Куйрык-тобе – город Кедер. Алматы, 2005; *Байпаков К.М., Терновоя Г.А.* Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы, 2005; *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш.* Городище Кок-Мардан. Алматы, 2006; *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Смагулов Е.А.* Городища Куик-Мардан, Алтынтобе и Жалпактобе. Алматы, 2006; *Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.* Отрарский оазис. Алматы, 2005; *Байпаков К.М.* Ежелгі және орта ғасырларлағы. Отырар. Алматы, 2007; *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана.
105. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Средневековый город Сауран. - Алматы, 2005.
106. *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. - Москва, 1962. - С.136-204, 273-394, 306-322; *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. - Москва, 1948. - С. 234-274.
107. *Байпаков К.М.* Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // Известия НАН РК. - 2007. - № 1. - С. 35-61; *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Умарходжиев А.А.* Исследования городища Джэнд // Известия НАН РК. Алматы, 2010. №1. С.100-122.
108. *Байпаков К.М., Айдосов А.Х., Воякин Д.А., Антонов М.А., Бермаганбетов А.Ж., Шишков А.* Археологические исследования на дне Арала // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. - Алматы, 2007. - С. 119-123; *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Кудабаяев Ч.А., Сорокин Д.В.* Полевые исследования на поселении Арал-Асар, на мавзолее Кердери 2 в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по программе «Культурное наследие» в 2009 г. - Алматы, 2010. - С. 219-221.
109. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005; *Сейткалиев М.К.* Раскопки кургана № 3 из могильника Кырк-оба II // Известия НАН РК. - 2012. - № 3. - С. 31-35.
110. *Байпаков К.М.* Археологическое культурное наследие Алматы. - Алматы, 2010; *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Катекова Г.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего Тараза и Жамбылской области. - Алматы, 2011.

С.Ж. Жолдасбаев

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ СЫҒАНАҚ ҚАЛАСЫН МУЗЕЙЛЕНДІРУ
МӘӘСЕЛЕЛЕРІ

Оңтүстік Қазақстандағы көптеген археологиялық ескерткіштердің ішінде Сығанақ қаласының алатын орны ерекше. Бұл осы өңірдің ортағасырлардағы әйгілі қаласының бірі. Қала жұрты жазық жерде жатыр, ол бұрынғы құрылыстардан қалған пішіні мен көлемі әртүрлі үлгілі төмпешектерден анық байқалады. Ортағасырлық Сығанақ қаласы Қызылорда облысы Жаңақорған ауданы Сунақата ауылынынан 1,5 км батыста, Түркістан-Қызылорда тас жолының оң жағында орналасқан. Сығанақ қаласы ортағасырларда тоғыз жолдың торабында орналасқан екі қалалардың бірі болды, оның ғұмыры сонау алғашқы ортағасырдан басталған. Қаланың пайда болуы, дамуы, гүлденуі мен күйреуі кезеңдері жайлы әле де білетініміз аз болып отыр. Себебі, Ортағасырлық Сығанақ қаласында (1-сурет) археологиялық қазба жұмыстары тек 2003 жылдан жүргізіле басталды. Қазба жұмыстарын 2003-2009 жылдар аралығында тарих ғылымдарының докторы, профессор Сәйден Жолдасбайұлының жетекшілігімен Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің Сығанақ археологиялық экспедициясы жүргізуде.

Жазба деректерге көңіл бөлетін болсақ қала тұрған аймақта б.з.б. VII-IV ғасырларда яғни антикалық дәуірде массагет сақтар өмір сүрген. Ал олардың орнын басқан қаңлы тайпалары мемлекеттік дәрежеде ғұмыр кешті. Қытай деректерінде қаңлылардың мемлекеті бес облыстан тұрғанын, ал Сығанақ қаласы тұрған жер Сусе аймағы жері болғанын кездестіреміз. Әрине бұл кезде қаланың орнында алдыңғы дәуірден қалған қоныс болды ма? Ол жағы белгісіз. Ол тек қалаға қазба жұмысы жүргізілгеннен кейін астыңғы мәдени қабатқа жеткенде ғана анықталады.

Жазба деректерінің хабарына қарағанда қала Сунах түрінде X ғ. соңындағы белгісіз парсы авторының «Худуд-эл Әләм» қолжазбасында кездеседі. Ғұлама ғалым М. Қашқаридың жазуы бойынша «Сығанақ» деген аты XI ғасырдан белгілі.¹ Ал XI-XII ғғ. араб, парсы, түрік жазба деректерінде қаланың аты жаппай кездеседі. Бұл кезең қаланың дамыған кезін қирсетеді. XIII ғ. армян патшасы Гетумның сапарының жазбаларында да Сығанақтың аты көрсетіледі.²

Сығанақтың қайта өрлеуі XIV ғ. тұс келеді және осы жүзжылдықтың соңына таман ол өзінің бұрынғы күш-қуатына еніп, кейде тіпті одан да асып түсіп Ақ Орданың астанасына айналған кездері де болған.

Сығанақта астаналық қалаға тән сәулеттік ғимараттар бой көтереді. Онда мешіттер, медресе және басқа да салт-жоралық және қоғамдық ғимараттар салынады. Мұны жазба деректер мен археологиялық қазбалар растайды. Көршілес елдердің қалаларымен тарихи-мәдени байланыстар күшейе түсті. Бұған қала орналасқан Ұлы Жібек жолы айтарлықтай септігін тигізді. Сығанақтың жартылай көшпенді

халық өміріндегі маңызы өте зор. Көшпенділер қалаға күнделікті сауда жасауға мал және малшаруашылық өнімдерін әкеліп отырды. Ортағасырлық автор Рузбихан Сығанақты «Дешті-Қыпшақтың сауда айлағы» деп атайды. Өзінің өмір сүруінің соңғы тұсында, яғни XV ғ.соңы – XVI ғ. соңы аралығында Сығанақ қазақ хандығының орталығы болды.

Сығанақ қаласы өзінің 2000 жылға жуық тарихында қаңдылардың, қыпшақ хандығының (XI-XII ғ.), Ақ Орданың (XIII-XIV ғ.), Әбілхайыр хандығының (XV ғ.), Қазақ хандығының (XV ғ. соңы – XVI ғ.) астанасы болған қала.

Ортағасырлық Сығанақ қаласын зерттеу тарихы XIX ғ. екінші жартысынан басталады. Қалаға алғаш рет 1867 жылы орыс археологиялық комиссиясының тапсырмасы бойынша археолог П.И. Лерх болып, оның қай жерде орналасқаны туралы ақпарат берген.³ Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесінің мүшесі Е.А. Смирнов 1897 жылы Сырдарияның орта және төменгі ағысында орналасқан ескерткіштерді зерттеу мақсатында жасаған барлау кезінде Сырдарияның оң жағында, Төменарық станциясынан 8-10 верст солтүстікте орналасқан Сунақ қорғанды (Сунақ атаны) ортағасырлық Сығанақ қаласымен баламалап, оның айналасында көптеген құрылыс құландылары барын және бұл қала ілгеріде Төменарық каналы арқылы суландырылғанын атап өтті.⁴ 1899 жылы үйірме мүшесі В.А. Каллаур қалаға барлау жұмысын жүргізіп, оны топографиясын сипаттап, жобасын қағазға түсірді.⁵

В.А. Каллаур өлкетанушылар Н.С. Лыкошин мен Е.Т. Смирновтың пікірлерін қоштап, Сунақата қалашығын ортағасырлық Сығанақ қаласымен баламалады.⁶ Ал, 1906 жылы қаланы И.А. Кастанье қарап шығады. Ол В.А. Каллаурдың қала туралы жазғандарын толықтыра түседі.⁷ 1927 жылы Материалдық мәдениет институтының тапсырмасы бойынша Сығанақ қаласын А.Ю. Якубовский біршама тыңғылықты қарап, оның топографиялық жағына қиіліп біліп жанындағы кейбір керегелері сақтаулы тұрған ғимараттардың суретін түсіріп алған. Қала туралы үлкен ғылыми мақала жазған.⁸ Бұдан 20 жылдан кейін қалаға 1947 жылы ОҚАЭ-ның жетекшісі А.А. Бернштам қаланың топографиялық жобасын түсіріп үстінен жинастырған материалдар бойынша қаланың б.з.б. қанлы деуірінен бері үмір сүріп келе жатқандығы туралы жазған.⁹

Бұдан кейін қалаға XX ғасырдың 40-шы жылдарының аяғында 50-шы жылдардың басында ОҚАЭ-ның жетекшісі Е.И. Агеева мен Г.И. Пацевичтер археологиялық барлау барысында жұмыс жүргізген. Бұлар да үстіне жинастырылған материалдар бойынша қаланың V-VIII ғасырда үмір сүріп одан кейін құлдырап, XII – XIV ғғ. қайта қытеріліп, Ақ Орданың кезінде қайта жанданғандығын жазады.¹⁰ Алайда, бұлар да қалаға қазба жұмыстарын жүргізбеген.

XX ғ. 70-ші жылдары қалаға ОАЭ-ның жетекшілері К.А. Ақышев пен К.М. Байпақовтар Отырар қаласының ұзақ жылдарғы зерттелуіне байланысты оның аймағындағы қалаларға барлау барысында қаланың топографиялық жағынан зерттеліп, бұл қала ортағасырлық қалалардың ішінде Отырар қаласынан кейінгі атақты екінші қала деген анықтама берген.¹¹

Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті басшылығының қаулысы бойынша Сығанақта тұрақты қазба жұмыстарын жүргізуге шешім қабылдады. 2003 жылы Сығанақ археологиялық экспедициясы құрылып, екі далалық маусым барысында экспедиция ескерткіште тарихы мен археологиясы бойынша, бұрынғы зерттеулерді толықтыра түсетін едәуір жұмыс тындырды.

Қазіргі уақытта көне қала жұртының үлкен бөлігі шаруашылық және құрылыс жұмыстарының салдарынан бұзылған. Оның орталық (шахристанда) және шығыс бөлігінде көптеген зираттар орналасқан, ал жан-жағында шаруашылық және тұрғын-жай құрылыстары, жолдар салынған. Қала жұртының үстін қалың бұталы тоғай басып кеткен.

Сығанақ қаласында 2003-2008 жылдарда студенттердің далалық практика кезінде №1-4 қазбалар салынып, қаланың солтүстік – батыс жағында рабаттан тұрт бұлмелі бір кесене (2-сурет), мешіт медресе ашылды (3-сурет). Ал қаланың жасын анықтау мақсатында солтүстік жағынан оңтүстік-шығыс жағындағы қақпаға жақын жерінен 22 x 14 м. тексеру қазба жүргізілді. Сонымен қатар, 2005 жылы қаланың үстінен ер түрлі биіктіктен аэрофото суретін және топографиялық жобасын түсіріп алынды.

Қала жұрты екі бөліктен: шахристаннан және оған үш жағынан жинасып жатқан рабаттан тұрады. Оның оңтүстік-шығыс бөлігінде орналасқан шахристан кезінде пішімі бесбұрышқа ұқсайтын мықты қамал болған, оның өлшемдері: солтүстігі – 275 м, солтүстік-батысы -175 м, оңтүстік-батысы -180 м, оңтүстігі -175 м және оңтүстік-шығысы -320 м. Оңтүстік-шығыс дуалдың солтүстік-шетінде орналасқан қаланың қақпасы ұзындығы 20 м болатын дәліз түрінде жасалған. Қамал дуалы үйіндісінің биіктігі 6-7 м, бірақ оның қазіргі кезде сақталған түрі, дуалдың бастапқы биіктігі 10-12 м болғанын көрсетеді. Дуал бойында 15 мұнара орнатылған, олар қазіргі дуалдан 1 м биік үйінді түрінде қалып тұр. Шахристанның ішкі бөлігін толығымен мәдени қабат басып жатыр. Оның бүкіл аумағынан күйдірілген кірпіш, сондай-ақ негізінен кейінгі ортағасырларға тән сырлы және сырланбаған керамика сынықтарын теріп алуға болады.

2009 жылы Қожа Ахмет Ясауи атындағы ХҚТУ-нің Археология ғылыми-зерттеу орталығының САЭ-сы (жетекшісі, т.ғ.д. С. Жолдасбаев) Республикалық «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында «Ортағасырлық Сығанақ қаласы» атты ғылыми жоба бойынша қаланың орталық бөлігінде орналасқан көлемі 23x23 м келетін төбе үстінде № 5 қазба салды, жалпы қазба алаңының аумағы 20x25 м. Қазба барысында күйдірілген қыштан салынған құрылыс құландысы ашылды. Ал № 6 қазба қалашықтың солтүстік-батыс бөлігінде (қабырғасында) аумағы 14x5 м келетін стратиграфиялық кесік салып, оның нәтижесінде қазба 2,5 м терендікке (1-5 ярустар) жетті. Бізше аршылған құрылыс мешіт болуы мүмкін. Алайда бұл объектілерде қазба жұмыстарын 2010 жылы жалғастыруды жоспарлап отырмыз.

Археологиялық қазба зерттеу жұмыстары кезінде алынған материалдарға қарағанда XIII ғасырдың екінші жартысынан бастап

қайта өрлеу басталған. Ал табылған теңгелерге қарағанда, белгілі нумизмат Р.З. Бурнашеваның анықтауында қалада XIV ғасырдың алғашқы кезінде теңге шығарыла бастаған. Ал белгісіз Ескендір деген автордың жазуы бойынша да XIV ғасырдың бірінші жартысында қала жанданғанын жазады. Тарихи зерттеулерге қарағанда Ақ Орданың ханы Сасы бұқаның баласы Ерзен ханның кезінде Сығанақ қаласы гүлдену дәуіріне бет алған. Жоғарыда көрсетілген белгісіз автор Ескендірдің жазуында Ерзен хан кезінде Сырдария бойындағы Отырар, Сауран, Жент, Баршакент қалаларында мешіт-медіреселер салынып, ескілеріне жөндеу жұмыстары жүргізілгендігі жазылған. Міне сол кезде Сығанақ қаласы Ақ Орданың орталығы болып мұндағы мешіт-медіреселердің салынуына сол Ерзен ханның қызметі зор болған. Өзі осы Сығанақ қаласында жерленген. Солтүстік батыс жағындағы қаланың қақпасынан 100 м жерде рабатта ашқан төрт бөлмелі кесенеміз біздің ойымызша Ерзен ханның кесенесі болуы әбден мүмкін деп ойлаймыз. Қаладан табылған теңгелердің жазуынан байқауға болатынын – Ерзен ханның немересі Орыс ханның кезінде жаңа Сығанақта 1371-1374 жылдары теңге шығарған. Олардың 11 данасы Петербургтің атақты мұражайы Эрмитажда осы уақытқа дейін сақтаулы. Ал жазба деректердегі хабарларға қарағанда Орыс ханның өзінің атасы Ерзен хан сияқты мешіт-медреселер және діни сарайлар (ханақа) салғызған. Жаңа Сығанақта теңге жасатқан деген хабарға қарап және бір қала болды екен деп ойлауға болмайды, орны байқалмайды. Шамасы қаланың өз ішінде жаңа салынған теңгеханада ма, жоқ әлде, шапқыншылық кезден қалған бұзылған көшелер қайта жөнделіп жаңа салынған қоғамдық ғимараттарды жаңа Сығанақ деп жазған болуы мүмкін. Бұдан білетініміз қаланың ішінде жақсы ғимараттардың орындары бар екендігі байқатады.

Қазіргі біз ашып отырған мешіт-сағанамыз қаланың шығыс жағындағы басты қақпаның алдында 120 метр жерде. Құрылыс материалдарына қарағанда XIV ғасырдың аяғында, XV ғасырдың басында жасалған. Бұл кез қаланың дәуірлеген кезі. Ол туралы тарихшы Фазлаллах ибн Рузбиханның жазған мынадай дерегінен байқауға болады. Ол қаланың базарына базар күндері 500 түйеге дейін түсіп, сойылып кәуап жасалып кешке дейін бір түйір де қалмай сатылып кетеді дейді. Шамасы кәуап емес, түйелер тірідей бір түйе қалмай сатылып кететін болу керек. Және осы тарихшының сөзіне қарағанда қала қыпшақтардың нағыз сауда орталығы болғандығын байқаймыз. Базарға Дешті Қыпшақтан жақсы заттар келеді деп мақтап жазады. Бұл тарихшы өзбек ханы Мұхаммед Шайбани ханның хатшысы болған. Қазақ ханы Бұрындық және Қасым хандарымен қала үшін талас-тартыстар болып, өзбек ханы жеңіліске ұшырап, Самарқанға кетуге мәжбүр болған. XVI соңында қала қазақтардың қолына өтіп оның астанасы ретінде танылған.

Сығанақта ашылған мешіт ғимаратында «Казреставрация» РМҚМ-сі жөндеу және консервация жұмыстарын жүргізіп, ашық аспан астындағы мұражай жасау үшін алғашқы қадам шасалды. Ендігі біздің мақсатымыз қаланың орталық бөлігінде зерттеу жұмыстарын жалғастырып, көшелер мен ғимараттарды ашу болып отыр.

«Қазақстанның тарих және мәдениет ескерткіштерін қорғау және пайдалану туралы» Заңның бар екендігіне қарамастан, қала жұртын қорғау шаралары бұрын-сонды жүргізілген емес. Қожа Ахмет Ясауи атындағы ХҚТУ-нің АҒЗО-ғы Сығанақ археологиялық экспедициясы жұмысқа кіріскеннен кейін ғана жағдай түбірімен өзгере бастады. Аршылған нысандардың жекелеген бөліктерін консервациялау мен айта қалпына келтіру шараларын ұйымдастыру мақсатында ЮНЕСКО мамандары шақырылды, жергілікті тұрғындар арасында қаланың Қазақ тарихында алатын орны мен маңызы жайлы сұхбаттар жүргізілуде. Қаланы ашық аспан астындағы музейіне айналдыру мақсатында осы айтылған және басқа да шаралар енді ұдайы өткізіліп тұрмақ.

Қала біздің мемлекетіміздің алғашқы астанасы болған деп мақтанышпен айта аламыз. Қалаға келетін туристерге ашылған мешіт-медреселерді, діни табыну ғимараттарды, теңгеханаларды, келешек ашылатын мәдени орындарды көрсеткенде алғашқы астанамыз мәдениеттің қандай дәрежеде болғандығына мақтана алатындай боламыз. Европа тарихшылары қазақ елі мүлдем сауатсыз, мәдениеттен жұрдай, көшерін жел, қонарын сай білген қаңбақ тәрізді ел болған деген пікірлеріне қарсы дәлел болары сөзсіз.

Қаланы қоршау, зерттеу жұмысы халқымыздың тарихына жаңа құнды материалдар беріп, жас ұрпақты отандық патриотизмге тәрбиелеудің маңызы өте зор. Оның ашық аспан астындағы музейге айналуы қала маңындағы кенттерде жұмыссыз жүрген жастардың жаңа жұмыспен қамтылуына мүмкіндік туғызады. Сондай-ақ Қызылорда облысының атын елімізге, керек десеңіз бүкіл әлемге әйгілі етпек.

Сығанақ қаласы мен оның аймағының тарихи-мәдени ескерткіштерге бай екенін, үзіндік табиғатын және географиялық орналасу ерекшелігін ескере отырып, қазіргі таңда бұл аймақта туризмнің тарихи-мәдениеттанушылық саласын дамытуға болады. Туризмнің бұл саласының негізгі мақсаты сыртқы, ішкі туристерге және жергілікті халыққа осы аймақтың бай тарихымен жан-жақты таныстыру болып табылады.

Қаланың музейге айналуы оған келіп-кетушілер үшін ешбір қиындық әкелмейді. Ол бұрынғы Ұлы Жібек долының ізімен салынған тас жолдың бойында орналасқан. Бұл жолдың бойымен қатар темір жол да салынған. Туристер қайсы жолмен келсе де Сығанаққа ешбір қиналмай жете алады. Алматыдан автобуспен не поезбен шыққан адам тура жетеді. Сол сияқты Ташкенттен шыққан туристер де Сығанаққа ешбір қиындықсыз жете алады.

Тағы бір жәй, әулие Сунақ атаның басына келіп зиярат етіп жүрген жұрт, енді ол кісінің әулие ғана емес ғалым екендігін біліп, ол кісінің мешіт-медресе салғызғандығын, басына салынған сағанасын көріп дән риза болып қайтады.

Сөйтіп Сығанақ қаласының ашық аспан астындағы музейге айналуы халқымыздың тарихындағы мәңгі өшпес мәдени мұрамыз болып қалатындығы сөзсіз, ол елімізді үлкен қуанышқа бөлейді. Сонымен қатар, келешекте ашық аспан асты музей негізінде осы өңірдің көптеген тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғауға алатын, онда зерттеу-

лер жүргізетін Республикалық археологиялық қорық музейі ашылуы тиіс екенін айтқымыз келеді.

«Ортағасырлық Сығанақ қаласы» ашық аспан асты музейін ашуына Қызылорда облысының Мәдениет басқармасы тікелей арласып ен бомлағанда 2012 жылы Қызылорда облыстық өлкетану музейінің бөлімі ретінде ашса, келешекте республикалық музей дәрежесін алуы мүмкін. Оған жергілікті басшылар, қоғам қайраткерлері, ізгі-жақсылар бір ауыздан қолдау көрсетсе құба-құп.

Резюме

С.Ж. Жолдасбаев

ВОПРОСЫ МУЗЕИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА СЫГАНАК

В статье рассматриваются вопросы превращения средневекового городища Сыганак в музей под открытым небом. Приводятся сведения письменных источников и публикуются новые археологические материалы.

Abstract

S.Zh.Zholdasbayev

PROBLEMS OF MUSEUMIFICATION OF THE MEDIEVAL SITE SYGANAK

Problems of transference of the medieval site Syganak into the museum under open sky are being considered in the article. There are presented Evidences of written sources and published the new archaeological materials.

1. *Махмұт Қашқари*. Түрік тілінің сүздігі (Диани лұғат-ит-түрік). 3 томдық шығармалар жинағы / қазақ тіліне аударған. – Алматы, 1997. – Т. I. - 531 с.
2. *Киракос Гандзакец*. История Армении. - М., 1976. - 224 с.
3. *Лерх П.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. – СПб., 1870. – 38 с.
4. *Смирнов Е.А.* Древности на среднем и нижнем течении р. Сырдарья // ПТКЛА. – Ташкент, 1897. - Год III. Протокол от 17 февраля 1897 г. – С. 7.
5. *Каллаур В.А.* Древние города Саганакъ (Сунакъ), Ашнасъ или Эшнасъ (Асанасъ) и другие въ Перовскомъ уезде, разрушенные Чингисъ-ханомъ въ 1219 году // ПТКЛА. - Ташкент, 1900. – Год V. (Приложение к протоколу №1). - С. 9-11.
6. *Каллаур В.А.* Древние города Саганакъ... С. 11.
7. *Кастанье И.А.* Надгробные сооружения киргизских степей. - Оренбург, 1911. – С. 189-192.
8. *Якубовский А.Ю.* Развалины Сыгнака // Сообщения ГАИМК. - Л., 1929. - Т. 2. – С. 123-159.
9. *Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археологическая. – 1949. – Вып.2. – С. 59-99.
10. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. — 1958. - Т. 5. - С.152.
11. *Акишев К.А., Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. – Алма-Ата, 1970. - 207 с.

М.М. Бахтыбаев

АРХЕОЛОГИЯ ӘУЕСҚОЙЛАРЫ ТҮРКІСТАН ҮЙІРМЕСІ МҮШЕЛЕРІНІҢ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫНДА АТҚАРҒАН ҚЫЗМЕТІ

XIX ғасырдың екінші жартысында Шымкент уезі Сырдария облысының солтүстік және орталық бөлігінде орналасып, қазіргі Оңтүстік Қазақстан облысының солтүстігіндегі Созақ ауданынан ағып өтетін Шу өзенінен бастап, оңтүстікте, оңтүстік-шығыста Өзбекстан Республикасымен, шығыста Жамбыл облысының Жуалы ауданының Шақпақата ауылдық округінен бастап, батыста Түркістан ауданының Майдамтал ауылдық округіне дейінгі жерін алып жатқан.

Шымкент уезінде Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесі мүшелерінің арасында зерттеу жүргізген Н.П. Остроумов, Е.Т. Смирнов, Н.Г. Маллицкий, Н. Руднев, В.П. Колосовский, П.А. Комаров, А.А. Черкасов, А.К. Кларе және т.б. үйірме мүшелері болды.¹

Түркістан үйірмесі тарапынан Сырдария өңіріне үлкен назар аударылып, онда орналасқан ескерткіштерді зерттеу мақсатында бірнеше «экспедициялар» ұйымдастырылды. Олардың қатарында, Е.Т. Смирнов пен Н.В. Руднев экспедициялары да болды. Е.Т. Смирнов зерттеу нәтижелерін 1897 жылы 17 ақпанда, ал Н.В. Руднев 1900 жылы 27 наурызда өткен үйірме отырыстарында баяндады.

Е.Т. Смирнов «Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи» атты мақаласында: «Цель моего сообщения заключается в том, чтобы обратит внимание членов Археологического кружка на одну из малоизвестных в историческом и в археологическом отношении местности Средней Азии, именно на долину р. Сыр-Дарьи...» деп жазып, Сырдария өзенінің ежелгі және орта ғасыр кезеңдерінде қалай аталғанына және бұған қоса осы өңірдің қысқаша тарихына тоқталып, Сыр бойында орналасқан көне қалалар туралы жазба деректер аз болғандықтан тек археологиялық деректерге сүйенуге мәжбүр болғанын алға тартты.²

Е.Т. Смирнов Сырдария бойында орналасқан археологиялық ескерткіштер жайлы өз пікірін дәйектеу үшін осы өңірде болып өткен белгілі тарихи оқиғамен байланыстыруды жөн көрді. Осы мақсатпен ол Шыңғысханның Орта Азияға жасаған жорығы жайлы мәліметтерді келтіре отырып, жаулап алынған аймақтарда орналасқан ортағасырлық қалаларды атап өтті. Олардың қатарында: Отырар, Бинакен, Ходжент, Нұрата, Сығанақ, Жент және т.б. қалалар бар.

Е.Т. Смирнов Отырар өңірінің қалалары, негізінен, Сырдария өзенінің бойында Арыс өзенінің оң жағасы мен Бөген, Шаян, Арыстанды өзендері аралығындағы жазықтықта орналасқандығын, ортағасырларда бұл өңірдің оңтүстік бөлігі үлкен Арыс-Бөген суландыру жүйесімен, ал Отырар қаласы Арыс өзенінен бастау алған канал арқылы суландырылғанын жазды. Сырдарияның сол жағалық жазығында көптеген төбелер, бекініс орындары мен ескі суландыру жүйесі

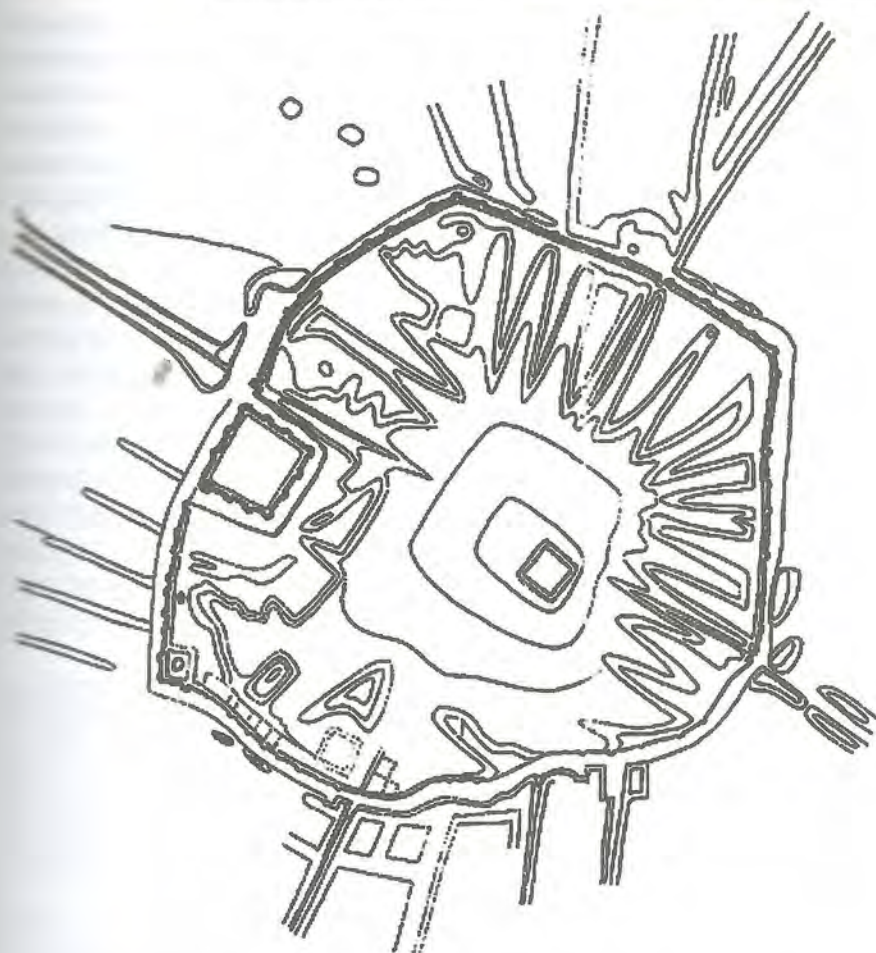
барлығын, олардың ішінде көлемі жағынан үлкендері Қауған, Артық, Құмиян және Мейрам қалашықтары мен елді мекендері болғанын атап көрсетті. Сонымен қатар, қазіргі кезде Қаратаудың теріскейінде Созак пен Шолаққорған айналасында көптеген елді мекендердің орындары барын атап, онда күйдірілген кесектерден салынған құрылыстар барын жазады.³

Н.В. Руднев 1899 жылы Сырдарияның сол жағасымен жүріп, Шардара бекінісінен (Шыназ ауылынан 60-70 верст төмен орналасқан) бастап Үш Қайық (Түркістан болысы мен Перовск уезінің шекарасына жақын жерде орналасқан) өткеліне дейінгі аралықты зерттеді. Ол Шардара маңында бірнеше топтан тұратын төбелерді (Мың төбе) ашып, мұндай обалар тек Шардара бекінісі мен «Ұзын Ата» деп аталатын жерге дейінгі аралығында кездесетіндігін жазды. Ал, Ксты (Қысты) деп аталатын жер мен Үш Қайық өткеліне дейінгі аралықта он бір көне қалашық орналасқанын атап өтті. Олардың қатарында: Ксты (Қысты), Ұзын-Ата, Сүткент, Байырқұм, Ичкеле (Ешкілі), Жартөбе, Рабат, Қалған-Ата (Қауғаната), Артықата, Раздыата және Оқсыз аталады. Н.В. Руднев: «...бұл атаулардың ішінде көне, бұрыннан келе жатқан атау тек қана Оқсыз атауы болып табылады деп, ал, басқа атаулардың кейінгі кезендерде өзгергендігін алға тартып, жаңсақ пікір айтты.⁴

Қалашықтардың төңірегі бұзылып тегістеліп кеткен, тек қана арықтардың іздері ғана байқалады. Ашылған ескерткіштердің тек қана цитадельдері мен ішкі құрылыс жобалары жақсы сақталған. Негізінен, цитадельдер қалашықтардың шетіне орналасқан үлкен төбе, әдетте биіктігі 10-25 сажень болып келеді. Қала ішіндегі тұрғын үй кварталдарының құрылымы төртбұрышты, тіктөртбұрышты және шеңбер тәрізді болып келеді. Қалалар айналдыра кесектен өрілген қамалмен қоршалған. Олардың сыртында оры болған. Қамал құландыларында қақпа іздері де байқалады. Н.В.Руднев жергілікті тұрғындар Қысты, Артықата, Қауғаната және Оқсыз қалашықтарын қазып, осы жерде орналасқан құрылыстар құландыларын бұзып, күйдірілген қыштарын алып кеткендігін жазады⁵. Сонымен қатар, барлық қалашықтар үстінен бояулы және бояусыз ыдыстар сынықтары табылғандығын да атап өтеді.

Ашылған қалашықтардың ішіндегі көлемі жағынан үлкені Қаракөл көлінен 2 верст қашықтықта орналасқан Сүткент қалашығы болып табылады. Жобасында көп бұрышты болып келген қала, сыртын айналдыра қолмен үйілген төбе үстіне кесекпен өрілген қамалмен қоршалған. Қалаға кіретін төрт қақпаның арасынан мұнарасы бар батыс қақпа ғана жақсы сақталған. Оның қабатында сыртын айналдыра ормен қоршаған цитадель орналасқан. Қақпалардан қала орталығына қарай баратын және сол жерде тік қиылысатын екі көше болған.⁶ Зерттеу барысында Н.В. Руднев Сүткент қалашығының топографиялық жобасын түсірді (1-сурет).

Н.В. Руднев осы қалаларға келетін жолдар бойында да, негізгі арықтардың Сырдан бастау алатын жерінде де және Сырдың Қызылқұмға қарайтын бетінде де төртбұрышты болып келетін шағын бекіністер мен

1-сурет. Сүткен қаласының жобасы (Н.В. Руднев бойынша)

қалалар арасында көптеген қарауылтөбелер орналасқанын атап өтті.⁷ Сонымен қатар, Н.В. Руднев Оқсыз қалашығының маңында шағын көлемді қазба жұмыстарын жүргізіп, үй құрылыс құландыларының бірінде жерленген адам мүрдесін ашты.

Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесі Шымкент уезінде орналасқан ортағасырлық Отырар қалашығын зерттеуге ерекше назар аударып, онда қазба жұмыстарын жүргізіп, оның зерттелуіне сүбелі үлес қосты. үйірме мүшесі И.Т. Пославский алғашқылардың бірі болып 1898 жылы Отырартөбе мен оның айналасында орналасқан шағын төбелерді зерттеп, тарихи топографиясына сүйене отырып, Отырар қаласы үш бөліктен – бекініс, қала және оны қоршаған шаруашылық аймақтан тұратындығын, ал оның сыртында бау-бақша болғанын атап өтті. Сонымен қатар, ол Отырартөбеден бірнеше шақырым жерде Арыс өзені бойында орналасқан басқа бір көне қалашықтың (Құйрықтөбе) ескі қорымы бар екендігін және ол жерде Арыстан баб жерленіп, үстіне жесене салынғанын жазып қалдырды.⁸

Үйірме мүшесі Н.С. Лыкошин 1899 жылы өзінің «Догадки о прошлом Отрара» атты мақаласында Арыс өзенінің Сырдарияға құяр жерінде орналасқан Отырартөбе қаласының сипаттамасын беріп, пайда болу тарихына тоқталды. Ол Мухаммад Наршахидың «Бұхара тарихы» атты еңбегінде келтірілген деректерге сүйене отырып, Отырар қаласын ортағасырлық жазба деректерде кездесетін Хамукет (Хамукат) қаласымен баламалап, қателесті.⁹ Н.С. Лыкошин қаланың «Хамукет» атауы уақыт өте өзгергенін немесе қала жаугершілік заманында өртенгенін алға тартып, қаланың атауында «Ут» деген сөз - «от» деген мағынаны білдірген, сондықтан «Утрар» деп аталған деген пікір айтты. Сонымен қатар, ол Түркістан мен Отырар ортасында Утрабат (Отырабат) ескерткіші бар екенін жазып, ол қалашықтың аталуы да «Ут» сөзімен басталатындығын алға тартты. Бұған қоса, ол осы өңірде орналасқан Алтынтөбе, Пышақшөбе ескерткіштерін атап өтіп, өз мақаласында Отырар қалашығын қазына іздеушілер қазып бүлдірмей тұрғанда, археологиялық қазба жұмыстарын жүргізуді ұсынды.¹⁰ Сонымен қатар, И.Т. Пославский және Н.С. Лыкошин да қала орнының сыртқы жағында қабырғалары күйдірілген қышпен қаланған жер асты жолдары барын, оны көмбе іздеушілер қазып жатқанын атап өтті.¹¹

Н.С. Лыкошинның «Түркістан ведомосі» газетінде шыққан бұл мақаласына қатысты В.В. Бартольд өз пікірін білдірді. Ол Хамукет қаласы әл Макдиси еңбегінде (X ғ.) Фараб өңірінде емес Талас өңірінде орналасқан қалалар қатарында аталатындығын алға тартты. Сонымен қоса Отырар қаласы ертедегі араб тарихшысы ат-Табаридің шығармасында „Отрар-бенд“ атауымен кездесетіндігін, Хамукетті Отырартөбемен баламалау қате екендігін атап өтті.¹²

Үйірменің вице-президенті Н.П. Остроумовтың тапсырмасымен А.А. Черкасов пен А.К. Кларе 1903 жылы Отырартөбе қалашығында болып, қалашықтың солтүстік-шығыс бөлігінде жобасында бесбұрыш болып келетін қамал орналасқанын жазып, А.А. Черкасов төбенің топографиясына сүйене отырып, цитадельдің үш қақпасы (оңтүстік-шығыс, оңтүстік-батыс және солтүстік бөлігінде) болғанын және бұл қақпалар цитадельді (бекіністі) үш бөлікке бөлетінін атап өтті.¹³

А.А. Черкасов қамалдың әр бөлігіне жеке-жеке мынадай сипаттама береді: «Юго-западная часть, имеющая вид прямоугольного теругольника, самая возвышенная и, как наружная отголосль бруствера... Северо-западная часть – наименьшая – отделяется от предыдущей и представляет из себя покатость... Восточная часть крепости – самая большая – с севера на юг сначала постепенно поднимается, достигает наибольшей точки посредине, около площадки и затем влево опускается к углу».¹⁴ Сонымен қатар, А.А. Черкасов төбе үстінен жинап алынған ыдыс сынықтарын суреттеп жазып, Отырар қалашығының орталық бөлігінің жобасын түсірді.

А.А. Черкасов осы сапарында Отырар қалашығының төңірегінде үлкенді-кішілі арықтардың (каналдар) орналасқанын жазып, осы өңірде көптеген төбелер кездесетінін және олардың өзіндік атаулары бар екенін атап өтті. Бұл төбелер солтүстіктен оңтүстікке қарай тізбектеле

ші қатар болып орналасқанына тоқталады. Олардың бірі Қаратаудан басталып, Отырар қалашығының батыс жағынан Арыс өзенінің сол жағымен; ал екіншісі Түркістанның шығыс жағынан басталып, Отырардың шығыс жағымен Арыс өзенінің оң жағалауымен өткенін көрсетеді. Батыс тармағында - Джумалак-той-төбе, Үштөбе, Жалғызтөбе, Отырбад, Мәслихат, Алтынтөбе, Арыстанбаб, Пшақшытөбе; Арыс өзенінің арғы бетінде: Үлкентөбе, Мардан, Жетітөбе, Берден, Сеткин және Бесқарақұм төбелер; ал, шығыс тармағында - Қарауыл, Қисық, Майтөбе, Джамана, Ақтөбе 1, Ақтөбе 2, Жалпақ, Чакчакой, Жетітөбе, «Ақдары», Арыс өзенінің арғы бетінде Қаракүнгір, Ақтөбе 3 және Ишым төбелер бар екенін атап өтті¹⁵. Өкінішке орай, бір қатар төбелердің атаулары қате жазылып, орналасу жері нақты анықталып берілмеген. Сол себептен олардың орналасқан жерін, қазіргі атауын анықтау қиынға түсіп отыр.

А.К. Кларе «Древний Отрар и раскопки, произведенные в ривалинах его в 1904 году» атты мақаласында Отырар қаласы жайлы жазылған жазба деректерге сүйене отырып, оның тарихына және төбеде жүргізілген қазба жұмыстарына кеңінен тоқталды.

А.А. Черкасов пен А.К. Кларе Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесінің тапсырысымен 1904 жылы Отырартөбенің орталық бөлігінде қазба жұмыстарын жүргізді. Қазба жұмыстары Орта және Шығыс Азияны зерттеу жөніндегі Орыс комитеті тарапынан қолдаумен жүргізіліп, №1 траншея үш қақпадан келген жолдардың түбіскен жеріндегі төбешік үстінен салынды. Қазба жұмыстары барысында қыштан төселген еден, тандыр, ташнау орындары ашылып, темірмендер, темір балта, бояулы ыдыс сынықтары, 2 күміс, 6 мыс теңгелер, мыс қоңырау, алқа, тастан жасалған 2 ядро және т.б. заттар табылды.¹⁶

№1 траншеяның соңынан №2 траншея төбенің шығыс бөлігінде, солтүстік-батыс қақпасынан оңтүстік қақпаға барар жолдың бойында салынды. Қазба жұмыстары барысында тандыр, ташнау ашылып, бірнеше мыс теңгелер, шағын көзе, қаптама плиткалары және т.б. заттар табылды. Төбе үстінде, солтүстіктен оңтүстікке қарай №3 траншея салынып, қазу барысында қыш және ыдыс сынықтары табылды.

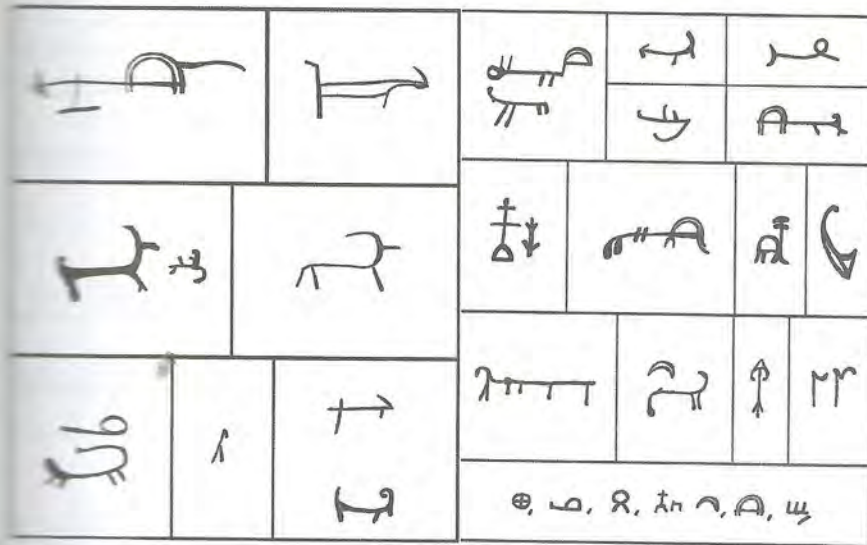
Н.П. Остроумов пен И.Т. Пославскийдің берген кеңесі бойынша, Отырартөбенің құрылымын анықтау мақсатындағы А.А. Черкасов пен А.К. Кларе төбенің солтүстік жиегінен қосымша №4 және №5 траншеялар салды. Қазба барысында кесектен қаланған қабырға ашылып, А.К. Кларе қабырғаның биіктігі төбе биіктігімен бірдей болған деген пікір айтты.¹⁷ Қазбаны одан әрі жалғастыру барысында отырбад аймағына дейін жалғасқан №5 траншеяны қазу барысында бірнеше сәби мүрделері мен қабырға қаландысының ішінен адам мүрдесі аршылды. Сонымен қатар, А.А. Черкасов пен А.К. Кларе қазба барысында табылған заттардың тізімін жасап, оларды Ташкент музейіне өткізді.¹⁸

1901 жылдың 11 желтоқсан күні өткен үйірме отырысында В.П. Колосовскийдің «В Каратавских горах Чимкентского уезда» атты баяндамасы тыңдалып, ол «хаттамалар» бетінде жарық көрді. В.П. Колосовский баяндамасын былай деп бастайды: «Судьба предусмотрительно скрыла от человека будущее. Непроницаемая завеса полной неизвестности, побуждая человека напрягать свой ум, держит нас на почве шатких теории и смутных догадок...».¹⁹ Үйірме мүшесі В.П. Колосовский Қаратаудың солтүстік беткейінде іс-сапармен болып, Құмкент, Саудақент және Бабаата қалаларының құландыларын сипаттап жазды. Құмкент қалашығының ауқымды жерді алып орналасқанын, айналдыра қамалмен қоршалғанын және цитаделі орталық бөлігінде орналасқанын атап өтті. Осы жерде орналасқан төртбұрышты, күйдірілген екі қыш құландылары қақпа мұнараларының орнын көрсетеді деп пайымдап, төбе үстінде көптеген ыдыс сынықтары шашылып жатқанын жазды.²⁰ В.П. Колосовский Саудақент қалашығында да болып, оның Құмкент қалашығынан 30 верст шығыста орналасқанын баяндайды. Саудақенттің Құмкентке қарағанда әлдеқайда үлкен екендігін, оны айналдыра биік жал мен ор қоршағанын және оның сыртында жеке тағы бір қорғаны болғанын айқындады. В.П. Колосовский қамал (қала) ішінде орналасқан төртбұрышты құрылыс екінші цитадель немесе жергілікті патшаның «кешк-сарайы» болуы мүмкін деген пікір айтты²¹.

Саудақент пен Құмкент қалашықтарын көрген соң В.П. Колосовский Бабаата қалашығында болып, оның орналасқан жерінің топографиясына қарай: «По конфигурации местности город не мог быть велик и скорее представлял из себя укрепленный замок», - деп пайымдап, қазіргі таңда бұл жерде тек мұнарасы бар төртбұрышты құланды сақталғанын атап өтті. Сонымен қатар, В.П. Колосовский Үсітас шатқалында орналасқан балбал тасты да суретке түсіріп сипаттап жазды.²²

1905 жылдың тамыз айында П.А. Комаров пен Ф.С. Шпотин Боралдай өзенінің бойын аралап, осы өзенге Теректі өзенінің құяр жерінен жоғары, Қаратастыбұлақ пен Қызылбұлақ ортасындағы суайрықтағы жартастарда салынған суреттер мен жазулардың орнын ашып, зерттеді. Жартастарда жылқы, арқар, бұғы, ит, қасқыр және адам бейнелері кескінделген. Олардың ішінде, арқарды садақтан атып жатқан салт атты садақшылар мен арқардың жолын бөгеген ит бейнелері аң аулау көріністеріне жатады.²³ Бұнымен қатар, П.А. Комаров жартастарда кескінделген таңбалар орхон немесе қазақтардың таңбаларына ұқсастығын, ал, жартастағы суреттердің Саймалытаста салынған суреттерге ұқсас екенін жазды. Сонымен қатар, П.А. Комаров кейбір жекелеген тастардағы таңбалар мен суреттердің көшірмелерін сызып алды (2-сурет).²⁴

1905 жылы орман қараушысы Максимов, Корниловка (Жаскешу) ауылынан 8 км жердегі Теректі шатқалында орналасқан шлактарға толы көне штольняларды ашты. Осы жылы геолог Н.В. Ковалев оларды зерттеп, оның нәтижелерін 1905 жылдың 23 желтоқсанда өткен үйірме отырысында баяндады.²⁵ Зерттеуші құлаған тас пен тіреу ағаштарының

2-сурет. Боролдай жазулары (П.А. Комаров бойынша)

қалдығына толы 10 штольняны және осы жерде сақталған, қабырғасы жетілмеген жалпақ тастардан ұқыпты етіп қаланған ауа тартатын сарылысты суреттеп жазды. Штольня ішінде бүтін және сынық сырлы тастардан табылды. Шлактардың талдауы бұл XII-XIII ғғ. күміс-күрделі рудалары алынған кен орыны екендігін көрсетті.²⁶ Сонымен қатар, Н.В. Ковалев Түлкібас ауылынан оңтүстікте Дәубаба тауындағы Ақарбай сайда орналасқан суландыру жүйесін ашып, оны сипаттап жазды.²⁷ Күйдірілген құбырлар ұзындығы 12 вершок, диаметрі – бір жағы 3 вершок, екінші жағы 5 вершок, бір-біріне кіргізілген. Су құбыры терең басталып, Арыс өзені бойында орналасқан төбе маңына дейін тартылған, оның жалпы ұзындығы 5 верст құрайды.

Н.П. Остроумов 1913 жылы 11 желтоқсанда өткен үйірме отырысында Балықшы ауылы жанынан табылған жазуы бар тас туралы баяндап, бұл тастағы жазу араб жазуына дейінгі белгісіз бір жазумен жазылған деп жазады.²⁸ Сонымен қатар, 1916 жылы 30 желтоқсанда өткен үйірме отырысында И.А. Кастаньенің Темір станциясынан 45 верст жерде, Бөген өзенінің бойында орналасқан Бұзық қалашығы туралы қысқаша баяндамасы тыңдалды.²⁹

Қорыта келгенде, Археология әуесқойларының Түркістан үйірмесі мүшелерінің Оңтүстік Қазақстан облысында (Шымкент уезінде) атқарған зерттеулері ауқымды әрі жемісті болып табылады.

Үйірме мүшелері көптеген ескерткіштер ашып, оларды ғылыми маңызына енгізді. Обалар, тасқа салынған суреттер, балбал тастар, көне жобалар, ортағасырлық қалашықтар мен елді мекендердің орналасқан жерін анықтап, есепке алу және зерттеу жұмыстарын жүргізді. Сонымен қатар, үйірме мүшелерінің кейбір ескерткіштер жайлы мәліметтері толық болмаса да, қалдырған деректері құнды болып табылады (кесте 1).

Кесте 1 – Үйірме мүшелері Шымкент уезінде ашқан, орналасқан жері жайлы хабарлаған және қайта зерттеген ескерткіштер
Қайта зерттеген ескерткіштер

№	Зерттеушінің аты-жөні	Ескерткіштер түрі										Қаза жүртiзiлген Ескерткіштер саны	Қалашықтар мен елді мекендер
		Бағалдар	Тасқа салынған суреттер мен жазулар	Обалар қорымы	Обалар тобы	Жеке оба	Сұғандыру жүйесі	Кен орны	Қалашықтар мен елді мекендер				
									Сипаттамасы мен өлшемдері берілген	Тек орналасқан жері аталған			
1	Н.П. Остроумов	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	К.Д. Бронин	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-
3	С.Т. Смирнов	-	-	-	-	1	-	-	-	1	9	1	-
4	Н. Руднев	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	П.А. Комаров	-	1	-	-	-	-	-	-	2	-	-	1
6	В.П. Колосовский	1	-	-	-	-	-	-	-	-	24	-	1
7	А.А. Черкасов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
8	А.К. Кларе	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
9	Н.С. Лыкошин	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Н.В. Ковалев	-	-	-	-	-	1	10	-	-	-	-	-
11	С.Г. Малицкий	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-
12	В.А. Каллаур	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	И.А. Кастанье	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
	Барлығы:	1	2	1	-	1	3	10	5	38	2	2	2

4-ші кестеде көрсетілгеніндей, үйірме мүшелері Сырдария облысының Шымкент уезінде жүргізілген зерттеулер барысында 61 ескерткіш ашылып, олардың басым бөлігінің сипаттамасы берілген, 2 ескерткіш қайта зерттеліп, 2 ескерткіште (2 қалашықта) қазба жұмыстары жүргізілді.

Резюме

М.М. Бақтыбаев ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЛЕНОВ ТУРКЕСТАНСКОГО КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ

В статье рассматриваются изыскания членов Туркестанского кружка любителей археологии в Чимкентском уезде Сырдарьинской области.

Abstract

М.М. Bakhtybayev ACTIVITY OF MEMBERS OF TURKISTAN GROUP OF LYUBITELEY OF ARCHAEOLOGY IN SOUTH KAZAKHSTAN

Investigations of members of Turkistan Circle of Archaeology amateurs in Chimkent region of Syrdaria oblast are being considered in the article.

1. *Бақтыбаев М.М.* Шымкент уезіндегі археологиялық ескерткіштердің ашылу тарихынан // Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің Хабаршысы. - Тарих сериясы. - 2009. - № 1 (52). - 149-152 бб.
2. *Бақтыбаев М.М.* Археология әуесқойларының Түркістан үйірмесі мүшелерінің Отырар оазисінде атқарған қызметі // Валихановские чтения—14: сб. материалов междунар. научно-практ. конф. Кокшетау: КГУ им. Ш. Уалиханова. 24-26 апреля 2009 г. - Кокшетау, 2009 - Т. 1. - 65 б.
3. *Смирнов Е.Т.* Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарья // ПТКЛА (1896-1897). - Ташкент, 1897. - Год II. - С. 1-14 (прил. к протоколу от 17.02.1897 г.). - С. 5-6.
4. *Руднев Н.* Следы древних городов по Сыр-Дарье // ПТКЛА (1899-1900). - Ташкент, 1900. - Год V. - С. 57-58.
5. *Руднев Н.* Следы древних городов... С. 59-60.
6. *Бақтыбаев М.М.* Археология әуесқойларының... 416 б.
7. *Руднев Н.* Следы древних городов... С. 61.
8. *Пославский И.Т.* Развалины гор. Отрара // ПТКЛА (1897-1898). - Ташкент, 1898. - Год III. - С. 236-238 (прил. к протоколу от 11.12.1898 г.).
9. *Лыкошин Н.С.* Догадки о прошлом Отрара // ПТКЛА (1898-1899). - Ташкент, 1899. - Год IV. - С. 171-174.
10. *Лыкошин Н.С.* Догадки о прошлом Отрара... - С. 172-174.
11. *Пославский И.Т.* Развалины... С. 237; *Бартольд В.В.* По поводу статьи «Догадки о прошлом Отрара» // ПТКЛА (1898-1899). - Ташкент, 1899. - Год IV. - С. 175-176.
12. *Бартольд В.В.* По поводу статьи... С. 175-176.
13. *Черкасов А.* Поездка на развалины Отрара // ПТКЛА (1902-1903). - Ташкент, 1903. - Год VIII. - С. 67.
14. *Черкасов А.* Поездка на развалины Отрара... С. 75.
15. *Черкасов А.* Поездка на развалины Отрара... С. 71.
16. *Кларе А.* Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 году // ПТКЛА (1903-1904). - Ташкент, 1904. - Год IX. - С. 33.
17. *Кларе А.* Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 году // ПТКЛА (1903-1904), IX. - Ташкент, 1904. - С. 35

18. Список предметов, найденных при раскопе Отрарского холма // ПТКЛА (1903-1904). – Ташкент, 1904. – Год IX. – С. 40-42.
19. *Колосовский В.П.* В Каратавских горах Чимкентского уезда (Археологическая заметка) // ПТКЛА (1900-1901). – Ташкент, 1901. – Год VI. – С. 89-97 (прил. к прот. № 3 от 11.12.1901 г.).
20. *Колосовский В.П.* В Каратавских горах Чимкентского уезда... С. 89-90.
21. *Колосовский В.П.* В Каратавских горах Чимкентского уезда... С. 94.
22. *Колосовский В.П.* В Каратавских горах Чимкентского уезда... С. 95-97.
23. *Комаров П.* О Боролдайских письменах // ПТКЛА (1904-1905). – Ташкент, 1905. – Год X. – С. 23.
24. *Комаров П.* О Боролдайских письменах... С. 24.
25. *Ковалев Н.В.* Остатки древней культуры в горах Ала-Тау Чимкентского уезда // Туркестанские ведомости. – 1906. – № 46. – С. 26-27.
26. *Ковалев Н.В.* Остатки древней культуры...
27. *Ковалев Н.В.* Остатки древней культуры... С. 27.
28. *Остроумов Н.П.* О надгробном памятнике из селения Балыкчи Чимкентского уезда / Сообщение Остроумова Н.П., прот. №1 от 11.12.1913. // ПТКЛА (1913-1914). – Ташкент, 1913. – Год XVII (XVIII). – Вып. 2. – С. 57.
29. Протокол № 3 от 30.12.1916 г. // ПТКЛА (1915-1916). – Ташкент, 1917. – Год XXI. – № 3. – С. 109.

Е. Есжан, Г. Байсариева

ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН КЕШЕНДІ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЭКСПЕДИЦИЯСЫНЫҢ ОТЫРАРДЫ ЗЕРТТЕУ ТАРИХЫНАН

Отырардың археологиялық ескерткіштері XIX ғасырда-ақ ғалымдар назарына ілікті. Әйгілі тарихшы А.И. Левшиннің 1832 ж. басылған кітабында Отырар тірі қала ретінде емес, қиранды, қала құландысы ретінде аталды. Оңтүстік Қазақстан аймағы Ресей империясы құрамына енген соң Отырар ескерткіштерін келіп көруші зерттеушілер байқап болды. Отырардың зерттелу тарихы Е.И. Агеева, К.А. Ақышев, К.М. Байпақов, Л.Б. Ерзакович еңбектерінде жан-жақты баяндалған. Отырардың зерттелу тарихы жөнінде ең соңғы шолу М. Қожаның «Ортағасырлық Отырар» атты 2006 жылы Түркістанда жарияланған кітабында, докторлық диссертациясында қарастырылған.

Осы зерттеулерге шолу жасай отырып мына маңызды мәселелерге назар аудармақпыз. Көптеген тарихнамалық шолуларда Отырарда алғаш археологиялық қазба 1904 жылы А.К. Кларе мен А.А. Черкасов атқарды деп жазылып жүр. Қазір М. Қожаның ізденістері нәтижесінде Отырарда алғаш қазба 1884 жылы атақты археолог, тарихшы Н.И. Веселовский жасаған болып отыр.

«Әзірет мешітін көріп болған соң, Темірдің дүние салуымен белгілі болған кезекті құланды - Отырар болды. Бұл қаланың қалдықтары Арыс пен Дария суларының тоғысқан жерінде. Алғашқы өзен қаладан 6 верста, екіншісі 3 верста қашықтықта ағып жатыр.

Түркістан мен Отырар арасы арба жолмен 70 верста деп саналады. Дария бойында біз көрген басқа қалалардай Отырар да бас қамалдан (цитадель) және қазір әбден бұзылған баулы шаһардан тұрады. Көптеген арықтары бар қаланың алып аумағында төбешіктер жиі кездеседі. Қаланың бас қамалының орны қазір ирек-ирек сайлармен белшектенген биік жеке төбе. Оның үстіндегі сайлар, бәлкім көше орындарын көрсетіп тұрса керек.

Отырар құландысының бұзылып езілгеніне қарамастан орталық қамалды айнала түскен ор іздерін, қамал қабырғалары мен қақпаларының орындарын айыру қиын емес. Қамал мен оның айналасындағы төбешіктер бетінде түрлі - түсті күйген топырақтан жасалған сырлы ыдыс сынықтары шашылып жатыр. Қырғыздардың (қазақтардың - авторлар) айтуынша, бұл сынықтарды төбе үстінен жаңбыр шайып шығарады, олардың балалары кейде жаңбырдан соң төбешіктер үстінен көне теңгелер табады. Жазғы көшіп - қону кезеңі болғандықтан олардың бірде - бірін алу мүмкін болмады.

Қамал үстіндегі барлаулар келесі құрамды көрсетті: ыдыс сынықтарымен араласқан құм мен топырақ, күйдірілген сазды кесек белшектері, қара топырақ, қоңыр - сары түсті, кейде бір - бірімен араласқан топырақ кабаттары. Жасалған қазбалардың ұзындығы 2-3, тереңдігі 6 сажень және одан да терең қазылды.

Қамал сыртының батыс бағытындағы іргесінде дөңгелек, айналасының ұзындығы 50 сажень 13 аршин болып келген бір төбешік үстінде жүргізілген қазба барысында, бір сажень тереңдікте үш адамның қаңқасы шықты. Оның бірінен мәйіттің бас сүйегі алынды. Мәйіттер бір – бірінің үстінде жатты. Олардың ара қашықтығы $\frac{1}{2}$ аршин болды. Мәйіттердің барлығының басы батысқа қарай, қол аяғы созыңқы үлгісінде, тек ең төменгі мәйіттің аяқтары ғана тізеден шамалы бүгіліп, айқастырылып жатқызылған.

Бұдан басқа бас қамалдан оңтүстік – батыс бағытында белгілі дәрежеде биік, қырғыздар (қазақтар – авторлар) Ақтөбе деп атайтын қорған үстінде барлау қазба жасалды. Бұл жерде әрқайсысының ұзындығы 2–2½ сажень және тереңдігі 1–2 сажень төрт қазба жүргізіліп, бірінің беткейінен екі аршин тереңдікте күйдірілген саздан жасалған құмыра табылды. Оның бірі бүтін, ал екеуі сынған. Бұл ыдыстармен қатар осы қабаттан құм, қара топырақ, саз, кесек бөлшектері және өте ұсақ, сұр түсті бос топырақ кездесті. Ыдыстар қиылысып жатқан. Сынған ыдыстар іші топыраққа тола, ал бүтінінің іші бос».

1904 жылы А.К. Кларе мен А.А. Черкасов қазғандарын мақала етіп жария етті. Отырардың тарихта алатын орнын анықтауда ХХ ғ. Ортасында А.Н. Бернштам басқарған экспедицияның орны ерекше еді. Осы ғалымның басқаруымен ОҚАЭ жемісті жұмыс атқарды.

Ә.Х.Марғұланның Отырартөбеде қазба жұмыстарын жүргізбегені белгілі. Алайда, осыған қарап атақты ғалым көне Отырар ескерткіштерін көрмеген немесе Отырар мәселесінен алшақ болған деп санауға болмайды. Бұған Ә.Х. Марғұланның «Отырар қаласының орнында» атты «Білім және еңбек» журналында жарияланған мақаласы дәлел бола алады. Мақаланың дүниеге келуіне келесі жағдайлар себеп болған. 1960 ж. Отырартөбе үстінде Арыс совхозы директорының нұсқауымен эксковатордың күшімен қыш алу жұмыстары жүргізіледі. Көне қала орны бұзылып жатқаны жөнінде сол кездегі Қоғам ауылының мұғалімі Әкімқұл Әбдірайымов «Білім және еңбек» журналының редакциясына хат жазып, Отырартөбеден қыш алу мақсатында жүргізіліп жатқан қазбалардан табылған заттарды жіберген.

Осы жағдайға байланысты академик Ә.Х. Марғұланға мұғалімнің Отырардан тауып салып жіберген теңгелері, керамика және басқа да бұйымдары көрсетілген. Академиктің осы жағдайға байланысты жазған мақаласы 1961 ж. «Білім және еңбек» журналының № 4 санында жарық көрді.

Ә.Х. Марғұлан көне Отырар қаласының құндылығын келесі жолдармен белгілейді: «Отырар – бір кездегі атақты астана, толып жатқан керуен жолының торабы, әйгілі мәдениет, сауда орны болған. Х–ХV ғасырларда Сырдария жағасында мұнан үлкен қала болмаған. Арабтар Орта Азияны жаулап алғанда Отырарды жақсы көргендіктен оны Фараб деп атаған. Атақты күйші, фелсафашы, ғалым Абунасыр Әл-фараби осы Отырар–Фараб қаласында туып өскендіктен оның лақап атын Әл-фараби деп атап кеткен». Мақалада Ә.Х. Марғұлан Қазақстан ғалымдарының Отырарда үлкен қазба жұмыстарын ұйымдастыру

басқарламасы барын, қалашықты зерттеуге Мұхтар Әуезов қолдау көрсетіп отырғанын атап өтеді: «өткен жылы бұл тарихи орынды калушы Мұхтар Әуезов та барып көріп, «зерттеуге тұратын мүлік екен», – деп кеткен ... Халықтың өтінішін еске алып, осы жылдың жазғы айларынан бастап Қазақстан Ғылым академиясы Отырар қаласының аумағында үлкен ғылыми – зерттеу жұмысын жүргізуді жобалап отыр. Көп жылға жоспарланған бұл зерттеу Отырар қаласының не заманғы аясын толығынан ашпақшы. Оның ішінде қаланың тарихы, қалалық баспаханасы (баспана болса керек – авторлар), архитектурасы, өнер, искусство, мәдениет дүниесі тегісімен қамтылмақ».

Кемел Ақышев Отырар археологиялық экспедициясы 1970 ж. басқарып Отырартөбенің стратиграфиясы мен топографиясын зерттеді, етес алқаптың басқа да ескерткіштерінде қазба жұмыстарын жүргізді. Кемел Ақышев сол кездегі республика басшысы Д.А. Қонаевқа жазып, 1970 ж. аяғында жұмысы 20 жылға жоспарланған Оңтүстік Қазақстандық кешенді археологиялық экспедициясының (ОҚКАЭ) құрылуына ұйытқы болды, жыл сайын аталған мақсатқа қомақты қаржы бөлінуіне ықпал етті. Мұндай қаражат бұрын–соңды бірде–бір жердегі зерттеуге бөлінген емес–ті.

ОҚКАЭ–ның ғылыми жұмыстарының алғашқы үлкен жемісі – Кемел Ақышев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович бірлесіп жазған «Ежелгі Отырар» атты монография болды (1972 ж.). Кітапта Отырарға қатысты сол кезде белгілі жазба деректердегі мәліметтер қамтылды, қаланың зерттелу тарихы, қала топографиясы мен алғаш рет жасалған стратиграфиялық қазба нәтижелері баяндалды, жаңа табылған ескерткіштер сипатталды, олардың жасалған уақыты белгіленіп керамикасы сипатталды, ескерткіштерді ежелгі және ортағасырлық керамикалық топтармен байланыстыру мәселелері қарастырылды. Кітапта Оңтүстік өңірдегі археологиялық ескерткіштерді зерттеу барысында табылған тың материалдар негізінде Қазақстан археологиясының теориялық мәселелері қаралды, жаңа тұжырымдар мен болжамдар ұсынылды. Отырартөбенің стратиграфиялық бағанасы (колонка) басқа елді мекендерді зерттеуде үлгі болды.

Кемел Ақышев басшылық еткен ОҚКАЭ–сы алғаш рет Отырартөбеде кең көлемді аудандарды ашу тәсілімен қазба жұмыстарын бастады. Алты жыл ішінде, 1971–1976 жж. қаланың ХҮІ–ХҮІІІ ғғ. жағатын шамамен 7 га ауданы, яғни, кейінгі ортағасырлық Отырардың үштен бір бөлігі аршылды. Бұл ОҚКАЭ–ның мүшелеріне. Отырар археологиясы мен тарихи мәселелерді терең зерттей түсуіне жол ашты. С.М. Ақынжанов пен Л.Б. Ерзакович Оңтүстік Қазақстан қалаларын қазу барысында үй ішін жылытатын пеш кенін (кан) зерттей отырып, олардың пайда болуын Сырдарияға қимақ–қыпшақ тайпаларының қоныс аударуымен байланыстырды. 1972 ж. далалық археологиялық зерттеу жұмыстарына арналған Ташкенттік жинақта К.М. Байпақовтың кейінгі ортағасырлық Отырар орамдары хақында, С.М. Ақынжановтың Отырарды қазу барысында табылған ХҮІ–ХҮІІІ ғғ. керамика мен басқа да бұйымдар жөнінде, Л.Б. Ерзаковичтың Отырардың кейінгі ортағасырлық тұрғын үйлері хақында зерттеулері басылды.

Әртекті деректердегі мәліметтерді археологиялық материалдармен салыстыру жұмыстары басталды. Сырдария бойындағы XV–XVIII ғғ. заттық мәдениет үлгілерін жазба және ауыз әдебиет, этнография мәліметтерімен сәйкестендіру С.Ж. Жолдасбаевтың мақаласында, С.М. Ақынжановтың қыпшақтар мен Хорезмнің XII–XIII ғғ. ара қатынасын анықтауға арналған зерттеуінде көрініс тапты.

1976 ж. Кемел Ақышевтың археология мәселелерін алғаш рет қазақ тілінде қарастырған «Ертедегі ескерткіштер елесі» атты кітабы шықты. Еңбектің үшінші бөлімі толығымен Отырарға арналып, онда аттас қала мен алқаптағы жүргізілген зерттеу нәтижелері баяндалды.

ОҚКАЭ – ның құрамында В.А. Грошев басқарған топ байырғы ирригациялық ескерткіштерді тауып зерттеумен айналысты. Осы мақсатта топографиялық жұмыстар археологиялық кесінділер жүргізумен ұштастырылды, аэрофото пайдаланылды. Бұрын сонды болмаған тың жұмыс негізінде Отырар алқабындағы байырғы ирригациялық жүйелер анықталып, олардың жұмыс істеген мезгілдері белгіленді. Су қоймалары және су құбырларының бағыттары жеке дара зерттелді. Осындай ауқымды жұмыстардың негізінде Отырар мен күллі Оңтүстік ирригациясының даму кезеңдері нақтыланып, қалалық мәдениеттің дамуымен байланысы көрсетілді. Осы зерттеулер негізінде В.А. Грошев Ленинградта кандидаттық диссертация қорғады.

Отырар өңіріндегі көне қорымдарды іздеу мақсатында Б.Н. Нұрмұханбетов басшылық еткен арнайы топ құрылды. Ізденістер нәтижесінде бұрын беймәлім болып келген бір топ жаңа ескерткіштер табылды. Құйрықтөбе іргесінен әуелгі мұсылмандық дәуірге (X–XII ғғ.) жататын мазаратта қазба жұмыстары жүріп, ондағы жерлеу ерекшелігі сипатталды, б.э. бірінші мыңжылдығының бірінші жартысына жататын қорымдар – Мардан, Қыркескен, Көкмардан мазараттары табылып, Б.Н. Нұрмұханбетов, Ю.И. Трифонов, Ә.К. Ақышев қазба жұмыстарын жүргізді. Мардан мазаратындағы жерлеу рәсімі мен ондағы қытайдың «ушу» теңгесінің табылуы Б.Н. Нұрмұханбетов пен Р.З. Бурнашеваның арнайы мақаласында қарастырылды.

1977 ж. «Отырардағы археологиялық зерттеулер» атты жинақ жарық көрді. Кітапта Кемел Ақышев ОҚКАЭ–ның 1971–1975 жж. Отырарда жүргізген бес жылдық қазба нәтижелерін баян етіп, ежелгі қаладағы әлеуметтік-экономикалық жағдай, қолөнер, демография мәселелері суреттелді. К.М. Байпақов жазба деректер мәліметтері негізінде Оңтүстік Қазақстан аумағындағы ортағасырлық қалаларды баламалады. Көне Отырардың, яғни Фарабтың Отырартөбе орнында болғаны күмән туғызбайтынын айтып, алқаптағы Кедер, Бурух, Висидж қалаларының баламалануы жөнінде өз пікірін білдірді. Ғылыми жинақтарда Әлишер Ақышевтың Отырартөбеден табылған нефрит, Е.А. Смағұловтың Құйрықтөбеден табылған қола құмыралары, Отырардың керамикалық қақпақтары жөнінде Н.И. Синенькаяның, керамикалық өрнекті ошақ жөнінде К.Н. Бурхановтың зерттеулері басылды. Отырардың X–XIII ғғ. тарихына қатысты жаңа мәліметтерді К.М. Байпақов пен В.Н. Настич жария етті. Х.А. Алпысбаевтың Отырар

өзінде палеолиттік құралдар орны мен неолиттік тұрақтар тапқанын ерекше атап кету қажет. Отырардағы 1979 ж. қазба нәтижелері Кемел Ақышевтың, Көкмардан қалашығындағы қазбалар В.И. Скрипниковтың хабарламаларында басылды. Нумизмат Е.А. Давидович саманилер мен ануштегіндер дәуірінде Барабта соғылған теңгелерді ғылыми мақалымға енгізді.

1981 ж. Алматыда Қазақстан мен Орта Азияның XIII–XVIII ғғ. қалалық мәдениеті мәселелерін қарастырған үлкен конференция өтті. Онда ОҚКАЭ-ның Отырардағы кейінгі ортағасырлық қабаттарында кең көлемде жүргізілген қазба жұмыстары жоғары бағаланды. Археологияда пайда болған жаңа бағыт, яғни кейінгі ортағасырлық археология ресми түрде мойындалып, бұл саладағы жетістіктер әңгіме арқауы болып, атап тұрған міндеттер белгіленді.

Кемел Ақышевтың баяндамасында Қазақстанның ортағасырлық қалаларын зерттеудің маңыздылығына ерекше назар аударылды. Отырар өңірі мен оған көршілес Оңтүстік Қазақстан жері ең көне отырықшылық, суармалы егіншілік пен қалалық мәдениеттің орталығы болғаны, бұл мәдениеттің бастауы Сырдарияның кейінгі қола дәуірі мен отырықшы сақтар мәдениетінде жатқаны айтылды.

Отырар қазбалары негізінде К.М. Байпақов Оңтүстік Қазақстанның ортағасырлық қаласының құрылымын қарады. Әсіресе ортағасырлық (VI–VIII ғғ.) қала ерекшелігі көрсетіледі. Үй формаларының құрылымы, үй іші Орта Азия қалаларындағы үйлерден өзгеше екендігі аталады. IX–XIII ғғ. қаласының ішкі құрылымдарында көп өзгешеліктердің бар екендігі, атап айтқанда, мешіт, монша, үй ішінде крест және бір сызық бойы орналасқан бөлмелер, сауда орындарының пайда болуы атап өтіледі. Осымен қатар XIII–XVIII ғғ. қала ерекшеліктері де К.М. Байпақовтың мақаласында қарастырылады. Отырар өңіріндегі 1984–1985 жж. Қазба нәтижелері жөніндегі К.М. Байпақов пен Л.Б. Ерзаковичтың хабарлары басылды. Монғол әскерлерінің Отырарға келуі және оларға қарсы Қайырхан әскерлерінің артыс-қимылы жазба деректер негізінде С.М. Ақынжановтың мақаласында баяндалады.

1985 ж. К.М. Байпақов «Оңтүстік Қазақстан мен Жетісудың V–XVIII ғғ. ортағасырлық қалалық мәдениеті» атты тақырыпта докторлық диссертациясын қорғады. Онда Отырар ескерткіштерін калу барысында табылған материалдар сипатталып, ортағасырлық мәдениеттің кезеңдері белгіленді. Отырар өңірінің ерте ортағасырлық кезеңдегі тарихи географиясы, отқа табынушылыққа байланысты наным-сенімдер, Отырар өңірінің көне атауы деген мәселелер К.М. Байпақовтың зерттеулерінде, кейінгі ортағасырлық Отырардың формалары Л.Б. Ерзаковичтың мақаласында қаралды.

1985 ж. Отырар ирригациясы жөніндегі көп жылдық ізденістер негізінде жазылған В.А. Грошевтың «Оңтүстік Қазақстанның ортағасырдағы ирригациясы» атты монографиясы жарық көрді. Кітапта Отырар ирригациясының даму жолы, оның кезеңдері, әр кезеңге сәйкес келетін ескерткіштер мен каналдар сипатталды. Жеке дара ирригациялық

техника мен Отырарды сумен қамтамасыз ету тәсілдері қарастырылды. Кітапта Отырар алқабындағы археологиялық ескерткіштер сызбасы беріліп, Сырдарияның сол жағалауындағы каналдар мен ескерткіштер сипатталды.

Оңтүстік Қазақстанның ортағасырлық қалалары атты жинақта Отырарға қатысты мақалалар басылды. Л.Б. Ерзакович Отырардағы тұрғын үйлерді Қазақстанның оңтүстігіндегі этно-мәдени құбылыстарды қалпына келтірудегі дерек ретінде қарады, ал К.М. Байпақов әуелгі ортағасырлық қалалық мәдениет белгілерін ұсынды. «Қазақстанның мәдениеті және тарихи ескерткіштері» атты жинақта Отырарға сауда жолдарымен келген алтын жалатылған шыны құты мен қола сия сауыт суреттелген Е.А. Смағұловтың мақаласы жарияланды.

1987 ж. Кемел Ақышев, К.М. Байпақов, Л.Б. Ерзаковичтің «XIII–XV ғасырлардағы Отырар» атты зерттеуі жарық көрді. Кітапта Отырардың XIII–XV ғғ. қабаттарын зерттеу нәтижелері негізінде тұрғын жайлары, мәдени қабаттардың стратиграфиясы мен хронологиясы, қала бөліктерінің ерекшеліктері, керамикалық өндіріс пен қолөнер, керуен жолдары, сауда–саттық, ақша айналымы баяндалды. Шаһардың сәулетті құрылыстары мешіт, монша, мазар қалдықтары сипатталды. Басылым соңында 1979–1985 жж. аралығында табылған теңгелер каталогы (авторы В.Н. Настич) берілген.

1990 ж. қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі «Ортағасырдағы Отырар керамикасы» атты альбомда б.э. бірінші ғасырларынан бастап ХҮІІІ ғ. дейінгі керамика үлгілері түрлі–түсті етіп жарияланды. Альбомды құрастырушылар және алғы сөзін жазушылар К.М. Байпақов пен Л.Б. Ерзакович Отырардың керамикалық бұйымдарының көркемделуінің және жасалу тәсілдерінің өзгеруі мен ерекшеліктерін көрсетті.

1991 ж. Қазақстанның азаттық алуы қазақ халқының төл тарихына, тарихи ескерткіштеріне деген қызығушылықты күшейте түсті. Егеменді елдің төл тарихын тануға жол ашылды. 1991 ж. Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институты құрамындағы археологиялық орталықтың негізінде жеке–дара Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты дүниеге келді.

2001–2004 жж. ЮНЕСКО/Жапон жобасы бойынша Отырар алқабы ескерткіштерін құжаттау саласында едәуір жұмыстар атқарылды. Отырар алқабының негізгі төбелерінің санды топографиялық жобалары, бұрынғы қазба орындарының жобалары жасалды, Отырар қалашығының фотомұрағат қорын жасау жұмыстары жүргізілді. Соңғы жұмыстардың тәжірибесі арнайы мақалада баян етілді. Отырардың кесектен қаланған ескерткіштерінің сақталу мәселелері қаралды. «Көне Отырар қалашығын сақтау мен реставрациялау» атты ЮНЕСКО /Жапонның мақсатты қорының жобасы бойынша атқарылатын жұмыстардың мақсаты мен міндеттері ағылшын, орыс, жапон тілдеріндегі арнайы кітапшада таныстырылды.

2004 ж. 13 қаңтар күні Қазақстан президенті Н. Назарбаев 2004–2006 жж. арналған «Мәдени мұра» атты мемлекеттік бағдарламаны

Белгілі. Осы және 2005 ж. «Көне Отырарды қалпына келтіру» атты мемлекеттік бағдарламаға сәйкес зерттеулер жүргізіліп, бірнеше кітаптар басылды. К.М. Байпақов дайындаған «Құйрықтөбе – ежелгі Кедер шаһары» атты фотоальбом жарық көрді. Кітапта 1980 ж. бастап Құйрықтөбеде жүргізілген қазба нәтижелері қысқаша білген етілген. Зерттеу барысында табылған аса құнды көркем заттардың суреттері берілді. К.М. Байпақов, Г.А. Терновая жазған «Ортағасырлық Қазақстандағы діни нанымдар мен салт-жоралар» атты монография Құйрықтөбе қалашығын қазу барысында табылған материалдардың негізінде жазылған. К.М. Байпақов, Е.А. Смағұлов, А.А. Ержігітовалардың Оңтүстік Қазақстанның ерте ортағасырдағы зияттық ескерткіштері деген монографиясы басылды. Кітаптың бір тарауы Отырар алқабының ескерткіштеріне арналған. К.М. Байпақов пен Н.О. Алдабергенов дайындаған «Отырар алқабы» атты фотоальбом жарық көрді. Альбомның құндылығы Отырарда табылған және бұрын жарияланбаған көптеген көне заттардың басылуында. Соңғы уақытта Отырарға қатысты зерттеулер «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша жасалған есептерде жарияланып келеді. Елбасы басшылығымен жүргізіліп жатқан бағдарлама жалғасын табуға.

Қорыта айтқанда Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедиция Отырар тарихын зерттеуде ерекше үлес қосты. Ол жүйелі түрде Отырар алқабының тарихына қатысты барлық кезеңдерін қамтыған кайсар көздерді ғылыми айналымға енгізді. Қазба барысында алынған барлық археологиялық деректер алғашқы зерттеу жұмыстарынан өтті.

Резюме

Е. Есжан, Г. Байсариева

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАРА ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В статье дан обзор исследований исследований Южно-Казакстанской комплексной археологической экспедиции.

Abstract

E.Eszhan, G.Baisarieva

FROM THE HISTORY OF THE RESEARCHES OF OTRAR BY SOUTH KAZAKHSTAN COMPLEX ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

Review of the researches of South Kazakhstan complex archaeological expedition is presented in the article.

*II. Изучение
археологических памятников
Отрарского оазиса и
Казахстана*

К.А. Акишев

ДРЕВНИЙ ОТРАР И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА*

Уже более ста лет в археологическом исследовании Казахстана существуют свои традиционные направления, заключающиеся в параллельном изучении памятников как кочевого, так и оседлого населения древнего и средневекового Казахстана. Определение этих направлений не было результатом волюнтаристских или иных тенденций, а вышло научным итогом учета специфики исторического развития древнего Казахстана, в котором со времени разделения андроновских племенна оседлых (замараевский этап андроновской культуры) и кочевых (аялыбай-бегазинская культура) тесно взаимодействовали оседлое и кочевое население; прогресс скотоводческого и земледельческого хозяйства стимулировался взаимным влиянием, взаимно обогащались две формы культуры – кочевническая и оседлая. Такой подход к изучению казахстанских древностей полностью оправдал себя достижениями, известными в науке. Напомним об успехах в регистрации и картировании памятников,¹ первых обобщенных археологических и востоковедческих сведений о поселениях и средневековых городах,² о работах по культуре эпохи бронзы Центрального, Северного, Восточного и Западного Казахстана,³ об итоговых трудах этапного характера, посвященных истории и культуре саков и усуней Семиречья⁴ и памятникам тасмолинской культуры Сары-Арки.⁵ В настоящее время вышла книга о средневековом Таразе,⁶ закончены и подготавливаются к изданию монографии о палеолите Южного Казахстана, культуре финальной бронзы, древней истории Семиречья. Уже по перечню выдана наметившаяся неравномерность в изучении памятников разных эпох, в частности, отставание в развитии средневековой археологии и в особенности в изучении городской культуры. Поэтому одной из задач планируемых работ в Южном Казахстане, связанных с раскопками Отрара, является ликвидация данного пробела.

Перспективность изучения Отрара и широкого круга его памятников обусловлена рядом объективных причин.

Первая из них заключается в том, что Отрарский оазис и прилегающие к нему регионы были древнейшим центром оседлости, ирригационного земледелия и городской цивилизации Казахстана. Поиски истоков этой культуры приведут нас к древнейшей культуре присырдарьинских племен эпохи поздней бронзы и оседлых саков, обитавших там в первом тысячелетии до нашей эры. В последнее время в низовьях Сырдарьи, в дельте мертвых рек Жанадарьи и Инкардарьи, были открыты и раскопаны монументальные многокамерные погребальные сооружения саков, относящиеся к VIII-III вв. до н.э.

* Статья впервые была опубликована см.: Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). - Алма-Ата, 1972. - С.201-212

Эти древнейшие мавзолеи типа Тагискен, Баланды 2, Чирик-рабат, Бабиш-мулла 2, с купольным перекрытием(?), сложенные из сырцового кирпича (54x28x10-12, 48x32x10-12 см),⁷ свидетельствуют о том, что древнее население Южного Казахстана владело не только техникой изготовления кирпича-сырца, но и сооружало из него культовые здания сложного решения, имело многовековой техникой опыт строительства. Несомненно, этот опыт и умение были приобретены в результате возведения жилых и хозяйственных помещений, планировки и архитектурного оформления поселений и крепостей.

Археологические данные, накопленные за эти же годы, показывают, что в первых веках первого тысячелетия нашей эры ранние укрепленные поселения получают распространение по всей территории Южного Казахстана. Так, в долине р. Арысь во время поисковых маршрутов зарегистрировано и обследовано более 30 поселений-крепостей. Раскопы, заложенные на поселениях Кос-тобе (южное), Тортколь-тобе и Караул-тобе,⁸ вскрыли культурные напластования, относящиеся к трем хронологическим периодам жизни поселений — к I-IV, V-VI и VII-VIII вв. В Таласской долине раскопки поселений Шоль-тобе и Кызыл-Кайнар-тобе позволили определить примерно эти же столетия их бытования.⁹ Большое количество подобных памятников известно по среднему и нижнему течению Сырдарьи. К сожалению, из них частично раскопаны лишь Актобе 2 (Чардаринское),¹⁰ Алтын-Асар и несколько других памятников джетыясарской культуры.¹¹ Как свидетельствуют исследования на поселении Актобе (Баба-Атинское),¹² в это же время, т.е. в первые века нашей эры, очаги оседлости и земледельческой культуры возникают в районах далеких северных склонов Каратау, в южных пределах кочевого Дешт-и-Кипчака. Существенно дополняют перечисленные сведения данные, полученные при раскопке средневековых городищ. Стратиграфический раскоп, поставленный на городище древнего Отрара (1969-1970 гг.), и шурфы наших предшественников на ряде других южно-казахстанских городищ (Куйрук-тобе, Алтын-тобе, Куюк-Мардан)¹³ дали материал, свидетельствующий о том, что руины ранне- и позднесредневековых городов перекрывают остатки ранних поселений.

Теперь мы можем более обоснованно, чем лет 15-20 назад, констатировать, что в эволюции южно-казахстанского средневекового города устанавливается генетическая преемственность от ранних поселений до развитого феодального города. Конечно, этот путь развития не был единственно возможным путем зарождения средневекового города. Но сделанный вывод принципиально важен для изучения генезиса города и установления соразмерности самобытного и заимствованного в его культуре.

В период развитого средневековья Южный Казахстан с Отрарским оазисом становится одним из крупнейших центров городской цивилизации Казахстана. О масштабах экономического и культурного развития оазиса говорят руины свыше 60 поселений, замков-крепостей и городов, следы мощной и широко разветвленной

образовательной системы. В центре оазиса ныне высится громада городища древнего Отрара, достигающая 18 м. По археологическим данным, хронологические пределы жизни Отрара охватывают период с IV-VI по XVII-XVIII вв. Таким образом, земляной холм городища хранит почти полторатысячелетнюю историю Отрара, как свидетельствуют письменные источники, богатую событиями.

Округ Фараб дал человечеству великого ученого-энциклопедиста Абу Насра аль-Фараби. По некоторым сведениям, можно предполагать, что в Отраре имелось свое книгохранилище. Так, по сообщению Рубехана и Бенаи, в XV в. рукописи из Отрара доходили до города Сыгнака, где были переданы в дар Шайбани-хану.¹⁴ Вполне возможно, что Отрар был не только центром экономической и культурной жизни, но и центром научной мысли средневекового Казахстана.

Жизнь Отрара и его оазиса оказывала серьезное влияние на жизнь периферии.¹⁵ Различная продукция отрарских ремесленников поступала на рынки городов северных и южных склонов Каратау — Сузака, Кумкента, Карасуана, Сюткента и Икана; среднего течения Сырдарьи — Яссы, Саурана, Сыгнака, Кауган-Аты, Аккоргана, Узгента; долины р. Арысь, находившихся на местах городищ, ныне известных под названием Караспан-тобе, Джуан-тобе, Шор-тобе.

Изложенное дает основание включить в комплекс отрарских проблем разработку таких вопросов, как генезис городской культуры Казахстана, развитие строительного искусства и архитектурного декора, историческое место Отрарского оазиса в средневековом Казахстане, история города Отрара.

Вторая из причин — географическое расположение региона между оседлоземледельческими оазисами Средней Азии и кочевым скотоводческим Дешт-и-Кипчаком. Именно в этом районе, как нигде больше, еще с глубокой древности происходила инфильтрация племен, смешение и взаимное влияние культур. Если зарождение оседлого быта и земледельческой культуры, возникновение укрепленных поселений происходило автономно еще в первых веках до нашей эры, то на развитие их, особенно начиная с VI-VIII вв., т.е. со времени вынужденного переселения согдийцев после занятия тюрками кагана Истеми (560 г.) Согдианы и захвата Або-ханом (587 г.) Бухары, оказали влияние согдийцы-переселенцы, имевшие большой опыт земледельческого труда и древние традиции градостроительства. В итоге, в Южном Казахстане сложилась своеобразная городская цивилизация, в которой четко выделяются пласты самобытной и элементы пришлой культуры.

Благодаря упомянутым археологическим открытиям, существующее в исторической литературе мнение, что древний Казахстан был лишь страной кочевых скотоводческих племен и варварской культурой, а остатки городской цивилизации, имевшиеся на обширной территории юга Казахстана, якобы принадлежат пришельцам из Согды и Хорезма, и что средневековая городская культура Казахстана обязана своим происхождением согдийским переселенцам (или колонизаторам), является ошибочным, не соответствующим исторической действительности.

Археологические изыскания, проведенные за последние 10 - 15 лет на огромной территории, заселенной с глубокой древности кочевыми скотоводами, — в Монголии,¹⁶ Туве,¹⁷ Семиречье,¹⁸ Центральном Казахстане,¹⁹ убедительно доказали, что и в этих регионах была развита оседлость, существовали поселения-крепости, города-убежища и города — центры культурной и политической жизни всего оазиса. Таким образом, и для этих районов характерно кочевничество для одной (по-видимому, большей) части населения, и оседлость для другой, а в целом кочевое скотоводство и земледелие составляли единую экономическую основу общества. Если кочевник не мог обходиться без продукции земледельца, то и земледельческое производство стимулировалось спросом кочевнического рынка. Кроме того, рынок земледельческих оазисов также нуждался в традиционных товарах сбыта скотоводческих племен. Своеобразие этих регионов состоит еще в том, что процесс перехода к кочеванию и оседанию был взаимозависим, кочевники пополняли ряды оседлого населения, занимаясь земледелием и ремеслом, а осевшие нередко переходили к кочеванию, пополняя ряды скотоводов. Здесь особенно четко проявилось то, что кочевники-скотоводы и земледельцы составляли единые производительные силы общества, а не были вечными противниками, т.е. это не было общество, где земледельческое население выступало как созидательная сила, а кочевники — как варвары, разрушители цивилизации.

Как свидетельствуют письменные и археологические источники, не только в этих исконно скотоводческих странах кочевники не были вечными разрушителями, но и в странах городской цивилизации они не всегда находились в состоянии войны с земледельцами. Войны становились неизбежными лишь тогда, когда кочевники утрачивали связи с оазисами, лишались жизненно необходимых им товаров земледельческого производства. Местонахождение Южного Казахстана на стыке двух культурно-экономических миров делает правомерным включение в проблематику Отрара изучение таких двух важных для средневековой истории и культуры Казахстана и Средней Азии проблем, как средневековые города Южного Казахстана и исторический Дешт-и-Кипчак, средневековый Южный Казахстан и Согд. Эти проблемы имеют многочисленные историко-археологические аспекты, изучение которых важно для средневековой истории всего Казахстана. Отметим лишь некоторые из них. Первая проблема, как она сформулирована, включает следующие темы: культурные, торговые и политические взаимоотношения кочевников и земледельцев; роль кочевых скотоводов в развитии городов, а городов — в экономике и культуре кочевнических племен; соотношение элементов кочевнической и земледельческой культур в средневековой городской цивилизации Южного Казахстана; этническая общность юга Казахстана и Дешт-и-Кипчака, история и культура кипчаков.

Очевидно, что названные темы являются первоочередными для казахстанской археологии, так как они в связи с существовавшим с древних эпох кочевничеством одной части населения и оседлостью другой, отражают своеобразие археологии Казахстана, теснейшую

взаимозависимость кочевых скотоводов и оседлых земледельцев, кочевнической и земледельческой культур.

Несомненно, и для разработки этих тем раскопки Отрара и памятников оазиса дадут необходимый археологический и палеоантропологический материал, но все же вряд ли он будет основным и определяющим так как Отрар и другие древности его оазиса являются памятниками преимущественно оседлого населения, земледельческой культуры.

Безусловно, опорными памятниками будут городища и курганные могильники, расположенные на склонах гор Каратау, особенно на северных, примыкающих к стране кочевников Дешт-и-Кипчаку. В этом аспекте весьма перспективны многолетние раскопки могильников Сызганского (юго-восточнее с. Сузак) и Узунбулакского (восточнее с. Чулак-Курган) и ранних поселений типа Актобе Баба-Атинского и Жоктобе Сузакского²⁰ и наиболее крупных городищ района, как Сузак и Кумкент.

Самостоятельной и важнейшей темой древней истории Казахстана, но тесно связанной с указанной проблематикой, являются вопросы истории и культуры кипчакских племен — основных обитателей огромных степей Дешт-и-Кипчака. Велика роль древних кипчаков в сложении казахского народа, его материальной культуры, языка и в образовании государства — Казахского ханства. Известно также, что государство Абулхайр-хана (20-е годы XV в.) образовалось в кипчакских степях и в количественном отношении в нем кипчаки, по-видимому, составляли большинство. Нам кажется исторически оправданным государство Абулхайра называть Кипчакским ханством, а не государством кочевых узбеков, как принято в исторической литературе.

Однако в каком плане ни решался бы этот вопрос, бесспорно одно, что история древних кипчаков имеет отношение к истории казахского, узбекского, каракалпакского, отчасти и туркменского народов. Поэтому поиски и раскопки кипчакских древностей приобретают принципиальное значение.

Тем не менее, изучением памятников кипчаков до сих пор специально не занимались. На территории Дешт-и-Кипчака раскопано лишь несколько погребений, которые, по мнению А. Х. Маргулана, можно отождествить с кипчакскими²¹. В итоге культура этих многочисленных племен остается лакуной в наших знаниях, что следует восполнить. Необходимо предпринять поиски и организовать раскопки кипчакских памятников в самом Южном Казахстане и в близлежащих районах — в северном Приаралье, включая Мугоджарские и Улутауские горы, в низовьях р. Сарысу, в предгорьях Ортау, Кзыл-арай, Бугулы и Бегазы.²²

В Южном Казахстане объектом многолетних исследований должно стать городище древнего Сыгнака. Мы считаем, что по своей научной значимости для древней и средневековой истории Казахстана Сыгнак является объектом № 2, если Отрар считать объектом № 1. Город Сыгнак, как и Отрар, имевший почти полуторатысячелетнюю

историю, в течение нескольких, включая и XII в., столетия был столицей кипчакских племен, а позднее — казахских ханств. Вторая проблема содержит такие аспекты, как экономические, культурные и политические взаимоотношения средневекового Южного Казахстана и Согда; роль согдийцев в развитии средневековых городов Казахстана, выявление согдийских элементов в культуре и строительной технике.

И, наконец, перспективность изучения района объясняется ролью и местом Южного Казахстана в образовании казахского народа и сложении казахской государственности. Для решения данных вопросов археологические изыскания должны быть максимально приближены к событиям XV-XVIII вв., объектом исследования в союзе с палеоэтнографией и антропологией должны быть памятники материальной и духовной культуры собственно казахского народа. Раскопки мертвых городов Южного Казахстана, особенно верхние культурные слои таких городищ, как Отрар, Сыгнак, Уз-гент, Аккорган, Сузак,²³ дадут большой и ценный материал. Однако совершенно необходимы поиски и раскопки развалин зимовок, остатков летних стоянок, монументальных построек, ирригационных сооружений и семейно-родовых кладбищ XV-XVIII вв.²⁴ Комплексное изучение даст возможность не только лучше проследить развитие сложившейся культуры казахов, но и путем сопоставления ее с уже имеющимся археологическим материалом ранних, доказахских эпох, установить истоки происхождения материальной и духовной культуры казахского народа. Генезис материальной и духовной культуры — одна из важнейших проблем этногенеза народа.

Юг Казахстана, низовья и среднее течение Сырдарьи, предгорья Каратау и северо-запад Семиречья с глубокой древности были районом зимовок многих и многих скотоводческих племен, а позднее — большинства казахских родов и племен.²⁵ Это и определило, что именно здесь начался и завершился процесс консолидации многочисленных племен Казахстана в единый народ. Южный Казахстан — колыбель казахского народа.

Проблема древнего Отрара, памятников его оазиса и периферии включает, кроме отмеченных, круг узловых вопросов, без изучения которых не может быть решена проблема этногенеза казахского народа, в частности генезис материальной и духовной культуры. Поэтому под комплексностью намечаемых работ следует понимать не только участие в работах различных специалистов-гуманитариев, целевую постановку широкого круга историко-археологических, историко-экономических, историко-лингвистических и других проблемных тем, но в первую очередь раскопки памятников разных эпох, как в самом оазисе, так и на прилегающей к нему территории, к которой относятся долина р. Арысь, низовья Сырдарьи, южные и северные склоны Каратау, низовья рек Чу и Сарысу, Северное Приаралье. Они должны проводиться одновременно со стационарными масштабными раскопками городища древнего Отрара.

Из отрарской проблематики не исключается тема расселения первобытного человека на территории Казахстана и эволюции

культуры, как часть общей проблемы истории расселения человечества на нашей планете. Необходимо продолжать поиски новых и изучение известных стоянок и местонахождений эпохи палеолита. При этом одной из основных целей поисковых работ должны быть антропологические находки.

На юге Казахстана до сих пор выявлено мало памятников эпохи бронзы, хотя неоднократно предпринимались специальные поиски.²⁶ Таткескен и Тау-тары - пока единственные известные могильники андроновской и дандыбай-бегазинской культуры.²⁷ Между тем, изучение памятников южно-казахстанского варианта этих культур имеет большое значение для разработки вопросов миграции и исторических связей андроновских племен, происхождения саков и кангюев Северного Казахстана. Поэтому необходимо продолжить поиски поселений и могильников бронзового века, особенно в таких наиболее перспективных районах, как Каратау, низовья рек Чу и Сарысу.

В проблематике археологических исследований в Южном Казахстане и в планах раскопок значительное место занимают вопросы археологии саков, усуней — ассов и кангюев. Производственная деятельность последних явилась фундаментом, на котором выросли первые земледельческие поселения в Казахстане, развилось скотоводство и градостроительство. Культура саков и кангюев — первооснова культуры средневековых городов. Необходимо расширить раскопки памятников этих периодов, особенно связанных с земледелием. На начальных этапах работ опорными памятниками могут быть: для сакского времени — могильники типа Таткескен (поздний), Уйгарак,²⁸ Берккара,²⁹ для усуньско-кангюйского — поселение типа Караул-тобе (р. Арысь) и могильники типа Тамды.³⁰ Следует помнить, что находки из захоронений имеют первостепенное значение при хронологическом членении культуры вообще, так как лучше разработана классификация инвентаря по типам и этапам.

Понятие собственно средневековая археология начинается с VI - VIII вв., т.е. с так называемого тюркского времени, которое в науке принято называть временем раннего средневековья. Археологические памятники этого периода на территории Казахстана изучены недостаточно. Поэтому исследованные памятники раннего средневековья принято относить к тюркам Ашина, т.е. к чужеземным (возможно, и родственным) племенам, в то время установившим политическое господство над аборигенными племенами Казахстана. Предполагается, политическое господство и традиционное в древности распространение имени завоевателя на покоренные племена не означали исчезновения автохтонного населения. Аборигены продолжали оставаться основой общества в новом государственном образовании. Археологический и антропологический материал поздних усуней и кангюев свидетельствует, что не произошло и сколько-нибудь значительной ассимиляции аборигенов или нивелировки их материальной культуры.

Изучение памятников тюркского времени имеет большое значение для раннесредневековой истории Казахстана. Именно в это

время на территории всего Казахстана, в частности в его южных регионах, происходит интенсивное развитие земледельческой культуры, рост укрепленных поселений, феодальных замков и крепостей; развивается ремесло, торговля, товарно-денежное обращение. Если предыстория городской культуры Казахстана находится в пластах культуры саков, усуней, кангюев, то история древних городов начинается в тюркское время.

Следовательно, разработка проблем отрарского комплекса неразрывно связана с изучением памятников древнетюркского времени.

При экспедиционных поисках и раскопках опорными могут быть как поселения городского типа, так и могильники. Бесспорно, положительные результаты дадут параллельные раскопки обоих типов памятников, особенно если они хронологически связаны между собой. Поэтому представляются перспективными начатые раскопки грандиозного могильника (р. Арысь), известного в археологической литературе под названием Борижарского.³¹ Борижарский могильник, как установлено, являлся некрополем городища Джуан-тобе. Оба памятника датируются VII-XII вв. Такие же некрополи имеются около городищ Отрар-тобе, Караспан-тобе, Шага.

Одной из задач средневековой археологии Казахстана, связанной с вопросами истории тюркского времени, являются поиски и раскопки памятников тюргешей, карлуков и огузов. Ныне археология Казахстана не знает, какие памятники достоверно можно соотнести с их именами, и не представляет этнографический облик культуры этих племен. Однако, проанализировав письменные сообщения Ибн Хордадбеха и Кудама, следует искать памятники карлуков в междуречье среднего течения рек Таласа и Чу. Не без оснований можно отождествить Касрибас, Кульшуб и Джильшуб ибн Хордадбеха и Кудама именно с этим регионом.³²

Как уже отмечалось, интенсивное археологическое и востоковедческое изучение истории Казахстана тюркского времени остается одной из кардинальных задач. Именно в этот период совершались первые попытки консолидации многочисленных автохтонных тюркоязычных племен в единый народ, что наиболее четко проявилось в процессах государствообразования. Венцом государства древних тюрков (ибо лишь к XI-XII вв. термин «тюрк» покрыл остальные племенные названия и стал синонимом «единого» народа³³) было государство Караханидов, территория которого охватывала все основные районы обитания тюркоязычных племен.

В современной исторической науке принято считать первым на территории Средней Азии и Казахстана государственным образованием раннефеодального типа государство, созданное в 522 г. под эгидой тюрков Ашина. Начиная с этого времени, происходит непрерывный процесс сложения государственных объединений, хотя и под разными названиями, но на одной обширной территории обитания многочисленных тюркоязычных племен. Так, в 581 г. государство тюрков Ашина разделилось на два самостоятельных каганата: Восточно-тюркский и Западно-тюркский. Межплеменная борьба за политическую гегемонию привела к возвышению одних и падению других. Имя племени-

наименователя становилось названием государства. Таковы Каганаты пертешей (начало 40-х годов VIII в.), карлуков (766-940 гг.), уйгуров (745-840 гг.), енисейских кыргызов (IX-XII вв.).³⁴ Как уже говорилось, высшим уровнем развития общественных отношений у тюркоязычных племен Востока было государство Караханидов (940-1141 гг.).

В настоящее время можно лишь гадать, какого уровня общественного развития достигло бы Караханидское государство, если бы этот процесс не прервала «Отрарская катастрофа». Нашествия чуждых по происхождению языку и культуре племен затормозили не только развитие государства, но, что особенно важно, и процесс консолидации тюркоязычных племен в единые народности. В этом аспекте вопросы археологии тюркского времени имеют большое теоретическое значение для исследования проблемы этногенеза казахов и тюркоязычных народов Средней Азии. Поэтому мы еще раз подчеркиваем важность раскопок памятников ранне- и познетюркского времени и настаиваем на необходимости включения проблем, связанных с этим кругом памятников, в проблематику древнего Отрара.

Уже отмечалось, что археология развитого средневековья в Казахстане более слабо исследована, достаточно напомнить, что из более чем 300 остатков укрепленных поселений и средневековых городов, известных на территории юга Казахстана, раскопаны лишь поселения Актобе (северные склоны Каратау), Чоль-тобе (долина среднего течения р. Талас), частично поселения Актобе (Чардаринская долина) и Караултобе (долина р. Арысь) и два городища джетыясарского комплекса на правом берегу низовьев Сырдарьи).

Еще хуже обстоит дело с изучением остатков феодальных городов. Полной и детальной раскопке не подвергалось ни одно из них. Произведенные работы были ограничены датировочными шурфами и раскопками небольших площадок, преимущественно верхних строительных горизонтов. Несколько лучше обследованы два городища: Баба-Ата (северные склоны Каратау)³⁵ и Актобе (Чардаринская долина),³⁶ но и на них вскрыты сравнительно небольшие площади феодальных участков городищ. Однако их изучение пополнило наши знания о планировке и архитектуре средневекового города Казахстана, о хозяйстве и быте населения в VI-XII вв. Но Баба-Ата и Актобе, как показали результаты раскопок, были небольшими провинциальными городами средневекового Казахстана, стоявшими в стороне от культурной и политической жизни столичных центров средневековых городских цивилизаций, в стороне от магистральных торговых дорог. Поэтому даже при условии их полных раскопок не были бы получены материалы, могущие дать полную информацию об уровне развития древнеказахстанской городской культуры, степени эволюции составных частей средневекового города, развитии ремесла, торговли, денежного обращения, т.е. о тех вопросах, которые связаны с изучением истории феодализма на территории Казахстана по археологическим данным.

Несомненно, для выяснения этих вопросов городище древнего Отрара и другие памятники указанного региона более перспективны.

Таковы основные направления развития археологической науки в Казахстане, которые могут быть определены в связи с комплексным

изучением Отрара и древностей Отрарского оазиса и прилегающих районов Южного Казахстана. Среди них первоочередной задачей должно быть развитие средневековой археологии Казахстана, многолетние и масштабные раскопки городища древнего Отрара.

В последние 15 лет в службе древности республики развивалась преимущественно первобытная археология. В конечном итоге историческая наука имеет хотя не полное, но достаточное представление о казахстанском палеолите, эпохе бронзы и раннего железа. В будущем предполагается продолжить изучение памятников этих эпох.

Как и прежде, в перспективе казахстанская археология должна развиваться на основе параллельного изучения памятников кочевнической и земледельческой культуры. Только такая направленность работ приведет к успешному решению задач, стоящих перед археологией республики.

Түйін

К.А. Акишев

ЕЖЕЛГІ ОТЫРАР ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Мақалада ежелгі қоныстан дамыған феодалдық қалаларға дейінгі генетикалық сабақтастықта болған оңтүстік қазақстандық ортағасырлық қалаларды констатациялауға мүмкіндік беретін Отырар мен оның кең алқапта орналасқан ескерткіштерін зерттеудің келешегі көрсетіледі. Археологияның жеткен жетістіктерін талдау автордың тарихи әдебиеттерде орын алған, яғни ежелгі Қазақстан тек варварлық мәдениетті көшпелі мал шаруашылықты тайпалардың елі, ал Қазақстанның оңтүстігіндегі кең аумақты алып жатқан қалалық өркениеттің қалдықтары Соғды мен Хорезмнен келгендерге тиесілі, ал Қазақстанның ортағасырлық қалалық мәдениеті өзінің шығуы жағынан соғды келімсектерімен байланысты деген пікір қате деген қорытындыға келді. Моңғолия, Тува, Жетісу, Орталық Қазақстанға жүргізілген археологиялық іздестірулер осы аймақтарда отырықшылық дамығандығын, өмір сүрген қоныс-бекіністер, қала-қамалдар мен қалалар – алқаптың саяси өмірі мен мәдени орталық болғандығын дәлелдеп берді. Жалпы көшпелі мал шаруашылығы мен егіншілік қоғамның бірыңғай экономикалық негізін құрады. Көшпелі бақташылар мен диқаншылар бір-бірімен жауласпай қоғамның бірыңғай өндірістік күшін құрады. Түркі уақытының ескерткіштерін зерттеудің қажеттілігін атап өтті. Бұл уақытта Қазақстанның барлық аумағында, оның ішінде оңтүстік аймақта егіншілік мәдениет қарқынды дамып, бекіністі қоныстар, феодалдық қамалдар мен бекіністер өсті, қолөнер, сауда, сауда-ақша айналымы дами түсті. Егер Қазақстанның қалалық мәдениетінің бастауы сақ, үйсін, қаңлы мәдениетінде жатса, онда ежелгі қалалардың тарихы түркі уақытынан басталады.

Abstract

K.A. Akishev

ANCIENT OTRAR AND THEORETICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY OF KAZAKHSTAN

In the article there is shown the perspectives of study of Otrar and wide scale of its monuments which let to state, that in evolution of South Kazakhstan medieval town is being established the genetic succession from early settlement till the developed feudal town. The Analysis of existing archeological achievements let author to come to conclusion that the existing in historical literature view that

ancient Kazakhstan was only the country of the nomadic cattle-breeding tribes with the barbarian culture and that the remains of town civilization existed on the vast territory of South Kazakhstan belong to the aliens from Sogd and Khoresm and that the medieval town culture of Kazakhstan is obliged for its origin to the Sogdian migratory is not correct. Archaeological investigations carried out in Mongolia, Trans Semirechie and Central Kazakhstan proved surely that in that regions settled way of life was developed and there existed settlements-fortresses, town- refuge and towns- centers of cultural and political life of all Oasis. In general the nomadic cattle-breeding formed the single economical base of the society. Nomads-cattle-breeder and farmers formed the single productive forces of the society but they were not continuous enemies.

There is underlined the necessity of study of monuments of Turkic time. At that time on the territory of all Kazakhstan, particularly, in its southern regions happened the intensive development of agricultural culture, growth of fortified settlements, feudal temples and fortresses; there were developed handicraft, trade and goods- monetary circulation. If the pre-history of town culture of Kazakhstan is in the layers of cultures of Sakaes, Wusuns and Kangyuis then the history of ancient town is started in the Turkic time.

1. Археологическая карта Казахстана. - Алма-Ата, 1960.
2. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. 5; Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1950; Максимова А.Г., Мерциев М.С., Ваинберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968; Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV-XVII веках // Казахстан в XV-XVIII вв. - Алма-Ата, 1969.
3. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966; Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. 5; Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. - 1960. - № 88; Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутақ 1 в Западном Казахстане // МИА. - 1962. - № 120.
4. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата, 1963.
5. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966.
6. Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972.
7. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962. - С. 80-88, 144-152, 165-168, 170-179.
8. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата, 1969; Подушкин Н.П. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1968. - Вып. 5; Подушкин Н.П. Ранние оседлые поселения долины Арысы (I-VIII вв.): автореф... канд. ист. наук. - Алма-Ата, 1970.
9. Раскопки М.С. Мерциева в 1966-1968 гг. // Мерциев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I-IV вв. и захоронение на нем воина IV-V века // По следам древней культуры Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 79-92.
10. Ваинберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Ақтобе (I - начало IV в. н.э.) // Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968. - С. 11-71.
11. Сенигова Т.Н. Керамика городища Алтын-Асар (Опыт хронологической периодизации): автореф. ... канд. ист. наук. - М., 1954; Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыасарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1966.

12. *Сенигова Т.Н.* Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау. - Алма-Ата, 1962. - С. 57-87.
13. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых городов... С. 26-60.
14. «Михман-наме-и Бухара». Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР. - № 5885., л. 75 б; «Шайбани-наме». Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР. - № 8841, л. 8а.
15. *Бернштам А.Н.* Древний Отрар. // Известия АН КазССР. Серия археолог. - 1951. - Вып. 3.
16. Древнемонгольские города. - М., 1965.
17. *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. - М., 1969.
18. *Байпаков К.М.* Средневековые города и поселения Семиречья // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1966. - Вып. 2.
19. *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1950.
20. Кок-тобе - это поселение сако-усуньского времени, находится в 5 км на ЮЮЗ от с. Сузак, открыто во время наших поисковых работ в 1969 г.
21. *Маргулан А.Х.* Раскопки погребения воина XIV в. в долине реки Нуры // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1959. - Т. 7 - С. 248-261.
22. *Маргулан А.Х.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия АН КазССР. Серия археолог. - 1951. - Вып. 3. - С. 33-37.
23. *Ерзакович Л.Б.* Оседлая культура Южного Казахстана XIII-XVIII вв.: автореф. ... канд. ист. наук. - Л., 1966.
24. С 1969 г. один из отрядов Отрарской археологической экспедиции занимается поисками и изучением памятников этого времени. В результате работ в 1970 г. в районе городища Сауран обследован ряд казахских поселений-зимовок XV-XVII вв.
25. *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (коней XIX - начало XX вв.). - Алма-Ата, 1968.
26. В 1958-1959 гг. - А.Г. Максимовой; в 1968-1969 гг. - К.А. Акишевым; в 1969 г. - А.М. Оразбаевым.
27. *Максимова А.Г.* Могильник эпохи бронзы в ур. Тау-тары // Археологические исследования на северных склонах Каратау. - Алма-Ата, 1962; *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962. - С. 80-88.
28. Раскопки М.А. Итиной (Тагискен) и О.А. Вишневецкой (Уйгарак) // *Толстов С.П.* По древним дельтам... - С. 185-186.
29. *Бабанская Г.Г.* Берккаринский могильник // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1956. - Т. I. Археология. - С. 189-206; *Максимова А.Г.* Погребальные сооружения скотоводческих племен // Археологические исследования на северных склонах Каратау. - Алма-Ата, 1962. - С. 97-99.
30. *Маловицкая А.Я.* Тамдинский курганный могильник III-I вв. до н.э. // Известия АН КазССР. Серия археолог. - 1950. - Вып. 2. - С. 119-121.
31. *Нурмуханбетов Б.* Раскопки Борижарского могильника // Археологические открытия 1967 г. - М., 1968; *Нурмуханбетов Б.* Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата, 1969.
32. *Волин С.В.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1960. - Т. 8. - С. 74-77.
33. *Щербак А.М.* Огуз-наме, Мухаббат-наме. - М., 1959. - С. 99.
34. Каганат кыргызов Л.Р. Кызласов не без основания предлагает называть древнехакасским государством. См. его работу «История Тувы в средние века». - М., 1959. - С. 88-93.
35. *Агеева Е.И.* Памятники средневековья (Раскопки на городище Баба-Ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау. - Алма-Ата, 1962.
36. *Мерциев М.С.* Городище Актобе I (IV - начало XIII вв.) // Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968.

К. М. Байпаков

РАЗВИТИЕ И ДОСТИЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

Создание объективной картины прошлого сейчас становится одним из основных факторов, влияющих на формирование национального единства Республики Казахстан, на становление государственности, укрепление суверенитета. Поэтому научное познание истории, в которой заключена судьба народа, развитие его самосознания служат воспитанию гражданственности, патриотизма.

В системе исторических наук, формирующих историческое сознание народа, важная роль принадлежит археологии - одной из сравнительно молодых гуманитарных дисциплин.

Археология произвела переворот в исторической науке. По образному выражению известного английского археолога Г. Чайлда, она расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии. Она в сотни раз увеличила для истории перспективу в прошлое, точно так же микроскоп открыл для биологии, что за внешним обликом больших организмов скрывается жизнь мельчайших клеток. Наконец, она внесла те же изменения в объем и содержание исторической науки, какие радиоактивность внесла в химию».¹

За годы существования в Казахстане археологической науки учеными была воспроизведена относительно целостная картина развития древней истории Казахстана, в том числе и истории культуры.

Отметим наиболее существенные достижения казахстанской археологии, выводящие ее на уровень общемировой проблематики. В области антропогенеза получены материалы, позволяющие считать территорию Казахстан одним из центров становления *homo sapiens* и включить палеолитические культуры Казахстана в систему развития древнего человека.

Установлено, что в IV-III тыс. до н.э. в степной зоне Евразии прогрессирувало увлажнение климата, происходили качественные изменения, проявляющиеся в переходе к производящим формам хозяйства - скотоводству и земледелию. Формировалась культура коневодов, известная по раскопкам поселения Ботай. Было установлено, что Казахстан входил в зону одомашнивания лошади - процесса, который сыграл выдающуюся роль в развитии всей цивилизации Евразии.²

Еще в начале 80-х годов были обнаружены памятники протогородской цивилизации в степной зоне. Относятся они к XVIII-XIV вв. до н.э. - эпохе ранней бронзы.³

Для открытой археологами цивилизации характерны памятники типа Аркаима. Эти поселения, точнее протогорода, имели фортификацию, систему коммуникаций - улицы, систему водосборников. Рядом находились и храмовые комплексы. Найдены глиняные «таблетки» с разнообразными знаками, возможно, зачатки

знаковой системы письма. Это факт, имеющий огромное значение для понимания уровня культуры общества. Зарождение письма связано, как доказано, с началом государственности.

В протогородах обитали земледельческо-скотоводческие общины. Люди занимались земледелием, знали ирригацию, разводили породистый скот. Высокого уровня достигли добыча, плавка и обработка металла - меди и бронзы. Именно металлургия бронзы лежала в основе экономики этой цивилизации.

К эпохе поздней бронзы относится открытая археологами бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана с ее монументальной архитектурой и многочисленными поселениями, ориентированными на плавку меди.⁴ Центральный Казахстан становится одним из крупнейших центров производства меди и бронзы, орудий и оружия из них в масштабах Евразии. Палеометалл, выплавляемый древними металлургами Сарыарки и Жетысу, экспортировался на Запад до Балкан, а на Восток - до Синьцзяня.

Таким образом, исследования в области археологии эпохи бронзы вышли на уровень решения глобальных культурологических и социологических задач.

Уже в эпоху бронзы в Казахстане происходит сложение культуры ранних кочевников, изучение которой остается приоритетной задачей казахстанской археологии. Сейчас выделено и обосновано понятие «степная цивилизация» с рядом присущих ей признаков: наличие государственности, регулярные торговые, культурные и политические связи, культурно-мировоззренческая общность, которая выражалась в наличии монументальной погребальной архитектуры, идеологии, социальной стратификации общества.⁵

Таким образом, начало государственности на территории Казахстана отодвигается почти на тысячу лет в глубь истории и сейчас необходимо судить о нем в контексте с такими древними государствами, как Ахеменидский Иран, Древняя Греция, Ханьский Китай, Бактрия, Хорезм.

Следует отметить открытия, сделанные в 1997-1998 гг., которые относятся к одним из наиболее ярких конца прошлого столетия, - это раскопки и находки в «замороженном кургане» Берел в Горном Алтае, вставшим в ряд с известными памятниками, связанными с вечной мерзлотой, - Пазырыком, Башадаром, Укоком. Курганы с мерзлотой сохранили мумифицированные останки людей, коней, изделия из тканей, кожи, меха и дали богатейшую информацию по эпохе пазырыкской (сакской) культуры.⁶

Убедительно доказано, что взаимоотношения кочевников и земледельцев осуществлялись зачастую в рамках единой социально-экономической структуры, скотоводы и оседлые жители составляли базу конкретного политического или этнополитического объединения.⁷

Как показывают археологические памятники, в период раннего средневековья в рамках древнетюркских государств происходит формирование городов, которые складываются на базе оседлых

кентийских и усуньских поселений. Городская культура здесь впитала в себя традиции местных оседлых культур и инновации городской культуры Согда. Согдийские эталоны, согдийские образцы получают широкое распространение на юге Казахстана и в Жетысу.⁸

В известной степени их распространение было связано с процессом расселения согдийцев на международных торговых путях.⁹

В то же время на развитие культуры городов сильное воздействие оказывала культура тюрков, оседавших в оазисах и городах Жетысу, юга Казахстана, в Средней Азии - в Чаче, Уструшане, Фергане, Тохаристане. Требуются более убедительные доказательства, почему так называемый тюрко-согдийский культурный синтез стал возможным в системе Западно-Тюркского и Тюркешского каганатов и почему наиболее ярко эти процессы прослеживаются в Южном Казахстане и Жетысу.¹⁰

Появляются археологические доказательства того, что одним из центров раннего формирования тюркской культуры наряду с Алтаем было Жетысу.¹¹

Рост городов Центральной Азии в IX - начале XIII вв. во многом был связан с процессом оседания кочевников. Они привнесли в городскую культуру много степных элементов, и в целом в это время сформировалась своеобразная городская культура.

Одним из наиболее продуктивных направлений казахстанской археологии, развивающейся в рамках международных программ ЮНЕСКО, стало направление «Великий Шелковый путь: диалог культур». В разработке этой программы участвуют многие страны.

Археологами Казахстана изучены многочисленные города на Великом Шелковом пути, проходившем через территорию страны, определены их локализация, застройка, культура, хозяйство, связи с соседними городами и странами. Наиболее крупные исследования и раскопки были проведены в Отраре, Яссы, Каялыке, Тальхире.¹²

Культурные и экономические связи кочевников и горожан прослеживаются и в более позднее время - при выяснении истории развития Ак-Орды, Моголистана и Казахского ханства.

Позднесредневековые города Сайрам, Шымкент, Туркестан, Суран, Сыгнак и Сузак служили в Казахском ханстве центрами экономических связей кочевников и земледельцев, где осуществлялись культурный обмен и торговля не только горожан Южного Казахстана и кочевников Сырдарьи/Сырдарии, но и Средней Азии, Поволжья и Восточного Туркестана.

Таким образом, изучение археологических памятников в Казахстане позволило реконструировать процессы взаимоотношений различных культурных традиций, расширило базу доказательств того, что территория Казахстана была одним из центров историко-культурного синтеза, а взаимодействие кочевого и оседлого населения привело к взаимообогащению культур. Именно в недрах такого синтеза лежат многие достижения культуры народов Казахстана.

Свидетельством признания казахстанской научной археологической школы являются проведение в Алматы ряда

международных конференций, участие казахстанских археологов в разработке международного проекта ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь: путь диалога культур», совместные научные исследования с археологами России, Италии Франции, Германии, США. Проводились исследования археологических памятников по грантам ЮТА8 «От кочевий к городам», «Проблемы Арала» с учеными Франции, Германии, России, Кыргызстана.

Использование системы ГИС. Достижением казахстанских археологов в области документации является использование системы ГИС в Отрарском оазисе.

Древний Отрарский оазис находится в современном Отрарском районе Южно-Казахстанской области Республики Казахстан. Его земли располагаются по берегам среднего течения Сырдарии.¹³ Здесь господствуют различные виды полыни, солянки, джантак. В низовьях Арыси обширные пространства занимают заросли дармины - особого вида полыни.¹⁴

Большая часть долины имеет такыровидные сероземные почвы. По окраинам пойм расположены солончаковые ажрековые луга, а ближе к руслу - тугайные заросли из лоха, ивы, тамариска, туранги и тростника.¹⁵

Климат района резко континентальный, пустынный. Зимой температура падает до 25°C. Сырдария обычно замерзает в начале декабря, лед держится до марта.¹⁶ Нередко весной Сырдария и Арысь выходят из берегов, затопляя большую территорию.

О подобных наводнениях в Отрарском оазисе писал географ X в. ал-Масуди. Он сообщал, что «во время половодий река заливала пространства шириной более 30 фарсахов, и тогда деревни и поместья, расположенные на вершинах холмов, сообщались при помощи лодок».¹⁷ Такие половодья случались и в новейшее время. В 1944 г. Арысь разлилась и затопила в низовье несколько аулов, в 1947 г. под водой оказался весь оазис и старые протоки Сырдарии.¹⁸

Основными источниками водоснабжения оазиса являются Арысь и Сырдария. Каналы, отведенные от них, снабжали водой города и селения и орошали поля. Долина Сырдарии - роль и значение реки в жизни населения Отрарского оазиса и всего Туркестана описаны средневековыми авторами. У Рузбехана - автора XVI в. - сказано о Сырдарии следующее: «Река эта протекает на протяжении 300 ташей и теряется в песках Кара-Курума. На всем этом протяжении в изобилии растут разные кормовые травы и камыши. Из Дарьи выведено много арыков для орошения полей. Ни в одной стране мира нет такой многополезной реки, как Сырдарья; по обилию густых трав, растущих по берегам, и диких птиц не найдется ей равной; она очень полезна для всякого рода животных и зверей. По берегам, утопающим в разнообразных цветах, обитают разнообразные пернатые животные, дикие ослы, сайгаки и другие животные, растут непроходимые даже для ветра и духов леса заросли можжевельника. Сырдарья протекает среди туркестанских городов, которые, как высокие деревья на берегу Дарьи, тянутся к небу».¹⁹

Отрарский оазис занимает в долине Сырдарии удобное географическое положение. Вокруг него простираются обширные степи, издревле заселенные скотоводами, которые были тесно связаны в экономическом, политическом и этническом отношениях с местными земледельцами. Степь примыкает к хребту Каратау. Предгорья Каратау представляют собой удобные места для выпаса скота, а долины рек - для земледелия.²⁰

Идея проекта «Документация и историческая география Отрара и Отрарского оазиса: основа сохранения и защиты» возникла на основе многолетних научных исследований, одним из которых стал проект ЮНЕСКО-Казахстан-Японский целевой фонд «Сохранение и реставрация древнего городища Отрар». В рамках проекта были проведены консервационные мероприятия, а также обработана документация с использованием новейших методик на крупнейших археологических памятниках оазиса: Отраре, Кок-Мардане, Куйруктобе, Алтынтобе и Конуртобе. Вместе с тем, необходимость тщательного исследования обширной территории оазиса для фиксации археологических объектов и последующей их документации как основы, на которой в дальнейшем строилась стратегия включения уникального комплекса «Отрарский оазис» в список всемирного наследия, проявилась со всей яркостью. У всех экспертов, работающих в оазисе, появилось осознание острой необходимости проведения такого рода мероприятий, которые бы открыли возможность действовать сразу в нескольких приоритетных направлениях: определить границы оазиса, охраняемые зоны каждого памятника, разработать стратегию охранных мероприятий для спасения уникального культурного ландшафта, выявить и тем самым сохранить памятники на осваиваемых территориях, вывела необходимость создания целостной картины всего оазиса путем интеграции огромного пласта накопленных знаний в систему, которая должна отвечать требованиям развития современного мирового научного уровня, быть гибкой, легко изменяемой и дополняемой, которая дала бы возможность широко использовать ее как специалистами, так и широкой общественностью.

Отрарский оазис с его многочисленными средневековыми городками, поселениями и могильниками является одним из самых известных в республике объектов туризма. Оазис уникален сохранностью древних культурных ландшафтов.

Разработка системы учета и документации на сегодняшний день было единственной возможностью охраны, а также проведения мониторинга памятников.

Государственный Отрарский музей-заповедник - орган, ответственный за учет и охрану памятников, не обладал системой инвентаризации памятников, позволявшей бы точно определять местонахождения объекта в пространстве, обновлять и пополнять информационные блоки, представлять данные о памятниках землепользователям. Для музея создание гибкой системы документации и учета памятников оазиса стало первоочередной необходимостью.

Использование в работе такой системы стала насущной задачей для Института археологии МОН РК. Причем система, созданная на материалах оазиса, может быть активно использована в дальнейшем и в других регионах страны.

Была выполнена работа по созданию базы данных археологических памятников с пространственной привязкой и маркировкой населенных пунктов, транспортных коммуникаций, водных источников, ландшафтной ситуации, ирригационной сети, земельных участков современного землепользования, вкупе с уникальной системой создания виртуального мира, как основы сохранения, в казахстанской археологической практике проводилась впервые.

Теоретическая сторона проекта была четко выражена поставленными целями и задачами, а также способами их решения.

Цель: создание цифровой модели Отрарского оазиса как основы для учета, комплексной документации и широких аналитических возможностей.

Задачи:

- создание базы данных археологических памятников Отрарского оазиса;
- создание цифровой картографической основы оазиса;
- интеграция базы данных и топографической основы;
- паспортизация памятников (включает в себя переработку большого пласта архивных материалов Института археологии и Отрарского музея-заповедника; археологические разведки с целью нахождения новых ранее не известных памятников; определение координат каждого памятника; датировка ранее не датированных объектов);
- создание архива трехмерных сверхточных цифровых моделей археологических памятников оазиса;
- реализация идеи сохранения памятников путем создания виртуального мира (включает проведение цифровой аэрофотосъемки и создание трехмерной модели памятника с широкими возможностями его осмотра - виртуальные маршруты) - «виртуальная археология»;
- определение границ оазиса;
- выделение микрооазисов;
- создание серии тематических карт от первых веков нашей эры до XX столетия;
- изготовление CD (компакт диска) с обобщенными данными проекта в виде интерактивного справочника-навигатора;
- выпуск книги, емко иллюстрирующей достижения проекта;
- передача материалов и интеграция новой модели в систему Отрарского музея-заповедника.

Все работы проводились при помощи использования такого программного обеспечения, как AutoCAD Land Developement Desktop 3.0, Microsoft Access, ArcGIS (ArcView 9.1), Leica Survey Office, Adobe Photoshop, Corel Draw.

Для создания карты использовались снимки спутника Lansad 7, с разрешающей способностью 60 м, которые несут огромный массив информации о регионе. Качество снимков позволяет визуально

распознавать большинство памятников, что дало возможность нанести их на карту более точно. Поверх спутникового снимка региона наложена топографическая карта 1982 года издания, масштаба 1:200000.

Также была создана база данных (Microsoft Access), которая напрямую связана с GIS картой, что позволяет производить изменение или дополнение информации параллельно и в карте, и в базе данных.

Проект карты выполнен в системе координат UTM, в идентичной системе привязан снимок, а также топографическая основа, созданная в системе Pulkovo, однако программный пакет ArcGIS позволил, не меняя исходных систем координат, работать и с картой, и со снимком параллельно. Используя возможности векторной графики ArcGIS и основываясь на графических данных, ученые создали подробную векторную карту региона. Нанесены все современные элементы карты: населенные пункты, зимовки, коммуникации. Водные ресурсы (реки, озера, протоки, болота) региона заняли отдельную часть базы данных и также присутствуют на карте. Внимание также уделено созданию слоя карты, несущего информационный блок данных о современной ирригации, которая зачастую переплетается с древней.

На той же топографической основе 1982 года была создана трехмерная модель ландшафта региона, что позволило придать карте еще более насыщенную геодезическую нагрузку.

Памятники, загруженные в карту, первоначально являлись текстовыми данными с координатами, полученными при использовании приемников OP8 модели Garmin 12 Channels. На карте объекты изображены как значки разных цветов. Городища, поселения, курганы получили индивидуальный символ обозначения. Также, благодаря спутниковым снимкам, полевым исследованиям и данным GPS, была отображена сеть ирригационных каналов вблизи отдельных памятников. Благодаря снимкам спутника Landsat 7 выявлены области, в которых берут начало древние каналы.

Созданная в ArcGIS карта, позволяет проводить разнообразные аналитические операции с ее элементами практически мгновенно. Например, выделение микро-оазисов, определение границ, измерение протяженности ирригационных систем, современное использование земельных ресурсов в свете локализации охранных зон памятников археологии, получение информации о землепользователе и многое другое. Карта представлена как многослойный документ, позволяющий работать как со всеми ее элементами вместе, так и с каждым в отдельности. Главной целью и отличительной чертой базы данных от существующих сборников является создание последней в цифровом формате с определенным набором элементов, предусматривающих возможность широкого поиска и аналитики по формуле «хронология-морфология-пространство». Данная база используется в двух областях:

1. Независимая база данных, выполненная в программе Access, позволяет пользователю данного продукта получать информацию о памятнике, проводить сравнительный анализ при помощи диаграмм, выборку по интересующему вопросу.

2. База данных является основой карты Отрарского оазиса, выполненной в среде «ArcGIS».

В ходе создания базы данных были использованы следующие материалы:

1. Топография памятника. При съемке топографии были использованы электронные тахеометры (Leica TCR307, TCR407), проведена топографическая съемка с шагом горизонталей 0,2 м.
2. Фотофиксация. Выполнялась как наземными методами, так и с помощью мотодельтолета. Цифровые аэрофото использовались в качестве текстур в ходе проводимого 3-х мерного моделирования.
3. Описание памятников. Являлось одной из главных частей базы данных, предоставляющее пользователю наиболее полную характеристику памятника.

Данная база является продуктом, позволяющим использовать его как в научных, так и в просветительских целях. В научных целях продукт выступает как база для музеев и научно-исследовательских институтов, предполагающая возможность не только её изучения, но и дополнения.

База данных состоит из следующих информационных блоков: «Наименование памятника», «Морфология памятника», «Описание памятника», «Региональное отношение памятника в современном земельном кадастре», «Начальная дата существования памятника», «Конечная дата существования памятника», «Топография памятника», «Фотоматериал», «Координаты памятника (UTM)».

В ходе реализации проекта было исследовано, внесено в базу данных, а также нанесено на карту 182 памятника, из них 108 поселений, 20 городищ, 8 захоронений, 1 стоянка каменного века.

В ходе проекта была проведена трехмерная цифровая съемка топографии 70 памятников.

Методы создания виртуальной реальности в археологии позволяют сделать информацию, которую сложно увидеть, доступной, визуальной, диалоговой (интерактивной), а также открывают новые пути презентации исследования. Моделирование в области виртуальной археологии дает возможность использовать современное знание и начать размышление об объекте в интерактивной пользовательской презентации.

Отрар, другое его название Фараб, в средние века был столицей округа Отрар-Фараб. С северо-запада Отрарский оазис граничит с Туркестанским и, видимо, в древности оба оазиса на Средней Сырдарье составляли общий округ или область Тарбанд, объединивший области Фараб и Шавгар. Центром последнего был одноименный город, который отождествляется с городищем Карачик вблизи современного г. Туркестана. Согдийское название Шавгар соответствует тюркскому Карачик, что означает Каратау-Черногорск. С юго-востока Отрарский оазис граничит с Ташкентом, который в древности назывался областью Шаш.

Судя по концепции памятников, можно говорить об условной восточной линии оазиса, которую маркирует городище Бозок. Южная линия оазиса прочерчена городищами, тяготеющими к Кок-Мардану, - Оюк, Айсен-тобе, Айколь. Западную линию целесообразно рисовать по дескам Кызылкумов, которые стали естественной преградой для оазиса. Северная граница визуально легко формируется городищами: Майбалык, Тортколь, Данищер, Актобе, Кауган. При этом протяженность оазиса составляет с севера на юг около 53 км, с запада на восток - 54 км.

Поселения и городища формируют несколько микрооазисов; один из наиболее крупных сложился вокруг Отрара. Возникновение его относится к рубежу эр, I в. до н. э. - I в. н.э. Нижние слои городищ Жалпактобе, Алтынтобе, Жалпактобе и Мардан-Куик, как и Отрара, относятся к этому времени, а к III-V вв. это уже были городские центры. В XII-XIII вв. жизнь на большинстве городищ этого микрооазиса затухает, хотя сам Отрар живет еще в XVIII столетии.

На левом берегу Арыси сложился микрооазис с центром в городище Кок-Мардан. По всей видимости, городища этого оазиса распространились и на правом берегу Арыси, где обнаружен большой обжитый центр, схожий с Кок-Марданом, Жалпактобе.

На левом берегу Сырдарии микрооазис с центром в Оксызе (Сыдык, Зернук) существует до XII-XIII вв.

В низовьях Бугуни многочисленные небольшие поселения тяготеют к городищу Бозок. Жизнь в этих местах замирает в XIV-XV вв.

Тенденции в развитии мировой археологии. Казахстанская археология развивается в системе общемировых научных тенденций и изучении как традиционных направлений, так и новых, выдвигаемых требованиями современности.

Одним из важных направлений общемировой науки, в том числе археологии, является выяснение вопросов происхождения человека и его развития (антропогенез). В культурологическом плане - это изучение культуры эпохи камня (палеолита).

Больших успехов добились исследователи, особенно английской, американской и российской школ, в изучении взаимодействия природной среды и самих обществ, взятых в их динамическом взаимодействии²¹. Все эти разработки создают надежный фундамент для познания древнейшего прошлого человечества.

Сегодня мировая наука проявляет повышенный интерес к изучению мумифицированных останков людей, относящихся к разным эпохам. В последнее десятилетие опубликовано несколько крупных исследований по данной проблематике. К их числу относится вышедшая в Великобритании монография, посвященная изучению мумифицированных объектов, обнаруженных почти на всех континентах Земли, а также трехтомный труд австрийских ученых, в котором собраны материалы всестороннего изучения знаменитого Айсмана, сведения о находках мумий в разных точках планеты²².

Изучение археологических реалий, полученных при раскопках, публикация полевых наблюдений, материалов об особенностях захоронения и погребального обряда выполнены российскими учеными Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным,²³ казахстанским исследователем З. Самашевым.

Новым и перспективным направлением на стыке археологии и генетики является молекулярно-генетический анализ делеционно-инсерционного полиморфизма региона V Мт ДНК.

Возможность интерпретации полученных молекулярно-генетических данных будет значительно расширяться в дальнейшем по мере накопления информации по современным популяциям, близким к пазырыкцам географически и исторически.²⁴

Актуальным направлением в археологической науке продолжает оставаться комплексное изучение древних обществ. Это направление именуется как *социальная археология*. Археологическое изучение урбанистических центров и небольших поселений, общественных зданий и отдельных «частных» домовладений, агроирригационных структур и караванных дорог, ювелирных изделий и производственного инвентаря мастерской древнего металлурга дает основу для *моделирования* социальной и политической структуры общества. Появляются новые и развиваются уже давно появившиеся методы моделирования (ХТЕНТ моделирование, теория центра и периферии).

Одним из фундаментальных направлений в рамках социальной археологии стала *этноархеология*. Изучение многочисленных аспектов жизни современных сообществ и интеграция полученных сведений в археологическое исследование - направление, возникшее давно, но только в последние 25 лет получившее мощный импульс развития. Это объясняется тем, что теперь сами археологи занимаются полевым изучением того, что ранее было достоянием этнографов. Соответственно по-иному расставляются акценты и решаются научные проблемы.²⁵

Археология окружающей среды – быстро развивающаяся дисциплина. В рамках этой дисциплины можно выделить множество всевозможных направлений, применяющих различные методы исследования. Наиболее известные из них - изучение древних береговых линий, древнего ландшафта, растительной среды, микро- и макрофаунистического комплекса и, наконец, человеческой среды. Широкий круг специалистов работает над решением задач, поставленных археологией, - это и карпологи, и почвоведы, геоморфологи и палинологи.

Перспективным и новым направлением в археологической науке стал, например, процесс сбора данных, анализа и воссоздания древнего ландшафта.

Современные аэро- и космоснимки дают информацию о современном ландшафте, а поэтому предпочтительнее использовать старые архивные планы, карты, фотографии вместо современных малополезных текстур (аэро- и космоснимков), для того чтобы определить антропогенное воздействие на древнюю среду

и проанализировать процесс ее изменения. Каждая архивная деталь может установить искомую взаимосвязь в модели, создаваемой специалистом в геоинформационной системе, и стать фундаментальной частью в направлении будущего исследования.

Таким образом, широта охвата различных научных сфер археологией окружающей среды очень велика и результаты исследований зачастую ошеломляют научный мир.

Важное направление в археологии - *изучение древних технологий*. В этой сфере господствующими стали экспериментальная археология и серия разнообразных естественнонаучных методов. Широко применяются трасология, металлография и серия химических анализов в области изучения палеометалла.

Торговые пути, их комплексное изучение, документация, выделение основных трасс и многочисленных ответвлений - еще одно мощное, бурно развивающееся направление в археологии Запада. Это направление настолько широко, что отдельные исследователи зачастую пытаются использовать весь багаж накопленных знаний для достижения максимально высоких результатов.

Столь же важным и широким направлением в последнее время стало изучение искусства и религии - *познавательная археология*, которая пытается проникнуть в мышление и мироощущение древних через изучение материальных остатков - артефактов.

Археология и общественность - направление в науке, вмещающее в себя понятие о работе над уже собранной и изданной сухой научной документацией и аналитикой, проделанной для презентации исследованного памятника широкой публике. Эта сфера вмещает в себя такие сложные аспекты, как научная консервация, реставрация и музеефикация.

Археология - наука, дающая, равно как и пользующаяся данными других сфер знаний. Большое число различных направлений, развивающихся на стыке наук, становится в последнее время частым явлением. Во многом именно этим определяются достижения археологии.²⁶

В последнее время археологическая наука, впитывая новейшие достижения технического прогресса, открыла новые перспективы для изучения прошлого. Магнито- и электроразведка, спутниковые съемки и геоинформационные системы, различные методы датировок стали более надежными и точными.

В мировой археологической науке существует много различных направлений и школ, которые постоянно пополняют свой научный арсенал новейшими методами исследований, использование которых, вне всякого сомнения, открывает мощный пласт нового фактологического материала.

Получение, обработка и анализ *топографических данных* приобретают в последнее время особенное значение, в основном благодаря широкому внедрению электронных тахеометров и специфического программного обеспечения.

В археологических кругах большой популярностью пользуется микротопография, когда выбранный для исследования объект документируется с высокой детализацией. Оцифрованная топографическая информация, перенесенная в интерактивную среду, предстает теперь в виде трехмерных моделей, позволяя не только усилить визуализацию, но и решить ряд вопросов касательно изучения древних и современных ландшафтных ситуаций.

Некоторое время назад фотографии Земли, сделанные из космоса, были мало применимы в археологии в связи с их большим масштабом и отсутствием деталей. Но после открытия широкому обозрению данных со спутников Landsat, Spot, фиксирующих земную поверхность путем записи интенсивности отражения света, а также инфракрасного излучения и переноса электронных данных в фотоизображение, космоснимки стали сверхпопулярны в археологической среде. Теперь космосъемка является одной из основополагающих в проектах, нацеленных на изучение агроирригационных систем, древних ландшафтов, городов.²⁷

Магниторазведка - самый популярный способ, наиболее успешно используемый в поисках и локализации построек, созданных из глины. Именно эти структуры имеют магнитное поле, которое можно зафиксировать при помощи магнитометров. Использование металлодетекторов не только в ходе поиска металлических объектов, но и других структур, находящихся под землей, принесли успех в ходе проведения ряда научных археологических проектов. Методы фиксации радиоактивности и рассеивания нейтронов являются новыми и не очень широко применяемыми в основном по той причине, что различие фонов, например рва и его заполнения, не столь высоко, поэтому дифференциация последних пока представляется проблематичной. Термография, детальное картографирование растительного покрова, геохимические анализы грунта - естественнонаучные методики, принятые археологией как вспомогательные средства научного исследования.²⁸

Компьютер как инструмент, не только ускоряющий всевозможные процессы в различных отраслях науки и техники, но и открывающий абсолютно новые, не известные горизонты научных знаний, ворвался во все проводимые научные исследования и значительно изменил их направление. На западе теперь широко применяется термин, ставший очень модным в последнее десятилетие, - «виртуальная археология».

Больших результатов археологическая наука добилась в области хронологии и новейших естественнонаучных методов так называемой относительной и абсолютной датировки. Назовем некоторые из них: радиоуглеродный, калий-аргоновый, изотоп урана, хлор-36, термомюлюминесцентный метод, архео- и палеомагнетизм, метод определения степени окисления углерода, датировка по пыльце растений, по фаунистическим останкам, дендрохронология и т.д. Новые обширные данные, получаемые в ходе использования всевозможных методов датировки, позволяют корректировать устоявшиеся ранее теории,

выстраивать новые хронологические цепочки, словом, находить место фактам в исторической канве. Бурное развитие и широкое использование многочисленных методов датировки наглядно представляет эту область как актуальную и приоритетную.²⁹

Основные направления развития археологии Казахстана в начале XXI в. Сейчас, когда Казахстан стал независимой республикой, археология здесь обрела новый социальный статус внутри нового социума, что открывает возможности для ее дальнейшего развития.

В качестве приоритетных ориентиров в исторических исследованиях, в образовании и просвещении народа считается положение об принадлежности Казахстана к евразийской культуре, для которой характерно развитие и взаимодействие кочевых и оседлых культур, города и степи, разных этнических, языковых и конфессиональных традиций, преемственность существовавших на его территории культур. В связи с этим в качестве концептуальных основ развития археологической науки следует предложить научные направления, приоритеты и практические задачи, сгруппированные в следующие блоки.

Теоретическую разработку на современном уровне науки проблемы влияния Казахстана как социума на процесс исторического развития человечества; определение вклада автохтонных племен и народов региона, который они внесли в эволюцию материальной и духовной цивилизации Евразии; выявление древнейших корней культуры, искусства и духовности казахского народа, исторических этапов сложения и развития его государственности и консолидации разнородных структур в единую общность.

Изучение взаимодействия оседлых цивилизаций и кочевых культур в древности и средневековье на основе археологических данных, письменных и нумизматических источников, в частности, решение вопроса о начальном этапе протогородской цивилизации Казахстана в контактных зонах оседлости и кочевания, и об оседании кочевников.

Предполагается также изучение динамики развития средневековой урбанизации, ее особенностей в Казахстане с VI в. до н.э. до XVIII в. в условиях взаимосвязи со степью. Необходимо изучение городской культуры на всем протяжении средневековья с тем, чтобы соотнести археологические материалы с данными этнологических исследований.

Предусматривается исследование городской структуры, строительства и архитектуры, функций города в разрезе ремесла, торговли и денежного обращения, сельского хозяйства, идеологии, демографии, социальных отношений, технологического прогресса.

Археологическое изучение «Великого Шелкового пути - пути диалога культур». Это явление, феномен человеческой цивилизации. Именно он уже с глубокой древности, связывая Запад и Восток, Азию и Европу, служил основой идеи евразийства. Казахстан, а это ярко доказывают археологические материалы, был своеобразным мостом и ретранслятором связей культур. Именно в городах Казахстана

встречались различные религии, культурные эталоны, этносы, которые создали одну из ярких самобытных городских цивилизаций, традиции которой перешли и в новое время.

Представляются актуальными уточнения исторической терминологии и дефиниций. Думается, что термины «кочевая культура», «кочевая цивилизация», к достижениям которых относятся «мифологию», и «эпос», и «звериный стиль», не совсем удачны. Правильнее говорить о «степной культуре и цивилизации», которые подразумевают не только кочевание, но и оседлость, не только скотоводство, но и земледелие, и городскую жизнь. Разве саки, тюрки, казахи только номады? Ведь именно этот, так называемый «исключительный номадизм», дает пищу для рассуждений о пустых землях Казахстана, об эфемерности культуры кочевников. Номадизм - лишь часть степного хозяйства, жизни и быта. Сейчас известны поселения и города саков, тюрков, казахов, а это заставляет подумать о конкретике в дефинициях.

Среди инновационных направлений археологии следует выделить ландшафтную археологию; социальную археологию; экологическую археологию; этноархеологию, особенно в части изучения традиционной казахской культуры. Безусловно, дальнейший импульс должны получить бывшие недавно новыми для казахстанской археологии - археологическая архитектура, археологическое религиоведение, изучение археологических технологий. Все названные проблемы и направления археологии будут сопровождаться новейшими компьютерными технологиями, использованием современных средств документации, картографирования, хронологии.

Общим тенденциям развития мировой археологии следуют следующие направления археологии Казахстана:

Археологические культуры. Изучение археологических культур в эпоху палеолита, мезолита, неолита, энеолита, бронзового и железного веков, средневековья; проблем типологии и классификации культуросодержащих отложений, археологических местонахождений, культурных слоев, отдельных комплексов и категорий предметов; выделение локальных культур и их вариантов. Методика исследования археологических комплексов.

Археологическая периодизация и хронология. Изучение проблем построения хронологических систем и периодизаций; относительная и абсолютная хронологии; разработка типологии хронологических индикаторов; методика создания хронологических банков данных. Всеобщая, локальные и региональные периодизации; проблемы соотношения и переходных этапов.

Палеоэкономика древних обществ. Изучение технического уровня и эволюции древних производств: скотоводства, земледелия и ирригации, ремесла; древней металлургии и горного дела, керамического производства, ткачества и пр.; строительного дела, торговли и денежного обращения на основе анализа остатков организационных форм и адаптивных свойств древних технологий, особенностей их функционирования, строения и классификации

функциональных блоков и спецустройств для производства. Экспериментально-трассологические исследования.

Генезис и этапы развития древних цивилизаций. Изучение проблем происхождения человека (антропогенез), этапов развития человеческого общества (социогенез), формирования племен и народов (этногенез). Изучение урбанизации и номадизма; процессов взаимодействия кочевых и оседлых цивилизаций: древнего искусства и архитектуры, мировоззрения и идеологии древних обществ.

Археологическая реконструкция и моделирование. Изучение проблем палеоэкологической характеристики культурных слоев; картография, фитономика, геология, палеогеография, палеозоология и палеоэкологических и археологических реконструкциях. Вопросы моделирования различных содержательных смысловых характеристик, отраженных в археологических объектах. Применение многомерных процедур и методик в моделировании, количественные и аналитические методы реконструкций археологических объектов. Экспериментальная реконструкция.

Методология археологии. Выяснение смысла и роли археологических понятий, построение их систем; семантический анализ; принципы интерпретации результатов. Методы анализа: комбинаторные, статистические, нормативные, математического моделирования, формального языка.

Сохранение культурного наследия. Учет (паспортизация), реставрация и адаптация, консервация и охрана археологических памятников: теоретические принципы и технология, методологические направления. Проблемы сохранения, регенерации и популяризации археологических памятников; фондовых коллекций, музеефикация археологических памятников; каталогизация фондовых коллекций и информатика, музеефикация археологических памятников.

Археология и культурное наследие Казахстана: выполнение Государственной программы «Культурное наследие». Многообразие и богатство культурного наследия являются основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Оно охватывает все виды археологических памятников: руины замков и крепостей, оплывшие погребальные курганы, остатки древних стойбищ и городов, эффектные монументальные строения. Должным образом раскопанные и музеефицированные, исследованные профессионалами, они зримо несут информацию об ушедших веках и народах. Памятники, еще не изученные, представляют собой бесценный информационный фонд человечества, его нерушимую материальную память.

В XX столетии сложилось такое понятие, как археологическое наследие, и связанный с ним весь блок организационных мероприятий (archaeological heritage management) - руководство археологическим наследием.

Исключительное значение приобретает весь блок культурного наследия для современных обществ. Он получает особое звучание в эпоху научно-технической революции и электронных средств информации, когда утверждаются новые массовые стереотипы, ведущие к своего рода глобальной стандартизации, размыванию индивидуальности как отдельных личностей, так и целых народов. Утрачиваются многие сложившиеся веками культурные традиции, в том числе поведенческие и моральные.

Цивилизованные страны все с большим вниманием относятся к проблемам сохранения и использования культурного наследия. В развитых странах повышение уровня благосостояния способствовало развитию массового туризма, формированию целой туристской индустрии, что экономически стимулирует внимание к культурному наследию. Совершенствуется соответствующее законодательство, идут поиски наиболее эффективных форм организации.

Практически культурное наследие и разумное отношение к нему в современном мире выступают как показатель цивилизованного общества. Это касается и законотворческой ситуации, и нравственного настроя.

2003 год стал этапным в развитии культуры - в ежегодном послании Президента страны к народу в числе неотложных задач, стоящих перед страной, определены задачи изучения и сохранения историко-культурного наследия.

Следующие 2004-2006 гг. определены временем выполнения Государственной программы «Культурное наследие», в которые произошел прорыв в изучении, сохранении и использовании историко-культурного наследия.

Археологические объекты, предлагаемые для изучения согласно Программе, в том числе и для масштабных раскопок, выбирались с учетом их значимости и наличия определенного задела в предыдущих изысканиях. Это, по сути дела, эталонные памятники, несущие важную историко-культурную нагрузку и являющиеся знаковыми для генетической памяти народа, и те, которые вошли в список будущих номинантов всемирного культурного наследия.

Исследования по программе велись комплексно, вслед за раскопочными работами и параллельно им следовали мероприятия, связанные с подготовкой проекта, затем консервацией и восстановлением раскопанных объектов и их музеефикацией.

Музеефицированные памятники включаются в систему казахстанских государственных и международных туристических маршрутов, становятся своеобразными узлами развивающейся туристической инфраструктуры.

Проводились консервационные работы по международным программам с участием ЮНЕСКО на городище Отрар и комплексе петроглифов Тамгалы. Отдельно по Отрару создан проект «Возрождение древнего Отрара».

Несомненно, одной из главнейших задач Программы являются подготовка Свода памятников истории и культуры, строгий учет в ревизиях историко-культурного наследия. Свод - это фундамент всей работы по изучению и охране памятников.

Программа «Культурное наследие» обеспечила беспрецедентное исследование памятников археологии на территории страны.³⁰

Исследования продолжаются...

Түйін

К.М. Байпақов

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫНЫҢ ДАМУЫМЕН ЖЕТІСТІКТЕРІ, XXI ҒАСЫРДАҒЫ ДАМУ ҮРДІСІ

Қазақстан археология ғылымы барысындағы жылдары ғалымдар Қазақстанның ежелгі тарихы, сонымен қатар мәдениет тарихының дамуының бұртқас көрінісін суреттеп берді. Қазақстандағы археологиялық ескерткіштерді зерттеу әртүрлі мәдениет дәстүрінің өзара қатынасы үдерісін қалпына келтіруге мүмкіндік туғызып, Қазақстан аумағы тарихи-мәдени синтез орталығының бірі екендігі туралы дәлелдер қорын кеңейтті, ал көшпенді және отырықшы халықтардың өзара қарым-қатынасы мәдениетті өзара байытуға алып келді. Дәл осындай синтездің түбінде Қазақстан халықтары мәдениетінің көптеген жетістіктері жатыр.

Мақалада XXI ғ. басындағы Қазақстан археологиясы дамуының негізгі бағыттары анықталған. Тарихи зерттеулердегі, халықты ағарту мен білімдегі маңызді бағдар ретінде еуразия мәдениетіндегі көшпенділік пен отырықшылық мәдениеттің, қала мен даланың, әртүрлі этниканың, тіл мен конфессионалдық дәстүрдің өзара байланысы мен дамуы, оның аумағында өмір сүріп жатқан мәдениеттің сабақтастығы тән болып саналатын Қазақстанның қатыстылығы жөніндегі жағдайлар есептеледі.

Abstract

K.M. Baipakov

ACHIEVEMENTS OF KAZAKHSTAN ARCHAEOLOGY AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT IN THE XXI CENTURY

During the years of existence of archaeological science in Kazakhstan the scientists reproduced the relatively whole picture of development of the ancient history of Kazakhstan including also the history of culture. Study of archaeological monuments in Kazakhstan let to reconstruct the processes of interrelations of different cultural traditions and to increase the base of the evidences that the history of Kazakhstan was one of the centers of the historical-cultural synthesis and that interaction of the nomadic and settled population brought to interenreachment of cultures. Namely in the bowels of such synthesis lay many achievements of culture of peoples of Kazakhstan.

The main directions of development of archaeology of Kazakhstan at the beginning of the XXI century are defined in the article. As the priority directions in the historical researches in forming and the enlightenment of people it is considered the statement on the belongship of Kazakhstan to the Eurasian culture for which it is characteristic the development and interaction of the nomadic and settled cultures, town and steppe, different ethnic, language and succession of cultures existed on its territory.

1. *Чайлд Г. В поисках исчезнувших цивилизаций / Пер. А.С. Амальрика, А.М. Монгайт. - М., 1966.*
2. *Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников Сары-Арки и Степная цивилизация Восточной Евразии). Древняя эпоха. - Астана, 2003. - С. 88-108.*
3. *Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древняя эпоха. - Астана, 2003. - С. 88-108.*
4. *Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1979.*
5. *Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, 1989. - С. 284-292; Акишев К.А. Курган Иссык. - М., 1978; Акишев А.К. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата, 1984; Черников С.С. Загадка кургана. - М., 1963; Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. - М., 1973.*
6. *Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. - Алматы, 2000.*
7. *Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. - М., 1985. - С. 204.*
8. *Массон В.М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана // Успехи среднеазиатской археологии. - Ленинград, 1979. - Вып. 4. - С. 9.*
9. *Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. - М., 1964. - С. 78-135.*
10. *Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - нач. VIII вв.). - Алма-Ата, 1986. - С. 92-98.*
11. *Вайнберг Б.И. Этногеография Турана. - М., 1999. - С. 305-306.*
12. *Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998; Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 2001.*
13. *Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. - М., 1969. - С. 307-308, 344-349.*
14. *Россия. Полное географическое описание нашего отечества. - Т. XIX. Туркестанский край / Составил В. И. Масальский. - СПб., 1913. - С. 215-216.*
15. *Очерки по физической географии Казахстана. - Алма-Ата, 1952. - С. 180-181.*
16. *Россия... - С. 131-136.*
17. *Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Соч. - Т. III. - М., 1965. - С. 224.*
18. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. - Алма-Ата, 1958. - Т. 5. - С. 149.*
19. *Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств // Казахстан в XV-XVIII в. - Алма-Ата, 1969. - С. 12-13.*
20. *Семенова М.И. Природа и хозяйство Южно-Казахстанской области. - Алма-Ата, 1959. - С. 121-122.*
21. *Gamble C. Paleolithic settlement in Europe. - Cambridge, 1985; Массон В.М. Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза). - СПб., 1996.*
22. *The Bog. Man and archeology of people. - London, 1991; Spindler K., Rastbidhle Z., Zissernig E., Welfing H. Der Mann I Eis. - Wein, 1995; Spindler K., Rastbidhle Z., Zissernig E. The Man in the Ice. A. Global Syrvey of their status and the techniques of conservation. - V. 3. - Wein, 1996.*

23. Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000; *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. - Новосибирск, 2001.
24. *Овчинников И.В., Друзина Е.Б.* и др. Молекулярно-генетический анализ делеционно-инсерционного полиморфизма региона V мт ДНК у мумии из погребального комплекса Ак-Алаха 3 // Феномен алтайских мумий. - Новосибирск, 2000. - С. 222-223; *Воевода М.И.* и др. Расовые и этноспецифические особенности мт ДНК представителей пазырькской культуры Горного Алтая. Феномен алтайских мумий. - Новосибирск, 2000. - С. 230.
25. Этнографо-археологические комплексы // Проблемы культуры и социума. - Новосибирск, 2002.
26. *Renfrew C., Bahn P.* Archaeology: theories methods and practice. - London, 2001.
27. *Backer H., Fasbinder J., W.E.* Magnetic prospecting in archaeological sites. ICOMOS. 2001.
28. *Barcelo A.* Visualizing what in might be introduction to virtual reality techniques in ardaelugy. VR. In archaeological. - Oxford, 2000.
29. Отчеты об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» за 2004 г. - Алматы, 2005; за 2005 г. - Алматы, 2006; за 2006 г. - Алматы, 2007; за 2008 г. - Алматы, 2009; за 2009 г. - Алматы, 2010; за 2010 г. - Алматы, 2011.
30. Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011) // Сб. науч. статей, посв. 20-летию Независимости Казахстана. - Алматы, 2011.

Б. Нурмуханбетов

О ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ

По случаю пятого десятилетия Отрарской эпопеи «откопал» эти строки, написанные в 1968-1970 годах. Они отражают мое понимание проблемы и состояния изученности погребальных памятников региона того времени. Даю их без каких-либо поправок и дополнений.

Заметка вряд ли имеет научную ценность. Однако по-человечески интересно вспомнить - с чего мы начинали. А к чему пришли сегодня - знают не только археологи-отрарцы, но и большинство жителей отрарской округи.

Из начала ЮККАЭ

Вопросы изучения исторической топографии городов и поселений сопровождают археологию населенных мест почти с момента ее зарождения. Такого рода работы служили вначале лишь как первый этап документации для последующих раскопок. А в дальнейшем, в результате усовершенствования их форм, переросли до уровня объективного источника. В настоящее время показатели отдельных звеньев исторической топографии городов и поселений уже используются для выявления особенностей социальной и экономической жизни их обитателей.

Показательны в этом плане работы Отрарской археологической экспедиций 1969-1970 гг. Более точные и новые методы - теодолитная съемка в крупномасштабном плане, плановая и перспективная аэрофотосъемка в изучении исторической топографии городища древнего Отрара дали возможность не только уточнить уже известное, но и позволили извлечь дополнительную информацию. Так, при дешифровке аэрофотоснимков центрального бугра были выделены цитадель и шахристан домонгольского города. Получены сведения о характере застройки после монгольского разрушения. Подробная топографическая съемка в сочетании с аэрофотосъемкой дали также надежный материал для определения границы города. Все это, бесспорно, расширяет круг источниковедческой базы истории средневекового города. Но наряду с этим имеются еще существенные пробелы в изучении исторической топографии городов и поселений. По большей части они ограничены узкими рамками, заключающими в себя лишь поверхности собственно города, взаиморасположения его пунктов и частей. При этом за пределами центральных бугров городищ и их округи вне поля зрения исследователей оставались и остаются еще немало тех, что составляют комплекс городских древностей. Среди них и их некрополь. Не привлекая данных из них, нельзя писать живую историю мертвых городов. Но где искать погребальные памятники, принявшие иную топографическую форму, в которых покоится бывшее городское или оседлое население?

Вся площадь за пределами городищ, где можно предполагать местонахождение могильников, уже утратила свой первоначальный микрорельеф. Особенно сильное изменение претерпели окрестности Отрара, Куйрыктобе и Каранкунчук, расположенные на территории

современных населенных пунктов. Следовательно, сводится на нет и вероятность выявления их погребальных памятников по топографическим особенностям. Очевидно, поэтому первая попытка обнаружить искомым объект была предпринята в урочище Канды-Тогай (*правильнее Канттогай - Б.Н.*), на северо-западной окраине Отрарского оазиса.¹

Здесь, в 1949 году, на слегка всхолмленной надпойменной террасе правого берега Сырдарии/Сырдарьи были обнаружены три курганных могильника. Первый из них состоит из 149 земляных насыпей овальной формы. Расположены они цепочками с запада на восток. Диаметр - 4-15 м, высота - 0,2 - 1,5 м. Второй могильник состоит из 42 курганов, расположенных бессистемно, двумя обособленными группами. Диаметр - 0,2-0,8 м, высота - до 0,8 м.

Третий же могильник был с аналогичными насыпями, расположенными также цепочками с Запада на Восток.

В первом могильнике раскопано девять курганов, во втором - два. Однако ни в одном из них следов могильных ям и состава захоронений не было обнаружено. Отсюда исследователи сочли нужным предположить, что памятники являются могильниками с обрядом трупосожжения. И вновь - никаких признаков сожжения при этом не было зафиксировано. Это, по мнению исследователей, является следствием того, что могильники периодически затапливались разливами Сырдарии.

Нет ясности и в датировке исследованных курганов. Во всех раскопанных курганах были обнаружены только мелкие обломки глиняной посуды. Они, судя по описаниям, невыразительны и вряд ли могут служить поводом для суждений о времени существования могильников. Да и, по мнению исследователей, фрагменты эти могли попасть сюда из расположенного поблизости селища XII-XIV вв. н.э. Однако далее, на основании обломка боковины сосуда с белой поливой сяманидского типа, датируется могильник VIII-IX вв. н.э.

В 1971 г. мы отыскали объект описанных работ, но не рискнули заложить здесь раскоп. Нам показалось, что многочисленные курганообразные всхолмления, принятые за курганный могильник, образовались в результате различных экзогенных рельефообразующих факторов. К тому же, местность эта периодически затапливается разливами Сырдарии² и вряд ли могла, поэтому, устроить древних насельников как место для кладбища.

И снова встал тот же вопрос: где же теперь искать некрополи городов Отрарского оазиса? Очевидно, в непосредственной близости от самих городищ. Окрестности всех крупных городов и поселений Отрарской округи насыщены разнообразными всхолмлениями. Они в виде самых различных форм и размеров бугров или валов располагаются обычно вдоль или неподалеку от оросительных каналов.

Значительные цепочки их почти по прямой линии тянутся в посреди полей, обрабатываемых ныне под посевы. Такие цепочки размещены иногда двумя или тремя рядами, образуя между собой длинные (500-1000 м) и широкие (100-200 м) улицы. Бывает, что ряды улиц пересекаются, образуя просторные прямоугольные «кварталы».

Совокупность построек тем самым удивительно походит на современные сельские поселения. Развалины эти, сгруппированные вокруг рабадов городов, смотрятся не в отрыве, а в тесной взаимосвязи с ними. Они органически вписываются в историческую топографию близлежащих городов и, по-видимому, указывают на новую ступень их развития. Очевидно, такое своеобразное свидетельство топографического роста городов должно иметь и внутренний исторический смысл.

Интересны упомянутые бугры и в другом своем внешнем проявлении. Отмечены они только вокруг городов Отрарской округи, культурные напластования которых доходят до позднего средневековья (Отрартобе, Куйрыктобе, Марданкюк, Жалпактобе). Так, на левом берегу р. Арысь Отрарского оазиса, где расположен комплекс раннеземледельческих памятников, их нет совсем. Отсутствуют они и на северо-западной окраине оазиса, самый крупный памятник которого Маслихаттобе датируется до VIII в н.э. Быть может, появление этих своеобразных бугров связано с определенным хронологическим периодом оседлой истории края?

Словом, вопросов много: что скрывают под собой эти бугры и валы, каким временем они должны датироваться, каковы исторические причины размещения этих объектов за пределами городских стен и, наконец, нет ли среди них погребальных памятников? Ответить можно и нужно только исходя из данных раскопок. Ибо уже предпринятые попытки их толкования, построенные на топографических признаках и подъемном материале, оказались во многом гипотетическими.

Упомянутые бугры и холмы, по мнению А.Н. Бернштама, были ядром и хронологическим предшественником средневекового Отрара античного времени. «В основе оазиса лежало поселение подквадратных очертаний, огороженное длинными стенами с тремя продольными рядами помещений». Такого же типа городищами были, по мнению исследователя, и более мелкие поселения в зоне Отрара. Далее, А.Н. Бернштам полагал, что раскопчный разрез этих стен, несомненно, даст окончательный ответ на высказанное предположение.³ Однако материалами Южно-Казахстанской экспедиции это не было подтверждено. Возражая А.Н. Бернштаму, В.И. Агеева и Г.И. Пацевич предположили, что указанные валы, ограничивающие одну из сторон Алтынтобе, Куйрыктобе, Отрара, являются остатками магистрального канала с дренами (узкими, глубокими боковыми каналами), назначение которых состояло в отводе грунтовых вод (в пониженных местах) для предохранения протекающей по магистральному каналу воды от засоления.⁴ Что касается «эллипсоидно-овальных бугров мелких городских полисов», по А.Н. Бернштаму, исследователи воздержались от конкретных суждений. Но они полагают, что эти бугры, возможно, были слободами оседающих тюркоязычных племен. По мнению исследователей, такой приток из кочевой степи в города усилился в конце VIII в. «Неверные» мусульманских авторов и есть выходцы из степи, осевшие в смежных с городами селениях.⁵ Такая попытка этнокультурной атрибуции и историко-археологического расчленения памятников, несомненно, заслуживает внимания и может оказаться перспективной. Однако пока, как заметили сами исследователи, не обладая достоверными

данными о материальной культуре, вряд ли можно решить вопрос о социальной природе, этническом составе населения и его культуре. Неслучайно поэтому, проводились дополнительные обследования в Отрарской экспедицией в 1969- 1970 гг.

Түйін

Б. Нұрмұханбетов НЕКРОПОЛЬДЕРДІ ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕСІ ХАҚЫНДА

Отырар алқабын зерттеудегі өзекті мәселелердің бірі болып аймақтағы аумақтық және экономикалық өмірдің ерекшеліктерін анықтау үдерісіндегі қалалар мен қоныстардың тарихи топографиясы есептеледі. Ежелгі Отырар аймағының тарихи топографиясын зерттеудегі үлкен масштабты жоспардағы аэрофототүсірілім, жоспарлық және перспективалық аэрофототүсірілім сияқты заманауи зерттеу әдістері тек бұрын алынған мәліметтерді анықтау ғана емес, қосымша ақпараттар табуға мүмкіндік туғызды. Бүгінгі таңда Отырар алқабы қалаларының – өзінің алғашқы микрорельефін жоғалтқан, қорым орны болуы мүмкін деп болжанған қала шекарасындағы жерлерден некрополь орнындарын анықтау жөніндегі келелді мәселе тұр.

Abstract

B. Nurmukhanbetov ON THE PROBLEM OF STUDY OF THE NECROPOLIS

One of the actual problems in study of Otrar oasis is the historical topography of towns and settlements necessary in the process of reveal of peculiarities of the social and economical life of a region. Such modern methods of the research like aerolith shooting in large scale view and also plan and perspective air-photography in study of the historical topography of the ancient Otrar site let already not only to clarify the earlier received data, but to get the additional information. At present time it is actual the problem on the establishment of location of necropolis of the Otrar oasis towns-the place out of the borders of the sites as the supposed location of burial grounds which lost already its initial micro-relief.

1. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. - Алма-Ата, 1958. - Т. 5; Археологическая карта Казахстана. Реестр. - Алма-Ата, 1960. - С. 24-25; № 3379-3381; *Пацевич Г.И.* Раскопки курганов и городищ ЮКАЭ в 1949 г. // Архив Института археологии. - Ф. 2, Д. 94; Материалы Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1949 г. // Архив Института археологии. - Ф. 1, 4, Д. 94; *Агеева Е.И.* Итоги камеральной обработки материалов ЮКАЭ 1949 г. // Архив Института археологии. - Ф. 2, Д. 101.
2. *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // Сочинения. - М., 1965. - Т. III. - С. 224.
3. *Бернштам А.Н.* Древний Отрар // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - 1951. - Вып. 3. - С. 82.
4. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории ... С. 70.
5. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории ... С. 71.

Л.Б. Ерзакович

О ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ*

В последние годы специальные археологические исследования позднесредневековых городищ Южного Казахстана в некоторой степени дополнили общеисторические сведения, известные по письменным источникам и работам В.В. Бартольда и других русских и советских историков. Большинство городищ Таласской долины и Семиречья не дали материалов XIII в. и позже. Соответствующие же слои на ряде городищ маловыразительны и, несомненно, свидетельствуют об общем процессе запустения городов и захирении оседлой жизни в период после монгольского нашествия.¹

Однако этот процесс не был одновременным и всеобъемлющим на территории Южного Казахстана, как считали ранее. Обследование склонов Каратау, среднего течения Сырдарьи/Сырдарии показывает, что часть городов возродилась после разрушений, произведенных здесь монголами в 1219-1220 гг. Положение городов, видимо, стабилизируется со второй половины XIII в., когда происходит усиление Ак-орды в составе Золотой орды или как самостоятельного государственного образования. Пока трудно сказать, достигли ли города уровня развития домонгольского времени. Вероятнее всего, это произошло лишь с Сыгнаком, Саураном, Отраром.

Керамика – основной материал, добытый на позднесредневековых городищах. Предварительная хронологическая классификация подъемной керамики, предложенная Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичем² после первых лет исследований в Южном Казахстане, была впоследствии уточнена и дополнена на основе материалов стратиграфических раскопов Бабааты,³ Сузака, Кумкента и новых подъемных сборов с других городищ.⁴ В настоящее время в позднесредневековых материалах выделяется очень своеобразная группа поливной керамики XIII-XIV вв., собранная на городищах среднего течения Сырдарьи и склонов Каратау. Ее отличает широкое использование красного или коричневого ангоба.⁵ По ангобу нанесена роспись белыми красками (иногда невысоким рельефом), а внутренняя поверхность и частично внешняя покрыты прозрачной зеленой или желтой свинцовой поливой.

Окрашенная полива с красным или коричневым ангобом создает темный фон различных оттенков с зеленым или желтым цветом орнамента. В этой группе керамики встречаются полихромные росписи и сочетание желтой и зеленой поливы на внешней и внутренней поверхности. Довольно часты находки неорнаментированных фрагментов с желтой поливой по красному ангобу (рис. 1,⁶ 2).

* Статья впервые была опубликована см.: *Ерзакович Л.Б. О южно-казахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 60-68.*

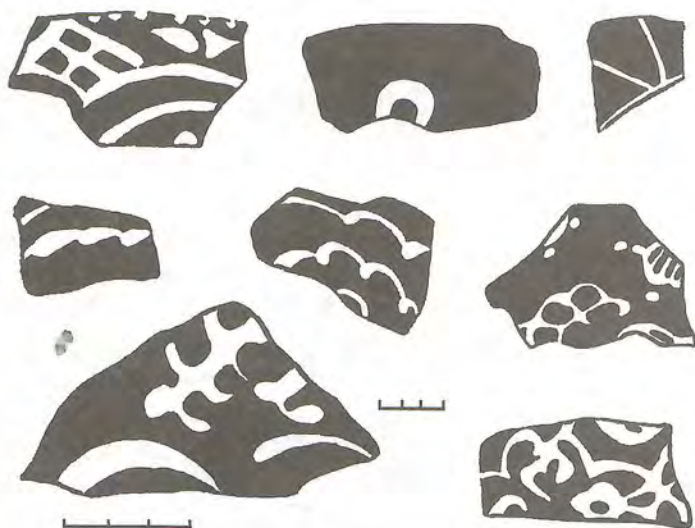

Рис. 1. Керамика с желтой поливой. (Сузак, Баба-ата)

Другая многочисленная группа - это керамика с желтой поливой по белому ангобу и полихромными росписями (рис. 3). Отдельную группу составляют сосуды с зеленой поливой по светлому ангобу, без орнамента, редко с подглазурной гравировкой.

Перечисленные группы представлены, главным образом; чашами полусферической формы. У них высокое тулово, прямая или слегка, отогнутая наружу закраина, полукольцевой поддон с выступом в середине (рис. 4).

Насколько можно судить по фрагментам, мотивы росписей обычно растительного или геометрического характера. Как правило, на внешней поверхности располагается орнамент в виде «арочек». Керамика сделана из плотного, хорошо промешанного и без примесей теста, черепок в изломе красноватый.

Рис. 2. Керамика с зеленой поливой. (Сузак, Кумкент)

Рис. 3. Чаша с желтой поливой и полихромными росписями (Кумкент)

Е.И. Агеева в свое время отмечала, что посуда с зеленой и желтой поливой почти не встречается в материалах из сопредельных территорий, но хорошо представлена в подъемном и раскопчных материалах с городищ северных склонов Каратау, которые по этому признаку были выделены ею в особую провинцию.⁷

В последние годы отряд Семиреченской археологической экспедиции провел широкие разведочные работы в Южном Казахстане.

Судя по подъемному материалу, поливная керамика северо-каратауского типа имеется и на городищах правобережья Сырдарьи. Правда, в этом районе встречается самаркандская и хорезмийская посуда XIII-XIV вв., в том числе кашинная керамика, но это единичные образцы.

На основе имеющегося подъемного материала пока трудно сделать вывод о соотношении местных типов и заимствованных, тем более, что материалов XIII-XIV вв. немного, ибо соответствующие слои таких городищ, как Отрар, Сауран перекрыты более поздними слоями (XVI-XVIII вв.). Однако уже имеющиеся данные по итогам работ Семиреченского отряда позволяют наметить новые границы распространения специфичной поливной керамики северо-каратауского типа: от Сыгнака до городищ на среднем течении Арыси (Караспан и др.), от северных склонов Каратау (Баба-Ата, Сузак, Кумкеит) до Отрара и Саурана на правом берегу Сырдарьи (рис. 5).

В других районах Казахстана и Средней Азии подобные типы керамики, особенно с красным ангобом и росписями под зеленой и желтой поливой, не получили распространения.⁸ Но при сравнении южно-казахстанских материалов и некоторых групп керамики с зеленой

в желтой поливной из городов Золотой орды в Нижнем Поволжье⁹ обнаруживаются прямые аналоги. Этот факт заслуживает особого внимания.

Как известно, одним из главных вопросов археологии Золотой орды является проблема генезиса культуры джучидских городов. Еще в работах А.Ю. Якубовского было высказано мнение о синкретизме золотоордынской культуры, прослежены хорезмийские истоки части ее поливной керамики.¹⁰ Археологические исследования последних лет на территории Золотой орды помогли многое уточнить. Наряду со среднеазиатскими компонентами выявлены другие культурные влияния: волжско-болгарское, северо-кавказское, закавказское, персонесско-византийское.¹¹ Но, все же, проблему генезиса золотоордынской культуры еще нельзя считать решенной. Как отмечал Г.А. Федоров-Давыдов, несмотря на перечисленные влияния, «основная масса керамики пока не находит своих прямых прототипов... Это основные типы неполивной керамики и типы поливной керамики на плотном красном тесте».¹²

Названные прототипы поливной керамики городов Золотой орды Нижнего Поволжья в Южном Казахстане свидетельствуют не только об одновременном (XIII-XIV вв.) существовании одних и тех же групп керамики в различных частях Золотой орды, но и позволяют уточнить характер культурных взаимосвязей.

Отдельные элементы орнамента поливной керамики XIII-XIV вв., такие как «вихревая» розетка, точки на закраине сосудов, несомненно, связаны с караханидской традицией. Некоторые мотивы росписей на керамике монгольского времени близки так называемой фигурной раскраске неполивной керамики X-XIV вв.¹³ Красный ангоб

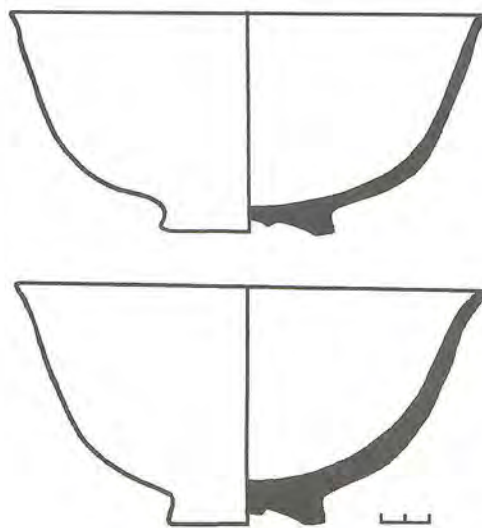

Рис. 4. Чаши XIII-XIV вв.

XIII-XIV вв. с лощением был распространен и в предшествующее время в неполивной керамике Отрарского оазиса и склонов Каратау.¹⁴ На этом основании можно говорить о местных истоках поливной керамики XIII-XIV вв. и исключить возможность влияния культуры Нижнего Поволжья на культуру Южного Казахстана, предположив обратную связь.¹⁵

Таким образом, выявлен новый компонент, участвовавший в сложении золотоордынской городской культуры, - южно-казахстанский. Вследствие этого вполне возможны и пути этнокультурной конкретизации южно-казахстанского компонента.

Исследователи Золотой орды считают, что носителями той синкретической культуры, которая называется золотоордынской городской культурой, были половецкие племена. Половецкий (кыпчакский) компонент устанавливается по лингвистическим данным и прослеживается в материальной культуре: это серьги в виде вопросительного знака, сумки с железными оковками, находимые в культурном слое городищ, кочевнический набор в погребениях на мусульманских кладбищах Нового Сарая.¹⁶ Однако отсутствие развитых традиций оседлости у половцев в домонгольский период натолкнуло исследователей на мысль, что образование половецкого городского населения не было длительным процессом постепенного оседания, в связи с этим отмечалась незначительность вклада бывших кочевых племен по сравнению с вкладом оседлых мастеров других стран в городскую культуру.¹⁷ Это положение правомерно, если иметь в виду половцев южно-русских степей. Что же касается собственно кыпчаков (восточных), то есть основания предполагать наличие у них более древних традиций оседлости.

Рис. 5. Район распространения красноангобированной поливной керамики

Сведения письменных источников позволяют локализовать, по крайней мере, часть кыпчаков в бассейне Сырдарьи с X-XI вв. В.В. Бартольд считал, что кимаки, жившие близ Саурана, упомянутые еще Макдиси, были, вероятно, кыпчаками. С начала XI в. они были соседями Хорезма. Уже во второй половине XII в. Сыгааж упоминается как политический центр кыпчаков на Сырдарье.¹⁸

Возможно, что основная масса огузов долины Сырдарьи в Приаралье была разгромлена кыпчаками, которые вынудили большую группировку огузов мигрировать в западное Приаралье и далее на запад.¹⁹ Имеющийся археологический материал по кимако-кыпчакским племенам в Казахстане характеризует лишь быт и культуру их скотоводческой части.²⁰ Но данные письменных источников («Худуд-ал-Алем», ал-Идриси, Марвази), в которых упоминаются города кимаков, а также землянки, в которых они живут в зимнее время²¹, позволяют предполагать наличие оседлых традиций в среде кимаков еще до их продвижения на запад. Элементы оседлости у части скотоводческих племен кимако-кыпчакского объединения должны были развиться дальше в городах на Сырдарье и склонах Каратау задолго до монгольского нашествия. Надо полагать, что в процессе длительной трансформации части кочевников в оседлое население и происходило сложение тех своеобразных черт материальной культуры, которые прослеживаются, в частности, при анализе поливной керамики городищ Южного Казахстана XIII-XIV вв.

На основе распространения типов южноказахстанской поливной керамики далеко на северо-запад от Сырдарьи можно предположить, что именно часть кыпчакского оседлого населения, переселенного монголами из Южного Казахстана, является одним из участников создания золотоордынской городской культуры.

Конечно, характер намечаемых связей еще далеко не ясен. Материальная культура городов Южного Казахстана этого периода представлена в золотоордынской культуре пока только поливной керамикой. Удельный вес и значимость этого компонента еще предстоит выяснить на основе анализа других предметов материальной культуры XIII-XIV вв., в частности, неполивной керамики. Причем неполиваная керамика Нижнего Поволжья изучена лучше, чем Южного Казахстана. Можно полагать, что новые археологические исследования в районе среднего течения Сырдарьи и на склонах Каратау помогут выяснить характер этнокультурных взаимосвязей Южного Казахстана и Нижнего Поволжья.

Түйін

Л.Б. Ерзакович
**АЛТЫН ОРДА ҚАЛАЛАРЫНЫҢ ЗАТТАЙ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ
 ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДЫҚ КОМПОНЕНТ ХАҚЫНДА**

Кейінгі ортағасырлық қалалардан алынған негізгі материал – керамикаларды талдауда хронологиялық жіктелуін анықтау авторға алтын ордалық қалалық мәдениеттің қалыптасуына жаңа компонент – оңтүстік қазақстандықтың қатыскандығын анықтауға мүмкіндік туғызды. Бұл оңтүстік

казакстандық этномәдени компоненттің жолын нақтылауға септігін тигізді. Сырдариядан оңтүстік казахстандық сырлы керамика түрінің солтүстік-батысқа таралу негізін қыпшақтық отырықшылық халықтар Оңтүстік Қазақстаннан монғолдармен бірге қоныс аударып, алтын ордалық қалалық мәдениетті қалыптастыруға қатысқандардың бірі деп болжауға болады. Сырдарияның орта ағысы мен Қаратау баурайындағы аудандардағы жаңа археологиялық зерттеулер Оңтүстік Қазақстан мен Төменгі Волга маңының этномәдени өзара байланыс сипатын анықтауға мүмкіндік береді.

Abstract

L.B.Erzakovich

ON THE SOUTH-KAZAKHSTAN COMPOUND IN THE MATERIAL CULTURE OF GOLDEN HORDE TOWNS

The analysis of ceramics like the main material received on the late medieval sites, clarification of the existed chronological classification let to the author to reveal the new compound taking part in forming of Golden Horde town culture-South Kazakhstan compound. It gave the possibility to concretize the ways of South Kazakhstan ethno cultural compound.

On the base of spread of South Kazakhstan glazed ceramics types far to the North-West from Syrdaria it could be supposed that namely the part of the Kypchak settled population migrated by the Mongols from South Kazakhstan is one of the participants of the establishment of the Golden Horde town culture. The new archaeological researches in the region of middle flow of Syrdaria River and on the slopes of Karatau will help to reveal the character of ethnic-cultural interrelations of South Kazakhstan and Low Volga region.

1. *Ерзакович Л.Б.* О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968. - С. 85-97.
2. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. 5. - 1958. - С. 196-201.
3. *Агеева Е.И.* Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата) // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1962. - Т. 14. Археология. - С. 201-204.
4. *Ерзакович Л.Б.* Поливная керамика городища Сузак XIII-XVIII вв. // Вестник АН КазССР. - 1966. - № 5. - С. 78-81; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Новое в археологии Южного Казахстана // Культура скотоводческих и земледельческих племен Казахстана. - Алма-Ата, 1969. - С. 21-42.
5. Встречается ангоб и буро-зеленого цвета. На некоторых фрагментах он отсутствует и фоном является поверхность обожженного черепка.
6. См.: Керамику Баба-аты из фонда Е.И. Агеевой. Отдел археологии ИИАЭ АН КазССР.
7. *Агеева Е.И.* Памятники средневековья... С. 201-203.
8. В фондах Самаркандского музея истории культуры народов Узбекистана имеется несколько образцов с коричневым фоном и зеленой поливой (А 43-90, 91, 212; А 49-305). Аналогичные фрагменты с желтой поливой есть среди случайных сборов Жамбылского областного историко-краеведческого музея.
9. *Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпей». - М. - Пг., 1923. - Табл. 24; *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. // СА. - 1964. - № 1. - С. 267; *Булатов Н.М.* К вопросу о становлении керамического ремесла золотоордынских городах // Вестник МГУ. - 1969. - № 2 (История). - С. 54-55.

10. Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке // Известия ГАИМК. – 1931. - Т. VIII. - Вып. 2-3; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая орда и ее падение. - М.-Л., 1950. - С. 160-178.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая... С. 263-267.
12. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая... С. 267.
13. См.: Агеева Е.И. Памятники средневековья... С. 202, рис. 62.
14. Агеева Е.И. отмечала, что керамика с желтой и зеленой поливой встречена еще в конце XII в. в соответствующих слоях Баба-аты (там же, с. 201). Правда, ранняя дата достаточно не обоснована.
15. По крайней мере, в период становления в Нижнем Поволжье (середина XIII в.) золотоордынских городских центров.
16. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая... С. 269.
17. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью» золотоордынских ханов. - М., 1966. - С. 204-212.
18. Бартольд В.В. Новый труд о половцах. – Сочинения. - М., 1968. - Т. V. - С. 392-408; Бартольд В.В. Новый труд о половцах... С. 550-551.
19. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 226-229.
20. Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968. - С. 110- 111.
21. Кумеков Б. Города кимаков // Вестник АН КазССР. - 1969. - № 6. - С. 60.

А.Н. Подушкин

РАСКОПКИ ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА НА РАБАДЕ ГОРОДИЩА ПШУК-МАРДАН (по материалам работ 1977 года)

Статья посвящена археологическим материалам, полученным более тридцати лет назад с одного из ранних памятников Отрарского оазиса, которые компактной группой расположены у древнего русла р. Арысь вблизи поселка Кок-Мардан (рис. 1). В силу ряда обстоятельств и объективных причин материал не был опубликован, однако в настоящее время стало возможным сделать его доступным научной общественности и тем самым ввести в научный оборот. Первоначальная оригинальная преамбула статьи, которая была написана осенью 1977 года, почти полностью сохранена; включены лишь некоторые поправки информационного характера, вытекающие из новых публикаций, касающихся исследований памятников Отрарского оазиса последних двух десятилетий.

Часть материалов, связанных с работами на городище Пшук-Мардан до раскопок 1977 года и после них, уже опубликованы.¹ Однако в полном объеме информации о раскопках на рабаде этого памятника в научных изданиях не было.

В течение полевого сезона 1977 года археологический отряд Чимкентского/Шымкентского педагогического института осуществлял раскопки жилого комплекса на рабаде городища Пшук-Мардан. Городище Пшук-Мардан находится в 13 км к северу от городища древнего Отрара и в 1,3 км к югу от городища Кок-Мардан.

Рис. 1. Ситуационный план ранней группы памятников Отрарского оазиса и план городища Пшук-Мардан

Городище Пшук-Мардан - двухчастный памятник типа «тобе с площадкой», находится в пойме одного из древних русел реки Арысь. Рабад Пшук-Мардана в форме почти правильной трапеции размерами 160x140x110x140 м и высотой 4-1,5 м примыкает к цитадели с запада; цитадель и рабад разделяет ров шириной 25-30 м; рабад также опоясан ровом шириной около 15 м (рис. 1: план). Сохранность рабада позволяет визуально фиксировать на уровне дневной поверхности контуры древних построек. Учитывая это обстоятельство, в средней части рабада Пшук-Мардана был заложен раскоп 16x14 м с ориентацией по сторонам света, площадь которого охватила жилой комплекс из четырех помещений (табл. 1).

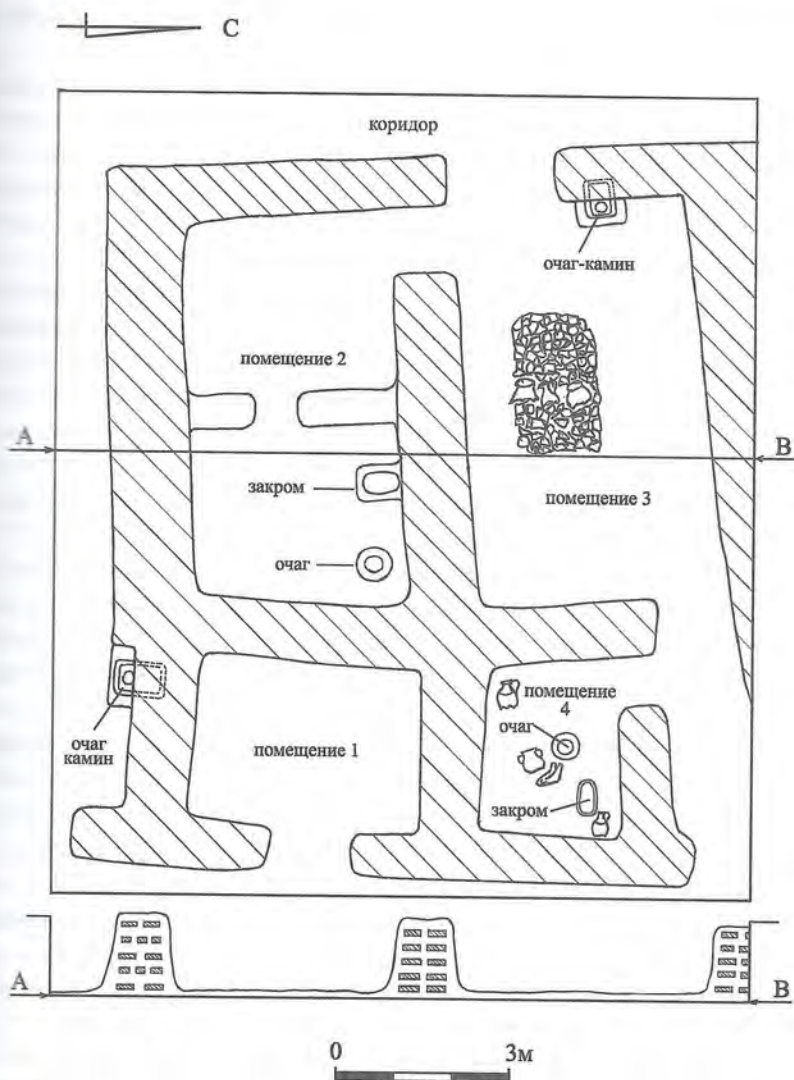

Табл. 1. Жилой комплекс на рабаде городища Пшук-Мардан. План, разрез

На глубине 1,2-1,3 м во всех помещениях был вскрыт уровень пола первого строительного горизонта. Стены выполнены из прямоугольного кирпич-сырца размерами 40x20x10 см и пахсы, внутренние и внешние поверхности стен обмазаны глиной с включениями рубленой соломы. Пол также мазанный, неровный, носит следы зольников.

Помещение 1 прямоугольной формы, в восточной части имеет дверной проем; на уровне пола первого строительного горизонта, кроме остатков зольников и фрагментов керамики, ничего не обнаружено. С южной стороны к помещению 1 примыкает другое помещение, небольшую часть которого удалось вскрыть; в северной стене этого помещения располагался очаг-камин, выполненный в невысокой пахсовой платформе, в устье которого найдена археологически целая сковорода-жаровня; это помещение, судя по всему, в восточной части имело дверной проём (табл. 1).

Помещение 2 также прямоугольное, оно связано с помещением 3 дверным проемом в северной части. Разделено пахсовыми перегородками с дверным проёмом на два помещения: в восточном найдены очаг открытого типа в виде округлого углубления в полу и яйцевидной формы заком; в западном - на уровне пола обнаружены фрагменты керамики и остатки плетеной камышовой подстилки (табл. 1).

Помещение 3 в плане прямоугольное, имеет три дверных проема, связывающих его соответственно с коридором, помещениями 2 и 4. В западной части помещения, у дверного проема, в стене открыт очаг-камин, в центре помещения фиксируется каменная выкладка и массовый бой керамики (сосуды типа хума, хумчи, водоносного кувшина, горшка; табл. 1).

Помещение 4 неправильной квадратной формы, в северной части имеет дверной проем. В восточном углу на уровне пола найдены целой формы стоящий водоносный кувшин, заком, очаг открытого типа, рядом с которым находился раздавленный кухонный горшок и части роговидной подставки под сосуд; в западной части помещения обнаружен археологически целый сосуд типа крупного водоносного кувшина.

С целью выяснения отдельных приемов жилой архитектуры были разобраны части стен помещений 1 и 3. Фундамент отсутствовал - стены покоились на толстом основании горизонтально залегающих мощных зольников, в разрезе имели вид усеченного конуса (табл. 1). У основания они мягко переходили в пол, образуя закругленный тупой угол. Основным строительным материалом служил прямоугольный кирпич-сырец, использовалась и пахса. На одной из поверхностей кирпичей, как правило, оставлены борозды от пальцев рук человека, а порой и знаки, выполненные по сырой глине.

Заслуживает внимания очаг-камин. Он располагался на невысокой пахсовой платформе, более одной трети его находилось непосредственно в стене. Выдвинутая в помещение часть очага-камина имела широкое устье, а сверху - округлый проем, который выполнял функции дымохода и на который ставили сосуд типа котла (горшка);

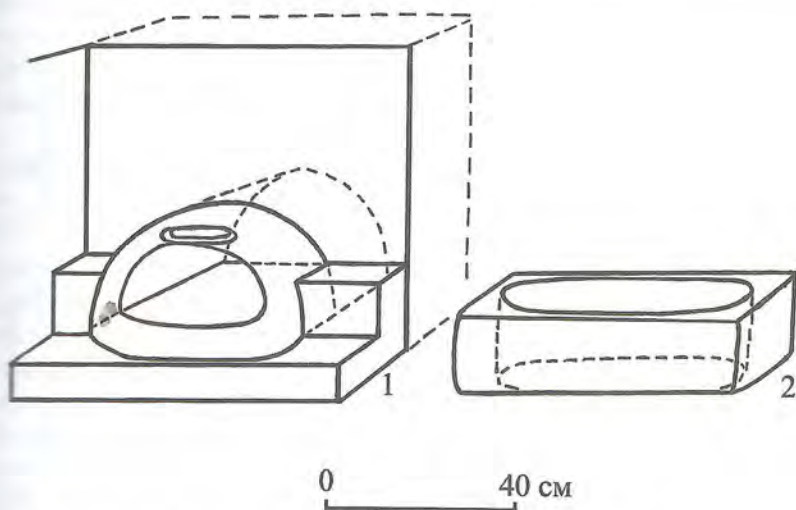

Рис. 2. Графическая реконструкция очага-камина и закрома

широкие сковороды-жаровни помещались в очаг через устье и ставились непосредственно на угли (рис. 2: 1). Закром яйцевидной формы размерами 1х0,5 м выполнен из необожженной глины с примесями растительности; устраивался как внутри пахсового выступа-платформы, так и прямо в полу. Толщина стенок закрома 5 см (рис. 2: 2).

Планировка жилого комплекса рабада Пшук-Мардана, приемы строительства, набор составляющих интерьера находят широкие параллели в памятниках среднего течения Сырдарьи/Сырдарии в IV-VIII вв. и, в первую очередь, Отрарского оазиса. Аналогичное подквадратное расположение помещений отмечено на городище Ботайтобе IV-VI вв. (нижний строительный горизонт²), на городище Кок-Мардан,³ поселении Актобе 2 I-IV вв.⁴ Прямоугольный кирпич-сырец упомянутых размеров с пальцевыми бороздами и знаками на одной из поверхностей известен на городище Шаушукумтобе VI в.,⁵ на городищах Отрарского оазиса V-VIII вв.⁶ Прямые аналогии очагу-камину, очагу открытого типа и закрому имеются соответственно в материалах городища Каунчи-тепе I-IV вв.,⁷ поселения Актобе 2 I-IV вв.,⁸ городища Кок-Мардан VI-VII вв.⁹ и городища Кос-тобе (южное) VI-VIII вв.¹⁰

Керамический материал жилого комплекса по своему назначению делится на три группы.

I. Кухонная керамика: плоскодонные шаровидной формы котлы с горизонтальными ушковидными (табл. 2: 1-5), петлевидными (табл. 2: 6-8) ручками; горшки грушевидные с выраженной горловиной без ручек (табл. 2: 9) и горшки шаровидные с горизонтальными петлевидными ручками, верхний конец которых крепится к венчику (табл. 2: 12-13); кружечки грушевидной формы с одной ручкой и без нее (табл. 2: 14-15); миски классической формы со слегка загибающимся вовнутрь венчиком (табл. 2: 16-17); сковороды-жаровни с прямыми и дугообразными

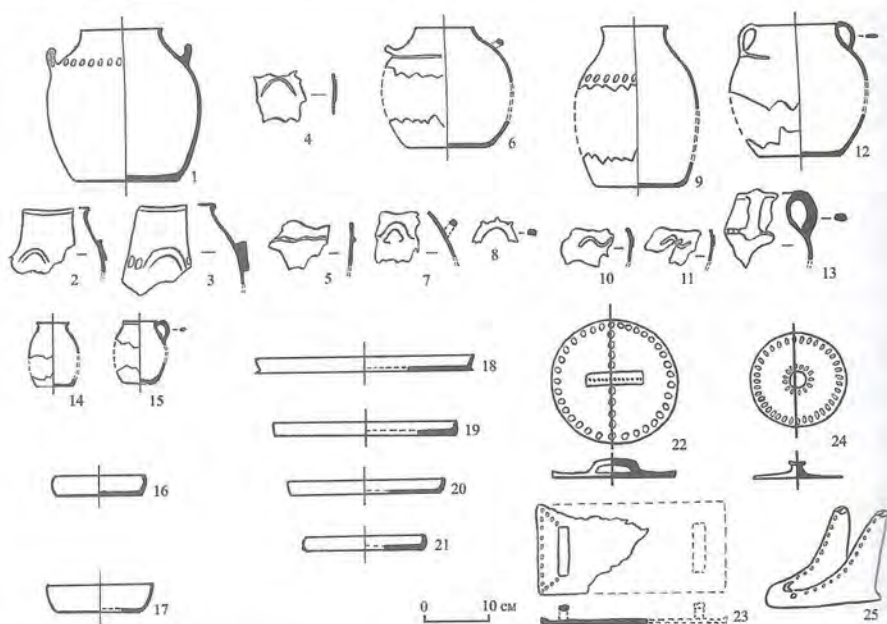

Табл. 2. Кухонная керамика жилого комплекса на рабде городища Пиук-Мардан

стенками в разрезе (табл. 2: 18-21); крышки круглые, прямоугольные с петлевыми и грибовидными ручками (табл. 2: 22-24); роговидные подставки под сосуд (табл. 2: 25).

Керамика этой группы ручной работы, тесто с большими примесями кварцита, крупного шамота, известняка и растительности. Обжиг посредственный; внешняя поверхность сосудов, сковород-жаровен, отдельных крышек и роговидных подставок сильно закопчена. Ведущий элемент орнаментики: пальцевые вдавления по сырой глине, а также вдавления, выполненные круглой палочкой. Другим приемом декора является рельефный наклепной валик. Встречены также рельефно-выпуклые, «S»-образные знаки на тулове кухонных сосудов (табл. 2: 10-11).

Аналогии кухонной керамике указанных форм и орнаментики следует искать в памятниках раннесредневековых оазисов Средней Сырдарьи и бассейна р. Арысь,¹¹ а также - джетыясарской культуры IV-VI вв.¹² На городище Каунчи-тепа I-IV вв. (Чачский оазис) отмечены также «S»-образные знаки.¹³

II. Хозяйственно-бытовая керамика.

1. Хумы (табл. 3: 1-6). Представляют собой массивные с толстыми стенками грушевидные сосуды без выраженной горловины с хорошо профилированными подпрямоугольными в разрезе венчиками. Выполнены из качественного плотного теста, с незначительными примесями шамота, растительности; качественного обжига. Хумы покрыты ангобом светлых тонов и украшены потеками ангоба коричневого оттенка; встречаются прочерченные по сырой глине знаки (табл. 3: 2-3; 5-6). На сосудах иногда присутствует орнаментация в виде крупной

линейной линии на тулове (табл. 3: 1); донца хумов носят следы отпечатки ткани различной текстуры. Близкие по форме и орнаментике сосуды имеются в материалах поселений и городищ среднего течения Сырдарьи IV - VI вв.,¹⁴ они зафиксированы также в Отрарском оазисе в более позднее время (VI - VII вв.).¹⁵

2. Водоносные кувшины четырех видов: а). с вертикальной овальной ручкой на горловине и другой ручкой – у донца (табл. 3: 7); б). с горизонтальной петлевидной ручкой у горловины (табл. 3: 8); в). с вертикальной слегка изогнутой ручкой, крепящейся крестом основанием к венчику – у этого вида кувшинов венчик иногда оформлен в слив (табл. 3: 9-10, 13); г). кувшины с вертикальной ручкой, расположенной на горловине ниже венчика (табл. 3: 12). Сосуды выполнены из теста хорошего замеса с незначительными примесями щебня и растительности, качественного обжига. Для первых двух видов характерен следующий декор: прочерченное рифление по сырой глине, ангобные потеки коричневого оттенка на светлом фоне (от горловины до донца). У третьего и четвертого видов внешняя поверхность покрыта соответственно светло-белесым (кремовым) и коричневым ангобом, ручки и район крепления нижнего основания украшены круглыми вдавлениями (табл. 3: 11, 13).

Аналогии водоносным кувшинам всех видов (форма, декор) отмечены в памятниках Средней Сырдарьи,¹⁶ Отрарского оазиса¹⁷ и джетысарской культуры I-IV, IV-VI вв.¹⁸

3. Горшки (табл. 3: 14-17). Представляют собой крупные сосуды шаровидной формы с короткой горловиной и двумя вертикальными

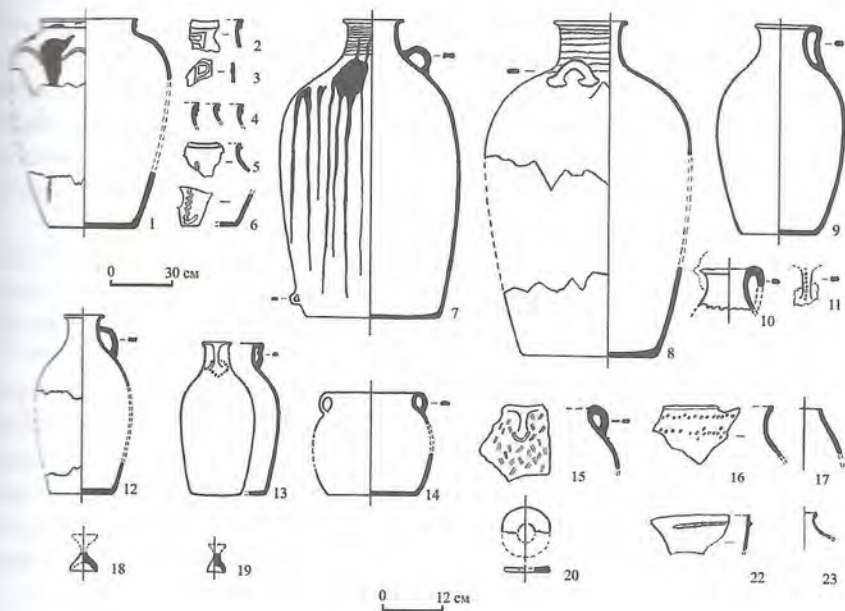

Табл. 3. Хозяйственно-бытовая керамика жилого комплекса на рабаде городища Пшук-Мардан

петлевидными ручками, верхний конец которых крепится к венчику. Выполнены из качественного теста с незначительными примесями шамота, растительности, обжига качественного. Внешняя поверхность горшков покрыта светло-коричневым ангобом, сосуды также орнаментированы рельефным валиком и круглыми вдавлениями по сырой глине (табл. 3: 16-17; 22-23). Известны случаи нанесения гребенчатых насечек и присутствия налипших валиков под ручкой (табл. 3: 15). Горшки подобного типа известны в материалах городища Кос-тобе (Южное) IV-VI вв.¹⁹ и поселения Актобе 2 I-IV вв.²⁰

4. Фрагменты от курильниц классических форм в виде миниатюрных сосудов на ножке-поддоне; выполнены из теста хорошего качества без видимых примесей (табл. 3: 18-19). Ближайшие аналогии отмечены в материалах городища Актобе 1 IV-VI вв.²¹

5. Напрясла круглые с отверстием в центре плоские, конические и биконические, диаметром от 2 до 4 см, сделаны из теста с примесями шамота, известняка, растительности (табл. 4: 32-39). Аналогии подобного типа напряслам следует искать в материалах поселения Актобе 2 I-IV вв.²²

6. Грузила керамические круглой и подквадратной формы с отверстием в центре (табл. 3: 20). В разрезе плоские, тесто с примесями кварца, известняка. Размеры круглых грузил 6-10 см в диаметре, подквадратных - 10x12 см. Аналогичные грузила отмечены в материалах поселения Каунчи-тепа I-IV вв.²³ и городища Чаш-тепе III-V вв.³⁴

III. Столовая керамика.

Кувшины двух видов: а). грушевидные с высокой выраженной горловиной, с цилиндрическим носиком-сливом (табл. 4: 1-2); сосуды украшены лощением по красному, вишневому и чёрному ангобу; б). кувшины грушевидные с короткой горловиной и петлевидной вертикальной ручкой, крепящейся верхним концом к венчику без носика-слива; покрывались ангобом коричневых, красных и темно-серых тонов, орнаментировались прочерченными линиями по сырой глине, круглыми вдавлениями и иногда лощились (табл. 4: 3-5). Кувшины упомянутых видов сделаны из хорошего теста с незначительными примесями шамота, растительности; обжига качественного.

Ближкие по форме сосуды известны в материалах поселения Ботай-тобе IV-VI вв.,²⁵ городища Кок-Мардан VI-VII вв.,²⁶ поселения Актобе 2 I-IV вв.,²⁷ в материалах Борижарского могильника²⁸ и могильника Мардан VI-VII вв.²⁹

Горшки шаровидные с очень короткой горловиной с двумя петлевидными вертикальными ручками на плечике (табл. 4: 7, 9) и без них (табл. 4: 8). Для первых характерно лощение по красному ангобу. Вторые - украшены ангобом светло-коричневых оттенков и рельефно-выпуклыми шпичками на плечиках сосуда. Все горшки выполнены из теста с примесями шамота, растительности; хорошего обжига. Аналогичные сосуды отмечены на поселении Кос-тобе Южное IV-VI вв.,³⁰ Актобе 2 I-IV вв.,³¹ Чаш-тепе III-V вв.³² и Актобе близ Баба-Ата III-IV вв.³³

Кружки трех видов: а). грушевидные с ручкой, верхнее основание которой крепится непосредственно к венчику (табл. 4: 10-12); б).

шаровидные и грушевидные с ручкой на плечике сосуда (табл. 4: 13, 16-21); ручки этого вида имеют в верхней части налест (табл. 4: 14-15; в). грушевидные кружки без ручек (табл. 4: 22-23). Всем видам кружек свойственно лощение по ангобу различных оттенков - красному, фиолетовому, коричневому. Качество теста и обжига отличное.

Аналогии кружкам достаточно широки: они известны в погребениях Чаткальской,³⁴ Ферганской³⁵ долин, в материалах поселений Средней Сырдарии I-IV вв.,³⁶ в материалах арысской культуры Южного Казахстана IV-IV вв.,³⁷ а также в оседлых памятниках Старарского оазиса IV-VI вв.³⁸ и погребениях региона Каратау первой половины I тыс. н.э.³⁹

Чаша классической формы со слегка развёрнутыми наружу бортиками представлена единичным экземпляром (табл. 4: 24). Аналогии такой посуде имеются в материалах арысской культуры Южного Казахстана I в. до - IV в. н.э.⁴⁰

Каменный комплекс орудий труда представлен ладьевидными скребтерками, терочками, оселками и напярсами (табл. 4: 25-30). Аналогии ему имеются в материалах поселений Каунчи-тепа,⁴¹ Караул-тобе,⁴² Актобе Баба-Атинское,⁴³ Актобе 2⁴⁴ и Чаш-тепе⁴⁵ первой половины I тыс. н.э.

Отметим хорошо полированный костяной стиль длиной 1 см диаметром 0,5 см (заколка?), навершие которого выполнено в виде лопаточки, а стержень украшен двумя поясками прорезного геометрического орнамента (табл. 4: 42). Подобные стили, но с иным навершием, найдены на городище Кок-Мардан VI - первой половины VII вв.,⁴⁶ городище Алтынтобе IV-VI вв.,⁴⁷ городище Зар-тепе

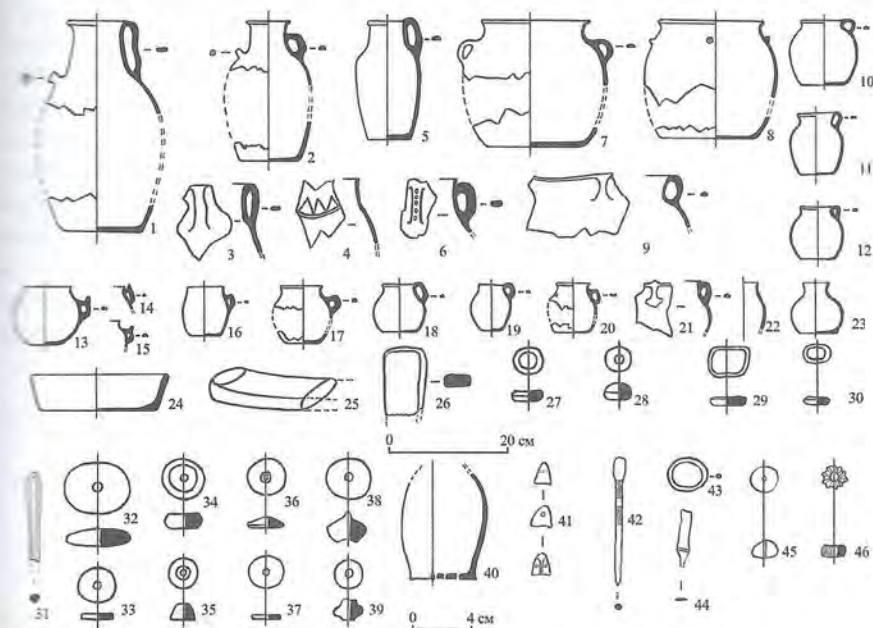

Табл. 4. Столовая керамика жилого комплекса на рабаде городища Пшук-Мардан

III-V вв.⁴⁸ Украшения представлены в основном фрагментами бусин из стекловидной пасты, стекла и горного хрусталя (табл. 4: 45-46). Аналогии последним имеются в памятниках джетысарской культуры низовьев Сырдарьи IV-V вв.⁴⁹

Надо полагать, к инструментам мастера-гончара относятся часть костяного полированного стиля (табл. 4: 31) и изделие из керамики подтреугольно-конической формы (табл. 4: 41). Артефакты из железа представлены круглым кольцом и частью бытового ножа (табл. 4: 43-44). Наконец, в числе артефактов фигурирует часть миниатюрного керамического сосуда с отверстиями в донце (форма не восстанавливается) назначение которого неизвестно (табл. 4: 40).

Остеологический материал из жилого комплекса на рабаде городища Пшук-Мардан невыразителен, в основном это костные останки от крупного рогатого скота, овцы и собаки (видовая принадлежность определена на кафедре биологии Чимкентского педагогического института).

Таким образом, жилой комплекс рабада городища Пшук-Мардан на уровне первого строительного горизонта функционировал в течение одного периода длительностью не более века (учитывая отсутствие следов перестройки сырцовых стен, их сохранность в условиях Средней Азии) и достаточно уверенно вписывается в круг археологических памятников региона Средней Сырдарьи середины I тыс. н.э. Археологический материал хронологически укладывается в рамки конец IV-V вв., возможно, VI-VII вв. Анализ керамики позволяет отметить наличие форм и орнаментики, присущих средне-сырдарьинским традициям; вместе с тем фиксируется влияние некоторых джетысарских черт в керамическом производстве жителей Пшук-Мардана этого периода.⁵⁰

Стационарность построек, наличие соломы в обмазке стен и кирпичном растворе, зернотерки, остатки древней ирригационной системы, которая в настоящее время наблюдается визуально вблизи городища - всё это указывает на то, что основной отраслью хозяйства жителей Пшук-Мардана являлось поливное земледелие. Развитое гончарное производство, ткачество (предварительный анализ отпечатков материи на днищах хумов позволяет отметить наличие у насельников Пшук-Мардана по крайней мере четырёх видов хлопчатобумажной и шерстяной ткани) в сочетании с придомным скотоводством и, возможно, рыболовством дают нам достаточно полное представление о хозяйственной деятельности и быте древнего населения жилого комплекса на рабаде городища Пшук-Мардан.

Түйін

А.Н. Подушкин
ПҮШЫҚМАРДАН ҚАЛАСЫ РАБАДЫНДАҒЫ ТҮРҒЫН ҮЙ
КЕШЕНІНДЕГІ ҚАЗБА ЖҰМЫСТАР
 (1977 жылғы жұмыстардың материалдары бойынша)

Мақала 1977 жылы Пүшықмардан қаласы (Отырар алқабы) рабадындағы археологиялық жұмыстардың негізгі нәтижелеріне арналған. Қазба 4 бөлме мен дәлізден тұратын тұрғын үйге жүргізілді. Ошақ-камині, ашық түрдегі (едендегі) ошақ, камба кіретін бөлменің интерьері зерттелді. Жақын жатқан

Чардармен (Отырар алқабы, Сырдарияның орта ағысы, Арыс өзені бассейні) қаласының аумағында бар алынған археологиялық материалдар (керамика, тастан, металлдан жасалған бұйымдар мен еңбек құралдары) оны уақытынан IV ғ. аяғы – V ғ. мүмкін VI -VII ғғ. жатқызуға мүмкіндік береді.

Abstract

A.N.Podushkin EXCAVATIONS OF DWELLING COMPLEX AT PSHUK-MARDAN SITE RABUD (by the results of 1977 year works)

The article is devoted to the results of archaeological works at Pshuk-Mardan site works (Otrar oasis). Excavations were carried out at dwelling complex consisted of 4 premises and corridor. There was investigated the interior of premises including fire places-chimneys, ovens of open floor types and funnel. The received archaeological material (ceramics, stone, bone and metal items and tools) by the analogues from the nearest regions (Otrar oasis, Middle Syrdaria, Basin of Syr Darya River) let to refer it to the time of the late IV-V cc, probably, VI-XII cc.

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972. - С. 135-137, рис.97; Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тысячелетие н. э.). - Алма-Ата, 1989. - С. 61-65, 110-123, рис. 58; Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. - Алма-Ата, 1990. - С. 44-46.
2. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 140, рис. 104.
3. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII вв.). - Алма-Ата, 1986. - С. 41-42, рис. 2; С. 83-86, рис. 28; Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата, 1990. - С. 41-42; Байпаков К.М. Древние города Казахстана. - Алматы, 2005. - С. 29-30.
4. Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968. - С. 17, рис. 7.
5. Пацевич Г.И. Городище Шаушукумтобе (описание раскопок) // Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968. - С. 88.
6. Агеева Е.И. Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1956. - Т. V. - С. 26-28, рис. 4, 5; Байпаков К.М. Древние города Казахстана... С. 31.
7. Григорьев Г.В. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). - Ташкент, 1940. - С. 17, рис. 20.
8. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе-2 (I - начало IV вв. н.э.) // Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968. - С. 19.
9. Байпаков К.М. Средневековая городская культура... С. 84-85, рис. 28-29.
10. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 126.
11. Григорьев Г.В. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. - Ташкент, 1940. - С. 4, рис. 9, 10-11; рис. 14, с. 10, рис. 51; Григорьев Г.В. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.) - Ташкент, 1940. - С. 16-17, рис. 22-23; с. 27, рис. 27-28, рис. 32; Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе-2 (I - начало IV вв. н.э.) // Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары... С. 36-39, рис.15, 1-65; Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка // Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары... С. 97-100, табл. I, II, IV; Агеева Е. И. Пацевич Г.И. Из истории

- оседлых поселений... С. 167, рис. 86; -С. 170, рис. 89; -С. 173, рис. 90; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар... С. 84, рис. 41: 8; -С. 85, рис. 40, № 10, 15-16; -С. 143, рис. 108, № 1, 5, 8, 11, 13-14; *Сенигова Т.Н.* Поселение Ак-тобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1962. - Т. 14. - С. 72, рис.16: 8, 9; *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура... С. 43-44; рис.5: 42-44; 22, 30, 37, 40, 60-64; *Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана (IV в. до н.э.- VI в. н.э.). - Туркестан, 2000. - С. 92-93; табл. на с. 105: 68; 159-160.
12. *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в I тысячелетии н.э. - М., 1971. - С. 13, рис. 3: 189-190, 191-193; с. 67, рис. 15: 21-25; рис. 66: 1-7, 21-22, 31; *Левина Л.М.* Джетыясарская культура. Ч. 3-4. Могильник Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. - М., 1994. - Вып. IV. - С. 209, рис. 91: 10, 15.
  13. *Григорьев Г.В.* Каунчи-тепе... С. 16, рис. 17, 19.
  14. *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Поселение Актобе-2... С. 42, рис. 16-17; *Агеева Е.И.* Керамика городища Шаушукумтобе... С. 96; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар... С. 144, рис. 110.
  15. *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура... Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII в.). «Наука» Каз ССР, Алма-Ата, 1986. -С. 46, рис. 5: 54-59
  16. *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Поселение Актобе-2... С. 52-53; Рис. 20: 4; Рис. 22: 4-6, 11-13; Рис. 24: 44; *Агеева Е.И.* Керамика городища Шаушукумтобе... -С. 92-93, табл. III; *Григорьев Г.В.* Краткий отчет... С. 13-14, рис. 6; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар... С. 136, рис. 99: 2-3, 9; -С.145, рис. 111: 4, 10-11, 20, 23)
  17. *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура... С. 46-47, рис. 5: 2-3, 6.
  18. *Левина Л.М.* Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстан. - М.,1966. - С. 78, рис. 19: 18-20, 28-30, 64-67; Рис. 20: 28-31, 87-89; *Левина Л. М.* Джетыясарская культура... -С. 268, рис. 73.
  19. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар... С. 129, рис. 91: 1, 2, 4.
  20. *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Поселение Актобе-2... С. 45-48, рис. 18: 3-4, 13, 17.
  21. *Мерищев М.С.* Городище Актобе-1 (IV- нач. XIII в.в.) // *Максимова А.Г., Мерищев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968. - С. 156, рис. 22: 25.
  22. *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Поселение Актобе-2... С. 65, рис. 28: I - 21.
  23. *Григорьев Г.В.* Келесская степь в археологическом отношении (к истории культуры древних саков) // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - 1948. - № 46. - Вып. I. - С. 51, табл. VI: 48; *Григорьев Г.В.* Каунчи-тепе... С. 13, рис. 12.
  24. *Крашенинникова Н.И.* Археологические наблюдения на Чаш-тепе // Труды Таш. ГУ. Археология Средней Азии. - 1960. - Вып. V. - С. 157.
  25. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар... С. 145, рис. III: 1-2.
  26. *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура... С. 47.
  27. *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Поселение Актобе-2... С. 53; Рис. 19: 24; Рис. 23: 8, 12-15, 17.
  28. *Нурмуханбетов Б.Н.* Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. -Алма-Ата, 1970. - С. 111, табл. III: 2-3, 5.
  29. *Нурмуханбетов Б.Н.* Могильник Мардан - погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. - Алма-Ата, 1976. - С. 133, табл. II: 4; *Нурмуханбетов Б.Н.* Некрополь городища Кок-Мардан // Вопросы археологии Казахстана. - Вып. 3. - Алматы, 2011. - С. 61-63; Фото 8, 16-17, 20.

30. Акишев К.А, Байпаков К.М, Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... -С. 129, рис. 91: 1-2, 4.
31. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе-2... -С. 45-48, рис. 18: 8-10, 13-15.
32. Крашенинникова Н.И. Археологические наблюдения... -С. 153, илл. 5: 12-14.
33. Сенигова Т.Н. Поселение Ак-тобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау. - Труды ИИАЭ АН Каз ССР. - 1962. - Т. 14. - С. 75, рис.15: 3.
34. Кибиров А.К. Археологические памятники Чаткала // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - М., 1959. - Т. II. - С. 13, рис. 6: 4, 7, 9.
35. Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. - М, 1973. - С. 16-23, табл. 2; Сорокин С.С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. - 1954. - № XX. - С. 135, рис. 4: 12-15.
36. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе-2... -С. 56-57, рис. 25: 3, 23-28; Григорьев Г.В. Краткий отчет... С. 4; рис.5, рис. 35, рис. 52, рис. 54.
37. Подушкин Н.П. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арысь (I-IV в.в.) // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 99, табл. I: 3-4; Подушкин А.Н. Арысская культура... -С. 105, 143, 150-151, 153.
38. Агеева Е.И. Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений... С. 176, рис. 90; Акишев К.А, Байпаков К.М, Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 145, рис. 109: 6.
39. Максимова А.Г. Курумы хребта Каратау // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973. - С. 160, табл. II: 2.
40. Подушкин А.Н. Арысская культура... С. 105: 91.
41. Григорьев Г.В. Келесская степь... С. 48, табл. V: 43-45.
42. Подушкин Н.П. О хозяйстве оседлого населения Арыси в I-IV в. // Вглубь веков. - Алма-Ата, 1974. - С. 81-83, табл. I.
43. Сенигова Т.Н. Поселение Ак-тобе... -С. 78, рис. 20: 7-8.
44. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе-2... С. 66; рис. 28: 22.
45. Крашенинникова Н.И. Археологические наблюдения... С. 151, илл. 2.
46. Байпаков К.М. Средневековая городская культура... С. 229, рис. 116: 1.
47. Подушкин А.Н. Арысская культура... Табл. на с. 105: 167.
48. Завьялов В.А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975-1976 гг. // СА. - 1979. - № 3. - С. 152, рис. 9.
49. Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии... С. 54, рис. 6: 7-11, 15, 21, 48.
50. Левина Л.М. Керамика нижней... С. 187-188.

К.М. Байпаков, Т.В. Савельева

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: КАЗАХСТАНСКИЕ КАРАВАННЫЕ МАРШРУТЫ И КАРАВАН-САРАИ

Введение: Великий Шелковый путь – этапы развития

Великий Шелковый путь – это система караванных путей, соединявших Запад и Восток Евразии. Протяженные участки его проходили через Казахстан. Они приводили на востоке в Корею, Японию, на западе - в Россию, Восточную и Западную Европу; на юге - в Среднюю Азию, Средний и Ближний Восток и в Индию. Это была дорога с двусторонним движением товаров, достижений научной мысли, культурных ценностей и религий. Это была важная и быстрая для своего времени линия распространения информации через купцов, путешественников, дипломатов.¹

На вопрос о том, когда «заработала» эта дорога, до сих пор нет однозначного ответа. Можно говорить об его отдельных участках, о начале обменных и торговых контактов, которые восходят к III-II тыс. до н.э. Эти связи были налажены благодаря разработке месторождений лазурита в горах Бадахшана. Лазурит, добываемый в Бадахшане, вывозили в Иран, Месопотамию, Анатолию, Египет и Сирию. В середине I тыс. до н.э. бадахшанский лазурит появился в Китае².

Наряду с «Лазуритовым путем» существовал еще «Нефритовый», который связывал Восточный Туркестан с Китаем.³ В середине I тыс. до н.э. стал действовать «Степной путь».

Считается, однако, что лишь в середине II в. до н.э. Великий Шелковый путь начинает функционировать как единая дипломатическая и торговая артерия. Начало этому событию положил Чжан Цзянь. В 138 г. из Ханьской столицы вышел посольский караван, сопровождавший князя Чжан Цзяня, посланного императором У Ди, в неведомые страны Запада. Через тринадцать лет Чжан Цзянь вернулся назад. Он смог добраться до районов современного Афганистана и первым прошел прямым путем из внутренних районов Китая в Центральную Азию. Вслед за ним по этому пути пошли на Запад караваны с шелком, а в Китай – караваны с товарами из Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии.⁴

Однако археологические исследования, широко развернувшиеся в Средней Азии, Казахстане, Алтае, Сибири, Китае, дали неоспоримые материалы о распространении китайского шелка, иранских ковров на территории Евразии задолго до миссии Чжан Цзяня. Шелковая попона с вышитыми на ней фениксами, иранский ковер найдены при раскопках «царских» курганов Пазырыка на Алтае, датированных V в. до н.э. Шелковые ткани обнаружены в кургане Иссык в Жетысу/Семиречье в Казахстане, в Аржане в Сибири.

В распространении драгоценных шелков участвовали кочевые и полукочевые племена саков и скифов. Через них шелк попадал в Центральную Азию и Средиземноморье, в Европу и Индию.

Этот названный «Степным» путь начинался в большой излучине Хуанхэ, пересекал восточные и северные отроги Алтая, территории Казахстана и Причерноморья, достигая земель греков и этрусков.⁵

Великий Шелковый путь начинался в Чанъане – столице Китая и шел к переправе через Хуанхэ в район Ланчжоу, далее вдоль северных отрогов Нань-Шаня к западной окраине Великой Китайской стены и «Заставе Яшмовых ворот». Здесь единая дорога разветвлялась, отделяя с севера и юга пустыню Такла-Макан. Северная трасса шла через оазисы Хами, Турфан, Бешбалык, Шихо в долину р. Или; средняя – от Гаочана к Карашару, Аксу и через перевал Бедель к берегам Иссык-Куля; южная – через Дунхуан, Хотан, Яркенд и Кашгар в Среднюю Азию, Бактрию, Индию и Средиземноморье – это так называемый «Южный путь». «Северный путь» шел из Хами, Турфана в Жетысу, на юг Казахстана, Приаралье, Восточную Европу.⁶

В VI-VII вв. наиболее оживленным становится Северный путь, что можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в Жетысу велись ставки тюркских каганов, которые контролировали торговые пути, а во-вторых, богатые тюркские каганы и их окружение стали крупными потребителями заморских товаров.⁷ Так этот путь стал главным, и основное число посольских и торговых караванов в VII-XIV вв. шло здесь.

В Жетысу в Приджунгарье из Китая, точнее западных территорий (современный Синьцзян), попадали через Хоргос, но чаще через Джунгарские ворота к побережью Алаколя и по предгорьям Джунгарского/Жетысуйского Алатау в долины Лепсы и Каратала, переправу через Или в районе Капчагая. Затем дорога вела к Заилийскому Алатау/Иле Алатау и вдоль него через Кастекский или Кордайский перевал в Чуйскую и Таласскую долины к городам Суяб, Навакет, Тараз и приводила в крупнейший город Южного Казахстана Испиджаб, он же Сайрам.

Отсюда шел путь в Ташкент и далее в Самарканд, Бухару, Мерв, Герат, Индию.

Одна из отправных точек на казахстанском участке Шелкового пути – город Испиджаб. Из Испиджаба караванная дорога шла в Арсубаникет на Арыси, в Отрар-Фараб и далее вниз по Сырдарье/Сырдарие в Приаралье.

Отрар был узлом многих караванных путей. Отсюда одна дорога шла в Шавгар, а другая – на переправу через Сырдарью и к городу Бесиджу. Последний известен как родина выдающегося ученого Востока Абу Насра аль-Фараби. Отсюда же через Кызылкумы была проложена трасса в Хорезм, Ургенч, а оттуда в Прикаспий, Поволжье, в Европу.

Другой отрезок этого пути огибал с севера Аральское море и вел в южное Приуралье к городам на р. Урал/Жаик, к местам переправ, далее через заволжские степи на Волгу, Дон, Причерноморские степи, Балканы и в Константинополь. Этот отрезок Шелкового пути был особенно оживленным в XIII – начале XIV вв., когда в низовьях Волги сформировались города Золотой Орды. Путь проходил через Сарайчик, Сарай-Бату в Кафу, а затем морем в Константинополь.

От основной трассы Шелкового пути, проходившей через Южный Казахстан и Жетысу, отходили дороги на север и восток, которые вели в районы Центрального и Восточного Казахстана в степь Дешт-и Кыпчак, позднее известную как Сарыарка, к берегам Иртыша, на Алтай, в Сибирь и Монголию.⁸

В определении времени функционирования Великого Шелкового пути, по нашему мнению, следует выделить два этапа.

Первый этап, который можно назвать «Протошелковый путь», связан хронологически с формированием в Средней Азии и Казахстане первых государств (Бактрия, Хорезм, государства саков Жетысу и Приаралья). Китайский шелк и иранские ковры широко представлены в материалах из раскопок широко известных «царских» курганов Алтая – Пазырыка, Башадара, Туэқты, Шибе, Катанды, Уландрыка, Узуктала, Ак-Алаха и Береля; могильников Синьцзяня – Субаши, Кызылока, Затхунлука; Жетысу – Иссыка; Тувы – Аржана.

Таким образом, первый или начальный этап Великого Шелкового пути – «Протошелковый путь» – датируется VI – первой половиной II вв. до н.э.

К нему привязываются города-ставки и «царские» могильники саков и усуней, хунну, савроматов и сарматов, античные города Центральной Азии.

Второй этап Шелкового пути начинается с поездки Чжан Цзяня в 138 г. и заканчивается с приходом к власти династии Мин в 1405 г., когда сухопутный отрезок Великого Шелкового пути приходит в упадок из-за самоизоляции Китая и бурного развития морского пути.

Когда Улугбек, внук Тимура, в 1449 г. был убит, закончилась «сильная власть» и началась смута. Торговые караваны, шедшие по Шелковому пути, подвергались нападению и грабежам.⁹

Спорной является дата прекращения функционирования Шелкового пути. Однако ненадежность сухопутных путей и успех китайского торгового флота с XVI столетия означает, что к концу его Шелковый путь как торговое и культурное связующее звено между Востоком и Западом перестал существовать.

Маршруты Великого Шелкового пути через Казахстан

На территории Казахстана выделяются четыре основных отрезка: Семиреченский, Сырдарьинский, Сарыаркинский и Мангышлакский (Урало-Каспийский).¹⁰

Каждый из этих участков характеризуется своеобразием естественно-географических условий и исторического развития культуры с отчетливым влиянием на процесс формирования, развития и стагнации городов, располагавшихся вдоль маршрутов Великого Шелкового пути. Эти сложные процессы неразрывной связи культуры, природы, исторического процесса демонстрируют не только способы приспособления человека к различным климатическим условиям, но и пути взаимообогащения посредством взаимообмена человеческими ценностями и культурными традициями, что отразилось в сохранившихся памятниках культуры.

Семиреченский участок очерчен, прежде всего, границами историко-географического региона, известного как Жетысу. Разнообразие природно-климатических зон – «зон жизни» региона стало определителем как географических ландшафтов, так и условий ведения хозяйства. Зональное разнообразие, среди которого полынно-степная, злаково-степная, разнотравно-степная, лесная или луговая высокогорная, определяет локальные направления Великого Шелкового пути, расположенные на этих отрезках памятники, их морфологические особенности.

Пройдя Джунгарские ворота, двигаясь из Китая от его западных пределов, караваны по юго-западному берегу Алаколя через «столицу области» (городище Коктума), приходили в город Каялык (городище Антоновка), Ики-Огуз (городище Дунгене) и через караван-сарай Чынгильды подходили к переправе через р. Или в районе Капчагайского бреста у Тамгалы Тас. Отсюда от трассы Шелкового пути отходила дорога, которая вела через пески Сары-Есик-отрау по древней дельте р. Или к полуострову Узун-Арал – к перешейку через Балхаш. Через пролив между восточной и западной частью Балхаша, который в разные периоды мелел, вброд или зимой по льду достигали устья р. Токрау и северного берега Балхаша, а оттуда караваны направлялись в Центральный Казахстан к предгорьям Улугтау. На этом пути стояли караван-сарай, часть из них трансформировалась в селения и небольшие городки – Коктал, Бояулы, Актобе, Карамерген, Бархан.

После переправы через Или путь вел к городам Тальхизу-Тальхиру, Алматы к перевалам Кастек и Кордай в долину р. Чу, к крупным городам Навакету, Суябу и Баласагуну. Оттуда предгорными и степными маршрутами через Аспару, Мирки, Кулан или городище Актобе путь приводил в Таласскую долину к городам Тараз, Джамукат (городище Костобе) и шел через перевал Куик к Испиджабу-Сайраму.

Сырдарьинский участок отмечен хорошо сохранившимися в условиях современного степного, пустынного и полупустынного ареала археологическими остатками культурных ландшафтов оазисов и городов, привязанных к крупным водным артериям (Сырдария, Арысь, Бутунь). В западном направлении от Испиджаба караванная дорога вела из Арсубаникет на р. Арысь, в Отрар – Отрар-Фараб, Шавгар (городище Карачик I), Яссы-Туркестан и далее вниз по Сырдарье – в Приаралье через Сыгнак, города Джетысарского/Жетысарского оазиса, затем Дженд, Джанкент/Жанкент, Хувара в Хорезм.

Сарыаркинский участок пролегал на территории «Великой степи» Центрального Казахстана – Дешт-и Кыпчака. Памятники этого региона тяготеют к предгорьям Улытау, берегам Ишима, Нуры, Сарысу, Иртыша.

В Центральный Казахстан вел так называемый Сарысусский путь: из Отрара через Шавгар и Тургайский перевал на Аксумбе, в низовья Сарысу и вверх по реке до Улытау, а оттуда до Ишима по Иртышу. Более короткий путь шел через Сузак к низовьям Чу, а оттуда – через пустыню Бетпак-Дала в район Жезказгана.

Еще один путь «Ханжол» использовался до нового времени: он шел из Тараза вниз по Таласу через пески Муюнкумы и Бетпак-Далу

к берегам р. Атасу. Из Тараза через города Адахкес и Дех Нуджикес, согласно сведениям Тамима ибн Бахра и ал-Идриси, торговый путь вел к кимакам на Иртыш. Илийская долина соединялась с Центральным Казахстаном дорогой, шедшей вдоль северных склонов Чу-Илийских гор, затем по р. Чу в ее низовья и к берегам Сарысу, а также северо-илийским маршрутом через Прибалхашье, описаным выше. От северо-илийского пути, который шел к Джунгарским воротам, отходило направление, огибавшее Алакуль с западной стороны и через Тарбагатай приводившее к Иртышу – в земли государства кимаков с городами Банджар, Ханауш, Астур, Сисан и «столица» хакана. По реке Ишим эти пути приводили к городищу Бозок, далее вели на север и запад.

Мангышлакский - Урало-Прикаспийский отрезок, располагаясь вдоль восточного берега Каспийского моря, находится в долине Урала – ландшафте пустынь и полупустынь, отличающемся большим разнообразием этих природных комплексов и экстремальностью климатических и природных условий. Население этих районов представляло собой конгломерат кочевых и скотоводческих племен: земледельцев и горожан, которые контролировали торговые пути, привязанные к системе колодцев и родников, небольших речек в долине р. Урал, что наложило особый отпечаток на материальные памятники культуры региона.

В низовья Урала и Волги можно было попасть из Ургенча, следуя дорогой через Устюрт. Мангышлак пересекала дорога через Устюрт к городу Манкышлак (городище Кызылкала), а через нее дороги приводили к удобным морским гаваням на восточном побережье Каспия. Отсюда морские пути вели в Дербент, Баку, устье Волги в Итиль. Проходя территориями Южного и Северного Приаралья, торговые трассы приводили к городам на реке Урал: Шакафни (городище Жайык), Сарайчику (городище Сарайчик). Далее караваны шли в западном направлении – в Европу и в Крым, на Кавказ, а так же по «Жайыкскому пути» в Южное Приуралье, Урал, Поволжье.

Направления Шелкового пути не были чем-то застывшим: в течение столетий попеременно наибольшую значимость приобретали то одни, то другие его участки и ответвления; некоторые вообще отмирали, а города на них приходили в упадок.

Исследование караван-сараяв в Казахстане

Слова караван, караван-сарай ассоциируются с торговлей, купцами, которые были не только продавцами нужных и диковинных товаров, но и путешественниками со знанием стран света и людей, обычаев и нравов, их прибыльная деятельность изобиловала приключениями.

Как пишет А. Мец, в X в. в мусульманском мире «богатый купец превращается в носителя мусульманской культуры».¹¹ В дорожниках арабских географов базар обычно упоминается на втором месте после мечети.¹² Торговля по Великому Шелковому пути объединила все страны и народы Старого света. Не была исключением и территория Казахстана.

Караван-сарай стояли в X-XII вв. вдоль международных торговых трасс и дорог местного значения. Караван-сарай соединяли

в себе множество функций: это были придорожные гостиницы, торговые фактории, склады товаров и укрепления, позволяющие отбить атаки разбойников и отсидеться за стенами. Некоторые большие «царские» караван-сарай служили резиденциями правителей во время их поездок по стране.

Без караван-сараяв не могла обойтись ни международная, ни внутренняя торговля, они были нужны купцам, паломникам, дипломатам и просто людям, пустившимся по разным причинам в дальний путь.

Строительство караван-сараяв было престижным, так как свидетельствовало, что власть заботится о процветании торговли и безопасности подданных. Более скромные и небольшие караван-сарай возводились частными лицами с целью заслужить доброе имя и получить доход.

Есть предположение, что в X-XII вв., когда замки-кёшки крупных владетелей доисламского периода потеряли свое значение, некоторые из них были превращены в караван-сарай нетрадиционного вида и устройства.¹³ Традиционный же вид караван-сараяв определялся прямоугольником стен и внутренней их застройкой по периметру, с одним порталным входом. Отклонения от схемы сводились иногда к круглой форме плана (внутренний двор оставался при этом прямоугольным), либо к внутренней застройке только с двух сторон, либо к двум входам на общей оси. В XI-XII вв. защитные функции караван-сараяв сходят на нет, и лишь немногие из тех, что известны, представляют собой полноценные крепости – это, прежде всего, придорожные постоянные дворы, состоявшие из жилищ, складов и конюшен. В больших государственных «царских» караван-сараях, традиционно называвшихся рабатами, к услугам гостей были мечети, залы для собраний, бани. По большей части это были здания с набором только необходимых помещений.

Иные функции при том же названии были у городских караван-сараяв, которые строились обычно при базарах. Вероятно, здесь были и склады товаров, и жилье для приезжих купцов, но, прежде всего, – мастерские и лавки ремесленников, которые в них же и жили. Такие мастерские имелись в городах всего исламского мира.¹⁴

Тянь-Шанский маршрут Великого Шелкового пути, проходивший по берегам Алаколя, в предгорьях Тянь-Шаня (Джунгарского/Жетысуйского, Заилийского, Кыргызского Алатау), в долинах рек Или, Чу и Таласа исследован достаточно хорошо, изучены остатки крупных городов: Каялыка в Приджунгарье, Тальхира и Алматы в долине р. Или; Басакет, Суяб, Баласагун, городище Актобе Степнинское, Кулан, Куль-Шуаб – в Чуйской долине; Касрибас, Тараз, Джамукат – в долине Таласа.¹⁵

К сожалению, исследованию такого важного компонента культурного наследия как караван-сарай в вышеперечисленных работах уделено мало внимания. В большинстве их есть лишь упоминание о караван-сараях, дана их топография и краткое описание. В Илийской долине среди многих городищ и поселений названы караван-сарай Сарыджас, Бике I, Айна-Булак, Коктал I и Коктал II, Кегень, Шингельды¹⁶.

В Таласской долине изучены караван-сарай на территории археолого-архитектурного комплекса Акыртас (городище Касрибас), караван-сарай Тортколь на территории Тараза, на участке Великого Шелкового пути от Тараза до Джувиката (городище Бектобе).

Караван-сарай Акыртас X-XI вв. Этот караван-сарай относится, видимо, к тому редкому типу, когда под его функции приспособили более раннюю постройку – замок VII-IX вв. и он имел не традиционный вид. В 1 км к юго-западу от дворца Акыртаса расположены остатки постройки: оплывшее тобе размером 25x27 м и высотой 3 м, вытянутое с востока на запад, и расположенная в 25 км восточнее него четырехугольная площадка-тортколь, окруженная оплывшим валом с башнями по углам и двумя впадинами-входами.

Тортколь находился на мысу правого берега сухой речки. Первоначальные исследования топографии двух этих памятников, анализ их взаиморасположения и материалы раскопок стали основанием для определения тобе как резиденции владельца «дворца» Акыртаса и крепости для охраны стройки. Позднее резиденция была превращена в караван-сарай, состоящий из жилого комплекса для торговцев, а расположенный рядом тортколь с помещениями был местом остановки для купцов и караванщиков, охраны караван-сарая, а его двор – для выючных животных.

Все внутренние помещения бывшего замка представляют собой два ряда комнат, расположенных вдоль коридора. Каждый ряд насчитывает по три помещения. Коридор состоит из анфилады

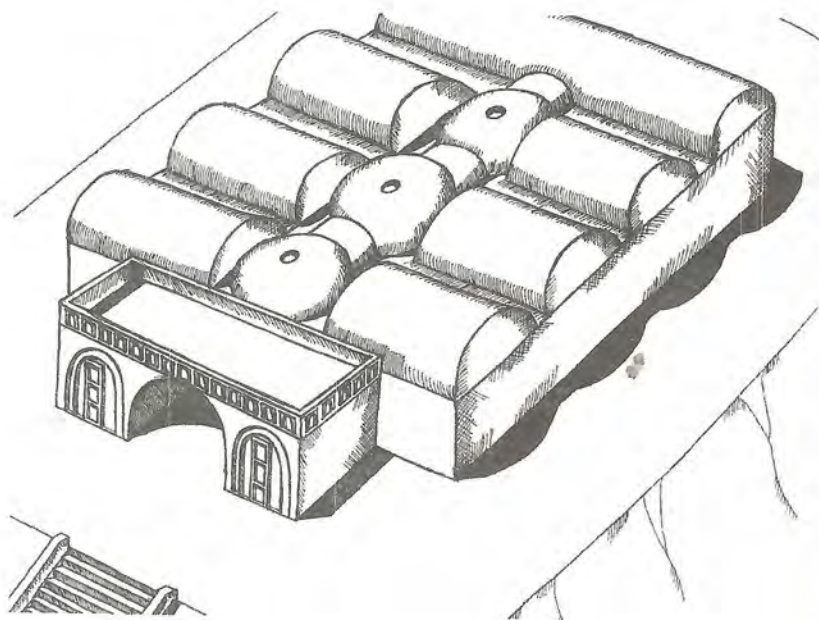

Рис. 1. Реконструкция жилой части караван-сарая IX-X вв.

помещений-вестибюлей квадратных в плане со стороной 3-3,3 м. В крайних рядах помещения прямоугольные, размерами приблизительно 3,3x4,7 м. Коридор замыкает помещение вдоль всего торца постройки площадью 53,5 м².

Из коридора можно было попасть в любое помещение здания. Все они служили для постояльцев караван-сарая. В южных стенах этих помещений обнаружены очаги-камины, их дымоотводные отверстия, круглые в сечении, были устроены внутри стен над очагами.

С восточной стороны замка по обе стороны от главного входа в сооружение сохранились пилоны портала. Точнее, сохранились фундаменты пилонов и начальные ряды сырцовой кладки. Устои портала прямоугольные в плане, размером 2,5x3,5 м. Фундамент под ними выложен из крупных плоских камней красного песчаника. Кладка устоев выложена из сырцовых кирпичей плашмя, с небольшой сдвижкой в 2-3 см. Кирпичная кладка разрушена, но местами хорошей сохранности. Как был решен сам портал, остается только догадываться. Во всяком случае, согласно размерам устоев, портал здания был монументальным и достаточно высоким.

Между пилонами изданием замка выложены два простенка шириной 40 см. Пространства между торцевыми гранями пилонов и восточной торцевой стеной замка образуют собой два маленьких помещения.

Рядом с замком на берегу ручья было найдено пять бронзовых монет тюргешского типа. Все монеты хорошей сохранности. Подобного типа тюргешские монеты чеканились в Таразе с VIII в. и находились в обращении до X в.

Среди находок обнаружено незначительное количество фрагментов стеклянных изделий. Одно изделие из матового зеленого стекла плохого качества, возможно, представляет собой плоскодонную чашу или блюдо с выгнутым доньшком.

Поливная керамика представлена обломками кувшинов и чаш. Сосуды сочетают светло-зеленый цвет поливы и темно-зеленую полосу верхнего края. Один фрагмент маленького сосудика, возможно чирага, покрыт зеленой поливой и имеет серию продольных углублений. Другие два фрагмента чирага (носик и тулово), покрыты светло-бежевой поливой с темно-коричневыми полосами орнамента. На некоторых фрагментах керамики полива прозрачная. На обломке чаши изнутри виден фрагмент растительного орнамента. Встречено доньшко от сосуда с тамгой мастера на внешней стороне. Тамга - в виде глубоко пророчерченной диагональной полоски. Найденная керамика относится к X-XII вв.

В качестве строительных материалов использовали прямоугольные сырцовые кирпичи, камень для фундаментов и облицовки стен и глину для растворов и обмазок. Размер кирпича 42-43x20-21x9-10 см. Мелкой галькой облицовывали стены, песчаник средних размеров применялся для фундамента под стены, а крупные камни песчаника - для сооружения фундамента под пилоны и выкладки контрфорса.

Стены во всех помещениях постройки кроме одного выложены кладкой плашмя вперевязку с чередованием рядов «ложком» и «тычком». Сохранившаяся высота стен колеблется от 1,45 до 1,7 м. Иная кладка наблюдается в парадном зале. Здесь стены выложены смешанной кладкой.

Перекрытия над помещениями постройки двух видов. Надпрямоугольными помещениями были выложены сырцовые сводчатые перекрытия коробового очертания. Своды выложены «поперечными отрезками». Сводчатые перекрытия коробового очертания сохранились во фрагментарном состоянии лишь в одном помещении – торцовом. Здесь в двух местах упавшие куски свода лежали на полу помещения.

Дверные проемы (а их шесть) пролетом 1,85-1,9 м перекрыты также сводами в виде отрезков. Одна такая арка сохранилась в помещении 2а.

Второй вид перекрытия в постройке – купольный. Три купола выведены над квадратными помещениями замка. Маленький фрагмент оболочки купола сохранился лишь в одном помещении – это несколько кирпичей нижнего ряда купола в юго-восточном углу.

Все стены здания, кроме двух, были выложены из сырцовых кирпичей. Две наружные продольные стены, вытянутые с востока на запад, глинобитные. Толщина этих стен 1,4 м, они более древние, чем вся постройка замка.

Все внутренние стены здания толщиной 1-1,1 м. Наружная восточная стена толщиной 0,9 м, а наружная западная стена от 1,3 м в северном конце сужается до 0,8 м к южному концу. Как видим, разница по толщине от одного конца до другого составляет 0,5 м. Непонятно, по какой причине стена сужалась, однако именно поэтому, чтобы «усилить» ее, снаружи на расстоянии 3,9 м от юго-западного угла здания был поставлен контрфорс. Наружная поверхность западной стены на всю сохранившуюся высоту 1,15 м облицована мелкими кусочками красного песчаника. Это было сделано для предохранения стены от «выдувания». В этом регионе в осенне-зимний период в направлении с запада на восток наблюдаются сильные господствующие ветры. Традиция облицовки сырцовых стен сохранилась здесь до сегодняшних дней.

Рядом с этим караван-сараям в 50 м восточнее находился еще один. Тортколь возведен на естественном возвышении высотой 3-4 м и имеет в плане размеры 39х40,5 м, ориентирован сторонами по странам света.

Крепостные стены сооружения глинобитные на каменном фундаменте, шириной 2,5 м. Внутренние стенки-перегородки каменные, кладка скреплена глиняным раствором. Все каменные блоки, используемые при строительстве крепости (большие, средние и малые), шли в дело в природном виде – не обтесывались.

Сооружение имело по углам башни. Караван-сарай имел два этапа обживания: IX-X вв. и XI-XII вв.

Во дворе, в направлении от комнат, расположенных по периметру, к центру двора уровень земли равномерно понижается. В месте максимального его понижения раскопками расчищено прямоугольное углубление размером 5,3х4,6 м – хауз-бассейн.

Внутри комплекса с восточной и западной сторон застройка оказалась «периметральной». На протяжении 7 м участок стены, примыкающий к воротам, и левая часть восточных ворот были разрушены. Первое жилое помещение, вскрытое у восточной крепостной стены, оказалось нетронутым, его площадь около 30 м². При расчистке в помещении была найдена караханидская медная монета. На обеих сторонах частично сохранились арабские надписи, у кромки монеты просверлено отверстие диаметром 3 мм. В этом же помещении вблизи сфы находились крупные фрагменты хума. В помещении 11 найден поливной чираг.

Караван-сарай Акыртас XIII-XIV вв. Караван-сарай представляет собой замкнутый прямоугольный участок площадью около 2000 м², обнесенный стеной. Оплывшие стены толщиной около 1 м сохранились на высоту 0,5 м. Они были возведены из булыжника и имели размеры: северная и южная – 43 м, западная стена – 49 м, восточная – 48 м. Вход на территорию караван-сарая располагался с южной стороны. В настоящее время это разрыв в стене, равный 3 м, находящийся на расстоянии 9 м от юго-западного угла внешней стены комплекса.

На территории караван-сарая прослежены два всхолмления. У восточной стены, ближе к середине, располагается бугор высотой около 1 м, шириной – 12 м и длиной около 20 м. Здесь пока еще не проводились раскопочные работы.

Второе всхолмление находится у западной стены, примыкая к ней севером и располагаясь на расстоянии 7 м к югу от северо-западного угла комплекса. В плане это прямоугольник размером 9,5х16 м. Наружная стена постройки имеет толщину 0,7 м, все внутренние стены – 0,6 м.

В результате раскопок выяснилось, что жилой комплекс состоял из 7 помещений, шесть из них – квадратные в плане и почти одинаковые по размерам, а седьмое – прямоугольная комната, расположенная в восточном торце здания. Планировку караван-сарая можно представить как два ряда примыкающих друг к другу анфиладных комнат. В северном и южном рядах по три помещения. Восточную часть постройки, как отмечалось, замыкает последнее помещение. Комнаты обоих рядов являются, по-видимому, жилыми помещениями – хужрами. Последняя седьмая комната, вероятно, была складским помещением.

Среди находок обращает на себя внимание овальная серебряная серьга с подвеской в виде октаэдра, обнаруженная в пристенном завале второго помещения. В этой же комнате в большом количестве найдены кости животных: барана, коровы, кабана.

Основной материал из раскопок – керамика. Вся она найдена во фрагментах. Наиболее важными для датировки являются фрагменты поливной керамики. Среди них интересны фрагменты с растительным и геометрическим орнаментом с голубой поливой. Росписи выполнены бирюзовой, черной и белой красками. Встречены фрагменты керамики с поливой светло-желтого и темно-зеленого цветов.

В качестве орнамента – растительные завитки, крупные черные точки, волнистые линии. Обнаружен фрагмент венчика чаши, покрытой бледно-зеленой поливой с прочерченным подглазурным орнаментом.

Из импортных находок привлекают внимание два фрагмента из китайского селадона серо-зеленого цвета с выпуклым рельефным орнаментом.

Неполивная керамика представлена фрагментами котлов с крюковидными в сечении венчиками.

Керамические находки можно отнести к XIII-XIV вв., этим же периодом датируется время существования самого караван-сарая.

Стены караван-сарая сохранились на высоту 0,65 м. Цоколь стен на высоту 0,6 м выложен из камня – красного песчаника. Это грубо отесанные крупные и средние каменные блоки, уложенные в 3-4 ряда. Швы между камнями плотно заполнены лёссом. В некоторых местах в каменной кладке плоские зазоры строители заложили кирпичом.

Верхняя часть стен была сложена из жженого квадратного и прямоугольного кирпича размером 26x26x5 см и 26x13,5x5 см. На тыльной стороне кирпича полосы от четырех пальцев ладони – для лучшего схватывания с раствором. Кирпичная часть стен полностью обвалилась и находится в пристенном завале, сами кирпичи хорошей сохранности.

Акыртасские караван-сарай имеют нетрадиционную планировку. В планировочном отношении он резко отличается от традиционных: застройка территории жилыми помещениями располагается не по периметру, а локализуется в двух местах – у восточной и западной стен комплекса. Территория двора в несколько раз превышает площадь помещений. Наличие большого двора, возможно, было предназначено для установки юрт.

Караван-сарай Тортколь вблизи Тараза находится на улице Сулейманова в западной части Тараза. Караван-сарай функционировал на протяжении XI в.

Изначально Тортколь представлял собой четырехугольник размерами 115x110 м, теперь его размеры составляют 83x100 м. Начиная с 60-х гг. прошлого века он разрушался, были уничтожены юго-западный угол, вся юго-западная стена и часть юго-восточной стены. При расширении улицы Сулейманова была срезана часть северо-восточной стены и полностью уничтожена северо-восточная башня. Прокладка линии газопровода нарушила целостность внешней северо-восточной стены объекта. В северо-западном углу в начале XX в. была построена мечеть, которую в конце 20-х гг. XX столетия разрушили воинствующие атеисты. Следы этого строения сохранились в виде основания стен из крупных камней и жженных кирпичей. Уникальный памятник постепенно превратился в мусорную свалку.

В 1983-1985 гг. Таразская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР провела первые научные исследования Тортколя.¹⁷ Раскопочные работы были сконцентрированы на возвышенности у северо-западного края объекта. Исследователями зафиксирован верхний слой толщиной

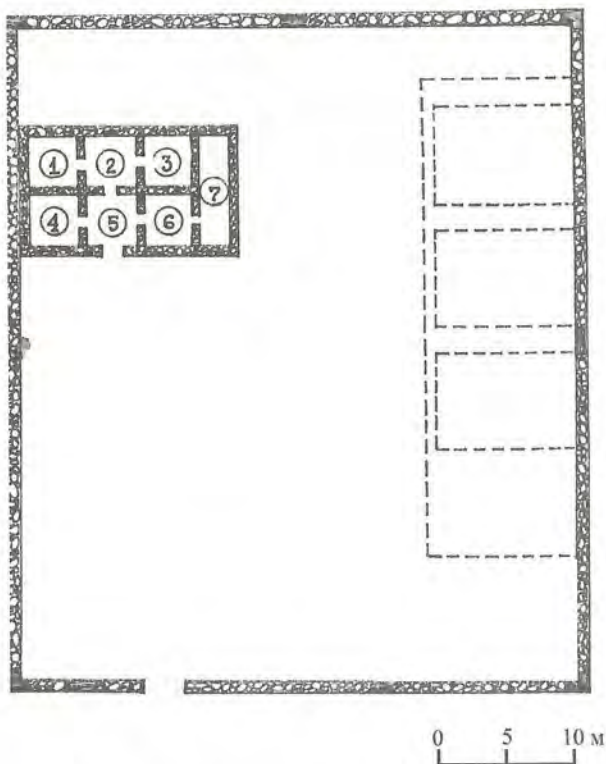

Рис.2 Комплекс Акыртас. Караван-сарай. XIII в.

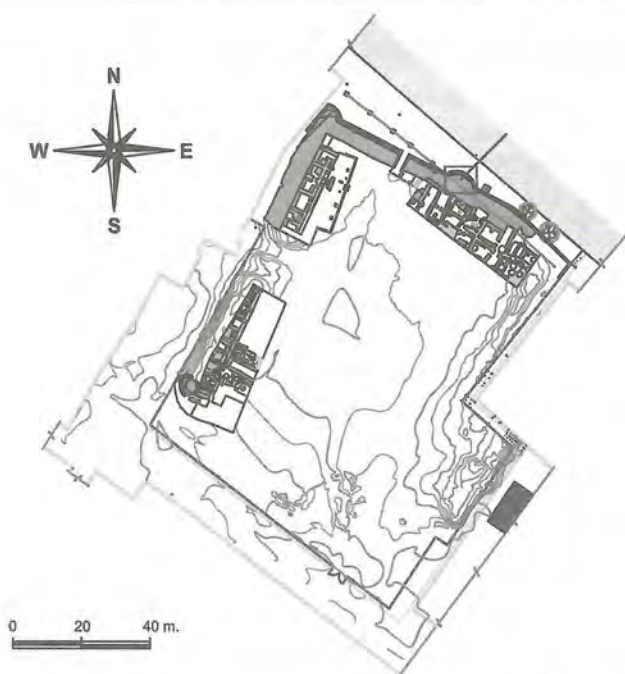
около 1,5 м, представляющий мусорные напластования XX века. Под ним обнаружены средневековые конструкции – это остатки секций, состоящих из жилого помещения и кладовой.

Помещение 1 подквадратное в плане, размером 3,4х4 м. Его северо-восточная стена одновременно является и оборонительной. В помещении к юго-восточной стене посередине пристроена очажная тумба высотой 0,4 м. Очаг глиняный подковообразной формы. Он заполнен красновато-белой золой, топочное устье устроено с северной стороны. Перед очагом в полу находилась площадка подпрямоугольной формы – ташнау. В юго-восточной стене, справа от очага, имелись две хозяйственных ниши. Пол помещения неровный, на полу прослежен слой сгоревшего камыша и дерева.

Помещение 1-а — коридор размером 0,9х4 м. Проходом у северного угла он соединен с помещением 1. Выход располагался у юго-восточного угла. Пол помещения неровный, обмазан глиной.

Помещение 2 размером 3,6х3,7 м проходом в восточном углу соединяется с помещением 1. В заполнении на полу помещения прослежены остатки циновки и обгоревшие зерна пшеницы.

Помещение 3-а отделено от помещения 2 короткими стенками толщиной 0,2 м. У юго-восточной стены посередине обнаружен пристенный очаг в виде прямоугольной площадки размером 0,25х0,8 м с полукруглой нишей. Юго-западнее очага на полу найден горшок. Сосуд

Рис.3. Тараз. Караван-сарай XI - начала XIII в. План

лепной, с широким горлом и ручкой, орнаментирован растительными узорами. Аналогичная застройка характерна и для других раскопанных участков караван-сарая.

Наиболее массовым материалом из раскопок является керамика, в основном станковая. Ее можно разделить по функциональному назначению на столовую, кухонную и тарную; по способу отделки - на поливную и неполивную. Наиболее многочисленны котлы, форма их стандартная, тулово приплюснутое, округлое, иногда сильно утолщено дно. Венчики совершенно прямые или отогнутые наружу, ручки петлевидные наклепные.

Кувшины изготовлены на гончарном круге, но есть и лепные. По размерам корпуса, форме горловины, орнаментам выделяются два типа. Первый тип - одноручные кувшины, узкогорлые, с вытянутым желобчатым сливом и яйцевидным туловом. Горловина и плечики сосудов украшены в основном растительными мотивами.

Большой лепной кувшин высотой 48 см, диаметр дна - 14 см, изготовлен из плотной глины. Ручки украшены наклепами в виде шишечек, на горловине располагается композиция из овальных фигур, образованных из нескольких линий, отдельных сдвоенных линий и строенных точек.

Второй тип кувшинов имеет вытянутое яйцевидное тулово, узкое горло без носика-слива. Они небольших размеров, высотой 30 см, изготовлены из хорошо отмученного теста красноватого цвета. Декор сосудов представляет узкая полоса бурого ангоба с потеками на плечиках.

Поливная посуда составляет почти половину керамических находок. В основном это тарелки, блюда, чаши. Использовались как

стеклянные, так и прозрачные глазури, наносившиеся, как правило, по белому фону. Сосуды украшены росписью и гравированным орнаментом, покрыты прозрачной глазурью и окрашенной в зеленоватые тона.

Керамический материал позволяет определить время жизни поселения Торткуль XI – началом XIII вв.

Из других находок следует отметить немногочисленные поделки из железа и меди: железные пряжки, гвоздики, скобы, наконечники стрел. Большой интерес представляет подвеска в виде миниатюрного медного кувшинчика. Она отлита в односторонней форме в виде половины сосуда по продольной оси, рельефная. Такие подвески известны в материалах раскопок Пенджикента, датируются они XII в.

Обнаружен фрагмент сосуда с рельефным изображением головы барса и чаша, сделанные из кашина. Чаша покрыта прозрачной глазурью и росписью синего цвета растительно-геометрического характера.

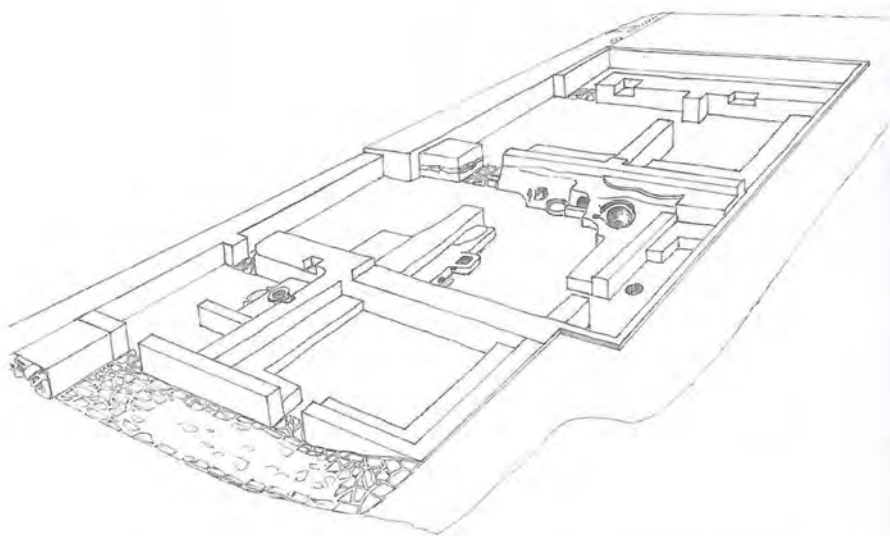
В 2008 г. по инициативе Управления культуры акимата Жамбылской области изучение этого уникального памятника было продолжено: проведены комплексные археологические исследования, раскопочные и консервационно-реставрационные мероприятия

Раскопки установили, что караван-сарай представляет собой четырехугольное в плане сооружение, окруженное стенами, толщина которых достигала 4 метров. Они укреплены округлыми угловыми башнями и полубашнями в центральной части. Основной въезд на территорию караван-сарая, оформленный в виде портала-пештака, был устроен в юго-западной стене. Он вел на территорию обширного центрального двора. Дополнительный проход был устроен в северо-восточной части караван-сарая.

На территории караван-сарая у юго-западной стены были открыты десять помещений. Изолированная комната площадью 6-9 м² с суфой для ночлега имела небольшой отопительный тандыр со сквозной прорезкой для того, чтобы можно было на небольшой жар поставить и подогреть сосуд с пищей или чаем. На хозяйственной небольшой площадке около тандыра находились предметы быта, необходимые прибывшему гостю: тарелка, пиала, светильник и кувшин для воды. Каждая комната имела выход в коридор, а его двери выводили жильцов во внутренний двор. Есть комнаты с отдельным выходом. У южной стены в одной из комнат обнаружен глиняный столик на трех ножках с лежащей на нем монетой XI в. На юго-западном участке вскрыто 11 помещений. Комнаты в северо-западной части площадью по 12-14 м² имеют суфы для отдыха. В каждой комнате расположен тандыр или небольшой очаг из сырцового кирпича.

Северо-восточная сторона состоит из жилых и складских помещений. Одно из помещений – узкое длинное с одним входом в южной стене без суфы и тандыра могло быть складом. Два других помещения квадратной формы имеют суфу у стены и камин. Одно помещение не имеет суфы, а в середине квадрата на естественном останце лежит большая каменная плита для колонны.

В северо-восточном углу от крепостной стены проходит коридор, куда есть выходы из двух комнат. Привлекает внимание комната

Рис. 4. Тараз. Аксонометрия раскопанного участка

с входом в восточной стене. Ее площадь 25 м^2 , вдоль крепостной стены расположена широкая суфа с отопительной системой типа кана – подпольного обогревательного дымохода. На противоположной стороне также расположена суфа, в которую встроен камин овальной формы, с невысокой нишей в стене. В юго-западном углу сырцовым кирпичом выложен круг в один кирпич по высоте, а внутри лежат камни. В восточной стене этого же коридора были двери в складские помещения, где в хозяйственных ямах хранили зерно. Есть три анфиладных помещения, изолированных от других, где сосредоточены хозяйственные, производственные очаги и два средней величины тандыра. Эти помещения могли быть производственной мастерской.

Наблюдается стандартность и изготовления горшков для приготовления еды. Один размер, один узор по тулову чаши. Котлы круглодонные двух видов по размеру на 3-4,5 и 6 литров. Встречаются блюда и пиалы, покрытые глазурью и росписями. Были найдены фрагменты от пиалы и сосуда-водолея, изготовленные из кашинной глины и покрытые голубой глазурью. Эти дорогостоящие предметы привезены из Ирана. Найдены два фрагмента от пиал, на которых почерком куфи были нанесены надписи. По технике изготовления и качеству глазури можно предположить, что место их изготовления – Самарканд.

По материалам раскопок выполнена полная реконструкция караван-сарая, позволившая превратить его в объект туризма.

Тараз – крупный центр на Великом Шелковом пути, называвшийся в средние века «городом купцов», теперь имеет восстановленный караван-сарай XI – начала XIII вв.¹⁸

Караван-сарай как объект изучения впервые в Западном Казахстане и на Устюрте стали исследоваться Хорезмской археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР, возглавляемой С.П. Толстовым.

В 1950 г. разведывательный отряд экспедиции прошел по Уральско-Устюртскому маршруту. Его задачей стало изучение археологических памятников, расположенных вдоль хорошо оборудованными колодцами и караван-сараями средневековой караванной дороги (XI-XIII вв.), пересекающей Устюрт и идущей от Ургенча к нижней Эмбе, соединяя Хорезм с Волжско-Уральским регионом. Из г. Гурьева (ныне г. Атырау) отряд прошел через Доссор и колодцы Белеулы через железнодорожную станцию Джемансор и достиг брода Тас-Кичу через р. Сагыз. Здесь был обследован караван-сарай, о котором в свое время писал И.А. Кастанье.¹⁹ Разведочные шурфы, зачистки установили размеры караван-сарая (42х45 м). Стены его были сложены из квадратного жженого кирпича (28х28х6 см). В раскопе была собрана коллекция керамики XIII-XIV вв.

Затем переправившись через Эмбу, отряд вышел к чинкам Устюрта и в местности Мынсу у начала подъема на Устюрт обнаружил и обследовал караван-сарай Коскудук, стены которого были сложены из обработанных каменных блоков. Он имел планировку, типичную для караван-сарая: это помещения для торговцев, пристроенные к стенам караван-сарая изнутри, и двор в центре. Внутри караван-сарая вел один вход, оформленный пилонами.

Одно из помещений было раскопано, его размеры 2,7х3,1 м. Стены сложены из каменных блоков, пол вымощен каменными плитами. По завалам в помещениях было установлено, что они перекрывались купольными сводами или имели плоские перекрытия.

Затем отряд прошел через Устюрт, обследовав караван-сарай в урочище Чурук, Белеулы, Косбулак, Учкудук и вышел к Нукусу.

Был сделан вывод о функционировании пройденного караванного пути, что он функционировал в начале XI-XIII вв. в период расцвета Хорезма, соединяя его с Поволжьем и Восточной Европой.²⁰

Изучением караванных путей и караван-сарая Манкыстау занимается А. Астафьев. Он убедительно показал важную роль Манкыстау в международной торговле как одного из транзитных участков торгового пути. Здесь сложился симбиоз сухопутного и морского сообщения.

Доставка товаров производилась караванами до берега Каспийского моря. Здесь товар перегружался на парусные суда, которые перевозили его на волжское побережье или западный берег Каспия и обратно. В морскую торговлю включилось побережье с удобными бухтами и гаванями.

В настоящее время известны остатки четырех средневековых поселений. Одно из них располагается в местности Акмыш недалеко от горы Шеркала. Местное название городища Кызылкала. Предварительные раскопки на небольшом участке позволяют предположить, что это остатки крупного торгово-ремесленного

города, возникшего на караванной трассе Великого Шелкового пути. А. Астафьев убедительно доказал, что городище Кызылкала является остатком города Манкашлага – Манкишлак.²¹

Судя по обломкам глазурованной посуды, строительство Кызылкалы осуществлялось в период X-XI вв.

В X в. на территории Хорезмского государства происходил бурный рост городов. Этот факт, по мнению С.П. Толстова, «является, несомненно, одним из важных проявлений общего экономического подъема страны, укрепления и расширения экономических связей... городской цивилизации Хорезма с окружающей степью и более отдаленными странами... причем ареной деятельности хорезмийских купцов становятся, во-первых, окружающие степи нынешней Туркмении и Западного Казахстана и, во-вторых, Поволжье – Хазария и Булгария, а далее – обширный славянский мир Восточной Европы». В торговле с Восточной Европой мощным центром становится Ургенч, стоявший на разветвлении караванных трасс – через пустынное плато Устюрт на запад к мангышлакскому побережью и к северо-западу на Среднюю Волгу.

Два главных направления движения торговых караванов – через Мангышлак и Устюрт – имели своеобразную территориальную специализацию. Мангышлакская трасса соединяла Хорезм и Хазарию, устюртский путь – Хорезм и Булгарию. Не случайно упомянутое выше путешествие Ибн-Фадлана с миссией в Волжскую Булгарию проходило через Устюрт.

Целенаправленные поиски морских пристаней, куда приводили сухопутные дороги, позволили найти такие важные пункты торговли, как морские гавани.

Исследовав русские карты второй половины XIX – начала XX в. путей в Хиву, восточное побережье Каспия, полковник Н. Ломакин нашел сведения о пристани Старый Мангышлак. На побережье Кочак, напротив прохода Ушауын, рядом с пристанью Старый Мангышлак была найдена средневековая пристань, которую маркировал караван-сарай площадью 4 га, датированный XI-XII вв. Рядом был найден «накопитель караванов», укрепленный стеной под названием Байлам и рвом. Площадь этого укрепления-накопителя составляла около 20 км². Именно здесь караваны ждали момента перегрузки товаров на море и с моря, привезенных парусными судами.

Была найдена еще одна сухопутная ветка XI-XII вв., ведущая к Тупкараганской бухте. И здесь также существовали на плато перед спуском к побережью две крепости – накопители караван-сараев.

Открытие морских гаваней привело к обнаружению крупных городских центров на Мангышлаке. Один из них, датированный IX-X вв., находится в устье каньона Каравак. Цитадель его имела площадь 15 га, а пригород – 30 га. Город был укреплен и неприступен.²²

В период расцвета Золотой Орды, в правление хана Узбека (1312-1340 гг.), между Ургенчем, Сарайчиком и городом Золотой Орды Сарай-Бату был проложен караванный путь через плато Устюрт.

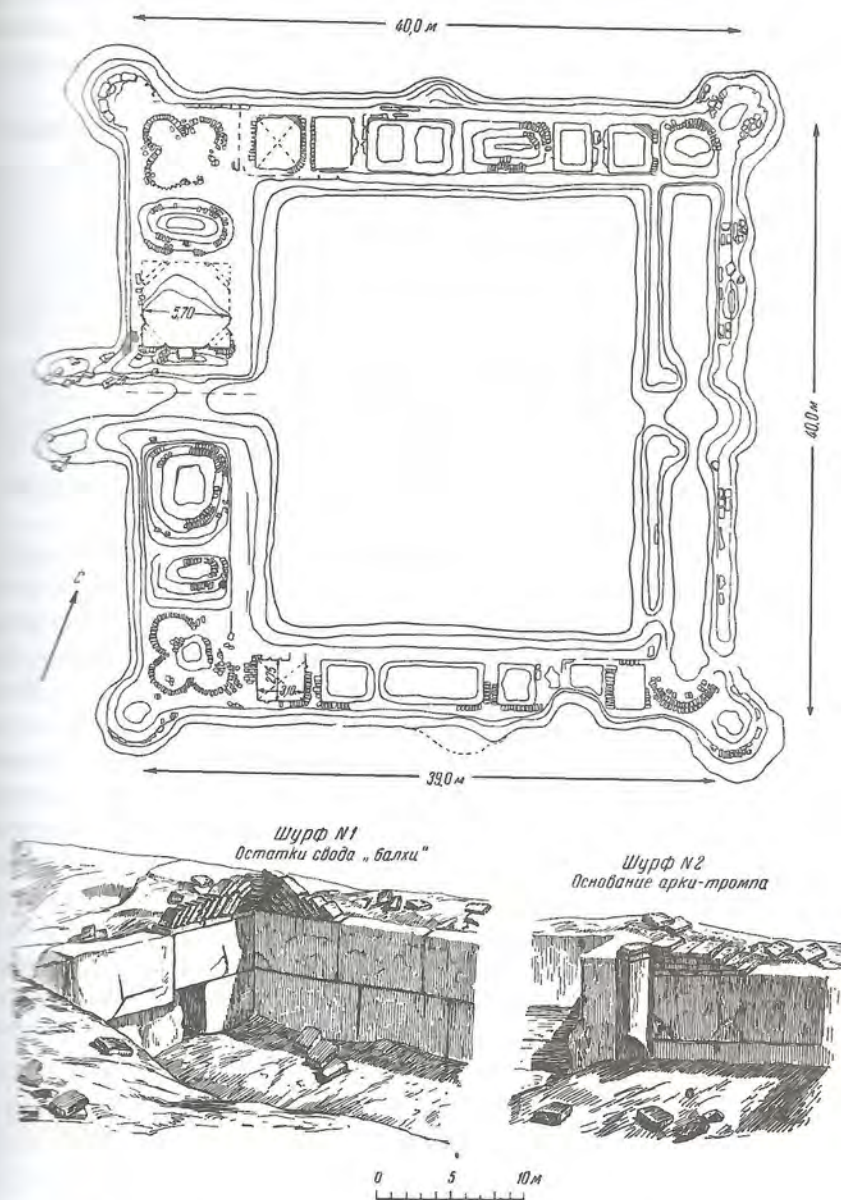

Рис.5. Западный Казахстан. Караван-сарай Кос-Кудук (план)

Укрепленные караван-сарай, привязанные к колодцам или искусственно созданным хранилищам-водонакопителям, располагались на расстоянии одного или двух дней перехода каравана. Караван-сарай выполняли и роль почтовых станций, где гонцы могли обменять лошадей. Небольшой военизированный отряд, расквартированный поблизости, был призван охранять и контролировать торговую трассу на этом участке. Вблизи караван-сарая возникали небольшие селения для персонала, обслуживающего караваны – погонщиков, охранников, мигрирующего населения.

С.П. Толстов высказал предположение, что караван-сарай были построены еще в X-XII вв. Однако археологические исследования А. Астафьева в 1970-80-х гг. показали, что эти сооружения появились и функционировали в период Золотой Орды.

Известно восемь караван-сараяев, пять из которых находятся на территории современной Каракалпакии. Это Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук. На казахстанской территории плато Устюрт археологические исследования караван-сараяев пока не проводились. В 2005 г. манкыстауские археологи произвели предварительное обследование всех трех памятников – у колодцев Куше, Бесбулак (Белеули) и у родника Есетбулак (Коскудук).

Караван-сарай Куше расположен у юго-восточной кромки песчаного массива Сам. Он был полностью разобран на кирпичи для устройства мавзолеев на родовых кладбищах. Судя по рвам, оставшимся после выборки кирпича, караван-сарай имел квадратную в плане форму размером 25x25 м.

Караван-сарай Белеули находился в центре обширной котловины, насчитывающей пять старых колодцев. Постройка правильной четырехугольной формы размером 24x27 м возводилась из известняка-ракушечника. Вход был устроен в центре северо-восточной стены. Его предполагаемая ширина составляла около 3 м при длине 7 м. Углы караван-сарая укреплены округлыми башнями диаметром 2 м и высотой не менее 4 м. Размер внутреннего двора постройки 14x17 м. Справа и слева от входа располагались по две комнаты. Между комнатами правого крыла существовала каменная лестница для подъема на стены постройки. Вдоль правой и левой стен внутри двора были устроены по четыре небольших комнаты с дверными проемами, а у дальней стенки находилось вытянутое складское помещение.

Самой крупной постройкой на устюртском отрезке караванного пути, как отмечалось, являлся *караван-сарай Коскудук*. Его первые исследования проведены экспедицией С.П. Толстова в 1950 г.

Считалось, что во второй половине XIII – XIV вв. существовала одна торговая артерия из Ургенча в Сарайчик через плато Устюрт. Однако, некоторая часть товаров в Сарай-Бату доставлялась через Манкыстау морским путем. Здесь в удобной Тупкараганской бухте в XIV в. возникает небольшое поселение под местным названием Кетиккала. Его остатки обнаружены у северной оконечности скального кряжа Курганташ. Ныне поселение отстоит на 3 км от береговой линии бухты. Но в XIV в. море уходило значительно южнее, позволяя торговым судам причаливать в непосредственной близости от портового городка. Предполагаемая площадь поселения около 4 га. Судя по обломкам глиняной посуды, характерной для золотоордынского периода истории Хорезма, в Кетиккалу попадали товары из провинций Китая и с территории современного Азербайджана.

Первоначально поселение формировалось, видимо, из землянок и полуземлянок, но со временем их засыпали и построили каменные дома. За 600 последних лет остатки построек почти полностью разобрали

камень, теперь их очертания едва заметны. Вдобавок на этом месте устроили свалку строительного мусора. Сегодня на поверхности просматриваются остатки фундамента около 15 каменных сооружений.

Существует предположение, что на Кургангаше в XIV в. могла находиться крепость, охранявшая подходы к бухте.

Не исключено, что Тупкараганская бухта и поселение при ней обозначены на венецианских географических картах Каталонского атласа (1367 г.) и братьев Пицигани (1375 г.) как Мелмеселаш или Мембемеселаш. Исследователи полагают, что это искаженное название Мангышлака как морской пристани или, что более вероятно, географической области.

В 2006 г. был выявлен еще один пункт, позволивший восстановить направленность движения караванов. Были обнаружены на подъеме Маната остатки каменной постройки.

Археологическое обследование показало, что это остатки небольшого караван-сарая периода Улуса Жошы. Удалось установить, что во второй половине XIII – XIV вв. манкыстауская горная трасса являлась ответвлением устюртской магистрали и проходила через устье Маната, зону Каратауских гор с выходом на Тупкараганский полуостров. Этот факт открывает новую страницу в изучении торговых отношений стран Азии с Золотой Ордой, связанную, в том числе, и с морской навигацией.

В XIV в. на западном берегу Каспийского моря главным центром морской торговли становится Дербент, располагавшийся на самой короткой линии сообщения с Кетиккалой. Это намечает еще одно направление морского торгового сообщения восточного и западного берегов Каспия.

К XV – первой половине XVI вв. торговые отношения в степной зоне временно затухают. На закате существования Улуса Жошы в 1395 г. устюртская торговая трасса была разрушена войсками Тамерлана. Развал империи Золотой Орды и формирование на ее обломках новых кочевых государств сопровождалось постоянными боевыми действиями, далеко не способствующими процветанию торговли.

Таким образом, территорию полуострова Мангышлак покрыла сеть караванных дорог, обустроенных караван-сараями.²³

Түйін

К.М. Байпаков, Т.В. Савельева

ҰЛЫ ЖІБЕК ЖОЛЫ: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ КЕРУЕН БАҒЫТЫ МЕН КЕРУЕН-САРАЙЛАР

Мақалада Ұлы Жібек жолындағы керуен бағыттары мен Қазақстан аумағындағы керуен-сарайлар қарастырылады. Ұлы Жібек жолының өмір сүруінде екі хронологиялық кезеңді бөліп көрсетуге болады: бірінші кезеңді Орта Азия мен Қазақстанда алғашқы мемлекеттердің (б.з.д. VI ғ. – II ғ. бірінші жартысы) қалыптасуымен байланысты «Жібекке дейінгі жол» деп атауға болады, ал екінші кезеңді 138 ж. Чжан Цзяньның сапарынан бастап, теңіз жолының қарқында дамып, Қытайды оқшаулауынан Ұлы Жібек жолының құрғақтағы бөлігінің құлдыраған кезіндегі 1405 ж. Мин әулетінің билікке келуімен аяқталады.

Авторлар Ұлы Жібек жолының Қазақстан аумағындағы негізгі төрт тармағын: Жетісу, Сырдария, Сарыарқа мен Маңғышлақ (Орал-Каспий) бөліп көрсетеді.

Қазақстан аумағындағы Ұлы Жібек жолындағы керуен-сарайлар жүйесіне сипаттама берілген.

Abstract

K.M.Baipakov, T.V.Savelieva
THE GREAT SILK ROAD KAZAKHSTAN CARAVAN ROUTES
AND CARAVAN-SARAYS

In the article there are considered caravan routes of the Great Silk Road and caravan-sarays on the territory of Kazakhstan. There are defined two chronological stages of functioning of the Great Silk Road – the first stage, which could be called like “Protosilk road” connected with forming in Central Asia and Kazakhstan of the first states (VI – the first half of the II century B.C.) and the second stage which was started from the trip of Chzhan Tszyan in 138 year and finished by coming to the power of Min dynasty in 1405 year when the dry section of the Great Silk Road came to decline because of self-isolation of China and rapid development of sea route.

The authors separated four main sections of the Great Silk Road on the territory of Kazakhstan: Semirechensky, Syrdarinsky, Saryarkinsky and Mangyshlaksy (Ural-Caspian) ones.

Characteristics of net of caravan-sarays along the great Silk Road on the territory of Kazakhstan is presented.

1. Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Известия Академии наук КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. - 1960. - Вып. 3 (14). - С. 87-89.
2. Сараниди В.И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. - 1968. - Вып. 114. - С. 3-9; Янковская Н.В. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы // Вопросы древней истории. - 1956. - № 1. - С. 33.
3. Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М., 1988. - С. 352-353.
4. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Т. II. - С. 147-168; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. - М., 1964. - С. 173.
5. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л., 1952. - С. 246-248; Ма Юн. Шелковый путь с Востока на Запад // Курьер ЮНЕСКО. - М., 1984. - № 7. - С. 22; Франкфор А.-П. Проблема прототипа Великого Шелкового пути во II-I тыс. до н.э. и роль кочевников // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: тезисы докл. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. - Алма-Ата, 1987. - С. 78-81.
6. Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь... С. 372-373; Кляшторный С.Г. Древнетюркские... С. 98-101; Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. - М., 1963. - Т. II. - Ч. I. - С. 31.
7. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). - Алма-Ата, 1986. - С. 91-92; Байпаков К.М. О локализации городов Северо-восточного Семиречья // Вестник АН КазССР. - 1968. - № 7. - С. 21-25; Байпаков К.М. Великий Шелковый путь: культурные контакты в прошлом и настоящем // Вестник АН КазССР. - 1989. - № 3. - С. 18-27; Байпаков К.М. Шелковый путь как проводник духовной культуры и искусства // Вестник АН КазССР.

- 1989. - № 3. - С. 16-18; *Маргулан А.Х.* Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, 1978. - С. 3-97; *Кумекоев Б.Е.* Государство кимаков в XI-XII вв. по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972. - С. 98-108.
8. *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. - Алматы, 2007. - С. 14-17.
  9. *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных новинках и империи Тан. - Москва, 1981. - С. 13-14.
  10. *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Казахстанский отрезок Великого Шелкового пути. *Vaipakov K.M., Voyakin D.A.* Kazakhstan section of Great Silk Roads in the serial world heritage nomination. - Almaty, 2011.
  11. *Меу А.* Мусульманский Ренессанс. - Москва, 1966. - С. 365-375.
  12. *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды Института истории, археологии и этнографии. - Алма-Ата, 1960. - Т. 8. - С. 80-83.
  13. *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения феодализма // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. - Москва, 1957. - Т. VI. - С. 166-167.
  14. *Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами // Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. - Берлин-Рига, 1996. - Ч. I. - С. 288.
  15. *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. - Алматы, 2005; *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Средневековый город Каялык. - Алматы, 2007; Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» // МИА – М.-Л., 1950. - № 14; *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – М.-Л., 1952. - № 26; *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. - Фрунзе, 1959; *Красная Речка и Бурана* // Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. - Фрунзе, 1989; *Суяб-Акбешим.* - Санкт-Петербург, 2002; *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII вв.). - Бишкек, 2010; *Бернштам А.Н.* Памятники старины Таласской долины (историко-археологический очерк) // Избранные труды по истории и археологии кыргызов и Кыргызстана. - Бишкек, 1997. - С. 79-139; *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972; *Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. - Алматы, 2011.
  16. *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города... С.59; *Байпаков К.М.* Средневековые города и поселения Семиречья (VII-XII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Алма-Ата, 1966. - С. 10.
  17. *Касенов М.* Раскопки городища Тортколь // Археологические открытия 1985 года. – М., 1987. - С. 571-572.
  18. *Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего... С. 352-366.
  19. *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. - Оренбург, 1910. - Вып. XXII. - С. 97.
  20. *Толстов С.П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Труды ХАЭЭ. - Москва, 1958. - С. 13-19; *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. – М., 1948. - С. 266-265.
  21. *Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.* Сокровища Устюрта и Манкыстау. - Алматы, 2007. - С. 318, 321.
  22. *Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.* Сокровища Устюрта... С. 315-317.
  23. *Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.* Сокровища Устюрта... С. 288-333. Карта-схема маршрутов караванных путей, проходивших через Арало-Каспийский регион в средние века.

Е.А. Смагулов

АРХЕОЛОГИЯ МЕЧЕТЕЙ: ЖУМА МЕЧЕТИ ОТРАРА И САУРАНА

В казахстанской археологической медиэвистике активизировалось исследование архитектурных ансамблей средневековых городов, в которых доминируют главные мусульманские культовые сооружения – мечети. Конечно, «археология мечетей» не подразумевает под собой какую-то «особую археологию». Этим понятием просто подчеркивается, что вскрытие остатков таких больших по площади и сложных по планировке сооружений требует обязательного соблюдения некоторых методических правил. Основы методических требований архитектурной археологии (или археологической архитектуры?) заложены давно. Но новое время предъявляет новые требования. Их обобщение – дело будущего. Пока же для нашей археологии нужно отметить необходимость участия «архитекторов с востоковедным уклоном» не только в процессе документации результатов раскопок, но и желательно в самих раскопках. Осуществляя вскрытие широких территорий внутри городской застройки, археолог сталкивается и изучает, будь то участки с жилой застройкой, или монументальные ансамбли центральных площадей, архитектурные сооружения и архитектурную среду.

Выдающимся архитектурным памятником городища Отрар является жума-мечеть, обнаруженная еще в конце 70-х годов на раскопе IV. Исследование этого памятника было начато Л.Б. Ерзаковичем. Им была подготовлена публикация итогов первого этапа изучения этого архитектурного объекта.¹ В последующем раскопками участка застройки отрарской цитадели в разные годы занимались разные исследователи, велись консервационные работы, но при этом итоги этих работ фактически не публиковались. Не обсуждались вопросы датировки этой постройки, хотя и здесь были и остаются не ясные моменты. Собственно аргументирована лишь датировка жилого горизонта, перекрывающего руины мечети – XVI в.² Позже разрушение мечети датировано в рамках первой четверти, или даже в первом десятилетии XV в., «буквально сразу же в период после смерти Тимура»,³ после «первого пожара общегородского масштаба».⁴ Т.е. нижняя граница строительного горизонта III должна быть опущена хотя бы до середины XV в., но это не обосновано анализом нового материала. А вопрос о времени (в рамках XIV в.) строительства мечети вовсе не ставился и не рассматривался. Как бы само собой разумеющимся считалось, что ее строительство было начато при Тимуре... Нам представляется маловероятным предположение, связывающее постройку и разрушение отрарской жума мечети с именем Тимура, аналогично ханаке Ходжа Ахмета Ясави в Туркестане. Биография эмира достаточно хорошо представлена в письменных источниках, но факт его причастности к данному строительству нигде не зафиксирован, а это маловероятно, если бы такое имело место на самом деле. Так же и мнение о незавершенности строительства мечети входит в противоречие с многочисленными и разнообразными декоративными облицовочными материалами, собранными в ходе расчистки руин мечети.

Очевидны упущения в археологическом изучении отрарской мечети, обусловленные отчасти и объективными причинами – исследование мечети пришлось на непростые 80-90-е годы и растянулось на десятилетия. Вследствие этого специалисты, взявшиеся позже за архитектурный анализ археологического объекта, имели все основания написать: «...накопленный археологический материал не дает представления о первоначальной планировочной структуре, конструкции и объемно-пространственной композиции архитектурного сооружения».⁵ При этом предложенная ими реконструкция имеет несколько сомнительных моментов, поскольку, во-первых, опиралась на недостаточную и порой малодостоверную археологическую документацию итогов раскопок. На этом основании трактовка архитектурного облика отрарской мечети накопилось несколько принципиально ошибочных, как нам представляется, определений. Например, планировка отрарской мечети до сих пор относится к «столпно-купольному типу» и на этом основании сближается с куйрукской мечетью Та. При том, что давно был обнаружен и расчищен обширный двор мечети,⁶ наличие помещений в дарваза-хана мечети, и стало ясно, что мечеть эта является собой типичный пример мечетей «дворового типа». В северной же части комплекса мечети отдельные исследователи усматривали даже некий «дворец Бердибека»,⁷ хотя изначально было ясно, что общий план отрарской мечети типичен для больших соборных городских мечетей (Жума мечетей), которые были архитектурными доминантами в любом крупном мусульманском городе.

Одним из таких городов в средневековую эпоху на юге Казахстана был город Сауран. Его городище находится на территории современного Туркестанского района Южно-Казахстанской области РК, в 45 км к западу от г. Туркестан. Сохранность памятника хорошая, если не сказать – уникальная. На его территории сохранились все детали топографии средневекового города, которые утрачены большей частью на других памятниках крупных средневековых городов Казахстана. Тем более, что его история отложилась в культурных слоях двух рядом расположенных городищ – Культобе (IV-XIII вв.) и Сауран (XIV-XVIII вв.). По северной территории позднего городища Сауран проходят международные железнодорожная и авто-магистрали. Сауран – один из немногих средневековых городов Казахстана, локализация которого считается бесспорной.

Впервые Сауран/Сулхан упоминается в письменных источниках в связи с арабскими завоеваниями присырдарьинских оазисов в первой половине VIII в.⁸ В дальнейшем практически все средневековые авторы, писавшие о событиях в казахстанских степях, упоминают этот город в связи с теми или иными политическими событиями. Анализ этих сведений характеризует Сауран как важнейший культурный, экономический и политический центр средневекового Казахстана.⁹

Городище неоднократно и достаточно подробно охарактеризовано, поэтому не будем останавливаться на его детальном описании.¹⁰ Отметим лишь, что, как и любое средневековое городище, оно обладает своей сложной внутренней структурой, отражающей

структуру крупного средневекового города в его историческом развитии.¹¹ Наиболее значительной и сложной частью городища является «кала» - центральная часть, которая представляет собой овальную территорию площадью 800х900 м, окруженную уникальными по сохранности крепостными стенами. Остальная территория города с преимущественно усадебной застройкой вне стен «калы» расположена на площади примерно в 4 км². Археологически установлено, что культурный слой внутри крепостных стен датируется XIV-XVIII вв. и насыщен остатками жилых, производственных и общественных построек. Культовые и общественные сооружения из обожженного кирпича образуют здесь архитектурные ансамбли, сопоставимые с выдающимися архитектурными ансамблями Самарканда, Хивы или Бухары, и являлись для своего времени выдающимися памятниками архитектуры. В более ранний период (IV-XIII вв.) Сауран локализуется на месте городища Каратобе, расположенном в 3 км южнее.¹²

Стратиграфические исследования показали, что застройка *калы* происходит в XIV в. и может быть охарактеризована как типичная плотная городская планировка, состоящая из жилых кварталов и массивов крупных общественных сооружений. Ее пронизывает сеть магистральных и квартальных улиц и разрежают площади в местах пересечений основных артерий. До начала раскопочных работ достаточно четко определялось местоположение центральной городской площади.

Центральная магистральная улица, имеющая местами ширину до 10 м, ведет от «северных» городских ворот внутрь города и от нее формируется городская уличная сеть, прослеживаемая по ложбинам между холмами – развалинами отдельных фундаментальных построек или массивов сплошной жилой застройки. В 200-х м от Северных ворот ложбина улицы выходит на обширную центральную городскую площадь размерами примерно 120х50 м. При этом улица расширяется до 18 м. Справа и слева высились более чем двухметровые холмы, усыпанные обломками кирпича. Под холмом слева расчищены руины медресе начала XVI в.,¹³ справа – такое же монументальное здание с замкнутой дворовой композицией плана.¹⁴

Площадь имеет подпрямоугольные очертания и ориентирована длинной осью поперек направления магистральной улицы. По периметру площади мощные холмы развалин зданий выстроженных, как теперь стало очевидно, из квадратного жженого кирпича (цвет.рис. 1).

Вдоль всей северо-западной стороны площади расположен прямоугольный в плане участок, некоторые признаки которого (расположение на центральной площади города, ориентация основной осью строго на юго-запад, наличие следов стен из жженого кирпича, различимая дворовая композиция плана...) дали основание предполагать на этом месте развалины фундаментальной постройки общегородского значения. Скорее всего, здание городской пятничной/соборной мечети – Жума мечети. Такой вывод можно было сделать после рекогносцировочных исследований, проведенных Туркестанской археологической экспедицией (ТАЭ) на этом объекте в 1998г.¹⁵ В 2005-2007 гг. раскопом № 1 в рамках работ

по программе «Культурное наследие» были вскрыты остатки соборной мечети, замыкавшей городскую площадь с северо-запада. Ее краткие описания уже нашли место в обзорах архитектурных памятников Золотой Орды.¹⁶ Нашей задачей является публикация результатов раскопок данного сооружения на фоне архитектурного ансамбля, оформлявшего центральную площадь Саурана.¹⁷

Как известно, в реестре мусульманских культовых сооружений жума мечети отличаются рядом родовых признаков. Прежде всего, это достаточно сложный и репрезентативный архитектурный комплекс, предназначенный для регулярного собрания мужской части городской общины. Изначально *жума/джами* мечети в городах мусульманского мира выступали свидетельством благосостояния города и благочестия его правителей. Расположены они обычно в центральной части города, вблизи центральных площадей и были богато украшены в соответствии со вкусами эпохи. В плане они представляли (и представляют) собой обширный прямоугольный двор в окружении колонных галерей. Сторона, обращенная к *кыбле*, расширялась до размеров крытого многоколонного зала – *максуры*. В стене, обращенной к кыбле, обычно на центральной оси симметрии устраивался *михраб*/молитвенная ниша, указывающая направление молитвы. По мнению специалистов, на почве Средней Азии произошел симбиоз арабской дворово-колонной местной айванной планировочных структур, породивший многообразие архитектурных решений жума мечетей.¹⁸ При этом обязательными составными частями или элементами топоса горизонтальной структуры жума мечетей являются обширный открытый двор, ориентированный на кыблу, молитвенная ниша в стене, перекрытое пространство перед этой нишей, водный источник в виде колодца/бассейна/фонтана в центре всей планировки.

Считается, что прообразом/прототипом мусульманских молитвенных мест/мечетей/*масджид* послужил мединский дом пророка Мухаммада. По мнению специалистов, именно отсюда берет начало архитектурный тип дворовый арабской мечети, основанный на сопоставлении открытого пространства (*сахн*) и затененного пространства молитвенного зала (*зулла*). По этому поводу Ш.М. Шукуров пишет: «Двор отстроенного в Медине дома Мухаммада представлял собой ряд помещений и открытый двор, где велась служба новой общины и проходили их встречи. Характерно, что замысел организации пространственного пространства в пределах двора был сформулирован практически одновременно со строительством дома. Сначала с северной стороны двора было возведено крытое пространство из двойного ряда по 17 пальмовых колонн с навесом из пальмовых листьев, замешанных на глине. Северная сторона указывала направление на Иерусалим. Со временем с южной стороны был возведен меньший по числу колонн навес с направлением в сторону Мекки. Уже в то время затененное под пальмовыми колоннами пространство обозначалось словом *зулла*».¹⁹

Дабы не впасть в распространенную терминологическую ошибку, определимся с основными названиями частей описываемой

планиграфической/горизонтальной структуры нашей мечети. Двухрядное и пятинефное здание с *михрабом* в ЮЗ стене в последующем будем называть *михрабным зданием* (=максура, зулла). *Михрабный зал* это подкупольное ограниченное пространство перед михрабом. *Пилон/колона/устой* - регулярно расположенные кирпичные опоры арок, на которые опирались арки и купола перекрытия. *Купольные галереи* охватывают по периметру внутренний *двор мечети*. *Айван* - открытое в одну сторону пространство, перекрытое аркой или плоской кровлей/навесом на колонах/опорах. После этих кратких общих замечаний следует вернуться к описанию сауранской мечети.

Стратиграфия. Стратиграфические наблюдения показали, что постройка пережила два основных периода. Первый период (СГ1) - от постройки до частичного разрушения здания; второй период (СГ2) - от частичного разрушения и использования части территории мечети под гончарную мастерскую и до полного заброса, связанного, вероятно, с общим угасанием города в XVIII в. Во второй период существования стены постройки разбирались для добычи качественного обожженного кирпича, который шел на вторичное использование. Во многих местах кирпич выбран до основания, так что на большей части детали плана постройки приходится реконструировать по косвенным признакам.

Как показала расчистка михрабной части здания мечети, а это вся юго-западная часть комплекса, после того как она перестала функционировать по прямому назначению, некоторое время её помещения служили, скорее всего, для посещения прихожанами и, вероятно, кровом для временного обитания. От этого не продолжительного периода на полах сохранились следы кострищ в виде просто зольных пятен в разных частях здания, остатки временных очагов сложенных из кирпича, вынутого из стен постройки и небольшая коллекция обломков бытовой глазурованной посуды (кеса, блюда, пиала и пр.). В это же время шло разрушение и разборка конструктивных элементов строения - стен, колонн, обрушившихся куполов и сводов. Но при этом нижние части архитектурных конструкций имели на разных участках разную степень сохранности. Наибольшему разрушению, обычно до основания, подверглись наружные стены и опоры. Лучше сохранились колонны, которые были как бы в глубине плана мечети. (Например, колонны №№ 8 и 11 сохранились в высоту до 1 м (рис. 1). Но толщину наружных стен приходится реконструировать по редким отдельным кирпичикам, сохранившихся *in situ* от самых нижних слоев кладки стен. Выяснено, что стены, пилоны и прочие несущие конструкции поставлены фактически без фундамента на слою ленточной пахсы, из которой состоит вся специальная платформа под постройкой, а под ней стерильный материк. Это показал специальный шурф площадью 4 м² в помещении 3, углубившийся на 2,5 м под уровень пола. Под полом, так же как и под мечетью Отрара,²⁰ зафиксирован слой чистых лессовых прослоек толщиной около 1,2 м. Фактически полной разборке подверглась и порталная часть постройки и все обрушившиеся конструкции перекрытия. От них сохранились в слое завала битого

отдельные незначительные фрагменты кирпичных кладок, скрепленных алебастровым раствором. Стоит упомянуть большой фрагмент основания купола, лежавшего в СВ части центрального михрабного зала (помещение 3); отдельные фрагменты арок у колонн № 7, 8, 11; участки купола над колонной № 15 и т.д.²¹

Вскрытые архитектурно-планировочные детали комплекса мечети позволяют на основании реконструкции плана отнести ее к *замкнутому двору-дворовому типу архитектурных сооружений*.¹⁴

Описание плана мечети (рис. 1). Вход в комплекс жума мечети был расположен в северо-западном углу центральной городской площади. Он был оформлен в виде выдвинутого портала, от которого сохранилось лишь в 2-4 слоя кирпичной кладки основание правого пилона. Его ширина 1,8 м, выступает за линию фасадной стены на 2,2 м. Сохранилась часть входного порога-данданы в виде поставленных на ребро кирпичей. Длина сохранившегося участка данданы 2,15 м. За этим порогом на расстоянии 4,05 м частично сохранился участок одной данданы, вероятно, внутреннего или дверного порога. Тогда, видимо, глубина входного айвана составит 4,0 м.

Левый пилон оказался полностью разобранным, так что сохранились лишь отдельные кирпичи самого нижнего слоя, выступающие за линию фасадной стены. Их положение дает основание для предположения, что линия щеки ниши портала совпадает с линией другой данданы, которая перпендикулярна порогу. От нее сохранился фрагмент длиной около одного метра. В таком случае ширина входного айвана составляла около 3,6 м, т.е. была равна удвоенной ширине правого пилона (1,8 м). В таком случае ширина всего выступающего портала, очевидно, составляла около 7,2 м.

Переступая дверной порог, посетитель попадал в небольшое подкупольное (?) квадратное помещение размером 3,5х3,5 м. Противоположная входу стена была глухой (или закрытой деревянной решеткой-панжарой), а вправо и влево от входной двери арочные проемы вели, вероятно, в еще меньшие квадратные проходные «комнатки» (2,6х2,6 м), из которых были выходы в обширный двор и другие помещения комплекса. Во дворе налево открывался вид на высокий портал основного («михрабного») здания мечети, напротив входа во двор открывались четыре арки западной анфилады купольных помещений, справа расположен широкий айван с плоской кровлей на трех колоннах.

Вход в михрабный зал оформлен в виде портала, слегка выдвинутого вперед, ширина которого составляет 10,6 м. Перед ним расположен внутренний двор площадью 15,3х17,8 м (рис. 1). Двор охватывает с двух сторон арочная галерея, открывавшаяся, вероятно, арками во двор. С северо-восточной стороны двор замыкал широкий крытый айван, крышу которого поддерживали три деревянные колонны. Общая площадь мечети по наружному контуру составляла 31х34 м.

Как установлено, юго-западную сторону постройки мечети образовывало основное здание (или *михрабная часть комплекса*),

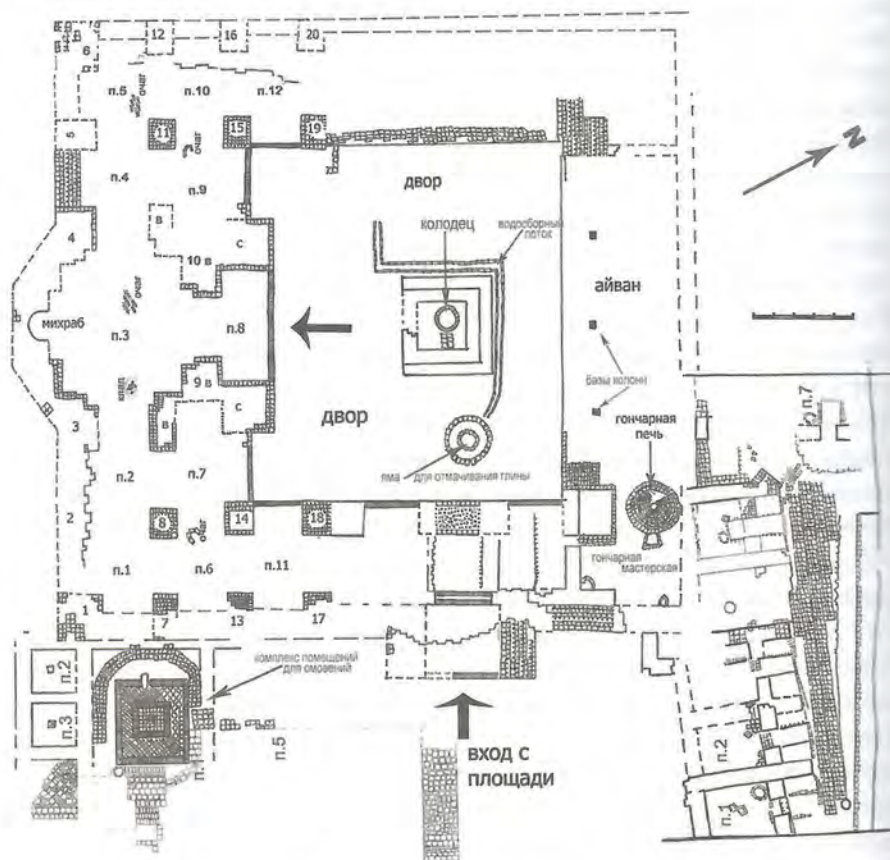

Рис. 1. План саунанской жума мечети.

которое было обращено во двор входным арочным порталом. План этой основной части комплекса имел пятинефную двухрядную композицию с арочно-купольными перекрытиями. Арка *входного айвана* покоилась на массивных пилонах (на плане рис. 1 их остатки отмечены как №№ 9с и 10с). За центральным дверным проемом сразу расположен квадратный купольный зал (6х6 м) с *михрабом*. К сожалению, стена с *михрабом* оказалась полностью разобранной. Но в завале центрального зала расширено основание рухнувшего внутреннего купола. Полностью разобранными оказались не только наружные стены постройки, но и некоторые столбы-пилоны, на которых покоилась система куполов перекрытия, даже вымостка пола в некоторых помещениях.

По некоторым наблюдениям, толщина «михрабной стены» определяется нами в 1,25-1,30 м. С наружной стороны ее центральная часть выступала за линию стены на 2,5 м в виде абсиды шириной около 10 м. Ее наличие так же фиксируется по следам основания кирпичной кладки. Этот выступ в интерьере соответствовал михрабной нише.

Точно такая же ситуация с сохранностью восточной и западной стен сооружения. В восточной стене сохранились частично (на высоту 3-4 слоев кладки кирпича) внутренние стороны колонн №№ 7, 13 и 17.

Их фиксируемая ширина 1,4–1,5 м. Срединные колонны №№ 8 и 11 квадратные в плане и имеют размеры 1,45x1,45 м. Они сохранились на высоту в 9–12 слоев кладки кирпича.

Портальные пилоны (№№ 9 и 10) по сохранившимся частям реконструируются как трехчастные монолиты из сплошной кирпичной кладки, вписывающиеся в прямоугольник 4,5x7 м. Часть «С» – собственно портальные пилоны. На них опиралась арка портала. Они шириной по 2,5 м, выступают на 1,25 м, сохранившаяся кладка – в 4–8 слоев. Глубина входной ниши 2,75 м. Порог ниши оформлен рядом поставленных на ребро кирпичей – *дандана*, пол выстелен обожженным квадратным кирпичом.

Итак, пройдя входной айвана через дверной проем шириной 2,95 м, сразу попадали в квадратный (6x6 м) зал перед михрабной нишей. Арка прохода в *михрабный зал* опиралась на элемент «В» портального пилона. Объем зала был несколько увеличен за счет трех ниш глубиной 0,75 м. На главной оси в центре ЮЗ стены в еще одной нише глубиной 0,75 м был устроен михраб, судя по следу на полу, шириной около 1,5 м и глубиной 1,2 м. Боковые арки зала опирались на элемент «А» портального пилона и на «михрабные пилоны», выступавшие внутрь за линию стены на 0,75 см. В восточной части этого зала, под кирпичной вымосткой пола, обнаружен клад монет, завернутых в 11 тряпичных узелков (цвет. рис. 2).

Широкий портал обращен в закрытый двор, в центре которого на оси *михраба* расположен колодец с неким капитальным сооружением над ним, а далее – широкий (16 м) и глубокий (6 м), открытый во двор айван. Северная сторона мечети расчищена лишь по уровню айвана последнего/верхнего строительного горизонта (СГ2). Первоначальная планировка этой части мечети не выявлялась, поскольку в целях наглядности для дальнейшей музеефикации решено было сохранить частично и остатки верхнего периода. Сам же входной портал перед *михрабным залом* мог выглядеть примерно так, как на реконструкции (см. рис. 2).

Эта «михрабная ось симметрии» перпендикулярна оси, проходящей через центр входного (с городской площади) портала, который устроен в юго-восточной фасадной стене с некоторым смещением от середины к северу, т.е. входной портал ассиметричен по отношению ко всей постройке. Такой необычный план комплекса был, очевидно, продиктован местоположением мечети – она замыкала северо-западную сторону прямоугольной площади, и при этом было необходимо по традиции ориентировать михраб, а значит, одну из главных осей композиции плана, на юго-запад. То есть архитекторам пришлось решать задачу аналогичную той, что и при планировке мечети Тахла-кари на Самаркандском Регистане. В обоих случаях ось входного с площади портала перпендикулярна оси «михрабной» оси симметрии.

Если входной портал в мечеть со стороны площади сдвинут от середины ЮВ фасадной стены к северу, то в южной части вдоль фасада была построена *тахараатхана*. Это была довольно обширная постройка (10x12 м), очевидно, общественного назначения

с сырцовыми стенами и вымощенными обожженным кирпичом полами. Расчищены остатки общего зала с фигурной кладкой пола и четыре отдельные кабинки с водоотводными устройствами/*ташнау*. Подобные специализированные постройки - обязательный атрибут крупных мусульманских культовых комплексов. Эта постройка возведена явно несколько позже времени сооружения мечети (уровень ее пола на 0,45-0,55 м выше первоначального пола мечети), но в период, когда мечеть функционировала по своему прямому назначению. Полностью план этой постройки остался до конца не выявленным.

Наружный контур внешних стен комплекса мечети образует прямоугольник размерами примерно 31х33,5 м. Его восточная и западная стороны могут быть реконструированы как сквозные открытые во двор купольные галереи. Помещения №№ 7 и 9, расположенные по сторонам портала михрабной части, были открыты арочными проемами внутрь двора. Так же, впрочем, как и «помещения» №№ 11 и 12, и следующие за ними к северу подкупольные «помещения» боковых галерей. Об этом свидетельствуют пороги-«*данадана*» шириной 2,5 м, отделявшие объем двора от интерьеров этих помещений.

Зафиксированные расстояния между колоннами и пилонами, которые перекрывались арками, система которых, в свою очередь, служила основанием для куполов, равны или близки значению 2,75 м. Т.е., можно предположить, что малые купола, перекрывавшие «помещения» мечети, были диаметром около 3-х м, а диаметр большого купола над «михрабным залом» был равен 6 м.

В центре двора, вокруг провала дудки колодца, выявилась конструкция (основания стен) прямоугольного плана. Ее размеры 4,4х4,95 м, а стены из обожженного кирпича местами сохранились в высоту девяти слоев кладки, местами же разобраны до основания. Со стороны входа в «михрабный зал» мечети толщина стены этой постройки 0,65 м, с других сторон - 1,2-1,3 м. Ясно видно, что с этих трех сторон толщина стены увеличена (удвоена) за счет дополнительной обкладки из кирпичных обломков. Т.е. первоначальный план этой постройки был подквадратный (цвет. рис. 3). При этом осталось не ясным, было ли это сооружение над колодцем в виде небольшого купольного (или сводчатого?) помещения, или же вокруг устья колодца была сооружена ступенчатая платформа прямоугольного плана.

Наружные стены мечети, как выше отмечалось, разобраны, как правило, до основания. Наибольшую сохранность в 9-10 слоев кладки имеет участок СВ фасадной стены справа от входного портала. Это участок стены большого углового помещения (5,2х5,6 м), которое функционировало и во второй период в качестве керамической мастерской (рис. 1).

После того, как мечеть перестала функционировать по прямому назначению, на ее значительной части была устроена и продолжительное время функционировала керамическая мастерская. Возможно, какие-то части здания мечети уже были разрушены, другие приспособлены. В это период в угловом помещении была построена большая круглая

*Рис. 2. Реконструкция части жума мечети Саурана
(рисунок Имажанова Н.)*

(диаметр 2,0 м) двухъярусная печь для обжига керамики. Сохранилась часть поверхности пода обжиговой камеры с регулярными отверстиями-продухами, опиравшегося на купол нижней огневой камеры (цвет. рис. 4). Устье печи обращено в угловое помещение, которое, очевидно, служило мастерской, где мог стоять гончарный круг быстрого вращения. При расчистке над полом зафиксирован слой золы с фрагментами бытовой керамики. Перед входом в помещение имеется обширная пониженная прямоугольная площадка. В кирпичной отмостке поверхности пола отмечены выложенные поставленными на ребро кирпичиками очаги-сандалы.

Уровень пола айвана, расположенного вдоль СВ стороны, был поднят на 55-60 см над первоначальной поверхностью двора, так же как и в помещениях вдоль СЗ стороны двора. По краю айвана, обращенного во двор, зафиксированы основания трех колонн в виде массивных плоских камней, утопленных под уровень выстилки пола. Айван мог служить для первичной просушки керамических сосудов. Какова была планировка этой СВ стороны двора мечети, осталось не выясненным, здесь расчистка была остановлена на уровне позднего горизонта. Кстати, в помещениях вдоль ЮЗ стороны двора под уровнем новой/поздней отмостки пола, которая на 60 см выше первоначального пола, отложился слой из обломков и целых обожженных кирпичей, что может служить свидетельством тому, что до приспособления помещений под керамическую мастерскую их купольно-сводчатые конструкции уже были частично разрушены. При реконструкциях второго этапа обломками кирпичей была сооружена стена со стороны двора и вымощены новые уровни полов (цвет.рис. 3).

Ко второму периоду относится так же и круглый (диаметр 1,9 м) резервуар во дворе, ближе к углу с керамической мастерской, рядом с «колодезным сооружением». Резервуар был углублен на 50-65 см и обведен по кругу кладкой из обожженного кирпичика (цвет.рис. 5). Сохранилось три слоя этой кладки. К нему подходит с западной стороны выложенный обломками кирпичиков лоток-водосборник, который, огибая стены надколодезной постройки, пересекает весь двор мечети от ЮЗ до СВ угла (рис. 1). Скорее всего, эта круглая конструкция с лотком служила резервуаром для выдерживания (отмачивания) керамической глины.

Во втором периоде для свалки отходов производства керамики (брак, поломанный инструментарий, зола и пр.) служил ЮЗ угол мечети. Здесь был частично выбран мощный зольник с соответствующими находками (цвет.рис. 6). По ним можно заключить, что основной производимой в мастерской продукцией, были расписные глазурованные чаши. Найдены бракованные, «спекшиеся» в печи фрагменты.

Расположенная к северу от мечети постройка предположительно реконструируется как фундаментальное сооружение так же замкнуто-дворовой планировки с порталным входом, ориентированным на отрезок центральной улицы, и построенное на одной центральной оси с расположенным напротив медресе (раскоп 2) (цвет.рис. 1). В 2005 г. раскопом № 3 начата расчистка входного комплекса этого сооружения.²³ Часть постройки, примыкающая к мечети, расположена в глубине двора и, как оказывается, ее помещения непосредственно прилегают к наружной стене мечети. Таким образом, в этом месте внешняя СВ стена мечети являлась общей стеной двух общественных построек на центральной площади Саурана. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что масштабное общественное сооружение, вскрываемое раскопом 3, хронологически более позднее, чем вскрытая нами мечеть. Уровень основания ее стен, примыкающих к стене мечети, на 35 см выше уровня основания стен мечети, а уровень отмостки первоначального пола почти на метр выше первоначального уровня двора мечети. Хотя она построена позже мечети, но во время, когда мечеть еще функционировала по своему прямому назначению, т.е. до начала второго периода. Очевидно, что только в этот период можно было использовать наружную стену мечети как общую стену двух вплотную расположенных построек. Нужно отметить, кстати, что порог (*дандана*) мечети по уровню залегания находится ниже каменного порога медресе на 0,77 м. А полы помещений мечети ниже полов помещений медресе на 2,75 м, в то время, как порог и уровень вымощенного булыжником пола входного айвана архитектурного комплекса напротив медресе (раскоп 3) залегает практически на одном уровне с каменным порогом медресе.

Полученные в ходе расчистки этого архитектурного сооружения данные позволяют интерпретировать его как обширную «*кархану*», связанную с выплавкой железа и бронзы, обработкой рога и кожи. Так же как и в стратиграфии мечети, здесь четко фиксируется два основных периода, связанных с капитальными изменениями в этой части городской застройки.²⁴

В целом необходимо заключить, что нами полностью вскрыта соборная мечеть на Регистане Саурана. Ее планировка оказалась достаточно оригинальной, а сохранность конструкций вполне позволяет реконструировать планировку и отчасти архитектурный облик этого интересного здания (рис. 1; 2). По своему архитектурно-планировочному типу сауранская мечеть входит в группу среднеазиатских дворовых мечетей, отличаясь лишь меньшими параметрами, но, возможно, являясь наиболее ранней из них. Имеются в виду, прежде всего, соборные мечети Бухары (Калян), Самарканда (Биби-Ханым), Ташкента (Джами) и Отрара. По сути, они – разновидность одного и того же типа архитектурной композиции – развитого дворового комплекса, вытянутого по продольной оси, обведенного по периметру арочно-колоннадными галереями. Недавно открытые следы мечети на городище Бундик-ата (исторический Сыгнак) позволяют и ее причислить к этому же планировочному типу, но несколько меньших параметров.²⁵

Наличие двух четко фиксируемых периодов существования сауранской постройки свидетельствует о каком-то значительном историческом рубеже, после которого происходят существенные изменения в облике средневековых городов региона. Аналогичное явление зафиксировано и на Отраре. Здесь мечеть, существовавшая в XIV-XV вв., подверглась разрушению и разборке, а на ее месте возникла застройка рядовыми жилыми домами ремесленников.²⁶

Хронология. Самая ранняя монета из коллекции, полученной при расчистке завала на полу мечети, представлена серебряным чеканом от имени Тимура и Сияргатмышы, выпущенная, видимо, в Самарканде в последнем десятилетии XIV в. Аналогичная монета имеется в кладе № 58 серебряных монет Тимура и Тимуридов.²⁷ По этой аналогии, наша наш экземпляр и является стертым, он явно относится к чекану Самарканда 784/1382-1383 гг. К тому же времени принадлежит еще одна медная монета от имени Тимура, имеющая на Rv. тамгу в виде трех колец. Обычно подобные монеты чеканились в Самарканде в 785-786/1384-1385 гг. Но столь поздние монеты, по нашему мнению, отнюдь не могут датировать время строительства мечети. А установление этой даты важно для истории города Саурана, поскольку дата строительства мечети может быть связана с еще более значительной датой – временем перемещения города с городища Каратобе на место городища Сауран. Стратиграфические данные говорят, что жума мечеть было первым зданием на этом городском участке – она стоит на материке. Нужно вспомнить, кстати, что инструментальная нивелировка показала, что первоначальные полы мечети ниже полов помещений медресе на 2,75 м.

Малоинформативны в этом контексте и фрагменты от декоративного оформления здания. Вопреки ожиданиям, в развалинах мечети найдено мизерное количество фрагментов полихромной керамической облицовки. Немногочисленные образцы столь фрагментарны и невыразительны, что складывается впечатление, что на момент разборки заброшенного здания оно было лишено декора. Или глазурованная облицовка концентрировалась лишь в декоре

входных порталов, да и здесь она была еще весьма лаконичной. Привлекает внимание фрагмент глазурованного кирпичика, бывшего частью декоративной каймы или бордюра. Лицевая сторона имеет штампованный орнамент в виде плетенки с наколами в местах пересечения линий. Кирпичик покрыт глухой глазурью бирюзового цвета. Он найден при расчистке входного портала в мечеть и может быть определенно отнесен к элементам первоначального декора. При расчистке михрабной части мечети так же был найден небольшой фрагмент глазурованной бирюзовой декоративной плитки с резным (штампованным) растительным узором. В развитии архитектурной декоративной керамики подобная технология распространяется в первой половине XIV в. Обычно этот декоративный прием – использование глазурованных резных элементов присутствует очень в ограниченных масштабах, преимущественно в декоре входной части зданий, где орнамент располагается в виде лент с бордюрами по контуру «П»-образного портала. В комплекте с этим резным кирпичиком смотрятся другие маленькие фрагменты покрытых бирюзовой глазурью плиток.

Историческая интерпретация. При сложившихся обстоятельствах, когда ни монетный материал, ни другие археологические находки не дают оснований для точной датировки постройки объекта (даже в пределах 0,5 в. – *Е.С.*), исследователь имеет возможность использовать сведения других исторических источников. Так, в известных письменных источниках в числе городов, захваченных в 1207–1208 гг. Хорезмшахом Мухаммедом и в 1220 г. Чингиз-ханом, город Сауран не упоминается. Из чего можно заключить, что он не оказывал существенного сопротивления нашествию монгольских полчищ и поэтому не подвергся разрушению. Город смог быстро оправиться, чтобы уже в 1254 г. быть «весьма велик», как отметил хронист, описывавший путешествие армянского царя Гайтона (Гетума) в ставку Великого хана.²⁸ Но это упоминание, скорее всего, относится к городу, который еще находился на месте раннего городища Каратобе, верхний горизонт которого, как показали раскопки, достоверно относится к XIII в.²⁹

С момента обособления Ак-Орды во второй половине XIII в. город Сауран входит в состав последней. Согласно сведениям «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» Му'ин ад-дина Натанзи, в Сауране был похоронен умерший в 1320 г. правитель Ак-Орды – Сасы-Бука. Сын его Ерзен (ок. 1320–1345 гг.), по словам того же источника, построил в Отраре, Сауране и других городах много медресе, ханака и мечетей.³⁰ Вполне вероятно, что как раз в этот период, во время правления хана Сасы-Буки, или в конце XIII – начале XIV вв., и происходит перемещение города на новое место. В этот период город Сауран стал временами играть роль столицы Ак-Орды. Возможно, что именно при Ерзен-хане, если не раньше, и была построена мечеть на центральной городской площади. Во всяком случае, Натанзи характеризует четвертьвековой период правления Ерзен-хана как период такого процветания, какого никто

в слухе не видел после «и во сне».³¹ Перемещение столичного города одного из государственных образований, возникших на развалинах Великой Орды, вполне возможно, объясняется стремлением новых правителей выйти из-под налогового гнета каракорумских баскаков. Возможно, город на новом месте считался Новым городом, свободным от старых налоговых обязательств. Т.е. и в случае с Саураном, кроме прочего, сработал тот же фактор, о котором применительно к городам Поволжья неоднократно упоминал Г.А. Федоров-Давыдов.³² Стремление местной элиты выйти даже из-под номинальной власти Великих ханов, было достаточной дополнительной мотивацией или поводом для осуществления больших градостроительных проектов.

Т.е., возможно, что само перемещение города было связано с существенной перестройкой государственно-политического устройства, связанной с распадом монгольской империи и появлением на просторах Евразии новых государственных образований. В последующем Сауран продолжал временами играть роль «столичного» центра, являясь резиденцией наместников разных династий. В уже упоминавшемся труде Натанзи, повествующем о перипетиях, связанных с планом Эмира Тимура посадить на престол Ак-Орды своего ставленника Токтамышша. При этом отмечено, что Тимур «...отдал приказ, чтобы украсили его (Токтамышша) именем грамоту на управление Туркестаном. Когда Токтамышш получил желаемое, прибыл в столицу Сауран».

В период борьбы Токтамышша с правителем Ак-орды Урус-ханом и его сыновьями, Сауран несколько раз переходил из рук в руки. Затем, во время войны Токтамышша с Тимуром, он был занят войсками Тимура и вошел в состав его государства, о чем свидетельствует и то обстоятельство, что в 1388 г. Токтамышш осаждал его, но безуспешно.

В конце первой четверти XV в. к власти в Ак-Орде пришел внук Урус-хана Барак, в 1427 г. он разгромил войска внука Тимура Улугбека и разорил часть городов Мавераннахра. В числе разоренных им городов был, по-видимому, и Сауран. Но победа эта не закрепилась, так как лишь в 40-х гг. XV столетия новый хан Восточного Дашт-и Кыпчака Абулхайр-хан смог завоевать Сыгнак и несколько других городов, среди которых, был, возможно, и Сауран.

В конце 1470-х или начале 1480-х гг. первыми ханами возникшего в западных районах Могулистана нового государства «Казахского ханства» — Жанибеком и Кереем — было нанесено жестокое поражение преемнику Абулхайр-хана — Шайх-Хайдар-хану. При этом казахи заняли значительную часть территории Узбекского ханства Абулхайр-хана и в том числе город Сауран. По сообщению Хондемира, узбекский хан Мухаммад Шайбани в самом начале своей карьеры (90 гг. XV в.) «...около Собрана был разбит наголову тамошним владельцем Иранджи-ханом, сыном Джанибек-хана».³³

Всередине 1490-х гг. после получения от тимурида Султан Махмуд-хана по договору города Отрара «...жители Собрана из преданности к Шайбани-хану отказались от повиновения своему даруге (правителю) Кул-Мухаммед-Тархану, сыну Мухаммед-Мезир-Тархана (правителя

Туркестана) и отослали ключи города и крепости к Махмуд-хану (брату Шейбани-хана). Махмуд занял Собран, но вскоре Бурундук-хан (казахский хан) по наущению эмира Мухаммед-Тархана приступил к Собрану, жители этого города, как какие-нибудь непостоянные люди, не выдержали своего характера... толпа главнейших из среды их напала на Махмуд-султана и выдала его Касым-султану». В последующие годы Сауран несколько раз переходил в руки то к шибанидам, то к казахским султанам, пока, в конце концов, не остался в руках узбеков, настолько усилившихся к началу XVI в., что Шайбани-хану удается не только укрепить свою власть в Дешт-и Кыпчаке, но и захватить почти весь Мавераннахр.

Вполне вероятно, что именно в этот период (первая половина XVI в.), в связи с укреплением над Саураном власти шибанидов, с которыми, как известно, пришла в среднеазиатские оазисы и города очередная мощная волна кочевых и полукочевых племен ни культурно, ни этнически, ни исторически не связанных с прежними городскими общинами, с древней местной городской культурой, здесь происходят существенные преобразования выразившиеся, в частности, в разрыве с прежними традициями. Вероятно, в присырдарьинских городах, частично запустевших в период непрерывных войн, произошла значительная смена населения. Именно в этот период было возможно такое, что бы центральные культовые сооружения таких крупнейших городов, как Отрар и Сауран, соборные мечети, забрасываются, застраиваются какими-то лачугами (Отрар) или в них устраиваются керамические мастерские (Сауран). А при реконструкции главных северных ворот Саурана использовались в качестве бутового камня священные каменные надгробья.

Но, тем не менее, город продолжал оставаться важной крепостью и торгово-ремесленным центром в регионе. По словам В.В. Бартольда, основанным на исторических свидетельствах письменных источников, в XVI в. Сауран представлял собой мощную крепость с высокими стенами и глубоким рвом.

В начале этого же столетия для снабжения Саурана питьевой водой, согласно сообщению Васифи, на средства уроженца города и духовного магната Мир-араба силами 200 индийских рабов были сооружены кяризы, начало которых находилось на расстоянии около фарсаха от Саурана.

В книге «Большой Чертеж», составленной, по-видимому, в конце XVI в. и в начале XVII в., Сауран значится видимо под именем «Ясырвана», о нем сказано: «На реке же на Сыре, от Сунака града 90 верст горой Ясырван. А от Ясырвана града 100 верст град Туркустан».

В 1582 г. (после разгрома войск Баба-султана войсками узбекского хана Абдуллы II) Сауран опять заняли узбеки. По сообщению Хафиз Таныша, в 1579 г. Баба-султан, захвативший Ташкент, желая обезопасить свои владения от казахов, передал им город Сауран и всю область Ясы (Туркестан).

В 1598 г. Сауран, как и почти вся северо-восточная часть Мавераннахра, был завоеван казахскими войсками, во главе с Таукель-ханом. С этого времени и вплоть до 1725 г., т.е. до захвата этого района

ойратами (западномонгольскими племенами), город Сауран входил в состав Казахского ханства. Вполне вероятно, что после ойратского завоевания Сауран окончательно запустевает и теряет функции крупного торгово-экономического центра региона и эта роль окончательно переходит к городу Туркестан.

Хотя раскопки вокруг «Сауранского Регистана» еще далеки от завершения, можно с уверенностью говорить о том, что на центральной городской площади Саурана мы имеем великолепный образец внутригородского ансамбля культовых сооружений XIV–XVI вв., оформлявших центральную городскую площадь. Возможно, основные пространственной композиции и планировки этой, явно наиболее репрезентативной части городской застройки, были заложены в исторический период формирования новых политических образований. Реализация столь масштабного градостроительного плана была возможна лишь в столичном городе, как осуществление централизованной политической воли, начало которой было положено самим фактом смены местоположения и закладки фактически нового города на ранее почти пустом месте. Ханы молодого государства, не уступая представителям других постмонгольских династий, вели активное строительство, осуществляя амбициозные архитектурные проекты. Вполне вероятно, что как раз в этот период, во время правления хана Сасы-бука, происходит перемещение города на новое место, а при Брине была построена сауранская мечеть. При этом естественно, что авторы архитектурных и градостроительных проектов работали в общем русле развития градостроительства и архитектуры Центральной Азии.

Түйін

Е.А. Смағұлов

ОТЫРАР МЕН САУРАН МЕШІТІНІҢ АРХЕОЛОГИЯСЫ

Сауран қаласындағы көп жылдық археологиялық зерттеулер нәтижесінде бірқатар монументалды архитектуралық құрылыстарды ашылды. Қаланың орталық алаңында орналасқан қалалық жума мешітін зерттеудегі материалдар жарияланады. Мешіттің жоспарынан тамаша михраб бөлігі бар аркалы-күмбезді галереямен қоршалған аулалы екендігін анықталды. Қолда бар материалдар бұл құрылысты қаланың ең ежелгі архитектуралық құрылысқа жатқызуға, яғни XIII ғ. аяғы – XIV ғ. басында оны ауыстырғаннан кейін, бұл орындағы құрылысты болжаммен Ерзен ханмен байланыстыруға мүмкіндік туғызады.

Abstract

E.A.Smagulov

ARCHAEOLOGY OF MOSQUES OF OTRAR AND SAURAN

The row of monumental architectural constructions was revealed and excavated during many years of archaeological researches of Sauran site. In the article there are published the materials of the research of town Friday/zhuma mosque which was situated on the central town square. Planning of mosque is defined like the yard shaped one in a circle of arch-cupola galleries with the developed mikhrab part. Available materials let to refer present construction to the earliest architectural constructions of town after its replacement to this place in the late XIII – early XIV century and to connect its construction hypothetically with the name of Erzhen-khan.

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987. - С. 103-112.
2. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв. - С. 104.
3. Байпаков К.М., Воякин Д.А. Городище Отрар // Свод памятников истории и культуры ЮКО. Отрарский район. - Алматы, 2007. - С. 211.
4. Байпаков К.М., Ходжаев М.Б. Раскопки архитектурного ансамбля конца XIV-нач. XV вв. на Отраре // Города Туркестана. - Алматы, 1999. - С. 164.
5. Имажанов Н., Бейсембаева Л. Соборная мечеть средневекового Отрара (опыт графической реконструкции) // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2003. - № 3. - С. 248.
6. Смагулов Е.А., Ерзакович Л.Б. Исследование ди эпохи Тимура в Отраре // Амир Тимур ва дунӣ тарихидаги урни. - Самарканд, 1996. - С. 97-98.
7. Байпаков К.М., Ходжаев М.Б. Раскопки архитектурного ансамбля конца XIV-нач. XV вв. на Отраре // Города Туркестана. - Алматы, 1999. - С. 157-164. Позже от такой экзотической трактовки пришлось отказаться (Байпаков К.М., Воякин Д.А. Городище Отрар // Свод памятников истории и культуры ЮКО. Отрарский район. - Алматы, 2007. - С. 211).
8. Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. - М., 2003. - С. 138-140.
9. Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств // Казахстан в XV-XVII вв. - Алма-Ата, 1969; Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. - Алматы, 2005.
10. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. 5. - С. 97-101; Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс // Известия НАН РК. Серия. обществ. наук. - 2007. - № 1 - С. 132.
11. Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс... С. 126-142.
12. Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс... С. 126-135; Смагулов Е.А. Древний Сауран. - Алматы, 2011.
13. Ақылбек С.Ш. Медресе Саурана // Матер. междунар. науч. конф. «Роль степных городов в цивилизации номадов», посв. 10-летию юбилея г. Астана. - Астана, 2008. - С. 321-329.
14. Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Лушпенко О.Н. Продолжение исследования объекта №3 на центральной площади Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2009 года. - Алматы, 2010. - С. 230-231.
15. Смагулов Е.А. Город Сауран: перспективы исследования, консервации и музеефикации // Отан тарихы. - 2000. - № 1-2. - С. 100-109.
16. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. - Астрахань, 2011. - С. 28.
17. Раскопочные работы на позднем Сауране ведутся под общим научным руководством академика К.М. Байпакова. Помимо сотрудников Института, в работах на Сауране участвуют С. Ақылбек (с. Шаульдер), А. Ержигитова (г. Шымкент), О. Лушпенко, Н. Столярова (г. Ташкент), Т. Крупа (г. Харьков), А. Жумабаев (г. Бишкек), Э. Зиливинская, С. Яценко (г. Москва).
18. Хмельницкий С.Г. Между саманидами и монголами. - Берлин-Рига, 1996. - Ч. 1. - С. 69.
19. Шукуров Ш.М. Образ храма. - М., 2002. - С. 30.
20. Слой глиняной «заливы» в 1,1 м толщиной (Имажанов Н., Бейсембаева Л. Соборная мечеть средневекового Отрара... С. 252) или «ленточная пахса» в археологических описаниях.
21. На плане рис. 2 подкупольные пространства помечены как условные «помещения» - п. 1, 2, 3, а кирпичные устои/пилоны - просто номерами без буквенного индекса -1, 2, 3.
22. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX - нач. XX в.) - Ташкент, 1980. - С. 115-118.

23. Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Туякбаев М.К., Талеев Д., Бейсебаев А., Железняков Б. Исследование городища средневекового Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 году. - Алматы, 2005. - С. 304-307.
24. Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Лушпенко О.Н. Отчет об исследованиях на центральной площади Саурана // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 г. - Алматы, 2011. - С. 132-136, рис. 1.
25. Жолдасбаев С., Нурханов Б., Мунгабаев С., Бахытбаев М., Амантунов М. Археологические исследования на средневековом городище Сыгнак в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2009 году. - Алматы, 2010. - С. 248-249.
26. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987. - С. 103-109.
27. Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. - М. 1979. - С. 266.
28. Ганзакеци Киракос. История Армении. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии Л.А. Ханларян. - М., 1976. - С. 224.
29. Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования Древнего Саурана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2009. - № 1. - С. 236-257.
30. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (СМИЗО). - М.-Л., 1941. - Т. 2. - С. 129-130.
31. Сборник материалов... С. 129-130.
32. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. - Москва, 1973. - С. 80.
33. Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств // Казахстан в XV-XVII вв. - Алма-Ата, 1969. - С. 17-18.

Т.М. Тепловодская, О.В. Кузнецова

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ОТРАРА XV - НАЧАЛА XVII ВВ. (ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Среди средневековых городов Казахстана Отрар занимает особое место. Он является центром оазиса в среднем течении Сырдарьи. Сырдарья, который занимал в Южном Казахстане узловое положение и упоминается почти во всех географических и исторических сочинениях средневековых авторов. Отрар - это центр большого сельскохозяйственного района, являвшийся местом пересечения караванных путей, одна из опорных крепостей кочевников.

Начиная с 1971 г., Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция исследовала городище Отрар сплошными широкими площадями. Многолетние работы по уровню верхнего слоя позволили определить характер городской застройки на площади около 5 га в северной (раскоп I), южной (раскоп II), юго-западной (раскоп III), восточной (раскоп IV) и центральной (раскоп VI) частях городища, площадь которого 20 га. Был выявлен так называемый основной строительный горизонт, присутствующий на всех раскопах и датированный XVI - первой половиной XVII в.; отдельные участки более поздней застройки были отнесены ко второй половине XVII—XVIII вв.¹

Для керамики XV - начала XVII в. Отрара характерно значительное разнообразие форм и типов глазури. В Отраре керамика XV века получена из слоев II—VI строительных горизонтов. Изделия этого периода представлены чашами, небольшими пиалами, блюдами, тарелками, тагора, кружками, горшковидными сосудами (табл. I, рис. 1-9). Причем, в каждой из перечисленных групп можно выделить подгруппы, т.к. сосуды отличаются друг от друга разными деталями (различия в оформлении поддонов, венчиков, в профилировке изделий). Изделия XV в. отличаются богатством цветовой гаммы. Керамические изделия покрыты поливой изнутри и снаружи почти до поддона.

Керамика с прозрачной желтой поливой и подглазурной росписью представлена высокими чашами на кольцевом и дисковидном поддонах. Роспись с линейно-геометрическими мотивами. Подглазурной основой служил ангоб, изготовленный из белой глины со значительным содержанием кремнезема или раствора извести и гипса. Для изделий этой группы характерна глянцевая с сильным блеском, прозрачная окрашенная глазурь. Глазурь легкоплавкая, свинцово-кремнеземистая с незначительным содержанием натрия и довольно высоким содержанием кальция. Изготовлены чаши из карбонатной и ожелезненной глин, смешанных чаще в пропорции 1:1, реже - с преобладанием ожелезненной; естественной примесью во всех образцах являются полевой шпат, кварцит и редкие включения бурого железняка, искусственной - очень незначительная примесь пуха рокозы.

Табл. 1. Поливная керамика XV – начала XVII в.

Немногочисленную группу составляет керамика с желтой поливой по красно-коричневому фону с подглазурной белой и реже баготно-зеленой росписью, которая, как и предыдущая группа, была широко распространена в XIV в. В росписи преобладают линейно-геометрические мотивы. В качестве красителя глазури использованы окиси железа и сурьмы. Роспись выполнена белой ангобной краской поверх красноглиняного ангоба техникой рельефа.

Так же в незначительном количестве продолжают бытовать распространенные в XIV в. изделия с зеленой поливой по темно-красному ангобу. Слегка рельефная роспись белой ангобной краской хорошо выявляет цвет поливы. В росписи преобладают геометрические мотивы – сетка, полосы. Глазурь свинцово-щелочная, легкоплавкая, глянцевая, стекловидная, достаточно хорошо проварена. Подглазурная основа – красный ангобом, изготовленным из глины с очень высоким содержанием окиси железа. Изготовлены чаши из ожелезненной глины с добавлением пуха рогозы. Черепок пористый, мелкозернистый, звонкий с небольшим бархатистым блеском. Химический состав теста одинаков, но в количественном соотношении компонентов наблюдаются небольшие различия.

Очень близка к ним керамика, одна сторона которой покрыта зеленой поливой, другая – желтой. На внешней поверхности роспись в виде арочек, выполненная минеральными красителями – окислами железа и марганца. Глянцевая свинцово-щелочная глазурь с сильным блеском нанесена ровным слоем на светло-глиняный ангоб или непосредственно на черепок. Зеленый цвет глазури придали окислы меди, которые в сочетании с другими компонентами придали различные оттенки.

Вышеописанные типы изделий продолжают традиции XIV в. и в слоях XV в. они составляют около 25%.

Изделия с бесцветной поливой и подглазурной росписью коричневым и голубым цветом. Это самая многочисленная группа керамики. В росписи геометрические мотивы сочетаются с растительными. По химическому составу выделяются два вида щелочных глазурей. Кроме того, в обоих видах глазури можно выделить несколько вариантов, различающихся по количественному содержанию компонентов. Как показали анализы, в качестве красителей были использованы два окисла – меди и марганца, которые при различной атмосфере обжига и в сочетании с другими компонентами дали разнообразные цвета росписи от темно-голубого до черного.

Изделия с бесцветной поливой и монохромной росписью. Орнамент – сочетание растительных и геометрических мотивов. Спектрографически выделяется два типа щелочных глазурей: Na-K-Ca-Mg-Al – силикатная с незначительным содержанием окиси свинца и Na-Ca-Mg-Al – силикатная с высоким содержанием свинца. При почти одинаковом химическом составе в обоих видах глазури выделяется несколько подтипов, различающихся и по количественному содержанию компонентов и по их соотношению. Выделяются формовочные массы с повышенным содержанием окиси железа, алюмосиликатов, окисей кальция, магния.

Керамика с голубой поливой и одноцветной росписью. В слоях XV в. было найдено довольно большое количество фрагментов изделий с голубой различных оттенков поливой и подглазурной гравировкой, подобных встречавшимся в слоях XIV в.

К вышеописанной керамике примыкают изделия с голубой поливой без росписи и гравировки. Это чаши на кольцевом поддоне со слегка отогнутой наружу закраиной. На некоторых образцах по венчику проведена узкая черная полоска

Изделия с голубой поливой и одноцветной подглазурной росписью. Керамические изделия этой группы составляют 35% всей керамики, найденной в слоях XV в. Кроме тонкостенных чаш на кольцевом поддоне, в эту группу входят небольшие пиалы, тарелки и кружечки с маленькими петлевидными ручками. Орнамент растительный (побеги, листья) и геометрический (точки в центре дна, волосы, круги, арочки). Роспись двух цветов – черная и коричневая нескольких оттенков. В качестве красителя росписи использована окись марганца.

Изделия зеленой поливой представлены формами, аналогичными выше описанным, а так же несколько фрагментов, видимо, широкогорлых кружинов, внутренняя поверхность которых покрыта поливой. Широко представлены неорнаментированные чаши, незначительная часть изделий имеет подглазурную гравировку. По химическому составу полива относится к типу свинцово-известковых и щелочно-свинцовых. В качестве красителя глазури использована окись меди, на оттенки цвета повлияли газовый и температурный режимы обжига и взаимодействие окиси меди с окислами натрия, олова, хрома, глинозема.

Изделия с бесцветной поливой и синей росписью, для которых характерна «статичная» и «отвесная» композиция орнамента, но встречается и свободная живописная композиция стилизованного растительного узора. На внешней поверхности часты пояса с заштриховкой, образующей ромбовидные ячейки. Основные мотивы росписи – розетки, спираль, рогообразные завитки, S-образные знаки, «восьмерки», а также растительные – многолепестковые бутоны, листья, побеги. По спектру росписи изделия разделяются на группы: с одноцветной синей росписью и с двухцветной росписью кобальтом и марганцем. Красителем во всех исследованных фрагментах является кобальт. Преобладает яркий синий цвет с фиолетовым оттенком – результат влияния на окись кобальта окисей натрия, свинца, марганца.

Таким образом, в XV в. в Отраре ремесленниками-гончарами применялись различные виды полив: 1) свинцово-кремнеземистые с незначительным содержанием натрия; 2) свинцово-известковые; 3) щелочно-свинцово-олово-силикатные; 4) свинцово-щелочные и 5) щелочные.

Изделия XV в. отличаются богатством цветовой гаммы: в росписи использованы, зеленый, голубой, синий, желтый, коричневый цвета различных оттенков. В качестве красителей использованы окислы металлов, которые при данных газовом и температурном режимах и в присутствии других окислов – составных глазури, дали разнообразную гамму цветов.

В изделиях XV в. зафиксировано несколько видов подглазурной основы: 1) черепок, 2) глиняный ангоб, 3) глина с очень большой добавкой кремнезема, 4) ангоб из раствора гипса и извести, 5) высококремнеземистый ангоб.

Черепок исследованных фрагментов не отмучен, но изготовлен из хорошо промешанного теста. Сырьем служили легкоплавкие, лессовидные карбонатные и ожелезненные глины. Все исследованные черепки отличаются высоким содержанием кремнезема, кальция, магния. Изделия этого периода отличаются разнообразием форм, изяществом и тщательностью отделки, высоким качеством поливы.

Керамика XVI – начала XVII в. получена из слоев основного строительного горизонта и представлена формами, аналогичными формам XV в., т.е. чашами, блюдами, тарелками, тагора (табл. I, рис. 10-14; табл. II, рис. 1-15). Для изделий этого периода характерны поддоны кольцевые, кольцевые с выступом, фигурные, распространены и дисковидные. По цвету поливы, росписи и орнаменту изделия разделяются на следующие группы.

Керамика с бесцветной поливой и одноцветной синей росписью, которая продолжает традиции XV в. В эту группу вошли чаши на кольцевом и кольцевом с выступом поддонах, тагора, тарелки, роспись двух видов: 1) двухсторонняя синяя с различными оттенками от светлого до почти черного; в ней преобладают растительные мотивы – виноградные грозди, побеги, листья, ветви и 2) роспись в центре дна чаши в виде завитка; креста, двух пятен или запятой.

Для изделий с росписью первого типа характерна глянцевая бесцветная, прозрачная полива. Керамика с матовой глазурью составляет небольшую часть коллекции. В составе глазури некоторых образцов зафиксирована окись олова, но чаще матовость является результатом заниженной температуры обжига и очень грубого размола глазурного сырья. На всех исследованных фрагментах глазурь тугоплавкая. Полива щелочная двух типов: Na-Ca-Mg-Al-Si и Na-K-Ca-Mg-Al – силикатная. Преобладают натриевые поливы. В обоих видах глазури в незначительном количестве содержится окись свинца, придающая больший блеск и несколько снижающая температуру плавления. Во всех исследованных фрагментах в качестве красителя использовался кобальт.

Тесто исследованных изделий различается по химическому составу. Черепок большей части образцов отличается высоким содержанием кремнезема. Используются легкоплавкие глины, смесь карбонатной и ожелезненной глины в разных пропорциях. Преобладает ожелезненная (содержанием Fe_2O_3 от 4,8% до 8,5%). Во всех образцах черепок отощенный. Естественными примесями чаще являются кварцит и полевые шпаты, реже гипс и известняк, искусственным отощителем – пух камышовых метелок, реже - шерсть. Обожжены черепки приблизительно на одинаковую температуру 950-1100°.

Изделия с бесцветной поливой и двухцветной росписью марганцем и синим различных оттенков. В эту группу входят чаши и небольшие пиала на кольцевом с выступом поддоне, тарелки, тагора, горшковидные сосуды с росписью, в которой преобладают растительные мотивы, а также чаши, в центре дна которых – синее пятно, обведенное коричневой каймой с расходящимися листьями и чаши с геометрическим орнаментом. Глазурь на всех исследованных фрагментах глянцевая

Табл. 2 Поливная керамика XVI – начала XVII в.

с сильным блеском, прозрачная, нанесена на ровный, плотный слой кремнеземистого ангоба толщиной 0,15-1,0 мм. По составу полива относится к классу щелочных, как и в группе с одноцветной синей росписью, в ней два типа: 1) Na-Ca-Mg-Al-Si и Na-Ca-K-Mg-Al – силикатная с незначительным содержанием окиси свинца. В изделиях этой группы богатая оттенками палитра синего цвета – ярко-синий с фиолетовым оттенком, светло-синий, синий глубокий и сине-лиловый. Очень часто сочетание синего и сине-лилового цветов. Красителем

является окись кобальта, различные оттенки которой придали примеси окисей марганца, натрия, калия, цинка, глинозема. Богат оттенками и коричневым цветом – ярко-коричневый, фиолетово-коричневый, фиолетовый нескольких оттенков и черный. Интенсивность цвета и оттенки его зависят и от количественного содержания окиси марганца, и от взаимодействия его с окислами железа (ярко-коричневый), натрия и калия (фиолетовые оттенки), хрома (черный).

По цвету черепка всю керамику можно разделить на: 1) изделия с желтым черепком и 2) изделия с красным и с различными оттенками – от светло-красного до темно-красновато-коричневого. Черепок в изделиях с желтым и светло-красным цветом излома тонкозернистый, пористый, глуховатый. В изделиях с более высоким содержанием железа черепок тонкозернистый, плотный, звонкий. Различаются черепки и по химическому составу. Различия проявляются в различной степени ожелезненности глиняных масс, в содержании кремнезема, алюмосиликатов и окисей кальция и магния.

Изделия с бесцветной поливой и трехцветной росписью.

Роспись – сочетание растительных мотивов с геометрическим орнаментом (ромбическая сетка или полосы по венчику). Глазурь глянцевая, прозрачная. По химическому составу выделяются два вида щелочных полив: Na-Ca-Mg-Al и Na-Ca-K-Mg-Al – с невысоким содержанием окиси свинца, в которых имеется несколько вариантов, различающихся по соотношению компонентов. В качестве красителей были использованы окислы кобальта, меди, марганца, хрома, никеля. На чистоту и яркость цвета оказали влияние окислы магния, титана, цинка, олова. В исследованных фрагментах взаимодействие окислов придало росписи следующую гамму цветов: окислы кобальта-меди-цинка – бирюзовый; окислы хрома-никеля – серо-зеленый; окислы кобальта-натрия-свинца – сине-фиолетовый; окислы кобальта – марганца – лиловый; окислы железа-хрома – черно-зеленый; окислы марганца-калия – фиолетово-коричневый. Черепок исследованных образцов изготовлен путем смешивания двух глин, преобладают черепки с ожелезненной глиной (около 68%) с незначительной добавкой пуха камышовых метелок и мелкорубленной соломки.

Керамика с бесцветной поливой и двухцветной росписью марганцем и голубой краской является самой многочисленной группой в коллекции Отрарской керамики XVI–XVII вв. По стилю орнамента в ней выделяется несколько подгрупп: 1) в центре дна голубое пятно, обведенное кремовым или черным кольцом с завитками вокруг него или с расходящимися листьями; 2) на дне сложные изображения цветочных кустов, ветвей, листьев; 3) обе поверхности или чаще внешняя украшены геометрическим орнаментом – ромбической сеткой, полосами, раскрученной спиралью и т.д. Нередки сочетания растительного и геометрического мотивов. Полива на всех исследованных фрагментах глянцевая, прозрачная. Нанесена глазурь толщиной 0,2–0,5 мм на мелкокристаллический, кремнеземистый ангоб, иногда со значительной добавкой беложгущейся глины. Химический

и спектральный анализ показали для изделий этой группы щелочную глазурь: Na-Ca-Mg-Al-Si и Na-K-Ca-Mg-Al-Si; свинцово-щелочную - Pb-Na-Mg-Al-Si. В качестве красителей использованы окислы меди и марганца, а различные оттенки голубому и коричневому цвету придало взаимодействие красителей с окислами железа, натрия, калия, цинка. Изготовлены сосуды из легкоплавких лессовидных глин, часто путем смешивания карбонатной и железистой глин в пропорциях: 1:1, 1:2, реже 2:1. Цвет черепка варьирует от желтого до желто-коричневого, от светло-коричневого до темновато-коричневого.

Керамика с бесцветной поливой и одноцветной росписью марганцем представлена чашами на дисковидном с врезным кольцом и кольцевом с выступом поддонах, тарелками и тагора. Роспись – растительные и геометрические мотивы – спираль, завиток, полосы, шпиревая розетка, стилизованная роза и т.д. Изделия покрыты глянцевой, чаще с сильным блеском, прозрачной поливой. По данным анализов глазурь щелочная Na-Ca-Mg-Al-Si и Na-Ca-K-Mg-Al-Si и свинцово-щелочная. Красителем во всех исследованных фрагментах является окись марганца. Изготовлены сосуды из плотного теста, черепок в изломе желтого, светло-коричневого, красновато-коричневого и красного цветов. Приготовлено тесто из легкоплавких, лессовидных, часто с высоким содержанием окиси железа глин, с естественной примесью кварцита и полевых шпатов, известняка, гипса, лимонита. Обогащен черепок органической примесью – пухом рогозы, шерстью, мелко рубленной соломкой. Обожжены изделия в окислительной среде, к, видимо, недостаточный температурный и газовый режим придали черепку некоторых изделий сероватый оттенок.

Немногочисленную группу составляет **керамика с бесцветной поливой и брызгами внутри**. Роспись выполнена минеральными красителями – окислами меди, марганца, кобальта. Снаружи двухцветная роспись – фриз из колец, выполненный марганцевым красителем и широкая голубая полоса. В основном, это чаши на кольцевом с выступом поддоне. Изделия покрыты глянцевой, прозрачной глазурью. Глазурь щелочная, Na-Ca-Mg-K-Al-Si с невысоким содержанием окиси свинца. Роспись выполнена минеральными красителями – окислами меди, марганца, кобальта. Тесто плотное, приготовлено из лессовидной, железистой, песоченной глины с незначительной примесью пуха рогозы.

Значительное место в отарской коллекции занимает керамика с окрашенными поливами. Она делится на несколько типов.

Изделия с двухсторонней темно-зеленой поливой представлены, главным образом, чашами и блюдами. Орнамента нет. Полива щелочно-свинцовая, с незначительным содержанием окиси натрия, окрашена окислом меди. Черепок тонкозернистый, плотный, желтого или коричневого цвета. По химическому составу черепки несколько различаются. Можно выделить формовочные массы с повышенным содержанием окисей кальция, магния, кремнезема. Кроме изделий с темно-зеленой поливой нередко фрагменты со светлой серо-зеленой поливой разных оттенков. Спектрографически установлено, что эти

изделия также покрыты щелочь-свинцовой глазурью; основным красителем также является окись меди, а серый оттенок цвету придали или окислы никеля и глинозема, или отсутствие в некоторых образцах подглазурного ангоба.

Керамика с голубой поливой представлена чашами и пиала на дисковидном и кольцевом с выступом поддонах, тарелками, иногда с зубчатым или волнистым краем и горшковидными сосудами. Росписи нет, лишь некоторые фрагменты тарелок по бортику и донца чаш украшены тонколинейной подглазурной гравировкой. Глазурь на всех исследованных фрагментах глянцевая с сильным блеском, прозрачная, твердая. Глазурь щелочная: Na-Ca-Mg-Al-Si; Na-Ca-Mg-Al-Si – с незначительным содержанием окиси свинца. В качестве красителя использована окись меди, различные тона которой придали окислы натрия (темно-голубой), калия (яркий голубой), цинка (зеленоватый оттенок), олова (светло-голубой). Большинство чаш изготовлено из плотного теста, которое при обжиге приобрело желтый, светло-коричневый и красноватые различных оттенков тона.

Керамика с голубой поливой и одноцветной росписью. В эту группу входят чаши на кольцевом с выступом поддоне, тарелки, тагора. В росписи преобладают растительные мотивы – цветочные розетки или куст, растительные побеги, завитки. Обязательной подглазурной основой является высококремнеземистый, мелкокристаллический ангоб, в котором на большинстве фрагментов образовался тонкий промежуточный слой. Согласно данным химического и спектрального анализов глазурь трех типов: Na-Ca-Mg-Al-Si; Na-K-Ca-Mg-Al-Si с очень незначительным содержанием свинца и свинцово-щелочная.

Основным красителем росписи является окись марганца, взаимодействие ее с окислами железа и натрия, придало коричневый, черный и фиолетово-коричневый цвета. Сама глазурь окрашена с помощью окиси меди. На различные оттенки, глубину и сочность голубого цвета повлияли окислы натрия, калия, цинка, глинозема. Черепок тонкозернистый, чаще пористый, желтого, светло-коричневого, красноватого цвета. Для изготовления сосудов использованы легкоплавкие лессовидные слабо- и сильноожелезненные глины. Часто использован прием смешивания двух глин.

Керамика с тамгообразными знаками составляет немногочисленную группу в коллекции отрарской поливной керамики и представлена чашами на кольцевом, реже дисковидном поддонах и тарелками. Знаки в виде прямого (+) или косоугольного (x) креста, завитка, стилизованной птички, пятна, одной (/) или удвоенной прямой (//) выполнены синей или марганцевой краской в центре дна под прозрачной бесцветной или окрашенной поливой или прорезаны на поддонах с внешней стороны.²

На основании аналитических данных мы можем утверждать, что XVI–XVII вв. являются периодом развития и совершенствования технических приемов, появившихся в предшествующие периоды. В гончарном производстве Отрара произошли значительные изменения.

В этот период ведущими становятся щелочные глазури – Ca-Sa-Mg-Al-Si и Na-K-Mg-Ca-Al-Si нескольких вариантов и свинцово-щелочные. Окись свинца, скорее всего, является сопутствующим элементом. Изменения наблюдаются и в цветовой гамме изделий: в росписи преобладают синий, голубой, коричневый цвета различных оттенков. Значительно реже стал применяться зеленый цвет и полностью исчез желтый и красный. В качестве красителей использовались окислы меди, кобальта, марганца. Смену красителей, видимо, можно объяснить технологической необходимостью: широкое распространение щелочных глазурей заставило гончаров искать новые красители.

Применение щелочных глазурей – растворимых оснований – привело к тому, что обязательной подглазурной основой стал высококремнеземистый ангоб. Изготовлены изделия из легкоплавких, аморфных, с разной степенью ожелезненности глин. В тесте изделий, изготовленных из смеси глин, большей частью преобладает ожелезненная. По химическому составу черепки однородны, есть лишь небольшие различия. В количественном содержании основных компонентов и микропримесей.³

Этот период не ознаменовался появлением новых форм. Отмечены лишь некоторые изменения в отделке сосудов. По-прежнему, сосуды изготовлялись на быстровращающемся круге.

В коллекции керамики этого периода появляются изделия со знаками, которые, по мнению исследователей, совпадают с чертанием родовых тамг некоторых казахских племен. Результаты анализов показали, что изделия со знаками, выполненными до обжига, по технологическим признакам не отличаются от остальной керамики XVI–XVII вв., являются продукцией местного производства и изготовлены в нескольких мастерских не ранее XVI в.

Керамика Отрара XVI – начала XVII вв. имеет аналогии со средневековой керамикой Хорезма, Нисы, Ахсикента, Ташкента, Үргенча, Сузака.⁴ Это касается форм и декоративного оформления изделий. Сравнение результатов анализов изделий Отрара и керамики других южно-казахстанских городов (Сауран, Культобе, Ран) позволило выявить общие черты и различия в технологии изготовления керамики. Эти различия касаются состава полив, набора красителей, состава теста. Эти различия связаны как с разной технологией приготовления глазурных и формовочных масс, так и с разными сырьевыми источниками.

Түйін

Т.М. Тепловодская, О.В. Кузнецова
ОТЫРАРДЫҢ XV Ғ. – XVII Ғ. БАСЫНДАҒЫ СЫРЛЫ КЕРАМИКАСЫ
(технологиялық аспект)

Мақлада Отырардың XV ғ. – XVII ғ. басындағы сырлы керамикасы технологиялық аспектіде қарастырылады. Технологиялық сипаттамасына байланысты, ыдыстардың пішіні – типологиясы, керамиканың декорына олар топтарға бөлінген. Авторлар Отырардың XV ғ. – XVII ғ. басындағы керамикасы ортағасырлық Хорезм, Ниса, Ахсикент, Ташкент, Үргеніш,

Созак керамикаларымен ұқсастығы бар деген қорытындыға келеді. Отырар бұйымдары мен оңтүстік қазақстандық басқа да қалалардың керамикаларына алынған анализ нәтижелерін салыстыру керамиканы дайындау технологиясының жалпы кескіні мен әртүрлілігін анықтауға мүмкіндік берді. Бұл әр түрлілік сырдың құрамына, бояу жиынтығына, көзелік саздың құрамына қатысты. Бұл әр түрлілік шынылтыр мен пішіндік массаны дайындаудың түрлі технологиясына, түрлі шикізат көздеріне байланысты.

Abstract

T.M.Teplovodskaya, O.V.Kuznetsova GLAZED CERAMICS OF OTRAR OF THE XV- EARLY XVII CENTURY (technological aspect)

Glazed ceramics of Otrar of the XV – early XVII century in technological aspect is considered in this article. Ceramics is divided into the groups in dependence of technological characteristics and forms of vessels-typology and decor. Authors came to conclusion that ceramics of Otrar of the XVI – early XVII century has analogues with medieval ceramics of Khoresm, Nisa, Nawaket, Tashkent, Urgench and Suzak. Comparison of the results of analysis of items from Otrar and ceramics of other South Kazakhstan towns let to reveal general features and differences in the technology of ceramics production. These differences are connected as with different technology of production of glazed and forming masses and also with different raw sources.

1. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар XVI-XVIII вв. по итогам раскопок 1971-1973 гг. // Древности Казахстана. - Алма-Ата, 1975; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Некоторые результаты раскопок на городище Отрар // Археологические открытия 1974 г. - М., 1975. - С. 479-481; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отчет о раскопках на городище Отрар в 1974 г. // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. - Алма-Ата, 1976; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Раскопки Отрара // Археологические открытия 1975 г. - М., 1976. - С. 511-513; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Исследования на Отраре // АО 1976 г. - М., 1977. - С. 506, 507; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар. - Алма-Ата, 1981. - С. 129-132.
2. *Тепловодская Т.М.* Структурный анализ керамики со знаками городища Отрар // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980. - С. 165-170.
3. *Тепловодская Т.М.* Некоторые результаты изучения технологии поздне-средневековой керамики Отрара // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, 1983. - С. 200-205.
4. *Вактурская Н.Н.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Труды ХАЭЭ. - М., 1958. - Т. 2; *Пугаченкова Г.А.* Глазурованная керамика Нисы XV-XVI вв. // Труды ЮТАКЭ. - Ашхабад, 1949. - Т. 1. - С. 413-416; *Ахраров И.А.* Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV-XVI вв. // Общественные науки в Узбекистане. - 1969. - № 8-9 - С. 78-81; *Вархотова Д.* Художественная керамика XV – начала XVI вв. из Ташкента // Общественные науки в Узбекистане. - 1969. - №8-9. - С. 86-87; *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XV-XVII вв. на городище Ташкала в Ургенче // Труды ХАЭЭ. - М., 1958. - Т. II. - С. 511-513; *Ерзакович Л.Б.* Поливная керамика городища Сузак XIII-XVIII вв. // Вестник АН КазССР. - 1966. - № 5. - С. 80-81.

В.А. Грошев

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОРОСИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА*

Одной из задач комплексной археологической работы в Южном Казахстане является изучение оросительных систем Отрарского оазиса. Обследованию подверглись Сынгыл-арык (система I), Алтын-арык (система II), Каракунчук-арык (система III) и Темир-арык (система IV). При археолого-топографическом изучении оросительных сооружений были использованы материалы камерального дешифрирования аэрофотоснимков¹ 1959 и 1969 гг.,² а также крупномасштабные топографические карты данного района.

На плановых аэрофотоснимках выявлены старые дельтовые протоки Арыси. Они довольно хорошо прослеживаются на древних планах и имеют вид извилистых меандров между раннеземледельческими поселениями. У некоторых поселений отчетливо видны узкие полосы арыков, выведенных из протоков.

Наземными поисками обнаружены и зафиксированы многочисленные остатки старых протоков в районе современного поселка Кзылтту, расположенного в 4 км от впадения Арыси в Сырдарью/Сырдарию. Одно из старых русел хорошо сохранилось и было обследовано на протяжении 2 км от Арыси по направлению к городищу Пшакши-тобе. Ширина протоки 20 м. Отмечены следы искусственной обваловки русла. Высота валиков - 25 см. У старицы зафиксированы поселение I-IV вв. и остатки небольшого арыка, с помощью которого вода выводилась из протоки и подавалась к поселению. Ширина арыка 3 м.

Русла древних протоков выявлены нами и в центре Отрарского оазиса. Но здесь они перекрыты поздними культурными наслоениями. Старые русла и протоки отмечены также в северной части. На аэрофотоснимке участка местами видны неясные следы арыков, отводивших воду к раннеземледельческим поселениям, в большом количестве расположенных вдоль древних русел.³

Керамический материал, собранный на протоках и поселениях, топографически связанный с ними, а также полученный в результате археологических работ, представлен в основном фрагментами от хумов, чаш, кувшинов, кружек и крышек.

Самую многочисленную группу составляют горловины и кувшинов. Условно они могут быть разделены на три группы. Сосуды первой группы с красновато-коричневым ангобом и лощением, с четко выраженным горизонтальным рифлением по горловине аналогичны посуде джетысарской культуры, начиная с первых веков нашей эры.⁴ Ко второй группе относятся фрагменты широкогорлых кувшинов, типологически близких к кувшинам нижнего горизонта Шаушукум-тобе,⁵ керамике Актобе 2 (Чардара),⁶ Костобе.⁷

* Статья впервые была опубликована см.: Грошев В.А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса // Археологические исследования в Отраре. - Алма-Ата, 1977. - С. 14-22.

Третья группа посуды представлена фрагментами кувшинов, изготовленных на вращающейся подставке. Подобная керамика характерна для комплексов I-IV вв. поселений среднего течения Сырдарьи и долины р. Арысь.⁸ Вся керамика датируется I-V вв. н. э.

В процессе археолого-топографического обследования в 1,5 км юго-восточнее Кзылту, на обрывистом берегу Арыси, обнаружен исток оросительной системы Сангыл-арык. Головной частью магистрального канала служила одна из упомянутых стариц. На берегу сохранились остатки головного сооружения в виде двух параллельных дамб, расположенных по обеим сторонам старого русла. Длина их 10 м, ширина в средней части 3 м, высота - 1,15 м. С помощью водозаборного сооружения вода из Арыси поступала в старицу, а затем в оросительную сеть. Ширина протоки 25 м.

Далее ложе канала тянется в северо-западном направлении к городищу Пшакши-тобе. Здесь заканчивается холостой пробег воды, далее идет зона орошаемых земель. Вода с помощью оросителей подавалась к городищу Отрар и к поселениям Бес-Актобе. Последние памятники хорошо сохранились и датируются I-VIII вв. н. э.

От Пшакши-тобе трасса канала прослеживается в направлении к городищам Куйрук и Алтын. На этом участке выявлен отрезок магистрального канала, не тронутый поздними перестройками. На плановых аэрофотоснимках в окрестностях названных городищ отмечено множество следов средневековых каналов. Обнаружено также много следов древних полей, виноградников, бахчей, которые имеют на плане вид прямоугольников и квадратов.

На местности оросительные каналы просматриваются как валы, возвышающиеся над поверхностью на 1 м. Они имеют меридиональное направление.⁹ Археологический разрез магистрального канала в этом месте позволил установить высоту (1 м) и ширину (8 м) валов и показал, что здесь когда-то был дельтовый проток Арыси шириной 12 м, который впоследствии использовали под русло магистрального канала оросительной системы Сангыл-арык.

На археологических памятниках, топографически связанных с оросительной системой Сангыл-арык, собрана многочисленная керамика. Это фрагменты хумов, горшков, кувшинов, ручек и крышек. Аналогии хумам отмечены в керамическом материале второго и третьего этапов Каунчинской культуры,¹⁰ верхнего горизонта городища Шаушукум-тобе,¹¹ слоев VII-VIII вв. стратиграфического раскопа Отрара.¹² Найдено много фрагментов кувшинов, изготовленных вручную и на гончарном круге. Подобные кувшины имеются в верхнем строительном горизонте Шаушукум-тобе.¹³ Обнаружен фрагмент конической крышки из грубого шамото-дресвяного теста с орнаментом в виде радиально расходящихся прорезных линий. Подобные крышки широко распространены в отрарско-каратауской культуре (VI-VIII вв.).¹⁴ В целом, керамика датируется VI-VIII вв.

Другая система Алтын-арык, обследованная на землях древнего орошения Отрарского оазиса, сохранилась лучше. Ее исток зафиксирован в 500 м выше по течению Арыси от головного сооружения Сангыл-

Рис. 1. Древние ирригационные каналы Оттарского оазиса (фрагмент аэрофото)

арыка. Ширина головной части Алтын-арыка 14 м, высота валов - 2,9 м. Ширина ложа канала в центре системы у Куйрук-тобе 7-9 м, высота валов около 3 м.

При зачистке одного из водораспределителей обнаружены остатки приспособления, состоящего из девяти звеньев гончарных труб. Трубы залегают на глубине 1,5 м от современной поверхности. Длина одной трубы 0,7 м, диаметр одного отверстия 22 см, другого - 32 см. В 4 см от первого отверстия имелся венчик-муфта, который служил упором при соединении узкой и широкой горловин двух звеньев. В заполнении труб найдены осколки стекла, кусочки медных монет, раковина, фрагменты керамики и кусок медной проволоки небольшого диаметра. Приспособление, очевидно, служило для подачи воды из распределителя на поля. В 10 м от труб находился участок бахчи размером 100x50 м, на котором отчетливо видны борозды шириной от 0,70-1 м и гряды шириной 3,5-3,7 м. В центре участка заложен шурф, выявивший культурный слой мощностью до 1 м. Это свидетельствует об интенсивном и продолжительном периоде существования поливного земледелия в данном районе.

Наряду с изучением основной трассы Алтын-арык, обследовались каналы этой системы, обеспечивавшие водой Отрар и его окрестности. Здесь зафиксированы остатки нескольких распределителей. В частности, одна ветвь орошала территорию, прилегающую к городу с восточной стороны (обводной канал). Ширина ложа в средней части 6 м, высота береговых отвалов - 1,5 м. На одном из участков раскопана гончарная печь X-XII вв.¹⁵

Другая ветвь проходила между обводным каналом и каналом, орошавшим территорию восточного рабада Отрара. Канал плохо сохранился. Он почти полностью скрыт современными полями. Следы от него в виде темной полосы дешифрируются на плановых аэрофотоснимках. Она прослеживается до современного населенного пункта Карагалы Чимкентской (Южно-Казахстанской) области. У поселка во время наземных поисков по трассе действующей сбросной сети при зачистке участка откоса (5x10 м) нами зафиксировано русло описываемого канала шириной 3 м и керамические трубы водораспределителя.

При раскопках каналов оросительной системы Алтын-арык собрана разнообразная по составу и орнаментации неполивная и поливная посуда. Встречены фрагменты хумов, хумчей, сосудов типа ям, чаш, крышек, ручек, достарханов, тагоры, горшков и водопроводных труб. Неполивная керамика находит аналогии с посудой из слоев X - начала XIII в. стратиграфического раскопа Отрара.¹⁶ Этим же временем датируется и поливная керамика.

Исток третьей оросительной системы Каракунчук расположен в 3 км вверх по течению р. Арысь от головной части Алтын-арыка. Водозаборное сооружение не сохранилось. На местности хорошо прослеживаются холостая часть магистрального канала и его остатки около Отрара. Остальные элементы системы исчезли. В тех случаях, когда трассу не удавалось обнаружить наземными поисками, каналы фиксировались на схеме с помощью аэрофотоснимков.

Протяженность головного канала Каракунчук по аэрофотоснимкам около 4 км. На местности у истока сохранился лишь отрезок длиной 500 м. Ширина его ложа 15 м, высота валов - 2,5 м.

У Отрара магистральный канал проходил сначала по южной окраине города, затем огибал водохранилище, подходил к Арслан-бабу и Куйрук-тобе и поворачивал на северо-запад к Сырдарье. У Куйрук-тобе ширина его ложа равнялась 5-7 м. Вдоль канала у городища выявлены сельские усадьбы XIII-XIV вв.¹⁷

Поливная керамика, обнаруженная в раскопках каналов Каракунчук, представлена в основном фрагментами боковинок, венчиков и донцами чаш типа пиалы и кесе, а неполивная - фрагментами от сосудов тагора, кувшинов, хумов. Вся посуда характерна для Отрара XIII-XIV вв.¹⁸

Головной участок оросительной системы Темир-арык зафиксирован в 15 км выше предыдущей системы. Он расположен рядом с современной плотиной, которая служит водозабором действующей

иригационной сети, построенной в 1936 г. У истока Темир-арыка наземными поисками выявлено круглое в плане укрепление в виде башни диаметром 25 м, высотой 3 м и оградительные дамбы, от которых сохранились валы высотой 1,5 м. Дамбы защищали головной участок от разрушительных действий паводковых вод.

Как показали исследования, головные сооружения оросительной системы Темир-арык состояли из четырех каналов, которые подводили воду к основному руслу шириной 20 м. Высота валов более 5 м. Участок быстрого пробега воды в магистральном канале составлял более 10 км. Он заканчивался у современного поселка Шаульдер. Здесь к востоку от Темир-арыка отходила первая ветвь распределительных арыков, с помощью которых орошались земли Отрарского оазиса в районе современной станции Тимур.

Основная трасса Темир-арыка от поселка Шаульдер сообразно рельефу местности идет в направлении к Отрару. На аэрофотоснимках по обеим сторонам русла видны многочисленные ответвления в виде темных и светлых полос. В окрестностях города наземными поисками обнаружено несколько ветвей каналов. Одна отходила в направлении современных поселков Баялдер и Каргалы, другая подходила к Отрарскому водохранилищу, а затем — к мечети Арслан-баба. Один из распределителей был устроен на северном отрезке вала на месте оборонительной стены рабада.¹⁹ Высота сохранившегося вала 2,4 м, ширина по основанию 23 м. На этом участке заложена траншея длиной 25 м, шириной 2 м. Работы были доведены до вязкого материкового слоя и вследствие выхода грунтовых вод закончены на глубине 5,2 м.

Основное ложе магистрального канала Темир-арык прослежено в 1,5 км северо-восточнее Отрара. Общее направление его в сторону южной окраины песков Ешки-Ульмес хорошо видно на аэрофотоснимках. В местности канал выделяется невысоким валом с шириной ложа 12 м. Мелкая сеть почти полностью уничтожена.

В ходе поисков и в процессе раскопок собрана разнообразная по составу и орнаментации коллекция поливной и неполивной керамики. Поливная керамика в основном состоит из фрагментов чаш и пиал на кольцевом поддоне. Внутри и снаружи она покрыта разнообразной по составу и цвету поливой. Неполивная керамика представлена бочковинками хумов и хумчей, орнаментированных вертикальными и косыми насечками, весь комплекс керамики характерен для Отрара XV-XVII вв.²⁰

Таким образом, археолого-топографическое изучение оросительных систем Отрарского оазиса в 1974-1975 гг. путем наземных маршрутных поисков и привлечения материалов аэрофотосъемки позволило наметить общую схему поэтапного развития ирригационных каналов и орошаемого земледелия в данном районе.

Как показали исследования, на рубеже нашей эры в Отрарском оазисе происходит интенсивное освоение земель в дельте Арыси. Расположение многочисленных поселений вдоль берегов извилистых протоков реки указывает на то, что ранние земледельцы использовали

под посевы места, затопляемые во время паводков и возле старых русел, которые, как правило, «в древности представляли собой тихие протоки с медленно текущими водами, изобиловавшие рыбой, с берегами, покрытыми камышами и тугаями».²¹ Несомненно, что возникновение на данной территории очагов орошаемого земледелия может быть отнесено к более раннему периоду, так как и в глубокой древности низовья Арыск, очевидно, имели благоприятные естественно-географические условия для развития навыков каирного и лиманного орошения.

В I-VI вв. в Отрарском оазисе для орошения земель стали использовать обвалованные русла и небольшие арыки. Арычная система орошения полей дает основание говорить о строительстве на данном этапе простых ирригационных систем. С помощью арыков вода могла отводиться от русел, что давало возможность осваивать новые земли. В свою очередь, обваловка стариц обеспечивала более или менее постоянное водоснабжение определенного земельного участка. Это способствовало увеличению поселений в оазисе.²² Орошение в I-VI вв. осуществлялось по схеме река — обвалованная старица — ороситель — поле и носило лиманно-озерный характер с забором воды из русел, подтопленных в период паводков.

В раннее средневековье на территории Южного Казахстана «происходит интенсивное развитие земледельческой культуры»,²³ что косвенно отражает рост ирригационной техники. В изучаемом районе в VII-IX вв. создается обширная веерообразная оросительная система Сангыл-арык. Под магистральный канал была приспособлена одна из стариц, переуглубленная и выпрямленная. Извилистое ложе, наличие старого русла в головной части и русловая линза в разрезе магистрального канала — все это убедительно доказывает рождение данной системы на месте древних протоков и русел. В это время орошение производилось по схеме река — головное сооружение на старице — магистральный канал — ороситель — поле.

Как показало обследование другой системы, а также аналогии керамическому материалу, собранному на ней, ирригационные каналы Алтын-арыка функционировали в X — начале XIII в. В этот период ирригационная техника в Отрарском оазисе приобретает свои классические черты. По своему характеру она резко отличается от предшествующей. Меняется общий рисунок системы. Вместо веерообразных оросителей проводятся длинные и узкие каналы ветвистой конфигурации. Однако магистраль по-прежнему проходит по старой трассе, лишь выправляя ее. Система орошения перестраивается не только в средней и нижней частях, но и в верховье. Возводятся головные сооружения и сбросовый канал. Оросительная система состоит из следующих основных звеньев: головные сооружения, холостая часть магистрального канала, сбросовый канал, главный магистральный канал, распределители первого и второго порядка и оросители.

Для оросительной системы X—XII вв. характерен и высокий уровень гидротехнического строительства. В пределах Алтын-арыка возводятся мощные защитные дамбы, строятся водохранилища

и подземные водопроводы. Широкое распространение получают водоподъемные сооружения — чигири, водораспределители из керамических труб и акведуки. Все это позволило значительно расширить посевные площади в восточном, северо-восточном и северном направлении от Отрара. Орошение стало производиться по классической схеме: река — система голов — магистральный канал — распределители первого и второго порядка — оросители — поле.

После монгольского нашествия, разрушения Отрара и других городов оазиса в упадок приходит и ирригационная сеть. Но уже в середине XIII в. Отрар восстает из руин и его роль в экономической и политической жизни оазиса вновь возрастает.²⁴ Возвышение Отрара связывается со строительством новой оросительной системы — Каракунчук. Вследствие углубления русла Арыси, засоления земель, а также разрушения городов в западной части Отрарского оазиса, восток новой системы переносится на 3 км выше по течению. Трасса магистрального канала сооружается так, что его низовья проходят на западе около городища Куй-рук-тобе.

В тимуридский период вследствие постоянного роста города и увеличения посевных площадей прежняя система уже не могла обеспечить самотечный полив низовой части, поэтому появилась необходимость в строительстве новой обширной и сильно разветвленной оросительной системы Темир-арык. Керамический материал датирует ее XV-XVII вв. Нужно учесть, что строительство такой мощной системы было возможно лишь при сильной централизованной власти. Письменные источники говорят о том, что в конце XIV в. Отрар принадлежал Тимуру, а затем — тимуридам.²⁵ Известно, что во времена Тимура велись большие ирригационные работы.²⁶ Поощрялась и частная инициатива. Учитывая это, можно предположить, что начало строительства системы Темир-арык относится к концу XIV — началу XV вв.

Итак, возникновение и развитие ирригации в Отрарском оазисе — довольно сложный историко-культурный процесс. Он свидетельствует о постепенном росте у местного населения навыков орошаемого земледелия.

Түйін

В.А. Грошев ОТЫРАР АЛҚАБЫНЫҢ СУЛАНДЫРУ ЖҮЙЕСІ ЖӨНІНДЕ ЖАҢА ДЕРЕКТЕР

Оңтүстік Қазақстандағы кешенді археологиялық жұмыстардың негізгі міндеттерінің бірі Отырар алқабының суландыру жүйесі болып табылады. Саңғыл арық, Алтын арық, Қаракүншік арық және Темір арық жүйесін археологиялық-топографиялық зерттеу нәтижелері мақалада берілген. Арыс өзенінің ескі арнасы анықталып, көненің көптеген қалдықтары табылып белгіленді.

Зерттеулер көрсеткендей Алтын арық X ғ.—XIII ғ. басында өмір сүрген. Осы кезеңде Отырар алқабындағы ирригациялық техника өзінің классикалық келбетіне ие болды.

Монғол шапқыншылығынан соң Отырар және алқаптағы басқа да қалалар қирағаннан кейін суландыру жүйесі құлдырауға ұшырады. XIII ғ.

ортасында-ақ Отырар қалпына келе бастап, оның алқаптағы экономикалық және саяси өміріндегі рөлі қайта жанданды.

Abstract

V.A.Groshev

THE NEW DATA ON IRRIGATIONAL SYSTEMS OF OTRAR OASIS

One of the main tasks of complex archaeological work in South Kazakhstan is study of irrigational systems of Otrar oasis. The results of archaeological-topographic research of systems of Sangyl-aryk, Altyn-aryk, Karakunchuk-aryk and Temir-aryk are given in present article. It was a success to reveal old delta flows of Arys River, to discover and to fix the numerous remains of old ones.

By the research irrigational channels of Altyn-aryk functioned in the X – early XIII century. At that period irrigational techniques in Otrar oasis got its classic features.

After Mongol invasion, destroy of Otrar and other towns of oasis the irrigational net also came to decline. But already to the middle of the XIII century Otrar had been raised from ruins and its role in economical and political life of oasis began to be increased again. Raise of Otrar is connected with construction of a new irrigational system – Karakunchuk.

1. Аэрофотоснимки изучались в Чимкентском филиале института «Казгипрозем».
2. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар по итогам работ 1969 г. // Вестник АН КазССР. – 1970. - № 6. - С. 60-64; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Археологические работы в Южном Казахстане // Археологические открытия 1969 года. - М., 1970. - С.397-398.
3. Древние русла Арыси у поселений Маслахат и Шошак были отмечены в 1966 г. отрядом Хорезмской экспедиции: *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. - М., 1971. - С. 211. Комплекс поселений у древних русел обследован Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией: *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972. - С. 139-153.
4. *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи ... С. 10-20.
5. *Агеева Е.И.* Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка // Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968. - С. 97-100, табл. II.
6. *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Поселение Актобе 2 // Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968 - С. 36-71.
7. *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи ... С. 211.
8. *Агеева Е.И.* Керамика городища Шаушукум-тобе... С. 94, табл. I.
9. *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи... С. 198-224, рис. 62, 63, 64; *Подушкин Н.И.* Новые поселения раннеземледельческой культуры на юге Казахстана // Известия АН КазССР. Серия общества. - 1968. - Вып. 5. - табл. II, 2-4.
9. В свое время Е.И. Агеева приняла их за дрены: *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. V. - С. 70.
10. *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи.... С. 91, 111.
11. *Агеева Е.И.* Керамика городища Шаушукум-тобе... С. 92, 120.
12. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар... С. 85-86.
13. *Агеева Е.И.* Керамика городища Шаушукум-тобе... С. 92, 120.
14. *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи... С. 229.
15. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Археологические работы в Южном Казахстане // Археологические открытия 1971 года. - М., 1972. - С. 397-398.

16. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 98.
17. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар... С. 152.
18. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 153.
19. Этот канал зафиксирован А.Н. Бернштамом: *Бернштам А. Н.* Древний Отрар // Известия АН КазССР. Серия археол. - 1951. - Вып: 3. - С. 93.
20. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 110-121.
21. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. - М., 1969. - С. 104.
22. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 139-152; Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи... С. 227.
23. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 209.
24. Акишев К. А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 36.
25. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 38.
26. Гафуров Б.Г. Таджики. - М., 1972. - С. 483-489.

Терновая Г.А.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЛАНИРОВКИ И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ХРАМОВ КОНЦА III–IV ВВ. (ОТРАРСКО-КАРАТАУСКАЯ КУЛЬТУРА)

В разные годы археологическими исследованиями, проводимыми на территории Таласской долины и Южного Казахстана, были открыты памятники конца III–IV вв.: Чоль-тобе,¹ Кзыл-Кайнар-тобе,² Культобе³ (рис. 1). Памятники Таласской долины были определены как храмы Солнца и огня, связанные с культом предков. В них отмечено

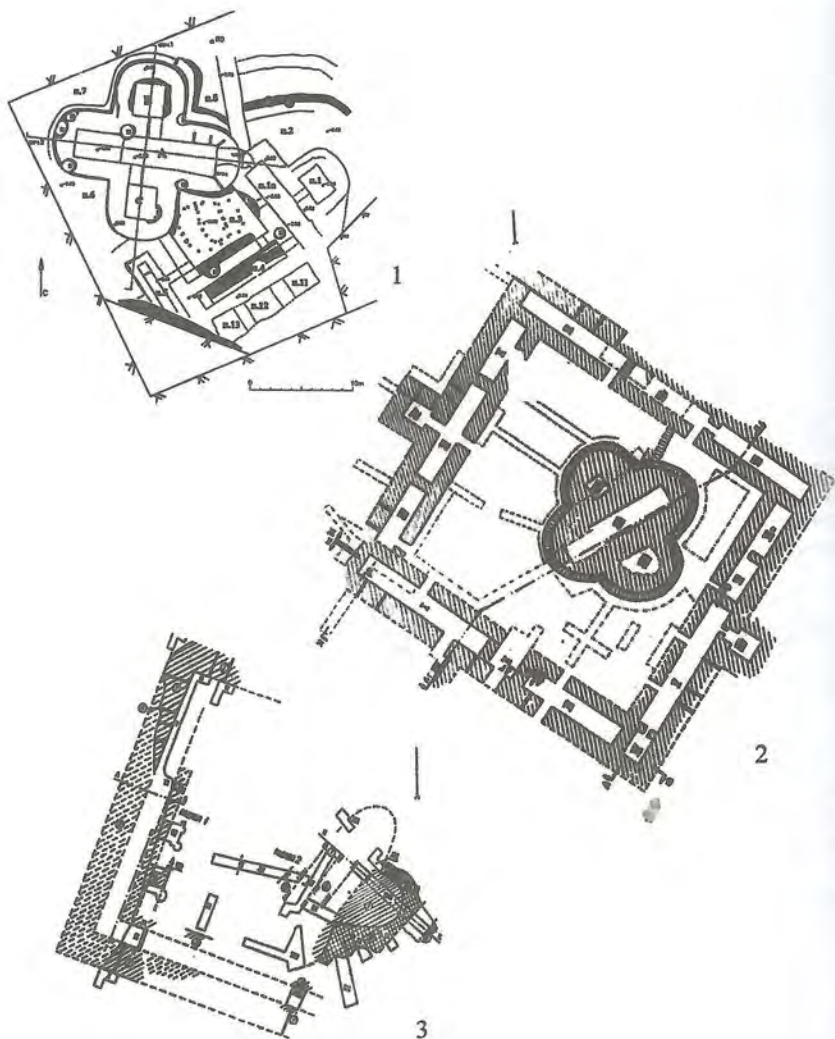

Рис. 1. Памятники конца III–IV вв.: 1. Культобе (по Е.А. Смагулову, А.А. Ержигитовой, А.И. Торгоеву); 2. Чоль-тобе (по М.С. Мерциеву); 3. Кзыл-Кайнар-тобе (по М.С. Мерциеву)

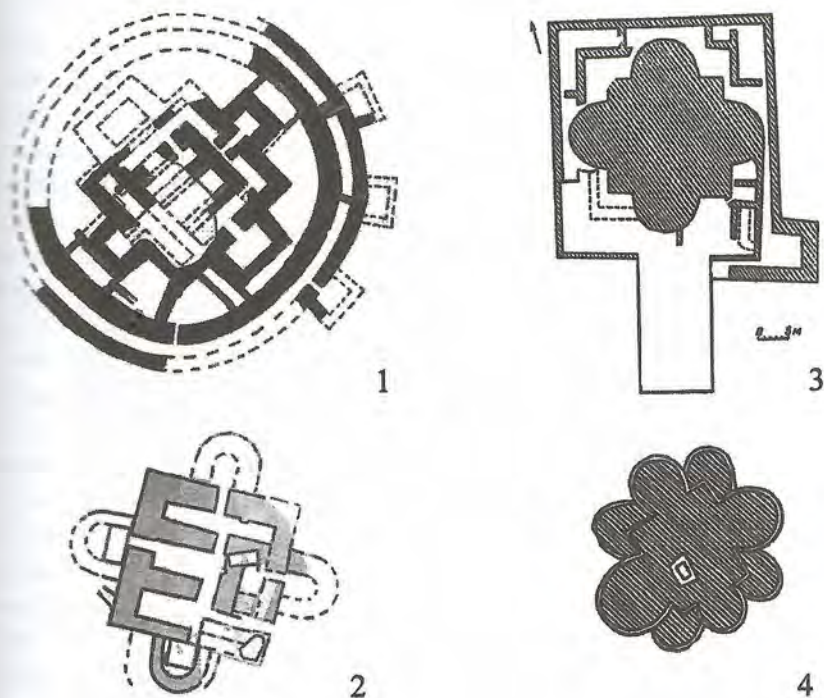

Рис. 2. 1-2. Памятники на территории современного Ташкента (по М.И. Филанович, Г.И. Богомолову, С.Р. Ильясовой): Шаштепа (1) и Мингурик (2). 3. Сеталак-1 в Бухарском оазисе. Здание второго строительного периода (по Р.Х. Сулейманову, В.И. Распоповой, Г.В. Шишковой). 4. Сооружение в Фергане около Чунтепа в Керкидоне (по Н.Г. Горбуновой)

сходство планировочных принципов с погребальными памятниками предшествующего времени. По комплексу признаков – погребальному обряду, знакам, особенностям мировоззрения – памятники, открытые на территории Казахстана, были связаны с культурой сармато-аланских племен⁴. В эти комплексы входили крестовидные сооружения, в планировке которых прослеживается сходство с близкими по времени памятниками: с сооружением в Бухарском оазисе (Сеталак-1);⁵ с крестовидными постройками в районе современного Ташкента: на поселении Шаштепа⁶ и на городище Мингурик;⁷ с сооружением в Фергане около Чунтепа в Керкидоне⁸ (рис. 2).

В данной работе будут рассмотрены основные принципы формообразования культовых комплексов, их сезонное значение, религиозное мировоззрение населения и проводимые на памятниках обряды.

Принципы планировки и формообразования культовых построек можно рассмотреть на примере памятника Чоль-тобе в Таласской долине, имевшего лучшую сохранность. Планировка

комплекса в общих чертах повторяет планировку основного помещения жилых секций, культовых помещений памятников джетыясарской культуры. Общие закономерности можно проследить и по погребальным памятникам джетыясарской культуры – курганам и склепам. Строительные приемы, используемые при возведении построек Чолтобе, Кзыл-Кайнар-тобе и Культобе так же находят соответствие на джетыясарских памятниках. Влияние джетыясарской культуры связывается с передвижением джетыясарских племен, обусловленным сложной экологической ситуацией и историческими событиями, что подтверждается археологическими исследованиями.⁹ Каунчинская, отрарско-каратауская и джетыясарская культуры в начале I-го тыс. н.э. являлись основой этнополитического объединения Кангюй. Средняя и нижняя Сырдарья/Сырдария, Фергана и Шаш представляли единую культурно-хозяйственную зону. В конце III – начале IV вв. н.э. значительно сокращается число среднесырдарьинских элементов в материалах джетыясарских городищ и, наоборот, повсеместно отмечается большое число джетыясарских форм и элементов в материалах отрарско-каратауской и каунчинской культур. В III–IV вв. прекращается жизнь на некоторых городищах в Джетыясарском Жетыясарском урочище.¹⁰ В неоднократных передвижениях на запад (в том числе в районы Северного Кавказа), на юг и юго-восток (вверх по правому берегу Сырдарии) представители джетыясарской культуры приносили с собой керамику, инвентарь, строительную технику, в том числе типы погребальных сооружений. Преемственность прослеживается в аланских каменных склепах Северного Кавказа и в сырцовых погребальных сооружениях Южного Казахстана. Планы склепов (наусов) Борижарского и других могильников Южного Казахстана практически полностью совпадают с джетыясарскими склепами. В среднесырдарьинском регионе сырцово-пахсовые склепы, датируемые IV–VIII вв., приходят на смену подкурганам катакомбам, существовавшим с первых веков до н.э. по V в. н.э. В период V–VIII вв. наземные склепы, не являясь единственным типом погребальных сооружений, в количественном отношении становятся наиболее распространенными в среде городского и оседло-земледельческого населения Южного Казахстана.¹¹

В джетыясарских склепах на полу камеры всегда разжигался огонь – или в виде кострища, от которого оставались прокаленные пятна обмазок и зола (*первый и третий типы* склепов), или в виде специально встроенных центральных напольных очагов, форма которых являлась уменьшенной копией центрального напольного очага основного помещения жилой секции (*второй тип* склепов).¹²

Для склепов *второго типа (полуподземных)*, бытовавших с конца III–IV вв., характерны подквадратная в плане форма, кладка стен с «напылом» кирпичей вовнутрь камеры, образующим перекрытие в виде «ложного купола», расположение входа в центре южной стены, суфы вдоль всех или трех стен камеры, наличие центрального напольного очага. Наиболее распространенной формой

Части подпрямоугольные в плане очаги, заглубленные в пол на 5-15 см, иногда задняя стенка такого очага закруглена. Наличие подобного очага в сочетании с другими деталями интерьера камеры напоминает наиболее распространенный на джетыясарских городищах интерьер основного помещения жилой секции. Это сходство дополняется деталями, такими как «перильца» на поперечных краях суфы, перерезанной проходом в камеру. «Перильца» отделяют «предвходовое пространство». Они окружены из поставленных на боковое ребро сырцовых кирпичей. Обычно «перильца» находятся в склепах с подпрямоугольными в плане очагами, иногда с закругленной задней стенкой. Ни разу не было отмечено сочетание «перилец» с круглыми в плане очагами, известными в нескольких склепах. Нередко жертвенник-очаг сопровождала дополнительная деталь оформления в виде прямоугольной в плане плитки из обожженной глины с трехъярусными и ступенчатыми пирамидками на концах. Некоторые плитки были закреплены в средней части очагов, другие поставлены непосредственно перед очагом со стороны входа в камеру. В одном склепе плитка находилась внутри круглого в плане очага.¹³

Парные пирамидки на концах брусков, в передней части камеры перед очагом, в камерах склепов сопоставляются с парными крестовидными выступами на концах возвышения центральных очагов основного помещения каждой жилой секции джетыясарских городищ. В центре относительно больших «общественных» помещений, служащих культовым местом, находился подобный жертвенник-очаг с пирамидками и большая, чаще круглая в плане суфа. Л.М. Левина заметила, что очаги с «пирамидками» в жилых и «общественных» помещениях, как и «алтарики» перед очагом в склепах, были связаны с определенными верованиями.¹⁴

Культовая постройка Чоль-тобе в Таласской долине состояла из коридорообразных помещений, расположенных по периметру прямоугольного двора, ближе к центру которого находилось сооружение крестовидной формы. Планировка, как отмечено выше, может быть сопоставлена с памятниками джетыясарской культуры. Центральное сооружение крестовидной формы представляет собой увеличенное подобие жертвенников в центре помещений и джетыясарских склепов *этого типа* (время появления – конец III–IV вв.). Использована промежуточная форма жертвенника (между прямоугольником и кругом) в виде прямоугольника с одной закругленной стороной. Центральное сооружение в форме креста с закругленными концами или четырехлепестковой розетки предположительно было образовано из подобия четырех таких жертвенников. Внешние закругленные концы ветвей креста выполняли функции вогнутых зеркал, направленных к центру и способствующих концентрации энергии в месте, обладающем геомагнитной активностью и неслучайно выбранном для постройки храма. В этом сооружении находились помещения со следами горения огня, ямы-золохранилища и т.д.

К особенностям оформления храмового комплекса Чоль-тобе относится отросток (нить), соединяющий центральное крестовидное сооружение с квадратным комплексом помещений. Этот отросток

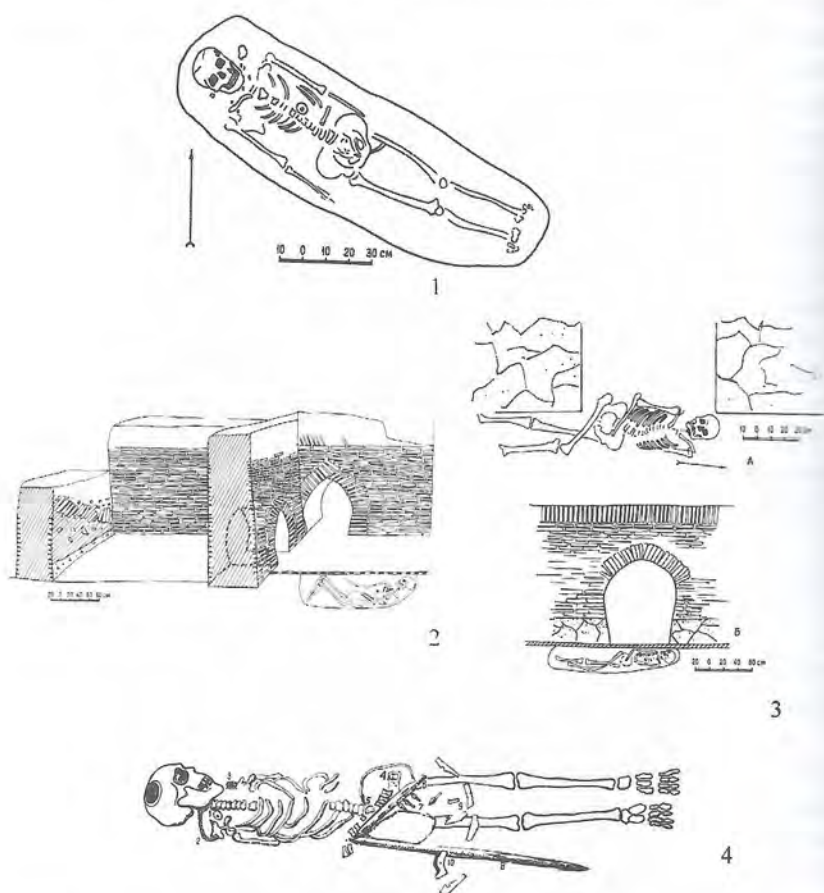

Рис. 3. Чоль-тобе (по М.С. Мерциеву): 1. Женское погребение за южной стеной помещения 16. 2. Мужское погребение под полом в помещении 3. 3. Мужское погребение под полом в помещении 8. Кзыл-Кайнар-тобе (по М.С. Мерциеву): 4. Захоронение «воина» в сводчатом помещении.

тянулся от центрального сооружения, где была погребена женщина с пряслицем и игольником в сторону входа в помещение 8, там было обнаружено жертвенное захоронение мужчины (рис. 3: 1, 3). «Нити»-отростки у очагов закругленной или подпрямоугольной формы, тянущиеся в сторону входа, отмечены в жилых помещениях городища джетыясарской культуры Томпак-асар этапов Жеты-асар Ib и Iv (последние века до н.э. – IV в. н.э.). Кроме того, на городище Томпак-асар, указанного периода времени, и городище Алтын-асар («Большой дом») периодов Жеты-асар II и III (IV в. н.э. – IX в.н.э.) были обнаружены очаги подпрямоугольной формы, соединенные со стенками входа двумя параллельно идущими валиками, которые отделяли предвходовое пространство от остальных частей помещения.¹⁵ «Нити»-отростки, тянущиеся в сторону входов, встречаются у очагов-жертвенников в жилищах Отрарского оазиса на городищах Кок-Мардан VI–VII вв., Куюк-Мардан и Куйрыктобе IX–XI вв.¹⁶

В джетыясарских склепах *второго типа*, где в передней части очага или перед очагом помещали плитки в виде керамических брусков, находились курильницы на высокой ножке¹⁷. В оформлении курильниц отражены представления джетыясарцев о космосе и мироздании, воплощенные в структуре Мирового древа.¹⁸

Следы от возжигаемых костров и тризн (фрагменты керамики в кости), обнаруженные в помещениях прямоугольного комплекса Чаль-тобе, расположенного по периметру, также находят соответствие на памятниках джетыясарской культуры.

Джетыясарские курганы имели различного диаметра рвы, окаймлявшие земляные насыпи. У 96,5% раскопанных курганов рвы имели ширину от 0,7 м до 2,5 м, при сохранившейся глубине 0,3–0,7 м. Более чем у 99% курганов, имевших рвы, перемычки размещены на южной стороне. Ось симметрии перемычки рва согласуется с положением грунтовых могил или склепа. Учитывая равнинный ландшафт урочища Джетыясар, Л.М. Левина предположила, что окаймлявшие насыпи курганов рвы с остатками тризн являлись дополнительным условием, отделявшим мир живых от мира умерших, а перемычка рва – своеобразными «вратами» в хтонический мир. Часто у восточного края перемычки во рву находились скопления углей, жаты, кусков обожженной глины, нередко следы горения дополнялись керамикой и костями животных. В могильнике Косасар 2 в середине перемычки рва кургана № 29 зафиксировано заполненное углями и золой углубление. В некрополе к северо-востоку от городища Томпак-асар следы тризны в виде угольков, керамики, костей животных отмечены во всех вскрытых рвах к востоку от перемычки, а во рву кургана № 55 при зачистке его края к востоку от перемычки был найден фрагментированный череп человека. Среди раскопанных курганов лишь единичные имели перемычку рва на востоке, а в одном случае – на юго-западе, у семи курганов северной части некрополя Косасар 2 перемычки располагались на северной стороне, по совокупности данных они принадлежали «иноэтничному» населению. В двух курганах перемычка рва отсутствовала. В обоих случаях речь шла о культовых сооружениях, и прежде всего, кенотафах.¹⁹

Храмы у сармат и алан. По замечанию Л.М. Левиной, сложно сказать что-либо определенное о религиозных воззрениях жителей джетыясарских поселений. «Не удалось найти какого-либо культового сооружения, если не считать кенотафы и огромный курган № 340 могильника Алтынасар 4п с двумя рвами, многочисленными костями животных и кострищами».²⁰

В научной литературе были высказаны предположения о том, что у сарматов могли существовать особые святилища огня, связанные с их погребальным культом.²¹ Святилища посвящались Солнцу и огню. К сожалению, информация о типах святилищ и характере религиозных обрядов у сарматов очень отрывочна. Среди наиболее известных культовых центров можно назвать курганную группу в оренбургских степях «Шиханы», культовые комплексы на Устюрте.²²

На основании изучения сарматских погребальных памятников восточных областей расселения сарматских племен, на востоке Дона – древнего Танаиса, был сделан вывод об огромной роли огня в верованиях этого ираноязычного народа, что подтверждает античное свидетельство о сарматах как огнепоклонниках. Упоминание было отмечено К.Ф. Смирновым в отрывках сочинения Нимфодора Сиракузского (III в. до н.э.) – автора «Варварских законов». ²³ Культ огня и солнца был древнейшим культом сармато-алано-массагетских племен. Геродот (I, 216) сообщает о родичах алан массагетах: «Единый бог, которого они почитают, это – солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете». Он же приводит слова царицы Томирис, адресованные Киру: «...клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов...» (I, 212). ²⁴

Красная прокаленная земля, которая входит в состав ряда насыпей сарматских курганов, вероятно, символизировала огонь и солнце. Предполагают, что эта земля могла готовиться отдельно – в специальных кострищах того типа, что представлены на сарматском могильнике «Шиханы» у с. Липовки в бассейне Бузулука. Святилище представляло собой замкнутый земляной вал диаметром более 20 м. В центре очерченного валом пространства располагалась большая, круглая в плане чашевидная яма диаметром 6 м, заполненная углем и сажой от горевшего здесь длительное время костра. Культ огня и солнца в погребальном обряде сарматов особенно четко проявляется в различных формах присутствия следов от кострищ, сожжениях надмогильных сооружений (перекрытий), засыпке могил остатками костра и т.д. Остатки погребальных кострищ обнаруживаются иногда на древнем горизонте в курганах, вблизи сарматских могил. ²⁵

Святилище огня и солнца было открыто на Юоцком средневековом поселении недалеко от города Пятигорска. Здесь на глубине 1 м от поверхности было найдено 8 глиняных цилиндрических курильниц с отверстиями в дне, стоявших кругом на расстоянии около 0,70 м вокруг точно такой же, но большей по размеру курильницы. Внутри курильниц, стоявших отверстиями вверх, оказались угли и зола, а площадь вокруг была заполнена расколотыми костями животных и золой. Символами солнечного диска являются каменные кольца-кромлехи, нередко встречающиеся на Кавказе. На Алхан-Калинском городище в Чечено-Ингушетии было открыто сразу пять аналогичных языческих святилищ. Самым большим было святилище № 5, насчитывавшее 76 глиняных цилиндрических курильниц, обнаруженных рядом с глинобитным алтарем и скелетом лошади. На краю второго и пятого святилища расчищены погребения женщины и подростка, ориентированные к центру культовых площадок. Участки, занятые святилищами, представляли собой мощный слой золы и пепла, в курильницах имелись зерна конопли. ²⁶

Религиозные представления алан VIII–IX вв. воплощены в святилище, расположенном на городище Нижний Архыз и известном под названием «круг» или «цирк». Население Нижне-Архызского

городища не было сплошь христианским, несмотря на то, что здесь выходился крупнейший христианский центр Алании. Значительная часть горожан оставалась язычниками, лишь поверхностно затронутыми христианством. Об этом свидетельствуют письменные источники X–XIII вв., приведенные в работе В.А. Кузнецова.²⁷

Предположив связь «цирка» с городищем, В.А. Кузнецов предварительно датировал его X–XII вв. и высказал точку зрения, что это огромное языческое святилище было основным для жителей города и, возможно, для всей прилегающей округи²⁸. Р.Р. Рудницкий допустил более раннюю датировку – VIII–IX вв.²⁹ С глубокой древности круг был символом солнечного диска. По мнению В.А. Кузнецова, сопоставление сарматского святилища огня и солнца в «Шиханах» с нижнеархызским «цирком» показывает общность их исходных форм и, несмотря на значительную разницу во времени, пространстве и конструкции, возможное функциональное тождество.³⁰

По мнению специалистов, «круг» или «цирк» являлся «стемненным языческим храмом солнца и огня». Он использовался «как тригоризонтная солнечная обсерватория высокого класса точности», что подтверждают радиально расходящиеся от центра стены, проемы в стенах, направленные на точку летнего и зимнего солнцестояния, выделение направления на точку равноденствий, использование многочисленных визиров в виде «лунок, выложенных камнями, каменных карандашей и дисков». В «круге» зафиксированы следы горения – угли и зола, и найден глиняный горшок, заполненный древесным углем.³¹ На городище были найдены жертвенники – два чашечных камня, связанных с языческими святилищами. Расположение чашек на одном из камней, по мнению исследователей, напоминает конфигурацию звезд созвездия Рыбы, а отдельная чашка внизу – одну из звезд близлежащего на карте звездного неба созвездия Овен. В научной литературе давно поставлен вопрос об изображении звездного неба на некоторых чашечных камнях Европы; в последние годы «астрономические» камни древности открыты в Армении. Но независимо от доказательности этих отождествлений с картой звездного неба, рассматриваемый камень из Нижнего Архыза был связан с древним и традиционным языческим культом. Площадь с чашечным камнем предположительно служила открытым языческим капищем. В.А. Кузнецов отметил, что найденные чашечные камни проливают некоторый свет на мировоззрение обитателей Нижне-Архызского городища, причем поражает его языческий, чуть ли не первобытный характер.³²

С сарматами соотносится постройка с крестовидно расположенными помещениями на поселении Актобе-2 (I – начало IV вв. н. э.), находящемся на правом берегу среднего течения Сырдарьи. Памятник принадлежит к каунчинской культуре – к этапам Каунчи-1 и Каунчи-2.³³ В опубликованной ранее статье он определен как храм Солнца и Воды (Луны).³⁴ В храме были открыты культовые колодцы. Один колодец находился в центральном помещении б, другой был устроен в толще стены с юго-запада к входному комплексу. К последнему

из помещения 2 вела трехмаршевая лестница 6-ти метровой глубины. Другая трехмаршевая лестница вела на крышу, где заканчивалась открытым люком. В помещении 5, пол которого был устлан камышом, находилось окно, наклоненное внутрь помещения. Через это окно в определенное время года и суток проходил луч солнца. В храме прослежены перестройки, обусловленные изменениями в религиозном мировоззрении и, следовательно, в обрядовой практике. В архитектуре отмечены элементы, сформировавшиеся ранее в кульгово-погребальных комплексах и продолжившие дальнейшее развитие в дворцово-культовом зодчестве.³⁵

Сезонные памятники. Три культовых объекта конца III–IV вв.: Чоль-тобе, Кызыл-Кайнар-тобе в Таласской долине и Культобе в Южном Казахстане связаны с определенным временем года и расположением Солнца на небосводе, что показывает их планировка, а культурный слой демонстрирует связанные с этим обряды. В нартских сказаниях прослеживаются отголоски отгонного скотоводства с упоминанием степных просторов, где зимуют стада, и горных лугов, где скот пасется летом. В тяжелое для нартов время такими пастухами становятся прославленные нарты Сослан и Батрадз.³⁶

В ранней группе китайских источников существует противоречие, характеризующее население Кангюя как кочевое или оседлое. Грек, родившийся в Антиохии, Аммиан Марцеллин (ок. 330–395 гг.), давая общее определение аланских племен как кочевников, сообщил, что «дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше... Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек... Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют. Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается».³⁷

На основании материалов археологии из Южного Казахстана и Жетысу можно сделать вывод, что рассматриваемые храмы сармато-алан были сезонными. Население вело полукочевой образ жизни, практикуя отгонное животноводство, основанное на сезонных перегонах скота на относительно краткие расстояния.

Сооружения в виде четырехлепестковых розеток соотносятся с представлениями о Мировом древе, расположенном, согласно мифологии, у источника,³⁸ а также с представлениями о Солнце и временными циклами – делением дня на четыре части: утро (восход

Солнца), полдень (Солнце в зените), вечер (закат Солнца), ночь (ночное, подземное Солнце). Год делится на четыре основных сезона, в годовом цикле выделяются основные точки – весеннее и осеннее равноденствия, летнее и зимнее солнцестояния.

В течение полугода от зимнего до летнего солнцестояния, когда увеличивается день, солнце движется «северным путем», то есть при «рождении» Солнца в день зимнего солнцестояния оно восходит в крайней южной точке, а в летнее солнцестояние в крайней северной точке, после чего начинается обратный ход на юг, и день постепенно укорачивается. В ведийской космологии «северный путь» рассматривается как эквивалент дня, а «южный путь» – ночи. Благоприятное время года (лето), таким образом, соотносилось с севером, а благоприятное время суток – с востоком (восход Солнца).³⁹

Вытянутые центральные помещения крестообразных построек на Культобе и Чоль-тобе были ориентированы по ходу движения Солнца в течение дня (восход–закход) с сезонными отклонениями. На Культобе ось центрального помещения смещена на 8° на юго-восток, на Чоль-тобе эта ось смещена на 20° на северо-восток. Прямоугольные помещения, расположенные по бокам, южное и северное, предположительно соответствовали полдню и полночи. На Кзыл-Кайнар-тобе в толще кладки крестообразного сооружения находилось два параллельных помещения типа сводчатых коридоров, вытянутых в длину по линии северо-восток–юго-запад. По сравнению с Чоль-тобе, прослеживается увеличение смещения оси в северо-восточном направлении. Предположительно здесь учитывалось юго-западное направление на заход Солнца осенью. Помещения вскрыты частично, в них заложено по 2-3 небольших шурфа.

Основу планировки памятников, помимо сооружения в виде четырехлепестковой розетки, составлял двор и обрамляющие его вытянутые коридорообразные помещения. Лучшую сохранность имеет памятник Чоль-тобе, где постройки, расположенные по периметру, представляли форму, близкую к квадрату. Квадрат ориентирован углами по сторонам света с некоторыми отклонениями. Если сопоставить три памятника, то можно проследить передвижение крестообразного сооружения относительно этого квадрата.

На Культобе крестообразное сооружение имеет размер 18x18 м, ширина «ветвей» составляет 7 м. Сооружение расположено с северо-западной стороны прямоугольного комплекса. На территорию двора, соприкасаясь со стенами прямоугольной постройки, заходят южная и восточная «ветви» креста. К особенностям оформления закругленной «ветви» креста, направленной на восток, относятся световые проемы. Окна щелевидные, расположены в 1 м от нижнего, вероятно, основного пола в этом помещении. Вход их прямоугольной формы размером 35x10-12 см, полуклонный, расположен под углом 20°. Выход световых проемов, судя по целиком расчищенному в юго-восточном углу помещения, имеет размеры 0,95-1 м. Выводы, сделанные авторами исследования Культобе: «...видимо, в начальный период

(строительный горизонт 1) существовало только одно крестовидное здание с бойницами, которое, по всей видимости, являлось небольшой крепостицей, которой могли пользоваться в момент какой-либо военной опасности». «Важным моментом, указывающим на назначение здания I-го периода, является наличие бойниц на открытых участках стен». Во второй период к крестообразному сооружению пристраивается юго-восточное здание из узких длинных сводчатых помещений, окружающее открытый двор, и происходит облицовка внешних стен крестовидного здания. Облицовка полностью скрывает «бойницы», что, по мнению авторов упомянутой статьи, «явно свидетельствует об изменении характера обороны на этом участке, а возможно и смене функции самого здания». После строительства юго-восточного здания, обе постройки стали существовать как единый комплекс, возможно являющейся цитаделью городища Культобе. В качестве предположения была выдвинута гипотеза о том, что крестовидное здание какое-то время являлось «донжоном цитадели». Внутри самого крестового здания в это время устраивается камера-катакомба, к которой ведет наклонный ход/пандус по помещению «А». «Вполне возможно, что это вскрытое крестовое здание стало использоваться как мавзолей какого-то местного лидера». Об оборонительном значении, по мнению исследователей Культобе, свидетельствует заполнение помещения 1а юго-восточного комплекса. Из внутреннего двора арочные проходы вели в помещение 1а и в помещение 4, в котором был устроен пандус, выводящий на верхний уровень здания, оно так же сообщалось арочным дверным проемом с помещением 1а. Из этого помещения арочный проход первоначально вел в помещение полукруглой башни (помещение 1). «В последний период функционирования комплекса это помещение было заполнено речными булыгами подходящего для метания со стен размера».⁴⁰

Определения, данные авторами в статье, посвященной памятнику Культобе, на наш взгляд, являются ошибочными. В первую очередь это касается объяснения щелевидных световых проемов в восточной «ветви» крестообразного сооружения как «бойниц». Подобные окна встречаются в восточных абсидах ранних христианских памятников (рис. 4). Рассмотрению значения этих окон посвящена специальная работа, где показано сходство в планировке и оформлении ранних крестообразных памятников христиан и сармато-аланских храмов конца III–IV вв. Не исключена их преемственность. Промежуточным звеном между сармато-аланскими храмами Солнца, связанными с погребальным культом, и христианскими памятниками предположительно были позднеантичные мавзолеи.

В первый период существования памятника Культобе в восточной, закругленной «ветви» крестообразного сооружения были устроены световые проемы, направленные на юго-восток, северо-восток, и по два окна на восток и на север. Во все окна, кроме северных, в определенное время года (в дни равноденствий и солнцестояний) проникал луч восходящего Солнца. В северные окна предположительно выходил свет от огня, горящего на суфе, расположенной у северной стены. Это

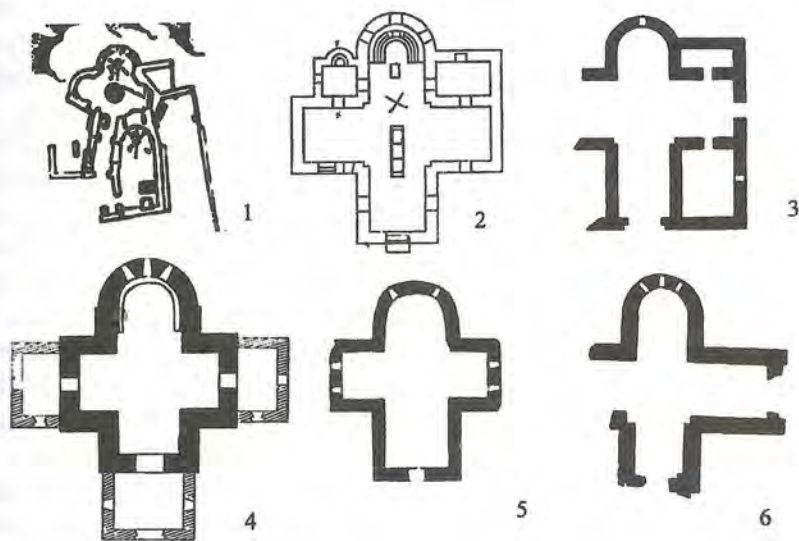

Рис. 4. Окна в восточных абсидах крестообразных памятников христиан. Культовые постройки Херсонеса V–VI вв. (по Д.В. Айналову): 1. Крещальня рядом с Уваровской базиликой раскопки 1876–77 гг. и 1878–80 гг. 2. Храм вблизи монастырской гостиницы. 3. Храм возле «нового» храма Владимира. 4. Храм возле «нового» храма Владимира. Крестообразные храмы Алании X–XI вв. (по В.А. Кузнецову): 4. Сентинский храм. 5. Храм на «Церковной поляне», Архыз. 6. Храм в ущелье Зеленчука

соотносится с представлениями о ночном, подземном Солнце. Дуга между юго-восточным и северо-восточным окнами показывает путь Солнца в течение года – между точками восхода Солнца в дни зимнего и летнего солнцестояний. Во второй период существования памятника все окна были заложены, кроме юго-восточного, направленного на точку рождения Солнца в день зимнего солнцестояния, в сторону внутреннего прямоугольного двора, окруженного коридорообразными помещениями. Заложённая сырцовым кирпичом (на данном этапе археологических работ) часть вытянутого помещения и кенотаф в виде катакомбы были устроены ближе к концу существования памятника. Они расположены в западной и восточной частях помещения и символизируют «смерть» (заход) и «рождение» (восход), соотносимые с циклом Солнца.

На Чоль-гобе крестообразное сооружение размером 17x17 м располагалось внутри прямоугольного пространства, в плане почти квадрата 40x40 м, ориентированного углами по сторонам света. Коридорообразные помещения окружали замкнутый двор. Сооружение находилось ближе к центру и было несколько сдвинуто к юго-восточной и северо-восточной стенам прямоугольного комплекса. Ритуальные погребения мужчин совершены во время функционирования памятника в помещении 8 и помещении 3 прямоугольного комплекса – предположительно в точках восхода и захода Солнца в день летнего

солнцестояния. В центре крестообразного сооружения, южнее центрального вытянутого помещения, была погребена женщина с веретеном и игольником. От центрального помещения в сторону входа в *помещение 8* тянулся отросток – «нить жизни». Центр крестовидного сооружения был акцентирован южной нишей. Во внешних стенах прямоугольного комплекса в большинстве помещений на высоте 30-50 см от пола были устроены сквозные отверстия шириной 10-12 см и высотой 32-35 см, расположенные на расстоянии 2-2,75 м. Тщательно исследовав помещения с внутренней и с внешней стороны, М.С. Мерщиев по комплексу признаков определил их как вентиляционно-световые проемы. По его мнению, сквозные отверстия можно было принять за «бойницы», но они проходили через всю двухметровую толщину и находились не выше 50 см от пола, так что с них кроме фронтального, и то с большим трудом, невозможно было бы производить другой обстрел. Отверстия – вентиляционно-световые щели, расположенные довольно низко на одинаковом расстоянии друг от друга, находились на уровне пламени возжигаемых костров, следы от которых зафиксированы на полах помещений, и, возможно, имитировали лучи солнца, выходящие наружу и заряжающие солнечным светом и энергией пространство, окружавшее храмовый комплекс.⁴¹

На Кзыл-Кайнар-тобе крестообразное сооружение с расстоянием между крайними точками «ветвей» около 18 м расположено с юго-восточной стороны прямоугольника или квадрата со сторонами около или несколько больше 33 м. Если восстановить помещения до формы квадрата, то в квадрат должны заходить северная, западная и частично восточная «ветви» крестообразного сооружения. Оно сдвинуто к юго-восточной стороне квадрата, ближе к южному углу. В толще кладки этого сооружения находилось два параллельных помещения типа сводчатых коридоров, такие же как коридорообразные помещения по сторонам прямоугольного здания. В длину они вытянуты с юго-запада на северо-восток и, следовательно, ориентированы несколько иначе, чем помещения прямоугольного здания. В шурфе, заложенном в северной части западного помещения, на глубине 3 м от поверхности, обнаружено захоронение воина, совершенное во время запустения памятника в одной из образовавшихся пустот с сохранившимся сводом, внешне похожей на катакомбу. Во внешних стенах коридорообразных помещений прямоугольного комплекса на расстоянии 1,2-2,4 м имелись щелевые прорезы (12-17х17-35 см). В северной и южной стенах отверстия находились на высоте одного метра от пола и через всю толщину стены проходили горизонтально. В западной стене отверстия были устроены на высоте почти двух метров. Проходя через стену, они понижались от внутреннего контура стены к внешнему. Отверстия в северной и южной стенах были определены М.С. Мерщиевым как вентиляционно-световые проемы. Относительно назначения отверстий в западной стене не было сделано определенного вывода. Вероятно, отверстия в западных стенах прямоугольного комплекса на Кзыл-Кайнар-тобе, расположенные с наклоном вниз во внешнюю сторону, могли быть сделаны для фиксации лучей заходящего солнца.

По планам можно наглядно проследить перемещение крестовидных построек относительно квадрата, что предположительно связано с круговым перемещением Солнца в течение года и отражает главные жизненные этапы: рождение Солнца, Солнце в зените и постепенное угасание Солнца. Крестообразное сооружение постепенно перемещается с севера в южном направлении. Если учесть цикличное, круговое движение, можно заметить, что дойдя до южной точки, оно опять появляется на севере, устремляясь на юго-восток. Следовательно, согласно этой схеме, ночное или подземное Солнце проходит свой путь под «квадратом».

По комплексу признаков, к которым относятся: различия в планировке (расположение крестовидного сооружения относительно прямоугольного комплекса), детали оформления построек (расположение, направление окон и т.п.), местонахождения захоронений, остатки жизнедеятельности, совершаемые обряды, можно сделать вывод, что памятники связаны с определенным временем года. Культوبة – с зимой, Чоль-тобе – с летом, Кзыл-Кайнар-тобе – с осенью. Культובה в Южном Казахстане было местом зимовки, здесь предположительно находилось стационарное жилье. В районе Таласской долины население (или его часть) пребывало в теплое время года, занимаясь выпасом скота, заготовкой сена, стрижкой овец и т.д.

Судя по остаткам материальной культуры, обряд, проводимый на культовых памятниках, так же имел сезонные отличия.

Обряд. Для того чтобы лучше понять значение и смысл проводимых обрядов, можно обратиться к мифологии, эпосу и реликтовым проявлениям в обрядности народов Северного Кавказа, сохранивших древние традиции скифо-сармато-аланских племен, несмотря на принятие христианства.

В.Ф. Миллер отметил, что осетины различают времена года следующим образом: 1). Зима; 2). Ранняя весна; 3). Весна и первая половина лета (приблизительно май и июнь); 4). Лето, начиная с покоса и до листопада; 5). Позднее лето, т. е. осень с появления инея и с листопада до снега. Более крупное деление распределяет год на две половины: теплое время и холодное время. Праздники общесетинские, календарные, справляются в определенные месяцы года и находятся в связи с календарем и сельскохозяйственными работами.⁴²

Практически у всех народов Северного Кавказа получил распространение нартский эпос, основу которого составляют сказания о происхождении и приключениях героев-богатырей (нартгов). Ж. Демюзиль отметил, что «некоторые образы Нартгов, по-видимому, вышли из аланского, сармато-скифского, «евро-иранского», т.е. в конечном счете, осетинского фонда; однако в каждом случае требуются обсуждения, конкретные сопоставления, тексты Геродота и Аммиана Марцеллина, да и то вывод будет пригоден только для разобранных случаев».⁴³ Детали, характеризующие быт древних племен, описание которых можно найти у историков и географов древности, встречаются в нартских преданиях либо в художественно переработанном, либо

почти в том же виде, в каком были зафиксированы еще римлянами и греками. Осетины через алан являются наследниками нескольких сарматских племен. От Геродота известно, что сарматы и скифы мало отличались друг от друга языком и обычаями, только речь первых была более суровой.⁴⁴

На протяжении более двух тысяч лет носители нартского эпоса вступали в контакты со многими народами. Десятки названий различных индоевропейских, тюркских и кавказских народов, сохранившихся в эпосе, свидетельствуют о былых контактах.⁴⁵

В.И. Абаев рассмотрел культовые понятия осетин и пришел к выводу, что первоначальными для них были культ солнца, культ огня и некоторые тотемистические культы.⁴⁶ Разбирая этимологию термина «Нарт»,⁴⁷ он привел сведения, полученные от одного из осведомителей: «Когда-то у солнца были дети, богатыри Нарты». По мнению В.И. Абаева, такая генеалогия Нартов согласуется с духом эпоса, основу которого составляют древние мифы. Солнечная мифология пронизывает весь эпос, в особенности циклы Сослана и Ацамаза. Армянский поэт XIII века Фрик, перечисляя различные народы, в отношении алан говорит кратко: «алан, который чтит солнце».⁴⁸ Культ солнца был одной из самых ярких и общеизвестных черт аланского народа, удержавшийся и после христианизации. Осетинский эпос насыщен солярной мифологией и солярной символикой, и «представление о Нартах как детях Солнца – это то, чего следовало ожидать». Следовательно, *nar-* должно означать 'солнце'. Но у осетин солнце зовется *xur/xor*. В.И. Абаев предположил, что в *Nartae* скрывается название солнца не на осетинском, а на другом – монгольском языке. Подвергшись разгрому со стороны монголов, аланы испытали на себе влияние завоевателей, которое проявилось в области эпоса. Монгольское слово *nara* означает солнце. Установлены влияния монгол в нартском эпосе. Имена двух виднейших героев, один из которых *Batraz* (богатырь асский), – монгольского происхождения. В нартских сказаниях распознаются адаптированные имена Чингизхана и Саин-хана (Батыя). С точки зрения В.И. Абаева, монгольское *nara* 'солнце' было использовано потому, что осетинское *hur* стало казаться слишком обыденным, лишенным мифологического ореола. Несмотря на то, что нартские сказания, сюжеты и мотивы бытовали задолго до монгольского нашествия и в некоторых элементах восходят еще к скифским временам, общее наименование героев эпоса *Nartae* 'дети Солнца' появилось только в монгольскую эпоху. Для нартского эпоса с этим периодом совпала заключительная фаза становления эпоса и естественно, что именно в этот период появилось общее наименование героев – «Нарты». До этого были песни об Урузмаге, Сослане, Шатане (Сатане), Ацамазе, были этногонические мифы о «детях Солнца», но не было песен о Нартах, потому что перечисленные герои не считались еще «членами одной богатырской фамилии».⁴⁹

Лето, полдень, Созрыко-Сослан и Сатана (памятник Чоль-тобе). Жертвенные погребения на Чоль-тобе – погребение женщины с пряслицем и игольником в центральном сооружении и два мужских

погребения в помещениях прямоугольного здания – находят соответствия в нартском эпосе. Предположительно они связаны со сказанием о рождении и смерти солнечного героя Созырыко-Сослана, о его матери – хозяйке Шатане (Сатане, Сатаней), соотносимой в некоторых преданиях с образом богини с веретеном.⁵⁰ В представлении осетинского народа мир бесконечен. В эпосе вселенная, мир сравнивается с единым клубком из ниток различных цветов, который, сколько ни будешь разматывать, до конца не размотаешь. Бедуха говорит мужу Сослану: «Тайны вселенной обозначает этот клубок, сколько бы ни стремился ты познавать их, всегда сможешь познать только часть из них».⁵¹

После рассмотрения памятника Чоль-тобе, условного определения назначения основной части помещений и реконструкции обрядовой практики, было сделано предположение, что места жертвенных захоронений мужчин связаны с точками восхода и захода Солнца в день летнего солнцестояния (?) и символизировали рождение и смерть.⁵² У мужчины, погребенного в скорченном положении в точке «рождения», в качестве сопутствующего инвентаря были обнаружены оселок и скобель. К входу в помещение 8, месту, где обнаружено погребение, тянулся отросток – «нить жизни», соединяющая центральное крестовидное сооружение с захоронением женщины с пряслицем и игольником.

Оселок в качестве сопровождающего инвентаря у мужчины выполнял определенную функцию. Магическое значение оселков в погребениях сармат и алан не однократно рассматривалось в научной литературе. Находки оселков встречаются в погребениях скифо-сарматского времени. Каменные оселки с отверстием в VII–III вв. до н.э. распространены в степи и восточноевропейской лесостепи, в Прикубанье, Предкавказье, на Кавказе, в захоронениях многих культур «скифоидного облика» востока степного и лесостепного пояса. Оселки с отверстием и без него есть в захоронениях белозерского и переходного времени Причерноморья и Приазовья.⁵³ Предполагается их культовое значение.⁵⁴ Часть оселков, вероятно, использовалась как декоративно-ритуальная деталь мужского костюма⁵⁵. В ряде национальных версий нартского эпоса наряду с обычными упоминаются оселки, обладающие магическими свойствами. Прикосновение их помогает колдунье залечивать раны, а в исключительных случаях даже способно оживить мертвеца.⁵⁶

Многие образы и имена нартвов, сюжеты в национальных версиях эпоса почти идентичны: Сослан (Созруко, Созырыко) – у осетин, Сосруко – у адыгов и абазин, Сасрыква – у абхазов, Сосрук – у балкарцев, Сосурка – у карачаевцев, Сеска Солса – у чеченцев и ингушей.⁵⁷ В облике Созырыко-Сослана – видны настолько определенные черты близости к природе, что его называют «солнечным героем». Сослан является «самым значительным и самым популярным на всем Северном Кавказе». Сослан-Созырыко – излюбленный в наше время герой нартских сказаний как у черкесов и абхазцев, так и в Осетии: он не умер, он живет под землей, ожидая освобождения, отдаляемого день ото дня.⁵⁸

В.Ф. Миллеру по дороге в Дигорию, у селения Нары на месте между двух рек, называемом Мацути (не проходи), показали могилу нарта Сослана – каменное сооружение в форме долмена. В этом здании на шиферной доске лежит хорошо сохранившийся остов человека громадного роста, который предание называет остовом богатыря Сослана, хорошо известного в нартских сказаниях. Недалеко оттуда находится овальная площадка, обложенная камнями и называемая «нартовское сборище». О смерти Сослана сообщает та же легенда, что о смерти Батраза. По словам О. Гатуева, в этом месте был найден крест желтой меди с изображением Распятия, поэтому предполагается, что здесь была какая-то христианская святыня. Близ Чуана лежит большой камень, называемый камнем нарта Сосруко. «По одному сказанию, Сосруко взехал на этот камень на своей лошади, и она оставила на камне следы своих копыт. Там же виднеются следы собаки, которая тоже взошла на камень, и даже мочи лошади Сосруко».⁵⁹

О популярности и глубоко национальном характере героя Сослана свидетельствуют, помимо самих сказаний, множество местных преданий, связанных с его именем, особенно в Дигории. Многие древние могильники в Дигории слывут за могилы Сослана. Показывают также камни, на которых он сидел. Один из летних праздников называется «праздником Сослана». Радуга зовется у дигорцев «лук Сослана». В одном сказании рекомендуется каждому позаботиться о том, чтобы его покойник получил на том свете более удобное место, чтобы наблюдать за последней схваткой Сослана с Тотрадзом, которая произойдет в загробном мире.⁶⁰

Хотя образ Сослана и ближе к человеческому, он, тем не менее, наделен свойствами «солнечности», что особенно проявляется в рассказах о его рождении и смерти. Предполагают, что если он и не эпический наследник скифского бога Солнца, которого Геродот называет Аполлоном, то, по крайней мере, связан с этим богом так же, как по «Махабхарате», солнце Сурья со своим сыном, солнечным героем Карной.⁶¹ По мнению Ю.А. Дзицойты, образ Сослана генетически восходит к образу скифского Колакся (Колакса), а сюжет о рождении Сослана имеет много общего со скифским сказанием о рождении Колакса.⁶² В ряде исследований приводятся также сопоставления с легендами о боге Митре, Зевсе⁶³ и др.

Смерть Сослана, преследуемого и настигнутого Колесом Барсага или Святого Иоанна, – аналогия с хорошо известными обрядами игры в дни летнего солнцестояния – позволяет определить место этого героя во времени. И, в целом, его цикл подтверждает это объяснение.⁶⁴ Чаще всего эти праздники устраивались по всей Европе в канун летнего солнцестояния (23 июня) или в день летнего солнцестояния (24 июня). Чтобы придать праздникам христианский оттенок, день летнего солнцестояния называли в честь святого Иоанна Крестителя, однако нет сомнений, что эти праздники начали справлять до нашей эры. По свидетельству одного средневекового автора, у праздника святого Иоанна имелись три отличительные черты: костры, факельное

шествие с обходом полей и катание колеса, символизирующего солнце, которое, достигнув высшей точки, начинает спускаться. Огни летнего солнцестояния горели в Европе до середины XIX века. Сквозь огонь прогоняли скот, чтобы на весь год излечить больных животных и предохранить здоровых от мора и всяких других напастей. В этот день многие главы семей гасили в домашних очагах огонь, чтобы вновь зажечь его при помощи головни, взятой из костра летнего солнцестояния. Потухший и вновь зажженный огонь напоминает хорошо известные обряды в дни зимнего солнцестояния или весеннего равноденствия. В главных чертах праздник святого Иоанна напоминает весенние праздники огня. Колесо Барсага, принесшее смерть Созрыко-Сослану, по виду и по назначению – солнечное колесо. Некогда оно, возможно, соответствовало в мифах какой-то части ритуала при солнцестоянии.⁶⁵

На Чоль-тобе в помещении 3 было совершено жертвенное погребение мужчины. Помещение входило в прямоугольный комплекс, окружавший центральное крестовидное сооружение и гипотетически связанный с понятием о круговом движении Солнца или о солнечном колесе. На полах помещений были следы от возжигаемых костров. Погребение, вероятно, совершено в «точке смерти» в день летнего солнцестояния, что соотносится с представлением о смерти Созрыко-Сослана, настигнутого колесом Барсага (солнечным колесом).

Каждый год в июне, то есть к Иванову дню (или в самый день), во время летнего солнцестояния, когда отмечаются крупнейшие европейские праздники «Полыхающих колес», отмечается также «праздник Сослана» около предполагаемой его могилы в Осетии.⁶⁶ Близ могилы в июне дигорцы режут баранов и молятся Сослану о хорошей погоде.⁶⁷

В.Ф. Миллер среди перечня множества дзуаров (святилищ Осетии – мест, пользующихся религиозным почитанием и считающихся жилищем известных духов), упомянул могилу Сослана.⁶⁸ Считается, что *dzwar* (или *dzuar*) идет из грузинского *dzvari* 'крест' и связано с христианством. По мнению В.И. Абаева, влияния грузинского на осетинский относятся в значительной части к более новым временам.⁶⁹ Ж. Дюмезиль отметил, что осетинское слово *dzuar* произошло от грузинского *divari* «крест», но означает также и языческие «святые места». ⁷⁰ Почти под таким же названием святилища известны у некоторых северокавказских народов, например у адыгов – джор.⁷¹ Наряду с этим у осетин сохранились и древнеиранские термины, относящиеся к небожителям и являющиеся, по определению В.И. Абаева, наследием дохристианской религии. Дзуарами называются божества и посвящаемые им святилища. Когда осетину нужно назвать весь сонм небожителей, он употребляет слово *dzwar* (*dzuar*).⁷² К числу общеосетинских божеств относятся те главнейшие дзуары, которые почитались всеми осетинами. Эти дзуары являются наиболее древними в верованиях осетин, включают в себя как древнекавказские, так и иранские элементы. Они широко отражены в мифологии, в нартских сказаниях, молитвах, воспеваются в религиозных песнях осетин.

Их бытование у предков осетин подтверждается археологическими находками, культовыми памятниками, особенно на исторической территории алан-осетин в Балкарии, и данными осетинского языка. Святилища осетин (*dzuar*) отличались большим разнообразием. Они представляли собой большей частью кучи камней; святилищам являлись пещеры, горы, камни и, так же как у грузин, адыгов и абхазов – кусты, деревья, рощи.⁷³

В нартском эпосе женой Созрыко-Сослана была дочь Солнца – Ацирухс, при сватовстве к которой жениху («нарту огнеокому») было поставлено условие – раздобыть цветы азá, редчайшего растения, растущего только в царстве мертвых. За цветами герой отправляется в страну мертвых, а затем возвращается в мир живых.⁷⁴ Предки называют Созрыко-Сослана «солнышко». Посетив царство мертвых, он возвращается с цветами от владыки мертвых Барастыра и с золотым кольцом от умершей жены Бедухи. Сослан чудесным образом строит дворец при помощи золотого кольца, очертив им круг – символ Солнца. «Цветы азá, что Барастыр любил, по четырем углам он рассадил».⁷⁵

В нартском эпосе все события, связанные с Сосланом, происходят в дневное время, ближе к полудню. Ему адресованы слова: «встаешь ты поздно, а ложишься рано».⁷⁶

В.Г. Ардзинба, подробно рассмотревший нартский сюжет о рождении героя (Сослана-Созрыко, Сасрыквы) из камня, выделил основные аспекты: место действия – река; характер действия – чудесное, непорочное зачатие героя, матерью которого является главная нартская героиня Сатана (Сатаней, Шатана) – бездетная девственница, живущая с мужем; время действия – полдень, лето.⁷⁷ Древний армянский историк Моисей Хоренский знал некую Сатиник, «высокородную деву аланскую царевну» (Кн. II, гл. 49-58).⁷⁸ Все, что ему известно о ней, – происхождения эпического и народного. Поскольку аланы – прямые предки осетин, имя царевны Сатиник давно сблизили с Сатаной из эпоса о Нартах. Предание о Сатиник и история Сатаны имеют интересные совпадения.⁷⁹

Захоронение на Чоль-тобе молодой женщины или девушки в возрасте 12-15 лет с пряслицем и игольником предположительно связано с образом Сатаны, а мужское захоронение в помещении 8, в «точке рождения» Солнца, – с рождением Созрыко-Сослана. То есть два мужских жертвенных погребения на Чоль-тобе соотносятся со смертью и рождением героя.

Чудесное зачатие Созрыко-Сослана произошло на реке. Он родился из камня, оплодотворенного пастухом (по одному варианту – Уастыржи, или Бесом, или Сосаг-Алдаром) при виде обнаженной Сатаны на берегу реки. В осетинской версии кузнец Курдалагон разбил камень и оттуда вынули младенца.⁸⁰ Согласно вариантам абхазской версии эпоса, тело новорожденного младенца было раскалено подобно углям, оно было жарче огня. В адыгских вариантах говорится, что ребенок «был горячий – голый рукой не могли его взять» или что «из камня вышел Сосруко – сверкающий, пылающий огнем». В абхазском эпосе

Сатаней или Гунде Прекрасной говорится, что, отправляясь к реке, она изготавливает веретено из целого ствола бука с пряслом из целого колтуна. В другом варианте сюжета о рождении Сасрыквы упоминается пряслице размером с мельничный жернов. Сатаней прядет шерсть или лен, белит холсты, шьет одежду для своих сыновей, стирает в реке. В других версиях описывается как Сатаней идет вдоль реки, прядет и несет на руке клуб шерсти со ста овец или следует по берегу реки, катя перед собой клуб шерсти. Об изготовлении Сатаней веретена, прясла, прядении шерсти с тысячи овец, приготовлении мотков и прядении на ткацком станком, о кройке и шитье одежды повествуется и в «Песне о Сатаней Гуаше». Из сказания адыгского эпоса известно о том, как вырастили Сосруко. Сатаней несет камень домой, четыре раза обматывает его шерстяными нитками и кладет «в кадушку с мякиной. Из мякины вытащила и переложила в теплое место, на мягкое». Обматывание камня шерстяными нитками сопоставляется с заворачиванием камня, из которого впоследствии рождается Сосруко, в шубу из овчины. Камень в овчине затем в тайне от людей Сатаней прячет в землянку. Среди действий Сатаней у реки встречается и купание в реке.⁸¹

В нартском эпосе отец Сатаны – Уастырджи, небожитель, «слегка христианизированный образ старого солнечного божества», мать – дочь водного царства Дзерасса, стало быть, Сатана – дочь солнца и воды.⁸² В её образе ярко выступают мифологические черты первой женщины-родоначальницы. Существует интересная параллель между нартской и скифской легендой. В.И. Абаев отметил, что, по всей видимости, происхождение племени от союза неба и воды было стойкой мифологической традицией скифов, которая в устах осетинских рапсодов дожила до наших дней.⁸³

Осень, закат, Уастырджи (Кзыл-Кайнар-тобе). Осенний цикл сельскохозяйственных работ связан с заготовкой сена на зиму, стрижкой овец и т.д. Распределение праздников по всему годовому циклу имело разумную практическую основу, определялось характером хозяйственных работ, с учетом таких важнейших астрономических явлений, как солнцестояние и равноденствие.⁸⁴

Главный осенний праздник *Giorguba/Gewaergoba* (Джиуæргуба) у осетин отмечался в месяц св. Георгия (приблизительно 2-я половина октября и 1-я половина ноября)⁸⁵. Сам праздник приходился на первую половину ноября. Название идет из груз. *Giorgoba* 'праздник св. Георгия', но ритуал – древний, языческий, лишь замаскированный христианским наименованием. Св. Георгий более известен у осетин под именем *Wastyrgi/Was-Gergi* (Уастырджи). *Ik'yna/lk'ina* – название календарного осеннего праздника, приуроченного к перегону скота с летних пастбищ в аулы. По содержанию праздник явно связан с древним скотоводческим циклом. Но название – христианское. Оно восходит к греческому 'обновление'. Так назывался в христианской церкви праздник «освящения храма».⁸⁶

В Южной Осетии из посвященных Уастырджи святилищ самым известным был Джеры дзуар, куда в течение почти двух месяцев (с начала

сентября по начало ноября) стекались паломники не только из Юга Осетии и соседних грузинских районов, но даже из Западной Грузии.⁸⁷

В.И. Абаев заметил, что на христианских «святынях»: Уастыржи (св. Георгий), Уацилла (св. Илья), Тутыр (св. Федор) и пр. были целиком перенесены образы древних языческих божеств. В реконструкции древнеосетинского культа считается правомерным подход с использованием христианизированных культов и исследованием их древнего языческого содержания. Христианство у осетин насчитывает не менее десяти столетий. Христианская пропаганда шла в Осетию из Византии и из Грузии. Но христианизация осетин имела, по-видимому, не очень глубокий характер, в их религиозном мировоззрении отмечены черты глубокого архаизма.⁸⁸

Уастырджи — *Wastyrgi/Waskergi (Was-Gergi)* — божество староосетинского пантеона. Он является покровителем путников и воинов, наделен также чертами солнечного божества. В посвященных ему легендах Уастырджи рисуется как всадник на белом коне и в белой бурке. Считается мужским божеством, женщины не могут называть его по имени и почтительно именуют «бог мужчин». Его постоянные эпитеты — «золотой» и «златокрылый». Древнейшая форма *Was-Gergi* состоит из элемента *wac* (→*was*) 'святой' и *Gergi* 'Георгий'. Св. Георгий пользуется особым всенародным признанием у осетин, грузин и русских. Свой ореол он унаследовал от дохристианских божеств, преемником которых стал и функции которых воспринял.⁸⁹

Праздничные дни в честь Уастырджи, приходящиеся на ноябрь и известные под названием Джиуаэргуыба, по значимости и масштабам пиршества являлись самыми большими в годовом цикле календарных праздников осетин. В горной полосе Северной и Южной Осетии не найдется населенного пункта, где бы не было святилища в честь Уастырджи. Культовые места отличаются друг от друга своим внешним видом. В некоторых местах они — церкви, в других — каменные постройки (на сухой кладке), кучи камней, одинокое дерево, роща и т.д.⁹⁰

Самым значительным и почетным из дней первой недели праздника считалась ночь на вторник, когда в жертву святому приносилась коза. В эту ночь каждая семья с приношениями (пироги, арака, пиво, мясо) шла к культовому месту Уастырджи. В дни празднования расходы бывали настолько велики, что многие хозяйства разорялись. Уастырджи — особо чтимый осетинами святой, самый главный персонаж в пантеоне осетинских божеств. Он является главным патроном человека во время посмертного путешествия в загробный мир. С молитвы об Уастырджи начинается и кончается осетинский традиционный стол. Имя Уастырджи окружено легендами. К нему обращались в самых разных обстоятельствах жизни; он насылал болезни на провинившихся людей; его именем проклинали, благословляли друг друга. Особенно ярко вырисовывается образ Уастырджи в клятвенных формулах. Дни празднования Джиуаэргуыба приходились на осень не случайно. К этому времени завершалась уборка урожая и осетины могли распоряжаться плодами своих годовых усилий. Две недели, следующие за началом праздника, посвящались сватовству и свадьбам.⁹¹

Сравнительно-историческое изучение и сопоставление некоторых обычаев и обрядов современных осетин с бытом алан, сарматов, скифов позволяют установить сходство и преемственность многих обычаев и обрядов. В частности, известное высказывание А. Марцеллина о том, что аланы поклонялись богу войны в виде меча, наводит косвенные параллели в быту современных осетин. Некоторые черты культа Уастырджи и связанные с ним обряды позволили многим исследователям видеть в его образе прототипа аланского бога войны. Он так же наделялся способностью обеспечивать им удачу в военных предприятиях, безопасность в походах и т.д. Где бы ни застали осетина-мужчину днй Уастырджи, он непременно должен был помолиться святому. О том, что в образе Уастырджи прослеживаются черты древнего бога войны алан, свидетельствуют многочисленные военные доспехи и военизированные обряды, совершавшиеся в святилище Реком, которое считается главным средоточием всех явлений и понятий, связанных с древнеаланским культом и его трансформированными вариантами, касающимися Уастырджи. Еще более интересен военизированный обряд обратимства – братания солдат, который совершался у алтаря святилища Реком в далеком прошлом.⁹² В.Ф. Миллер упомянул представления, что осетинские святилища – Реком, Мыкалыгабыртэ якобы «явились из слез, пролитых богом смерти нарта Батраза». Подобные приурочивания имен Нартов к местности встречаются и у кабардинцев. Дзуары Реком и Мыкалыгабыртэ расположены в долине реки Цей-дона, близ Цейского селения в часе пути от Цейского ледника. Первый из них – древняя часовня, посвященная некогда св. Георгию (Уастырджи), второй – остаток христианской церкви, построенной когда-то во имя св. Николая.⁹³ В аланскую эпоху современный осетинский пантеон подвергся христианизации. Большинство «христианских» божеств осетинского пантеона имеют дохристианские, индоиранские корни.⁹⁴

По мнению В.Ф. Миллера, в виду необычайной святости Рекома во всей Осетии и его положения в глуши, близ одного из величайших шедчеров (ледников) Кавказа, можно думать, что это святилище восходит ещё к языческим временам. Вероятно, как это часто бывало, христианские миссионеры осветили прежнее капище постройкой на его месте христианского храма; но вследствие слабого влияния христианства на осетин, языческий элемент пересилил, св. Георгий принял облик прежнего языческого бога, и в настоящее время о христианском храме сохранилось лишь смутное воспоминание. Реком, как и другие дзуары, посещается только тогда, когда справляется известный праздник. Надзор за святилищем поручается какому-нибудь почтенному старику. Он хранит ключи от капища и вносит в него приношения молельщиков, так как один имеет право входить внутрь. Кроме приношений пищи, некоторых вотивных вещей или вещей по обету (ex-voto), обычные жертвы в храм состоят из монет, кусков ваты и серебряной канители.⁹⁵

Уастырджи имеет связь с аграрной религией. С одной стороны имя Георгий производно от греческого слова, означающий «земледелец», с другой – некоторые фольклорно-этнографические черты объединяют

культ Уастырджи с аграрным культом осетин. Уастырджи наделен чертами повелителя погоды и урожая. Поэтому к нему обращались за помощью и содействием в благополучном исходе полевых работ. Многое говорит и наделение Уастырджи чертами солнечного божества, которое, в свою очередь, тесно связано с аграрным культом.⁹⁶

Погребение воина с мечом и фигуркой коня на памятнике Кзыл-Кайнар-тобе, вероятно, связано с культом Уастырджи.

Культобе. Зима, ночное солнце, рождение солнца, восход. В строительной истории вскрытой части архитектурного комплекса цитадели Ясы были выделены три периода, два из которых синхронизированы с периодами строительной истории юго-восточного здания. Три основных периода существования, связанных с перестройками, явились следствием некоторых изменений в проведении обрядов.

Памятник Культобе, как было отмечено выше, функционировал в холодное время года, он находился в районе зимовки населения, практикующего отгонное скотоводство и ведущего полукочевой образ жизни.

На первом этапе существования, судя по направлению световых проемов в восточной закругленной «ветви» креста, он совмещал в себе весь годовой цикл праздников.

В северо-восточное окно солнечный луч проникал во время восхода солнца в день летнего солнцестояния, в юго-восточное – в день зимнего солнцестояния, в восточные окна – в дни весеннего и осеннего равноденствий. Проходя внутрь сооружения, лучи восходящего дневного Солнца встречались с другим источником света – огнем, горящим на суфе у северной стены. В этом источнике была воплощена идея о ночном Солнце, его свет выходил наружу через северные окна. Римский писатель Л. Апулей из Мадавры (середина II в. н.э.) упоминает ночное Солнце, описывая обряд таинства Исиды и чин посвящения в ее мистерии: «Я достиг пределов смерти, преступил порог Прозерпины и снова вернулся, пройдя все стихии; в полночь я увидел солнце в сверкающем блеске, предстал перед богами подземными и небесными и вблизи поклонился им» (Met. XI.26).⁹⁷ В точке «рождения» в восточной части вытянутого центрального помещения был устроен кенотаф в виде катакомбы. Из призыва в Атхарваведе <На долгую жизнь> (V, 30.15): «Пусть солнце, верховный владыка, вытащит тебя лучами из смерти!»⁹⁸

Во второй период существования памятника происходит строительство юго-восточного здания, окружающего открытый двор. При облицовке внешней стороны крестообразного сооружения закрываются все окна, кроме юго-восточного, направленного на точку рождения солнца в день зимнего солнцестояния. Этот праздник становится основным праздником храма. В христианстве праздник храма или церковный праздник называется престольным.

Изображения крестов на предметах, найденных на городище, связано с символикой солнца. Между северным и западным ветвями

крестообразного сооружения была найдена бронзовая пластинка прямоугольной формы с выбитым контуром крестика X-образного начертания. Подобным образом изображается зимнее солнце, прямой крест обозначает солнце летом.

У осетин в числе годовых праздников и праздников зимнего цикла важное место занимало празднование Нового года, когда завершался и одновременно начинался год. Обычаи и обряды этих праздников во многом схожи: оба они приурочивались ко времени зимнего солнцеворота, к периоду возрождения солнца. Предки осетин придавали этому астрономическому явлению магическое значение,шедшее отражение в словесных формулах. Самой важной считалась ночь накануне Нового года, к которой приурочивались многочисленные обрядовые процедуры. Большое значение придавалось обновлению огня в очаге. Огонь, зажженный новыми бревнами, должен был пылать в течение целого года, награждая семью благополучием и изобилием. Новый год и новый огонь были тождественными понятиями. На новом огне должно было быть сварено и испечено все необходимое для праздника. В Новый год пекли многочисленные ритуальные пироги и обрядовые фигурные печенья. Самым значительным из хлебов являлся большой ритуальный новогодний пирог, известный под названием *Æртхурон* (*Хуратхурон*). Он имел форму диска с лучеобразными линиями, расходящимися от центра. Есть мнение, что разделение обрядового хлеба между членами семьи (а иногда и между животными) представляет эпизод обряда «богоедания», принявшего в христианском мире форму причащения. Форма пирога и линии на нем напоминают древние символы огня и солнца на ритуальном предмете и связаны с аграрной религией. Об этом свидетельствует не только название (*арт* – огонь, *хур* – солнце), но и следующие обращения к нему: чтобы был испечен огнем и солнцем. Термины *Хуратхурон* (*Хуратхурон*) и *Æртхурон* – варианты одного и того же слова. Под *Æртхурон* следует понимать олицетворение небесного огня – солнца. Об этом свидетельствует и обряд вынесения его во двор при восходе солнца. Л. Я. Штернберг писал, что осетины делают на Рождество круглый каравай, который носит характерное название «Огненное солнце», так как Рождество – это праздник солнца, а пирог этот является своего рода идолом, изображением солнца. Согласно материалам устного народного творчества и мнению отдельных ученых, божество солнца было известно осетинам под названием *Хурзæрин* (букв. «солнце золотое»).⁹⁹

На территории внутреннего двора Культобе выявлены прослойки полов мощностью более полуметра. В данное время частично зачищены три верхних слоя. На верхнем уровне глиняной обмазки обнаружено обилие мелкой гальки, а в полу зафиксированы идущие по кругу (диаметром 3,5 м) круглые отверстия (диаметром 8–12 см), глубиной 15–20 см. Отверстия преимущественно заполнены речным песком. При частичном снятии обмазки пола получен небольшой комплекс керамики, в основном чаши фиалы и кувшины, обилие разбитых костей крупного и мелкого рогатого скота. По мере снятия полов обмазки пола

увеличилось количество цилиндрических отверстий в полу. Очевидно, каждый уровень пола связан со своей системой отверстий.¹⁰⁰

В юго-восточном дворе Культобе круги с лунками, заполненными речным песком, прослойки полов «со своей системой отверстий» по аналогии с памятниками Северного Кавказа (см. Нижний Архыз), вероятно, связаны с расчетами астрономических явлений и проводимыми в соответствии с этим обрядами и жертвоприношениями. Заполнение северо-восточной полукруглой башни (*помещение 1*) прямоугольного здания «речными булыгами» является жертвенным. В культовом комплексе была заложена точка восхода солнца в день летнего солнцестояния. Святилища *дзуары* Северного Кавказа представляли собой большей частью кучи камней, подобные святилища (*обел*) известны в горах Жетысу, в Монголии и в других местах.

Сравнив назначение трех храмов конца III–IV вв. из Казахстана, можно высказать предположение, что первоначально было построено крестообразное сооружение Культобе. Об этом свидетельствует наличие световых окон, куда проникали солнечные лучи в разное время года. В период закладки всех окон, кроме юго-восточного, и пристройки юго-восточного здания предположительно строятся сезонные памятники в Таласской долине (Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе) и функции памятников разделяются. Праздники, связанные с определенным временем года и с Солнцем, отмечались в отведенных для этой цели местах. Сармато-аланские племена – солнцепоклонники – в теплое время года продвигались вслед за светилом. Это было связано с хозяйственными нуждами и соотносилось с религиозными представлениями, необходимостью привести свою жизнь в соответствие с устройством мироздания для достижения гармонии и благоденствия.

Түйін

Г.А.Терновая

III Ғ. АЯҒЫ – IV Ғ. ХРАМДАРДЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ЖОСПАРЛАНУЫНЫҢ НЕГІЗГІ ПРИНЦИПТЕРІ (ОТЫРАР-ҚАРАТАУ МӘДЕНИЕТІ)

Мақалада III ғ. аяғы–IV ғ. сармат-алан тайпаларының мәдени кешені отырар-қаратау мәдениетіне жататын Шөлтебе, Қызылқайнартебе, Күлтөбе қарастырылады. Ескерткіштер жыл мезгілдерін анықтаумен байланысты Күн храмы ретінде анықталды. Жүргізілген зерттеулердің нәтижесінде Оңтүстік Қазақстандағы Күлтөбедегі құрылыс алғашында крест тәрізді салынған деген қорытынды жасалды. Мұны жылдың әр мезгілінде күн сәулесі түсетін жарыққа арналған терезелердің бары дәлелдейді. Барлық терезелердің оңтүстік-шығысындағысынан және ғимараттың оңтүстік-шығысындағы құрылыстан басқасы қаланғанына болжаммен Талас өңіріндегі (Шөлтебе мен Қызылқайнартебе) маусымдық ескерткіштерді жатқызуға болады және олардың қызметі де бөлінеді. Мейрамдар жыл мезгілін анықтаумен және Күнмен байланысты болғандықтан бұл орындар осы мақсатта жасалған деп белгілеуге болады.

Abstract

G.A.Ternovaya
**THE MAIN PRINCIPLES OF PLANNING AND ESTABLISHMENT OF
 TEMPLE FORMS OF THE LATE III – IV CC.
 (Otrar-Karatau culture)**

In the article there are considered cult complexes of Sarmat-Alan tribes of the late III – IV c: Chol-tobe, Kzyl-Kainar-tobe and Kultobe which are referred to Otrar-Karatau culture. The monuments are defined like temples of Sun which are connected with the definite time of a year. In the result of carried out research, the conclusion was made that initially there was built cross shaped construction Kultobe in South Kazakhstan. The evidence of the above is presence of light windows where could reach sun rays in different time of a year. In the period of construction of all windows except south-eastern ones and the enclosure of south-eastern building, supposedly, there were built the monuments in Talas valley (Chol-tobe and Kzyl-Kainar tobe) and functions of monuments were separated. The feasts connected with the definite time of a year and with Sun were being celebrated in the places defined for that purposes.

1. *Мерциев М.С.* Поселение Чоль-тобе в северных предгорьях Киргизского Алатау // Вестник АН Каз. ССР. – 1966. – № 12. – С. 69-73; *Максимова А.Г., Мерциев М.С.* Восточная округа Тараза в I тыс. н.э. / Архив ИА МОН РК. Инв. № 1183. – 150 с., илл.
2. *Мерциев М.С.* Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века. // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – С. 79-92.
3. *Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И.* Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана: матер. междунар. науч. конф.: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посв. 20-летию независимости республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. 12-15 декабря 2011 г., г Алматы. – Алматы, 2011. – Т. III. – С. 61-71.
4. *Терновая Г.А.* Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине IV–V вв. (по результатам археологических работ М.С. Мерциева) // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – 2009. – № 1. – С. 275-292; *Терновая Г.А.* О храмах Солнца в Южном Казахстане и Жетысу // Вестник Университета «Кайнар». – 2008. – № 4/1. – С. 76-82.
5. *Сулейманов Р.Х.* Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э.–VII в. н.э. – Самарканд–Ташкент, 2000. – С. 249-250, 258-259.
6. *Филанович М.И.* Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. – Ташкент: «Фан» Уз ССР, 1983. – С. 56-59; *Алимова Д.А., Филанович М.И.* История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). – Ташкент, 2007. – С. 83.
7. *Филанович М.И.* «Temple town» городища Мингурик в Ташкенте // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура: матер. междунар. науч. конф., посв. 80-летию Г.В. Шишкиной. – М., 2010. – С. 91-93; *Богомолов Г.И., Ильясова С.Р.* К вопросу о зданиях с крестовидной планировкой в Чаче // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2010. – № 1 (274). – С. 177-185; *Богомолов Г.И., Ильясова С.Р.* К дискуссии о зданиях с крестообразной планировкой в Чаче // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии: сб. статей в честь Поля Бернара. – Самарканд, 2010. – С. 106-116.
8. *Горбунова Н.Г.* Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА. – 1977. – № 3. – С. 110.
9. *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. – М., 1996. – 398 с.

10. Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетысарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э. // Культура и искусство древнего Хорезма. – М., 1981. – С. 174.
11. Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. – Алматы, 2005. – 224 с.; Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 89.
12. Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 370.
13. Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 79, 80-81, 89-81, рис. 46, 47, 48.
14. Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 249, рис. 29, 30, илл. 35 г.
15. Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 24-27, рис. 10, 20, 28-30.
16. Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Казахстана (I тыс. н. э.). – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 74-75, рис. 39, 40; Байпаков К.М., Терновая Г.А. Анимистические представления горожан Южного Казахстана в средневековье // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. - 1999. – № 1 (219). - С. 92-102; Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культура средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). – Алматы, 2005. – 236 с.
17. Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 249.
18. Болелов С.Б. Керамические курильницы из склепов Алтынасар 4 Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетысарская культура. Ч. I. Склепы. – М., 1993. – С. 199-223.
19. Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 90-92.
20. Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 371.
21. Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. – М., 1969. – С. 210-211; Смирнов К.Ф. Сарматы – огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1975. – С. 156-159.
22. Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы» или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. – 2006. - № 1. – С. 141-154; Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня... – С. 210, 214; Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культурный комплекс на Устьюрте // СА. -1990. - № 4. – С. 196-206.
23. Смирнов К.Ф. Сарматы – огнепоклонники... С. 156.
24. Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примеч. Г.А. Страгановского. – Л., 1972. – С. 78, 79.
25. Смирнов К.Ф. Сарматы – огнепоклонники... С. 156-159.
26. Кузнецов В.А. Очерки истории алан – Владикавказ, 1992. – С.286-287.
27. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1993. – С. 102.
28. Кузнецов В.А. Нижний Архыз... С. 107.
29. Рудницкий Р.Р. О зороастризме у алан в VII–IX вв. // Историко-археологический альманах. – Армавир, 2001. – № 7. - С. 75-86.
30. Кузнецов В.А. Нижний Архыз... С. 107-110.
31. Рудницкий Р.Р. О зороастризме у алан... С. 75-86.
32. Кузнецов В.А. Нижний Архыз... С. 104-106.
33. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе 2 (I – начало IV в. н. э.) // Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968. – С. 11-79.
34. Терновая Г.А. О культовом значении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I–VI вв. // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – Алматы, 2008. - № 1 (254). – С. 218-238.
35. Терновая Г.А. О культовом значении... С. 218-238.
36. Тургиев Т.Б. О скотоводстве у алан // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1969. – Т. 2 -С.129.
37. *Aletany A. Sources on the alans. A Critical Compilation. – Leiden.*

- Boston, Koln, 2000. – 2000. – 461 p. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003. – С. 71-72.
38. *Терновая Г.А.* Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине... С. 275-292.
  39. История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А.В. Седова. М., 2004. – С. 139.
  40. *Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И.* Открытие архитектурного комплекса... С. 61-71.
  41. *Терновая Г.А.* Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине... С. 275-292.
  42. *Миллер В.* Осетинские этюды. Ч. 2. Исследования / Ученые записки Император. Московск. универ-та. Отд. истор-филологич. – М., 1882 (303). – Вып. 2. – С. 262-263; *Миллер В.Ф.* В горах Осетии / Сост. Т.А. Хамидзаева. – Владикавказ, 2007. – С. 405.
  43. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос. – М., 1976. – С. 26-27.
  44. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос... С. 33-36, 161.
  45. *Дзицойты Ю.А.* Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. – Владикавказ, 1992. – С. 259.
  46. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949. – Т. 1. – С. 70.
  47. *Абаев В.И.* Избранные труды. Т.1: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ, 1990. – С. 275-278.
  48. Антология армянской поэзии с древнейших времен до наших дней. – М., 1940. – С. 240.
  49. *Абаев В.И.* Избранные труды... С. 275-278.
  50. *Ардзинба В.Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М., 1985. – С. 131, 155-156.
  51. Осетинские нартские сказания / Перевод с осетин. Ю. Либединского. Ответ. ред. К.Д. Кулов. – Дзауджикау, 1948. – С. XXVII.
  52. *Терновая Г.А.* Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине... С. 275-292.
  53. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). – М., 1991. – С. 68, 157.
  54. *Грязнов М.П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. – Л., 1961. – С. 139-144.
  55. *Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т.* Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. – 1985. – № 4. – С. 150.
  56. *Цуциев А.А.* Погребальная обрядность сарматов, алан и осетин: археолого-этнографические параллели // Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы: матер. республиканской научно-практ. конф. – Владикавказ, 2009.
  57. *Калоев Б.А., Мижгаев М.И., Салакая Ш.Х.* Нарты // МНМ, – СЭ. – 1992. – Т. 2 – С. 199-201.
  58. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты / Сокр. Перевод с франц. А.З. Алмазовой. – М., 1990. – С. 71, 72.
  59. *Миллер В.* Осетинские этюды. Ч.1. (Осетинские тексты) / Ученые записки Императ. Московск. универ. Отд. истор-филологич. Вып. 1. – М., 1881. – С. 8-9; *Миллер В.* Осетинские этюды. Ч. 2. Исследования... С. 261.
  60. *Абаев В.И.* Избранные труды... С. 173.
  61. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты... С. 71.
  62. *Дзицойты Ю.А.* Нартовский эпос и Амириани. – Цхинвал, 2003. – С. 41-42.
  63. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос... С. 70-71, 76; *Дзицойты Ю.А.* Нартовский эпос... С. 41.
  64. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос... С. 17, 76.
  65. *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М., 1983. – 581-590; *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты... С. 73-75.
  66. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос... С. 76.
  67. *Миллер В.* Осетинские этюды... Ч. 2. – С. 261.
  68. *Миллер В.* Осетинские этюды... Ч. 2. – С. 255-262, 261.

69. *Абаев В.И.* Избранные труды... С. 104-105; *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор... С. 87.
70. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос... С. 113.
71. *Калоев Б.А.* Осетины: Историко-этнографическое исследование. – М., 2004. – С. 350.
72. *Абаев В.И.* Избранные труды... С. 104-105.
73. *Калоев Б.А.* Осетины... С. 350-351; *Миллер В.* Осетинские этюды... С. 250-251 и сл.
74. *Нарты.* Эпос осетинского народа. – М., 1957. – С. 260-270.
75. *Нарты.* Эпос осетинского народа... С. 269.
76. *Нарты.* Эпос осетинского народа... С. 272.
77. *Ардзинба В.Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня... С. 128-168.
78. *Хоренский М.* История Армении / Перевод с армян. и объясн. М. Эммануил. – М., 1858. – С. 120-127.
79. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос... С. 51-54.
80. *Калоев Б.А.* Сослан // СЭ. – 1992. – Т. 2. – С. 464.
81. *Ардзинба В.Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня... С. 131-132.
82. *Абаев В.И.* Избранные труды... С. 162.
83. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор... С. 42.
84. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. – М., 2006. – С. 355.
85. *Миллер В.* Осетинские этюды... Ч. 2. – С. 263.
86. *Абаев В.И.* Избранные труды... С. 130.
87. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин... С. 483-489.
88. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор... С. 69-70.
89. *Абаев В.И.* Избранные труды... С. 133, 162.
90. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин... С. 483-489.
91. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин... С. 483-489.
92. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин... С. 483-489.
93. *Миллер В.* Осетинские этюды... Ч. 2. – С. 237-238, 255-256; *Миллер В.* Осетинские этюды... Ч. 1. – С. 8; *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. – Орджоникидзе: Ир, 1977. – С. 167-168.
94. *Дзиццойты Ю.А.* Нартовский эпос и Амириани... С. 48.
95. *Миллер В.* Осетинские этюды... Ч. 2. – С. 257.
96. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин... С. 483-489.
97. *Ранович А.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 151.
98. *Атхарваведа (Шаунака).* - Т.1, кн. I–VII / Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 261.
99. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин... – С. 362, 365-367; *Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. – Л., 1936. – С. 470.
100. *Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И.* Открытие архитектурного комплекса... С. 66.

*III. Исследования
археологических памятников
Евразии*

В.А. Кольченко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В.В. РАДЛОВА В КЫРГЫЗСТАНЕ

Точная оценка актуальности того или иного научного вопроса невозможна без знания о его истоках и эволюции, без знания о его историографии. Несмотря на традиционность для кыргызстанской исторической науки историографической рефлексии, досих пор вскрываются факты выпавшие полностью или не достаточно проработанные. Одним из таких фактов являются археологические исследования Василия Васильевича Радлова на территории нашей страны.

Полевые исследования в Средней Азии В.В. Радлов проводил в первый, «алтайский», период своей научной карьеры. Занимая должность учителя немецкого и латинского языков в Барнаульском окружном Высшем горном училище, он, начиная с 1860 г. ежегодно (за исключением 1864 г.) выполнял полевые исследования филологического, фольклорного и археологического (с 1862 г.) характера,¹ зачастую совмещая одни с другими.

Планируя свои разнонаправленные полевые исследования в Средней Азии, В.В. Радлов получил официальные разрешения и задания от Императорской археологической комиссии и Русского географического общества, подкрепленные соответствующими денежными суммами. Основные итоги проведенных исследований были им своевременно изложены в соответствующих отчетах и частично опубликованы.²

Первоначально предполагалось провести исследования в 1868 г., однако, как писал он сам: «Политические обстоятельства лета 1868 года не дозволили мне приступить к разработке на этих местах, и я должен был отложить это до следующего года». Тем не менее, в 1868 г. вместе с русскими войсками он проследовал из Верного (совр. Алматы) через Кастек в Чуйскую долину, затем вдоль Киргизского хребта к Аулие-Ата (совр. Тараз) и далее через Ташкент, Ходжент в Заравшанскую долину. По пути следования им делались археологические наблюдения, в частности для Чуйской долины о тяготении курганов к предгорной зоне, а многочисленных городищ, называемых местными жителями «калмак-коргон», - к «окрайности прилавок к рекам».⁴

В следующем, 1869 году, им проводились одни из первых в Средней Азии⁵ и первые на территории Кыргызстана официальные археологические раскопки. К этому времени 32-х летний исследователь имел некоторый, достаточно успешный опыт раскопок курганов, в том числе Большого Катандинского, и, пусть не очень удачный, - раскопок городищ.⁶ Его методический уровень, по оценкам современных специалистов, хотя и не был передовым, но вполне отвечал общему уровню своего времени; он был знаком и руководствовался на практике официальными инструкциями Археологической комиссии, а также сам пытался разрабатывать адекватные условиям методики.⁷

Первый пункт его раскопок на территории современного Кыргызстана располагался «в 30 верстах в западу от Токмака».⁸ Исследователь первоначально считал, что он раскапывает курганы, подобные сибирским, исследованным им ранее: «я пытался исследовать огромные кладбища, находившиеся ... вокруг огромной калмыцкой крепости, называемой Тёрткуль».⁹

В современной номенклатуре археологических объектов Чуйской долины «Тёрткуль» не сохранился, что несколько затрудняет определение места работ В.В. Радлова. Но в историографии он встречается несколько раз. Так, в 1877 г. на IV Археологическом съезде в Казани был представлен доклад Терентьева «О развалинах крепости Турткуль в Токмакском уезде», пересказанный двумя строчками в Трудах съезда: «следы укрепления заметны, но при раскопках найдено не много вещей и почти ничего замечательного, кроме разве глиняного кувшина с истлевшими костями».¹⁰ Возможно, в самом докладе местонахождение этого объекта и было приведено более конкретно, но текст доклада не известен. Интересующий нас топоним трижды нанесен на карту археологических разведок А.И. Тереножкина 1929 г.¹¹ Первый, наиболее западный (№ 7 на опубликованной карте), применен к «бывшему городу с крепостью в середине» в с. Ново-Николаевском.¹² Второй (№ 127 на карте А.И. Тереножкина) – к городищу, находящемуся ныне на западной окраине г. Бишкек и известному в литературе как Ключевское,¹³ Пишпекское¹⁴ или Новопапавловское. Третий (№ 61 у А.И. Тереножкина) – к городищу, расположенному «в 1 километре к западу от развалин Ак-Пишин» (совр. чтение – Ак-Бешим) на востоке Чуйской долины.¹⁵ Все три пункта не соответствуют расстоянию, указанному исследователем. Т.е. прямое сопоставление топонима не позволяет конкретизировать место работ В.В. Радлова. Если же исходить из приведенного расстояния – 32 км от г. Токмак на запад, – то под Тёрткулем следует понимать Краснореченское городище. Часть описанных исследователем реалий находит соответствия в современном рельефе городища, тем самым подкрепляя отождествление.

Мы не будем приводить подробные описания его работ, так как Отчет опубликован.¹⁶ Заметим лишь, что раскопочные работы велись на четырёх объектах. Первый из них находился к востоку от Тёрткуля «шагах в 500 на самом углу прилавка» и включал три раскопанных «кургана». Второй располагался к западу от Тёрткуля «шагах в 300» и представлял собой высокий пирамидальный холм, окруженный четырьмя более мелкими холмами («треуголка», как называют его местные жители, или т.н. «храм огня» современной номенклатуры – ?); здесь был раскопан один наименьший «курган». На третьем объекте, располагавшемся к югу от второго, из 15 отмеченных вскрывалось 10 «курганов». Каких либо вразумительных результатов раскопки не дали. Причина этого, надо полагать, – изначально ошибочный посыл В.В. Радлова об исследовании «курганов». Достаточно уверенно об этом позволяют говорить современные знания о Краснореченском городище и артефактах с него – это именно городище, а не погребальные

курганы.¹⁷ Предполагаемый тип объектов определял и использованную методику раскопок – «круглыми ямами», доходящими в одном случае до 6,5 м в диаметре, опускаемыми с вершины до материка и ниже с целью выявления погребальных конструкций.

Четвертый объект раскопок был расположен «между четырёхугольными валами Тёрткуля» – «один из домов, образовавший довольно большой квадрат в сажень 10» (~ 21 м). Он снимался «по всему объёму», но стен выявлено не было, т.к. В.В. Радлов ожидал увидеть их из камня или жженого кирпича. И лишь когда было пройдено около трёх метров, из которых половина ниже современной дневной поверхности, исследователь понял, что «дома деланы были из глины на подобие Сартских». Удручённый таким исходом В.В. Радлов оставил раскопки, записав в отчёте, что «только сплошная раскопка могла дать удовлетворительный результат».¹⁸

Положение второго пункта раскопок В.В. Радлова на территории современного Кыргызстана указано исследователем довольно путано. Сначала говорится, что в 4,3 км к востоку от первого пункта имеются «бугры» у «маленького укрепления», называемого киргизами «маленьким тёрткулем», оставленные без раскопок. Затем – о группе в 80 курганов в 3,2 км к западу от «маленького укрепления» «у притока реки Чу на широкой плоскости».¹⁹ Буквальное понимание текста должно указывать на объект в 1-1,5 км к востоку от Краснореченского городища. Но на таком удалении от него нет притоков р. Чу! Редакторы Археологической комиссии сложили указанные расстояния и опустили направление.²⁰ И оказались, вероятно, правы, т.к. на указанном расстоянии к западу от Краснореченского городища протекает р. Иссык-Ата, впадающая в р. Чу, а примерно посередине располагается небольшое Кенешское городище современной номенклатуры.²¹

В указанной группе из 80 «бугров» было исследовано восемь. Результат был аналогичен предыдущим работам, т.е. близким к нулю. В итоге В.В. Радлов пришёл к выводу, что «здешние возвышения не есть могильные насыпи, но они, вероятно, служили для какой-то другой цели. Домами не могут быть, ибо ни остатков горшков, ни кирпичей в насыпи не находилось. Найденные глиняные площадки указывают, что это было место жертвоприношения».²²

И последний, третий пункт раскопок В.В. Радлова на территории современного Кыргызстана, располагался «по верхнему течению Чу верстах в 10 (~10,7 км) от самого Иссык-Куля». Здесь он раскопал несколько курганов,²³ давших весьма скудный сопроводительный материал, но позволивший зафиксировать некоторые элементы погребального обряда – труположения в неглубоких (до 0,3-0,4 м) ямах с ориентацией погребённых головой на северо-восток. Размеры, форма, состав насыпи для данного пункта им не приводятся. Но абзацем выше он говорит о том, что «курганы с круглыми насыпями из крупных камней» расположены по всему северному берегу озера, начиная от Боомского ущелья.²⁴ Надо полагать, что и раскопанные курганы были по внешнему облику такими же.

В анализируемом «Отчете о проведенных раскопках курганов летом 1869 года» нет никаких культурных и хронологических атрибуций. Лишь рассуждая о хронологическом соотношении «курганов» и городища к западу от Токмока, В.В. Радлов указывает на их асинхронность, логически предполагая большую древность «курганов».²⁵

По современным данным погребальных курганов в районе, а тем более на территории Краснореченского городища, нет вовсе. Надо полагать, что В.В. Радлов раскапывал традиционные раннесредневековые городские объекты, в том числе наусы. Несмотря на то, что это городище имеет длинный шлейф исследований, его нижние слои, позволяющие аргументировано говорить о времени основания, всё ещё не раскапывались. Достоверно можно говорить, что на рубеже VIII-IX вв. оно существовало.²⁶ Верхней границей его жизни обычно указывается XII - начало XIII вв. Но нахождение двух христианских надгробных камней XIII-XIV вв. (по чтению В. Кляйна²⁷) в фундаменте постройки верхнего периода на цитадели автоматически отодвигает её на век-другой - до XIV-XV вв.

О датировке раскопанных курганов на Иссyk-Куле можно лишь сказать, что они не моложе II-I вв. до н.э, так как в них найдены изделия из железа.

Наличие отсылок в тексте Отчёта предполагает наличие иллюстративного материала или описи находок, но нам они остались неизвестны.

Резюмируя всё вышеизложенное, нужно констатировать, что проведенные В.В. Радловым в 1868-1869 гг. исследования на территории современного Кыргызстана в силу применённых методики раскопок, фиксации материала и, в меньшей степени, сохранности полевой документации мало информативны для собственно археологической науки, но имеют важное историографическое значение как самые первые официальные полевые исследования древностей страны. Таким образом, они должны стать точкой отсчета историографии археологии Кыргызстана.

Түйүн

В.А. Кольченко

В.В. РАДЛОВТЫҢ ҚЫРҒЫЗСТАНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

Мақалада Василий Васильевич Радловтың Қырғызстан аумағындағы археологиялық зерттеулеріне қысқаша шолу жасалған. Автор 1868-1869 жж. В.В.Радлов қазіргі Қырғызстан аумағында қазба әдістерін, материалдарды фиксациялауды пайдалану арқылы жүргізген далалық құжаттамалары төменгі деңгейде сақталып, археология ғылымында аз хабарланса да елдің көне заманын ағаш рет ресми далалық зерттеу жүргізуші ретінде тарихнамалық маңызға ие екендігін атап өткен.

Abstract

V.A.Kolchenko

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF V.V.RADLOV IN KYRGYZSTAN

Short review of archaeological researches of Vasily Vasilievich Radlov on the territory of Kyrgyzstan is presented in the article. The author states that the researches carried by V.V.Radlov in 1868-1869 years on the territory of Kyrgyzstan are not informative very much because of the used methods of excavations, fixation of material and in less level the safety of field documentation for archaeological science, but they have the important historiographical meaning as the first field researches of antiquities of country.

1. Кононов А.Н. Радлов // Библиографический словарь отечественных тюркологов. – М., 1989. – С. 194-198; Артюх А.Е. К вопросу о методике археологических исследований во второй половине XIX в. (на примере деятельности В.В. Радлова) // Актуальные вопросы истории Сибири. 5-е научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2005. – Электронная версия. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/107.html> 251.
2. Радлов В.В. Отчет о проведенных раскопках курганов летом 1869 года // Архив ИИМК РАН (СПб., Россия). Фонд 1, Дело № 22 от 1868 г. – ОАК за 1869 г.; Радлов В.В. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. // Известия РГО. – СПб., 1871. – Т. VI. – С. 96-100; Радлов В.В. Средняя Заравшанская долина // Записки РГО по отд. этн. – СПб., 1880. – Т. VI. – С. 1-92 (1-я пагин.).
3. Поход русских войск под командованием Черняева на принадлежавшее на тот момент Кокандскому ханству Ташкент и далее.
4. Радлов В.В. Отчет о проведенных раскопках курганов летом 1869 года // Архив ИИМК РАН (СПб., Россия). Фонд 1, Дело № 22 от 1868 г. л. 10-б.; Радлов В.В. Отчет о проведенных раскопках курганов летом 1869 года // МИАК. – Бишкек, 2009. – Вып. 4. – С. 131.
5. Ранее известны только работы П.И. Лерха в 1867 году.
6. На р. Томь в 1865 г. Артюх А.Е. К вопросу о методике... С. 252-253.
7. Артюх А.Е. К вопросу о методике... С. 251-253.
8. ОАК за 1869 год. – СПб., 1871. – С. XVIII.
9. Радлов В.В. Отчет о проведенных раскопках... – Архив ИИМК РАН (С-Петербург, Россия), Фонд 1, Дело № 22 от 1868 г. л. 14-а; Радлов В.В. Отчет о проведенных раскопках // МИАК. – Бишкек, 2009. – Вып. 4. – С. 132.
10. Труды IV археологического съезда в России, бывшем в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. – Казань, 1884. – С. LXIV.
11. Тереножкин А.И. Археологические разведки по рек Чу в 1929 г. // ПИДО. – 1935. – № 5-6. – Рис. 21.
12. Тереножкин А.И. Дневник археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2012; Тереножкин А.И. Картотека археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2012.
13. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959. – С. 102-107.
14. Иванов П.П. Заметки о древностях в районе Пишпека (Фрунзе) // ТИИ АН КиргССР. – Фрунзе, 1957. – Вып. 3. – С. 102-104.
15. Тереножкин А.И. Археологические разведки... С. 149.
16. Радлов В.В. Отчет о проведенных раскопках... // МИАК. – Бишкек, 2009. – Вып. 4. – С. 131-134.
17. Впрочем, вероятно третий объект – «плоский холм» – изучал южную часть Некрополя современной терминологии. Исследования

- северной части Некрополя в 70-80 гг. XX века и 2008 г., в которых нам довелось принимать участие, свидетельствуют о его крайне сложной стратиграфии.
18. *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках... // Архив ИИМК РАН (СПб., Россия). Фонд 1. Дело № 22 от 1868 г. л. 18-а; *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках... // МИАК. – Бишкек, 2009. – Вып. 4. – С. 134.
  19. *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках... // Архив ИИМК РАН (СПб., Россия). Фонд 1. Дело № 22 от 1868 г. л. 18-б; *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках... // МИАК. – Бишкек, 2009. – Вып. 4 – С. 134.
  20. Отчёт императорской археологической комиссии за 1869 год. – СПб., 1871. – С. XIX.
  21. *Кожешяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959. – С. 147-148
  22. *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках... // Архив ИИМК РАН (СПб., Россия). Фонд 1. Дело № 22 от 1868 г. л. 19-а; *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках... // МИАК. – Бишкек, 2009. – Вып. 4. – С. 134.
  23. В рукописи Отчета раскопки в Иссык-кульской котловине отмечены одним абзацем, почти без указания конкретных данных.
  24. *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках... // Архив ИИМК РАН (СПб., Россия). Фонд 1. Дело № 22 от 1868 г. л. 19-а; *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках курганов летом 1869 года // МИАК. – Бишкек, 2009. – Вып. 4. – С. 134.
  25. *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках... // Архив ИИМК РАН (СПб., Россия). Фонд 1. Дело № 22 от 1868 г. л. 14-а; *Радлов В.В.* Отчет о проведенных раскопках... // МИАК. – Бишкек, 2009. – Вып. 4. – С. 132.
  26. *Торгоев А.И., Кольченко В.А.* К стратиграфии и датировке нижних слоёв Краснореченского городища // Древние культуры Евразии: матер. междунаро. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб., 2010. – С. 301-310.
  27. *Klein W.* Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh. – Turnhout, 2000.

С.Р. Баратов, Б.П. Садуллаев

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

С 2003 года Южно-Хорезмийский археологический отряд Института археологии АНРУз и Академии Маъмуна проводит небольшие регулярные археологические работы на территории Хорезмской области Республики Узбекистан – на крайнем юге Хорезмского оазиса. Исследования производились на территории некрополей Мешекли и Уч очак.¹

Некрополь Мешекли располагается на территории Топраккалинского массива Хазараспского района Хорезмской области, на высоком правом берегу Амударьи/Амударии в окрестностях современного залива Мешекли, на берегу которого сегодня сохранились остатки караван-сарая хорезмшахского времени Мешекли-Кала. Напротив него – налево от берега реки – располагались руины города Садвар (Садуар), сегодня затопленные водой Туямунонского водохранилища. Городище имело площадь около 20 га и было частично исследовано М.Е. Массоном² и отрядом Российской Хорезмской экспедиции под руководством М.А. Итиной. Исследованиями российских археологов было установлено, что нижние слои города Садвар относятся к V–IV вв. до н.э. Город с незначительными перерывами существовал до XIV века. На территории городища были выявлены остатки металлургического производства и металлообработки. Между караван-сараяем Мешекли-Кала и Садваром, по всей видимости, существовала удобная переправа. Высокий правый берег к северу и югу от караван-сарая, по все видимости, не исследовался, так как упоминания о погребальных сооружениях на его территории в публикациях М.Е. Массона и М.А. Итиной отсутствуют.³

Погребальные сооружения некрополя Мешекли располагаются на верхней и средней террасах правого берега Амударии, внешне выражены как значительно разрушившиеся курганные каменные насыпи высотой до 1,50 м и диаметром до 15 м. Курганы, как правило, располагаются группами по 3–7. Каждая такая группа удалена друг от друга на 1–3 км. Такие группы прослежены к северу и к югу от залива Мешекли на протяжении 10 км. Всего было обнаружено семь таких групп. На насыпях курганов и вокруг них часто встречаются фрагменты керамических сосудов бронзового, архаического, античного и средневекового времени. Раскопки производились на пяти группах, на площади которых были раскопаны остатки 17 погребальных сооружений. Внутри исследованных групп встречены погребальные сооружения, представленные различными конструкциями и относящиеся к различным историческим периодам. Исследованы погребальные сооружения, относящиеся к эпохе бронзы, оставленные скотоводческими племенами андроновской культурно-исторической общности. Раскопаны и изучены погребальные сооружения эпохи раннего железа. Выявлена группа сооружений, которые, по нашему мнению, могут иметь отношение к зороастрийским погребальным

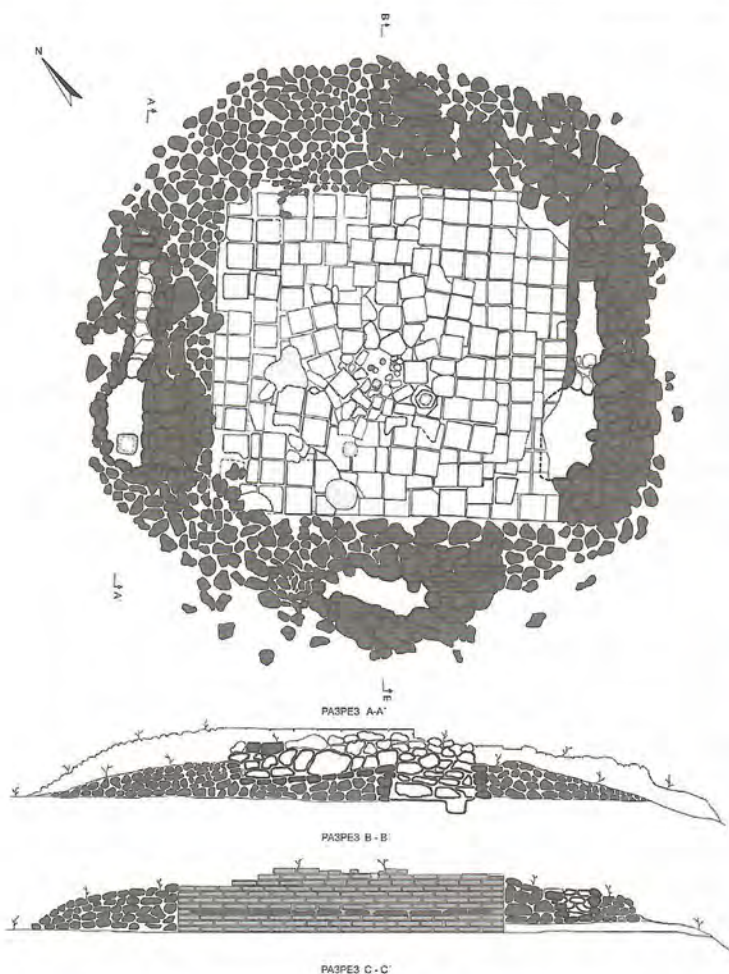
туалам и обрядам. Одно из них представляет собой остатки «дахма». Другие являлись, по-видимому, «ката». Обнаружено сооружение с остатками захоронения кремированных костей, произведенное на уровне древней дневной поверхности, относящееся к концу IV в. н.э., оставленное, по-видимому, хионитами.

Группа 1 состоит из четырех погребальных сооружений.

Погребальное сооружение 1 располагалось в 600 м севернее саван-сарая Мешекли. Расчистками его выявлена сильно оплывшая и выветренная конструкция, сложенная из сырцового кирпича размерами 40х40х10 (12) см и 41х41х12 см на глиняном растворе. Конструкция представляет собой квадратную в плане «платформу» с размерами 560х540 см, углами ориентированную по сторонам света. Сохранившаяся высота платформы – 130 см. Стратиграфическими исследованиями установлено, что «платформа» была возведена на скальной поверхности. В основании ее уложен ряд сырцовых кирпичей. С этого же уровня по периметру платформы кирпичом на высоту до 8 рядов были выложены борта. На нижний слой кирпичной кладки платформы был положен слой каменной кладки. Швы между камнями засыпаны желтым материковым песком. Поверх слоя камня были уложены шесть слоев кирпичей. Нижние слои кирпичной кладки прослоены желтым материковым песком. Три верхних сохранившихся ряда кирпичей положены на глиняный раствор. Часть кирпичей имеют швы. Преобладает знак в виде двух параллельных линий. Встречен знак в виде круга и креста, а также отпечатки ладони и детской ступни.

По периметру «платформа» заключена в кольцо стены, сложенной из необработанного камня на глиняном растворе. Стена сужается кверху. Толщина стены в основании 200–220 см. На высоте 130 см ее толщина составила 60–80 см. Каменная стена придавала всему сооружению вид округлой в плане постройки диаметром до 10 м. В восточном углу стены каменная кладка на ширину до 100 см отсутствовала, что предполагает существование здесь прохода на платформу. В этом месте выявлены остатки наклонного пандуса, покрытого натеками. В основании стены, окружавшей кирпичную «платформу», на северо-западной и юго-восточной сторонах расчищены две узкие камеры, сложенные из дикого камня без скрепляющего раствора. Размеры камер 240х30–40 см. Уровень пола камер вымощен камнем и располагался выше древней дневной поверхности. Вход в камеры располагался с юго-западной стороны. У юго-западной камеры сохранились остатки плоского перекрытия из крупных уплощенных плит. Высота перекрытия – 40 см. Перед входом в камеры располагались овальные в плане ямы с размерами 80х100 см, дно которых было опущено до скальной поверхности. Стратиграфическими наблюдениями установлено, что каменная кладка-кольцо со склепами и прямоугольная кирпичная «платформа» были возведены одновременно (рис 1).

В кладке «платформы» найденные мелкие фрагменты от гончарной посуды II в. до н.э. На полах узких склепов находки отсутствовали. В ямах, расположенных перед входами в склепы,

Рис. 1. Некрополь Мешекли. Группа 1. Погребальное сооружение 1. План и разрезы «дахмы»

найлены фрагменты керамических сосудов II-I вв. до н.э и IV-VI вв. н.э. Анализ конструктивных элементов исследованного сооружения привел нас к заключению, что оно могло служить в качестве «дахма». Это предположение подтверждает характер чередующейся кладки камня, песка и кирпича, изолировавшей верхнюю поверхность конструкции от земли таким образом, как это предписано в «Видевдате» для сооружения «дахма». Однако в нашем случае мы имеем комбинацию «дахмы» с двумя узкими каменными склепами, что встречается впервые.

Конструкция исследованного сооружения имеет относительные аналогии среди части «наусов», исследованных в районе крепости Кангак-1.⁴ Обнаруженные ямы могли использоваться в качестве «колодцев», в которые мог сбрасываться «саван» выставившегося покойника. Две узкие каменные камеры на наш взгляд могут быть каменными «ката», описанные в «Видевдате», в которые могли помещать тела покойников перед выставлением на «дахма».

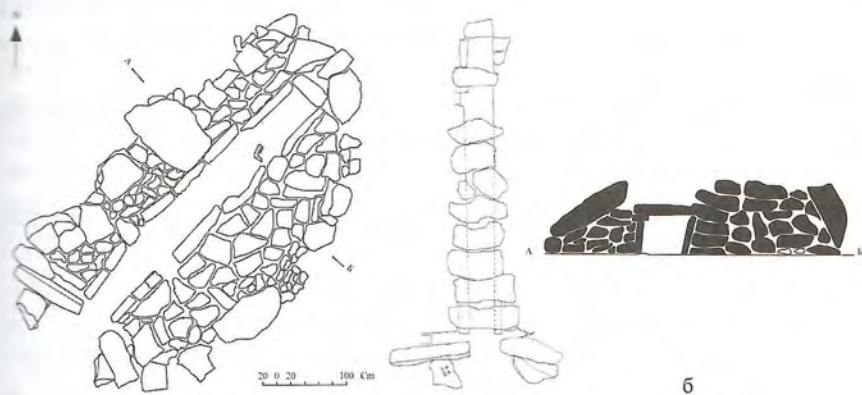
В разных частях некрополя нами исследованы шесть отдельно расположенных однотипных каменных склепов с узкими камерами, аналогичных узкокамерным сооружениям, изученным на «дахма» (группа 2, курган 1, 2; группа 4, курган 4; группа 5, курган 1). Они представляют собой наземные конструкции, сложенные из камня без скрепляющего раствора, размерами 450x350 см, с расположенной посередине узкой (шириной от 25 до 40 см) длинной (до 220 см) камерой, пол которой вымощен камнем. Во всех исследованных сооружениях узкая стенка камеры, расположенная напротив входа, была разобрана. Сооружения сохранили плоское перекрытие из плит. Перекрытие произведено на высоте от 30 до 40 см. В сооружениях, расположенных выше по рельефу со стороны камеры, противоположной входу, располагалась небольшая пристройка прямоугольной в плане формы размерами 40x50 см. На полу камер этих сооружений найдено небольшое количество рубленых костей мелкого и крупного рогатого скота, жеребенка, а также отдельные целые кости и капролиты собаки. В каждой исследованной группе некрополя Мешекли располагались до 3-х подобных сооружений (рис. 2).

Курган № 2. Располагается в 50 м восточнее «дахма». До раскопок представлял собой сильно оплывшую каменно-земляную насыпь диаметром до 8 м и высотой 0,5 м. На поверхности насыпи были подняты медная средневековая монета, а также фрагменты средневековой и андроновской керамики. В результате произведенных расчисток были выявлены остатки наземной конструкции подпрямоугольной в плане формы размерами 260x210 см, углами ориентированной по сторонам света, представляющей собой склеп, сложенный из камня без скрепляющего раствора. Сохранились 2–3 ряда кладки стен. Камера прямоугольной в плане формы, имеет размеры 160x140 см, а стены - толщину 70–80 см. В юго-западной стене расчищены остатки прохода в камеру шириной 90 см. Пол камеры хорошо утрамбован и устроен на уровне скальной древней дневной поверхности. Посередине камеры, ближе к проходу, пол камеры слегка заглублен и напоминает контуры неглубокой (до 15 см) прямоугольной в плане ямы, сильно поврежденной грызунами. На уровне пола в северной части камеры найдены фрагменты от нескольких андроновских сосудов. Форма сосудов и их орнаментация позволяют датировать исследованное сооружение XV–XIV вв. до н.э. Заполнение камеры земляное, натечное, двухслойное, сильно проработанное грызунами. Выше пола камеры на 15–20 см фиксировался еще один уровень пола, с которого и над которым собраны фрагменты средневековой керамики и резного керамического декора домонгольского времени. С внешней стороны под камнем юго-восточной стены найден «клад», состоящий из фрагментов чугунных и железных сосудов домонгольского времени. Вдоль этой же стены с внешней стороны расчищены остатки нескольких очажных пятен. Представляется вероятным, что каменное сооружение эпохи бронзы было вторично использовано в домонгольский период.

Курган № 3. Сооружение располагается в 300 м к югу первого. Оно представляет собой прямоугольный в плане каменный ящик, сложенный из четырех крупных плит, поставленных на ребро в предварительно выкопанную яму с небольшим наклоном верхней части наружу. Ящик ориентирован углами по сторонам света. Размеры ящика 200x110 (см). Одна из плоских поверхностей плит имела слой минерального гипса белого цвета. Все плиты уложены слоем гипса вовнутрь ящика. На дне его расчищены плохо сохранившиеся остатки скелета человека, сохранившие анатомический порядок. Погребенный располагался в скорченной позе, на левом боку, головой на СЗ. В области сосцевидных отростков черепа располагались две бронзовые восьмеркообразные подвески. Вокруг шейных позвонков расчищена низка из бронзовых бус бочонковидной и биконической формы. На запястье правой руки находился бронзовый браслет «бобовидной» формы. Второй такой браслет находился в перемещенном положении. В изголовье погребенного располагался лепной широкогорлый горшковидный неорнаментированный сосуд (цвет. рис. 1).

Восьмеркообразные подвески, аналогичные нашим, известны на могильнике Кокча 3, где они датированы XVI–XIV вв. до н.э.⁵ Форма, характер отделки и состав глины найденного сосуда аналогичны керамическим изделиям амирабадской культуры. Конструкция нашего погребального сооружения близка захоронениям, имевшим распространение в Ферганской долине – могильник Ходжа Ягона и Вуадиль,⁶ а также для фёдоровских погребений Центрального Казахстана и Каратау. Находки, сопровождающие исследованное погребение, позволяют датировать его в пределах XVI–XIV вв. до н.э. и отнести его к кругу памятников, оставленных скотоводческими племенами андроновской культурно-исторической общности.

Курган № 4. Располагается в 100 м от кургана № 2. До раскопок представлял собой сильно разваленную овальную в плане каменную насыпь размерами 8x6 м и с сохранившейся высотой до 60 см. На поверхности были найдены фрагменты ремесленной керамической курильницы. Стенки курильницы украшены сквозным прорезным орнаментом. В процессе раскопок было выявлено, что камни насыпи были перемешаны с барханным песком и она не имеет регулярной кладки. В заполнении ее, в западной и северной частях, выше уровня древней дневной поверхности между камнями были найдены остатки восьми курильниц (светильников), а также фрагменты от нескольких керамических сосудов. Там же были найдены мелкие фрагменты кремированных кальцинированных до черного цвета костей человека и крупного рогатого скота. Насыпь перекрывала выровненный и очищенный от песка и камней уровень тыквовидного суглинка, совпадавший с уровнем древней дневной поверхности. На зачищенном уровне следов огня найдено не было. Очевидно, что остатки кремации – сожженные кости человека и крупнорогатого скота – были уложены на предварительно вычищенную площадку диаметром 7 метров и перекрыты насыпью из камня и песка. Представляется вероятным, что

Рис. 2. Некрополь Мешекли. Группа 2, курган 3; группа 4, курган 4; группа 5, курган 1. План и разрез «ката»

в данном случае мы имеем дело с остатками захоронения, произведенного по обряду трупосожжения. Кремация, по всей видимости, производилась на стороне. В стенке ремесленной курильницы найдена медная монета хорезмского правителя «Wir». Такие монеты отнесены Б.И. Вайнберг к типу Б2 19, чеканка которых относится к концу IV в. н.э.⁷ Погребальные сооружения с захоронениями, произведенные по обряду кремации, датирующиеся концом IV – началом V вв. н.э., исследователи обычно соотносят с хионитами.

Курганная группа 2

Располагается 2,5 км северо-западнее «дахма». Состоит из четырех курганов, из которых и исследовано три погребальных сооружения.

Курган № 1. Сооружение до расчисток представляло собой сильно разваленную каменную насыпь диаметром 8 м и сохранившейся высотой 150 см. В результате раскопок было выявлено округлая в плане конструкция, сложенная из каменных плит на глиняном растворе. В центре его располагалась округлая в плане камера. Диаметр сооружения – 400 см. Диаметр камеры: 180–200 см. Максимальная сохранность стен – 110 см. Стены сооружения, толщиной 90–100 см, сложены приемом краевых выкладок. Внешние и внутренние края стены сложены на глиняном растворе без растительных добавок из крупных плит. Пространство, образованное краевыми кладками, было заполнено мелким камнем. Кладка стен, образующая камеру, сложена с незначительным нависанием во внутрь, что предполагает возможность ее перекрытия сводом ложного типа. Стены сооружения и пол камеры возведены на уровне древней дневной поверхности. Заполнение камеры завальное, очень рыхлое – пылевидное. В нем найдено несколько костей скелета человека и фрагмент лепной серо-глиняной чаши V–II вв. до н.э. Сооружение, вероятно, является погребальным, ограблено и разрушено в древности.

Ближайшие аналогии конструкции исследованного сооружения мы видим среди каменных склепов Узбоя и плато Устюрт, имевших там широкое распространение в V–II вв. до н.э.⁸

Курганы №№ 2, 3 и 4 представляли собой «ката» и описаны среди зороастрийских погребальных сооружений 1 группы

Курганная группа 3

Группа состоит из четырех курганов, из которых был исследован один.

Курган № 1. Располагается на верхней террасе. До раскопок представлял собой сильно разваленную каменную насыпь диаметром до 8 м и сохранившейся высотой 50 см. В результате расчисток была выявлена курганная насыпь, сложенная «диким» камнем среднего размера без скрепляющего раствора. Размеры насыпи 520x540 см. Высота ее над уровнем древней дневной поверхности составила 70 см. Древняя дневная поверхность составлена растрескавшимся слоем такыровидного суглинка толщиной до 20 см, перекрывающим скальную поверхность известняковых палеогеновых отложений. В центре насыпи была расчищена погребальная камера овальной в плане формы с размерами 250x110 см, длинной стороной ориентированная по линии 3-В. Основание стен ее выложено крупными плитами, положенными длинной стороной вдоль периметра. Последующие ряды кладок, сохранившие 3–4 ряда, положены поперек линии периметра стен с незначительным нависанием вовнутрь. Сама камера, по-видимому, имела перекрытие крупными плитами, положенными поперек ее длинной оси. С уровня древней дневной поверхности основания камеры спущена могильная яма овальной в плане формы с размерами 180x60 см, длинной стороной ориентированная по линии 3-В.

глубиной 20 см. Пол ямы совпал с материковой скальной поверхностью. В западной части ямы выявлена небольшая ниша длиной 30 и шириной 10 см. На скальном полу ямы расчищены плохо сохранившиеся кости скелета человека, частично находившиеся в анатомическом порядке. Расположение костей позволило реконструировать позу и расположение погребенного. Он располагался на спине, в вытянутой позе, головой на запад, лицом на восток. Предметы погребального сопровождающего инвентаря отсутствовали. Камера была заполнена чистым желтым барханным песком. Погребение было ограблено в древности.

Курганная группа 4

Эта группа погребальных сооружений располагается в 5 км к северо-западу от караван-сарая Мешекли-кала. На ее территории разведано шесть погребальных сооружений, три из которых располагаются компактной группой (курганы №№ 2, 3, 5), а два из них – на незначительном удалении. Курган № 1 располагается на удалении в 300 м к северу от кургана № 2, а курган № 4 на удалении в 350 м к северо-западу от кургана № 2. Все сооружения внешне выделяются на местности как сильно разваленные каменные насыпи диаметром от 5 до 8 м с сохранившейся высотой до 1,50 м. Курганы №№ 2 и 3 имели уплощенную поверхность, покрытую камнем небольшого размера. Из шести установленных погребальных сооружений раскопано было четыре (курганы №№ 1, 2, 3, 4).

Курган № 1. Располагается обособленно в северной части группы. До раскопок представлял собой сильно разваленную курганную насыпь диаметром до 4 м и высотой над современной дневной поверхностью 0,6 м. В результате произведенных раскопок была выявлена каменная насыпь, сложенная из довольно крупных камней округлой в плане формы диаметром 4,20 м, возведенная на уровне древней дневной поверхности. Высота насыпи составила 0,90 м. Древняя дневная поверхность сложена растрескавшимся такыровидным суглинком толщиной до 30 см, который перекрывает скальную поверхность известняковых палеогеновых отложений. В центре насыпи были расчищены крупные плиты перекрытия погребальной камеры, уложенные в 2 слоя длинной стороной поперек камеры. Камера – овальной в плане формы, размерами 2,20x0,60 м, длинной стороной ориентирована по линии С–Ю. С пола камеры, располагавшемся на уровне древней дневной поверхности, опущена неглубокая узкая могильная яма вытянутой овальной в плане формы длиной 2,10x0,40 м и глубиной 0,30 м. В восточной стороне ямы располагалась небольшая ниша длиной 0,40 м и шириной 0,13 м. На полу могильной ямы были расчищены плохо сохранившиеся кости скелета человека, сохранившие первоначальное местоположение, что позволило реконструировать его позу и ориентацию. Погребенный располагался на животе в вытянутой позе, головой на ССЗ, лицом на восток. На полу погребальной ямы с правой стороны от скелета, перед нишей были найдены два бронзовых наконечника с выступающей втулкой и двухлопастным пером ланцетовидной формы. На поверхности насыпи был найден фрагмент каменного серпа, выточенного из желтого песчаника (рис. 3).

Аналогичные наконечники стрел были найдены Б.И. Вайнберг на поселении Куюсай 2 в Присарыкамышской дельте Хорезма,⁹ подобные стрелы известны также в погребальных комплексах некрополя Уйгарак.¹⁰ Подобные наконечники известны среди раннековечнических комплексов северо-западного Ирана, где, до последнего времени, они считались киммерийскими. Такие же стрелы хорошо известны в Северном Причерноморье, где они выделены в так называемый «жаботиновский» тип и относятся исследователями к раннескифскому периоду. В последнее время исследователи период бытования подобных наконечников относят к рубежу VIII–VII вв. до н.э. Конструкция погребальных сооружений

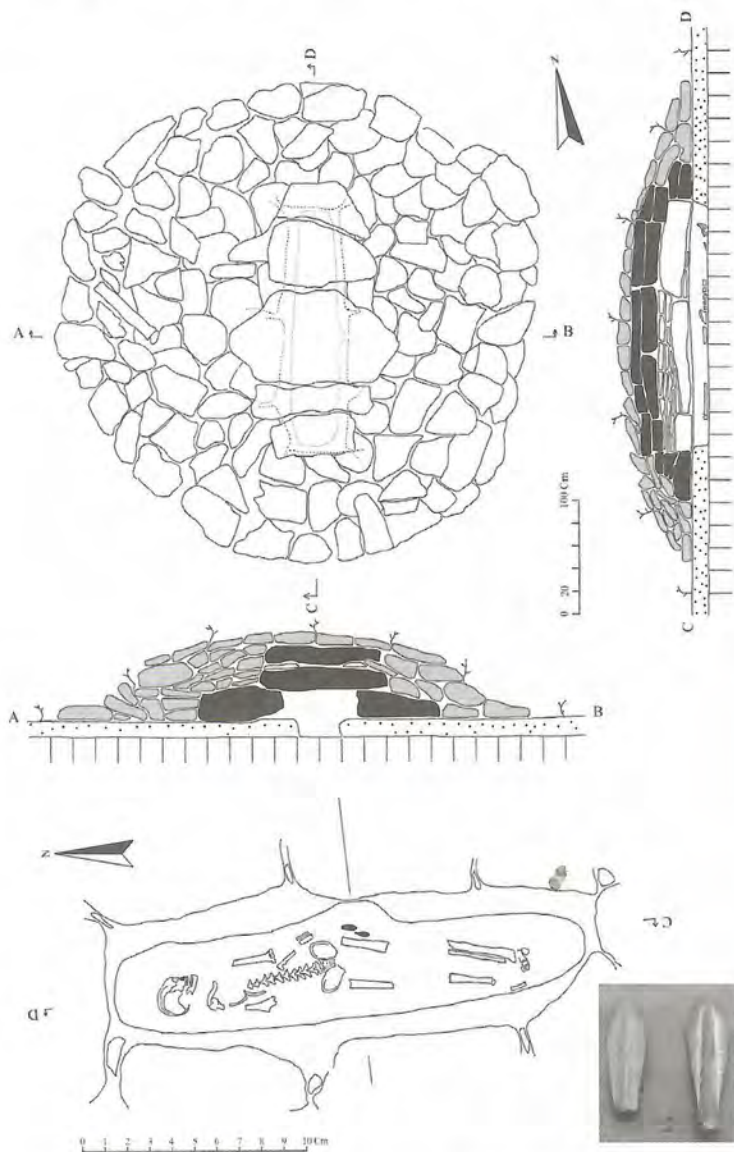

Рис. 3. Некрополь Мешекли. Группа 4, курган 1. Планы и разрез кургана с раннесакским погребением

наводит аналогии среди раннесакских погребальных сооружений некрополей Кунгай и Дашти Ашт, расположенных в северных и южных предгорьях Ферганской долины, датирующихся VII–V вв. до н.э. Примечательно, что даштиаштские погребения содержат синхронные, а также более ранние, чем мешеклинские, комплексы.¹¹

Курган № 2 располагается в 300 м к югу от кургана № 1. До расчисток представлял собой сильно разваленную каменную насыпь округлой в плане формы диаметром 6 м и с сохранившейся высотой 50 см. Центральная часть насыпи была плоской и вымощена плитками небольшого размера. По периметру сооружения вертикально выступали крупные плиты.

В результате расчисток было выявлено сильно разваленное каменное кольцо кладки (оградки) неправильной округлой в плане формы диаметром 5 м и с сохранившейся высотой 1,20 м. Постройка была возведена на древней дневной поверхности, образованной растрескавшимся такырообразным суглинистым слоем мощностью 30–40 см, перекрывавшем скальную материковую поверхность. Оградка возводилась из крупных плит, поставленных вертикально, длинной стороной обращенных вверх. Для устойчивости плиты с двух сторон подпирались менее крупными камнями. Вдоль внутренней стороны оградки по периметру были расчищены лунки от вкопанных деревянных столбов диаметром от 15 до 20 см, глубиной до 50 см. Столбы расставлены в линии по три и два в каждой из них, и были сосредоточены, в основном, в южной половине сооружения. В северной части находился лишь один столб. На расчищенном полу сооружения — на уровне древней дневной поверхности, почти в центре, был найден трехгранный бронзовый наконечник стрелы с опущенными жальцами и выступающей втулкой. За пределами оградки в южной части на уровне древней дневной поверхности был найден втульчатый бронзовый наконечник стрел с трехгранной башневидной головкой. В северной части сооружения за пределами оградки были найдены фрагменты от одного гончарного сосуда, форму которого восстановить не удалось. Следов погребения не обнаружено.

Произведенные зачистки и стратиграфические наблюдения позволили установить, что первоначально, на предварительно очищенной площадке, были вкопаны вертикально поставленные деревянные балки, с внешнего края которых была пристроена каменная оградка. После совершения неизвестного нам ритуала внутренняя часть сооружения была засыпана желтым барханым песком с незначительной примесью мелкого известнякового щебня. Песчаная засыпка была нивелирована и перекрыта 2–3 слоями небольшой известняковой плитки. В восточной части сооружения была расчищена грабительская яма размерами 1,80x1,00 м овальной в плане формы, длинной стороной ориентированная по линии С–Ю. В заполнении ямы были найдены беспорядочно располагавшиеся каменные плиты, вперемежку с комками глины и барханного песка.

Исследованное погребение не содержит остатков погребения и, по-видимому, является поминальным. Наконечники стрел, обнаруженные внутри и за пределами оградки, обычно датируются VI в. до н.э.

Курган № 3 расположен в 70 м к востоку от кургана № 2. До расчисток представлял собой сильно разваленную конструкцию, сложенную из крупных каменных необработанных плит, округлой в плане формы, диаметром 8 м. В результате расчисток было выявлено, что внешний край сооружения был образован наклонно поставленными плитами, образующими ограду всего сооружения. Внутренний край ограды окаймлял частокол из деревянных балок диаметром от 10 до 15 см, вкопанных в предварительно выкопанную канавку шириной 20 см и глубиной 50 см. Расстояние между балками 20–30 см. Канавка была засыпана рыхлым грунтом. В центре сооружения были расчищены остатки стен камеры, сложенные камнем крупного размера. Камера – овальной в плане формы размерами 5,00х3,90 м, длинной стороной ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Стены камеры сохранили 2–3 ряда кладки. Верхние ряды ее сложены из особенно крупных камней со значительным нависанием над внутренним пространством. Пол камеры располагался на уровне древней дневной поверхности. На полу камеры найдены фрагменты от кувшиновидного керамического сосуда. С уровня древней дневной поверхности спущена могильная яма, вырубленная в скальном грунте. Она подпрямоугольной в плане формы, углами ориентированна по сторонам света. Размеры ямы 300х160 (см), глубина 90 см. В углах и длинной юго-западной стенке ямы расчищены ниши высотой до 20 см и длиной от 30 до 100 см. Пол ниш и могильной ямы были покрыты обуглившимися плодами бобовых и косточками. В северном углу ямы на возвышении 50 см от пола была расчищена ниша квадратной в плане формы размерами 80х80 см и высотой 40 см, в которой находились бедренные кости и фрагментированный череп скелета человека. Одна из костей сохранила следы «погрыза», оставленного зубами хищника, что позволяет предполагать намеренное очищение останков от мышечной ткани. На полу ямы «in situ» были найдены кости отдельных частей туш мелкого рогатого скота.

Стратиграфические наблюдения, произведенные в процессе раскопок, выявили два периода, связанные с функционированием погребального сооружения. К первому периоду относится возведение погребального сооружения и погребение в нем предварительно очищенных костей человека. Погребение было засыпано грунтом, состоявшим из мелких комков голубоватой глины «ханабадского» типа с редким включением камней небольшого размера. Уровень поверхности засыпки располагался на глубине 30 см ниже уровня древней поверхности, был хорошо утрамбован и покрыт небольшим количеством глинистых натеков светло-коричневого цвета с большой примесью барханного песка. На этом уровне найдены кости (малая берцовая, плюсневая и таза) жеребенка. Характер заполнения поверхности этого уровня позволяет предполагать, что над засыпанной могильной ямой существовало

перекрытие, остатки которого сохранились по периметру погребальной ямы. По прошествии погребения, уровень пола в юго-восточной части был пробит грабительской ямой, в перемешанном заполнении которой были найдены другие кости конечностей жеребенка, остатки кожного горита, фрагменты керамического сосуда и крупные плиты разрушенного перекрытия камеры. Судя по всему, после ограбления разрушенные части конструкции камеры были восстановлены, а уровень ее пола вывели выше первого на 20–30 см. На уровне второго пола расчищены три столбовые ямки диаметром 20 см и глубиной 15 см, образующие в плане треугольник. По-видимому, на эти столбы опирались камни восстановленного перекрытия. С уровня пола надмогильной камеры последнего периода было совершено еще одно ограбление, в результате которого часть фрагментов кувшиновидного сосуда, сопровождавшего погребение, оказались выше второго уровня пола. Фрагменты найденного керамического сосуда были найдены на уровне пола могильной ямы и по всему ее заполнению. Форма сосуда, состав теста и характер отделки позволяет датировать его серединой IV в. до н.э. (рис. 4).

Обряд погребения, исследованный в этом сооружении, по нашему мнению, содержит элементы зороастрийского погребального обряда и фиксирует один из моментов перехода скотоводческого населения древнего Хорезма к маздеистским погребальным традициям.

Некрополь Уч очак

Могильник Уч очак располагается на одноименной возвышенности. На картах 40-х годов прошлого века она обозначена как Сепая, через которую проходила знаменитая сепайнская дорога, соединявшая Хорезмский оазис и Бухару. Возвышенность Уч очак представляет собой сильно расчлененную южную оконечность Туямуюнской антиклинали, сложенную палеогеновыми отложениями. В центре возвышенности имеется ярко выраженный округлый в плане кратер диаметром около 1000 м и глубиной 70–80 м. Внутренние стены кратера сохранили радиально расходящиеся следы микроразломов, наличие которых позволяет предполагать его метеоритное происхождение. Южная часть кратера, вследствие доминирующих здесь северных ветров, сильно выветрена и эродирована. Процессами выветривания на юго-восточном краю кратера образованы четыре останца высотой 60–70 м, имеющие профиль усеченного конуса с плоской площадкой наверху. Останцы имеют весьма колоритный вид и среди местного населения, а также любителей-краеведов, приобрели прозвище «хорезмские пирамиды». Местная легенда гласит, что Дев устанавливал на этих останцах котел и готовил в нем пищу.

К югу и юго-западу от кратера сохранились остатки залива Амударьи, который образовывался летом – в период половодья в реке, а в остальные времена года представлял собой довольно большое озеро – Сардобакуль. Озеро в период разливов соединялось с рекой многочисленными протоками. По берегам этих протоков и залива-озера Сардобакуль собрано небольшое количество артефактов – фрагментов керамики и вкладышевых пластин с краевой ретушью, а также отщепов

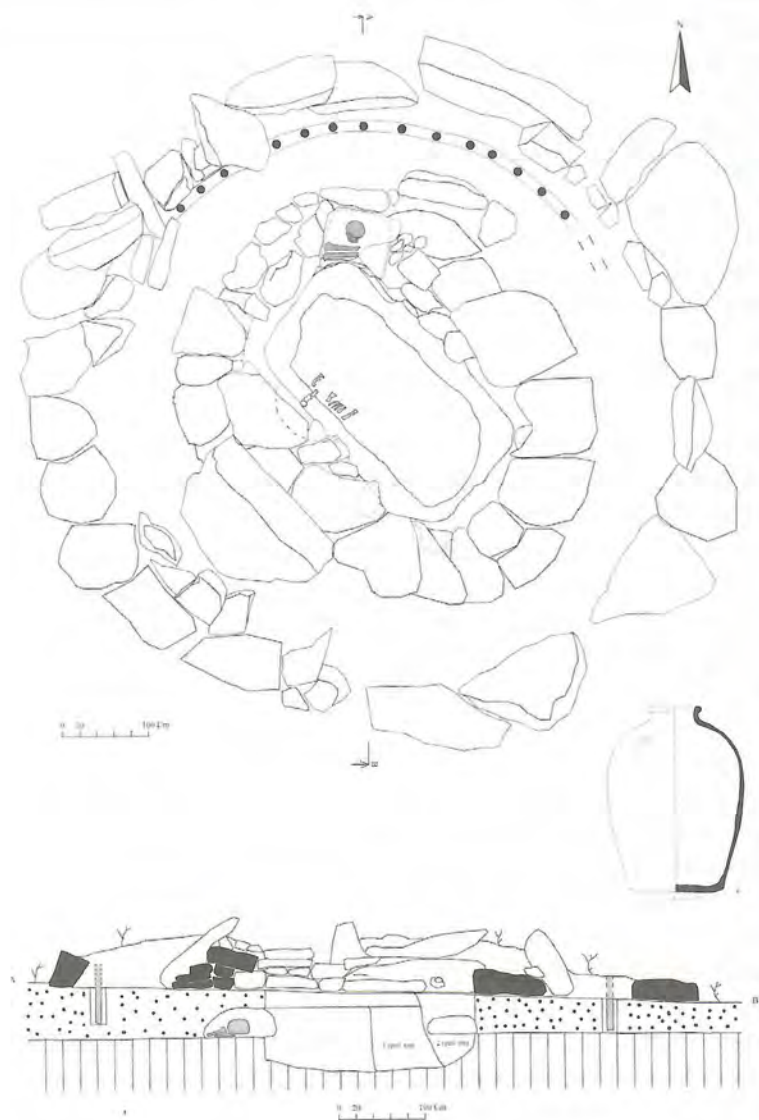

Рис. 4. Некрополь Мешекли. Группа 4, курган 3. Планы и разрез кургана с захоронением предварительно очищенных костей человека

из кварца и кремня коричневого цвета, относящихся к эпохе неолита (VI–IV тыс. до н.э.). Найдено небольшое количество фрагментов лепной керамики эпохи бронзы, оставленной скотоводческими племенами андроновской культурно-исторической общности (XV–XIV вв. до н.э.). В районе караван-сарая Ишан-рават найден фрагмент небольшой хумчи с подтреугольным венчиком архаического времени (VI–V вв. до н.э.).

На восточном берегу залива обнаружены руины сооружения, возведенного из жженого кирпича размерами 28x28x4 см, относящегося к позднесредневековому периоду. Остатки сооружения, видимо, являются руинами сардоба и караван-сарая, существовавшего здесь

в позднесредневековый период, давшие название озеру. Западный край кратера полого опускается и формирует скалистую береговую террасу правого берега Амударьи и ее дно, которое на этом участке не глубокое, каменистое и порожистое. На этом склоне располагается караван-сарай хорезмшахского времени Таш-Кала 1, исследованный Хорезмской экспедицией в 1970 году.¹² В 100 м к югу от него на берегу реки располагаются остатки храма II в. до н.э.–VIII в н.э. Таш-Кала 2, частично исследованного нами в 2005–2006 годах.¹³

В 500 м севернее караван-сарая Таш-Кала 1 было обнаружено и исследовано погребение под курганной насыпью (курган № 1). На поверхности двух останцов обнаружены и исследованы остатки двух сильно разрушенных курганных насыпей (курганы №№ 2 и 3). Вдоль восточного края кратера зафиксировано еще 12 каменных курганных насыпей, одна из которых была подвергнута исследованию.

Курган № 1. Погребальное сооружение до раскопок представляло собой аморфную насыпь, сложенную из камня округлой в плане формы диаметром 6,60 м и сохранившейся высотой до 0,50 м. В результате расчисток по периметру насыпи было выявлено кольцо каменной ограды, возведенное из крупных каменных плит, уложенных плашмя, диаметром 8 м. В центре сооружения, на уровне древней дневной поверхности, были расчищены остатки захоронения человека. Захоронение было произведено в неглубокой могильной яме, прямоугольной в плане формы, размерами 1,80х0,40 м, длинной стороной ориентированной по линии СЗ-ЮВ. Не потревоженными оказались длинные кости ног человека, сохранившие анатомическое сочленение. Расположение костей позволяет предполагать, что погребенный лежал в вытянутой позе на спине головой на ССЗ. У изголовья найден фрагмент трубчатой кости мелкого рогатого скота, перед коленями найдено несколько доскутков белой атласной ткани. Погребение может относиться к раннесредневековому времени.

Курган № 2 находился на вершине останца усеченной конической формы высотой 70 м, расположенного на восточном краю «кратера». До раскопок представлял собой сильно оплывшую земляную насыпь с небольшим количеством камней небольших размеров. Диаметр насыпи – 10 м, высота – 0,50 м. В центре сооружения под насыпью были расчищены остатки ровика, спущенного с уровня скальной поверхности. Длина ровика – 2,00 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,20 м, длинной стороной ориентирован по линии С–Ю. По периметру ровика располагались ямки диаметром от 8 до 15 см и глубиной до 40 см, содержавшие истлевший тлен от деревянных столбиков. Столбики в ямках были укреплены глиняным раствором. На неровном дне ровика найдены несколько костей фаланги пальцев человека, а также кости мелкого рогатого скота, бронзовый наконечник стрелы, бирюзовая бусина и фрагмент предмета из обработанного сталактита. В 1,70 м к западу от описанного расчищен еще один Г-образный в плане ровик. Длина ровика – 6,70 м, ширина – 0,20 м, глубина – 0,30 м. На дне ровика по всей его длине расчищено несколько столбовых ямок диаметром

от 8 до 20 см, сохранивших тлен дерева. В разных частях ровика найдено три бронзовых наконечника стрел и одна бусина из бирюзы. В северо-западной части ровика в ответвлении, расположенном под углом, найдены аккуратно сложенные кости мелкого рогатого скота, принадлежавшие шести особям. Между ровиками на уровне древней дневной поверхности расчищены остатки очажного пятна со следами длительного горения от черного до ярко-красного цветов. Вокруг ровиков найдено 33 бронзовых наконечника стрел разнообразных форм и типов. Подобные наконечники имели распространение на пространствах Евразии в период с VIII по VI вв. до н.э. (цвет. рис. 2). Исследованные остатки конструкций могут быть интерпретированы как сооружение, связанное с культовыми и ритуальными обрядами. Обрядовые мероприятия могли проводиться длительное время. Этим, вероятно, и может объясняться наличие в одном месте столь разновременного материала – от VIII до V вв. до н.э.

Курган № 3 располагался на вершине соседнего останца. До раскопок представлял собой оплывшую лессовую насыпь, сильно поврежденную грабительскими раскопками. Под насыпью были выявлены остатки строения, сложенного из сырцового кирпича на глиняном растворе квадратной в плане формы размерами 4,60x4,70 м, углами ориентированного по сторонам света. Стены здания имеют толщину 1,50–1,60 м. Размеры кирпича: 38x38x8 и 40x40x10 см. Юго-западная стена пробита грабительским лазом. В центре сооружения расчищено помещение квадратной в плане формы, имеющее размеры 3,10x3,10 м. Пол помещения устроен на уровне древней дневной поверхности и покрыт слоем желтого материкового песка. Уровень пола в ряде мест пробит поздними ямами, в двух из которых сохранились остатки вкопанных деревянных столбов. На уровне пола найдено несколько фрагментов гончарной и лепной посуды IV–V вв. н.э. По внешнему краю юго-западной и северо-восточной стен здания «in situ» расчищены остатки веревки, сплетенной из раздавленных стеблей камыша и деревянные колышки, к которым они были привязаны. У северо-восточной стены сооружения найдены два хорошо сохранившихся деревянных бруса от рамы дверного проема. Длина их – 85 см, в поперечнике – 10x20 см. У восточного угла здания найдены три круглые в сечении, заточенные с противоположных концов палочки, похожие на «стилосы». Длина палочек – 19–20 см, диаметр в толстой части – 1,0 см. Аналогии строению мы видим среди наусов исследованных у крепости Кангка-1.¹⁴

Курган № 4 располагался на восточном краю «кратера». До раскопок представлял собой сильно разваленную каменную насыпь округлой в плане формы диаметром 4 м, сложенную из камней средних размеров. Восточная часть насыпи была почти полностью разрушена. В центре насыпи на уровне древней дневной поверхности располагалась камера овальной в плане формы с размерами 160x80 см, длинной стороной ориентированная по линии ЗЗЮ–ВВС. На полу камеры в слегка заглубленной овальной в плане узкой яме шириной

20 см были расчищены кости скелета, принадлежавшие ребенку, сохранившие анатомическое сочленение. Погребенный располагался на спине в вытянутой позе, головой на северо-восток, лицом – на запад. Предметы погребального сопровождающего инвентаря отсутствовали. В конструктивном отношении сооружение аналогично кургану № 1, группы 4 некрополя Мешекли и, по-видимому, может быть датировано раннесакским временем.

Открытые и исследованные на юге Хорезмского оазиса некрополи Мешекли и Уч очак расширяют наши представления о скотоводческом окружении региона в середине II-го тысячелетия до н.э. Некрополь Мешекли репрезентирует не известные ранее в низовьях Амударьи наземные и углубленные в землю каменные конструкции погребальных сооружений, которые в совокупности с предметами погребального сопровождающего инвентаря обнаруживают параллели с ареалом распространения синхронных скотоводческих культур Центрального, Южного Казахстана, а также Ферганской долины, составлявших мадроновскую культурно-историческую общность.

Раннесакские погребальные сооружения могильников Мешекли и Уч очак отличаются от захоронений куюсайской культуры. Полученные материалы позволяют предполагать, что в VIII–VII вв. до н.э. на территории Хорезмского оазиса имели распространение как минимум две группы раннесакских племен – «мешеклинская» и «куюсайская», отличавшиеся конструкцией погребальных сооружений и погребальным обрядом. Конструкция раннесакских погребальных сооружений некрополей Мешекли и Уч очак близки каменным наземным склепам с погребениями на «горизонте» плато Устюрт, относящиеся к периоду V–II вв. до н.э.¹⁵ Более ранняя дата этих каменных склепов по отношению к устюртским по нашему мнению позволяет предполагать их постепенное распространение с юга Хорезмского оазиса на территорию Устюрта.

Куюсайская и мешеклинская группы племен продолжают существовать на территории нижней Амударии вплоть до V в. до н.э., демонстрируя неоспоримые факты культурной интеграции скотоводов с оседло-земледельческими и городскими центрами архаического периода. Археологические комплексы раннесакского населения (VIII–V вв. до н.э.), тем не менее, не предоставляют убедительных материалов, которые могли бы позволить на их примере проиллюстрировать вероятность сложения и развития на их основе урбанизированной культуры Хорезмского оазиса.

Погребальные сооружения, определенные нами как «дахма», «ката» и наус, и исследованные на некрополях Мешекли и Уч очак, представляет значительный интерес в плане истории распространения зороастризма на территории древнего Хорезма.

Погребальный обряд канонического зороастризма достаточно хорошо освещен в источниках и в научной литературе.¹⁶ Маздеистские погребальные сооружения по своему функциональному назначению подразделяются на три категории. Первые из них – «ката» - помещение

или небольшая постройка, в которой тело умершего сохраняется определенный срок. Вторые – «дахма». Здесь происходит процесс отделения плоти от костей умерших людей. Третьи – «узdana», «остодана» - место хранения костей умерших в наусах и оссуариях.¹⁷

По мнению большинства исследователей, в Хорезме образ выставления трупов на «дахма», принятый в каноническом зороастризме, широко распространяется, начиная со II–I вв. до н.э.¹⁸

На территории Хорезмского оазиса исследованы несколько «дахма». «Дахма» Чильпык располагается на естественном возвышении в предгорьях Султан-Увайсдаг. Она окружена стеной, в которой с западной стороны располагался вход с ведущим к нему пандусом. «Дахма» функционировала в кушанское и раннесредневековое время. Кубатауская «дахма», расположенная у селения Мангит, раскопана частично. Устроена она на трех слоях сырцовых кирпичей, положенных на слой глины с навозом. «Дахма» датирована находками оссуариев VII–VIII вв.²⁰

На некрополе близ городища Кангка I были изучены два похожих на мешеклинскую «дахма» сооружения квадратной в плане форме. Они сложены сырцовым кирпичом размерами 42x42x14 см и ориентированы углами по сторонам света. Постройки сохранили два ряда кирпичей. Первая имеет размеры 7,5x7,5 м. Вторая - 5,50x5 м. Автор раскопок не интерпретировал эти сооружения. Некрополь Кангка I датируется IV в. н.э.²¹

На территории Средней Азии «дахма» исследованы в Согде и Уструшане. За пределами городской стены Еркургана изучена «дахма», функционировавшая в период с II–I вв. до н. э. по IV в. н.э. «Дахма» возведена на платформе и имеет высоту более 10 м. Основание платформы сооружено из неотесанного камня с песчаной подсыпкой. Вход в «дахма» располагался с восточной стороны.²² На некрополе Пайкенд раскопано трехкомнатное сооружение. Г.В. Шишкина определяет его как «наус-дахма» и датирует VII веком.²³

В центральном Согде у поселения Фринкет изучено хранилище оссуариев на глинобитной площадке, окруженное стеной. Исследователь считает это сооружение «дахма» и датирует его XIII в.²⁴ В Уструшане на Куркатском могильнике в подземных склепах выставляли трупы и хранили кости. Склепы, по мнению Мирбабаева, выполняли функцию «дахма» и «остодана». Ранние сооружения некрополя датированы I в. до н.э. – IV в. н.э.²⁵ По установлениям «Видевлата» вход в «дахма» должен располагаться в восточной стороне.²⁶ Им в полной мере соответствовали лишь мешеклинская, еркурганская и фринкетская «дахма».

Погребальные сооружения некрополя Мешекли – узкие каменные склепы, интерпретированные нами как «ката», находят соответствия в предписаниях «Видевдата», необходимых для сооружения таких построек. В пятом фрагарде «Видевдата» имеются предписания почитателям Мазды о необходимости возведения в селениях трех «ката» для мертвых. Один из них предназначен для мужчин, один - для женщин и один - для детей. Восьмой фрагард

дует несколько более детальное предписание использования «ката». «О, создатель материального мира, святой. Если в доме почитателя Мазды умирает собака или человек, и идет дождь, снег или дует ветер, или наступает темнота, если стада и люди сбились с пути, что надлежит делать почитателям Мазды?» Ахура Мазда отвечает: «Место этого дома почитателя Мазды там, где земля наиболее чиста и наиболее суха, где менее всего бывает мелкий и крупный скот, огонь Ахура Мазды, связки (ветвей), посвященных Баресману, в тридцати шагах от чистого человека. В этом месте выроют яму глубиной в пол фута, если земля твердая, и в пол человеческого роста, если она мягка, затем положат на это место щепел или коровий навоз, а сверху кирпичи, камни или очень сухую землю: там поместят они бездыханное тело на две ночи, на три ночи или на месяц, пока не полетят птицы, пока не зацветут растения, пока не потекут скрытые воды, и ветер не высушит землю». Когда наступает время года, разрешенное для выставления тел умерших, рекомендуется сделать пролом в стене, вынести через него покойника и положить на дахму.²⁷

Топография расположения «ката» на некрополе Мешекли соответствует предписаниям «Видевдата». Во всех мешеклинских «ката» стенка камеры, расположенная напротив входа, была разобрана. Вероятно, через эти проломы извлекали завернутые в саван тела мертвых. Очевидно, что и в Хорезме почитатели Мазды возводили «ката», предназначенные отдельно для мужчин, женщин и детей. Каждая группа мешеклинских сооружений насчитывает 2–3 склепа. Найденные в нескольких камерах «ката» кости и капролиты собаки, позволяют предполагать, что некоторые из них могли быть предназначены для помещения туда тел собак. На местности эти постройки занимают различное положение. Одни из них на рельефе занимают верхнее, другие среднее, а третьи - нижнее положение. Такая разница в их расположении может объясняться статусом мужчин, женщин, детей и собак, существовавшим в маздеистском обществе.

Сооружения, интерпретированные нами как «ката», ранее не были известны в Хорезмском оазисе.

В Хорезме и Средней Азии в качестве «ката» идентифицированы целый ряд сооружений. В Хорезме в одном из замков (№ 36) Беркуткалинского оазиса, датируемом раннесредневековым временем, исследовано помещение квадратной формы с суфой и ямой в центре, интерпретированное как «ката».²⁸

В Северной Бактрии на городище кушанского времени Кампыртепа сооружение, состоявшее из трех отдельных зданий, определено как «ката». Здания состоят из 9, 3 и 1 камер. Впоследствии они были объединены в одно сооружение. Э.В. Ртвеладзе полагает, что в данном сооружении воплощены все три типа зороастрийских построек («ката», «дахма» и «узdana») в сочетании с храмом поминального культа.²⁹

На пенджикентском некрополе VII–VIII вв. наус № 2 определен как «ката». Он представляет собой однокамерное сооружение, перекрытое сводом.³⁰

Бактрийское и беркуткалинское сооружения находятся непосредственно на территории города и замка. Беркуткалинское и пенджикентское сооружения имеют круглую яму в центре помещения.

Погребальное сооружение № 1, исследованное нами в группе I некрополя Мешекли и интерпретированное как «дахма», по нашему мнению, является комбинацией «дахма» и «ката». По всей видимости, оно предназначалось для обслуживания нужд одной из маздеистских общин, живших в период со II в. до н.э. по VI в. н.э. на территории Садвара.

Түйін

С.Р. Баратов, Б.П. Садуллаев ЕЖЕЛГІ ХОРЕЗМ АРХЕОЛОГИЯСЫНА ЖАҢА МАТЕРИАЛДАР

Мақалада Хорезм облысы Хазарасп ауданы Топырақкала алабы аумағындағы Мешеклі некрополін зерттеудің нәтижелері берілген. Зерттелінген топтың ішінде әртүрлі құрылымды және түрлі тарихи кезендерге жататын жерлеу құрылыстары бар. Андрондық мәдени-тарихи қауымның мал шаруашылықты тайпалары қалдырған қола дәуіріне жататын жерлеу құрылыстары зерттелді. Ерте темір ғасырының жерлеу құрылыстары қазылып, зерттелді. Зороастриялық жерлеу салыты мен ғұрпына қатысы болуы мүмкін құрылыс тобы анықталды. Б.з. IV ғ. аяғына жататын, шамасы хионитамилер қалдырған, ежелгі жер бетінде жүргізілген кремацияланған сүйектердің қалдықтары жерленген құрылыс табылды. Хорезм алқабының оңтүстігіндегі Мешеклі және Үшошак некрополінің ашылуы мен зерттелінуі б.з.д. II мыңжылдықтың ортасындағы аймақтағы мал шаруашылықпен айналысатын орта жөніндегі түсінігімізді кеңейтеді.

Abstract

S.R. Baratov, B.P. Sadullaev THE NEW MATERIALS OF ANCIENT KHORESM ARCHAEOLOGY

The research results of Meshekli necropolis on the territory of Toprakkalinsky massive of Khazarasp region of Khoresm oblast are presented in the article. Inside the researched groups there are met the burial constructions presented by different constructions and referred to the different historical periods. There were researched the burial constructions referred to the Epoch of Bronze left by cattle-breeding tribes of Andronov cultural-historical unity. There were excavated and studied the burial constructions of the Epoch of Early Iron. There was revealed the group of constructions which could have relation to Zoroastrian burial rituals and ceremonies. There was discovered the construction with the remains of burial of cremated bones made on the level of ancient day surface referred to late IV c. A.D. left, obviously, by khionites. Discovered and researched in the South of Khoresm oasis the necropolis Meshekli and Uch Ochak widen the imaginations on cattle-breeding surrounding of a region in the middle of the II millennium B.C.

1. Баратов С.Р. Археологические исследования на Юге Хорезма в 2004 – 2005 годах // Археологические исследования в Узбекистане в 2004–2005 годы. — Ташкент, 2006. - Вып. 5. - С. 38–56; Баратов С.Р., Рахманов У., Лушпенко О.Н., Юсупов Н., Муродова Д.Х., Садуллаев Б.П., Матрасулов Ш., Машарипов Э. Археологические исследования на

- территории Южного Хорезма в 2006–2007 годах // Археологические исследования в Узбекистане в 2004–2005 годы. — Ташкент, 2009. — Вып. 6. — С. 46–50.
2. *Массон М.Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр: (в пределах Туркменской ССР) // Труды ЮТАКЭ. — 1966. — Т. 13. — С. 241–243.
  3. *Итина М.А.* Археологические памятники на древних торговых путях вдоль берегов Амударьи // Древности Южного Хорезма. — ТХАЭ. — М., 1991. — Т. XVI — С. 18–19; *Массон М.Е.* Средневековые торговые пути... — С. 241–243.
  4. *Яблонский Л.Т.* Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. — М., 1999. — Рис. 93.
  5. *Итина М.А.* Могильник бронзового века Кокча 3 // МХЭ. — М., 1961. — Вып. 5. — С. 77–82. — Рис. 24: 1, 2; 27.
  6. *Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А.* Древности Кайраккумов (древнейшая история северного Таджикистана) // Труды АН Тадж. ССР. — Душанбе, 1962. — Т. XXXIII. — Рис. 26; *Gorbunova N.G.* The Culture of Ancient Fergana (VI century B.C. — VI century A.D.) // BAR. International Series 281. — 1986. — С. 253–258.
  7. *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. — М., 1977. — С. 57, табл. 2.
  8. *Юсупов Х.Ю.* Археологические работы в предгорьях северо-западного Копетдага и между Сарыкамышем и Кызыл-Арватом // Каракумские древности. — Ашхабад, 1972. — Вып. IV — С. 122–124; *Ягодин В.Н.* Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. — Ташкент, 1978. — С. 187–189.
  9. *Вайнберг Б.И.* Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи // УСА. — Л., 1975. — Вып. 3. — С. 42–48; *Вайнберг Б.И.* Памятники куюсайской культуры // Памятники на границах Хорезма. — ТХАЭ. — М., 1979. — Т. XI — С. 42–45. *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э.—VIII в. н.э. — М., 1999. — С. 124–125.
  10. *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи // ТХАЭ. — М., 1973. — Т. VIII. — Табл. 25: 14, 15.
  11. *Gorbunova N.G.* The Culture of Ancient Fergana... P. 253–258; *Саттовская Е.Д.* Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках» // УСА. — М., 1975. — Вып. 3. — С. 36–39.
  12. *Лоховиц В.А.* Караван-сарай верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. — М., 1979. — С. 112–118, рис. 4.
  13. *Баратов С.Р.* Археологические исследования на Юге Хорезма в 2004–2005 годах // Археологические исследования в Узбекистане в 2004–2005 годы. — Ташкент, 2006. — Вып. 5. — С. 47–51; *Баратов С.Р., Рахманов У., Лушпенко О.Н., Юсупов Н., Муродова Д.Х., Садуллаев Б.П., Матрасулов Ш., Маишарипов Э.* Археологические исследования... — С. 38–41.
  14. *Яблонский Л.Т.* Некрополи древнего Хорезма... Рис. 93.
  15. *Ягодин В.Н.* Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. — Ташкент, 1978. — С. 187–190.
  16. *Раппопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) // ТХАЭЭ. — М., 1971. — Т. VI; *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. — М., 1987; *Мейтарчиян М.Б.* Погребальный обряд зороастрийцев. — М., 1999.
  17. *Раппопорт Ю.А.* Из истории религии... С. 11; *Мейтарчиян М.Б.* Погребальный обряд зороастрийцев... — С. 55.
  18. *Раппопорт Ю.А.* Из истории религии... — С. 57–58; *Яблонский Л.Т.* Некрополи древнего Хорезма... С. 105.
  19. *Толстов С.П.* Древний Хорезм. — М., 1948. — С. 71; *Маньлов Ю.П.* Новые данные о погребальном обряде Хорезма в первых веках нашей эры // Археологические исследования в Каракалпакии. — Ташкент 1981. — С. 55; *Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А.* Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. — М., 1985. — С. 332.

20. *Раппопорт Ю.А.* Из истории религии... С. 98.
21. *Яблонский Л.Т.* Некрополи древнего Хорезма... С. 63. -Табл. 56. -Рис. 93.
22. *Сулейманов Р.Х., Исхаков М., Исамиддинов М., Нефедов Н.* Раскопки на городище Еркурган // АО. 1978. - М., 1979. - С. 562–563. Информация о месте расположения прохода получена автором от участника раскопок – археолога Г.И. Богомолова.
23. *Мейтарчиян М.Б.* Погребальный обряд зороастрийцев... С. 58.
24. *Григорьев Г.В.* Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под Самаркандом. // ВДИ. - 1969. - № 2. - С. 145–149.
25. *Мирбабаев А.* Дахмаки Куркага и проблемы зороастрийской идеологии в Средней Азии: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Душанбе, 1994. - С. 19–21.
26. *Мейтарчиян М. Б.* Погребальный обряд зороастрийцев... С. 104.
27. Цитировано по: *Мейтарчиян М.Б.* Погребальный обряд зороастрийцев... С. 43–44.
28. *Толстов С.П.* Древний Хорезм... С. 148; *Нильсен В.А.* Становление средневековой архитектуры Средней Азии V–VIII вв. - Ташкент, 1966. - С. 30.
29. *Ртвеладзе Э.В.* Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыр-тепе // Ученые записки по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока всесоюзной ассоциации востоковедов (Археологические источники). – М., 1989. - С. 225.
30. *Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А.* Пенджикентский некрополь // МИА. - М.-Л., 1953. - № 37. - С. 79.

Р.Х. Сулейманов

ЗАРОЖДЕНИЕ СТОЛИЧНОГО ЦЕНТРА НАХШЕБА

Истоки городской культуры Средней Азии относятся к эпохе бронзы и неразрывно связаны с такими древними очагами мировой цивилизации, как Сузы и Мари в Месопотамии и Мохенджодаро в долине Инда. Но окончательное формирование основных земледельческих оазисов и сложение их столичных центров происходит в конце бронзового и начале железного веков.

В Кешаде и Самаркандском оазисе к этому времени относятся отдельные могильники и разрозненные находки, что указывает на наличие и поселений, однако, они еще не найдены.

Во второй половине II и в начале I тысячелетия до н.э. в районах Центральной Азии и Ближнего Востока в результате очередной волны аридизации и иссушения климата большая часть племен и народов этого обширного региона приходит в движение. Исчезают многие археологические культуры эпохи бронзы, забрасывается большая часть протогородских и раннегородских культурных центров. Это время совпадает с распространением орудий и оружия из железа

Конец II и первая половина I тыс. до н.э. — эпоха раннего железного века, была временем сложения государственности народов не только Центральной Азии, но и обширных регионов средних широт Евразийского континента. Результатом этого было сложение первых городов и развитие урбанизации. Это раннеурбанизированные полисы Греции, Рима, Лидии, города скифов в Восточной Европе, мидийские города в Малой Азии и Иране.

Большую роль в этом сыграли племена андроновской культуры, которые на позднем этапе своего развития в XI-X вв. до н.э. массово мигрируют на юг в оазисы Средней Азии и далее на территорию Афганистана и Ирана. Носители этих двух культур, ведущих комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство и создавших свою технологию бронзовой металлургии ранее с петровского времени — первой половины II тыс. до н.э., уже появлялись в оазисах Средней Азии, оказывая существенное влияние на антропологический облик, металлургию, погребальные обряды и другие стороны жизни населения эпохи бронзы Средней Азии. Они распространяют коневодство и технологию боя на легких боевых колесницах по всей Азии и Европе. В эпоху завоевания касситов и гиксосов коневодство с колесницами проникает и в Месопотамию и Египет. Но с конца II тыс. до н.э. подавляющая часть населения носителей этих культур уходит на юг. В степи Казахстана и далее на запад с начала I тыс. до н.э. начинают мигрировать из Монголии племена карасукской культуры — предки скифов.

Население андроновской и срубной культур оседает в оазисах Средней Азии, что приводит к возникновению нового синтетического культурного комплекса, так называемой культуры расписной керамики геометрического стиля эпохи раннего железного века. Наиболее ранняя

дата этого комплекса, полученная из самых ранних слоев поселения Яз-депе в Туркменистане, — XIV-XIII вв. до н.э.. Наиболее поздние слои с керамикой геометрического стиля датируются VII-VIII вв. до н.э. Геометрический стиль в расписной керамике характерен в это же время для Греции.

Начинается новый этап развития урбанизации, государственности и городской цивилизации Средней Азии.

Начиная с этого времени и вплоть до сего дня, археологи прослеживают непрерывное, преемственное развитие основных земледельческих оазисов Средней Азии. Следует отметить, что в это время оседло-земледельческие оазисы возникают также в Согде, Чаче, Ферганской долине. Древнейшие письменные памятники, повествующие об истории Средней Азии — Авеста, персидские и греческие источники, сообщают нам наиболее ранние сведения о топонимах, этнонимах и именах правителей, относящихся к первой половине и середине I тысячелетия до н.э., они относятся к языкам восточно-иранской группы. События, фиксируемые Авестой, и драма жизни и учения Заратуштры развиваются на фоне соперничества двух основных этносов Средней Азии первой половины I тысячелетия до н.э. — ариев, оседлых земледельцев, и туров, кочевых скотоводов.

Сравнение городских центров раннего железного века с более ранними поселениями свидетельствует о глубоких социальных изменениях, произошедших в раннем железном веке по сравнению с эпохой бронзы. На юге обширные поселения с храмами сменяют крепостная, замковая архитектура. Монументальные храмовые центры возводятся на высоких неприступных кирпичных платформах. В Согде возводятся обширные города в 70 - 100 - 200 га площадью, окруженные мощными оборонительными стенами толщиной у основания до 7 м. В Самарканде этой поры такой же стеной от остальной части города был отделен акрополь или арк, где находились правительственные строения. Здесь же, видимо, концентрировались и представители олигархической власти: бюрократия, жрецы и крупнейшие землевладельцы. Все это указывает на милитаризацию общества и власти раннего железного века.

Сложение первых городов и оазисов Согда относится именно к этой эпохе раннего железного века. Нахшаб, Кеш, Самарканд возникают в это время.

Уже в семидесятых годах XX в. на различных раскопках городища Еркурган было обнаружено некоторое количество фрагментов лепной от руки керамики, украшенной геометрическим орнаментом красновато-коричневого цвета, и было ясно, что поселение на месте Еркургана сложилось в интервале между X—VII вв. до н.э. Но мощная оборонительная внутренняя стена древнего города, как показали раскопки, была возведена в середине I тысячелетия до н.э. из крупного прямоугольного стандарта кирпича, характерного для этого времени. Поэтому сначала мы считали, что первоначальное неукрепленное поселение на месте Еркургана можно считать городом с VI в. до н.э., когда оно было окружено большой оборонительной стеной, защищавшей город, имеющего территорию около 40 га.

При дальнейших раскопках в 1999 г. На квартале керамистов в пределах внутреннего города, на раскопе 13, на уровне самых нижних слоев были раскрыты остатки более ранней, уничтоженной еще в древности оборонительной стены толщиной около 3 м. Остатки её сохранились на высоту 2-2,5 м и были перекрыты более поздними структурными отложениями. Направление этой стены было параллельным северо-восточному фасау, сохранившейся по сей день внутренней стены Еркургана, но ограждала эта самая ранняя, не сохранившаяся стена города, гораздо меньшую площадь. Первоначальная оборонительная стена, оказавшись внутри города, окруженного более обширной оборонительной стеной, в дальнейшем за ненадобностью была разрушена и глина её использовалась для нужд строительства. А на северо-восточном фасау города на месте стены сложился квартал керамистов, гончары которого использовали в качестве готового сырья жесткую и хорошо промешанную глину кладки первоначальной стены города. Таким образом, на протяжении почти всего северо-восточного фасау внутреннего города Еркургана с первых веков до н.э. по VI в. н.э., когда город погиб при разгроме государства эфталитов, здесь активно функционировал квартал керамистов.

Остатки вышеупомянутой самой ранней стены Еркургана позволили прийти к заключению о том, что первоначальный город на месте Еркургана возник не позже VII-VII вв. до н.э.

Таким образом, история столичного центра Нахшаба, как и история Согда, начинается с появления новых поселений и городов раннего железного века, как минимум в VIII-VII вв. до н.э. Это было время сложения согдийского этноса и его земледельческих оазисов.

Далее Еркурган превращается в один из крупнейших и процветающих городов античной Согдианы. В III-VI вв., в период господства хуннов-хионитов и кушан-кидаритов, а затем эфталитов, он был вдвое больше Самарканда, который обживался в это время в пределах своей второй крепостной стены. В 10-12 км к югу от Еркургана близ ж.д. вокзала Карши возвышался город-спутник Еркургана, гигантский укрепленный замок-крепость, носящий название Калаи-Захаки-Марон. Это было уникальное крепостное сооружение с центральным башней-замком около 100x100 м по сторонам, сохранившимся на высоту около 15 м. Его окружали три ряда стен квадратного плана, при этом внешняя, третья, не сохранившаяся сейчас стена имела размеры 1,5x1,5 км. Как показали раскопки, Калаи-Захаки-Марон был возведен во II в. до н.э. скифами Приаралья, которые отняли сначала Согд, а затем и Бактрию у греческих царей - наследников Александра.

Старый топоним Кат (название кишлака рядом с крепостью, сохранившейся еще в XIX - начале XX в.), видимо, представляет древнее название этой крепости и указывает на его связь с районами Приаралья. Известно, что один из древних столичных центров Хорезма тоже назывался Кат.

С VI в., после разрушения Еркургана при крушении государства эфталитов под ударами объединенных армий персов и тюрков, роль

столичного центра Нахшаба переходит к сильно укрепленному феодальному замку на месте современного городища Шуллиюк-тепа. Город, как и область, назывался Нахшаб (арабское произношение Насаф). Арабы берут его приступом, но Нахшаб и соседний Кеш очень долго остаются самыми крупными центрами сопротивления халифату и исламу. Память об этом до сего дня сохранилась в выражении «тавар-мусурмон» по отношению к коренному населению Каршинского оазиса — Нахшаба, что толкуется, как «люди принявшие ислам под топором». Здесь находились центры восстания Муканны против халифата.

Тем не менее, средневековый Насаф был одним из крупных и процветающих городских центров Мавераннахра, из которого вышла целая плеяда известных ученых и теологов, писателей и архитекторов.

После походов Чингизхана, имевших катастрофические последствия для городской культуры Средней Азии, старый Насаф или Нахшаб постепенно забрасывается и городская жизнь перемещается в районы юго-восточного пригорода старого города, где потомок Чингизхана Кепекхан построил карши, что в одних источниках толкуется как «дворец», а в других - как «мавзолей». Этот восстановленный заново город стал называться Карши, но одновременно, вплоть до XX в. продолжал употребляться и старый топоним Нахшаб или Насаф. Еще в XIX в. выдающиеся поэты и писатели - выходцы из Карши, подписывая свое авторство, добавляют нисбу - Насафий.

Столичный город средневекового Каршинского оазиса заново возводится в 5 км к юго-западу от Еркургана на берегу р. Кашкадарья на месте современного Шуллиюктепа. Он известен как город Нахшаб (арабизированная форма - Несеф). После того, как в XIII в. г. Нахшаб был сожжен и разрушен войсками Чингизхана, столица оазиса заново возрождается неподалеку, на месте старого города Карши.

При раскопках Еркургана в 1999 г. была открыта еще одна оборонительная стена этого города, она находится в центре внутреннего города и погребена под культурными слоями, возможно, это первая стена города. Вероятно, в дальнейшем датировка уточнится, т.к. основание этой стены еще не вскрыто.

Судьба развития столичного города области Кеш по верхнему течению р. Кашкадарья была не менее сложной. Первоначально в VIII-VII вв. до н.э. на берегу Шурабсая в нескольких километрах севернее городов Китаб и Шахрисабз возводится большой город, окруженный стенами; остатки его в виде холмов известны под названиями Узункыр, Падаянтепа, Сангиртепа. В эпоху после Александра Македонского в III—II вв. до н.э. этот город был заброшен, и столица возводится на месте современного Китаба. Остатки цитадели этого города известны как памятник Каландартепа. Они были разрушены в 70-е годы XX в. Эта столица Кеша была разрушена при арабском нашествии и исламизации Согда, и город уже в третий раз в IX-X вв. возрождается на месте современного Шахрисабза, который достигает особого расцвета при Караханидах и Темуридах.

Таким образом, подобно тому, как древние городища Еркурган, Шуллиюктепа и Карши являются этапами развития столичного города

Каршинского оазиса, так Узункыр, Китаб и Шахрисабз фиксируют этапы развития столичного центра области Кеш.

Что касается древних названий городов на месте Еркургана и Узункыра, было известно, что историки похода Александра упоминали в долине Кашкадарьи топонимы Наутака и Ксениппа. Большинство специалистов склонялось к тому, что топоним Нахшаб следует локализовать в Каршинском озисе. Недавняя уникальная находка из Афганистана времени похода Александра Македонского в Азию — документ, написанный на коже арамейской письменностью, сообщает, что один из сатрапов империи Дария послал отряд солдат для ремонта оборонительных стен Никшапайи и Киша. Этот редкий по своей исторической значимости документ, расшифрованный, переведенный и опубликованный израильским востоковедом Саулом Шакедом убеждает нас, что известные в раннее средневековье топонимы Кеш и Нахшаб существовали с самого зарождения этих оазисов, и город на месте Еркургана, как и вся область ему подчиненная, назывался Нахшаб или Никшапайа, а греческий топоним Ксениппа не что иное, как искаженная форма Никшапайи.

Түйін

Р.Х. Сулейманов

АСТАНАЛЫҚ ОРТАЛЫҚ НАХШЕБТІҢ ПАЙДА БОЛУЫ

Мақалада Орта Азияның, оның ішінде Соғды алқабы мен қалаларының қалалық мәдениетінің бастау кезі қарастырылған. Автор егіншілікпен айналысатын негізгі алқаптар мен олардың астаналық орталықтарының қалыптасуының аяқталуы қола дәуірінің аяғы мен темір ғасырының басында болуы Месопотамиядағы Суза мен Мара және Инд өңіріндегі Мохенджодаро сияқты әлемдік өркениеттің ежелгі орталықтарымен байланысты деген қорытындыға келеді.

Астаналық орталық Нахшабтың тарихы Соғды тарихы сияқты ете темір ғасырындағы, минимум б.з.д. VIII-VII ғғ. жаңа қоныстар мен қалалардың пайда болуынан басталады. Бұл соғдылық этнос пен оның егіншілікті алқаптарының қалыптасқан уақытына тура келеді.

Abstract

R.Kh.Suleimanov

GENERATION OF THE CAPITAL CENTER NAKHSHEB

In the article there are observed the sources of town culture of Central Asia, particularly, the towns and oases of Sogd. The author comes to conclusion that final forming of the main agricultural oases and forming of their capital centers took place in the late of Bronze and Early Iron Ages and it is connected with such ancient centers of world civilizations like Suza and Mari in Mesopotamia and Mohenjodaro in the Ind River valley.

The history of the capital center Nakhshheb as well as the history of Sogd is started from the appearance of new settlements and towns of Early Iron Age as minimum in the VIII-VII cc B.C. It was the time of forming of the Sogdian ethnos and its agricultural oases.

Г.И. Богомолов

ЗЕРКАЛА ИЗ ТЕКЕЛИ И БЕШКУБИ: К СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Народы Средней Азии внесли огромный вклад в развитие различных областей мусульманской культуры, в том числе исламского искусства, представляющего собой сложное, многоплановое явление, которое стало одним из ярких компонентов мировой цивилизации. Ее основополагающие эстетические и художественные принципы основываются на религиозных концепциях ислама, в то же время в ее недрах (на уровне народно-бытовой субкультуры, суеверий, обрядности) на протяжении всего средневекового периода сохраняются и даже получают дальнейшее развитие ряд представлений и образов, восходящих к доисламскому времени. Соответственно многие образы домусульманского искусства Передней и Средней Азии, будучи вовлечены в орбиту мусульманской культуры, оказались интегрированными в систему новых духовных ценностей, при этом они либо приобретали новый контекст, либо сохраняли старый, несмотря на иные идеологические отношения. Особенно ярко это прослеживается на предметах средневековой материальной культуры, в декоре тканей, ковровых изделий, стекла, глазурованной керамической посуды и художественного металла, в том числе металлических зеркал. Последние получили широкое распространение и являлись одним из репрезентативных атрибутов быта, как среди кочевого, так и оседло-земледельческого населения Средней Азии. Часть из них была привозная, а часть являлась местными подражаниями привозным образцам.

Декор средневековых исламских зеркал отличался большим разнообразием и нередко сочетал два семантических ряда — эпиграфической орнаментации (религиозных формул, выражений или благопожеланий) и изображений (антропоморфного, зооморфного и растительного характера). Причем расхоже мнение, что соотношение арабской графики (надписей) и изображений составляло оппозицию священного и профанического по отношению к старым традиционным для народной культуры изображениям. Такое суждение исходит из предпосылки, что «становление антропоморфной и зооморфной изобразительности в искусстве ислама, и, в частности, в тюркестанском Ирана [и Средней Азии], определялось не априорными теологическими установками, а всей спецификой мусульманского мышления, в основе которого лежали сакральные функции арабского языка и графики, т.к. именно арабская графика своей семантической выделенностью вовлекала изобразительные формы в контекст мусульманского культурного единства».¹ Действительно, считалось, что семантическая значимость арабской графики была освещена сакральной значимостью Корана, но следует ли из этого, что другие элементы декора не наделялись семантикой и их изображение лишь дань фольклорной традиции.

Находки из Текели (Казахстан) и Бешкуби (Узбекистан) входят в небольшую группу средневековых исламских зеркал с единым сюжетом в виде пары сфинксов. Однако эти находки единичны и разбросаны по

разным регионам Средней Азии. Первое зеркало было случайно найдено на руднике Текели в Казахстане,² второе – тоже случайная находка в селении Бешкуби в Зааминском районе Республики Узбекистан. Оба зеркала близки по размерам³ и явно восходят к одному прототипу. Типологически зеркала из Текели и Бешкуби относятся к плоским дисковидным зеркалам с вертикально отогнутым бортиком на оборотной стороне и ручкой-шишечкой в центре (рис. 1: 1-2). В техническом плане зеркало было отлито в двухсторонней форме. Диск зеркала был подработан на наковаленке или металлической болванке, где края диска были аккуратно загнуты вертикально ударами молоточка. Затем рабочая сторона была тщательно отшлифована, и диск с обеих сторон был покрыт серебряной амальгамой.

Большую часть поверхности оборотной стороны занимает крупный круглый медальон с парой зеркально расположенных фантастических существ – сфинксов, выполненных в невысоком рельефе и обращенных друг к другу спинами. Вокруг медальона, по краю диска, проходит пояс с кувической надписью, ограниченный в свою очередь вертикальным бортиком. В центре диска там, где между фигурами сфинксов выделяется ромбовидное пространство, мастер поместил (припаял) полусферическую шишечку-петельку с просверленным сбоку отверстием для подвешивания.

Причем основной фокус декоративной композиции сконцентрирован не на надписи, которая в данном случае занимает периферию орнаментального поля, а на фигурах сфинксов. Они занимают ее первый план и переданы в геральдической позе спинами друг к другу, шагающими на задних конечностях, с поднятыми перед грудью передними лапами. Туловище передано в профиль, а голова развернута фронтально, лицом к зрителю. Оба изображения сфинксов идентичны. Как фантастические существа полиморфной природы, они наделены частями разных существ. Согласно традиционной передаче образа у них львиное туловище. При всей стилизации образа переданы его кошачья гибкость и мощь. Лапы – когтистые, с характерными для кошачьих хищников подушечками. Но вместе с тем всю верхнюю половину одной из ног (бедр) занимает побег трилистника (рис. 1:1). Характерной чертой львиного образа является протянутая от груди до паха линия волос шерсти, переданная короткими вертикальными насечками.

Сфинксы на зеркалах из Текели и Бешкуби наделены женскими головками со скуластым лицом. Глаза выведены вытянутыми миндалевидными возвышениями (зрачки не показаны). Линия небольшого носа переходит в широкие брови (в разлет). Губы рта переданы короткой горизонтальной линией. Подбородок – подтреугольной формы. Волосы расчесаны на прямой пробор и локонами спускаются (обрамляют лицо) до скул (рис. 1: 1-2). Концы их закручиваются кольцами. Над прямым пробором (над макушкой головы) сфинкса изображена мелкая миндалевидная фигура вершиной вверх, то ли это украшение волос, то ли локон, то ли шапка с острой макушкой. Схожее оформление головы сфинкса на штампованном

Рис 1. Изображения сфинксов на зеркалах

сосуде из Мерва Л.И. Ремпель считает изображением шапки-треуха.⁴ Изогнутую шею снизу охватывает валик, точно такой же валик или линия охватывает шею и некоторых других изображений сфинксов на художественных изделиях исламского времени. В нашем случае поверхность его сильно стерта, но, вероятней всего, это ожерелье или гривна.

Кроме того, оба существа наделены крыльями, которые вытянуты вверх от передних лап. Они подтреугольной формы с острой верхушкой, загибающейся вперед к голове сфинкса. Поверхность

крыла разделена на три неодинаковых по высоте яруса. Каждый из них состоит из рядов полуовальных линий, символизовавших перья, более крупных в нижнем ярусе и более мелких в следующем. Вдоль внешнего края крыльев протянута полоса с какими-то завитками. Возможно, она показывает линию с выступающими макушками маховых перьев.

Необычен хвост сфинксов на зеркалах из Текели и Бешкуби. Он S-образной линией опущен вниз, к лапам, и на первый взгляд похож на львиный, но как бы составлен из мелких шариков и завершается на конце не кисточкой, а крюкообразным жалом. По мнению Г.А. Пугаченковой, это суставчатый хвост со стилизованным растительным завитком,⁵ что, в принципе, не противоречит стилизованным изображениям львов и сфинксов с трилистником или побегом на конце хвоста на предметах ювелирики и штампованной керамике. Правда, Л.И. Ремпель видел в нем знаки луны и солнца.⁶ И все же, вероятней всего, прав К.М. Байпаков, который считал, что сфинксы на блюде из Талгара и на зеркале из Текели сделаны скорпионьими хвостами.⁷ Тем более, что в старейшей месопотамской традиции наряду с бородатыми сфинксами часто изображались птице-люди с хвостом скорпиона.⁸

Вовсе не случайно в композицию с фигурами сфинксов введена растительная орнаментация, которая по сравнению с выдвинутыми в центр сфинксами занимает как бы второй план. Растительные элементы располагаются почти крестообразно. Верхний и нижний растительный элемент расположены на одной оси и как бы разделяют фигуры. Нижний растительный элемент помещен внизу между фигурами сфинксов и представляет собой псевдопальметту, чья сложная растительная композиция состоит из короткого стебля с отходящей в разные стороны тройной листвой. Над ними вверх в стороны вытянуты два усика (побега), закрученные в кольцо с маленькими листиками на конце. В нижней части, то между побегами, помещена овальная шишечка (семя). В верхней части над отгибами усиков завершает композицию (объединяя обе части) вытянутый вверх лист ромбовидной формы (рис. 1: 2).

Два других идентичных растительных побега располагаются на 3 и 9 часов (под брюхом сфинксов). Каждый из них представляет собой как бы ветку с двумя побегами (рис. 1: 1). Один из них направлен к центру зеркала и завершается трилистником, другой - с двулистником на конце - развернут к краю зеркала.

Четвертый растительный элемент, Г.А. Пугаченкова определяет как «веерообразная пальметта»,⁹ занимает верхнюю часть поля зеркала (на 12 часов). Его стебель выведен чуть выше соприкосновения верхушек крыльев сфинксов (рис. 1: 2). Немного выше головы побеги расходятся в стороны и, изгибаясь, завершаются перед лицом сфинксов гроздью из круглых шишечек, расположенных треугольником. Причем каждая из них окружена овальной тонкой линией (листочком). В средней части стебель-отвод оплетен кольцом побега, один конец которого опускается вниз и упирается в основание миндалевидной шишечки, направленной вниз к разветвлению стебля. Другой конец проходит немного выше, повторяя линию первого, но шишечка, в которую он упирается, направлена вверх.

Надпись нанесена по периметру зеркала вдоль бортика и состоит исключительно из благопожеланий. Ее начало в верхней части круга между двумя «кликами» симметрично расположенных сфинксов. Язык надписи – арабский, почерк – куфи, по облику схожий с монетными надписями караханидской эпохи, а также с надписями некоторых других медных изделий той же эпохи. По определению Б.М. Бабаджанова по палеографии надпись может быть датирована не позже конца XI в.

В настоящее время с территории Средней Азии происходит около десятка таких зеркал. Причем и в типологическом плане группа не однородна. Большая часть из них это дисковидные зеркала с ручкой-шишечкой в центре оборотной стороны. Но вместе с тем оказалось, что размещение ручки не имеет принципиального значения, т.е. встречается и другой тип, где ручка-шишечка замещена длинной ручкой, прикрепленной к краю диска зеркала. Правда, еще А.Н. Бернштам предполагал, что наличие боковой ручки является отличительной чертой зеркал продукции местных ремесленников, манера выделки которой восходит еще к усуням.¹⁰ Основным объединяющим признаком этой группы является сюжетная композиция на оборотной стороне диска зеркала из пары стоящих сфинксов в сочетании с растительной орнаментацией в круглом медальоне. Причем, совершенно определенно можно утверждать, что это не просто тиражирование расхожего близкого мотива, а композиция, совпадающая по многим мелким деталям, т.е. во всех случаях это репликация одной и той же матрицы. Одно из таких зеркал, как уже отмечалось, происходит из Термеза⁹ (рис. 1:5). Пять зеркал с аналогичным сюжетом находятся в собрании Гос. Эрмитажа. Одно из них с длинной ручкой, прикрепленной к краю диска (рис. 1, 3), поступившее из урочища Бурулдай в Жетысу, приводится Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелем.¹² Наконец, еще одно аналогичное зеркало из коллекции А.М. Камышева как будто происходит с городища Красная Речка в Кыргызстане¹³ (рис. 1: 4).

В прочем зеркала с аналогичным сюжетом известны и за пределами Средней Азии. Одно из таких зеркал из музея исламского искусства в Берлине происходит из Сирии. Правда, оно отличается несколько более крупной формой за счет введения дополнительной полосы с растительным орнаментом типа ислими вокруг полосы с надписью.¹⁴ Однако отношение этого зеркала к исходной матрице не ясно. Оно прекрасной сохранности, видны все детали, но датируется исследователями XIII веком. Не исключено, что это тоже одна из попыток воспроизведения формы для отливки зеркал, только мастером была введена дополнительная полоса с растительным узором вокруг медальона и надписи, что и увеличило размеры сирийского зеркала до 15,5 см¹⁵ (рис. 3: 3).

Центр первоначального появления зеркал с этой композицией не установлен, вероятно, это был северный Хорасан или южные области Узбекистана (например, Чаганиан). В любом случае, выпадение некоторых мелких деталей или огрубление линий позволяют говорить о попытках растиражировать эти привозные изделия в местных

Рис. 2. Зеркало из Текели и аналогии

ремесленных центрах в XI-XII вв. Популярность сюжета, видимо, отражает некоторый ренессанс X-XII вв. народных верований, восходящих к древним религиозным представлениям. Соответственно верхний растительный элемент с побегами это не просто веерообразная пальметта (по терминологии Г.А. Пугаченковой), а элемент, восходящий к старой древневосточной схеме, символизирующий крону древа жизни, под сенью которого помещены охраняющие его существа, в данном случае сфинксы. Причем сами сфинксы тоже связаны с идеей плодородия, на что указывает растительный побег, произрастающий на их теле.

Можно предположить, что мастер вкладывал в традиционную известную с древности схему наряду с привычной трактовкой иной

Рис 3. Изображения сфинксов на предметах художественного ремесла

смысл – неотвратимость победы порядка над хаосом, где сфинксы, наделенные, с одной стороны, разными частями различных могучих (и даже зловредных для человека) существ, как бы суммировавшие их свойства, символизировали магических стражей охранителей. С другой стороны, они все же воспринимались как порождения хаоса и символизировали необузданные хтонические силы природы. Тогда как расположенные в симметрии растительные побеги символизировали порядок, чье организующее начало порождало жизнь, давало процветание и, переходя на владельца, наделяло его благодатью.

Обращение к образу сфинкса в данном случае тоже неслучайно, это один из излюбленных образов в искусстве древней и средневековой эпохи. Сфинкс – порождение мифотворчества древних ближневосточных цивилизаций. Согласно символической традиции, подобно грифону это мифическое существо, соединяя признаки человека, зверя и птицы, объединяет четыре стихии. Очевидно, что в этом плане сфинкс выступал как олицетворение неких хтонических сил природы с характерным для нее дуализмом сочетания добра и зла. Не менее широко распространено предположение, что сфинкс являлся солнечным символом, и именно по этой причине объёмные изображения сфинксов около пирамид фараонов обращены на восток. Больше того, считается, что в древнеегипетской мифологии образ сфинкса олицетворял богов Ра и Гора в качестве повелителя двух горизонтов и символизировал восход и закат солнца, и соответственно перерождение и воскрешение.¹⁶ Изображения сфинкса известны в искусстве Древней Месопотамии, Египта, Ассирии, Ионии, Ахеменидского Ирана и Древней Греции. Иконография их различна, так в Египте они изображались с телом льва и мужской головой. В Ассирии и Ахеменидском Иране сфинкс наделялся бородатой головой и короной. В Греции сфинкс считался порождением Тифона и Эхидны и изображался с лицом и грудью женщины, но телом льва и крыльями птицы. Как всякое чудовище, наделенное хтонической природой, оно представляет иррациональную силу, которая в равной степени может быть направлена как на разрушение, так и на созидание. В мифе об Эдипе сфинкс выступает как сила, ниспосланная богиней Герой в Фивы для наказания, как разрушитель, безжалостно убивающий людей. Сфинкс остановлен силой разума Эдипа. Предполагается, что этот эпизод греческого мифа представлял собой трансформацию более ранней версии сражения героя (Эдипа) с чудовищем Фиксом (прототипом будущего сфинкса), в результате победы над которым героем-созидателем, видимо, были обеспечены безопасность и процветание.

Позже, уже в античную эпоху, возможно, в силу широкого распространения и популярности эпизода мифа со сфинксом, требовавшего ответа на свою загадку, или переосмысления функций египетских сфинксов-охранителей гробниц, его образ стал символом тайны. Поэтому для эпохи средневековья образ сфинкса продолжал олицетворять властителя тайн и секретов и даже стал восприниматься как охранитель трансцендентного смысла.

Не менее интересным и перспективным представляется предположение, что образ сфинкса еще в шумеро-аккадское время являлся изображением низшего женского божества, точнее одного из духов-охранителей – Ламассу.¹⁷ Они были у каждого человека, и служили не только охранителями от различных врагов, но и подателями благой судьбы, здоровья и плодовитости. Мужским духом-хранителем был Шеду, а его женским соответствием – Ламассу, имя которой как-то родственно грозному женскому демону – Ламашту.¹⁸ Причем Ламассу могли изображать как в человеческом образе, в длинной юбке с оборками и поднятыми в мольбе к верховному божеству руками, так и в виде

полиморфного существа, сочетавшего зооморфные и антропоморфные части. В Нововавилонский период эти духи-хранители обозначались общим термином «аладламма» (aladlammû) и чаще всего изображались в виде крылатого человекоподобного быка или льва, чьи колоссальные фигуры сторожили входы в Ассирийские дворцы и храмы и должны были нести удачу их обитателям. Известно, что женские человекоподобные колоссы назывались «arsasû». ¹⁹ Любопытно, что еще А. Лео Оппенгейм полагал, что трудно переводимому термину Ламассу в качестве аналога больше всего соответствует слово «ангел». ²⁰ В дальнейшем в мусульманскую эпоху, видимо, именно в этом контексте они могли сохранять свое значение в народных представлениях.

Крылатые сфинксы мусульманского искусства средневековой эпохи продолжают прежнюю иконографическую традицию. Г.А. Пугаченкова и А.А. Хакимов подчеркивают плоскостное изображение сюжета, отсутствие перспективы. Для художественных предметов средневекового Мавераннахра (особенно для предметов торевтики) характерны изображения сфинксов в круглых медальонах на фоне вихрящегося растительного узора или вписанных в круглые медальоны с растительными побегам. ²¹

На бронзовом кувшине из Ура-Тюбе сфинкс изображен в фигурном медальоне на фоне более мелких круглых медальонов с ветвящимися растительными побегам. ²² На бронзовом подносе из канибадамского клада конца XII – начала XIII веков (район Ура-Тюбе) сфинкс помещен в центр девятилепестковой ложчатой розетки, символизирующей одновременно принадлежность к растительности и солнцу (солнце – цветок). Причем этот изобразительный ряд дублирован арабской надписью с благопожеланиями по отогнутому краю бортика – «долгая слава и счастье». ²³

К сожалению, письменные источники не дают нам точных соответствий названия и функций образа сфинкса на художественных предметах исламского периода. Некоторые из исследователей предлагают видеть в нем изображение Бурака, мифического коня, вознесшего пророка Мухаммада к престолу Аллаха. Однако в сюжете на зеркале изображено не одно мифическое существо, а пара. В книжной традиции Бурак тоже изображался с головой человека, но с туловищем коня. Поэтому другие исследователи предлагают видеть в образе сфинкса исламского искусства некоего представителя небесной сферы, солнечной природы или, по крайней мере, связанного с солнцем. ²⁴ Возможно, подразумевая в нем также обитателя райской сферы. Отсюда даже делается вывод, что все животные с человеческими лицами рассматриваются в исламском искусстве как священные животные мусульманского рая. ²⁵

Предполагается, что подтверждением древней связи сфинкса с солярным культом могут служить композиции, где сфинкс – существо с туловищем льва, сам по себе являвшийся символом солнца, помещается в центре розетки, напоминающей диск солнца с отходящими лучами. ²⁶ Правда, при этом высказывается суждение, что в эпоху средневековья

древнее культовое значение образа сфинкса перерастает в исламском искусстве просто в декор.²⁷ На наш взгляд, это одно из самых широко распространенных заблуждений – сводить элементы и образы исламского искусства лишь к декоративности. На самом деле практически все эти элементы несли определенную смысловую нагрузку, сохраняя свою связь с народными представлениями. О скрытом символизме и живучести этих представлений можно привести много примеров. Показателен в этом плане пример с шиитским праздником Мохаррам, в котором еще в первой половине XX века множество элементов праздничных шествий и действий восходило к глубоко архаичным пластам народных верований.²⁸

Не следует забывать, что как и в древнюю эпоху на протяжении всего средневекового периода большинство предметов быта, окружавших человека, наряду с их утилитарным назначением наделялись определенной семантикой. О сакрально-магической направленности декора зеркал из Текли и Бешкапа свидетельствует вся их символика, особенно в сравнении с элементами декора ковровых изделий, которые несут в себе благожелательное и обереговое значение. Многие из этих элементов наделяются определенным магическим содержанием, восходящих к тем же архаичным пластам народной культуры. Например, числовая символика – пара сфинксов, четыре растительных элемента зеркала находит полное соответствие символическому значению таких элементов ковровых изделий как «гоша келле» – «пары голов», или «гоша дырناق» – «пара когтей» или «торт гуль» – «четыре цветка» и т. д.²⁹ Кстати, не исключено, что уже к новому времени заменителем пары сфинксов в элементах коврового декора стал элемент «гоша таус» («пара павлинов»). Тем более, что семантика изображения павлина связывалось с мусульманскими представлениями о счастье.³⁰ Впрочем, даже условное изображение парных птиц, еще недавно характерное для декора свадебных паласов в прошлом, безусловно, наделялось сакрально-магическим значением, т.к. изображения этих птиц тоже считались оберегами и символами счастья.³¹

Любопытно, что туркменские, узбекские и киргизские мастерицы вводили в орнамент ковровых изделий и такой элемент как «чаян» – «скорпион».³² Кроме того, среди элементов декора ковровых изделий присутствуют элементы, непосредственно связанные с зеркалами – «айна гочак» – «зеркало с рожками», и «айна халта» – «мешочек для зеркала», т.е. опять с представлениями отражавшими сакрально-магические свойства самого зеркала. Вероятно, в этом следует видеть отражение той особой роли зеркал, хорошо известной по историческим и этнографическим исследованиям, которая им отводилась в больших и малых обрядах перехода у многих народов мира, в том числе и у народов Средней Азии. Например, в свадебной обрядности, во время встречи Нового года – Навруза, где зеркало было одним из обязательных атрибутов. Считается, что ритуал с зеркалом занимал центральное место в брачной церемонии. Свадебный обряд зороастрийцев и парсов не обходился без зеркала. В Индии жених и невеста впервые видели друг друга в зеркале (момент благоприятного взгляда). В Иране во время

свадебного ритуала в зеркало, принесенное женихом, смотрит невеста. Все это показывает, что зеркало само по себе воспринималось как сакральный атрибут.

Прямым соответствием зооморфно-растительной символике зеркал из Текели и Бешкуби являются стилизованно-растительные элементы коврового декора, такие как «шохақ» – «веточка», «кош барта» – «парные листья» и др., связанные с идеей плодородия. И, конечно, в этом плане совершенно очевидна ремиссия сюжета к традиционной композиции древа жизни и охраняющих его животных, в данном случае сфинксов.

Таким образом, семантика всех элементов и самой композиции на зеркале из Бешкуби, подобно узорам на ковровых изделиях, восходит к древнейшим сакральным мотивам. При этом надписи (сами по себе наделявшиеся сакральной значимостью) должны были восприниматься как эквивалент изображений и были призваны продублировать или усиливать их образное значение. Причем, несмотря на истоки образов в домусульманской традиции, именно сочетание их с эпиграфическим рядом примиряло эти антропо-зооморфные изображения с мусульманскими нормами и представлениями. Вероятней всего, в соответствии с мусульманскими представлениями они воспринимались как обитатели небесной сферы, обладавшие сакральными свойствами и магическими способностями. В целом, можно предположить, что вся группа зеркал, подобных находкам из Текели и Бешкуби, имела неординарное значение. Возможно, они входили в состав свадебных даров, и, несмотря на очевидное бытовое предназначение зеркал, все же представляли собой сакрально-значимые предметы, наделенные магико-заклинательными, обереговыми и благопожелательными свойствами, переходившими на его владельца.

Түйін

Г.И. Богомолов

ТЕКЕЛІ МЕН БЕШКУБАДАН ТАБЫЛҒАН АЙНАЛАР: СУРЕТТЕРІНІҢ СЕМАНТИКАСЫНАН

Мақалада қос сфинкс түріндегі бірыңғай сюжетті құраған ортағасырлық ислам айнасы тобынан шыққан Текелі (Қазақстан) мен Бешкубадан (Өзбекстан) табылған заттардағы декор, айнаның зооморфты-өсімдіктік символикасының кілем декорының стилдік-өсімдіктік элементіне сәйкестік табатындығы қарастырылған. Автор айнаның барлық элементтерінің семантикасы мен өзіндік композициясын ежелгі сакралды мотивтен шыққан кілем бұйымдарының өрнектеріне ұқсас деген қорытындыға келеді. Осыдан кейін жазулар бейнелердің эквиваленті ретінде қабылданып, қайталанып жасалынған немесе оның бейнелік маңызы күшейтілген. Жалпы алғанда Текелі мен Бешкубадан табылған заттар сияқты айналар тобы бірегей маңызға ие деп болжам жасауға болады. Олар үйлену тойының сыйлық құрамына кіруі де мүмкін, дегенмен айналар тұрмыстық қажеттілікке жатқанымен иесіне берілген магиялық сиқырланған, қорғау және мейірбанды қасиеті бар сакралды маңызға ие зат.

Abstract

G.I. Bogomolov
MIRRORS FROM TEKELI AND BESHKUBI: TO THE SEMANTICS OF THE PORTRAYAL

Researching the decor of findings from Tekeli (Kazakhstan) and Beshkubi (Uzbekistan) including to the group of medieval Islam mirrors with single subjects in a form of a pair of Sphynxes, corresponding to zoomorphic-herbal symbolism of mirrors are found in stylized-herbal elements of carpet decor. The author comes to conclusion that the semantics of all elements and composition itself on the mirrors similar to the patterns on carpet items raises to the ancient sacral motives. Moreover, inscriptions had to be adopted to the equivalent of pictures and had to double or to strengthen their image meaning. In general it could be supposed that all group of mirrors similar to the findings from Tekeli and Beshkubi had the unordinary meaning. Probably, they were included to the content of wedding gifts and despite of the obvious household intention of mirrors they presented themselves the sacral important subjects having the magic-incantatory, charms and goodwill features transferred to their owner.

1. *Шужуров Ш.* Искусство средневекового Ирана (Формирование принципов изобразительности). - М.: Наука, 1989. - С. 25.
2. *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь. - Алматы, 2007. - С 152-153; *Байпаков К.М., Терновая Г.А.* Группа зеркал с городища Красная Речка и случайная находка из Текели // Новые исследования по археологии Казахстана: труды науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения» - Алматы, 2004. - Вып 15. - С. 122-124.
3. Находка из Текели диаметром 11 см, тогда как зеркало из Бешкуби имеет: диаметр диска - 10,4 см; толщина диска - 0,3-0,4 см; высота бортика - 0,5 см; диаметр шишечки для подвешивания - 0,8 см; толщина собственно петли - 0,2 см, диаметр отверстия в ней для шнура тоже 0,2 см. Диаметр центрального медальона - 8 см. Ширина полосы надписи, обрамлявшей медальон - 1 см.
4. *Ремпель Л.И.* Цепь времен: вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. - Ташкент, 1987. - С. 62, илл. 276.
5. *Пугаченкова Г.А.* Бронзовое зеркало из Термеза // СЭ. - 1961. - №1. - С. 153.
6. *Ремпель Л.И.* Цепь времен... - С. 62.
7. *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь... - С. 132.
8. *Black Jeromy, Green Anthony* Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary. - London. 1992. - P. 65, 113, 119-120.
9. *Пугаченкова Г.А.* Бронзовое зеркало из Термеза // СЭ. - 1961. - № 1. - С. 153.
10. *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. - М.-Л., 1952. - № 26. - С. 149.
11. *Пугаченкова Г.А.* Бронзовое зеркало... С. 153.
12. *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* История искусств Узбекистана. - М., 1965. - С. 213, илл. 229.
13. *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середины VI - начало XIII вв.). - Бишкек, 2010. - С. 76. - Рис. 35: 1.
14. *Gierlich Joachim.* Drache. Phonix. Doppeladler. Fabelwesen in der islamischen Kunst. - Berlin. 1993. - Kat. 54.
15. *Gierlich Joachim.* Drache. Phonix. Doppeladler... - P. 54.
16. *Баешко Л.С., Гордиенко А.Н., Гордиенко А.Н.* Энциклопедия символов. - М., 2007. - С. 140-141.
17. *Баешко Л.С., Гордиенко А.Н., Гордиенко А.Н.* Энциклопедия символов... С. 140.

18. *Отпенхейм А. Лео.* Древняя Месопотамия (Портрет погибшей цивилизации). Перевод с английского М.Н. Ботвинника. - М., 1980. - С. 205.
19. *Black Jeromy, Green Anthony.* Gods, Demons and Symbols... P. 51, 115.
20. *Отпенхейм А. Лео.* Древняя Месопотамия... - С. 203.
21. см. подборку, приведенную А.А. Хакимовым – *Хакимов А.А.* Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // *Художественная культура Средней Азии IX-XIII века.* -Ташкент, 1983. - С 110.
22. *Мухтаров А.* Шедевры в единственном числе // *Мухтаров А., Негматов Н., Ранов В., Якубов Ю.* Путешествие в Согдиану. - Душанбе, 1982 -С.24, рис. 16.
23. *Древности Таджикистана.* Каталог выставки. - Душанбе, 1985. -С. 322 № 824.
24. *Bayer E.* The Sphinkses and Harpies in Medieval Islamic Art // *Oriental Notes and Studies.* - Jerusalem, 1965. - № 9. - P. 23, 62-63.
25. *Байпаков К.М., Терновская Г.А., Горячева В.Д.* Художественный металл городища Красная Речка (VI- начало XIII вв.). - Алматы., 2007 -С.137.
26. *Хакимов А.А.* Изобразительно-орнаментальные образы... С. 100.
27. *Хакимов А.А.* Изобразительно-орнаментальные образы... С. 100.
28. *Март С.М.* Мохаррам. Шнитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов // *Традиционная культура народов Передней и Средней Азии / МАЭ.* – Л., 1970. - Т. XXVI. - С. 313-366.
29. *Бересенева Л.Г.* Сакральные мотивы в ковровом орнаменте (по материалам ковровой коллекции Средней Азии Государственного музея Востока) // *Государственный музей Востока. Научные сообщения.* - М., 2000. – Вып. XXIII. - С. 146.
30. *Шукуров Ш.* Искусство средневекового Ирана... -С. 30.
31. *Мошкова В.Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX вв. - Ташкент. 1970. - С. 239.
32. *Мошкова В.Г.* Ковры народов Средней Азии... Табл. XXVI: 1. -С. 100.

М. Туребеков

ГОРОДИЩЕ БОГРОХАН

Академик Я.Г. Гулямов в 40-х годах XX века изучал историю орошения Хорезма с древнейших времен до 1950-х годов. В работе значительное место посвящено средневековому городищу Богрохан, которое расположено на правом берегу русла реки Каракул - одного из средневековых притоков Амударьи/Амударии. Городище иногда отождествляют с Мадминя. Оно состоит из арки, шахристана и рабада.¹

В 1998-2003 годах хоздоговорный отряд Каракалпакского Государственного университета им. Бердаха обследовал городище Богрохан. Оно состоит из неукрепленного рабада, шахристана и цитадели. Шахристан размером 250-200 м расположен в центре памятника и окружен крепостной стеной. Цитадель размером 60x50 м занимает северо-западный участок шахристана. Общая площадь Богрохана - более 60 га (рис. 1).

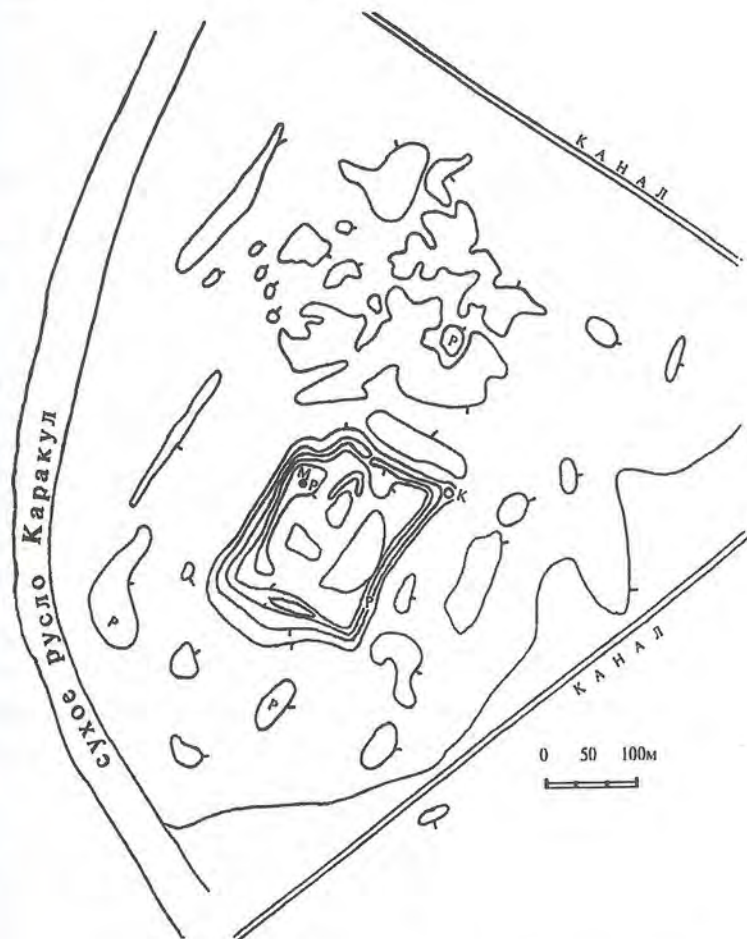

Рис.1. Городище Богрохан. Схематический план.
 М - минарет, Р - раскопки, К - колодец

Ближе, на юго-западном углу рабада, вскрыт большой дом.² В данный момент он имеет более 25 помещений, относящихся к четырем домам-хозяйствам. Дом № 1 состоит из двух помещений. Первое помещение имеет размеры 6,8х4,8 м и второе - 4,8х4,5 м. Дом № 2 находится в стороне, на юго-запад от вышеописанного дома. Он состоит из 12 помещений. Из них жилое помещение № 6. Размеры его 5,4х3,3 м. Остальные помещения использовались в качестве хранилищ. Дом № 3 состоит из 6-ти помещений. Из них жилое помещение № 5. Дом № 4 состоит также из 6-ти помещений. Все они хозяйственного назначения. Северная часть этого дома не сохранилась.

Все стены домов сооружены, в основном, из жженных кирпичей размерами 21-23х21-23х4-5 см. Толщина стены дома № 1 - 0,8 м, кроме западной стены помещения № 6, а южные стены помещений 5 и 12 имеют также толщину 0,8 м. Толщина остальных стен домов составляет 24 см. В доме № 1 постоянно жили люди, а в помещениях 5, 6 и 12 люди жили сезонно. Остальные помещения служили для хранения каких-то продуктов питания и, возможно, рыбы. Общая площадь домов - 712 кв.м. Керамический материал, полученный при обследовании городища, позволил датировать памятник концом XIII – XIV вв.

В трех местах на южном участке рабада были заложены шурфы размером 2х0,72; 2х1 и 2х1 м. Толщина культурного слоя составила 1,6-2 м. В одном из шурфов вскрыт ташнау размером 1,45х0,80 м, выложенный из жженных кирпичей. Размеры их - 21-22х21-22х4 см.

Судя по керамическим материалам, функционирование рабада относится к концу IX-XIV вв.

Шахристан города окружен оборонительной стеной. На её восточной стороне была заложена траншея с целью получения стратиграфического разреза размером 23х1,5 м, которая была углублена до 3,6 м и доведена до материка. Над уровнем материка находился слой мощностью 0,4-0,6 м с керамикой VII-VIII вв. Выше выявлен культурный слой IX-X вв, на котором была построена стена толщиной 0,8 м из сырцовых кирпичей размерами 32х32х4 см. Выше него прослеживается утрамбованная засыпка, толщина слоя составила 0,7 м. Поверх слоя застелена камышовая прокладка, на которой построена пахсовая крепостная стена. Сохранившаяся высота стены - 2,3 м, толщина - 4,1 м, внутрстенный коридор - шириной 1,6 м. Пол коридора выше основания стены на 1 м. Ров отсутствует.

В северо-восточном углу шахристана вскрыт колодец, обложенный жжеными кирпичами размерами 29-30 х 29-30х5 см. В стенке её имеются ниши-ступеньки для ног. Ширина колодца в верхней части - 1,07 м при глубине 1,45-5 м. По качеству и по конструкции колодца можно судить о высоком уровне мастерства строителей.

В северо-западном углу шахристана были вскрыты семь помещений, относящихся к одному дому. Главный вход в дом шириной 1,8 м располагался в восточной стороне в 3,1 м от северной крепостной стены. При входе имеется коридор шириной 0,9 м и длиной 4,5 м. Северный конец коридора ведет в помещение № 2 размером 3,7х3 м. В западной стене его находится проход в помещение № 1. Размеры его - 1,85-2,25 м.

В южном конце коридора расположено помещение № 4, размеры его - 5,5x3,1 м. В середине западной стены его построен ташнау размером 1,1x1,1 м, а в середине северной стены его расположен проход в помещение № 3. В юго-западном углу устроен ташнау. Северо-западная часть помещения занята суфой размером 3,2x2,1 м. В середине помещения выявлен очаг кана и вертикальный дымоход его в середине западной стены.

Проход в помещение № 5 находится на западном конце южной стены. Размеры помещения составили 4,7x3,8 м. В юго-восточном углу находится ташнау. Севернее от него обнаружена разрушенная нижняя часть тандыра. В середине его расположена очажная тумба.

В юго-восточном углу помещения № 4 находится проход в помещение № 6. Размер помещения 5,6 x 3,7 м. В центре его расположен ташнау и в западной части - суфа с очагом. Ширина её 1 м. Помещения № 1 и № 2 служили для склада, помещения №№ 3, 5 - для жилья, помещение № 6 для бани и остальные - подсобного характера.

В 30 м юго-восточнее от северо-западного угла крепостной стены шахристана вскрыта городская зимняя мечеть, прямоугольная в плане, размером 15,6x11,2 м (рис. 2). Она состоит из четырех помещений. Помещения с михрабом - площадью 40 м², толщина стены - 1 м. Она построена из жженых и сырцовых кирпичей размером 21-25x21-25x4 см и 29-32x29-32x5 см. Здесь прослеживаются два уровня пола, между которыми около 2 м.

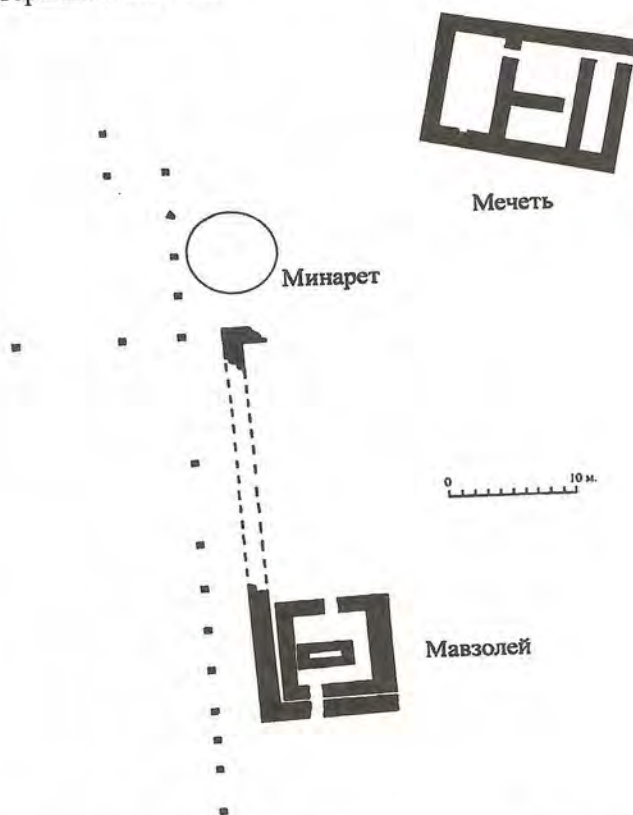

Рис. 2. Городище Богрохан. Остатки мечети, минарета и мавзолея

В результате раскопок в северо-западном углу шахристана был вскрыт минарет города. Выявлена последовательность его возведения: сначала был выбран котлован и заполнен речным песком толщиной до 3 м. На нем был построен минарет из жженных кирпичей с гипсовым раствором. Размеры их 35-37х33-36х28-30х6 см. Диаметры минарета у основания - 7,9 м и 87 см выше 9,5 м и 74 см и еще выше 8,22 м. Стена минарета с уклоном 86°. Минарет, начиная с высоты 2,3 м, подвергался ремонту из жженных кирпичей (22-26х22-26х4 см). Сохранившаяся высота минарета около 5 м. Аналогичные минареты известны в Кяте, Куня Ургенче и других городах Средней Азии.³

На южной стороне минарета дважды была построена суфа. Первоначальная суфа - из жженных кирпичей (26х26х5 см) высотой 43 см. Имеются следы пожара. На ней идет утрамбованным грунт и вторичная суфа размером 5,5х1 м. Размеры жженных кирпичей 24х24х5 см.

Западнее и юго-западнее минарета вскрыто 18 оснований баз колонн, расположенных в четыре ряда по направлению север-юг через каждые 3,5 м. Следовательно, в каждом ряду находится 18 оснований баз колонн. База колонн, изготовленная из песчаника, - круглая, ступенчато-квадратной и треугольно-округлой формы. Основания колонн расположены на уровне второго пола минарета.

В 2,5 метра от южной стороны минарета построена западная стена длиной 30 м. Она сооружена из сырцовых и жженных кирпичей. Размеры их 24-28х24-28х5 см. Толщина стены 135 см. Вскрыт мавзолей, расположенный на его юго-западном углу. Под стеной мавзолея располагались стены ранних сооружений из сырцовых кирпичей размером 30х30х5 см. Здесь отмечен культурный слой с керамикой VII-VIII вв. На нем построена стена мавзолея размерам 9х8,7 м. Толщина восточной стены 165 см, остальных-105 см. Они сооружены из сырцовых и жженных кирпичей размерами 24-28х24-28х5 см. Стена отшлифована, при связке был использован гипс. Над мавзолеем прослеживается культурный слой толщиной 0,6 м. Внутри мавзолея ближе к западной стене построена сагана размером 4,4х2 м. Сохранившаяся высота стены 0,8 м. В нем нет остатков захоронений. Следовательно, она была построена в честь прославленного человека. Входы в мавзолей находились в середине южной и северной стен. Высота прохода - 1,5 м при ширине 1 м.

Из внешнего завала мавзолея найдены фрагменты арабской надписи, вырезанные сначала на сырых глиняных плитах размерами 48х45х6 см, а потом обожженные в специальной обжиговой печи. Сохранились слова, предварительные прославляющие кого-то (цвет. рис. 1).

Таким образом, по результатам археологических исследований можно сделать следующие предварительные выводы. На правом берегу речки Каракул появляется полуоседлое сельское поселение в VII-VIII вв. Судя по находкам, шахристан был окружен оборонительной стеной в X веке. В XI-XII веках сооружен колодец. Судя по керамическим материалам, минарет города построен чуть позднее стены шахристана, где-то в конце X-XI веков. В это время или чуть позднее построен

мавзолеей. Возможно, что в это время появляется рабад города. В XII в. к мавзолею была сделана пристройка и зимняя мечеть. Расцвет города относится к XI—началу XIII в. Богрохан, как предшественник старого города Кунграда, становится политическим, экономическими и культурным центром этого оазиса расположенного на правом берегу Каракул.

После татаро-монгольского нашествия город приходит в упадок, но, примерно с конца XIII века, жизнь города вновь восстанавливается. Ремонтируется минарет, в юго-западной и западной стороне его возводится летняя мечеть с четырехрядными колоннами для многолюдных молений мусульман. Ремонтируется зимняя мечеть. В это время расширяется и рабад города.

Последний поход Тимура в 1388 году осадил город Гургандж. С этого периода и до смерти Тимура династия Кунградских суфи была отстранена от власти и Хорезмом управлял Мусака. Возможно, в это время нижняя дельта Амударии изменяет течение. Поэтому жизнь в Богрохане постепенно прекращается и большинство населения переселяется на территорию старого города Кунграда и вокруг него.

Түйін

М. Туребеков БОГРОХАН ҚАЛАСЫ

Богрохан қаласы VII-VIII ғғ. пайда болып, XVI ғ. дейін өмір сүрген. Ол цитадель, шахристан және бекініссіз рабадтан тұрады. Жүргізілген зерттеулердің негізінде ескерткіштің өмір сүрген, яғни VII-VIII ғғ. Қаракөл өзенінің оң жағасында жартылай отырықшы ауылдық қоныс болып пада болғаннан Темірдің соңғы жорығы және одан кейінгі оқиғалармен аяқталғанға дейінгі кезеңдері қалпына келтірілді.

Abstract

M. Turebecov BOGROKHAN SITE

Bogrokhan site appeared in the VII-VIII cc and it functioned till the XVI century. It consists of citadel, shakhristan and not fortified rabid. On the base of carried out researches there were reconstructed the stages of life of monuments from the appearance on the right bank of Karakul River of semi-settled village settlement in the VII-VIII cc and finishing by the last trip of Timur and other following events.

1. *Фуломов Я.Г.* Хоразмнинг суғорилиш тарихи. - Ташкент, 1959. - С. 158-159.
2. *Туребеков М., Хакимниязов Ж., Утепбергенов Ф.* Работы Кунградского отряда // Археологические исследования в Узбекистане. 2001 год. - Ташкент, 2002.
3. *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962. - С. 269-271; *Хмельницкий С.* Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX-X вв. - Берлин-Рига, 1992. - С. 103-107; *Хмельницкий С.* Между саманидами и монголами // Архитектура Средней Азии XI-XIII вв. - Берлин-Рига, 1996. - С. 128-151.

Э.Д. Зиливинская, В.Г. Рудаков

СКЛЕПЫ-МАВЗОЛЕИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

В Золотой Орде, как и в других странах этого времени, где мусульманская религия играла существенную роль, в качестве погребальных сооружений повсеместно строились мавзолеи. Эти постройки получили широчайшее распространение, так как в золотоордынских городах наибольшим влиянием пользовались проповедники суфизма, для которого характерен культ святых могил.¹ Среди раскопанных археологами объектов монументальной архитектуры мавзолеи составляют большинство. Но кроме наземных построек существовали подземные и полуподземные склепы-мавзолеи, рассчитанные на коллективные захоронения.

Купольные полуподземные склепы в большом количестве встречались на территории Селитренного городища, в том числе, в самом селе, а также в его округе. В прошлые времена жители называли их «каменными кибитками» или «выходами».² Эти склепы представляли собой сложенные из жженого кирпича постройки. Нижняя их часть, обычно квадратная или прямоугольная в плане, находилась в специально вырытом котловане. Стены постепенно переходили в полусферический купол, который полностью или частично возвышался над землей. К.Н. Малиновским в конце XIX в. был осмотрен склеп, который один из местных жителей также приспособил под погреб. Подобное сооружение находилось и в другом сельском дворе.³

Исследователи прошлого отмечали также, что крестьяне откапывали погребения в склепах на Каменном бугре (в 5 км к востоку от села) и на бугре «Татарское кладбище» (в 8 км к востоку от села).⁴

Несколько склепов-мавзолеев было изучено при археологических раскопках Селитренного городища. Один из них был раскопан Поволжской археологической экспедицией в 1969 г. на Больничном бугре (раскоп VII). Строение было поставлено в специально вырытую материковую яму глубиной 1,2 м и в плане представляло собой квадрат с длиной сторон равной 3,6 м. Углы его срезаны и образуют короткие стенки. На высоте 65 см стены склепа переходят в купол полусферической формы.⁵ В склепе было захоронено пять человек. Три захоронения были сделаны в деревянных гробах. В восточном углу здания был найден клад из 23 серебряных джучидских монет чеканки начала XV в.⁶

Полуподземный склеп исследован ПАЭ в 1986 г. на раскопе XIII, заложенном в низине между Больничным и Красным буграми. Он плохо сохранился, так как стены были в основном разобраны. Квадратная в плане постройка с закругленными углами была поставлена в яму размерами 3,18x3,02 м. На уровне 4-5 ряда кладки начинался переход к своду. На грунтовом полу лежали разбросанные кости скелета человека без вещевого инвентаря.⁷

Во время археологических разведок 2002 года были зафиксированы остатки одного полуподземного склепа, разбитого дорогой, на юго-восточном склоне Больничного бугра, двух подобных же усыпальниц в северо-западной части села рядом с Больничным бугром и ещё одного склепа на северо-западном склоне Маячного бугра.⁸

В 2004 г. были проведены исследования сильно разрушенного склепа в западной части села. Он стоял в яме размерами 4х4 м. Стены по углам были скошены и образовывали в плане восьмиугольник. Купол формировался путём постепенного наклона кладки кирпичей внутрь помещения. В склепе обнаружено два погребения: взрослого мужчины и ребёнка 1–1,5 лет. Рядом с детским скелетом найдены кости собаки.⁹ В 2005 было раскопано одно из сооружений, найденных при разведках. Склеп на юго-восточном склоне Больничного бугра возведён в яме размерами 4,56х4,62 м. Постройка хорошо сохранилась на высоту до 30 слоев кирпичей. В плане она квадратная, в углах находятся тромпы, формирующие восьмигранник, переходящий в полусферический свод. Ниши тромпов оформлены стрельчатыми арками. На полу обнаружен костяк мужчины, а под сводом входа – скелет собаки.¹⁰

Один из склепов, сохранившийся почти полностью, находится в настоящее время под жилым домом в селе Селитренном, по адресу ул. Пионерская д. 2 (хозяин В.В. Ляпин). Усадьба Ляпиных расположена в северо-западной части села, на юго-восточном склоне Больничного бугра, близко к реке Ахтубе. Эта постройка была исследована ещё в 1922 г. Ф.В. Баллодом. К тому времени погребальное сооружение было переоборудовано в хозяйственный погреб, расположенный под домом.¹¹ В качестве погреба оно используется и в настоящее время, благодаря чему и сохранилось.

В 2002 г. отрядом Нижневолжской экспедиции было проведено обследование сохранившегося объекта, сделано его подробное описание. Архитектором Л.Д. Мазур выполнены архитектурные обмеры, на основании которых вычерчен план и разрезы здания. В настоящее время эти материалы опубликованы.¹² Полностью дошли до наших дней стены и нижняя (большая) часть купола. Древний входной проем заложен крупными цементными блоками. Современный вход в погреб осуществляется из комнаты через разрушившуюся (или же разобранную) верхнюю часть свода.

Постройка сложена из обожжённых кирпичей на связующем глиняном растворе с вкраплениями извёстки. Кладка в полтора ряда кирпичей. В плане склеп четырехугольный, почти квадратный. Длина стен колеблется от 4,09 до 4,27 м. Четверик стен посредством тромпов переходит в полусферический купол (рис. 1: 1). Тромпы в виде четырёх ниш со стрельчатыми притуплёнными арками расположены по углам и ориентированны на ССЗ, СВВ, ЮЮВ, ЮЗЗ. Арки выложены в один кирпич, ширина их колеблется от 1,63 до 1,78 м, высота – 87-89 см. Глубина ниш составляет 74-90 см. Свод на различных участках выложен неодинаково: где-то он пологий, скошенный по прямой линии, а где-то

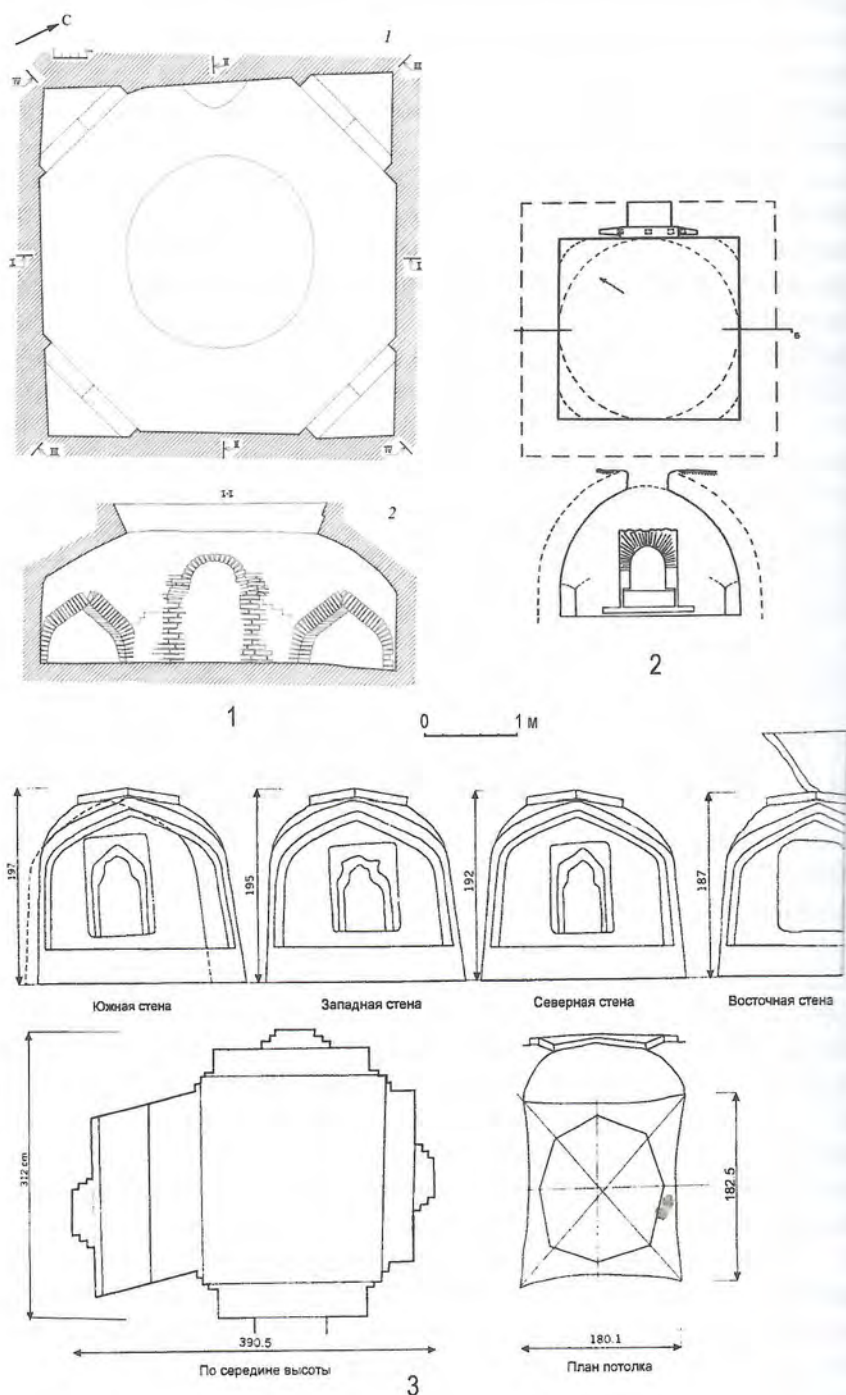

Рис. 1. Золотоордынские склепы-мавзолеи: 1 – на ул. Пионерской в с. Селитренном; 2 – в Верхнем Джулате; 3 – в Нижнем Джулате (по В.Г. Рудакову, Л.Д. Мазур, В.А. Кузнецову, И.М. Чеченову и Э.Д. Зиливинской).

в той или иной степени выпуклый, приближающийся по очертанию к циркульной линии. Высота от существующего уровня пола до нижней грани отверстия в куполе колеблется в основном в пределах 156-162 см. Полная высота склепа неизвестна, так как верхняя часть купола разрушена.

Вход расположен в середине западной стены и завершён полуциркульной аркой. Ширина входного проема колеблется в пределах 65-75 см, высота составляет 1,22 м от современной поверхности пола. Верхнюю часть входа прорезает свод, в связи с чем, его полуциркульная арка имеет соответствующий наклон внутрь сооружения. Никаких следов погребений в склепе найдено не было.

Исследователи датируют склепы-мавзолеи Селитренного городища концом XIV – началом XV вв., так как все они сложены из кирпичей различного формата, как целых, так и обломков, с остатками известковой обмазки и связующего раствора, то есть из материалов вторичного использования. Еще три склепа сходной конструкции были исследованы В.В. Плаховым на Ахтубинском городище, расположенном ниже по течению Ахтубы.¹³

На Северном Кавказе на городище Верхний Джулат изучен подземный склеп сходной конструкции (рис. 1: 2). Он состоял из погребальной камеры и дромоса. Камера квадратная в плане, размерами 2,0х2,0 м и высотой 1,4 м. Стены ее сложены из кирпича и оштукатурены. При помощи арочных тромпов квадрат переходил в круг и перекрывался полусферическим куполом. Входной проем высотой 0,93 м имел оформление в виде стрельчатой арки.¹⁴ Интересно, что склеп Верхнего Джулата находился на христианском кладбище. Этот факт, по мнению исследовавшего его В.А. Кузнецова, свидетельствует о синкретизме золотоордынской культуры и интеграции различных этнокультурных элементов в пределах золотоордынского общества.¹⁵

Подземный склеп-мавзолей на городище Нижний Джулат имел более сложное строение.¹⁶ Помещение склепа было квадратным в плане размерами примерно 2х2 м (рис. 1: 3). Высота его – 1,95-1,98 м. Все четыре стены имели ниши, оформленные арками приземисто-стрельчатого очертания. Северная, западная и восточная ниши неглубокие (28-35,5 см глубиной). Пол их находится на 35 см выше уровня пола основного помещения. Южная ниша была более глубокой (1,15 м глубиной) и имела в плане форму параллелограмма, так как ее меридиональные стены были скошены. Пол южной ниши находится на уровне пола основного помещения, но отделен от него порогом высотой 35 см и шириной 60 см. Большие размеры южной ниши и наличие в ней погребений позволили Г.И. Йоне, а вслед за ним и другим исследователям, рассматривать ее как отдельное помещение и считать склеп двухкамерным.¹⁷

В восточной стене восточной ниши находился входной проем. В соответствующих стенах западной, северной и южной ниш были сделаны небольшие три перспективно сокращающимися арочки, которые образовывали ложные оконца глубиной 22-25 см. Внешнее

обрамление их было прямоугольной формы, а внутренние арочки имели стрельчатое и сглажено фестончатое очертание.

На высоте 1,2 м от пола были расположены щитовые паруса, поддерживающие восьмигранный, так называемый вальмовый, свод. Стены и свод склепа были внутри оштукатурены и покрыты слоем известковой обмазки. Пол был земляным. На полу лежало в ряд шесть скелетов.

Исследователь нижнеджулатского склепа Г.И. Йоне определял его как единственный в своем роде, не имеющий аналогий.¹⁸ Уникальность склепа, в частности, определялась наличием в нем двух погребальных камер. Однако если внимательно посмотреть на план сооружения, то видно, что он представляет собой квадратное в плане помещение, в каждой стене которого сделана большая ниша. Это так называемая крестовидная планировка, широко распространенная в средневековье, как в мавзолеях, так и в склепах. Отличительной чертой склепа в Нижнем Джулате является разрастание южной ниши и неправильная ее форма.

Склепы крестового плана известны, в основном, в мавзолеях. Такой склеп был исследован А.Е. Алиховой при раскопках большого многокамерного мавзолея в Мохше.¹⁹ Хорошо сохранившийся мавзолей XIV в., исследованный В.В. Плаховым у поселка Комсомольский Астраханской области, также имел полуподземный склеп с четырьмя нишами, обрамленными стрельчатыми арками.²⁰

Склепы крестообразной планировки XII-XIV вв. известны во многих мусульманских странах. В башенных мавзолеях Азербайджана всегда присутствуют подземные склепы, причем в XIV в. подавляющее большинство принимает крестообразную форму. Склепы крестового плана известны в мавзолеях в с. Карабаглар, в с. Барда (1322 г.) (рис. 2: 6), в Хиове, в селении Ашеги-Вейсели (Мир Али), в Мараге (1319-1335 гг.), в селении Хачин-Дорбатлы.²¹

Наиболее близки по строению к склепу в Нижнем Джулате крестовидные склепы знаменитого некрополя Шах-и Зинде в Самарканде (рис. 2: 2, 3). Всего там найдено четыре таких склепа: в мавзолее Ширинбек-ака (1385-1386 гг.), Эмира Бурундука (90-е г. XIV в.), в двухкупольном мавзолее и в мавзолее «Безымянный 2». Склепы несколько различаются по размерам и пропорциям, но все перекрыты вальмовыми куполами на щитовидных парусах. Известны подобные склепы и в других мавзолеях (рис. 2: 4, 5).

Так как склепы крестового плана почти всегда связаны с наземными мавзолеями, исследователями было высказано предположение, что и в Верхнем Джулате над склепом мог располагаться мавзолей.²³ Однако в Таджикистане в местности Сари Тал был обнаружен подземный склеп-мавзолей XI-XII вв. почти таких же размеров и сходной планировки.²⁴ Мавзолей, ориентированный по сторонам света, представляет собой квадрат (стороны 2,1-2,2 м) с четырьмя осевыми нишами (рис. 2: 1). Ширина их, как и в Нижнем Джулате, лишь немного меньше сторон квадрата. Лицевые стороны ниш перекрыты стрельчатыми арками. Южная ниша открыта в длинный (3,5 м) сводчатый коридор, ведущий

в тамбурное помещение без крыши. Внутренние части остальных ниш перекрыты своеобразными конхами. Центральную часть венчает свод «балхи», опирающийся на конструктивные стрельчатые арки. По мнению С.Г. Хмельницкого, склеп-мавзолей в Сари Тале является не единственным, а единственно исследованным памятником подобного рода, так как многочисленные подземные и полуподземные усыпальницы Южного Таджикистана еще не изучены.²⁵

Сходство подземного мавзолея в Нижнем Джулате с другими склепами крестообразной планировки не позволяет говорить о его уникальности. Тем не менее, можно отметить некоторое своеобразие планировки. Оно заключается в наличии поднятых над уровнем пола ступеней в нишах (порога в южной нише), трапецевидной форме южной

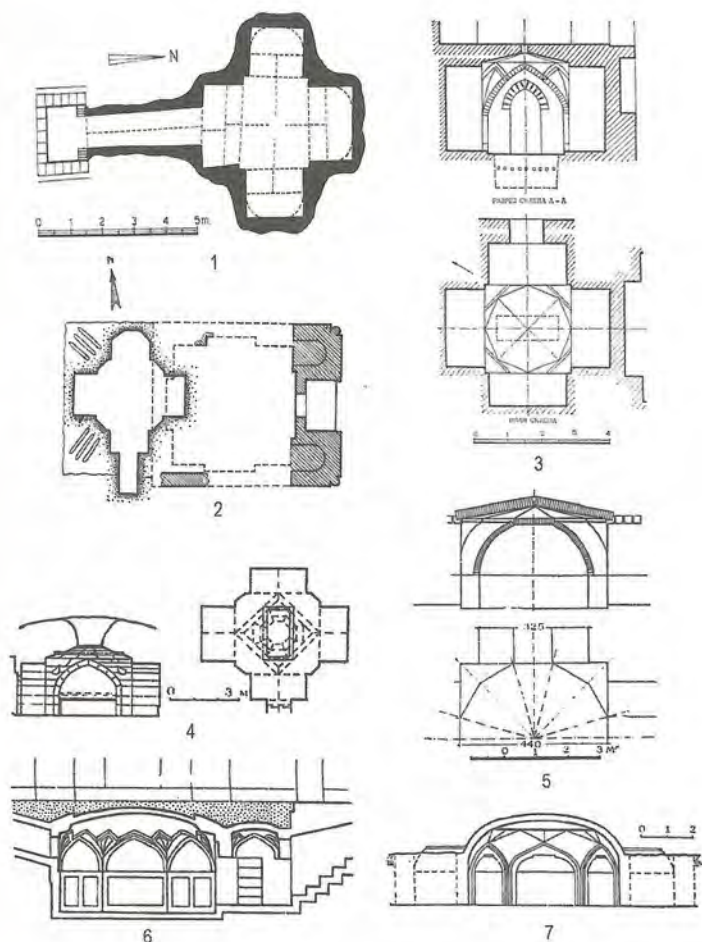

Рис. 2. Склепы крестового плана: 1 – в Сари Тале; 2 – Шах-и Зинда, мавзолей «Безымянный 2»; 3 – Шах-и Зинда, склеп двухкупольного мавзолея; 4 – склеп Тимур в Шахриьябе; 5 – склеп мавзолея Гур-Эмир в Самарканде; 6 – склеп мавзолея Ишрат-хана в Самарканде; 6 – склеп мавзолея Барда в Азербайджане (по С.Г. Хмельницкому, Н.Б. Немцевой, Ю.З. Шваб, Л.С. Бретаницкому).

ниши и наличию ложных окошек в стенах. Анализ планировочных особенностей позволяет сделать выводы и о его датировке. По мнению большинства исследователей, наибольшее распространение склепов крестового плана приходится XIV-XV вв. Использование в строительстве щитовидных парусов и вальмовых сводов Г.А. Пугаченкова уверенно относит к концу XIV-XV вв.²⁶ Именно в это время возникает склеп Нижнего Джулата, построенный на развалинах мечети, разрушенной войсками Тимура в 1395 г.

Несмотря на более сложную архитектурную форму, склеп-мавзолей Нижнего Джулата связывает с памятниками Нижнего Поволжья сходство погребального обряда. В нем, как и в других подобных сооружениях, погребения находились непосредственно на полу, без могильных ям. Один костяк лежал в деревянной колоде, которая опиралась на железные подставки. Захоронения в склепах в основном соответствуют мусульманскому погребальному обряду, но с отклонениями от канона, в частности, нарушением киблы. В полуподземных склепах наблюдается реминисценция языческих обрядов: там часто встречаются вещи, заупокойная пища, древесные угли, кости собаки, следы разрушения костяка человека. Это обстоятельство позволяет говорить о значительных пережитках доисламских погребальных традиций и о том, что данные усыпальницы скорее всего, принадлежат слабо мусульманизированным кочевникам.

Түйін

Э.Д.Зиливинская, В.Г.Рудаков
АЛТЫН ОРДАДАҒЫ САҒАНА-КЕСЕНЕЛЕР

Мақалада Алтын Орда қалаларындағы зерттелген жер асты және жартылай жер асты жерлеу құрылыстары қарастырылады. Төменгі Волга бойының сағана-кесенелері жобасында шаршылы әрі күмбезді құрылыстар кездеседі. Ал солтүстік Кавказдан біршама күрделі крест тәрізді жоспардағы сағана табылды. Осыған ұқсас барлық құрылыстар XIV ғ. аяғы – XV ғ. мерзімделеді. Барлық сағана-кесенелерден мұсылмандық жерлеу ғұрпының ауытқушылық байқалады, демек олар исламмен байланысы әлсіз халықтар қалдырған.

Abstract

E.D.Zilivinskaya, V.G.Rudakov
VAULTS-MAUSOLEUMS IN GOLDEN HORDE

In the article there are considered under ground and semi-underground burial constructions studied in the towns of Golden Horde. Vaults-mausoleums of Low Volga region present themselves the square in plan cupola constructions. In the North Caucasus there was found the vault of more compound cross shaped planning. All similar constructions are dated by the late XIV-XV cc. In all vaults-mausoleums there were observed the deviation from the Moslem burial ceremony and consequently, they were left by population less connected with Islam.

1. *Галиахметова Г.Г.* Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. – Казань, 2007; *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. – Астрахань, 2007. – С. 20-39.
2. *Малиновский К.Н.* Отчёт о поездке в село Селитренное (Княжевской волости, Енотаевского уезда), летом 1888 года члена Общества К.Н. Малиновского // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. – Астрахань, 1892. – С. 14; *Спицын А.А.* Отчёт о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 г. на Жарёный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 год. – СПб., 1895. – С. 83-86; *Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. (Результаты археологических работ летом 1922 года). – Казань, 1923. – С. 31, 32, 45, 46. –Табл. 14.
3. *Малиновский К.Н.* Отчёт о поездке в село Селитренное... С. 14.
4. *Малиновский К.Н.* Отчёт о поездке в село Селитренное... С. 11-12; *Спицын А.А.* Отчёт о поездке... С. 84-86; *Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай... С. 39, 45-46.
5. *Федоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г.* Отчёт о раскопках золотоордынского городища у с. Селитренного Астраханской области Харабалинского района (Сарай-Бату) в 1969 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. №№ 3909, 3909а. – С. 46-55, рис. 30-41; *Мухамадиев А.Г., Фёдоров-Давыдов Г.А.* Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии: сб. статей, посв. 70-летию Артемия Владимировича Арциховского – М., 1972. – С. 308-309. –Рис. 1-3.
6. *Мухамадиев А.Г., Фёдоров-Давыдов Г.А.* Склеп с кладом татарских монет... С. 313-316. –Рис. 4; *Федоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г.* Отчёт о раскопках... С. 4-5, 55-57.
7. *Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л.* Отчёт о раскопках на Селитренном городище в 1986 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. №№ 11755, 11755а-в. –С.31-33. –Рис. 42-45.
8. *Рудаков В.Г.* Отчёт об археологических разведках на территории Селитренного городища и его окрестностей в 2002 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. №№ 22894, 22895. – С. 9, 11, 15. –Рис. 23, 33, 34, 54; *Гончаров Е.Ю., Рудаков В.Г.* Некрополи Селитренного городища и его округи (предварительные итоги исследований) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневолжская археолог. конф. (1–5 ноября 2004 г.): тезисы докладов. – Волгоград, 2004. – С. 287.
9. *Пигарев Е.М.* Погребения в склепах гурхана Селитренного городища (по материалам раскопок 2004-2005 гг.) // Труды П (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. II. – С. 503-504.
10. *Пигарев Е.М.* Погребения в склепах гурхана... С. 504.
11. *Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай... –С. 31, 45. –Табл. 16.
12. *Рудаков В.Г., Мазур Л.Д.* Полуподземный купольный склеп под жилым домом в селе Селитренном. // От палеолита до средневековья: сб. науч. трудов памяти Г.А. Федорова-Давыдова (ред. М.Д. Полубояринова и Е.А. Попова). – М., 2011. – С. 140-148.
13. *Плахов В.В.* Раскопки у пос. Комсомольский Астраханской обл. в 1990г. / В.В.Плахов // Архив ИА РАН. – Р-1, № 16333.
14. *Кузнецов В.А.* Эльхотовские ворота в X-XV веках. – Владикавказ, 2003. – С. 145-146.
15. *Кузнецов В.А.* Эльхотовские ворота... С. 146.
16. *Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д.* Подземный склеп на городище Нижний Джулат. // Проблемы Древней истории и культуры Северного Кавказа (ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Кореневский). – М., 2004. – С. 138-160.
17. *Йоне Г.И.* Отчет о полевых археологических работах сектора археологии КБНИИ в 1963 г. // Архив ИА РАН. – Р-1 N 3395. – С. 30; 24, с.46.
18. *Йоне Г.И.* Отчет о полевых археологических работах... С. 37.
19. *Алихова А.Е.* Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. – 1973. – № 2. – С. 230-233.

20. Плахов В.В. Отчет о раскопках мавзолея XIV в. и могильника у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1987 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 12519, 12519а.
21. Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. - М., 1963. - С. 127-162; Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. - М., 1966. - С. 167-199.
22. Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда. - Ташкент, 1979. - С. 73-74, 79, 123.
23. Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Подземный склеп... С. 148.
24. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI - начала XIII вв. — Берлин-Рига, 1996. - Ч. I - С. 240-241.
25. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами... С. 242-243.
26. Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. - Ташкент, 1979. - С.19.

S. Dwivedi

INTERNATIONAL TRADE ROUTES THROUGH KAZAKHSTAN AND TIES WITH INDIA

In modern times we all talk of the world as a secular, multi-cultural, global village. This saying was true even in ancient times when Central Asian and the people of Kazakhstan were interacting with people of the world- with people of India, with the people of Russia, with the people of China and Europe. With their genius in manufacturing techniques and trade, Central Asia had made the world a global village.

In those times there were no cars, no trains and no aeroplanes, no coal-tarred roads on which carriages could run, no hotels for ready food. Yet, there were humble travellers who used their small feet to cover great distance. With their small hands they lit great fires- to cook food in the deserts. They even ate raw food when there was no firewood, drank the water from the snow, faced death from predators and the vagaries of nature.

They were carriers of art and culture, of trade and commerce, of faith and religion from one part of the world to another. And the road that took these courageous and spirited people from one place to another was no other than the international trade route that came to be called the Silk Road.

On this international road, the territory of Kazakhstan was favourably and strategically located as trade routes converged from all over the world and disseminated, like the rays of the sun, in all directions and to all parts of the world. Ties with India were special and extensive trading between the two took place. As a result we find Indian traders coming to the Caspian region, to South Kazakhstan, to the Zhetisu region and so on.

Indian textiles were being sold in the markets of Taraz- the 'town of merchants'. There was no country in the world which did not send its caravans to Taraz. From India came bright silks dyed in a beautiful blue indigo colour. It is said that it was only in the waters of the Indus that the indigo plant grew. And from its flowers the purest blue dye was made. Indian merchants also used bunches of corals, according to 'Talanova'¹ as currency and change. They also sold tusks of elephants, and brought real elephants, monkeys and exotic birds, dancing snakes in the bazaars of Taraz.

Sitting on a wooden bench inside the cosmopolitan Taraz market a traveller could converse with an Indian, buy sugar and spices of India famed throughout 'Toorkistan', play chess in the bazaar with ivory pieces, buy the famed cotton fabric from India. He could see the elephants and snakes from India dancing and magicians performing. The best performing Indian dancing girls could also perhaps be seen in the royal courts and bazaars of South Kazakhstan and the Zhetisu regions since they were presumably travelling in caravans along these trade routes to the royal courts in China.

The towns along the Syrdarya and Amudarya had serais exclusively for the Hindu traders and they were called Hindu serais. One such serai existed upto modern times at the Old city in Bukhara near the Kalon Complex and which was seen by this traveller with her own eyes. Many Indians converted to other religion; many married local Central Asian women and settled here.

The sugar and spices of India were famous throughout Central Asia and were favoured items of import. In the town of Bukhara alone Burnes saw about 300 Hindus living in a caravanserai of their own.² They were trading in fine muslins from Dhaka called Dhakai, Benaras brocade called kinkhab, turbans of white cloth imported from Punjab.³ that two lac rupees worth of famed Kashmiri shawls of the finest texture passed into Russia in a year. The greatest imports from India was indigo which averaged 500 camel loads a year. Many were worshipping their own gods and perhaps the idols found at many places show that Indian traders were living there and had their own serais where they lived, ate and worshipped their gods.

We read in historical literature about Hindu workers as an important component of the highly active labour markets of medieval Central Asia. The workers were skilled in pottery production, textile production and were also engaged in agricultural work. One Juybari Sheikh had over 500 slaves, many of whom are reported to be India specialists in pottery production while the others were engaged in agricultural work.

The existence of karez near Sauran is reported by the 15th century Tadjik writer Makhmud Zainaddin Wasifi. In a passage of "Amazing Events", he says that the Muslim sheikh Mir-Arab offered to Sauran, his native town, two karez "similar to nothing that people traveling all around the world on land and sea had ever seen". They were built with the help of 200 Indian workers. The bigger of them had the mother well 7.5 km from Sauran.

Indian caravans were also travelling to Talgar for trading in ivory. It is said that centuries ago the town of Talgar was a flourishing trade centre as various artifacts from Iran, India Japan and China were found by archaeologists working here on the sites. Among the antiquities found there were bronze mirror from Iran, Ivory chess pieces from India, Jewellery from Japan and China.⁴

The super craftsmen of Talkhir could forge the special quality steel which involved a rare technique of forging to produce the famous 'Damascus steel' and made household tools and weapons out of it. It was a difficult art and the smiths of Talkhir has mastered the technique with the knowledge being brought by caravans and travellers along the silk road perhaps from Syria.⁵

The architecture, the use of symbols, the ancient history of Kazakhstan that we read about, the antiquities that have been revealed by the archaeologists, all go to prove that it was a close neighbourly interaction between India and Kazakhstan. Routes that crossed from Kazakhstan into Xinjiang all led to India through Kashgar [less than two weeks distance on foot from Kashmir and Punjab] and vice versa. This was the shortest route to India. Almaty lay just over 400 kms from Kashgar and Bishkek only 393 kms from Kashgar. Dharamsala only 800 kms from Kashgar. These distances were being covered on foot or on the back of animals in older times. But there was constant interaction through trade. There was regular traffic between Leh in Ladakh and Yarkand; between Punjab and Kashgar, between Punjab and so many cities of Central Asia. Other routes lay along the Issykol, through Osh, Ferghana and Samarkand and joined the road through Termez. There was no dearth of routes, no dearth of goods or caravans to carry them.

At the citadel of Kuiryktobe excavations revealed within the structure of a palace was found a 'Parade Hall' on the floors of which were found boards of underceiling, friezes, column basis covered with artistic carvings which were burnt. The burnt boards of underceiling decorated with friezes once were part of the walls of the temple, The subject on them is of 'Goddish and noble content'.⁶

On one of the boards are the images in frieze a couple of idols sitting on zoomorphic thrones, worshippers at the foot of the thrones; there is a scene of temple siege where the protecting the idol has the moon and the sun in her raised hands. In *The Circle of Bliss: Buddhist Meditational Art*⁷ we learn about a deity with two principal hands in the gesture of 'anjali mudra' and two upper hands holding the sun and the moon in the right and left respectively. The sun and the moon attribute is a reference to the deity's association with Tantric meditation in which the lateral channels of the body are known as the solar and lunar channels'.⁸

As auspicious symbols depicted frequently on the top of Buddhist tantric paintings, the sun and moon symbols signify the protective function of the deity. The representation of the deity is said to have been derived from native Chinese convention. Guardian or guardian like figures are frequently depicted in 6th century in Chinese and Central Asian art. In Buddhist art the Avalokitesvara holds the sun and the moon discs.

At Kokmardan some vessels were found with the models of snake on them and pictures of mountain goats on some vessels. Parallels may be drawn from the Egyptian temple of Debod [rebuilt in Madrid, Spain] belonging to the 2nd BC and dedicated to the God Amun and Goddess Isis where two king cobras flank the winged solar deity. The gateway cornice made of sandstone dated to the 172-170 BC. It is said that in the microcosm of all Egyptian temples, the doorway, cornice and lintels were frequently adorned with winged solar deity flanked by two cobras, the terrible.

In the Indian mythology⁹ the snake-naga is represented by the cobra and are mythical beings with a human face and a long tail like a reptile. They reside in the region of Ptala under the earth. They have splendid palaces there and live in luxury. There is a Naga tribe still living in Eastern India. They are also a historical people, a clan or dynasty of kings who once ruled the Naga Dwipa or the Island of serpents.

In Buddhist stories we come across Naga rajas. In some Buddhist caves the naga deity appears in anthropomorphic form at the entrance to the courtyard of the main chaitya-cave. At Ajanta the serpents appear on the doorjamb of the vihara and the garbha griha having the image of the Buddha. In all cases they are depicted as performing the function of guardian deities. Nagas with a five hooded canopy are also shown as worshipping the stupa on the facade of Cave 19.

The beautiful Nagaraja couple- the lord of the nagas and his consort on his left seated on a rock and a female chamara bearer standing on his right carved in a niche outside cave 19. The serpent king is seated on a rocky platform with a seven-headed cobra behind his head. At Sanchi the carved stone panels has the Muchalinda Serpent deity worshipping the Buddhist stupa.

The Encyclopaedia of Symbols tells us that the serpent is regarded as a mysterious creature. The Hindu God Siva has a serpent round his neck. The multihooded king cobra spreads his hood over God Krishna as he leaps into the Yamuna. Lord Siva is also depicted as a fearless God whose ornaments are poisonous and deadly snakes that reveal his true nature as a possessor of the serpent's energy of the Kundalini Yoga.

Foreign Embassies on Kazakhstan Route

It is said that since ancient times merchants and traders going from West towards China or those going from China to the West generally favoured that branch of the silk routes passing through the southern regions of Kazakhstan and Seven Rivers area, also called the Zhetisu/Semirechie.

This ancient route passing through the territories of present Kyrgyzstan and Kazakhstan became most popular during the 6th through the 8th centuries¹⁰. Due to the fact that the headquarters of the Turkic Khagnate which controlled the Central Asian trade routes during this period was located there. It was a great nomadic empire stretching from the Pacific to the Black Sea. At the end of the 6th century the khagnate was divided into the Eastern and the Western Turks. These Western Turks had their centre in the Semirechie region and the town of Suyab was their capital. This helped the region and southern Kazakhstan's cultural and fiscal development as the trade routes led to the region of the Turks. Ambassadors were travelling to them for alliances, religion of the Buddha was spreading among the inhabitants and religious centres and monasteries were being set up. New towns centres were coming up in south and south-east Kazakhstan and these were developing fast. The birth of new towns were in the Chu, Talas and Syrdarya valleys, in the foothills of the Tien Shan mountains, the Arys valley and the middle and Lower Syr darya valley.

This is proved by the fact that in the written records of the 1st century AD only two towns are mentioned Chigu in Semirechie [Usun rulers' residence] and Bityan in south Kazakhstan [Kangyui capital] – then in the beginning of the 6th century Hieun Tsiang mentions dozens of towns. The largest of them were Suyab, Taraz, Ispijab.¹¹ It is learnt that the Silk Road passing through the Semirechie and Southern Kazakhstan had been functioning till the 16th century until the sea routes to China took over the trade.

We know of several foreign embassies that were travelling from Europe to the Zhetisu/ Semirechie region and onwards to China. Among these was Zemarchus a Byzantine general and traveller. The envoys proceeded to the camp of Dizabul Istami/ successor of Bumyn Khagan [who had died shortly] in some hollow of the golden mountains, perhaps, some locality of the Altai. They accompanied him someway on his march against Persia, passing through Talas or Turkestan in the Syrdarya valley. Zemarchus was present at a banquet at Talas where the Turkish khagan and the Persian envoy exchanged abuse. From Talas Zemarchus left for Constantinople with a Turkish embassy by way of the Aral sea via the steppes north of the Black sea.

Another Roman envoy, Valentino goes on his embassy in 575 and takes back with him 106 Turks to Byzantine. This travels were between the Bosphorus and Transoxiana.

A commercial traveller Francesco Pegolotti of Bardi's firm in Florence left Italy in 1347 and travelled in a hooded cart and on the back of horses, mules and camels to the country of through Astrakhan, Caspian, Sarai-chik, Organch, Otrar and south-east Kazakhstan towards China in the court of Kublai Khan.

William of Rubruk[1220-1293] a Flemish Franciscan missionary and explorer, on orders of King Louis IX of France set out on May 7, 1253 from Constantinople on a missionary journey to the Karakoram taking the same route.

Other missions sent to the Mongol court were those of Giovanni Plano Deleuze, Carpine and Ascelin of Lombardia in 1245 and Andre de Longjumeau in 1249.

Upto later times through the 12th and 14th centuries during the time of Ghengis Khan and Timur the routes were functional for international travel. It is learnt that Ghengis Khan gathered his troops from near the Kayalik and Timur was at Otrar during the period that he going to launch a campaign against China.

Once again on this great occasion let us remember the cosmopolitan towns of ancient Kazakhstan that dotted the Silk Road – when caravans from all over the world came to Otrar, to Sauran, to Turkestan, to Sayram and other towns of the Zhetisu to learn the great arts and crafts, to satisfy their hunger for luxuries and necessities of life, where they learnt of other cultures, religion and science.

Let us today launch this 'Road of Tourism' where breathed the ancient towns that have today been unravelled by the great archaeologists of Kazakhstan.

Резюме

С.Двиведи

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ ЧЕРЕЗ КАЗАХСТАН И СВЯЗИ С ИНДИЕЙ

В статье характеризуются контакты по Шелковому пути в аспекте торговли и товаров, религий и научно-технических технологий между Индией и Казахстаном в эпоху древности и средневековья.

Түйін

С.Двиведи

ҚАЗАҚСТАН АРҚЫЛЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ САУДА ЖОЛЫ ЖӘНЕ ҮНДІСТАНМЕН БАЙЛАНЫСЫ

Мақалада ежелгі және орта ғасырлардағы сауда және тауар аспектісіндегі Жібек жолы бойынша байланыс, Үндістан мен Қазақстан аралығындағы діни, ғылыми-техникалық технология сипатталады.

1. *Baipakov K.M, Nasyrov Rakip, [Authors], Talanova Olga[Edit]: Along The Great Silk Road. - Almaty, 1991. – S. 60.*
2. *Burnes Alexander: Travels Into Bokhara- A Journey From India To Cabool, Tartary and Persia 1831 To 1833, Asian Educational Services. - New Delhi, Chennai, 2009. - Vol. 1 – S. 236.*

3. *Burnes Alexander: Travels Into Bokhara- A Journey From India To Cabool, Tartary and Persia 1831 To 1833*, Asian Educational Services. - New Delhi, Chennai, 2009. - Vol. 11. - S. 435.
4. *Baipakov K.M, Nasyrov Rakip*, [Authors], Talanova Olga [Edit]: *Along The Great Silk Road*. - Almaty, 1991. - S. 60-66.
5. *Baipakov K.M, Nasyrov Rakip*, [Authors], Talanova Olga [Edit]: *Along The Great Silk Road*. - Almaty, 1991. - S. 60-66.
6. *Baipakov K.M: Along The Great Silk Road*, A.K.Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science. - Almaty, 1991. - S.91.
7. *Huntington John, Bangdel Dina, Thruman Robert A.F: The Circle of Bliss: Buddhist Meditational Art* . - Serindia Publications, 2003 [Los Angeles County Museum of Art 2003 and Columbus Museum of Art 2004] - S. 508.
8. *Huntington John, Bangdel Dina, Thruman Robert A.F: The Circle of Bliss: Buddhist Meditational Art*, Serindia Publications, 2003 [Los Angeles County Museum of Art 2003 and Columbus Museum of Art 2004]. - S.508.
9. *Knappert Jan: Indian Mythology -An Encyclopaedia of Myth and Legend* - Diamond Books. - S. 176.
10. *Buryakov Y.F, Baipakov K.M, Tashbaeva KH., Yakubov Y: The Cities And Routes Of The Silk Road- On Central Asia Document*, International Institute of Central Asian Studies, SHARG. - Tashkent, 1999. - S. 100.
11. *Buryakov Y.F, Baipakov K.M, Tashbaeva KH., Yakubov Y: The Cities And Routes Of The Silk Road- On Central Asia Document*, International Institute of Central Asian Studies, SHARG. - Tashkent, 1999 - S. 100-101.

В.Ю. Коваль

КЕРАМИКА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КОЛЛЕКЦИЯХ
МУЗЕЕВ ИРАНА

Керамика средневекового Ирана, составляющая гордость коллекций самых известных музеев мира, представлена в них крайне выборочно и не охватывает всего разнообразия продукции этой страны, тем более, что формирование этих коллекций осуществлялось в основном на протяжении XIX – первой половины XX вв. за счет скупки антиквариата, поступавшего от восточных торговцев, связанных с кладоискателями, осуществлявшими варварские «раскопки» на ряде известнейших памятников древности (таких, как столица Селджуков Рей). В середине – второй половине XX в. положение несколько изменилось благодаря проведению археологических исследований в Нишапуре и Тахт-и-Сулеймане, давших великолепные коллекции керамического материала, в различной степени документированного. Однако в подавляющем большинстве древних городов Ирана научные исследования культурных отложений эпохи средневековья либо не проводились вовсе, либо стали осуществляться недавно, а их результаты не опубликованы или публикуются на фарси, причем, благодаря свертыванию культурных программ с этой страной, даже эта литература не всегда доходит до ученых соседних стран. Дополнительными ограничивающими факторами стали революция Хомейни и ирано-иракская война, а также последние волнения в Иране. Все эти события не могли не оказать пагубного влияния на сохранность керамических (самых уязвимых) коллекций в музейных собраниях. В этой ситуации определенный интерес может представлять даже самый общий обзор тех великолепных собраний, которые хранятся в музеях Ирана, вернее, хранились там в 2010 г.¹

К сожалению, тогда не удалось посетить многие музейные собрания (в Мешхеде, Ширазе, Керманшахе, Куме и др.), что не позволяет дать им адекватную оценку. Зато можно констатировать отсутствие коллекций средневековой керамики в музеях таких городов, как Исфахан, Кашан, Занджан. Правда, отдельные образцы керамики можно встретить в музеях и там, а этнографические коллекции керамики конца XIX – XX вв. присутствуют не только во многих музейных собраниях и даже в музеях при отелях. Примером последнего является интересный этнографический музей при отеле Эхсан (Ehsan hotel) в Кашане, организованном в доме постройки XVIII в. Надо также учитывать присутствие почти в каждом городе Ирана архитектурных памятников с остатками керамического поливного декора в интерьере и экстерьере, представляющих большой интерес. В этом смысле надо специально выделить такие города, как Марага и Натанз (рядом с Кашаном).

Тегеран

Музей Исламского периода

Является подразделением Национального музея археологии («Иран бастан»). Музей обладает огромными коллекциями керамического материала, включая обломочный материал из раскопок и из археологических наблюдений. Однако до начала 2011 г. этот музей был закрыт на реконструкцию, так что ознакомиться удалось лишь с небольшой частью фондовой коллекции. В экспозиции музея «Иран бастан» имеется поливная керамика парфянской эпохи – предтеча всей поливной посуды средневекового Ирана. Присутствие на ней отпечатков от треугольных подставок показывает, что такие приспособления для массового изготовления поливных сосудов (позднейшее название таких треножников в Средней Азии – «сепая»). Особенный интерес представляют фонды Музея Исламского периода. В частности, в них хранятся сотни обломков фаянсов² «минаи» из Рея (классического периода XII-XIII вв.), на которых отсутствует сюжетная роспись, а присутствуют исключительно растительные мотивы, зачастую довольно однообразные. Эти образцы входят в разительное противоречие с теми замечательными образцами керамики этого типа, которые украшены высокохудожественной (практически – миниатюрной) росписью, включающей фигуры людей и животных, хранящимися во многих музеях мира и многократно опубликованными. Археологический материал свидетельствует, что «минаи» с миниатюрными сюжетами составляли ничтожную долю в общем объеме выпуска такой керамики, тогда как основную массу составляли изделия с различными растительными и геометрическими мотивами.

Музей стекла и керамики (Музей Абгине³)

Специализированный музей, основу коллекций которого составляют поливная посуда и стеклянные сосуды, происходящие из кладоискательских разрытий XIX-XX вв. Поливная керамика датируется в интервале от IX до XIX вв., но основу коллекции составляют нишапурские полумайоликовые расписные сосуды X-XI вв., мазандеранская керамика «сграффито» с зеленой подцветкой и кашинная керамика XII-XIV вв. Среди последней большой интерес представляют монохромные твердые полуфаянсы XII в., с моделированным в кальпе декором и с декором «грэндери», а также сосуды с черной росписью под бирюзовой прозрачной глазурью, появившиеся в XII в., среди которых выделяются кувшины с двойными стенками – сплошной внутренней и ажурной расписной внешней. К числу высокохудожественных изделий этой группы относятся также кашинные фигурки людей и животных, столики и разнообразные подставки, покрытые бирюзовой прозрачной глазурью. Самую большую серию в данном собрании составляют люстровые фаянсы последней трети XII – первой четверти XIII вв., среди которых лучше всего представлены изделия «миниатюрного» и «кашанского» стилей. Фаянсы «минаи» в музее Абгине немногочисленны и принадлежат к той самой наиболее «популярной» группе изделий с сюжетными «миниатюрными» росписями, речь

в которых шла выше и которая пользовалась максимальным спросом у коллекционеров. Наряду с белофонными блюдами, в Абгине имеются редкие для домонгольской эпохи изделия с бирюзовой и бледно-синей глазурями. К «минаи» примыкает своеобразная группа бирюзовых фаянсов, декорированных подглазурным рельефом и надглазурным эglomированием, в технологическом плане составляющая переходный элемент от «минаи» домонгольской эпохи к аналогичным по технологии изготовления фаянсам ильханского периода (см. ниже).

Керамика более поздних периодов в музее Абгине представлена неполно – имеется несколько люстровых сосудов ильханской эпохи, сине-белые полуфаянсы и люстровые полуфаянсы сефевидской эпохи, а также эпохи Каджаров.

Музей Реза Аббаси

Музей назван в честь иранского миниатюриста сефевидской эпохи, ведущего художника исфаханской школы, Ризае Аббаси (ок. 1575-1635 гг.). Музей обладает большой коллекцией иранской каллиграфии и поливной керамики иранского производства. Наряду с нишапурской полумайоликой IX-XI вв. и классическими люстровыми фаянсами, в этом музее широко представлена кашинная керамика XII в. – гравированные и рельефомоделированные полуфаянсы с бесцветной, ультрамариновой и бирюзовой глазурями, мелкая пластика из кашина.

Фаянсы «минаи» здесь не ограничиваются привычным набором чаш с «миниатюрными» изображениями – коллекция включает образцы с растительно-геометрическими мотивами, а также редкие чаши, украшенные с использованием сочетания ажурной резьбы по кашину или подглазурного рельефа, и надглазурной росписью, причем, без всяких изображений живых существ. В отличие от музея Абгине, наряду с посудной керамикой, здесь имеется небольшая, но интересная коллекция декоративных облицовочных плиток (далее будем называть их русским эквивалентным термином «изразцы»).

Не менее богата коллекция «султанабадской» керамики XIV в., в том числе, с подглазурной росписью ангобом, создававшей легкую рельефность поверхности и структурировавшей рисунок. Особенно интересны целые формы полуфаянсов «ладжвардина». Имеются и более поздние изделия, в том числе подражания китайскому сине-белому фарфору.

В целом коллекция музея Реза Аббаси не уступает, а по ряду поздних разновидностей керамики и превосходит, собранию музея Абгине.

Музей Мосалы Мохаддама

Этот музей, открывшийся в 2010 г., еще мало известен, но представляет значительный интерес, поскольку содержит большое число изразцов XIII-XIX вв. Он представляет собой дом собирателя древностей, превращенный в мемориальный музей. При оформлении дома целые и фрагментированные изразцы вмонтировались в стены, становясь частью интерьера и экстерьера. Стены одного зала полностью покрыты такими изразцами и, хотя возможен осмотр только лицевой

поверхности их пластин, они всё же представляют большой интерес, т.к. не закрыты стеклом и их можно осматривать непосредственно вблизи. Безусловно, такое экспонирование древних изразцов в музейном хранении недопустимо, но в данном случае изразцы изначально использовались как декоративный материал, поскольку дом создавался как частное жильё.

Особенный интерес представляют несколько изразцов (и их обломков), относящихся к поздней (ильханской) разновидности фаянсов «минаи» - с полихромной надглазурной росписью по бирюзовой и белой поливам. Последние до недавнего времени вообще не были известны в мировых музейных коллекциях (см. ниже раздел о Тахт-и-Сулеймане).

Определения керамики и изразцов выполнены достаточно точно, однако одна группа изразцов XVI-XVII вв., атрибутированная в качестве изделий в технике «*cuerva seca*», вызывает ряд сомнений. Прежде всего, названная техника применялась только в средневековой Испании и имела специфические технологические особенности. За пределами Испании эта техника декора не известна. Детальное рассмотрение изразцов, отнесенных к этой группе, показало, что все они декорированы по технологии надглазурной росписи поверх белой непрозрачной поливы. Рисунок наносился черными контурами, после чего дополнительные детали выполнялись красной краской, а затем поля внутри черных контуров заполнялись бирюзовой непрозрачной и ультрамариновой прозрачной глазуриями. В последнюю очередь на красные детали прикреплялась золотая фольга. Таким образом, по технологии изготовления эти изразцы чрезвычайно близки поздним (ильханским) фаянсам «минаи». Отличие состоит в сокращении красочной палитры (нет зеленой и желтой глазури) и упрощении рисунка росписи. Таким образом, данная группа изразцов демонстрирует континуитет фаянсов «минаи», секрет производства которых сохранялся (или был изобретен вновь) в Иране с середины XIV до начала XVI вв. К технологии «*cuerva seca*» эти изделия не относятся и не имеют с ней ничего общего.

Тебриз

Азербайджанский музей

В экспозиции Азербайджанского музея имеется богатая коллекция иранской средневековой керамики, основу которой составляют, как и в других музеях Ирана, изделия из Нишапура (IX-XI вв.), люстровые фаянсы последней трети XII – первой четверти XIII вв. и изделия сельджукской эпохи (под бирюзовой глазуриью). Неплохо представлена продукция ильханского Ирана (полуфаянсы «султанабадского» типа), более скудно – изделия тимуридской и сефевидской эпох. Собственно азербайджанская керамика из этого массива не выделена и определяется лишь предположительно. Зато здесь, наряду с собственно иранской продукцией, демонстрируются китайские импорты XV-XVII вв. – селадоновые и фарфоровые «сине-белые» блюда.

Определенный интерес представляет архитектурный памятник Тебриза XV в. – Кобад-месджид (Голубая мечеть), в интерьере которой использованы редкие для Ирана изразцы с росписью золотом по ультрамариновой прозрачной глазури.

Сулеймания

Мавзолей Олджейту

В Сулеймании (ныне небольшой городок неподалеку от города Занджан в северо-западном Иране) временная экспозиция организована внутри мавзолея ильхана Олджейту, вокруг которого в настоящее время проводятся археологические раскопки. Наряду с посудной керамикой интерес представляют обнаруженные при раскопках изразцы, относящиеся к бирюзовой разновидности фаянсов «минаи». До недавнего времени такие изразцы были представлены в музейных коллекциях редкими образцами, из-за чего ряд искусствоведов до сих пор отказывается признать их генетическое родство с фаянсами «минаи» домонгольской эпохи. Между тем, такое родство очевидно: технология производства «минаи» ильханской эпохи не отличается от домонгольской. Единственным существенным отличием является исчезновение из декора рисунков в стиле, близком книжной миниатюре, и полное доминирование растительных мотивов. Такая трансформация произошла не только в фаянсах «минаи», но и в декоре подавляющего большинства люстровых фаянсов. В ильханскую эпоху изображения людей сохраняются только на некоторых люстровых изразцах, а животных – на люстровых фаянсах и полихромных полуфаянсах «султанабадского» типа.

Тахт-и-Сулейман

На территории этого крепостного ансамбля, представляющего собой остатки летней резиденции ильханов, выстроенной на руинах зороастрийского дворцово-храмового комплекса Сасанидской эпохи (расположен в Северо-Западном Иране, между Марагой и Занджаном), имеется выставочный павильон, в котором экспонируются посудная керамика и изразцы, полученные при раскопках германской экспедиции в 1960-х гг. Набор экспонатов невелик, поскольку основная масса находок рассредоточена по различным музеям мира, а изразцовый декор распродавался на протяжении всего XIX в. кладоискателями. Разумеется, эта скудная выборка не может дать полного представления о керамике, использовавшейся в резиденции ильханов, однако она дополняет известные собрания музеев мира. Интерес представляют, например, образцы полумайолики «сграффито» и керамики с росписью ангобом, бытовавшей в Иране XIII-XIV вв. и мало известной по музейным собраниям роскошной парадной посуды.

Казвин

Собрание *Казвинского музея* невелико по объему (размещается в одном небольшом зале), однако весьма разнообразно по ассортименту. Правда, сам этот ассортимент не отличается от известного по коллекциям других музеев Ирана – полумайолика Нишапура X-XI вв., «сграффито» XI-XIII вв., люстровые фаянсы и фаянсы «минаи» XII в.

Проведенный обзор позволяет сделать вывод о том, что музеи современного Ирана обладают огромными коллекциями средневековой керамики, причем сами эти коллекции не опубликованы и остаются неизвестными исследователям истории и археологии Среднего Востока.

Обращение к фондам этих музеев позволит получить колоссальный объем новой информации, однако трудности политического порядка не только создают непреодолимые препятствия на пути извлечения этой информации, но и угрожают самому ее появлению. Политические потрясения в странах Востока, как показали последние события в Ираке, Египте и других арабских странах, способны привести к уничтожению музейных ценностей или разграблению музеев, что равнозначно первому.

Түйін

В.Ю. Коваль

ИРАННЫҢ МУЗЕЙ КОЛЛЕКЦИЯЛАРЫНДАҒЫ ОРТА ҒАСЫР ДӘУІРІНІҢ КЕРАМИКАЛАРЫ

Мақалада қазіргі Иран музейлерінде үлкен коллекциялар бар деп қорытынды жасауға мүмкіндік беретін Иранның ортағасырлық керамикаларына шолу жасалынған. Осы музей қорларына көңіл аудару көп көлемде жаңа ақпарат алуға мүмкіндік береді, бірақ саяси тәртіптің қиындығы тек осы ақпаратты шығару жолында еңсерілмейтін кедергі ғана емес оның пайда болуына да қауіп төндіреді. Шығыс елдеріндегі саяси кедергіні Ирак, Египет және басқа да араб елдеріндегі кейінгі жылдардағы оқиғалар көрсеткендей музей құндылықтары жойып жіберуге немесе музейді тонауға алып келуі мүмкін.

Abstract

V.Yu.Koval

CERAMICS OF THE EPOCH OF MIDDLE AGES IN COLLECTIONS OF IRAN MUSEUMS

In the article there is presented the review of ceramics of medieval Iran which let to make conclusion that the museums will let to get the colossal volume of new information, but the difficulties of the political character not only create irresistible obstacles on the way of extracting information, but threaten to its appearance itself. The political convulsions in countries of the East what was shown by the last events in Iraq, Egypt and other Arab countries can bring to the destroy of the museum values or to the robber of museums, what is equal to the first.

1. Ознакомление с этими коллекциями стало возможным благодаря финансовой поддержке РГНФ (в рамках российско-украинского проекта «Роль Крыма в торговых и культурных связях Украины и России в XIII-XV вв.» № 08-01-91108а/У). Настоящая статья подготовлена благодаря финансовой поддержке совместного российско-украинского проекта РФФИ и УФФИ «Поливная посуда Юго-Восточного Крыма в системе керамического производства средневекового Причерноморья (грант № 11-06-90401 Укр_Ф_а).
2. Здесь и далее применяется терминологическая система, в рамках которой фаянсами (восточными фаянсами) называются изделия из силикатного материала (кашина), покрытые непрозрачной или полупрозрачной (заглушенной) поливой, а полуфаянсами – изделия из того же материала, но облицованные прозрачной глазурью.
3. Абгине на фарси означает «стекло».

IV. История

3.3. Жандарбек РОЛЬ ТАРИКАТА ЙАСАВИЙЙА В ИСТОРИИ НАРОДОВ ДЕШТ-И-КЫПЧАКА (по материалам казахских родословных)

Значение суфийского тариката йасавиййа в исторической судьбе тюркских народов до конца ещё не изучена. Между тем, йасавиййа сыграла, без всякого сомнения, огромную роль в исламизации тюркских народов.

В XIV в. благодаря усилиям именно йасавийских шейхов золотоордынский хан из рода Чингисхана (по линии его сына Джучи) - Узбек принял ислам, который с этого времени стал государственной религией Золотой Орды. Об этом эпизоде в средневековых нарративных источниках сведений почти нет. Только в «Чингиз-наме» Утамиш Хаджи и в рукописи Нуруллаха ибн Убайдуллаха Хорезми¹ есть информация об исламизации Золотой Орды, подобная информация есть в агиографическом сочинении Тимур-наме,² «Истории четырёх государств» Мирзы Улугбека.³

После завоевания огромной территории правители Золотой Орды начали понимать, что для нового государства необходима религиозно-идеологическая опора. Первая попытка сделать именно ислам государственной религией Золотой Орды была предпринята ещё ханом Берке. В середине XIII в. Берке-хан принимает мусульманскую веру и становится мюридом бухарского шейха Шамс ад-дина ал-Бахарзи, сына Сайф ад-дина ал-Бахарзи, основателя суфийского тариката кубравиййа.⁴ Но эта инициатива хана не получила поддержку со стороны его окружения. После смерти Берке последующий правитель снова становится язычником. Одной из причин неудачи первой попытки исламизации, возможно, является то, что кубравиййа как учение возникло в персоязычной среде, на основе культуры оседлых народов, чуждой кочевым тюрко-монголам, завоевавшим Дешт-и Кипчак.

Только при хане Узбеке ислам завоёвывает Золотую Орду и становится государственной религией, но на этот раз – в форме суфийского тариката йасавиййа. Принятие Узбек-ханом ислама во всех названных выше сочинениях описывается по-разному. Но у этих источников есть одно сходство. Все они указывают на то, что именно шейхи тариката йасавиййа были главными действующими лицами в этом историческом событии.

В «Чингиз-наме» Утамиш Хаджи это событие повествует так: «...на четырех святых были из святых того времени, снизошло от Аллаха Всевышнего (такое) откровение: «Подите и призовите Узбека к исламу!» И по велению Аллаха всевышнего пришли они к двери (ставки) Узбек-хана, сели за внешней чертой его курения и стали творить молитву...» и далее описывается, что как эти святые убедили принять ислам Узбек-хану.⁵ В упомянутой рукописи Нуруллаха ибн Убайдаллаха Хорезми это событие излагается иначе. Ученик йасавийского шейха Сулаймана Бакыргани – Занги-Ата своим ученикам Саййид-Ата и Садр-Ата

повелевает, чтобы они поехали в Дешт-и Кипчак и Сарайчик и призывали их народ к исламу. Они приезжают к Узбек-хану и при помощи «илми карамат»³ (науки чудес) доказывают превосходство исламской религии. Узбек-хан принимает ислам.⁶

«Темур-наме» даёт совсем другую версию этих событий. Однажды Узбек-хан отправился в поход войной к г. Ходженду и возвратился оттуда умалишенным, а его воины - ослепшими. Святой Саййид-Ата при помощи «илми карамат» их исцеляет. Так Узбек-хан принимает ислам.⁸ Мирза Улугбек в кратком варианте повторяет то, что было написано в «Темур-наме» и пишет, что это описание он взял из книги «Макамати Хазрат-и Саййид-Ата».⁹

С эпохи Узбек-хана ислам занимает господствующее положение во всей Евразии, проникая во все стороны жизни тюркских народов, населяющих огромную территорию от Крыма до Алтая. Самое главное, что новая религиозная идеология помогла хану Золотой Орды - Узбеку проводить религиозно-политическую реформу, реорганизовать родоплеменную структуру тюрков, отодвинув на задний план кровные (этнические) связи.

Об этом процессе исследователь истории Золотой Орды Г.А. Фёдоров-Давыдов написал: «...Изучая письменные источники в части, относящейся к кочевникам Дешт-и Кипчака XIII в., мы не могли не заметить те же две тенденции: с одной стороны, нарушение старых родоплеменных отношений, уничтожение родоплеменных отношений, уничтожение влияния старой местной знати, разрушение родоплеменных отношений, смешение различных родов и племен в результате хозяйствования монголов; с другой - выделение устойчивых образований, в основе которых, видимо, лежали общности, исторически сложившейся еще до завоевания, т.е. этнические общности. Взаимоотношения этих двух тенденций и определило тот синтез старого и нового после монгольского завоевания, т.е реальную картину исторического развития номадов Золотой Орды...».¹⁰ Исследователь точно заметил тот поворотный момент, который изменил структуру и принцип образования родоплеменных отношений среди тюрков Центральной Азии. Суть его заключается в нарушении кровного (этнического) принципа образования родоплеменных союзов и замена его религиозно- идеологической общностью народа.

Процесс трансформации тюркских сообществ можно проследить в казахских родословных (шежере). Из них следует, что многие родоплеменные структуры, существовавшие ещё до монгольского нашествия, позднее были разрушены и оказались в составе разных родовых объединений. Так, группа керей - один из главных родов казахского Среднего жуза, каракерей - один из ветвей рода найман Среднего жуза, Керейт - один из родов Младшего жуза. Таких примеров очень много.¹¹ Это говорит о том, что современные родоплеменные деления в составе казахских жузов, которые образуют казахский народ, не являются прямыми потомками тех родовых и племенных союзов, которые существовали до монгольского нашествия. Все они были перемешаны, преобразованы в XIV и более поздних веках.

Как известно, у исследователей, изучающих формирование современных казахских жузов, нет единого мнения о времени и характере этого процесса. Многие исследователи склонны полагать, что в основе их происхождения лежат некие этнические связи. Но тогда возникает вопрос, почему осколки одних и тех же древних родов и племён встречаются в составе других тюркских народов. Например, в составе казахского народа имеется не менее 90 из 92 племён, на которых по традиции делятся узбеки, около 20 из 92 племён встречаются у ногайцев.¹² Похожие родовые подразделения учёные находят также у башкиров, киргизов и других тюркских народов.

В чём кроется основная причина такой перемешанности тюркских народов? Прежде чем ответить на эти вопросы, надо выслушать мнения, которые были высказаны другими исследователями. Например, К.А. Пищулина считает, что деление на жузы восходит к глубокой древности: «...Ак Орда и Могулистан являли собой более прочную, этнически обособленную государственную организацию, способствовавшую восстановлению хозяйственного, этнополитического и этнокультурного развития. Оба государства обеспечили входившим в него племенным объединениям территориальное и политическое единство. Причем важно то, что они объединили как раз те племена и племенные союзы, которые издавна формировались на территории Казахстана, в особые этнические общности. Закономерен тот факт, что Ак Орда и Могулистан возникли как раз на территории крупных этнических общностей древнего Казахстана – Кипчакского союза племён в Казахстане и Юго-Западном Жетысу, где был стык двух главных этнических узлов, двух формировавшихся Казахских жузов – Старшего и Среднего...».¹³ Такие учёные, как С.А. Аманжолов, Ю.А. Зуев и А. Сейдимбеков, также относят образования казахских жузов к домонгольскому периоду. В.П. Юдин и Т.И. Султанов связывают возникновение казахских жузов с теми родами, которые были в составе Золотой Орды (правда, Т.И. Султанов признает, что об образовании казахских жузов конкретных данных нет).¹⁴

Другими словами, все специалисты, занимавшиеся этой проблемой, считают, что истоки современных казахских родов и племенных союзов лежат в этнической общности. Только Г.А. Федоров-Давыдов, занимавшийся общественно-политическим строем Золотой Орды, писал: «...Казахские жузы - это не те кочевые племена XII-XIII вв., возникшие как первоначальное племенное патриархальное деление кочевого населения. Это объединения, хотя имеющие множество пережитков родоплеменного единства, но в основе своей получившей единство как кочевой улус под властью какого-либо хана или группы ханов.¹⁵ Жуз был не племенем, а улусом-держанием, восходящим к улусной системе Золотой Орды...».¹⁶

После монгольского завоевания территория нынешнего Казахстана входила в состав нескольких государств одновременно: сначала Золотая Орда и Улус Чагатай, которым на смену пришли Белая Орда, Ногайская Орда, Государство Тимура, Узбекское Ханство,

Могулистан. Хотя эти государства воевали между собой, значительная часть населения их имела весьма схожую культуру, практически один язык и образ жизни. Это позволяет говорить о том, что существует какой-то основополагающий, но оставшийся вне поля зрения исследователей, фактор, который их объединял. Это фактор - идеологическая (мусульманская) общность тюркских родов и племён Дешт-и Кипчака. Основу же этой идеологии составил суфийский тарикат йасавиййа.

В научной и околонучной литературе популярна точка зрения, что население Дешт-и Кипчака вплоть до XVI в. было языческим. Например, известные исследователи истории Золотой Орды Б. Греков и А. Якубовский написал: «...Говоря о распространении ислама в Золотой Орде, необходимо помнить, что успех или не успех этой пропаганды зависел главным образом от того, в какой среде её вели. В Дешт-и Кипчаке, в самой гуще кочевников-трудящихся - как самих монголов, так и кыпчаков, - ислам не имел успеха (...). Во всяком случае, ещё в XV в. в Дешт-и-Кипчак было много язычников, т.е. многие придерживались шаманизма...».¹⁷ Многие авторы придерживаются этого мнения до сих пор. Между тем, в средневековых источниках есть упоминания того факта, что, например, казахи, вместе с другими жителями Золотой Орды, приняли ислам ещё при Узбек-хане.¹⁸

Пока ни один исследователь всерьёз не обратил внимания на те сведения, которые находятся в генеалогическом древе (шежере) казахского народа. Там ясно указано, что все нынешние казахские родословные берут начало от золотоордынского хана Узбека. Например, в книге З. Садибекова «Казах шежіресі» (Генеалогическое древо казахов) даны различные виды генеалогического древа казахов. Согласно одной версии, Узбек-хан является потомком пророка Ноя в тридцать шестом колене. У Узбек-хана было три сына: Байшора, Джаншора, Карашора (Бекшора), от которых берут своё начало три казахских жуза: от Байшоры - Большой, от Джаншоры - Средний, от Карашоры (Бекшоры) - Младший. По второй версии, у пророка Ноя был сын Яфес, после которого был Туран, затем Турк, затем Сак. Внуком последнего был Аннас, который являлся сподвижником Пророка Мухаммада. Потомком Аннаса в девятом колене был Огуз-хан, правнуком которого является Узбек-хан. От Узбека происходит Казах, у которого были три сына - Акарыс, Жанарыс, Бекарыс, прародители трёх казахских жузов.¹⁹

Как показывает родословие казахов, все казахские жузы и родоплеменные союзы берут своё начало от Узбек-хана. Таким образом, Узбек-хан является как бы праотцом всех казахов. Скорее всего, это связано с тем, что именно при хане Узбеке, как отмечал Г. Фёдоров-Давыдов, произошла исламизация народов Дешт-и Кипчака и переформирование родоплеменной структуры тюркских народов региона.

Об этом поворотном пункте истории казахский историк конца XIX в. - начала XX в. К. Халид писал: «...Сын Узбек-хана Джанибек-хан Золотую Орду разделил на три улуса: Великий, Средний, Младший.

Главой Великого жуза сделал Уйсуну, дал ему в помощники Джалаира. Средний жуз возглавил Аргын, ему в помощники дал Наймана, в Младший жуз поставил Алчина, дал в помощники ему Джаппаса...»²⁰ Эти сведения, взятые, видимо, из каких-то неизвестных пока преданий, также подтверждают предположение о том, что жузовая, родоплеменная структура казахов, дошедшая до нас, связана с именем Узбек-хана.

На структурные изменения родоплеменных союзов тюрко-монголов Золотой Орды в своё время обратил внимание В.П. Юдин. Он писал: «...Тюрко-монгольские народы поставили в центр своих представлений о происхождении мира действительную и мнимую генеалогическую историю рода Чингис-хана. Центральной фигурой был сам создатель Монгольской империи (...). Этот новый генеалогический комплекс, изложенный в терминах родоплеменного осмысления возникновения и сложения структуры человечества и вселенной. Он был дополнен традиционными элементами тюрко-монгольского шаманизма, которые стали как бы верхним этажом и пристройками здания новой веры. Тем самым был создан космогонический миф, т.е. сформировались иллюзорные мировоззрения и идеология...».²¹ Здесь учёный прав в том, что при Узбек-хане на основе нового генеалогического древа тюрко-монгольского народа была создана идеологическая база государства Золотой Орды. Но она была дополнена не только элементами шаманизма, умело переплетена с исламской религией.

Каждый родоплеменной союз и каждое его подразделение составили, по-видимому, отдельные направления йасавийского тариката. На основе взаимоотношений муршид-мюрид, на которых строилась суфийская организация, было обеспечено структурирование новых родоплеменных связей. Это также было отражено в казахских генеалогических преданиях. Как было упомянуто выше, согласно известным родословным, у Узбек-хана было три сына – Байшора, Жаншора, Карашора (Бекшора). Здесь надо обратить внимание на вторую часть этих имён – слово «шора». Одно из значений этого термина в казахском языке – раб, что в суфийском тарикате является высшей степенью набожности («раб божий»). Возможно, Узбек-хан каждому жузу назначил духовного наставника из числа шейхов йасавийя, которые запомнились в народных сказаниях под именами Байшора, Джаншора, Карашора (Бекшора). Эти наставники (пир, муршид) со временем превратились в народном сознании в праотцев казахских жузов, а сам Узбек-хан стал предком всех казахов.

Анализ казахского родословного древа даёт и другие аргументы в пользу изложенной точки зрения. Например, у Джаншоры (Средний жуз), согласно легенде, было шестеро детей: Караходжа, Акходжа, Ақтамбердыходжа, Дараходжа, Есимкулходжа, Касимходжа. От Караходжи происходит род Аргын, от Акходжи – род Кипчак, от Ақтамбердыходжи – Найман, от Дараходжи – Конграт, от Есикулходжи – Керей, от Касымходжи – Увак.²² Иначе говоря, все казахские роды тесно связаны с «ходжами». Между тем, титул «ходжа» в поздней традиции употреблялся как один из важных титулов суфийских шейхов. Данные

факты указывают на сложное и умелое переплетение этнической, этнологической и идеологической составляющих в одно целое.

Сведения казахского генеалогического древа можно сопоставить с информацией, которую даёт агиографический источник Темур-наме. В этом сочинении говорится о приснившемся популярному шейху братства йасавийа – Саййид-Ата сне, в котором его духовный наставник Зенги-Ата предложил ему направиться, распространять ислам среди народов Дешт-и Кипчака. Саййид-Ата на следующий день со своими учениками Касим-шайхом, Хадим-шайхом и Баксайс-Ата отправился в Дешт-и Кипчак, где они пришли к хану Хусрау-Кулалу и рассказали о своих намерениях. Хан поставил три условия: во-первых, шейхи должны победить богатыря; во-вторых, они должны вылечить его умалишенную дочь; в-третьих, один из шейхов должен спуститься в горячий тандыр (пекарню). Только в случае выполнения этих условий хан был согласен стать мусульманином. Саййид-Ата согласился. Касим-шейх победил богатыря, Хадим-шайх вышел невредимым из горячего тандыра, Саййид-Ата исцелил девушку. В результате хан со всем своим народом приняли ислам. Далее изложенная в «Темур-наме» легенда гласит, что Саййид-Ата попытался с помощью своего третьего ученика Баксайса предотвратить гибель хана во время охоты, но эта попытка оказалась не вполне удачной. Тем не менее, по воле Аллаха и благодаря «илми карамат» (науке чудес) хан снова ожил и в знак благодарности отдал свою дочь Сахиб-Джамал Саййид-Ата, который выдал её замуж за Баксайс-Ата, ставшего духовным наставником всего Дешт-и Кипчака.²³

Конечно, в этой истории, повествующей о том, как йасавийские шейхи распространяли ислам в Дешт-и Кипчаке, легендарные события и мифологические сюжеты взяли верх над реальными фактами. В частности, хана в Дешт-и-Кипчак по имени Хусрау-Кулал никогда не было. Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что Саййид-Ата, Касым шайх, Хадим шайх, Баксайс-Ата – это исторически реальные личности, сыгравшие немаловажную роль в исламизации тюрко-монголов Золотой Орды и Дешт-и Кипчака. О них имеются сведения в других агиографических источниках и народных преданиях. В них они изображаются представителями разных направлений (силсила) йасавийиа, несущими истинную веру (ислам) во все концы огромной территории от Крыма до Алтая. Известны даже могилы некоторых из этих святых. Так, Баксайс-Ата похоронен на территории Яны-Курганского района Кзыл-Ординской области, на левом берегу р. Сырдарья. Мавзолей Касим-шайха также находится недалеко от этого места.

Можно предположить, что именно названные в «Темур-наме» йасавийские шейхи превратились в сыновей Узбек-хана из казахского генеалогического древа. Возможно, Баксайс-Ата – это наставник Среднего жуза Джаншора. Во всяком случае, именно потомки Баксайса вплоть до 30-х гг. XX в. готовили религиозных деятелей для 26 родов Среднего жуза, живя в местности городища Баба-Ата.

Сегодня имеется информация о трёх направлениях (силсила) братства йасавийи, охватывающего всю территорию Казахстана, некоторых областей Узбекистана и Кыргызстана. Они представлены четырьмя родами (аулад) ходжей, которые связывают свою генеалогию с Мухаммедом ибн ал-Ханафией, сыном «праведного» халифа Али ибн Абу Талиба. В их число входят Аккурганские ходжи, ходжи Дувана, ходжи Хорасан, ходжи Карахан. Представители каждого из названных родов ходжей считались наследственными наставниками отдельных родоплеменных союзов. В каждом казахском ауле жили два-три дома ходжей, которые занимались просветительской и религиозной деятельностью. Ходжи не составляли отдельную этническую группу и не отделялись от казахского народа. Об этом среди самих ходжей существует поговорка: «Хожа жиылып ел болмас» (Собравшись, ходжи не станут народом). Можно говорить лишь о том, что ходжи были особой социальной прослойкой среди кочевников. Эти факты показывают, что ходжи были компонентом, один из составляющей казахского народа. И это отражено в казахской поговорке «қара, кожа, төре». И эти отдельные составляющие социальные слои казахского общества были символами отдельных частей казахской юрты. Қара – это кереге, основа казахского общества; уық – кожа, духовные наставники народа; төре – шаңырақ, политическая власть казахского народа. Это показывает, что в сложении казахского народа религия ислам играл немаловажную роль.

Түйін

З.З. Жандарбек ДӘШТІ-И-ҚЫПШАҚ ХАЛЫҚТАРЫ ТАРИХЫНДАҒЫ ТАРИКАТ ЙАСАУИЙДІҢ РӨЛІ (қазақ шежіресі материалдары бойынша)

Мақалада түркі халықтарының тарихи тағдырындағы сопылық йасауий тарикатының маңызы, оның ішінде түркі халықтарының исламдануында йасауийдің үлкен рөл ойнағандығы айтылады.

XIV ғ. йасауийлік шейхтардың күшінің арқасында Шыңғыс хан (оның ұлы Жошыдан тарату бойынша) әулетінен шыққан алтын ордалық хан – Өзбек исламды қабылдағаннан кезден бастап Алтын Орданың мемлекеттік дініне айналды. Йасауийлік шейхтар исламды Дәшті-и-Қыпшаққа таратты. Қазақ шежірелері көрсеткендей барлық қазақ жүздері және ру-тайпалық одақтар өз бастауын Өзбек ханнан алады. Олай болса Өзбек хан барлық қазақтардың ру басшысы секілді. Бұл шамасы діл осы Өзбек ханның тұсында Дәшті-и-Қыпшақ халықтарында исламданудың жүруімен және аймақтағы түркі халықтарының ру-тайпалық құрылымының қайта құрылуымен байланысты. Өзбек хан тұсында түркі-монғол халықтарының жаңа генеалогиялық тармағы негізінде Алтын Орда мемлекетінің идеологиялық базасы қалыптасты. Дегенмен шаманизм элементтері оны толықтырып қана қойған жоқ, ислам дініне сіңісіп кетті.

Abstract

Z.Z. Zhandarbek THE ROLE OF TARIKAT YASSAWIYA IN THE HISTORY OF PEOPLES OF DESHT-I-KIPCHAK (by the materials of the Kazakh genealogy)

In the article there is underlined the importance of Suphian tarikat yassawiya in the historical fortune of Turkic peoples, particularly, yassawiya had played the big role in Islamisation of Turkic peoples.

In the XIV century thanks to the efforts of exactly yassawiya sheikhs the Golden Horde Khan from the clan of Chengiskhan (by the line of his son Dzhuchi) – Uzbek adopted Islam, which began the state religion of Golden Horde from that time. Yassawiya sheikhs spread Islam in Desht-i-Kipchak. By the genealogy of the Kazakhs all Kazakh zhuzes and tribal unions takes their beginning from Uzbek-khan. So, Uzbek-khan is pro father of all Kazakhs. Most likely, it is connected with the fact that exactly under Uzbek Khan happened Islamization of Desht-i-Kipchak peoples and the reforming of clan-tribal structure of the Turkic peoples of a region. Exactly under Uzbek Khan on the base of a new genealogical tree of the Turkic-Mongol people there was established the ideological base of the Golden Horde state. But it was added not only by the elements of shamanism, but it was linked skillfully with Islam religion.

1. Нуруллах ибн Убайдаллах Хорезми // DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. - University Park, Pennsylvania, 1994. - P.567-573.
2. «Темур-наме». Рукопись из фонда института Тюркологии при МКТУ имени Ходжа Ахмада Ясави.
3. Мирзо Улугбек. Турт улус тарихы - Тошкент, 1993.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М., 1998. - С. 111.
5. Утамиш Хаджи. Чингиз-наме. – Алматы: Ылым, 1991. - С. 105-107.
6. Кныш А.А. Карама // Ислам. Энциклопедический словарь. –М., 1991. – С. 131-132.
7. Нуруллах ибн Убайдаллах Хорезми... P. 567-573.
8. «Темур-наме». Рукопись из фонда института Тюркологии при МКТУ имени Ходжа Ахмада Ясави. – С. 1а-3б.
9. Мирзо Улугбек. Турт улус тарихы... С. 326
10. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. - С. 62-63.
11. Садибеков З. Казах шежиреси. – Тошкент, 1994.
12. Кочеев Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. – Алма-Ата, 1988.- С. 16.
13. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв. – Алма-Ата, 1977. - С. 213.
14. История Казахстана. – Алматы, 1997. - С. 301.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С. 176-177.
16. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С. 176-177.
17. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М., 1998. - С. 125.
18. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. - С. 168.
19. Садибеков З. Казах шежиреси... С. 21-22.
20. Халид К. Тауарих хаса. – Алматы, 1992. - С. 65.
21. Юдин В.П. «Чингиз-наме» как источник по истории казахского народа // Утамиш Хаджи. Чингиз-наме. –Алматы, 1992. - С. 17-18.
22. Купеев М.Ж. Казах шежиреси. – Алматы, 1993. - С. 14.
23. «Темур-наме». Рукопись из фонда института Тюркологии при МКТУ имени Ходжа Ахмада Ясави. - С. 76-11а.

М.Б. Кожа

МОГИЛА АБЫЛАЯ В ХАНАКЕ ХОДЖА АХМЕДА ЯСАВИ: ОПЫТ АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЯ КАЗАХСКОГО ХАНА

Хан Абылай - одна из знаковых фигур казахской истории. Он включен в справочник «2000 великих людей»¹ планеты. Он сыграл выдающуюся роль во всенародной освободительной борьбе против Джунгарского ханства, а после его гибели – военно-политической экспансии Цинской империи. К моменту выхода Абылая на политическую арену значительная часть территории Казахстана находилась под властью джунгар. Многогранная государственная и политическая деятельность Абылая способствовала возврату захваченных соседями территорий и формированию современной геополитической карты Казахстана. Только с обретением Казахстана независимости у отечественных ученых появилась возможность начать изучение жизни и деятельности хана Абылая, включая и такой важный вопрос, как определение места его захоронения.

В советский период истории Казахстана существовал запрет на публикации, посвященные деятелям казахской истории - ханов, султанов, биев и батыров, боровшихся за независимость своего народа и защищавших целостность исторической территории казахов от посягательств иностранных держав. Был уничтожен почти весь тираж вышедшей каким-то чудом в 1941 г. книжки известного литературоведа Б. Кенжебаева «Абылай (казак халқының ерлік тарихынан)».²

Позиция властей сказалась и на состоянии погребальных комплексов, где были захоронены представители казахской элиты. Известное до середины прошлого века место погребения хана Младшего жуза и старшего хана казахов Абулхайра (1710-1748) не было отмечено даже памятным знаком. В результате такого игнорирования в настоящее время появилась «проблема хана Абулхайра»,³ когда никто не может точно указать место захоронения знаменитого хана. Трудноразрешимой проблемой для исследователей остаются вопросы определения мест захоронений и других казахских ханов. В большинстве случаев до нас не дошли надгробные камни степных правителей. Пока единственным образцом памятников этой категории является каменное надгробие хана Старшего жуза Рустема, умершего в 1712 г.⁴

В XX в. большим разрушениям подвергся средневековый некрополь в г. Туркестан. Согласно исторической литературе, в туркестанском пантеоне были похоронены Тауке (1680-1715), Жолбарс (1720-1740), Абулмамбет (1739-1771) и другие ханы, знаменитый би Казыбек Келдибек-улы, Богенбай батыр, Жанибек батыр, отец знаменитого Кенесары - Касым султан, старшая сестра Кенесары - Бопай-ханым. Внутри ханаки Х.А. Ясави, в казандыке, находился надгробный камень Аман Бике (в настоящее время расположен в помещении Малый Ак-сарай) – дочери Джанибек-хана, одного из основателей Казахского

ханства. Согласно Кадир-‘Али-би, в туркестанском пантеоне был погребен сын казахского хана Шигая (1580–1582) Ондан султан. Рядом с ханакой Ходжа Ахмеда Ясави для хана Есима (1598–1614) был выстроен отдельный мавзолей. И это далеко не полный перечень исторических деятелей казахской степи, похороненных в ханаке и вблизи него.

В ходе многолетних реставраций ханакки Ходжа Ахмеда Ясави не учитывалось, что как внутри здания, так и поблизости от него, были похоронены многие выдающиеся представители степной элиты. В процессе ремонтных и реставрационных работ была передвинута со своего места большая часть надгробных камней, происходила выемка и перемещение культурного слоя внутри здания, не были изучено и разрушено большинство погребений, располагавшихся под надгробиями и вокруг них. С целью благоустройства территории вокруг ханакки бульдозерами был срезан двухметровый культурный слой (!), была разобрана почти вся надземная часть археологических объектов, значимую часть которых составляли остатки позднесредневековых мавзолеев. Вследствие этого, места захоронений подавляющего большинства представителей казахской элиты в г. Туркестан оказались уничтожены.

Возможно, этому способствовали и взгляды специалистов, возглавлявших реставрационные и археологические работы вблизи и внутри ханакки Ходжа Ахмеда Ясави. Так, казахстанские археологи, вплотную занимавшиеся исследованием некрополя средневекового Туркестана, поспешили высказать свой вердикт по такому сложному и недостаточно проясненному вопросу, как места захоронений представителей казахской правящей элиты: «погребения ханов производились на некрополе вблизи ханакки в специально построенных для них мавзолеях. А надмогильные камни были принесены в ханакку после того, как эти постройки со временем разрушились».⁵

К середине 90-х годов XX в. в ханаке Ходжа Ахмеда Ясави в нетронутом состоянии на своем месте оставались всего две могилы. В коридоре между мечетью и китапханой располагалось выложенное из кирпича надгробие Жолбарысхана, который по одной из версий являлся ханом Старшего жуза, по другой – святым Баба Самит Жолбарыс ханом. Большой надгробный камень Суйунч хана (в современной литературе существует определенный разнобой в написании имени Суйунч хана; мы последовали написанию имени, принятому в современной востоковедческой литературе) находился в коридоре между кабырханой – усыпальницей святого - и помещением Большой Аксарай.

Необходимо сразу отметить, что работы по изучению могилы Абылай-хана заранее не планировались. В 1994 г., во время посещения ханакки Ходжа Ахмеда Ясави, я узнал, что в ходе производившейся турецкими реставраторами работы по усилению оснований и фундаментов здания, было вынесено надгробие Суйунч хана, а располагавшаяся под камнем могила была взята монолитом в изготовленный специально для этого металлический ящик (работами руководил археолог М. Мырзабаев) и перенесена в мавзолей

Раби'а Султан Бегим. К этому времени мне было известно сообщение Г. Грумм-Гржимайло о нахождении могилы Абылая под надгробным камнем Суйунч хана.⁶ Понимая, что появилась реальная возможность проверить информацию о месте захоронения знаменитого казахского ханая, обратился к антропологу, член-корреспонденту НАН РК, д.и.н. О.И. Исагулову за содействием. Под его руководством была организована группа исследователей, которая провела комплексное междисциплинарное изучение захоронения, взятого монолитом из-под надгробного камня Суйунч хана.

Результаты выполненной работы на конец 1999 г. были изложены на казахском языке в монографии,⁷ вышедшей небольшим тиражом и ставшей библиографической редкостью. В последующие годы члены исследовательской группы продолжили сбор исторической информации, касающейся как места захоронения хана, так и внешних физических особенностей Абылая. Примечательно, что выявленные новые исторические факты подтверждают и дополняют основные выводы, сделанные в монографии 1999 г. На наш взгляд, опыт изучения могилы Абылай хана может представлять определенный интерес при определении мест захоронений и других исторических личностей казахского народа. Поэтому с учетом новых данных мы считаем уместным вернуться к данной теме и изложить круг вопросов, которые пришлось решать в ходе процесса изучения могилы выдающегося казахского хана.

О методике исследования могилы Абылай хана. Предварительное знакомство с некоторыми письменными источниками позволило нам уже на первоначальном этапе исследования предполагать, что в могиле под надгробным камнем Суйунч хана располагаются костные останки Абылай хана. С целью проверки этой версии был намечен комплексный метод исследования, который включал следующие направления работ:

1. Сбор и анализ всех достоверных сообщений о месте погребения хана Абылая.

2. Археологическое изучение могилы, выявленной под камнем Суйунч хана.

3. Антропологическое изучение костей из могилы под надгробным камнем Суйунч хана и сопоставление полученных данных с сообщениями достоверных источников о физическом облике Абылай хана.

Работа с источниками о месте погребения Абылая. Первый пункт программы включал работу в архивах и библиотеках, где были просмотрены все доступные нам материалы, что-либо сообщавшие о захоронениях в ханаке Ахмеда Ясави, в особенности о месте погребения и надгробном камне казахского хана. В силу идеологических установок советского времени проблема определения места захоронения казахских ханов вообще не рассматривалась историками и каких-либо специальных публикаций о месте погребения казахских правителей в историографии Казахстана не существовало. Обзор упоминаний о погребении или могиле Абылая в г. Туркестан на страницах советской архитектуроведческой или исторической литературы XX в. изложен в нашей монографии.⁸

Были просмотрены все опубликованные и неопубликованные рукописи отчетов исследований, хранящиеся в фондах государственного музея-заповедника «Азрет султан») работы по погребальной эпиграфике ханаки Ходжа Ахмеда Ясави. При этом особо следует подчеркнуть, что ни в одном исследовании по погребальной эпиграфике ханаки не зафиксировано надгробие с именем Абылая или с текстом, в котором был бы как-то упомянут известный казахский хан. Вместе с тем, в историко-этнографической литературе конца XIX - начала XX вв. нередки сведения о погребении Абылая в г. Туркестан.

Собранные нами данные мы условно подразделяем на три группы. Первая группа источников носила общий характер, ограничиваясь сообщением о захоронении казахского хана в туркестанском некрополе. Вторую группу составили указания о захоронении Абылая внутри архитектурного сооружения Ходжа Ахмеда Ясави. Примечательна выявленная в начале XXI в. членами исследовательской группы информация о месте погребения Абылай хана на страницах «Туркестанской туземной газеты» от 14 марта 1887 г. за № 10: «представители трех жузов посоветовались о том, где похоронить хана и, наконец, договорились захоронить его внутри Хазирет султана».⁹ Предположения о существовании отдельного, специально построенного мавзолея, для захоронения Абылая не нашло подтверждения в исторических источниках. Внутри второй группы источников нами выделены сообщения, где указывается конкретное помещение ханаки.

Третью группу источников составляли сообщения, где давались конкретные данные об особенностях надгробия Абылая. Каждое сообщение этой группы проходило проверку на предмет объективности. Учитывалось время фиксации сообщения, происхождение информации, соответствие с другими достоверными данными. Сведения людей, имевших родственные связи с ханом Абылаем, духовных лиц г. Туркестана и описания известных русских исследователей, осмотревших ханаку Ходжа Ахмеда Ясави, являются, на наш взгляд, наиболее достоверными.

Самая ранняя по времени информация о могиле Абылая относится к 1882 г., опубликованная спустя более 100 лет после смерти казахского хана в Известиях Русского географического общества. Неизвестный автор, отметив в обзорном сообщении об исследованиях Н.Н. Балкашина казахов Средней орды, сообщал, что «в Туркестанской мечети Азрет Султана над могилой знаменитого киргизского хана Средней Орды Абылая, умершего в 1781 г., поставлен мраморный надгробный камень, привезенный с другого кладбища и принадлежавший Суюнч-ходжа хану...».¹⁰ Судя по тексту, автор обзора хорошо осведомлен об истории и этнографии казахов. Это сообщение о месте погребения Абылая было воспроизведено в 1926 г. в книге известного географа и исследователя Средней Азии Г. Грумм-Гржимайло.¹¹

В книге Н.Н. Балкашина, опубликованной в 1887 г., указывается, что «...Абылай умер и был торжественно погребен в Туркестанской

мечети Азрет-султана*» и далее дается комментарий: «* Над могилой Абылай-хана положен старинный камень, взятый с находившейся вне мечети могилы Суюнч-ходжи-хана, сродственного Тамерлану по своей матери Рабига». ¹² В этой же книге находим конкретные указания и о местах погребений ряда потомков хана: сына Абылая – Касыме, внуков – Саржана и Бопай ханым, которые являлись братом и сестрой известного Кенесары. ¹³ Автор книги – чиновник по особым поручениям, который в 1880 г., исследуя караванные пути, побывал в г. Туркестан. Он не просто механически записывал услышанную информацию, а, как пишет один из его современников, «собирая сведения о племенах, как пришлось убедиться г. Балкашину, необходимо об одном и том же неоднократно спрашивать в разных местностях и сравнивать варианты». ¹⁴

В 1894 г. под наблюдением А. Диваева, с участием казия г. Туркестана Лутфулла-ходжа Казиева были сняты копии с надписей надгробий ханаки Ходжа Ахмеда Ясави и отправлены с комментариями в г. Казань к востоковеду П.И. Ахмерову. Собранный таким образом информация послужила первоисточником для написания статьи П.И. Ахмерова, в которой говорится о надгробии казахского хана: «На камне могилы Абылай хана написаны следующие слова: «И далее, после двоеточия, дается текст и перевод надписи надгробного камня Суйунч хана». ¹⁵ Т.е. из контекста публикаций П.И. Ахмерова следует, что на могиле Абылая стоит надгробие Суйунч хана. Ценность этого сообщения очевидна, она основана на сведениях духовного лица г. Туркестана, ее достоверность подтверждается участием известного исследователя и собирателя казахского фольклора А. Диваева.

Довольно подробно надгробие Абылай хана было описано в 1902 г. Н. Лыкошиным, посетившим вместе с казахскими паломниками ханаку Ходжа Ахмеда Ясави. В статье Н. Лыкошина, опубликованной первоначально в газете «Туркестанские ведомости», находим следующие сведения о надгробии: «В том же пределе есть еще чудо, это так называемый «айна таш» или зеркало-камень. Это намогильный мраморный камень Абылай хана*. Киргиз поражает, что если смотреть с боку на вертикальную грань памятника, то в ней, как в зеркале, можно видеть стену большой залы мечети, а на стене тень большого котла, стоящего по середине зала, несмотря на то, что стена находится за косяком двери, ведущей во второй придел». Н. Лыкошин, отметив «камень Абылай хана*» звездочкой, дает пояснение: «Вернее, Абулхаир-хана Суюнчи-ходжи хана, как значится в надписи на могиле». ¹⁶ Таким образом, из статьи 1902 г. также следует, что на могиле Абылая стоит надгробие Суйунч хана.

Н. Лыкошин указал на особенность надгробного камня Абылая, которая поражала паломников и считалось чудом – «так называемый «айна таш» («зеркало-камень»). Из описания автора следует, что место упокоения Абылая превратилось в один из почитаемых казахами могил ханаки Ходжа Ахмеда Ясави. Сакрализация имени и самого места захоронения Абылая говорит об известности места захоронения хана широкому кругу степняков. Н. Лыкошин являлся известным знатоком

туркестанского быта, владел несколькими восточными языками, перевел историческое сочинение «Тарих-и Наршахи» на русский и оснований сомневаться в достоверности его сообщения нет. Текст описания могилы Абылая без изменений был приведен через 15 лет в отдельной книге Н. Лыкошина «Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения».¹⁷

Об известности могилы Абылая степнякам свидетельствует и статья 1912 г. известного казахского писателя, общественного деятеля М. Дулатова «Хан Абылай», где приведены некоторые предания о хане. В одной из них рассказывается о поездке Абылая в г. Самарканд, где для него «выкапывают» редкий надгробный камень, который был установлен после смерти хана на его могилу с текстом «Абылай бин Сүйеніш хан».¹⁸ Примечательно, что из всех изученных эпитафий ханаки Ходжа Ахмеда Ясави, только на надгробном камне Суйунч хана встречается близкое к указанному начертание имен: «Абу-л-Хайр Суйунч Ходжа хан». С учетом того, что текст надгробия Суйунч хана «написан чрезвычайно сложным и архаичным языком», «написана без диакритики, что крайне осложняет расшифровку и соответственно перевод»,¹⁹ упомянутая арабографическая надпись на камне Суйунч хана могла восприниматься как «Абылай хан бин Сүйеніш хан». Историкам хорошо известна генеалогия Абылая и среди его предков нет никого с именем Суйунч хан, отца Абылая звали Вали. На личной печати хана была вырезана надпись: Абулай-хан бен Бахадур Вали-султан.²⁰ Поэтому только нахождение на могиле казахского хана надгробия Суйунч хана могло породить вышеприведенное сообщение о надписи на камне Абылая.

В 20-х годах XX в. известный казахский писатель Ж. Аймауытов посетил ханаку Ходжа Ахмеда Ясави и оставил описание надгробного камня Абылая, совпадающее с описанием Н. Лыкошина «айна-таш» - «зеркало камень». Ж. Аймауытов пишет: «Жағаласаң, коридорда Абылайдың көк тасы жатыр. Ұзындығы кісі бойындай, биіктігі орындыктай. Мінсіз, төрт қырлы, көк ала мәрүар. Мұздай жылтыр, айнадай тегіс, шимайша ойып келтірген олпы-солпысыз, үшкір сұлу жазулары жалап қойғандай мүлтіксіз. Ағы мен көгі қара батсайыдай аралас тандиланған, айқасқан ... құлпырған көк мәрмер айта қалғандай сұлу екен».²¹ Судя по его описанию, он располагался в коридоре, представлял собой мраморное надгробие в форме простого параллелепипеда с «красивыми» надписями и «блестящей как лед, отполированной как зеркало» поверхностью. Надгробие Суйунч хана востоковеды относят к разряду выдающихся образцов искусства каллиграфии и резьбы по камню.²² Описание согласуется с информацией Н. Лыкошина и М.Е. Массона о зеркальных отражениях эпитафия Суйунч хана. В 1928 г. посетивший ханаку М.Е. Массон, описывая коридор между Большим Аксараем и кабырханой, писал, что «среди других надгробий лежит крупный камень Суюнич-хана, обычно приписываемый его отцу Абулхаиру. Его гладко отполированная поверхность отражает предметы, и если смотреть сбоку на длинную вертикальную грань, то в ней можно увидеть, на основании закона равенства углов падения и отражения,

стену казанлыка. За это «чудо» камень прозвали «Айна-таш» – «камень-зеркало».²³ Таким образом, описание Ж. Аймауытова надмогильного камня Абылая соответствует надгробию Суйунч хана. Ни один другой надгробный камень в ханаке Ходжа Ахмеда Ясави не может сравниться с ним как по отделке, так и по «зеркальности». На фотографии этого надмогильного камня в изданном 2010 г. Альбоме зафиксировано отражение кирпичной кладки расположенной рядом стены.²⁴

Потомок хана акын Шади торе (умер в 1933 г.) дал свои координаты местоположения могилы Абылая:

*Әзіреттің босағасынан орын қазды
Осылай болмақтығын қабыл көріп,
Сол уақытта табытты алып келіп,
Өлікті салған жерге салып көмді».*²⁵

В нем конкретно указывается место погребения хана Абылая – «у порога святого Азрета» - «Әзіреттің босағасынан». Ориентировка по ним приводит к тому же надгробию Суйунч хана, ибо из всех надмогильных камней ханаки только данная эпитафия установлена у самого порога в усыпальницу Ходжа Ахмеда Ясави (рис. 1).

Таким образом, анализ как письменных, так и фольклорных источников показал, что Абылай хан был захоронен внутри ханаки Ходжа Ахмеда Ясави. Однако в исследованиях по погребальной эпиграфике ханаки, проводившие с перерывами в течение более века, не зафиксировано надгробие с именем Абылая. В то же самое время, ряд русских исследователей сообщают как факт наличия на могиле Абылай хана надгробного камня Суйунч хана. Этому сообщению не противоречит анализ достоверных данных о местонахождении захоронения хана, изложенных в разное время и разными лицами.

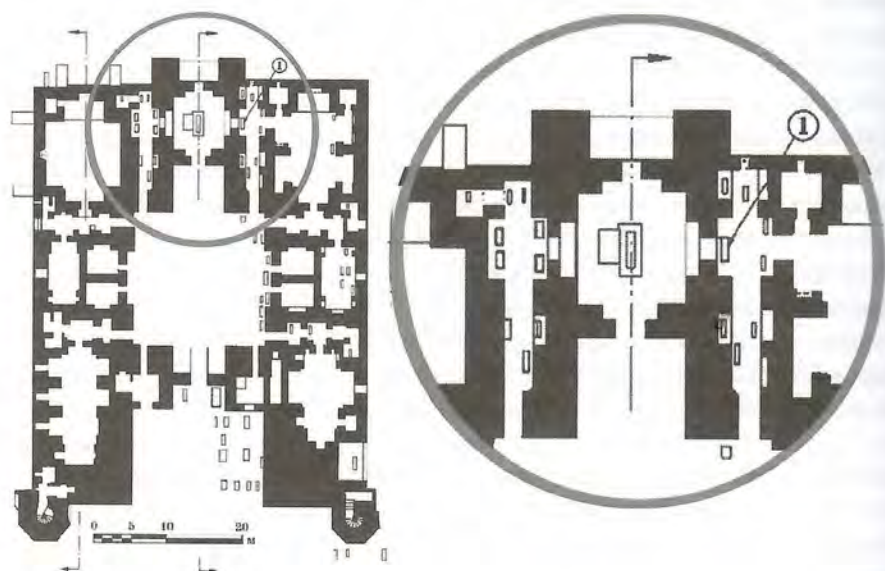

Рис. 1. План ханаки Ходжа Ахмеда Ясави 1938 г. и местоположение надгробия Суйунч хана («айна-таш»)

Особо следует отметить, что координаты места могилы Абылая, указанные Шади-торе в ханаке Ахмеда Ясави, точно соответствуют месту расположения надгробного камня Суйунч хана.

Неоднократные прямые и косвенные указания на надгробие Суйунч хана как надмогильного камня, поставленного на могилу Абылая, потребовало проверки сообщения о перевозке «мраморного надгробного камня, привезенного с другого кладбища и принадлежавшего Суюнч-ходжа». Просмотрев литературу по архитектурным памятникам Средней Азии, мы выяснили, что усыпальница Суйунч хана находится в г. Ташкенте.²⁶ На основе сведения письменного источника известно, что строительство мавзолея Суйунч хана было закончено в 1531/32 г.²⁷ И надгробие Суйунч хана безусловно должно было отмечать могилу хана в мавзолее, построенном по приказу его наследника Султан-Мухаммед-бахадур-ханав г.Ташкенте²⁸. Мы имеем только одну версию о перемещении его в г. Туркестан: «В Туркестанской мечети Азрет Султана над могилой знаменитого киргизского хана Средней Орды Абылая, умершего в 1781 г., поставлен мраморный надгробный камень, привезенный с другого кладбища и принадлежавший Суюнч-ходжа хану...».²⁹ Других объяснений появления надгробия Суйунч хана в туркестанском некрополе не существует.

Анализ большинства как письменных, так и фольклорных источников о могиле Абылая показал реальность сообщения русских исследователей в определении местонахождения могилы хана. В настоящее время мы имеем согласующиеся друг с другом семь разных по времени и происхождению сообщения о местонахождении ханской могилы. Используемые нами сообщения о могиле Абылая относятся к категории достоверных, ибо они восходят к известным русским исследователям и представителям казахской интеллигенции, посетивших ханаку Ходжа Ахмеда Ясави и видевших воочию надмогильный камень казахского хана. Поэтому мы были обязаны проверить указанную источниками могилу, взятую монолитом из-под надгробия Суйунч хана. Для продолжения наших исследований, в первую очередь, был важен вопрос сохранности захоронения.

Анализ документальных источников о сохранности могилы, располагавшейся под камнем Суйунч хана. Работая заведующим отдела археологии в 1988-1997 гг. в Отрарском государственном археологическом заповеднике-музее, в ведении которого была охрана памятников археологии и Туркестанского района ЮКО, я ежегодно, во время служебных поездок по Туркестанскому району посещал ханаку Ходжа Ахмеда Ясави. Сообщение Г. Грумм-Гржимайло о нахождении могилы Абылая под надгробным камнем Суйунч хана привлекало мое внимание к указанному надгробию. И вплоть до 1994 г. при каждом посещении я с интересом осматривал «айна-таш» - «зеркало-камень», который находился в коридоре «Г». Мне было также известно, что этот коридор в старину именовался «аблай-хана», по имени погребенного здесь хана, о чем еще в 1962 г. написала в монографическом исследовании о ханаке Ходжа Ахмеда Ясави Л.Ю. Маньковская.³⁰ Личное знакомство и переписка с руководителем реставрационных работ 1955-1959 гг.

доктором искусствоведения Л.Ю. Маньковской позволяли нам достаточно уверенно ориентироваться в вопросах реставрации ханаки Ходжа Ахмеда Ясави.

С целью углубленного изучения вопроса сохранности захоронения мною были просмотрены публикации о ханаке Ходжа Ахмеда Ясави, все доступные отчеты реставраторов, собранные турецкой фирмой «Вакиф иншаат» из архивов Узбекистана, где изложены какие-либо сведения о коридоре «аблай-хана», планы местонахождений надгробных плит.

Необходимо отметить, что в отчетах реставраторов отсутствует информация о перемещении надгробия Суйунч хана, о перекопах в ближайших к надгробию участках. Передвижение надгробия и перекопы в ханаке были связаны с подведением фундаментов под стены в аварийных помещениях и, в первую очередь, затрагивали эпитафии, располагавшиеся у стен. А надгробный камень Суйунч хана находился у проема под аркой в усыпальницу и у реставраторов необходимости в передвижении его с целью подведения фундамента под стены не имелось. Кроме этого, крупные размеры и немалый вес надгробного памятника, на наш взгляд, также способствовали сохранению расположенной под ним могилы. Мраморное надгробие Суйунч хана является самым крупным из надмогильных камней ханаки Ходжа Ахмеда Ясави. Исследователи эпитафий считают, что подобные надгробия весят около двух тонн.³¹ Необходимо также учесть наличие под мраморным надгробием Суйунч хана довольно внушительного каменного подиума - плиты размером 245x95x25 см. Поэтому общий вес надгробного памятника составлял более двух тонн.

Первым о нахождении надгробия Суйунч хана в туркестанской ханаке сообщил востоковед П. Лерх, побывавший в г. Туркестан 1867 г. Расположение надмогильного камня Суйунч хана в примыкающем к усыпальнице коридоре, поблизости к могиле туркестанского шейха, отмечено М.Е. Массоном, посетившим архитектурный комплекс в 1928 г.³² На плане ханаки 1938 г.³³, на чертеже 1939-1941 гг., на обмерных чертежах 1956-1957 гг.³⁴, на плане 1975 г.³⁵ надгробие Суйунч хана фиксируется на одном и том же месте, в коридоре «Г» перед проемом в усыпальницу святого (рис.1). На указанных планах эпитафия Суйунч хана располагается ближе всех других надгробий к могиле Ходжа Ахмеда Ясави. О том, что данное надгробие не меняло свое положение, свидетельствует и книга атеиста О. Дастанова 1967 г., где конкретно обрисовано местонахождение и зеркальные отражения камня Суйунч хана.³⁶ Она идентична описаниям Н. Лыкошина и М.Е. Массона. При изменении местоположения на верхней плоскости надгробия должны были отражаться совсем другие детали архитектурного комплекса.

Местоположение надгробия Суйунч хана перед проемом в усыпальницу Ходжа Ахмеда Ясави зафиксировано в фотоальбоме 1980 г.³⁷ Примечательно, что надгробный камень Суйунч хана отмечен как один из непо потревоженных надгробий ханаки Ходжа Ахмеда Ясави в письме 1992 г. (опубликовано в 1999 г. после смерти автора) к.и.н., этнографа, экс-министра культуры У. Жанибекова в правительство о проблемах сохранения туркестанской ханаки.³⁸

Таким образом, анализ документальных источников о местоположении надгробия Суйунч хана свидетельствует, что надгробие и соответственно расположенная под ним могила находились *in situ* до начала реставрационных работ на ханаке, начатых в 1993-1994 гг. турецкой фирмой «Вакиф иншаат».

В связи с необходимостью усиления фундаментов ханаки Ахмеда Ясави, в 1993-1994 гг. было решено переместить два оставшихся нетронутыми надгробия, а находившиеся под ним могилы взять монолитом в металлические ящики до возвращения их на свои места. Администрация заповедника-музея «Азрет Султан» для этой цели заказала два металлических ящика. После выноса каменного надгробия Суйунч хана археолог М. Мырзабаев (сотрудник института «Казпроектреставрация») произвел работы по определению места захоронения непосредственно находившегося под надгробным камнем Суйунч хана. Согласно сообщению М. Мырзабаева, им были произведены работы по вырезке могилы из окружающего грунта методом монолита, описание которого изложено в учебных пособиях по полевой археологии, и заключению монолита в сборный металлический ящик. Причем вскрытие и расчистки внутри могильной ямы не производились. Затем металлический ящик с монолитом был перенесен в центральное помещение мавзолея Раби'а Султан Бегим.

Таким образом, сбор и анализ всех достоверных сообщений о месте погребения Абылая позволил нам установить местонахождение могилы хана. Определение конкретного места захоронения Абылая послужило основой для продолжения последующих этапов исследования. Если неизвестно точное место могилы, то стремление решить проблему путем проведения даже биохимических анализов на идентичность заранее обречено на неудачу. Ибо в туркестанском пантеоне погребены многие ближайшие родственники хана Абылая. Поэтому мы считаем: точное определение местонахождения могилы является главной задачей при исследованиях мест захоронений исторических личностей Казахстана.

Археологическое исследование могилы, располагавшейся под камнем Суйунч хана. Второй пункт исследовательской программы включал археологическую расчистку заключенной в металлический ящик могилы, которая была выполнена нами в мае 1995 г. под наблюдением член-корреспондента НАН, д.и.н. О.И. Исмагулова, антрополога А.О. Исмагуловой. Расчистка показала, что при взятии монолитом могила частично не вместились в заранее изготовленный металлический ящик. За бортом ящика остались локтевая кость и кисть правой руки погребенного. Этот факт также свидетельствует, что опытный археолог М. Мырзабаев не производил вскрытие и расчистку захоронения, положение погребенного им определялось приблизительно. Археологическая расчистка показала, что костные останки погребенного в могиле, кроме невместившихся в металлический ящик локтевой кости и кисти правой руки, располагались в неповрежденном состоянии.

Сохранившаяся часть могильной ямы свидетельствует, что она была скорее всего овальной формы. Прослеживается выкладка

из сырцового кирпича размерами 18x10-9x7-6 см, поставленных на ребро. Погребенный был положен на спину. Причем лицевая часть черепа повернута вправо. Правая рука была вытянута вдоль тела. Левая рука несколько согнута в локте. Левая нога вытянута, правая нога несколько согнута в колене. Пяточные кости сходятся друг с другом (рис. 2).

Черты погребального обряда захоронения в могиле, взятого монолитом под надгробием Суйунч хана, соответствуют археологически зафиксированным на территории Южного Казахстана мусульманским позднесредневековым погребениям. При датировке захоронения учитывали, что перекрывающее могилу надгробие было изготовлено для Суйунч хана, умершего в 1525 г., а верхняя граница определяется временем посещения г. Туркестана П. Лерхом в 1867 г.

Имеющиеся у археологов материалы по мусульманским погребениям ханаки Ходжа Ахмеда Ясави позволили сделать вывод, что в XV-XVII вв. вытянутая на спине поза погребенных была присуща местным захоронениям и сохранилась у казахов до настоящего времени.³⁹ Вытянутые на спине позы погребенных выявлены в слоях конца XVII – первой половины XVIII вв. стратиграфического раскопа Отрара.⁴⁰ Поэтому рассматриваемое захоронение, безусловно, является позднесредневековой, а рассмотренный погребальный обряд является типичным и для периода жизни Абылая.

Антропологическое изучение костяка из могилы под надгробием Суйунч хана и сопоставление полученных данных с сообщениями достоверных источников о физическом облике Абылай хана. Д.и.н. О. Исмагулов и А.О. Исмагулова произвели антропологическое изучение костяка из-под надгробия Суйунч хана. Полученные данные сопоставлялись со сведениями письменных источников о физическом облике Абылай хана.⁴¹

Результаты исследования черепа показали, что он принадлежит мужчине старческого возраста с хорошо сращенными швами на черепной коробке (около семидесяти лет, явно за 60), что совпало с сообщением сына Абылая о смерти отца в возрасте 69 лет.⁴²

При исследовании черепа антропологи отметили, что на верхней и нижней челюстях сильно редуцированы альвеолярные края

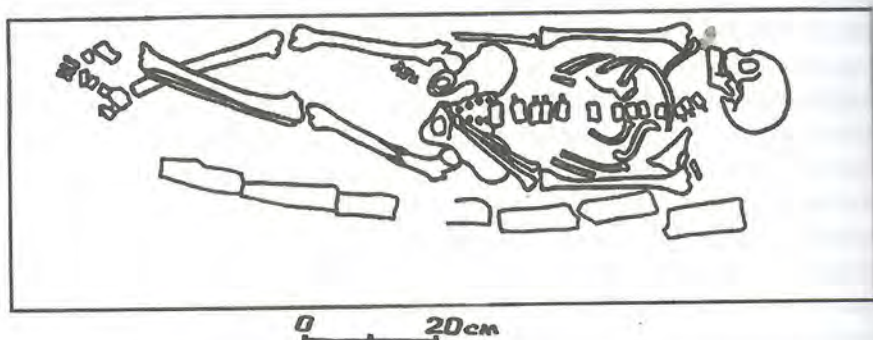
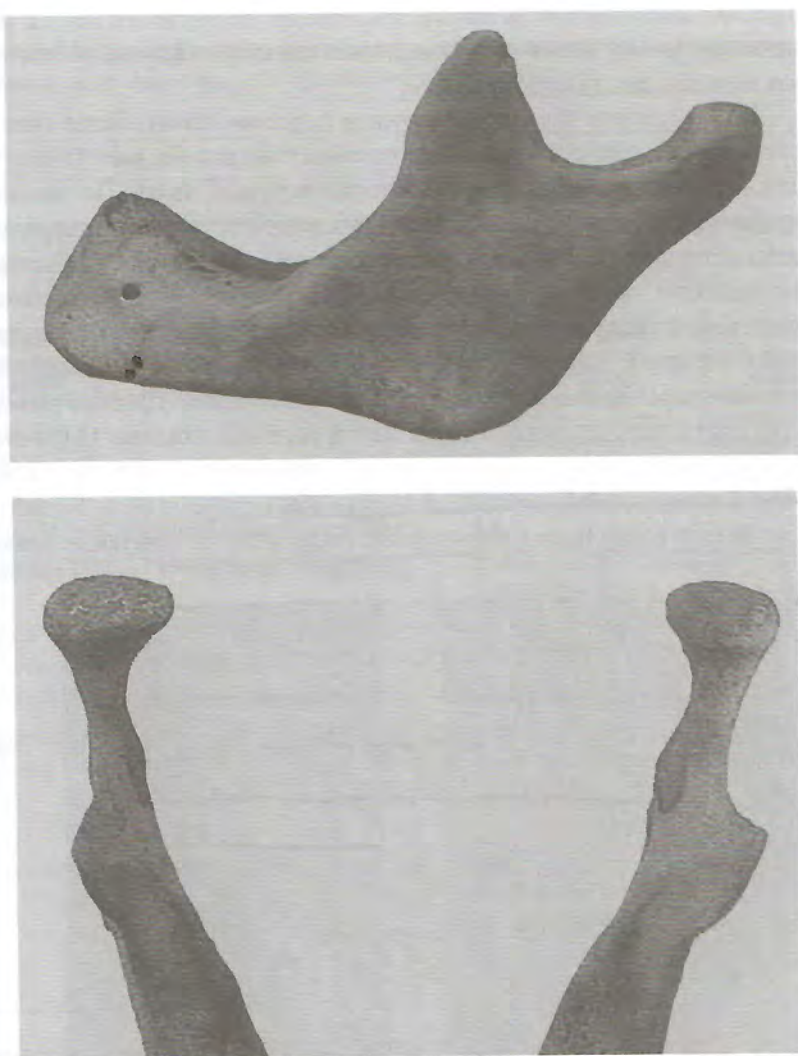

Рис. 2. План погребения, выявленного под надгробием Суйунч хана

Рис. 3. Нижняя челюсть без каких-либо следов лунок для зубов

и их поверхность гладкая, без каких-либо следов корневых лунок для всех классов зубов (рис. 3). По мнению антропологов, прижизненное выпадение зубов у изученного индивидуума началось с 50-летнего возраста. Данный вывод совпадал с информацией, опубликованной в 1910 г. известным собирателем фольклора тюркоязычных народов Курбангали Халиди: как-то во времена Абылая собрались сподвижники и вспоминали о своих подвигах. Кабанбай батыр особо подчеркивал свои подвиги, за что получил титул батыр. В этот момент Абылай спросил: «А мой подвиг сравним с твоим?». Отвечая на этот вопрос, Кабанбай сказал: «А, опырык (беззубый), ты равный мне храбрец!».⁴³

Результатами остеометрического изучения длинных костей установлено, что общая условная длина тела при жизни у изученного индивидуума составляла около 164 см, что находит соответствие с описанием внешности хана капитаном И.О. Бреховым, побывавшим

в ставке Абылая в 1776 г.: «Летами он, Абылай, хотя уже не молод, и по примечанию моему кажется за семьдесят перешел. Однако собою еще здоров и виден, росту небольшого».⁴⁴

На изученном скелете обнаружен перелом левого бедра (рис.4). Перелом зарос, оброс костными мозолями так, как бывает только до 50 лет: это биологическая особенность костной ткани. По мнению антропологов, характер, степень тяжести и место локализации перелома свидетельствуют, по мнению антропологов, скорее не о бытовом происхождении травмы, а о том, что это результат очень сильного направленного удара тяжелым острым предметом, т.е. следствие военного ранения. Как известно, при близком сражении на верховом коне часто удары приходятся на левую ногу всадника. Данные выводы находят соответствие с указаниями места ранения Абылая. О ранении казахского хана в бедро в сражении с китайцами в августе 1756 г. доносил башкирский старшина Абдулла Каскинов: «Оной Аблай ис походу своего возвратился токмо неблагополучно ... Салтан в ледвею

Рис. 4. Перелом левого бедра, перенесенного данным индивидуумом. На месте перелома образовалась довольно крупная костная мозоль

Табл. I. Сопоставление данных письменных источников об Абылае с антропологическими материалами, полученными при изучении скелета из могилы под надгробием Суйунч хана

Историческая личность	Абылай хан	Скелет из-под надгробия Суйунч хана
пол	мужской	мужской
возраст	69 лет	около семидесяти лет, явно за 60
рост	«росту небольшого»	164 см
данные о физическом развитии	«Однако собою еще здоров и виден...» Оң жеңін босатады белін байлап. Қыпша бел, жаурынды, биік кабак.	Развитый рельеф всех костей, объем грудной грудной клетки свидетельствует о крепком телосложении. Отсутствие окостенения свидетельствует об не по возрасту подвижности. Правая рука этого человека обладала недюжинной силой
патология	Опырык, т.е. беззубый	Челюсти без каких-либо следов корневых лунок для всех классов зубов, прижизненное выпадение зубов с 50-летнего возраста
место ранения	О ранении 1756 г. Абдулла Каскинов: «Оной Аблай ис походу своего возвратился токмо неблагополучно ... салтан в ледвею копьем так сильно ранен, что от того и по отъезду их ходить не мог и в крайней слабости здоровья своего остался». В XVIII в. «лядвевя» обозначает верхнюю часть ноги до колена, бедро. Ранение получено в возрасте 45 лет.	Перелом левого бедра. Перелом зарос, оброс костными мозолями так, как бывает только до 50 лет. По мнению антропологов, характер, степень тяжести и место локализации перелома свидетельствуют о военном ранении

копьем так сильно ранен, что от того и по отъезду их ходить не мог и в крайней слабости здоровья своего остался».⁴⁵ В XVIII в. словом лядвевя обозначали верхнюю часть ноги до колена, бедро.⁴⁶ О ранении в левую ногу и благополучном выздоровлении его говорится в преданиях казахов Китая об Абылае.⁴⁷ Причем с учетом рождения Абылая в 1711 г. ранение произошло в возрасте 45 лет. Как видим, и рана совпадает с временной хронологией.

Подводя итоги сопоставления основных антропологических данных с сообщениями достоверных источников о физическом облике Абылай хана, видим полное совпадение: пол и возраст изученного черепа и посткраниального скелета, отсутствие зубов, перелом левого бедра находят соответствие с достоверными сведениями о внешности Абылайхана.⁴⁸ Полное сопоставление данных письменных источников об Абылае с антропологическими данными, полученными при изучении скелета из могилы под надгробием Суйунч хана, приведено в таблице I. Весь комплекс индивидуальных анатомо-топографических и антропологических особенностей изученного скелета из-под надгробного

Рис. 5. Скульптурно-пластическая реконструкция Абылай хана, выполненная по черепу антропологом Е. Веселовской

Самарканда иранскими войсками, по приказу Надир шаха был увезен на могильник Тимура с целью использования в строящейся усыпальнице правителя Ирана.⁴⁹

Факт вторичного использования надгробия с чужой могилой зафиксирован на средневековой кладбище в г. Туркестан. Так, надгробие № 18, датированное концом XV- началом XVI вв., в 1689 г. было передано в надгробие Карона биби - дочери великого Амира Насруллаха.⁵⁰ Подобные примеры выявлены исследователями и в некрополях Средней Азии.⁵¹

Таким образом, было проведено комплексное междисциплинарное изучение предполагаемой могилы Абылай хана. В результате анализа комплекса источников о месте погребения хана Абылай было определено точное местонахождение могилы казахского правителя. Выявленное на этом месте захоронение сохранилось в непо потревоженном состоянии, что позволило провести археологическое, а затем антропологическое изучение костных останков. Сопоставление полученных материалов с известиями письменных и фольклорных источников о физическом облике казахского хана позволило однозначно идентифицировать погребенной в этой могиле личности с Абылай ханом. Антропологом Е. Веселовской в лабораторий М. Герасимова была осуществлена скульптурно-пластическая реконструкция лица по черепу, которая реально отражает физический облик Абылай со всеми присущими ему половозрастными, индивидуальными особенностями. 17 марта 2000 г. в г. Туркестан, в ханаке Ахмеда Ясави, было произведено перезахоронение костных останков Абылай хана (рис. 5).

камня Суйунч хана позволяет однозначно идентифицировать его с исторической личностью Абылай хана.

Каким образом надгробие Суйунч хана оказалось на могиле Абылай?

Согласно данным русской администрации, которая пристально следила за передвижением хана, последний поход Абылай совершил в г. Ташкент. Можно предположить, что именно тогда как трофеем было вывезено ханом из Ташкента надгробие Суйунч хана - «зеркало-камень» - «чудо» (как писал об этом камне Н. Лыкошин), который после последовавшей смерти Абылай был положен на его могиле. Историкам известно, что в 1425 г. Улутбек, совершив поход в Моголистан, вывез нефритовый камень, который был использован в качестве надгробия Тимура, а в 1740 г., после захвата

Түйін

М.Б. Қожа

ҚОЖА АХМЕД ЯСАУИ ХАНАКАСЫНДАҒЫ АБЫЛАЙДЫҢ ҚАБІРІ: ҚАЗАҚ ХАНДАРЫНЫҢ ЖЕРЛЕУ ОРЫНДАРЫН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ- АНТРОПОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ТӘЖІРИБЕСІ

Абылай ханның жерлеу орны туралы деректер кешін талдау және абылай хан моласы деп болжанған жерді пәнаралық (сүйек қалдықтарын археологиялық, антропологиялық зерттеу, алынған материалдарды белгілі жазба және фольклорлы деректермен салыстыру) зерттеу нәтижесі қазақ билеушісінің нақты орнын анықтап берді. Антрополог Е. Веселовский бас сүйек бетінің скульптуралық-пластикалық реконструкциясын жасауы жеке жастық ерекшеліктері бойынша Абылайдың физикалық келбетін шынайы бейнелеп берді. 2000 ж. 17 наурызда Түркістан қаласындағы Ахмед Ясауи ханакасында Абылай ханның сүйек қалдықтарын қайта жерлеу рәсімі жүргізілді.

Abstract

M.B.Kozha

THE BURIAL OF ABYLAY IN THE KHANAKA OF KHODJA AKHMED YASSAWI: EXPERIENCE OF ARCHAEOLOGICAL- ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE KAZAKH KHAN BURIAL

In the result of the analysis of source complex on the place of burial of Abylay Khan and interdisciplinary study of the supposed burial of Abylay Khan (archaeological, anthropological study of bone remains, comparison of the received materials with the evidences of written and folklore sources) was defined the exact location of the Kazakh ruler's burial. Anthropologist E.Veselovskaya made sculptural-plastic reconstruction of face by the skull which expresses really the physical type of Abylay with all sexual, age and individual peculiarities. Reburial of bone remains of Abylay Khan was done on 17 March, 2000 year in Turkestan town, in khanaka of Akhmed Yassawi.

1. Малая энциклопедия персоналий. 2000 великих людей. – Харьков, 2001. – С. 7.
2. *Ергобек Қ.* Арыстар мен ағыстар. – Алматы, 2003. – 41-44 бб.
3. *Ажигали С.Е.* Хан моласы – место захоронения Абулхаир-хана // Отан тарихы. Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 11-19; *Қожа М.* О поиске места захоронения Абулхаир хана // Кадырбаевские чтения. – Ақтобе, 2010. – С. 145-150.
4. *Массон М.Е.* Прошлое Ташкента // Известия АН Уз. ССР. – Ташкент, 1954. – С. 117.
5. *Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П.* Основные этапы формирования некрополя средневекового города Туркестана // Алматы: Саясат, 1996. – С. 72-78; *Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П.* Основные этапы формирования некрополя средневекового города Туркестана // Загадки древнего Туркестана. – Алматы, 1998. – С. 164; *Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П.* Культурно-мемориальные сооружения Туркестана. Этапы эволюции некрополя // *Смагулов Е.А., Григорьев Г.П., Итенов А.* Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. – Алматы, 1999. – С. 120.
6. *Грумм-Гржимайло Г.* Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926. – С. 63.
7. *Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразаққызы А.* Абылай хан. Тарихи-антропологиялық зерттеу. – Алматы: Атамұра, 1999. – 174 с.

8. Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразаққызы А. Абылай хан. Тарих-антропологиялық зерттеу... - С. 39-42.
9. Исмағұлова А., Косанбаев С. Новые данные об Аблай хане: матер. пленарного заседания междунар. научно-практ. конф. «История цивилизации и духовной культуры кочевников» в 2 томах. - Павлодар, 2004. - С. 249-251.
10. Об исследованиях Н.Н. Балкашина касательно киргизской орды // Известия Русского географического общества. - СПб., 1882. - Вып. 18. - С. 263.
11. Грумм-Гржимайло Г. Западная Монголия и Урянхайский край. - Л., 1926. - С. 63.
12. Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. - СПб., 1887. - С. 21.
13. Балкашин Н.Н. О киргизах... - С. 23.
14. Об исследованиях Н.Н. Балкашина... - С. 262.
15. Ахмеров П.Н. Надписи мечети Ахмеда Ясави // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете - Казань, 1896. - Т. 13. - Вып. 1. - С. 17-18.
16. Лыкошин Н.С. Суеверия киргиз, связанные с Туркестанской мечетью Хазрет Султана // Туркестанские ведомости. - 1902. - № 17.
17. Лыкошин Н.С. Суеверия киргиз... - С. 221.
18. Дулатов М. Таңдамалы шығармалар. - Алматы, 1991. - 222 б.
19. Мүминов А.К., Жандарбеков З., Бабаджанов Б. Отчет по предварительным исследованиям погребальной эпитафии комплекса Ходжа Ахмеда Ясави. Рукопись. 1995 // «Әзірет Сұлтан» қорық-музейі архиві. - С.3
20. Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время). - Алматы, 2001. - С. 48-49.
21. Аймауытов Ж. Әзірет Сұлтан // «Парасат» журналы. - 1990. - № 3. - 6 б.
22. Babadžanov B., Muminov A., Paul J. Schaibanidische Grabinschriften. - Wiesbaden, 1997. - P. 122.
23. Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. - Ташкент, 1930. - С. 17.
24. Мүминов А.К., Қожа М.Б., Моллаканатаулы С. Мавзолей Хода Ахмеда Ясави. - Алматы, 2010. - С. 189.
25. Шәді Жәңгірұлы. Тарихат // Абылай хан. - Алматы, 1993. - 82 б.
26. Ратия Ш.Е., Воронина Л.Н. Мавзолей Барак-хана // Архитектура СССР. - 1936. - № 11; Массон М.Е. Прошлое Ташкента // Известия АН Уз. ССР. - Ташкент, 1954. - С. 126.
27. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. - Ташкент, 1958. - С. 149.
28. Булатова В.А., Маньковская Л.Ю. Памятники зодчества Ташкента (XVI-XIX вв.). - Ташкент, 1983. - С. 149.
29. Об исследованиях Н.Н. Балкашина... - С. 263.
30. Маньковская Л.Ю. К изучению приемов среднеазиатского зодчества конца XIV в. (Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви) // Искусство зодчества Узбекистана. - Ташкент, 1962. - Вып. I - С. 96, прим. 6.
31. Babadžanov B., Muminov A., Paul J. Schaibanidische Grabinschriften. - Wiesbaden. 1997. - P. 121.
32. Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. - Ташкент, 1930. - С. 8, 17.
33. Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразаққызы А. Абылай хан. Тарих-антропологиялық зерттеу. - Алматы: Атамұра, 1999. - С. 70, рис. 8.
34. Mankovskaia L.IU. Towards the study of forms in Central Asian architecture at the end of the fourteenth century: the mausoleum of Khvaja Ahmad Yassavi // Iran. - 1985. - P. XXIII. - P. I. II.
35. Тұяқбаев М. Түркістанда жерленген тарихи тұлғалар. - Алматы, 2000. - С. 46-47.
36. Дастанов О. «Әулиелі» жерлер туралы шындық. - Алматы, 1967. - С. 24.
37. Нурмухамбетова Н. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. - Алма-Ата, 1980. - С. 165.

38. Жәнібеков Ө. «Әзірет Сұлтан» қорығы жөнінде // Өзбекәлі Жәнібек. Жарияланбаған жазбалар мен ол туралы естеліктер. – Алматы: Арыс баспасы, 1999. - 132 бб.
39. Ерзакович Л.Б., Нурмуханбетов Б.Н., Ордабаев А. Подземное погребальное сооружение в Туркестане // Археологические исследования в Отраре. - Алма-Ата, 1977. - С. 62.
40. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар: топография, стратиграфия, перспективы. - Алма-Ата, 1972. - С. 53-55, 82, рис. 9; Ерзакович Л.Б. Раскопки в восточной части Отрара (к вопросу о стратиграфии и хронологии поздних слоев) // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980. - С. 106.
41. Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразаққызы А. Абылай хан... 79-86 бб.
42. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. – Алма-Ата, 1964. - С. 10.
43. Құрбанғали Халид. Тауарих хамса. – Алматы, 1992. - 173 б.
44. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII- первая треть XIX века. – Алма-Ата, 1989. – Ч. 1-2. - С. 97.
45. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX в. – М.: «Наука», 1979. - С. 133.
46. Словарь русского языка XVIII в. – Л., 1984. - Вып. 12. - С. 25.
47. Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразаққызы А. Абылай хан... С.84-85 б.
48. Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразаққызы А. Абылай хан... С.79-86 б.
49. Бартольд В.В. Новые данные о самаркандских памятниках. Собр. соч. - М., 1966. - Т. IV. - С. 238-242.
50. Муминов А.К., Жандарбеков З., Бабаджанов Б. Отчет по предварительным исследованиям... - С. 18.
51. Vabadjanov V., Muminov A., Paul J. Schaibanidische Grabinschriften... - P. 124; Некрасова Е. Комплекс дахма-и шахан в ансамбле Баха ад-дина // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 2002. - Вып. 33. - С. 256-261.

И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев

О ЗАХОРОНЕНИИ И ПЕРЕЗАХОРОНЕНИИ ОСТАНКОВ
ХАНА АБУЛХАИРА

Четырнадцать лет назад один из авторов этой статьи готовил к изданию рукопись своей монографии о жизни и деятельности выдающегося правителя Казахской степи хана Младшего жуза, а с 1719 г. – и старшего хана казахов Абулхаира (1710–1748). Когда работа по написанию заключительной части книги, посвященной трагической гибели и погребению тела казахского хана в районе реки Олкейек, уже приближалась к концу, ему стало известно о начале проведения казахстанскими коллегами во главе с этнологом С.Е. Ажигали специальных поисковых исследований на некрополе Хан Моласы, расположенном в бассейне рек Олкейек и Торгай на границе современных Актюбинской и Костанайской областей, с целью установления конкретного местонахождения останков Абулхаира.

Благодаря полученной от них информации, автор будущего издания добавил к последним строкам текста монографии абзац следующего содержания: «В [1998 г.] благодаря проведенному опросу пожилых старожилов данной местности, специалисты-этнологи и историки вплотную приблизились к разрешению проблемы точных координат местонахождения ханской могилы. Можно надеяться, что в ближайшие один-два года ученым удастся детально обследовать предположительное место погребения хана и установить там достойный его памяти архитектурный монумент, о котором мечтали в свое время дети и ближайшие сподвижники Абулхаира».¹

На протяжении последующих 12 лет С.Е. Ажигали, Р.А. Бекназаров и другие отечественные этнологи и археологи скрупулезно обследовали Ханский могильник, а авторы данной статьи, в свою очередь, вели эвристические работы в российских федеральных и региональных архивах по выявлению ранее неизвестных письменных источников XVIII–XIX вв. по истории Казахстана и при этом до недавнего времени полностью разделяли мнение своих коллег о старинном казахском кладбище Хан Моласы как о постоянном месте пребывания праха Абулхаира.²

Но осенью 2012 г. его пришлось пересмотреть после ознакомления с объемной рукописью «Краткого дневника, веденного переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть» (1853 г., 110 л.), которая была обнаружена нами в г. Санкт-Петербург в фондах Российского государственного исторического архива, научно обработана и опубликована в составе специального сборника исторических документов и материалов.³

Прочитав текст «Дневника», мы наткнулись на одном из листов этого документа на лаконичное, но емкое сообщение автора о том, что останки Абулхаира, пролежавшие в течение нескольких десятилетий на некрополе Хан Моласы, позднее были перенесены кем-то

потомков знаменитого правителя с этого кладбища в бассейн нижней Сырдарьи/Сырдарии и перезахоронены на новом месте. Озадаченные, мы обратились к соответствующим архивным документам.

И перед нами раскрылся настоящий исторический детектив! Оказалось, что все поисковые нити слегка приоткрытого И.А. Батыршиным загадочного сюжета о перезахоронении останков Абулхаира ведут от изложенной им скупой информации на эту тему сложной драматической биографии самого прославленного в свое время, но малоизвестного современными историкам праправнука казахского хана и к его тесным доверительным контактам с любознательным автором Дневника. Выяснилось также, что Ханский могильник находился во время составления последним своих ежедневных полевых записок в месте расположения постоянных летних кочевий этого именитого информатора, а поведенная степным султаном переводчику Оренбургской пограничной комиссии устная история трудной судьбы самой ханской могилы тесно связана с колонизационными мероприятиями царского правительства 1845–1847 гг. на бывших казахских жайлау в междуречье Торгая и Ыргыза и с его вынужденной откочевкой из прежних пастбищных мест на левую сторону нижнего течения Сырдарии к кочевьям каракалпаков.

Проведенные исторические изыскания привели нас к определенным научным результатам, составившим содержание данной статьи. Конкретной фактографической основой для ее написания авторам послужил вышеупомянутый фрагмент Дневника переводчика И.А. Батыршина, который позволил обратить особое внимание на проблему местонахождения праха Абулхаира и попытаться воссоздать потенциально вероятную хронику исторических событий с момента предания тела хана земле на будущем некрополе Хан Моласы до конца XIX в. Причем, отправной точкой отсчета проведенного нами исследования по интересующей теме явились историческая биография автора документального свидетельства о перезахоронении останков Абулхаира и история его взаимоотношений с главным виновником этого события – последним в Казахской степи суверенным ханом большой группы кочевников Младшего жуза.

Создатель дневника Искендер Алюкович Батыршин, татарин по происхождению, потомственный дворянин мусульманского вероисповедания, родился в 1819 г. или в начале 1820 г. в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии.⁴ После окончания Оренбургского Неплюевского военного училища в 1837 г., он был определен на службу в качестве толмача в Оренбургскую пограничную комиссию, где получил год спустя чин коллежского регистратора. Выполняя обязанности толмача, начинающий чиновник находился в 1837 г. при полковнике К.К. Геке, отправленном из Оренбурга во Внутреннюю орду для подавления восстания Исатая Тайманова, в 1838 г. – в Западной части Степи Оренбургского ведомства для обеспечения безопасности султана-правителя местных казахов Баймухаммеда Айчувакова и в 1839 г. – в составе военного отряда, откомандированного для возведения российских укреплений в урочище Шошкаколь и на реке Эмба.⁵

В начале 1841 г. Искендер Батыршин был определен по предписанию оренбургского военного губернатора В.А. Перовского преподавателем «татарского языка» в Оренбургское Неплюевское военное училище, преобразованное в 1844 г. в Неплюевский кадетский корпус, в котором проработал большую часть своей сознательной жизни. Приказом по военно-учебным заведениям от 22 июня 1845 г. он был принят на должность «младшего учителя татарского языка» и через год получил чин коллежского секретаря.⁶

К тому времени губернское начальство, обратив особое внимание на хорошую профессиональную подготовку, незаурядные интеллектуальные способности и трудолюбие молодого преподавателя, постоянно стало привлекать его к переводческой деятельности. В марте 1846 г. Батыршин был командирован в г. Гурьев, а оттуда – на полуостров Мангышлак, где в течение двух месяцев выполнял функции переводчика непосредственно при военном губернаторе В.А. Обручеве. С мая до начала августа 1847 г. он сопровождал губернатора в ходе его служебных поездок по территории Северо-Восточного Приаралья и участвовал в различных организационных мероприятиях по возведению укрепления Раим (позднее – Аральск) в низовьях Сырдарии.⁷

В 1847 г. Батыршин получил чин титулярного советника, а в мае 1850 г. – коллежского асессора, совмещая переводческую деятельность с преподаванием тюркских языков.⁸ В это время он установил контакты с Русским географическим обществом и прислал ему в 1850 г. свою статью «Замечания о характеристических отличиях тюркских наречий в Оренбургском крае», которую рецензировал известный российский тюрколог А.К. Казембек (1802–1870). Вслед за тем руководством Географического общества отправлено из Петербурга своему будущему сотруднику этнографическую программу и предложено заняться сбором сведений о быте и культуре казахского и башкирского народов.⁹

5 октября 1850 г. Батыршин был переведен из Неплюевского кадетского корпуса в Оренбургскую пограничную комиссию, в которой прослужил в должности младшего переводчика более трех лет.¹⁰ За этот непродолжительный период он показал себя не только компетентным исполнительным чиновником, но и перспективным исследователем. В марте 1852 г., находясь при исполнении своих непосредственных служебных обязанностей, Батыршин познакомился в Оренбурге с последним «самозванным» ханом казахов Ермухаммедом, или Илексом Касымовым (1819–1883), который незадолго перед тем официально отрекся по требованию российских властей от своего ханского титула и записал с его слов подробные биографические сведения об этом сильном степном властителе.

Главный герой служебных материалов переводчика Пограничной комиссии 1852 – начала 1855 гг. Ермухаммед Касымов был праправнуком хана Абулхаира (1718–1748) по линии его второго сына Ералы и постоянно кочевал, как и его ближайшие предки-ханы – Ералы (1791–1794), Болекей (1780–1808) и Касым (1808–1825/1827), в летние

месяцы – между реками Ырғыз и Торғай в их нижнем течении, а в зимнее время – в пустыне Каракум, позднее – на левой стороне Сырдарии, в бассейне притока Кувандарии, где родовые пастбища казахов непосредственно смыкались с кочевьями каракалпаков.¹¹

В 1843 г. старшины многочисленных родов шомекей и кете поколения алимулы и части родов поколений жетыру и байулы Младшего жуза провозгласили смелого и энергичного султана своим верховным правителем-ханом.¹² Благодаря проявленному Ермухаммедом уже тогда большому уму, личной храбрости и ярко выраженным лидерским качествам, он за короткий срок прославил свое имя не только среди казахского населения Сырдарьинского региона, но и среди чиновников соседних среднеазиатских государств. «Киргизы (казахи – И.Е., Б.Ж.) беспрекословно исполняли всякую его волю, – писал впоследствии

Рис. 1. Ермухаммед Касымов (ок. 1819–15.05.1883)*

И.А. Батыршин, – и кокандцы в свою очередь делали то же».¹³ В связи с этим ханский титул молодого владыки многочисленной группы степных кочевников официально признали в 1844 г. бухарский эмир Насрулла (1826–1860), а вслед за ним – и хивинские ханы Рахимкули (1842–1846) и Мухаммед-Эмин (1846–1855).

После возведения в 1845 г. на реке Ырғыз – Уральского и на реке Торғай – Оренбургского укреплений и оттеснения кочевавших в тех местах казахов Младшего жуза в смежные районы степи по направлению к северному и северо-восточному Приаралью, недовольный действиями российских пограничных властей Ермухаммед откочевал в долину Кувандарии, где временно расположил свои летние кочевья.¹⁴ Здесь же находились и его зимние пастбища, унаследованные от четырех поколений ближайших предков. В конце 1847 г. он вступил под патронат хивинского хана Мухаммед-Эмина, который определил местом пребывания (ставкой) Ермухаммеда крепость Ходжанийаз.¹⁵ Но в 1849 г. по навету придворных сановников хан вызвал Ермухаммеда вместе с его семьей в Хиву и заключил в тюрьму, в которой он провел почти два года.¹⁶

* Прарправнук Абулхаир-хана, последний суверенный казахский хан (1843–1852), возглавлявший многочисленную группу родов Младшего жуза. Фрагмент групповой фотографии казахской делегации в Санкт-Петербурге. Фотография А.И.Шпаковского. 1860 г. Идентификация персоналий музееведа М. Абдеша

В январе 1852 г., воспользовавшись оплошностью тюремной стражи, Ермухаммед Касымов сумел бежать из Хивы на Оренбургскую линию и обратился к местным имперским властям с просьбой о предоставлении ему российского подданства, так как в руках Мухаммед-Эмина оставались на положении заложников его жена и двое сыновей. Царское правительство согласилось удовлетворить эту просьбу, потребовав от опального хана официально отречься от высшего титула. Ермухаммед был вынужден принять выдвинутое условие и, письменно отказавшись 19 марта 1852 г. от «ханского достоинства», прибыл в Оренбург для надлежащего оформления своих будущих «верноподданнических» отношений с новым сюзереном.¹⁷ При таких обстоятельствах бывший степной хан впервые появился в административном центре Оренбургского края, и здесь состоялось его непосредственное знакомство со своим будущим биографом – Искендером Батыршиным.¹⁸

По общему признанию председателя Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженского, султана-правителя Средней части Степи Оренбургского ведомства Араслана Джантюрина, начальника 8-й казахской дистанции Западной части султана Мухамеджана Баймухамедова и многих «почетных» казахов того времени, султан Ермухаммед был очень яркой и неординарной исторической личностью и имел «огромное значение... и влияние» в подвластных ему родах Младшего жуза.¹⁹ Кроме того, он состоял в близком родстве с «мятежным» ханом Кенесары Касымовым и его братом Наурызбаем; приходился зятем (күіеу бала) второму из них или даже обоим братьям и, следовательно, пользовался определенным авторитетом и влиянием среди правящей аристократической элиты Среднего жуза.²⁰

Общение с ним произвело сильное впечатление на Батыршина, которому М.В. Ладыженский поручил подробно расспросить своего именитого ровесника о его жизни и деятельности и составить на основе полученных сведений специальную записку для оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского.²¹ Позднее, посвятив немало часов доверительным разговорам с Илекеем, российский переводчик писал: «Султан этот одарен природным умом, разумеется, еще не обработанным; решительным энергическим характером. Каждый раз, когда о чем начинал говорить, он вобдушевлялся; глаза разгорались огнем, и говорил он всегда кратко, но сильно. Кокандцы и хивинцы... не раз испытали на себе опыты его мужества и смелости: султан-правитель Араслан Джантюрин и почетные ордынцы, бывшие здесь и видевшие султана Иликеея,... подтвердили справедливость сказанного о нем выше».²²

В ходе личного общения с Ермухаммедом Касымовым Батыршин узнал много нового о конкретных обстоятельствах правления и даже смерти его отца, уточнил возраст своего собеседника и прослушал подробный рассказ султана о малоизвестных оренбургским чиновникам событиях периода его ханского правления, в том числе об активном

противодействию военной экспансии кокандских ханов в районе нижнего течения Сырдарии. Наряду с вышеуказанными фактами Ермухаммед сообщил своему собеседнику целый ряд оригинальных фактических сведений о последних хивинских ханах и проводимой ими внутренней и внешней политике, что существенно обогатило прежние знания и представления как самого переводчика, так и высших чинов оренбургской пограничной администрации об этих среднеазиатских правителях.

Всю полученную информацию Искендер Батыршин детально отразил в двух служебных записках, которые передал в начале апреля 1852 г. своему непосредственному начальнику. Одна из них представляет собой первый в исторической просопографии казахских султанов биографический очерк о Ермухаммеде Касымове и по обилию приведенных в ней достоверных фактических данных не утратила своей научно-практической ценности до наших дней. Вторая записка тесно связана с первой по тематике и существенно уточняет и дополняет свидетельства других российских современников о внутривнутриполитическом и международном положении Хивинского ханства в середине XIX в. и характере его взаимоотношений с соседними племенами и родами кочевников. Принимая во внимание большую познавательную значимость обеих записок как исторических источников, авторы данной статьи в 2007 г. опубликовали их под общим заголовком в шестом томе десятитомной серии сборников документов и материалов «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков».²³

Изученные В.А. Перовским служебные материалы Искендера Батыршина обеспечили ему репутацию наблюдательного и ответственного человека, поэтому в начале мая 1853 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор распорядился зачислить положительно зарекомендовавшего себя переводчика в штат военного отряда, который направлялся во главе с самим генералом от Раима вверх по течению Сырдарии до кокандской крепости Акмечеть «для обозрения укреплений и устройства вообще дел на Сыре». В составе этого отряда Батыршин следовал по заданному маршруту с 16 мая по 1 сентября 1853 г.²⁴ Вместе с ним в этой служебной командировке находился султан Ермухаммед Касымов, с которым российский переводчик, по его собственным словам, поддерживал в течение всего похода «беспрерывные сношения».²⁵

Во время продвижения военной экспедиции от укрепления Раим вверх по течению Сырдарии Искендер Батыршин постоянно общался со своим старым знакомым и письменно фиксировал все полученные от него самого и периодически приезжавших в отряд казахских биев и старшин разнообразные сведения о повседневной жизни местного кочевого населения и его взаимоотношениях с хакимами и рядовыми жителями кокандских крепостей. Кроме того, он регулярно вел путевой дневник и записывал в нем свои собственные наблюдения и впечатления об увиденном, а также отмечал основные историко-культурные достопримечательности пройденного пути. В военном походе против

кокандцев в полной мере проявились присущие Батыршину широкий мировоззренческий и этнографический кругозор, умение быстро ориентироваться в незнакомой общественно-политической обстановке и оперативно добывать нужную информацию, за что по ходатайству В.А. Перовского он был награжден после возвращения из похода в Оренбург орденом Св. Анны 2-й степени и единовременным годовым окладом в размере 600 рублей серебром.²⁶ В 1855 г. И.А. Батыршин вернулся к преподавательской деятельности и продолжал работать учителем «татарского языка» в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе до 1865 г., получив к тому времени чин коллежского советника.²⁷ Дальнейшая судьба его пока неизвестна.

Военный поход В.А. Перовского на Акмечеть имел наряду с известными политическими результатами большое значение для накопления русской и европейской наукой разносторонних достоверных знаний о природе и населении бассейна нижней Сырдарии, так как до 1853 г. российские путешественники и исследователи не проникали выше ее устья на территорию Юго-Западного Казахстана. В период с 3 июля по 21 августа 1852 г. в междуречье Сырдарии и Кувандарин впервые побывали участники рекогносцировочной экспедиции полковника И.Ф. Бларамберга, но из-за плотного графика военных действий против кокандцев они не занимались в этом районе сбором историко-этнографических материалов о казахском народе.²⁸

В отличие от команды предшественников, члены отряда Перовского располагали необходимым временем для исследовательских занятий и вели регулярные наблюдения за природными условиями окружающей местности и образом жизни осваивавших ее казахско-кочевников; позднее некоторые из них посвятили специальные очерки и статьи впервые обследованному ими малоизвестному краю.²⁹ Среди этой плеяды первопроходцев видное место принадлежит Искендеру Батыршину, который составил по материалам своей новой служебной поездки одно из самых ранних описаний природных и историко-культурных достопримечательностей района нижнего течения Сырдарии и более подробно, чем его высокопоставленные спутники, осветил повседневную жизнь и политическое положение кочевавших здесь казахских родов Младшего жуза на протяжении всего лета 1853 г.

Возвратившись осенью из военного похода в Оренбург, Батыршин в течение нескольких месяцев обрабатывал и дополнял свои полевые записи и в конце 1853 г. предоставил готовый текст дневника В.А. Перовскому. Генерал-губернатор, ознакомившись с ним, оставил его у себя для дальнейшего использования или издания, но из-за постигшей его тяжелой болезни дневник оказался невостребованным. Позднее этот документ отложился в личном фонде братьев Перовских, который затем был передан на хранение в Российский государственный исторический архив, и с тех пор постоянно находится в этом архивохранилище.

В своем дневнике Батыршин обстоятельно осветил историю наступательного движения русского отряда к главному оплоту кокандского присутствия на нижней Сырдарии – крепости Акмечеть

и хронику его военных действий против давнего геополитического соперника, уделив при этом большое внимание хозяйственной и общественно-политической жизни местного казахского населения. При описании похода автор привел целый ряд оригинальных исторических сведений об инженерно-техническом обустройстве Акмечети, численности дислоцированного в ней военного гарнизона и других жителей, административной деятельности кокандских военачальников. Наряду с этой информацией в тексте документа содержится множество конкретных свидетельств об общественных настроениях кочевников присырдарьинских степей, поведении их знатных биев и старшин, сообщается о разных случаях противодействия последних военному произволу и имущественным поборам акмечетских беков.

Видное место в дневнике занимают также лаконичные упоминания автора об увиденных им, либо ставших известными ему со слов информаторов-степняков памятниках материальной культуры казахов и каракалпаков, которые в более позднее время редко попадали в поле зрения других русских путешественников и исследователей. К ним относятся руинированные остатки средневековых мавзолеев и ирригационных сооружений разных эпох, родовые некрополи, мазары, одиночные могилы местных святых и отдельных исторических деятелей. При этом особую научно-познавательную значимость для современных историков представляет сообщение Искендера Батыршина о перенесении потомками хана Абулхаира (1710–1748) останков своего предка из центральной части казахских кочевий на территорию Сырдарьинского региона и лаконичное упоминание о новом месте нахождения ханской могилы. В связи с тем, что приведенная им историческая информация существенно расходится с общепринятой научной версией, в том числе и с нашими собственными прежними представлениями о последнем пристанище Абулхаира, имеет смысл уделить здесь особое внимание этой проблеме.

Как известно, Абулхаир был убит его политическим соперником султаном Бараком (ум. в 1750 г.) в середине августа 1748 г. и похоронен своими сыновьями в месте смертельной схватки с противником, расположенном недалеко от слияния рек Олкейек и Кабырга, юго-западнее реки Торгай и северо-восточнее низовьев реки Ыргыз, на территории своих постоянных летних кочевий.³⁰ В связи с экстремальными природно-климатическими условиями в центральной части казахских степей семья Абулхаира и подвластные ему группы кочевников Младшего жуза обычно по Олкейеку не зимовали и ежегодно осенью перекочевывали для зимнего выпаса скота из этого региона в Приаральские Каракумы и на левую сторону нижней Сырдарии, в долину Кувандарии, где находились их наследственные родовые пастбища-кыстау.³¹

По степной традиции, близкие родственники казахских ханов и султанов предпочитали хоронить своих предков в городе Туркестане, либо на каких-нибудь других родовых кладбищах, расположенных в местах их постоянных зимовок.³² Но, по словам правопреемника

погибшего Абулхаира хана Нуралы (1748–1786), его отец еще при жизни завещал своему старшему сыну, «чтоб ево с того места никуда не возить, где он умрет; тут и хоронить»;³³ поэтому вопреки сложившемуся степному канону он был погребен не в его зимних кочевьях, а на жайлау. Вокруг могилы Абулхаира казахи Младшего жуза сразу же после погребения тела хана стали хоронить своих близких родственников, в результате чего за короткий срок здесь образовалось обширное кладбище, которому местное население дало название «Хан Моласы», т.е. «Ханский могильник».³⁴

Во время наступления первой годовщины со дня смерти Абулхаира его сыновья посадили на могиле своего отца и вокруг нее два-три десятка саженцев белой ивы и уже несколько месяцев спустя, 3 сентября 1750 г., старший сын Абулхаира Нуралы сообщил в письме оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву, что «на том месте выросли в одиннадцати местах малые деревья, на которых и зеленые листья имеются».³⁵ В последующие годы все эти юные деревца погибли, сломавших под сокрушающими порывами частых в торгайских степях ураганных ветров. Среди них уцелело и прочно укоренилось в земле лишь одно небольшое дерево, которое было посажено в западной части намогильной насыпи, где лежали ноги погребенного под ней тела степного правителя.

С 1749 по 1751 гг. сыновья хана неоднократно ставили перед российскими властями вопрос о возведении над могилой своего отца «знатного строения» из камня или обожженного кирпича и добротных отделочных материалов. После более чем двухлетнего обсуждения с ханом Нуралы различных вариантов решения этой проблемы Коллегия иностранных дел своим указом от 7 июля 1751 г. повелела оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву «заявить хану Нуралы о невозможности постройки за неимением материалов в том месте, где погребен Абулхаир», и если не удастся получить согласия хана на перезахоронение останков отца в каком-нибудь более удобном месте, то «в таком случае построить небольшую гробницу над могилою Абулхаира и для этого предложить хану Нуралы прислать верблюдов в один из городов за кирпичами и другими материалами для гробницы».³⁶

Но к тому времени наследники Абулхаира, отчаявшись получить от местных российских чиновников долгожданную помощь, сами взялись за дело, и уже 3 августа 1752 г. второй сын умершего хана – Ералы (1721–1794) – официально уведомил помощника И.И. Неплюева генерал-майора А.И. Тевкелева о проделанных им строительных работах на отцовской могиле. В своем письме последнему он, в частности, сообщил: «Ныне ездил я на могилу покойного отца моего, хана, где и строение учинил, и оттоль недавно возвратился».³⁷

Подробное описание воздвигнутого султаном Ералы «строения» в месте захоронения тела Абулхаира приведено в «Дневных записках» путешественника Н.П. Рычкова, который в 1771 г. имел возможность побывать двадцать лет спустя в торгайских степях и посетил последнее пристанище хана. «Ханская могила, – писал он, – сделана из нежженого

кирпича, обмазанного белой глиной, наподобие четверугольной палаты. На западной части сего здания находится нарочитого пространства отверстие, служащее вместо ворот построенного домика. Вошед в оное, найдешь там основание гроба, сделанного из глины; за оным следует яма, в которую заключено тело усопшего...» Ниже по тексту, говоря о том, что казахи «признают сего умершего хана за святого», автор упомянул о высокой ветле, или белой иве, выросшей на его могиле.³⁸

В течение последующих десятилетий в связи с непрочностью саманных строений углы ханского мавзолея, по-видимому, уже обвалились, так как описанный князем Дм. Эристовым в первой половине XIX в. внешний вид этого надгробного памятника заметно отличается от того сооружения, которое было зафиксировано Н.П. Рычковым. По свидетельству этого очевидца, увиденный им на могиле Абулхаира сырцовый мавзолей был «из сероватого кирпича» и имел вид «усеченного конуса, накрытого полушаром. Высота его – аршина четыре, поперечник при основании – сажени три. В вершину полушара воткнуто, по обыкновению, копьё, обвешанное разными лоскутьями, ложками, чашками, конскими хвостами и узелками с пшеном. При совершении ежегодной тризны копьё вынимается, в ямку кладут снеди и мясо, вешаются новые лоскутья и копьё опять ставится на свое место».³⁹

К началу 90-х гг. XIX в. непрочное однокамерное строение окончательно развалилось, и когда известный казахский исследователь Дербисалы Беркимбаев совершил специальную поездку в Хан Моласы, то был вынужден констатировать, что «хотя с точностью определить место погребения Абулхаира невозможно, но на кладбище есть огороженная стеною из сырцового кирпича могила... На могиле теперь растут талы вышиною в 2 сажени. На стене есть плита с неразборчивой надписью и искаженными от времени буквами. На плите изображены топор, шашка и кинжал».⁴⁰

На рубеже XIX–XX вв. единственной достопримечательностью ханской могилы по-прежнему оставалось большое ветвистое дерево, которое, по свидетельству оренбургского краеведа И.И. Крафта, четко выделяло его из окружающего слабоволнистого ландшафта.⁴¹ На основании приведенных им исторических сведений нетрудно сделать вывод, что после возведения российскими властями в 1845 г. внутри Степи Уральского (г. Иргиз) и Оренбургского (г. Тургай) укреплений, в 1848 г. – фортов Карабутак и Косарал, а годом раньше при впадении Сырдарии в Аральское море – укрепления Раим (г. Аральск)⁴² потомки Абулхаира, по-видимому, не часто посещали могилу своего близкого предка. В подавляющем большинстве своем они в ту пору были слабо осведомлены о ее расположении в бывшем центре казахских кочевий, поэтому полвека спустя одному из них самостоятельно пришлось «разыскивать» место погребения казахского хана на плоской равнине.⁴³

Отмеченное Д. Беркимбаевым и И.И. Крафтом очевидное запустение могилы Абулхаира имеет, вероятно, несколько объяснений. Основное из них тесно связано со строительством в местах летних

кочевий и на традиционных маршрутах осенне-весенних перекочевок казахов Младшего жуза вышеуказанной линии российских укреплений. Суть его четко отражена в шести емких строках «краткого дневника» Искендера Батыршина, посвященных одному из дней пребывания отряда В.А. Перовского в урочище Акжар (Ак-Яр) на пути следования его по правому берегу Сырдарии от укрепления Раим к Акмечети. С прибрежной более возвышенной части этого урочища (высота около 100 м) хорошо обзревалась на большом расстоянии обширная низменность на противоположном берегу реки с пересекающими ее бывшими пятью рукавами Кувандарии (совр. сухие русла Озек, Дариялык, Ескидариялык и др.), где в разные исторические эпохи располагались сначала зимовки Абулхаира, затем – его сына Ералы, позднее – внука Болекая, после его смерти – правнука Касыма и вслед за ним – праправнука Ермухаммеда, или Илекая.

По поводу этой местности И.А. Батыршин 21 июня 1853 г. сделал следующую запись в своем дневнике: *«Против ночлега на Ак-Яре видна на левом берегу Сыра могила Ирали-хана, тело которого, по его завещанию, перенесено потом на Куван, недалеко от могилы отца своего хана Абульхаира, убитого близ линии; похороненного сначала недалеко от реки Улькаояка (впадает в Тургай), а потом перевезенного тоже на Куван».*⁴⁴

В процитированном фрагменте документа вполне достоверно и более или менее точно обозначены места погребения тел Абулхаира («недалеко от реки Улькаояка») и его второго сына – Ералы, похороненного «на левом берегу Сыра... на Куване», что полностью подтверждается аутентичными документальными источниками середины и конца XVIII в. В частности, по сведениям компетентных современников Абулхаира и более позднему свидетельству капитана Н.П. Рычкова, он был похоронен в месте своей гибели вблизи реки Олкейек, «от которой до реки Тургай день езды, и лежит она в Орской крепости расстоянием до Орска дней з девять».⁴⁵ В рапортах оренбургских чиновников высшему губернскому начальству середины 90-х гг. XVIII в. в свою очередь отмечается, что второй сын казахского правителя хана Младшего жуза с 1791 по 1794 гг. Ералы умер естественной смертью в середине июня 1794 г. Две-три недели спустя после того его тело было перевезено сыновьями из междуречья Ыргыза и Торгая на ханские зимние пастбища и предано земле «при реке Сырдарье в том урочище, где мечеть построена».⁴⁶

Вместе с тем, в дневнике Батыршина четко констатируется исторический факт перенесения неким потомком Абулхаира праха своего предка с территории Ханского могильника на другое место, который в официальных документах первой половины XIX в. и других современных ему письменных источниках не упоминается. С учетом того, что эта информация носила в 1853 г. эксклюзивный характер и тогда еще не получила сколько-нибудь широкой известности среди казахов, то можно предположить, что перезахоронение останков Абулхаира было совершено, по-видимому, в относительно недавний период.

и переводчику В.А. Перовского стало известно о нем исключительно от кого то из кочевников Сырдарьинского региона, кто хорошо был осведомлен как о прежнем, так и новом местонахождении ханской могилы.

Здесь явно прослеживается также определенная хронологическая последовательность в чередовании двух ритуальных событий. По словам автора дневника, хан Ералы был похоронен на левой стороне Сырдарии до появления в этом регионе могилы его отца, *«потом перевезенного на Куван»*; следовательно, перезахоронение останков Абулхаира на новом месте произошло не до, а после смерти его второго сына. Но это историческое событие не могло произойти до середины 30-х гг. XIX в., так как, по сообщению князя Дм. Эристова, опубликованному в 1835 г., многочисленные потомки Абулхаира в то время еще более или менее регулярно посещали его могилу на кладбище Хан Молаасы, совершая здесь *«ежегодную тризну»* по умершему правителю.⁴⁷

Между тем, за три года до смерти Ералы или несколько лет спустя после нее родные племянники этого хана перенесли останки своего отца главы Младшего жуза (с 1748 по 1786 гг.) Нуралы, умершего летом 1790 г. во время ссылки в городе Уфе, из его окрестностей, где сначала хан был похоронен, в бассейн нижнего течения Ори на расстоянии около 23 км к юго-востоку от Орской крепости и затем перезахоронили их на вершине одной из высоких сопок, расположенных на правом берегу речки Камышаклы, или Камысты.⁴⁸ В 1804 г. российский путешественник Я.П. Гавердовский, совершивший служебную поездку с торговым караваном из Орской крепости в низовья Сырдарии, писал о новом местонахождении могилы старшего брата Ералы: *«За Орью представляются глазам высокие горы с холмами и могилами славных киргизцев, из коих хана Нуралы – наибогатеишая»*.⁴⁹ На основании всех вышеприведенных фактов можно сделать однозначный вывод, что констатированное Батыршиным перезахоронение останков Абулхаира было вторым по счету историческим прецедентом такого рода в ритуальной практике его ближайших потомков и произошло после погребения тела Ералы на Кувандарие и перезахоронения останков Нуралы на берегу правого притока Ори, т.е. не раньше второй половины 1830-х гг. и не позднее конца 1852 г.

В связи с этим наиболее вероятной датой перенесения останков Абулхаира с кладбища Хан Молаасы на левую сторону Сырдарии является, на наш взгляд, осень 1846 г., что было обусловлено возведением к тому времени войсками отдельного Оренбургского корпуса Уральского укрепления на северном берегу реки Ыргыз и Оренбургского – в урочище Жармола на реке Торгай, в 82 км к юго-востоку от местонахождения ханской могилы, и вытеснением с этих мест кочевавших там родов Младшего жуза во главе с Ермухаммедом Касымовым по направлению к югу и юго-востоку от их прежних кочевий.

Выражая свое глубокое возмущение по поводу вышеуказанных военно-административных мероприятий российских властей на территории междуречья Ыргыз и Торгая, верховный правитель

местных казахов писал 12 апреля 1846 г. знатному батыру рода шекты Жанхоже Нурмухаммедову: «Ирмухаммед-султан-хан Касымханов, посылает к тебе это письмо. Дед мой Абулхаир-хан, когда он был ханом, тогда твой дядя Кийбай служил при нем бием и батырем, и в то время они общими силами вытеснили кочевавших по Сырдарье каракалпаков, а по рекам Иргизу и Тургаю – калмыков: первых – к Хиве, а последних – к пределам Китая и таким образом доставили нашим родам свободное на этих местах кочевание. Предки наши были сильны, а мы, как видно, родились слабые, потому что угождая, приобретенные дедами нашими от каракалпаков на Сырдарье, отняты у нас кокандцами и хивинцами, а калмыцкие земли по Тургаю и Иргизу заняты русскими. Батырь Жангоджа, повергаюсь к стопам твоим, почитаю тебя отцом своим, прошу и умоляю прикочевать ко мне, если хочешь посоветоваться со мною; соединишь с моими аулами, внутренность моя кипит...».⁵⁰

Именно тогда хан Илекей, как уже отмечалось выше, перекочевал из Приаральских Каракумов на Кувандарию и отсюда в течение около трех лет неоднократно нападал на состоявшие в российском подданстве казахские роды Средней и Восточной частей Степи Оренбургского ведомства, брал пошлины с проходивших по его кочевьям транзитных торговых караванов и совершал другие недружелюбные акции против своих дальних родственников-султанов и возглавляемых ими родовых групп Младшего жуза.⁵¹ Вероятно, именно эти протестные настроения и серьезные опасения за дальнейшую судьбу подземной усыпальницы своего выдающегося прапрадеда и побудили Ермухаммеда перевезти прах Абулхаира с кладбища Хан Моласы на более отдаленное расстояние от русских укреплений в район Кувандарии, где в то время находилась его зимняя ставка.

И, наконец, И.А. Батыршиным конкретно указано место расположения новой могилы хана Абулхаира, похороненного на левой стороне Сырдарии вблизи Кувандарии «недалеко» от могилы его сына. Согласно уточненным нами по крупномасштабным картам и космоснимкам системы ГУГЛ топографическим данным, оно находится на границе современных Казалынского и Кармакшынского районов Кызылординской области на расстоянии от 4,5 до 10 км к югу от урочища Акжар и в 27–30 км юго-восточнее проселочной дороги, соединяющей аулы Сарытобе и Сарыбулак, между долиной Сырдарии и сухим руслом одного из ближайших к ней правых рукавов Кувандарьи.

Достоверность приведенных И.А. Батыршиным исторических сведений о местонахождении останков Абулхаира в районе Кувандарии подтверждается свидетельством его видного современника – преподавателя арабского и персидского языков Неплюевского кадетского корпуса Мирсалиха Мурсалимовича Бекчурина (1820–1878), который в качестве переводчика оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского совместно с ним совершил в 1865 г. служебную поездку в присырдарьинские степи.⁵² Собранные в ходе нее полевые материалы легли в основу написанной им специальной статьи «Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестан», которая

была опубликована в начале 1866 г. в «Военном сборнике», а шесть лет спустя вместе с другими статьями автора – в составе отдельной брошюры в Казани.⁵³ В этой работе М.М. Бекчурин, описывая интерьер мавзолея Ходжа Ахмеда Яссави, сообщил, что здесь находятся могилы «некоторых киргизских султанов Средней и Малой орд, между прочим Аблай-хана и всех предков Абульхаира, которые властвовали в Туркестане». На той же странице, ниже процитированных строк, в подстрочных примечаниях к основному тексту статьи автор указал, что сам *«Абульхаир, хан Меньшой орды, покорившийся российскому скипетру в 1731 г.,... погребен в кочевьях каракалпаков, близ Каспийского моря»*.⁵⁴

Общезвестно, что бассейн Куvandарии до середины XVIII в. являлся одним из основных мест расселения каракалпаков, кочевавших здесь в тесном соседстве с казахами Младшего жуза. Но после того, как Абульхаир в 1743 г., а вслед за ним Ералы в 1762 г. совершили два крупных набега на своих ближайших соседей, каракалпаки были вынуждены перекочевать на левую сторону Куvandарии, в бассейн Жанадарии и дальше – в Приаралье. После завоевания их на рубеже XVIII–XIX вв. хивинскими ханами, они заселили также оба берега дельты Амударии, где западные границы каракалпакских кочевий приблизились к полуострову Мангышлак, т.е. *«к Каспийскому морю»*.⁵⁵ На востоке Арало-Каспийской (Туранской) низменности естественной границей между ареалами расселения каракалпаков и казахов в середине XIX в. оставалась долина Куvandарьи,⁵⁶ где кочевые места обоих народов располагались в непосредственной близости друг от друга. Трансграничный характер правосторонней прибрежной зоны долины Куvandарьи был хорошо известен в то время чиновникам Оренбургского края, поэтому именно ее М.М. Бекчурин имел в виду, говоря о местонахождении могилы Абульхаира в «кочевьях каракалпаков».

В своем дневнике Искендер Батыршин не назвал собственное имя информатора, который сообщил ему о перезахоронении останков Абульхаира. Но из общего контекста подготовленного им документа совершенно явно просматривается, что эти сведения автор дневника получил непосредственно от Ермухаммеда Касымова, так как он был не только постоянным собеседником Батыршина во время военного похода на Акмечеть, но и единственным из участвовавших в нем представителей казахской знати, кто имел свои родовые зимовки на Куvandарие и досконально знал все природные и историко-культурные достопримечательности этой местности. Вместе с тем, султан Илекей, судя по вышеприведенным нами историко-биографическим сведениям, оставался к середине XIX в. в казахских степях и единственным самодостаточным аристократическим лидером кочевников, способным отважиться на перенесение останков своего знаменитого пращура из владений Российской империи на его бывшие зимние пастбища, тогда еще неподконтрольные царскому правительству. Самовольно провозглашенный хан одной из самых сильных и многочисленных родоплеменных групп Младшего жуза заметно отличался от других

современных ему собратьев по сословию энергичным характером, бесстрашием и решительностью, а поэтому именно он, по нашему убеждению, и стал главным идейным вдохновителем и организатором указанного оренбургским переводчиком тайного перезахоронения.

В конце дневника Искендер Батыршин упоминает о неприязненном отношении к Ермухаммеду Касымову многих оренбургских чиновников, которые подозревали его в скрытых антироссийских настроениях и чрезмерном властолюбии. Вероятно, именно по этой причине он сознательно умолчал о непосредственной причастности своего информатора к письменно зафиксированному в дневнике историческому событию, не желая напоминать генерал-губернатору В.А. Перовскому, особо благоволившему к бывшему степному властителю и его непосредственным подчиненным – явным и тайным недоброжелателям последнего – о недавних «батырских подвигах» новоиспеченного управляющего сырдарьинскими казахами, направленных против пограничной российской администрации и «верноподданных» султанов-правителей.⁵⁷

Рассматривая содержание всего Дневника, необходимо отметить, что для Искендера Батыршина было характерно в целом вдумчивое и ответственное отношение к полученной информации, четко выраженное стремление адекватно отображать современную ему степную действительность. С учетом этого обстоятельства, приведенные в его труде разнообразные исторические факты, наблюдения и впечатления заслуживают определенного доверия, что, в свою очередь, не исключает необходимости их научной верификации и уточнения на основе дополнительного привлечения к историческим исследованиям других аутентичных источников и проведения в географическом районе сухих русел правых рукавов Кувандарии специальных полевых исследований.

Түйін

И.В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев ӘБІЛҚАЙЫР ХАННЫҢ СҮЙЕГІН ЖЕРЛЕУ ЖӘНЕ ҚАЙТА ЖЕРЛЕУ

Мақалада Әбілқайыр ханның сүйегін жерлеу және қайта жерлеуге байланысты оқиғалардың хроникасы айтылады. Әсіресе қызметтік сапар бойынша Сырдарияның төменгі ағысы аудандарының табиғи және тарихи-мәдени көзге көрінетіндерін ең алғаш жазған әрі жоғарғы қызметтегі жолдастарына қарағанда толық жазған және осындағы көшпенді рулардың күнделікті өмірі мен саяси жағдайын хатқа түсірген Ескендір Батыршиннің рөлі айтылады. Е.А. Батыршин Әбілқайыр ханның Сырдарияның сол жағасына, Куандарияға жақын, ұлының моласынан «алыс емес» жерге жаңа моласының орналасқан орнын нақты көрсетеді. Күнделіктің мазмұнына қарап Ескендір Батыршин алынған ақпаратқа ойлы және жауапкершілікпен қарағандығын айта кеткен жөн және қазіргі оның далалық болмысын бірдей беруге тырысқандығы көрінеді. Осы жағдайды ескере отырып оның жүргізген әртүрлі тарихи фактілі еңбегіне белгілі бір мөлшерде сенуге лайықты, бірақ бұл өз кезегінде басқа түп нұсқа деректермен тарихи зерттеулерді қосып тарту және Куандарияның оң жағалауындағы құрғақ арналарындағы географиялық аудандарға арнайы далалық зерттеулер негізінде ғылыми верификация мен нақтылауды қажет екендігін шектемейді.

Abstract

I.V.Erofeeva, B.T.Zhanaev
ON THE BURIAL AND THE REBURIAL OF
ABULKHAIR'S REMAINS

In the article there is observed the chronicle of the events connected with the burial and reburial of Abulkhair Khan's remains. There is underlined especially the role of Iskender Batyrshin who made one of the earliest descriptions of the natural and historical-cultural places of interest of a region of Low flow of Syrdaria River by the materials of his trip and enlightened in more details than his high ranking colleagues the everyday life and the political position of the Kazakh clans migrated there. I.A.Batyrshin defined concretely the place of location of a new burial of Abulkhair Khan who was buried on the left side of Syrdaria River near Kuwandaria "not far" from the burial of his son. Studying the content of all Diary, it is necessary to note that for Iskender Batyrshin it was characteristic in general smart and responsible regard to the received information, clearly expressed desire to show adequately the modern for him steppe reality. Taking into account the circumstances and presented in his work various historical facts the observations and impressions devote the definite trust, what in its turn does not exclude the necessity of their scientific verification and clarification on the base of the additional attraction to the historical investigation of other authentic sources and carrying out the special field researches in the geographical region of dry flows of the right banks of Kuwandaria River.

1. *Ерофеева И.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. - Алматы, 1999. - С. 310.
2. *Аджигалиев С.Е.* Генезис традиционной погребально-культурной архитектуры Западного Казахстана. - Алматы, 1994. - С. 58-59, 176-177; *Ажигали С.* Хан моласы – место захоронения Абулхаир-хана // *Отан тарихы.* - 1999. - № 2. - С. 11-17; *Ажигали С.Е.* Отчет о работе Западно-Казахстанской археолого-этнографической экспедиции (ЗКАЭЭ) 2001 г. // Международный фонд Абулхаир-хана: становление и первые результаты. - Алматы, 2003. - С. 45-70; *Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А.* Хан моласы – место захоронения Абулхаир-хана (ок. 1748-1780 гг.): предварительные итоги научно-исследовательских работ по некрополю в 2007 г. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. - 2007. - № 2. - С. 77-87; *Бекназаров Р.А.* Место захоронения Абулхаир-хана: мифы и реальность в его определении // *Спектр.* - 2008. - № 2 (44). - С. 104-108; *Кожя М.* О поиске места захоронения Абулхаир-хана // II междунар. конф. «Кадырбаевские чтения – 2010». - Актобе, 2010. - С.145-149; *Ерофеева И.В.* Некрополь Хан Моласы // От Алтая до Каспия. Атлас памятников природы, истории и культуры Казахстана. - Алматы, 2011. - Т. 1. - С. 313-325; *Нечвалода А. И.* Пластическая реконструкция по черепу чингизида из некрополя Хан-Моласы (Казахстан) // III Междунар. науч. конф. «Кадырбаевские чтения – 2012». - Актобе, 2012. - С. 472-480.
3. РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 1-110; История Казахстана в документах и материалах: Альманах. - Астана, 2012. - Вып. 2.
4. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. Подготовил А.Н. Кононов. - М., 1989. - С. 39; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 1 об.
5. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 2 и об.
6. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 4 и об.
7. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 4 об. - 5
8. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 5 и об.
9. *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата, 1966. - С. 136.
10. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 5 об. - 6 об.

11. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 11. Л. 54 об.; ИКРИ. – Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. - Алматы, 2007. - Т. 6 - С. 56–57; КРО-1. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата: Наука. 1961. С. 600, 618; МИКССР-4 – Материалы по истории Казахской ССР 1785–1828 гг. - М.-Л., 1940. - Т. IV. - С. 514; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 416 а. Л. 22–23.
12. ИКРИ. – Путевые дневники и служебные записки... С. 301.
13. ИКРИ. – Путевые дневники и служебные записки... С. 301.
14. ИКРИ. – Путевые дневники и служебные записки... С. 302–303.
15. ИКРИ. – Путевые дневники и служебные записки... С. 302.
16. ИКРИ. – Путевые дневники и служебные записки... С. 303–305.
17. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 416 а. Л. 88 и об.
18. Подробнее биографию Ермухаммеда Касымова см.: История Казахстана в документах и материалах. Альманах. - Астана, 2012. - Вып. 2.
19. ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6798. Л. 8 об.; Д. 7782. Л. 7 об.
20. РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 6 об. – 7; ЦГА Руз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2505. Л. 3 и об.; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38371. Л. 1–5.
21. ИКРИ. – Путевые дневники и служебные записки... С. 300.
22. ИКРИ. – Путевые дневники и служебные записки... С. 315.
23. ИКРИ. – Путевые дневники и служебные записки... С. 300–318.
24. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2761. Л. 11 об.
25. РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 95
26. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2671. Л. 11 об.
27. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1856. В двух частях. - СПб., 1856. - Ч. 1. - С. 276; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи и по главным управлениям в Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском на 1865–1866 год. В двух частях. - СПб., 1865. - Ч. 1. - С. 149.
28. *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. - М., 1978. - С. 299–325.
29. *Ивашинец Н. А.* Очерки низовьев Сырдарьи и Приаральской степи (Из походных записок 1853 г.) // Морской сборник. - СПб., 1854. - Т. 13. - № 11. - С. 228–261; *Макшеев А.* Описание низовьев Сырдарьи // Морской сборник. - СПб., 1856. - Т. 23. - № 9. - С. 448–527; *Макшеев А.И.* Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. - СПб., 1896; *Грен А.* От форта № 1 (Казалы) до форта № 2 (Кармакчи). Из путевых записок // Инженерный журнал. - 1862. - № 4. - С. 127–152; *Зыков С.* Очерки утверждения российского владычества на Аральском море и реке Сырдарье с 1847 по 1862 гг. // Морской сборник. СПб., 1862. - № 6. - С. 296–348; *Аничков И. В.* Забытый край // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. - Ташкент, 1896. - Вып. 5. - С. 173–234; *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. - М., 1978. - С. 299–325 и др.
30. *Ерофеева И. В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е. - Алматы, 2007. - С. 398, 410.
31. *Ерофеева И. В.* Хан Абулхайр... С. 127.
32. Историко-культурный атлас казахского народа. - Алматы, 2011. - С. 121, 123–124.
33. КРО-1. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. - Алма-Ата. 1961. - С. 493.
34. *Ажигали С.* Хан моласы... - С. 11.
35. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1751 г. Д. 3. Л. 62 и об.
36. *Бекназаров Р.А.* Место захоронения Абулхайр-хана... С. 105.
37. 37 АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1752 г. Д. 3. Л. 98
38. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргизкайсацкой степи в 1771 г. - СПб., 1772. - С. 43–45.
39. *Эристов Дм.* Абулхайр // Энциклопедический лексикон. - СПб., 1835. - Т. 1. - С. 54; *Кожя М.* О поиске места захоронения Абулхайр-хана... С. 148.

40. Беркимбаев Д. Древние развалины и курганы в Киргизской степи // Тургайская газета. - 1895. - № 38. - С. 2-3.
41. Крафт И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. - Оренбург, 1898. - Ч. 1. - С. 49.
42. Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. - СПб., 1848. - С. 113-117; Абдиров М.Ж. Развитие военной колонизации. Казачьи войска в Казахстане во второй четверти XIX в. // История Казахстана с древнейших времен до наших дней. - Алматы, 2000. - Т. 3. - С. 306-307.
43. Крафт И. Сборник узаконений... С. 49.
44. РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 36 и об.
45. КРО-1. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. - Алма-Ата, 1961. - С. 425; Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. - СПб., 1772. - С. 43-45.
46. ГАОрО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 58. Л. 9
47. Эристов Дм. Абулхайр... С. 34.
48. Казанцев И.М. Описание киргиз-кайсака Букеевской орды // Букеевской орде 200 лет. - Алматы, 2001. - Кн. 1. - С. 218; ИКРИ. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. - Алматы, 2007 - Т. 5. - С. 28.
49. ИКРИ. Первые историко-этнографические описания казахских земель... Т. 5. - С. 28.
50. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 230. Л. 54 об. - 55
51. ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 416 а. Л. 22-26 об., 61 об.; Д. 3468. Л. 1
52. О нем см.: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. Подготовил А.Н. Кононов. - М., 1989. - С. 40-41; Татарский энциклопедический словарь. - Казань, 1999. - С.70
53. Туркестанская область. Заметки статского советника Бекчурина. - Казань, 1872. - Предисловие.
54. Туркестанская область. Заметки... С. 55.
55. Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII-XIX веках (к истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). - Ташкент, 1968. - С. 27, 33, 51-55; История Узбекистана. - Ташкент, 1993. -Т.3 (XVI - первая половина XIX в.). - С. 291, 296-297; Жданко Т.А. Сведения о каракалпаках в России XVIII в. // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. - М., 1998. - С. 261-263, 269, 273.
56. Камалов С.К. Каракалпаки в XVIII-XIX веках... С. 57, 80 и др.
57. РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 21 об. - 22, 92-96.

М.К. Туякбаев

ТҮРКІСТАНДАҒЫ АЛҒАШҚЫ ХАН ОРДАСЫНЫҢ ОРЫНЫН ЗЕРТТЕУ МЕН ТҰМШАЛАУ

Тарихтан XVIII ғ. Ескі Түркістан қаласында екі хан ордасы (цитадель) қатар өмір сүргенін білеміз. Бұл жайлы И.В. Ерофееваның «Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв.»¹ деген еңбегінен және Б.Т. Тұяқбаева мен А.Н. Проскуриннің «Проект регенерации цитадели в городе Туркестане» деген мақаласынан толыққанды деректер табуға болады.² Соңғы мақалада қызықты бір құжат келтіріледі, ол Сібір генерал губернаторы Фон Фрауендорфтың Сыртқы істер Коллегиясына 1763 жылы жолдаған рапорты болатын. Онда: «... ал, өткен 1762 жылдың көктемінде Әбілмәмбет хан мен Абылай сұлтан және қырғыз қайсақтардың орта жүзінің басқа да старшындары жоғарыда айтылған Қаракесек ұлысындағы Қазыбек биге жиналды да, олардың барлығы жабылып Әбілмәмбет хан мен Есім сұлтанды татуластыруға тырысты және де осы негізде Түркістан қаласы мен уездік қалаларға екеуін де хандық құруға шақырды;... бұл үшін Түркістан қаласы мен уездік қалаларды екіге бөлді және қаланың бір жартысын ондағы қақпалары және сол беттегі қалаларымен бірінші ханға, ал екінші жартысын сол беттегі қақпалары және қалаларымен екінші ханға берді, сондықтан да өткен 1762 жылдың күзінде Әбілмәмбет хан Түркістанға қыстау үшін және өз бөлігіне билік жүргізу үшін кетті»³ (Орыс тілінен аударылды).

Ал, тарихшы И.В. Ерофееваның мақаласындағы деректерде 1743-45 жж. аралығында Түркістанды және оның айналасындағы қалаларды Әбілмәмбет хан мен Сәмеке ханның үлкен ұлы Сейіттің екіге бөліп билегені айтылған. Әбілмәмбет ханға 1749-50 жж. аралығында бұл қалаларды Тұрсын ханның ұлы Барақ ханмен бөлісуіне тура келді, ал 1762-1771 жж. аралығында Әбілмәмбет ханмен бірге қала мен аймақты Сәмекенің кіші ұлы Есім бөлісіп билейді. Әбілмәмбет өлген соң оның ұлы Болат хан мен Есім хан екеуі бұл қалаларды 1771-1780 жж. тең бөліп басқарады. Ал, 1780-1798 жж. арасында Болат хан билігін Абылай ханның ұлы Әділ сұлтанмен бөлісуіне тура келді. Көріп отырғанымыздай XVIII ғ. ортасынан аяғына дейін Түркістанда екі хан ордасы қатар өмір сүрген. Бұл жайлы ең алғашқы деректі XVII ғ. соңында жасалған Д.Г. Мессершмидт картасынан табамыз, (1-сурет). Бұл поляк суретшісінің біреудің ауызша берген дерегіне сүйеніп жасаған Түркістан қаласының картасы. Астына Тәуке ханның мөрі басылған. Сірә Тәуке хан елшілерінің бірі хандықтың астанасы жайлы түсінік беру үшін жасаттырған болуы керек. Картада қаланың батыс бөлігінде үш жағы көшемен шектеліп, дуалмен қоршалған көлемі 1 га жерге «Ханово место» деген анықтама жазылған. Бұл картаны қаланың 1875 ж. жобасы мен 1954 ж. картасын және кейінгі жылдардағы план-схемаларын салыстыра отырып «Хан ордасының» дәл орынын анықтадық.

сыпалар, тандырлар, ташнаулар, сандалдар қайта қалпына келтірілді. Қабырғалары сабан аралас сыбақпен сыбалып, ханның тұрған үйінің бір бөлігі сол заманғы көрінісін тапты. Алты құрылыс қабатын аршыған бұл қазба жайлы конференцияларда баяндама жасалып, мақала жарияланған. Қорыта айтсақ, қазіргі күн тұмшаланып қойылған алтыншы құрылыс қабаты XVII ғ. соңы мен XVIIIғ. бірінші жартысы арасында қалыптасқан, бұл кезеңде Хан ордасын Тәуке хан, Қайып хан, Болат хан, Сәмеке хан және Әбілмәмбет хандар мекен еткен. 1743-1745 жж. аралығында Сәмеке ханның үлкен ұлы Сейіт Ахмет Ясауи кесенесінің шығыс бетінен екінші Хан ордасын қалыптастырады. Әбілмәмбет хан өлген соң (1771 ж.) қазба жүргізіліп жатқан Орданы оның ұлы Болат хан 1798 ж. дейін мекен еткен деген тұжырым жасауға болады.

Резюме

М.К. Туякбаев

ИЗУЧЕНИЕ ХАНСКОЙ СТАВКИ В ТУРКЕСТАНЕ

В статье на основании анализа письменных источников определено местоположение резиденции казахских ханов XVIII в. в г. Туркестане. Даны рекомендации к проекту музеефикации.

Abstract

M.K. Tuyakbayev

STUDY OF KHAN HEADQUARTER IN TURKESTAN

In the article there is defined the location of the Kazakh Khans of the XVIII century in Turkestan town on the base of written sources' analysis. Recommendations to the project of musemification are also presented.

1. *Ерофеева И.В.* Казахские ханы и ханские династии в XVIII середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. - Алматы, 1997. - С. 76-82.
2. *Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н.* О цитаделях города Туркестана // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. - 2000 - Вып.1 (224). - С. 17-27.
3. *Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н.* Проект регенерации... - С. 100.
4. *Туякбаев М.К.* Отчет отряда Ески Туркестан ТАЭ: археологические исследования на старом шахристане. XV-XVIII вв. городище Ески Туркестан по программе «Культурное наследие». // Архив музея заповедника «Азрет Султан». - Туркестан, 2009 - Инв.№ 12. - С. 2-11.

V. Нумизматика

А.М. Камышев

НОВЫЕ ТИПЫ И РАЗНОВИДНОСТИ МОНЕТ ЯСЫ И САЙРАМА

В двух медных кладах начала XVI века, найденных на территории Кыргызстана, обнаружены монеты, отчеканенные в городах южного Казахстана. В первом кладе, найденном в 1997 г. в селе Чангыт Джалал-Абадской области, содержащим 980 монет из Бухары, Самарканда, Ташкента, Андижана и Хисара, отмечено две монеты Ясы и 11 надчеканов с указанием монетного двора Ясы. Второй клад, а точнее его часть, рассыпанная селевым потоком в Ляйлякском районе Баткенской области, в количестве 2358 шт. доставлена на определение в Бишкек в конце 2010 г.¹ В кладе выявлено пять монет Ясы, шесть надчеканов этого монетного двора, а также продукция монетного двора Сайрам.

Случайные монетные находки и клады династии Шейбанидов отмечены лишь на юге Кыргызстана. Комплекс этих монет довольно хорошо изучен.² К монографии мэтра восточной нумизматики Е.А. Давидовича «История денежного обращения средневековой Средней Азии», где все известные на тот период клады и монеты региона, называемого Мавераннахром, были всесторонне описаны и классифицированы, мы будем неоднократно возвращаться, используя нумерацию описанных и реконструированных типов монет, а также классификацию и атрибуцию надчеканов. Несколько работ, посвященных данной теме, опубликованы Л.Ю. Шпеновой (Самарканд)³ и Р.З. Бурнашевой (Алматы).⁴

В настоящее время казахстанскими учеными выявлено более 30 типов монет, отчеканенных на монетном дворе Ясы в XVI - первой четверти XVII вв.⁵ Этот перечень следует пополнить описанием монет еще одного типа.

1. Лицевая сторона (л. ст.) – «чекан Ясы» в круглом ободке с точками, как по внешнему контуру ободка, так и на свободном поле внутри его. Обратная сторона (об. ст.) – восьмилепестковая розетка, составленная из двух вытянутых пересекающихся эллипсов, концы которых соединены выпуклой вверх линией, а образованные ячейки заполнены крупными точками. Вес - 4,37 г; д. - 24-25 мм (рис. 1).

2. На л. ст. окаймляющий надпись «чекан Ясы», но, в отличие от монеты 1, ободок большего диаметра и точки только внутри ободка. На об. ст. - видоизмененная розетка с центральным квадратом, от каждой стороны которого отходит пятиугольный лепесток, концы лепестков соединены вогнутой вниз линией. Центры лепестков украшены колечками, а в центральном квадрате точкой. Вес - 4,41 г; д. - 25 мм (рис. 2).

3. Л. ст. подобна первой монете, на об. ст. пересекающиеся эллипсы вписаны почти в правильный круг, в ячейках эллипса крупные точки и черточки. Вес - 4,28 г; д. - 21-22 мм (рис. 3).

4. На л. ст. отсутствует окаймляющий надпись ободок, и сама она исполнена более грубо. Об. ст. подобна монете 3. Вес - 4,35 г; д. - 22-24 мм (рис. 4).

5. Л. ст. подобна монетам 1 и 2. В районе 6 часов - надчекан, выполненный в форме четырехлепесткового картуша. Подобные

надчеканы отнесены Е.А. Давидович к первой группе первого разряда под № 1, время их производства определено как 918-919 гг. х.⁶ Об. ст. подобна монете 2. Вес - 4,33 г; д. - 23-25 мм. (рис. 5).

6. Л. и об. ст. подобны монете 1. На реверсе - надчекан в форме крупного шестилепесткового картуша, который так же отнесен к первой группе первого разряда под № 2, хотя по времени его производства он предшествовал надчекану № 1 и его интенсивное использование отмечено в Самарканде в 917-918 гг.⁷ Вес - 4,32 г; д. - 24-26 мм (рис. 6).

7. Надпись на л. ст. практически полностью сбита надчеканом, сделанным в центре реверса, на об. ст. видны несколько ячеек восьмилепестковой розетки с точками в центре. Надчекан в форме круга со словом «хуб» = «хороший», «добротный» отнесен Е.А. Давидович ко второй группе первого разряда. Акция по клеймению монет такими надчеканками проводилась в 910-914 гг.х. (1504-1509 гг.).⁸ Вес - 4,31 г; д. - 22-24 мм (рис. 7).

Эти семь монет, найденных в кыргызстанских кладах, позволяют реконструировать еще один монетный тип Ясы – Туркестана (рис. 8).

На л. ст. монет надпись «чекан Ясы», заключенная в ободок или без него и украшенная точками, расположенными без какой либо системы.

На об. ст. - восьмилепестковая розетка, лепестки которой украшены декоративными элементами в форме точек, кружков и черточек. Как уже отмечалось, периферийные монетные дворы выпускали свою продукцию весьма небрежного внешнего вида и при длительном выпуске основные типы приобретали при каждой новой чеканке дополнительные штрихи, предающие монетам своеобразный вид.⁹ В данной серии центральный квадрат розетки образован на некоторых экземплярах пересечением двух вытянутых эллипсов, а на других - лепестки с заостренными концами примыкают центральному квадрату. Поскольку главный сюжет восьмилепестковой розетки остается неизменным, все варианты объединены в один тип. Вес представленных монет колеблется от 4,28 до 4,41 г, что соответствует среднему весу одинарных медных динаров.

Ранее данный тип монет Ясы учеными не отмечен. Похожи по описаниям этому типу монеты, рисунки которых представлены на рис. 23 под номерами 13-18,¹⁰ но отсутствие фотографий или сканов не позволяет убедительно идентифицировать данный тип. К тому же, в указанной работе отмечается весьма плохая сохранность монет, а обрисовки некоторых типов вызывают у Р.З. Бурнашевой сомнения в точности их отображения.

Поскольку эти, как и большинство других типов монет, чеканенных в Ясы, - анонимные (без указания имени правителя) и не датированные, то примерную дату их выпуска можно восстановить на основании косвенных методов. Время выпуска монет данного типа можно отнести к первой четверти XVI века на основании датировки сложения и сокрытия кладов. Так самыми «золотыми» в Ляйлякском кладе являются монеты Самарканда 923/1517 г., а в Чангытском - 927/1520-21 г. Уточнить начало обращения монет этой серии позволяют надчеканы. В данном случае датировка двух надчеканов приходится на 917-919 гг. х. (1514-1517 гг.) и один на 910-914 гг. х. (1504-1509 гг.).

Чекан Ясы

Чекан Сайрама

Монеты Ясы и Сайрама

Следовательно, как минимум, в 1504 г. монетный двор Ясы уже функционировал, периодически чеканя монеты выявленного типа.

Кроме монет Ясы в кладах выявлены 17 монет, выпущенных в разное время на монетных дворах Бухары и Самарканда с надчеканами монетного двора Ясы, причем лишь на шести можно уверенно восстановить типы монет, на которые они были нанесены. Все надчеканы идентичны – надпись «чекан Ясы» вписана в четырехлепестковый картуш с округлыми уголками. Отмечены небольшие различия в размерах картуша и обрамляющего ободка, на некоторых надчеканах он представлен фрагментами, на других отсутствует полностью. Для уточнения времени функционирования монетного двора Ясы приводится описание всех монет и надчеканов на них.

1. Чекан Бухары образца 832/1428-29 г. Надчекан на л. ст. «чекан Ясы» без ободка, хотя форма близка к четырехлистнику. Вес - 4,23 г.; д. - 21-22 мм (рис. 9).

2. Бухара без даты, тип 21.¹¹ На л. ст. - два надчекана, нижний квадратный, вероятнее всего, тип 13 первой группы первого разряда, датируемый между 907-914 гг. х.¹² Он почти полностью перекрыт надчеканом № 17 первой группы первого разряда, его этапная датировка - последнее десятилетие XV в., не позднее 907/1501-02 гг. х.¹³ На об. ст. надчекан Ясы. Вес - 5,10 г, д. - 23-26 мм.

3. Бухара тип 4 (вариант б) выпускался с 897-900 гг. х.¹⁴ На л. ст. - четкий надчекан Ясы, на об. ст. - трехлепестковый картуш тип 14 первой группы первого разряда, датируемый 898-901 гг. х.¹⁵ Надчекан на реверсе был проставлен ранее надчекана Ясы. Вес - 5,05 г, д. - 24-26 мм.

4. Бухара тип 5 (вариант б) 897-901 гг. х.¹⁶ На л. ст. - два надчекана, нижний - города Ахсы в фигурном картуше 5 типа первой группы первого разряда, для которой установлены хронологические рамки от 910 до 913-914 гг. х.¹⁷ Этот надчекан частично перекрыт надчеканом Ясы. На оборотной стороне монеты тоже два надчекана; нижний определить не удалось, а перекрывающий его надчекан 3 типа первой группы первого разряда в квадратном картуше произведен в Бухаре 917-918 гг. х.¹⁸ Последовательность наложения надчеканов следующая: вначале Ахсикетский, затем неопределенный на реверсе, следующий Бухарский и наконец - Ясы. На основе этих реконструкций несложно определить, что чекан Ясы был сделан после 918 г. х. Вес - 3,21 г, д. - 23-25 мм.

5. Бухара тип 15 (вариант а) 918 г. х.¹⁹ На об. ст. - надчекан «чекан Ясы» без оконтуривающего ободка. Вес - 4,34 г, д. - 23-26 мм.

6. Самарканд тип 9 выпускался с 897 по 899 г. х.²⁰ На л. ст. - три надчекана. Первый в форме трехлепесткового картуша тип 14 с наименованием монетного двора Самарканд и термина «адли», означающего добротность и законность денежного знака.²¹ Второй надчекан Ясы в четырехлепестковом картуше. В центре монеты поверх двух предыдущих поставлен третий квадратный надчекан второй группы первого разряда с надписью «хуб». Надчекан в квадратном картуше отнесен к мероприятиям центрального Мавераннахра в 910-914 гг. х., но отмечены случаи его использования и в 918 г. х.²² Вес - 4,90 г; д. - 24-26 мм (рис. 10).

7. На монете, первоначальный тип которой восстановить не удалось, два надчекана, нижний трехлепестковый картуш, тип 14, забит надчеканом Ясы. Вес - 4,70 г, д. - 25 мм.

8. На монете, первоначальный тип которой восстановить не удалось, четкий надчекан в форме четырехлепесткового картуша с надписью «чекан Ясы». Вес 4,72 г, д=22-24 мм. (рис. 11).

9-17. Монеты практически полностью стертые, хотя четкие надчеканы не подвержены износу, что может свидетельствовать о длительном нахождении монет в обращении до нанесения на них надчеканов монетного двора Ясы. Вес - 4,13; 4,49; 4,41; 3,83; 4,82; 3,18; 4,52; 4,26 и 2,87 г.

На основе определения дат выпуска и производства надчеканов монет 4 и 5 с надчеканами монетного двора Ясы можно уверенно датировать их использование после 918 г. х. По мнению Е.А. Давидович, перечеканка монет в Бухаре и Самарканде в 917-919 гг. х. - это региональные акции, когда в погоне за фискальными доходами «чужие» монеты не допускались в местное обращение по установленному курсу. Для увеличения местной монетной массы удельные владельцы этих городов пользовались наиболее простым и дешевым способом, а именно - надчекананием «старых» и «чужих» монет.²³ Вероятнее всего, такая же политика проводилась и владельцами Ясы.

Таким образом, можно утверждать, что монетный двор в городе Ясы выпускал свои монеты, начиная, как минимум, с 1504 г., а в 1512-13 гг. участвовал в региональных мероприятиях Шейбанидов по перегруппировке находящейся в обращении мавераннахрской меди.

Среди монет Ляйлякского клада была выявлена монета, отчеканенная в Сайраме.

На л. ст. - картуш в виде шестилепестковой розетки, в центральном круге которой надпись «чекан Сайрама». На об. ст. размещена дата словами. Вес - 5,38 г, д. - 22-26 мм (рис. 12).

Дата словами на единственном экземпляре этого типа монет не сохранилась, и потому восстановить её на данном этапе не представляется возможным. Можно лишь предположить, что монета выпускалась с 897 по 901 гг. х. на том основании, что в этот период подобные однотипные картуши для оформления монет использовались в Самарканде, Бухаре, Ташкенте в Андижане и Карши.²⁴ Среди описанных ранее пяти типов монет Сайрама отмечены монеты, датированные 907/1501-2 г., и потому начало работы монетного двора отнесено к началу XVI в.²⁵ Монеты данного типа с полной надписью на реверсе, возможно, передвинут начало функционирования монетного двора в Сайрама на конец XV в.

Түйін

А.М. Камышев

ЯСЫ МЕН САЙРАМ МОНЕТАЛАРЫНЫҢ ЖАҢА ТҮРІ МЕН ӘР ТҮРЛІЛІГІ

Қырғызстан аумағынан табылған XVI ғ. басына жататын екі мыс көмбесінен шыққан монеталарды сипаттау мен жіктеу ұсынылып отыр. 1997 ж. Жалал-Абад облысы Чанғыт ауылынан табылған бірінші көмбе Бұқара, Самарқанд, Ташкент, Андижан мен Хисарда жасалған 980 монетаны, Ясының екі монетасы мен Ясы теңге сарайы көрсетілген 11 шекімесін құрайды. Батыс облысы Ляйляк ауданынан табылған екінші көмбеден саналған 2358 дананың бесеуінде Ясы, алты шекімеден осы теңге сарайы, сонымен қатар Сайрамның теңге сарайының өнімдері көрсетілген.

Автор Ясы қаласының теңге сарайы өз монетасын кемі 1504 ж. жатып 1512-1513 жж. шығара бастап мауереннахр мысына көңіл аударуда қайта топтастыру бойынша Шейбанидтердің аймақтық шараларына қатысқан деген қорытындыға келеді.

Ляйляк көмбесіндегі монеталар арасынан Сайрамда шекілген монета анықталды. Бұл монетаның реверсі жазуға тола, шамасы Сайрамның теңге сарайы XV ғ. аяғында өмір сүруін бастаған.

Abstract

А.М.Камышев

THE NEW TYPES AND VARIETIES OF COINS OF YASY AND SAIRAM

Description and classification of coins from two copper treasures of early XVI century found on the territory of Kyrgyzstan are presented in this work. In the first treasure found in 1977 year in the village Changyt of Dzhahal-Abad oblast, containing 980 coins from Bukhara, Samarkand, Tashkent, Andizhan and Khisara there were defined two coins of Yasy and 11 upper coinages with notification of Yasy mint. In the second treasure from the Lyailyaksky region of Batken oblast amounting 2358 pieces there were revealed five coins of Yasy, six upper coinages of that mint and also the production of Sairam mint.

The author came to conclusion that Yasy mint produced its coins starting as minimum from the year 1504 and in 1512-13 years participated in the regional measures of Sheibanides on the regrouping of Maverannahr copper which was in circulation.

Among the coins of Lyailyak treasure there was revealed the coin produced in Sairam. The coins of this type with full inscription on reverse, probably, change the beginning of functioning of mint in Sairam to the late of the XV century.

1. Камышев А.М. Птицы счастья, которым больше 500 лет // Вечерний Бишкек. 26.11. 2010 г.
2. Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана – М., 1979; Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV - первой четверти XVI в. в Мавераннахре). – М., 1983.
3. Шпенева Л.Ю. Новые клады медных монет XV – начала XVI в. из Ферганы // Вторая нумизматическая конференция. – М., 1987; Шпенева Л.Ю. Клад медных монет конца XV – начала XVI в. из Ташкентской области // Нумизматика Узбекистана. – Ташкент, 1990.
4. Бурнашева Р.З. Клады медных монет из города Туркестана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969; Бурнашева Р.З. Денежное обращение в городах южного Казахстана в XV – начале XVIII вв. (историко-нумизматическое исследование). – Туркестан, 2006.
5. Бурнашева Р.З. Денежное обращение ... С. 86.
6. Давидович Е.А. История денежного обращения ... С. 100.
7. Давидович Е.А. История денежного обращения ... С. 101.
8. Давидович Е.А. История денежного обращения ... С. 111.
9. Бурнашева Р.З. Денежное обращение ... С. 86-87.
10. Бурнашева Р.З. Денежное обращение ... С. 134.
11. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 82.
12. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 106.
13. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 108-109.
14. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 80.
15. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 106.
16. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 80.
17. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 103.
18. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 101.
19. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 81.
20. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 72.
21. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 35.
22. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 111.
23. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 302-303.
24. Давидович Е.А. История денежного обращения... С. 190.
25. Бурнашева Р.З. Денежное обращение ... С. 108-109.

А.А. Мусакаева

НАХОДКИ МОНЕТ ТЮРГЕШЕЙ С ГОРОДИЩА КАНКА

Исследования последних лет показали, что этнополитические объединения Центральной Азии и Южной Сибири отличались высокой степенью подвижности и имели определенную направленность (с востока на запад). Трассы их перемещений то оживлялись, то затухали. Миграционные процессы оказали существенное влияние на соседние регионы и на регионы, по которым эти передвижения происходили. Отсутствие письменных источников и сложность этнической интерпретации археологических артефактов ставит на первый план такой исторический источник, как монеты. Нумизматический материал определяет как локальный круг, так и при достаточной степени изученности и правильном классификационном построении, ещё и этническую принадлежность. В этом важность и исключительное для данной проблемы значение нумизматических источников.

Известное в исторической науке государственное образование Тюркский каганат (551-630 гг.), простиравшийся на огромной территории от Кореи до Каспийского моря, сыграл заметную роль в политической, экономической и культурной жизни Средней Азии. Проблема политических границ Тюркского каганата, Тюркешского каганата связана с данными нумизматических источников. В 555 г. тюрки овладели Семиречьем/Жетысу и землями до Сырдарьи/Сырдарии и Приаралья, предполагается, что тогда же был подчинен и Хорезм. «Пять племен дулу обитали к востоку от Суяба, пять племен нушиби обитали к западу от Суяба». В 558 г. были покорены Поволжье и Приуралье. Правителем западных владений каганата становится брат Бумын-кагана – Истеми (умер в 575 г.) В византийских источниках это Сильзибул или Дизавул, в арабских – Синджибу. Он носил титул ябгу-кагана, этот титул впоследствии становится традиционным для западной ветви тюркской династии Ашина.²

Тюрки разгромили эфталитов во главе с Гатифаром в битве при Бухаре в 560/563-567 гг. Хосров предложил тюркам военный союз против эфталитов, дочь Истеми становится женой Хосрова, она же мать будущего царя Хормизда. Вскоре бывшие эфталитские владения в Тохаристане (южнее Амударьи/Амударии) становятся сасанидскими владениями Хосрова. В 571 г. Истеми завоевал Северный Кавказ. В 588-589 гг. царь тюрков Савэ или Шабе вторгся в Хорасан. Бахрам Чобин возле Герата разгромил тюрков и убил Шабу.³ Исследователи отмечают, что в состав Тюркского каганата входили и Бухарский Согд и Чач, однако нумизматические данные, подтверждающие эти сведения, остаются до сих пор мало изученными, а порой и неизвестными.

В 581-583 гг. - кризис в каганате и междоусобица (голод, отсутствие набегов). В 582-603 гг. произошел распад каганата. Особенно заметна его роль в историческом процессе Средней Азии после 603 г., когда распавшись на два отдельных государства, он выступает как

Западнотюркский каганат, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана. Основные ставки каганов Западнотюркского каганата находились в Жетысу. В связи с этим вновь нужно отметить исключительную роль нумизматических источников. Если ставки каганов располагаются вне пределов Западного Согда и Чача, то в какой зависимости находились подчиненные области, которые не прекратили, как следует из данных нумизматических исследований, в VI-VIII вв. чеканить монету.

По данным письменных источников в 605 г. тюрки убили правителя Чача и на его место посадили тюрка Дэлэ.⁴

Считается, что период максимальной территориальной экспансии Западнотюркского каганата приходится на время правления кагана Шегуя (618-619 гг.) и Тон-ябгу (618-630 гг.). Зимняя резиденция Тон-ябгу располагалась в Суябе (городище Ак-бешим), а летняя - в Минг-булаке, недалеко от Исфиджаба (близ г. Туркестан). Тон-ябгу-каган принимал участие в походе императора Ираклия в Закавказье в 657-628 гг. Ираклий - император Византии - возложил на голову тюркского хана свою корону и пообещал выдать за него свою дочь Евлокию.⁵ В результате в среднеазиатских государствах был установлен политический контроль каганата. Правители остались прежними и им были «пожалованы» тюркские титулы.⁶ При Тон-ябгу-кагане был установлен новый политический контроль в практически независимых прежде среднеазиатских государствах, чей вассалитет ограничивался лишь уплатой дани. Во все подвластные ему владения от Исфиджаба до Чача, Южного Афганистана и Северо-Западного Пакистана, были посланы уполномоченные кагана - тудуны, которые осуществляли контроль над сбором податей. Местным владельцам были «пожалованы» тюркские титулы, как бы включавшие их в административную иерархию каганата.⁷ Вместе с тем вероятно полной уверенности в силе своего контроля они не имели. Доказательством тому служат данные о династийных браках каганов с царями Согда.

Известно, что вскоре дядя Тон-ябгу - Кюль-багатур убивает племянника и провозглашает себя Эльбильге каганом. В 630-634 гг. каганат утратил все среднеазиатские владения к западу от Сырдарии. Дулу и нушиби вступили в полосу межплеменной войны. В 634 г. к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. В каждую стрелу был назначен член каганского рода - шад, не связанный с племенной знатью. В 638 г. дулу провозгласили каганом одного из шадов. В конце концов каганат распался на два царства, граница проходила по реке Или. Ышбара Эльтериш Шир-каган бежал в Фергану. В конце VII в. Уч-элигом был создан Тюркешский каганат, который в первой четверти VIII в. был разрушен восточными тюрками, которые, в свою очередь, были разбиты Кутейбой б. Муслимом. В 699 г. тюркеши установили свою власть от Чача до Восточного Туркестана. Уч-элиг, вождь тюркешей, вытеснил в Китай Хосрова Бёришадла, претендовавшего на власть в Западном каганате.⁸ В Чуйской и Илийской долинах Уч-элигом были учреждены каганские ставки,

страна была разделена на 20 тутукств.⁹ Возможно, этим можно объяснить малое количество монет тюргешей в Чаче и Бухарском Согде. Однако начавшиеся при наследнике Уч-элига Сакале мятежи, поддержанные Китаем, привели к разгрому китайских войск. Младший брат Сакала вместе с сыном Капаган-кагана Инэлем и апатарканом (главнокомандующим) разбили армию Сакала. По приказу Капагана оба брата были казнены. С 711 по 715 гг. Тюргешский каганат перестает существовать. Правитель тюргешей Сулук, отступив на юг, вскоре вернулся в Жетысу и восстановил государство Тюргешей. Далее он отправляет войска против арабов (720-721 гг.), полководец Сулука, вождь сары-тюргешей Кули-чор успешно сражался с арабами. В 731-732 гг. арабы были разбиты тюргешами в горах между Кешем и Самаркандом, а затем под Кермине. В VIII в. с помощью тюргешей Согд был освобожден от арабов. Сулуку с запада угрожали арабы, а с востока – западнотюркские каганы, подстрекаемые Китаем.¹⁰ В 737 г. тюргеша освобождают ябгу Тохаристана Тарду. После убийства Сулука в 737 г. своим полководцем «бага тарканом»,¹¹ в 738 г.¹² Начинается борьба за власть, приведшая к распаду Тюргешского каганата в 60-х гг. VIII в.

В 740 г. китайцы захватили и разграбили Тараз, тюргешская династия Кара-чоров была физически истреблена, в 748 г. был разрушен Суяб - столица западнотюркских каганов, в 749 г. китайцы взяли Чач, местный правитель был казнен.¹³

На всем протяжении своего существования Тюргешский каганат играл весомую роль в политической жизни не только Жетысу, но и государственных образований раннесредневекового Узбекистана: Чача, Самаркандского и Бухарского Согда. Это и борьба тюргешей за Бухару с арабами в 732 г. и походы в Согд Кули-Чора (полководца тюргешей) против арабов. Тон-ябгу породнился с правителем Самарканда, укрепив, т.о., свои династийные связи. В 737 г. они успешно сражались с арабами за Тохаристан.

Такова вкратце политическая история Западнотюркского и Тюргешского каганатов. Как уже отмечено нами, здесь роль нумизматических источников первостепенна и значима. Этим объясняется выбор темы предлагаемого исследования. Как следует из данных имеющихся в публикациях,¹⁴ основная масса монет Тюргешей происходит с территории Кыргызстана и Казахстана. В Государственном Музее истории Узбекистана хранятся монеты Тюргешей, найденные на городище Канка. Монеты были найдены местными жителями и переданы в музей в 2010 г. Часть материала была передана таможенными службами г. Ташкента в музей. Означенный нумизматический материал впервые вводится в научный оборот.

Тюргеша (699-757/758 ? гг.)

№ 1. Тип 1.

Лицевая сторона. Монета Тюргешей с квадратным отверстием, вокруг него согдийским курсивным письмом легенда: «γw'β twγ'и γ'γ'п рпу». Все обрамлено толсто-точечным ободком. Ободок

вокруг квадратного отверстия тонкий. Последняя буква слова «рпу» соприкасается с толсто-линейным ободком – особенность почерка резчика штемпеля.

Оборотная сторона. Внутри толсто-линейного ободка тамга Тюргешей, состоящая из ромбика, переданного в виде ободка квадратного отверстия и сильно изогнутой дуги (лука).

Н- 462/117. Монета литая. Вес - 3,01 г, Д. - 23,7x23,8 мм, соотношение осей –1 ч. Монета сильно коррозирована.

№ 2. Тип 1.

Лицевая сторона. Монета Тюргешей с квадратным отверстием, вокруг него согдийским курсивным письмом легенда: «γw'β twγ'и γ'γ'п рпу». Все обрамлено толсто-точечным ободком. Ободок вокруг квадратного отверстия тонкий. Слово «рпу» выписано иначе, чем на Н-462/117, как и вся легенда в целом – особенность почерка иного резчика штемпеля.

Оборотная сторона. Внутри толсто-линейного ободка тамга Тюргешей, состоящая из ромбика, переданного в виде ободка квадратного отверстия и сильно изогнутой дуги (лука).

Канкав 2010 г. КП-4911 от 08.04.2010 г. Монета литая. Вес - 3,92 г, Д. - 23,8x24 мм, соотношение осей – 11 ч.

№ 3 Тип 1.

Фрагмент монеты Тюргешей.

Лицевая сторона. Сохранилось: « ... β twγ'и...» Толсто-точечный ободок .

Оборотная сторона. Просматривается фрагмент дуги и часть ободка ромбика, фрагмент дуги. Канка-2010 г. Вес - 1,73 г, Д.-23,7мм. Соотношений осей – 11ч.

№ 4 Тип 1.

Фрагмент монеты Тюргешей.

Лицевая сторона. Круговая согдийская легенда, полустертая: «... 'β twγ'и γ'γ'п...».

Оборотная сторона. Внутри толсто-линейного ободка тамга Тюргешей, состоящая из ромбика, переданного в виде ободка квадратного отверстия и сильно изогнутой дуги (лука).

Канка-2010. Вес - 2,10 г, Д. - 22,5 мм. Соотношение осей –11 ч.

№ 5. Тип 2.

Монета Тюргешей.

Лицевая сторона. Вокруг квадратного отверстия курсивная согдийская легенда: «γwt'w w'γswt'wy рпу», второе слово выписано не четко, знаки затерты.

Оборотная сторона. Внутри толстолинейного ободка тамга Тюргешей, состоящая из ромбика, переданного в виде ободка квадратного отверстия и сильно изогнутой дуги (лука). Под квадратным отверстием тамга в виде двух лунниц, соединенных дугами друг к другу.

Имеется заметный литник. Вес - 3,57 г, Д. - 27,2x26,6 мм. Соотношение осей – 6 ч. Сохранность плохая, знаки легенды смазаны.

№ 6 Тип 3.

Фрагмент монеты Тюргешей.

Лицевая сторона. Вокруг квадратного отверстия курсивная согдийская легенда: «...twḡ...». Ободок толстолинейный.

Оборотная сторона. По сторонам квадратного отверстия знаки: под квадратным отверстием - китайский иероглиф, слева от квадратного отверстия - тамга в виде ствола с изогнутыми линиями по бокам. Остальное не сохранилось.

Канка-2010 г, Вес - 0,97г, Д. - 18 мм. Соотношение осей - 5 ч.

№ 7. Тип 3.

Фрагмент монеты Тюргешей.

Лицевая сторона. Вокруг квадратного отверстия курсивная согдийская легенда: «... ḡwt'w...»

Оборотная сторона. Просматривается часть дуги от тамги Тюргешей - справа от квадратного отверстия, под квадратным отверстием - китайский иероглиф, слева от квадратного отверстия - три штриха от такой же тамги как на монете № 5. Канка-2010 г. Вес - 1,59 г. Д. - 23 мм. Соотношение осей - 5 ч.

Монеты первого типа включены О.И. Смирновой в VII раздел «Монеты Семиречья», определены ею как чекан хаканов Тюргешей, тип 1.¹⁵ Почти все эти 35 экземпляров монет происходят в основной массе с территории Кыргызстана: с городищ Ак-Бешим, Красная Речка, Тараз (раскопки Кызласова Л.Р., Кожемяко П.Н.), а 1 экз. из их числа - с территории Казахстана с городища Кулан (раскопки Байпакова К.М.).

Тип 2 у О.И. Смирновой не опубликован, расшифровка легенды на монетах этого типа принадлежит А. Камышеву: «ḡwt'w w'xswt'wy rny».¹⁶

Тип 3. Один экземпляр монеты этого типа опубликован О.И. Смирновой, но чтение не приводится со ссылкой на плохую сохранность монеты.¹⁷ У А. Камышева данный тип не отмечен.

Иные привозные чеканы

Помимо монет Тюргешей в подъемном материале с городища Канка найден фрагмент монет с тамгой Тухусов, монеты по типу псевдотанских - Кай юань тун бао нескольких типов, монеты с изображением двугорбого верблюда, имеется один экземпляр монеты первого императора Византии - Аркадия,¹⁸ чеканы Бухарского Согда «туранской серии» - монеты Асбара. Привозные монеты свидетельствуют о направлении торгово-экономических связей в Чачском регионе в период античности и раннего средневековья. Регистрация с последующей публикацией подобных находок имеет большое значение, расширяя наши представления об экономике, культуре истории товарно-денежных отношений Чача с сопредельными странами.

Если в целом монеты первого типа с легендой: «ḡw'β twḡ'w ḡ'ḡ'n rny» и тюргешской тамгой на оборотной стороне довольно частые находки и одни из самых распространенных на территории Кыргызстана и Казахстана, то монеты 2 и 3 типов встречаются редко. Монеты второго типа не отмечены в публикациях, это новый тип.

Монеты третьего типа с курсивной легендой на лицевой стороне и с изображенными на оборотной стороне тюргешской тамгой и тамгой, которую называют «знаком по типу буквы рунического алфавита»¹⁹ и китайским иероглифом, редко встречаются в находках как в Чаче, так и в Жетысу. Исследователи объясняют малочисленность монет этого типа тем, что после гибели кагана Сулука в 738 г. происходит распад Тюргешского каганата. Доказательством этому служат локальные чеканы с «дополнительными знаками по типу буквы рунического алфавита и в виде согдийского слова».²⁰ Те же процессы связывают с появлением монет с новыми согдийскими легендами, отличающимися от легенд монет I типа. Малочисленность находок позволяет говорить о непродолжительности этих выпусков.

Вопрос о монетах Тюргешей в Чаче не являлся темой отдельного расследования, монеты, найденные на городище Канка и привлеченные из частной коллекции, ранее не публиковались и впервые вводятся в научный оборот. Рассматривая посвященную монетам Тюргешей литературу, можно заключить, что территория Чача входила в состав Тюргешского каганата. Однако малочисленность монет Тюргешей в общей массе чеканов VII-VIII вв. Чача позволяет уточнить вопрос о денежном обращении в Тюргешском каганате и Чаче.

Отмечено, что период наибольшей экспансии приходится на время правления Тон ябгу в 618-630 гг., но тогда ставки кагана находились в Туркестане и на Ак-Бешиме, а в остальных владениях надо полагать оставались править свои прежние владельцы.

В 630-634 гг. каганат утратил все среднеазиатские владения к западу от Сырдарии. Дулу и нушиби вступили в полосу межплеменной войны. Известно, что монеты Чачских правителей VII-VIII вв. разнообразны и отражают период локальных выпусков, что не оспаривается никем из исследователей. Если Чач, как полностью подвластная область, входил бы в каганат Тюргешей, то такого разнообразия локальных самостоятельных чеканов мы бы не имели. Кроме того, просматривается непрерывная линия как отдельных чеканов, так и одного из самых распространенных – монет с изображением чачского льва. Выделяются более ранний чекан и несколько более поздний. Подтверждают эти данные и выводы С. Кляшторного об основных ставках Тюргешей: «В Чуйской и Илийской долинах Уч-элигом были учреждены каганские ставки, страна была разделена на 20 тутукств».²¹ Вполне вероятно, что правили в это время в Чаче местные династии, тем более, как сообщают источники, в зависимые области были направлены контролеры за сбором податей «тутуки». Но не сказано, что они управляли Чачем и являлись владельцами подвластных кагану областей. Известно, что выпуск монет Тарнавча продолжался до появления первым монет с арабскими легендами по опубликованному Э.В. Ртвеладзе кладу монет Тарнавча с такой монетой. Это чекан Умейра? Б. Мухаммада, Балх, 747-757 г.х.²² Отмечают, что в 748 г. был разрушен Суяб - столица западнотюркских каганов, в 749 г. китайцы взяли Чач, местный правитель был казнен.²³

В денежном обращении семиреченских/жетысуйских владений монеты Тюргешей первого типа - самый массовый материал, что вполне соответствует данным письменных источников о вхождении этих территорий в состав Тюргешского каганата. Отсюда можно предполагать, что Чач входил на правах данника, но сохранил право чеканки собственной монеты. Это подтверждают находки чачских монет разных локальных чеканов и редкие отдельные находки монет Тюргешей.

Любопытно, что в пределах Западного Согда в локальных чеканах VII-VIII вв. «туранской» серии, отражающей основную картину развития медных чеканов региона, имеются свои выпуски, связанные с приходом тюркских племен. Монеты Тюргешей, как и в Чаче, единичные находки. Об этом свидетельствует как история изучения монет Западного Согда, так и развитие чеканов периода раннего средневековья в этом регионе.

Как следует из истории изучения монет Согда в XIX в., исследования были сосредоточены в основном на монетах раннего этапа. Публикуются отдельные их экземпляры из частных коллекций. Александр Борнс, в 1831-1833 гг. путешествуя от Индадо Лахора, побывал в Кабуле и Бухаре и собрал коллекцию монет, которые им были подарены Британскому Музею. В их составе были подражания Евтидему, монеты Асбара, Мовача/Мовака и др. Коллекция А. Борнса и интерес Англии к рынкам Средней Азии послужили своеобразным толчком к развитию нумизматики Согда. Большая часть коллекции Александра Борнса, привезенной им из Средней Азии и Афганистана, оказалась из местности Ходжа-Убон (городище Варахша и его окрестности). Изучением этой коллекции занялись Принсеп и Д. Волкер.

Позднее монеты из этой коллекции были изданы Вильсоном,²⁴ Эдвардом Томасом.²⁵ В круг исследования вошли монеты – тетрадрахмы Евтидема, редкие типы подражаний тетрадрахмам Евтидема, несколько типов монет «туранской» серии. Монеты из коллекции А. Борнса, а также новые из Британского Музея, из Гренобля, были учтены Э. Друэнном.²⁶

Из всей серии «туранских» монет стоит выделить наиболее редкие экземпляры, исчисляющиеся единицами и сегодня - это мелкие субератные, а возможно и серебряные, а так же медные монетки Мовача/Мовака. Впервые монета этого типа была привезена А. Борнсом и опубликована Уильсоном и Принсепом.²⁷ К этой же серии «туранских» монет мы относим и монеты несколько иных типов из меди, но имеющие схожие портреты на лицевой стороне. Один из типов медных монет – монеты энэпиграфные с алтарем и головой Ахурамазды над алтарем, а второй – монеты правителя Асбара и подражания двух видов монетам Асбара. На монетах Асбара загадкой более чем на протяжении 100 лет являлась легенда.

Более всего монеты туранской серии были изучены в плане деталей иконографии. Так, Христиан Мартин Френ усматривал сходство диадемы с полумесяцем на монетах этой серии с диадемами на аршакидских монетах, он выделил их из всей массы монет и локализовал в Бухаре (одной из частей Согда).²⁸

Эдвард Томас, опубликовавший монету этой серии, она в 1833г. была привезена А. Борнсом, отнес её к чекану индо-парфянских царей. Легенду он определил как арамейскую из 8-ми букв.²⁹

«Туранские» монеты исследователем были ошибочно связаны с монетами бухархудатов, чеканенными по типу драхм Варахрана, и датированы синхронным временем.³⁰

В 40-х гг. XX в. исследованием монет Согда занялась М.М. Явич, которой был внесен большой вклад в изучение монет «туранской» серии. Исследовательница выделила два типа монет, один из которых был впервые введен в научный оборот. М.М. Явич был проделан лингвистический анализ надписей на этих монетах, хотя не было дано общего чтения легенд, но исследовательнице удалось правильно угадать многие буквы в легенде и датировать монеты Асбара III-IV вв.³¹ Ею были выявлены монеты с изображением трехступенчатого алтаря, тамгой и легендой «Кана» или «Кан» по бокам от алтаря. Они были датированы ею V в. Монеты другого типа с тамгой и круговой легендой датированы М.М. Явич более ранним временем - III-IV вв. Вслед за предыдущими исследователями диадему на «туранских» монетах она сравнивает с диадемой на последних аршакидских монетах. Заслугой М.М. Явич является то, что ею впервые был поставлен вопрос о существовании в Бухаре своего языка, буквы алфавита которого были открыты ею по нумизматическим данным. Она установила и хронологические рамки распространения этого языка III-IV – V-VIII вв., в VIII веке он уже отмирает. Ранняя дата выявлена ею по монетам Асбара, были выделены шесть типов тамг на монетах Асбара.³²

В 1988 г. выходит коллективная монография «Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии» А.Р. Мухамеджанова, Ш.Т. Адылова, Д.К. Мирзаахмедова, Г.Л. Семенова, в которой представлена периодизация городских стен Пайкенда и отмечается о не разработанности шкалы керамики Пайкенда, ввиду того, что «монеты Бухарского Согда в пределах IV-VI вв. еще не расчленены», как пишут авторы.³³ Сведения о нумизматических находках очень скупы и кратки. Так, сообщается о находке в 1940 г. в кладке ранней стены шахристана-2 и монеты Бухарского чекана с алтарем, которая по типу должна относиться к V в. В тесте кирпича из завала в башне 2 найдена монета с лучником или Гиркода (М-18\1992) со ссылкой на определение Е.В Зеймаля.³⁴ Из описания, к сожалению, совершенно не ясно о каких монетах идет речь. В засыпке внутрстенного коридора была найдена сасанидо-кушанская монета Варахрана-II, датируемая авторами IV-V вв.³⁵ Время строительства стен и башен цитадели датируется III- первой половиной IV в.

Классификация

Серию «туранских» монет, согласно разработанной нами классификации, можно разложить на пять групп:

1. Группа 1. Монеты Мовака/Мовара (II-III вв.), (серебряные/субератные и медь).
2. Группа 2. Монеты с тем же портретом, но анэпиграфные и с головой Ахурамазды вместо пламени (III-IV вв.).

3. Группа 3. Монеты правителя Асбара (IV-V вв.).
4. Группа 4. Подражания монетам Асбара (V-VIII вв. или VI-VII вв.).
5. Группа 5. Локальные выпуски подражаний монетам Асбара (VI-VIII вв.).

Группа 4 – новая категория в серии «туранских» монет – **согдийские подражания монетам Асбара**, так же как и монеты группы-5, **локальные выпуски согдийских подражаний монетам Асбара**, это **новый вид подражаний**. Это не только неизвестные ранее типы и виды чеканов «туранской серии», но и новый вид, новая категория подражательных чеканов в нумизматике Средней Азии в целом, и в Согде в частности. Известно, что в древних государственных образованиях Средней Азии выпускались подражания эллинистическим чеканам. Эти подражания связывали с появлением первых монет в древнейших государственных образованиях, ранее не имевших и не чеканивших своих монет.³⁶ Подражания же согдийским чеканам никогда не рассматривались и не ставился вопрос об их исследовании и роли в денежном обращении древней и раннесредневековой Средней Азии. Сами подражательные чеканы, в свою очередь, разделены на подражания монетам Асбара и на более поздние локальные выпуски монет подражаний монетам Асбара. В результате их классификации были выявлены четыре периода развития. В основу типологических отличий положен сравнительный анализ, проведенный по состоянию легенд (правильности их написания), форме тамги и степени её искаженности, алтаря и другие признаки.

Монеты Асбара

Лицевая сторона. Портрет правителя вправо в диадеме с полумесяцем надо лбом, концы диадемы повязаны за головой бантиком и опускаются вниз. Концы диадемы переданы в виде двух полос, покрытых множеством горизонтальных штришков. Прическа передана в виде прямых волос, остриженных до уровня скулы правителя, в отличие от более длинных волос (до уровня плеч) на монетах Мовака и на медных анэпиграфных монетах «туранской» серии.

Оборотная сторона. В центре монеты - тамга, имитирующая алтарь огня. Она состоит из круга с четырьмя отростками по паре внизу иверху, которые направлены в разные стороны. Над верхней парой отростков - стилизованное изображение пламени. По кругу справа сверху вниз идет согдийская легенда бухарским письмом: «γWβ 'Sβ'R» – «Правитель Асбар», буквы выписаны раздельно. Первое слово - традиционный согдийский титул, а второе - должность или имя «глава конницы» (чтение и расшифровка легенд принадлежит В.А. Лившицу).

В целом нужно отметить, что **иконографический тип монет «туранской» серии** таков - это портрет правителя в диадеме с полумесяцем вправо. Обратная сторона передает культовую принадлежность - это зороастрийский алтарь огня, переданный несколько стилизованно в виде тамги с пламенем, имитирующей алтарь.

Подражания монетам Асбара

Выделено четыре периода в развитии:

Первый период. Содержит четыре этапа.

1. Вначале появляются монеты с несколько небрежно выписанными легендами, что проявляется в неточном написании отдельных знаков. Так, наряду с иными буквами, согдийский знак «S» выписан вместо правильного в виде русской буквы «П», как две параллельные друг другу запятые, иногда наклонные штрихи.

2. Имеются случаи, когда неверно рассчитано место для легенды, для последней буквы не остается места и резчик штемпеля проводит на её месте ободок. Параллельно, но в редких случаях, наблюдаются изменения для лицевых сторон – появляется несколько укрупненное, немолодое в сравнении с оригиналами, лицо.

3. Далее появляется грубое изображение лица, в легенде происходит попытка соединения букв, чаще с алифом.

4. Помимо этого первый период характеризуется появлением ошибок в написании легенд, наблюдается стилизация отдельных знаков, происходит исчезновение отдельных знаков легенды. Первыми из легенды исчезают «алиф» и «вав».

Период второй. Он характеризуется:

1. Более грубым написанием букв, чем на монетах первого периода.
2. Титул остается читаемым при имени, переданном с ошибками.
3. Алиф исчезает, а если остается, то в искаженном виде.
4. В имени последняя буква исчезает или неузнаваема, имеются экземпляры, на которых имя выписано так, что без предшествующих экземпляров его невозможно было бы распознать.

5. Отдельные знаки выписаны зеркально или вовсе неузнаваемы.

Третий период. Его определяют следующие черты:

1. В целом искажены все буквы.
2. Легенда нечитаема.
3. Однако отдельные буквы - «алиф», «S», «R» - узнаваемы.

Четвертый период.

1. Если в третьем периоде отдельные буквы были узнаваемы, то в четвертом они уже искажены и не распознаются вовсе.

2. Лишь изредка можно узнать «алиф», в отдельных случаях по искаженным буквам можно лишь догадаться о том, что это искаженный титул.

3. Отдельные экземпляры передают искаженную легенду, но выписанную зеркально.

4. Имеются экземпляры, выделяющиеся из общего состава техникой изготовления.

5. Наблюдаются заметные искажения и для лицевой стороны: черты лица правителя повторены в «варварском» исполнении, лицо укрупняется, вытягивается в длину, неестественно увеличен бант диадемы на затылке, он передан в виде полумесяца, от него вниз преданы крупные штришки, расположенные ёлочкой. Их назначение и смысл остались бы неясными, не будь предшествующих оригиналов. Исчез такой традиционный признак монет «туранской» серии как полумесяц над диадемой.

6. Наблюдается повышение веса. Возможно, что иная техника изготовления монет - литье объясняется тем, что это копии или оригиналы, но выполненные технически иначе.

На втором этапе четвертого периода выделяется вторая линия развития монет:

1. Наблюдаются более грубо переданные портреты, лица укрупняются, сильно вытягиваются, заметно выражена деформация головы.

2. Концы диадемы соединены в один круг неровной формы.

3. Если раньше портрет был погрудный и просматривалась гривна, часть одежды, то теперь видна только шея.

4. Параллельно этим признакам лицевой стороны имеются изменения и на оборотной стороне монет, на отдельных экземплярах тамги стилизованы до такой степени, что без предшествующих экземпляров они были бы нераспознаваемы.

Вторая линия дает:

А. Изображение серьги на портрете правителя в виде шарика на подвеске.

Б. Лицо грубое, вытянутое.

В. Просматривается деформация головы.

Г. Диадема без полумесяца.

Д. Легенда представляет собой набор штришков и точек.

Третий этап первой линии дает:

1. Легенду, измененную до такой степени, что в ней от букв остается лишь набор скобок, штришков, только на одном экземпляре можно узнать "алиф".

2. Тамга может терять пламя, иногда изображается не над тамгой, а значительно левее или правее нее.

В целом на монетах Асбара выделено более 30 вариантов (видов) тамг, отличающихся формой передачи пламени. Среди них выделено 4 основных типа, имеющих ряд вариаций:

Т 1 - тамга с прямым пламенем.

Т 2 - тамга с фигурным пламенем и треугольником внутр.

Т 3 - тамга с фигурным пламенем, со множеством скобок и капель внутр.

Т 4 - тамга с фигурным пламенем из двух скобок и капель с отходящим вниз отростком.

На подражаниях монетам Асбара наблюдается тенденция к упрощению пламени: вместо множества - 4 штришка. Далее тамга теряет пламя, формы её становятся ассиметричными.

Локальные чеканы с искаженной тамгой по типу монет Асбара. Удалось выявить более десятка синхронных, локальных чеканов, на которых тип лицевой стороны передает более десятка портретов разных правителей, тогда как на оборотных сторонах переданы изображения искаженных тамг, идентичных их изображениям на подражаниях монетам Асбара последнего периода.

Тип оборотной стороны повторяет тип оборотных сторон подражаний монетам Асбара на том этапе, когда от легенды остаются лишь непонятные штришки и сама тамга в центре выписана асимметрично. Монеты эти выпускаются мелкими владельцами (их удалось выявить больше десятка).

Тип 1

Лицевая сторона. Изображение портрета правителя с усами в три четверти вправо, волосы собраны на макушке в пучок, от него за головой вниз опускается косичка. Волосы впереди разделены на пробор. Перед лицом - искаженные знаки согдийской легенды бухарским письмом.

Оборотная сторона. Изображение тамги с остатками стилизованного пламени. Под тамгой - согдийская буква «S», не искаженная, справа и слева от тамги - искаженные до неузнаваемости знаки бухарского письма.

Тип 2

Лицевая сторона. Портрет правителя в три четверти вправо с короткой стрижкой. За головой просматриваются полустертые знаки согдийской легенды.

Оборотная сторона. Изображение искаженной тамги с пламенем. Центральный кружок тамги не прорисован, его заменяет маленькая точка. Над тамгой на месте пламени - три точки, над ними горизонтальный штрих.

Тип 3

Лицевая сторона. Портрет правителя в три четверти вправо, заметно выделяются широкие скулы. Волосы гладко зачесаны назад, шишечка на макушке отсутствует, но за головой изображены две волнообразные линии. Над плечами вокруг головы - точечный ободок двойной: первый - из мелких точек, за ним - из крупных точек.

Оборотная сторона. Тамга, но вместо пламени над ней скобка острием вниз. Справа и слева искаженные знаки легенды. Монета с ярко выраженной скифатностью.

Тип 4

Портрет правителя в три четверти вправо с короткой стрижкой, волосы острижены ровно, просматривается также ровно выстриженная челка. От макушки головы - тонкая овальная линия до плеч (возможно, имитация косы). Перед лицом прослеживаются фрагменты несохранившейся легенды.

Оборотная сторона. Изображение искаженной тамги, над ней вместо пламени скобка, изогнутая под углом в 90 градусов. Над ней петля. Справа и слева штрихи - все, что осталось от искаженных знаков легенды подражаний монетам Асбара.

ГЭ-8890, вес - 2,23 г, Д. - 21 мм, скифатная, соотношение осей - 9ч.

Тип 5

Лицевая сторона. Портрет правителя в три четверти вправо, прическа как у правителя на монете 4 типа, но отсутствует линия за головой, появляется диадема с крупным полумесяцем на макушке, непосредственно с диадемой он не соединен. Перед лицом помещены искаженные знаки легенды.

Оборотная сторона. Искаженная тамга, асимметричная тамга. Вокруг неё - штришки от искаженной легенды.

Подобных монет зафиксировано 6 экз.:

1. ГЭ-34933, Вес - 2,04 г, Д. - 24 мм, скифатная., соотношение осей - 5 ч. (подобных монет зафиксировано 6 экз.).

2. ГЭ-9739, Вес - 1,75 г, Д. - 21 мм, соотношение осей - 11 ч.

3. ГЭ-34931, Вес - 1,87 г, Д. - 23 мм, соотношение осей - 1 ч.

4. ГЭ-9750, Вес - 1,90 г, Д. - 22 мм, соотношение осей - 12 ч.

5. ГЭ-4216, Вес - 2,27 г, Д. - 20,5 мм, соотношение осей - 3 ч.

6. ГЭ-48, Вес - 1,95 г, Д. - 22 мм, соотношение осей - 7 ч.

Тип 6

Лицевая сторона. Портрет, вероятно, того же правителя как на монетах типа 5, но переданный более крупно, во все поле монеты. Полумесяц так же не соединен с диадемой.

Оборотная сторона. Искаженный фрагмент тамги.

ГЭ-34932, Вес - 1,10 г, Д. - 18 мм, скифатная, соотношение осей - 11 ч.

Тип 7

Лицевая сторона. Портрет правителя с коротко остриженными по одной линии волосами в фас, на макушке крупный полумесяц.

Оборотная сторона. Полустертая тамга с изображением пламени над ней, пламя передано волнистыми штрихами, под штрихами - общая линия.

ГЭ-34940, Вес - 1,96 г, Д. - 19,5 мм, субератная.

Тип 8

Лицевая сторона. Изображение правителя с округлым лицом в фас с покатыми плечами. Волосы коротко и ровно острижены, возможно, слева от головы овальная полоса, но сохранность монеты не позволяет рассмотреть её полное расположение. За полосой либо знаки легенды, либо фрагмент тамги.

Оборотная сторона. Изображение тамги, усики разной длины, от легенды остались лишь мелкие штришки.

Тип 9

Лицевая сторона. Изображение юного правителя в три четверти вправо с длинными прямыми волосами и ровно остриженной челкой. Просматриваются длинные усы. Перед лицом - знаки согдийской легенды, плохая сохранность не позволяет разобрать знаки.

Оборотная сторона. Искаженная до неузнаваемости тамга.

Тип 10

Лицевая сторона. Портрет молодого правителя в три четверти вправо с короткой стрижкой ровно остриженных волос, на шее нитка бус.

Оборотная сторона. Фрагменты искаженной тамги и легенды.

Тип 11

Лицевая сторона. Портрет правителя в точечной диадеме в три четверти вправо с покатыми плечами, на шее гривна. Челка опускается до уровня диадемы, почти над бровями.

Оборотная сторона. Искаженная до неузнаваемости тамга.

Тип 12

Лицевая сторона. Полустертое изображение правителя в три четверти вправо в диадеме. Монетный кружок маленький.

Оборотная сторона. Тамга, часть её находится за краем монетного кружка.

Тип 13

Лицевая сторона. Портрет правителя в три четверти вправо, в ухе серьга (?). Часть головного убора - за краем маленького монетного кружка.

Оборотная сторона. Искажённая тамга: кружок с отходящими от него лучами.

Тип 14

Лицевая сторона. Портрет молодого правителя в сложном островерхом головном уборе в три четверти вправо.

Оборотная сторона. Фрагменты полустертой искажённой тамги и полустертых искажённых знаков легенды в виде беспорядочных штришков.

Тип 15

Лицевая сторона. Портрет правителя в крылатом головном уборе, в центре между крыльями кружок, в ухе - круглая серьга, переданная точкой.

Оборотная сторона. Искажённая до неузнаваемости тамга.

Тип 16

Лицевая сторона. Портрет юного правителя в фас. Над головой полумесяц на короткой ножке.

Оборотная сторона. Искажённая полустертая тамга расположена у правого края монетного кружка, слева от неё расположены искажённые знаки легенды.

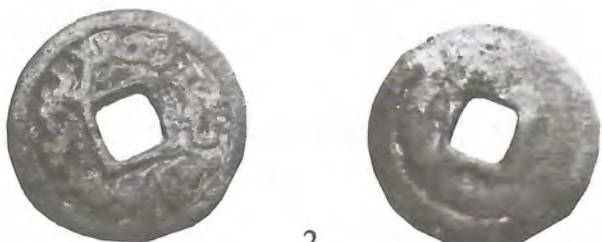
Иконографический анализ изображений

В предшествующих исследованиях, как показала история изучения монет, мало внимания уделялось внешнему облику правителей, что играет немаловажную роль при классификации материала. Обратимся для проведения исторических параллелей к чеканам Боспора. Известно, что на монетах Боспорского царства I в. до н.э. - начала II в. н.э. на фоне монет, выполненных в эллинистических традициях, появляются наряду с портретами римских императоров на одной стороне, портреты кочевых правителей на другой стороне монет. Это изображение правителя в диадеме с причёской в виде прямых, длинных волос, опускающихся до плеч. Челка ровно острижена, от неё волосы располагаются так, что оставляют открытыми мочку уха, щеку. Эти детали причёски характерны только для монет Боспорского царства.

На монетах I в. до н.э. за головой правителя имеется тамга с тремя зубцами. Аналогичная причёска на монетах Мифрадата III (39-45 гг.), который был известен своей независимой и враждебной политикой по отношению к Риму. За что он поплатился и был в результате смещен с престола. На его месте оказался более лояльный по отношению к императорской власти правитель Котий I. Однако детали его причёски выполнены мастером уже несколько иначе. Она как бы «облагорожена» при сохранённой прежней длине волос и той же форме челки. Пряди более мягко опускаются до плеч. Далее ту же сарматскую причёску можно видеть на монетах Рискупорида II (68-80 гг.), аналогичную

1.

2.

3.

4.

Монеты с городища Канка

прическе Мифрадата III. Мастером, резчиком штемпелей, четко подчеркнут их «варварский» - неримский характер, стиль. При последующих правителях Котии II с 123 года и далее вид причесок вновь изменен. Сохраняется та же длина волос, но в целом она передана уже стилизованно, что не случайно. Любопытно, что при Рискупориде II (80-92 гг.) впервые на оборотной стороне монет появляется скачущий на коне царь - мотив, который с некоторыми видоизменениями потом часто встречается в боспорской нумизматике, хорезмийской, кушанской, согдийской. Исследователи отмечают, что боспорским царствам, не в пример другим окраинным областям, было даровано право золотой чеканки с целью снабдить их обращение крупными

денежными единицами для содержания военных сил и поддержания боевой готовности на границах империи. С прекращением этих прав и субсидий в III в. н.э. напор варваров на Боспор усилился. Это сказалось на монетном деле. Появляется, как следует из вышеприведенного анализа причесок, серия выпусков с несколько стилизованным обликом правителей и соответственно причесок также. Этот процесс начался со II в. н.э. с монет Котия II и становится особенно явным после II в.

Столь пристальному вниманию разбор причесок и техники исполнения боспорских монет были подвергнуты не случайно. Сходные процессы и прически имеются и наблюдаются на монетах Согда. И это не случайные факты. Мы попытаемся обосновать их родственное происхождение, что на наш взгляд подтверждает и типологический анализ монетных типов в целом в Согде. Рассмотрены будут западно-согдийские и чачские чеканы, частично - восточно-согдийские. В серии подражаний Евтидему известны прически с изображением правителей в диадеме, на отдельных их редких экземплярах имеется тамга, аналогичная сарматским знакам, широко распространенным в Северном Причерноморье. Прически эти аналогичны северно-причерноморским прическам на монетах Боспорских царей кочевнического происхождения. В «туранской» серии первые отмечены три группы монет: Асбара, Мавара, анэпиграфные имеют еще более схожие прически, аналогичные сарматским прическам. Это та же ровно остриженная челка, прямые волосы, опускающиеся до плеч, оставляя открытыми уши, виски и щеки. Эти детали отличают сарматскую прическу согдийских и боспорских монет от причесок иных кочевников: тюрок, скифов. Потому остриженные таким образом волосы названы нами сарматской прической. Любопытно, что ту же прическу можно видеть на раннечачских монетах с чачской тамгой. На лицевой стороне - правитель в диадеме с полумесяцем вправо. Диадема и полумесяц на чачских монетах идентичны диадеме и полумесяцу на западно-согдийских монетах Асбара и Евтидема. На обороте расположена легенда, окружающая тамгу. Помимо параллелей в прическах, можно видеть схожие написания знаков легенд на монетах, что свидетельствует о взаимовлиянии Чача и Согда. В данном случае это более проявляется как воздействие согдийской цивилизации на чачскую.

Так, в серии подражаний Евтидему имеются алифы, аналогичные чачским по ранним выпускам. Мы рассматривали вопрос о раннечачском чекане в пользу его более ранних дат. Это проявляется и в ранней форме алифа и в написании буквы бетты.

Основная масса находок приходится на городище Канка, нигде больше эти первые, крупные монеты Чача, не встречаются. Это свидетельствует о раннем зарождении здесь городской культуры и соответственно монетного чекана.

Отдельные экземпляры монет Чача свидетельствуют о деформации головы правителей, подобные виды деформаций отмечены нами для монет Гиркода и для более поздних согдийских выпусков - подражаний Асбару.

Выявленные иконографические признаки, перечисленные выше, - деформация голов (кольцевая), схожие прически - свидетельствуют

о приходе династий, связанных с кочевниками, продвинувшимися с севера, что говорит об общности этнического состава населения в этот период. Эти данные указывают на формирование знати общего происхождения для Западного Согда и Чача. Означенные признаки подтверждаются наличием тамг сарматского круга и распространенностью их на монетах Боспорского царства, Хорезма, Чача, Западного Согда. Данные параллели - прямое доказательство одного из вариантов путей передвижения этих племен с севера на юг.

Время появления первых монет собственной чеканки связано с датой появления первых свидетельств письменности в Чаче на арамейской основе, и ее появление здесь связано с согдийским влиянием на Чач, влиянием западно-согдийского варианта письма на чачскую письменность.

Любопытно, что не только общность типа письменностей, но и общий этнический тип, форма причесок, диадемы с полумесяцем надо лбом, скифатность монет, деформация голов правителей - все это свидетельство взаимосвязей, а частично и родственных связей Западного Согда и Чача.

Известно, что экономически более мощные владения всегда оказывали влияние на сопредельные или подвластные им владения. Так было в период эллинизма, когда в Согде появляются и зарождаются денежные отношения; когда появляются первые согдийские монеты по типу эллинистических монет: подражания драхам Александра, Антиоха, тетрадрахам Евтидема. Это подтверждают не только портреты правителей, но в большей степени изображения божеств на оборотных сторонах монет. Они представляют круг эллинистических богов и героев.

Отмечалось уже, что появление тамг сарматоидного типа свидетельствует о проникновении нового кочевнического компонента в Чач, Согд с Севера. Подробные тамги характерны и для хорезмийской нумизматики первых веков. Со II в. до н.э. в нумизматике Западного Согда появляется самая ранняя тамга, обнаруживающая параллели в хорезмийских подражаниях монетам Евкратида.

Для несколько позднего времени (IV в.) параллели проходят по серии монет с изображением несторианского креста и льва. Изображение льва на одной из серий с точностью до мельчайших деталей копирует изображение традиционного чачского льва на мелких монетах.

Для VII в. характерны редкие чачские монеты, подражающие западно-согдийским монетам с изображением бухарского верблюда.

Те же параллели между двумя регионами наблюдаются в серии монет с фасовыми изображениями: в Согде это монеты с пайкендским знаком, в Чаче - с изображением правителя в диадеме с полумесяцем и свастикой справа от лица, а также монеты с портретом правителя с поворотом в три четверти вправо и тамгой на оборотной стороне. Тамга аналогична бухарской, она близка тамге на самых ранних монетах Западного Согда и восходит к кругу сарматских тамг. Она же присутствует в качестве надчекана на серебряных драмах Варахрана V.

Мнения исследователей о том, что определенный вид тамги говорит в пользу правления одной династии или рода, не совсем

и не всегда оправдываются при ближайшем рассмотрении. Так, получается, что одна династия в Согде, Чаче, Хорезме и Причерноморье правила со II в. до н.э. по VIII в. н.э., что противоречит логике.

Аналогии эти, скорее всего, в нумизматике - результат культурно-исторического воздействия на определенных этапах, культурно-исторического взаимодействия, взаимовлияния. Изначально, вероятно, тамги имели культовое значение, не случайно в «туранской» серии они играют столь важную роль - как символы оборотных сторон (где принято помещать божеств и культовые сцены). А для локальных подражаний они имеют и ключевую роль, как происходящие от монет определенного вида, потому столь долго сохраняются искаженные оборотные стороны монет по типу Асбара в различных локальных чеканах у разных правителей одновременно.

Появление описанных параллелей - свидетельство проникновения сарматоидных племен, продвинувшихся по данным археологических исследований в Северное Причерноморье. Часть их через Приаралье прошла в районы Чачского и Бухарского оазисов. Появление портретов кочевников с сарматскими прическами на монетах Боспорского царства, Чача, Западного Согда - свидетельство такого движения.

В целом можно заключить, что кочевнические передвижения IV-III вв. до н.э. и позднее в III в. н.э. оказали значительное влияние не только на формирование кочевого населения исследуемого региона, но и на правящую верхушку земледельческих владений, входивших в состав крупных полукочевых образований: Кангюй, Империя эфталитов, оказавших большое влияние на исторические процессы в Среднеазиатском Междуречье.

Огромная масса кочевнического населения оказала влияние на формирование кочевого населения чачского-согдийского региона, отчасти и земледельческого, в первую очередь, на его правящую верхушку.

На протяжении исследуемых восьми столетий между Чачем и Бухарским Согдом происходили сложные процессы взаимовлияний, и более всего они связаны с продвижениями племен из Приаралья. Точка зрения исследователей о южных направлениях в перемещениях племен не находит подтверждения в материале. Поскольку самые ранние тамги не происходят из южных районов, а находят аналогии в Хорезме, Приаралье, Причерноморье.

В связи с кочевыми передвижениями нельзя обойти вопрос подражательных чеканов Согда, Чача. Сейчас выявляются для всех этих владений собственные подражания местным образцам монет, что связано с иными династиями, явно кочевнического происхождения. Подчас важные для исторической науки вопросы датировки и исторической интерпретации зависят от добросовестного и профессионального классификационного анализа нумизматического материала. Здесь на первое место выступают подражательные чеканы, исследование и интерпретация которых играет важную роль.

И если для ранних этапов подражательных чеканов преобладают аналогии племен сарматоидного круга, то более поздние подражания, в том числе рассмотренные в данной статье, нуждаются в дополнительных исследованиях. Пока же можно предположить, что одна их часть связана с хионито-эфталитским кругом племен, а вторая – с тюркским.

Учитывая все вышеизложенные факты, можно заключить, что монеты Мовака и близкие им анэпиграфные медные монеты имеют алтари, аналогичные алтарям на монетах Шапура-II (309-379 гг.) и Йездигерда-I (399-420 гг.). В этой связи их следует датировать IV - первой четвертью V в. По данным исследований В.А. Шишкина, монеты группы Асбара не должны датироваться позднее V-VI вв.³⁷ Чеканка их, как следует из классификации, вероятно, была начата в IV в. Так, монеты Асбара можно датировать IV-V вв. Следующий период, когда начали обращаться подражания монетам Асбара – это может быть конец V-VI вв. Третий период – появление локальных выпусков монет разных правителей, на оборотной стороне которых искаженные тамги, такие же, как на подражаниях Асбару. На отдельных монетах просматривается алиф, аналогичный его написанию на монетах, чеканенных по типу драхм Варахрана V, датирующихся VIII веком. Его можно датировать VI-VIII вв.

Монеты с искаженными согдийскими легендами связаны с приходом к власти новых династий эфталитов, а затем тюрков. Появление первой медной монеты в III-IV вв., дальнейшее развитие медных чеканов в IV-V вв. и большое их разнообразие в V-VIII вв. говорит о развитых денежных отношениях, о большом размахе внутренней торговли.

Так, иконографический анализ монет Бухарского Согда и Чача и сведения о находках монет Тюркешского каганата позволяют из массы чачского и западно-согдийского чеканов выделить тюркские. Дальнейшие исследования позволят уточнить датировку, когда будут опубликованы данные раскопок по Пайкенду с четким иллюстративным материалом.

Түйін

А.А. Мусакаева

КАНКА ҚАЛАСЫНАН ТАБЫЛҒАН ТҮРГЕШ МОНЕТАЛАРЫ

Орталық Азия мен Оңтүстік Сібірдің этносаяси бірігуі ілгерілеудің жоғары деңгейімен ерекшеленіп, белгілі бір бағытқа ие болды. Олардың араласу тарсасы бірде жанданды, бірде құлдырады. Миграциялық процестер осы қозғалыстың болуында көрші аймақтарға және аймаққа айтарлықтай әсер етті. Жазба деректердің жоқтығына және археологиялық артефактілердің этникалық интерпретациясының күрделілігіне байланысты бірінші жоспарға монета сияқты тарихи дерек шығады. Нумизматикалық материалдар жергілікті органы жергерлік дәрежеде зерттеуді және жіктеу құрылымын дұрыстауға, сонымен қатар этникалық қатыстылығын анықтайды. Осы жағынан алып қарағанда нумизматикалық деректердің маңызы үлкен.

Бұқаралық Соғды мен Шаш монеталарын иконографиялық анализдеу және Түргеш қағанатының монеталары туралы мәліметтер шаш және батыс соғды шекмелерінен түркілердікін бөліп көрсетуге мүмкіндік береді.

Abstract

A.A. Musakaeva
Findings of Coins of the Turgeshes from the Kanka Site.

Ethno political unions of Central Asia and South Siberia differed by high level of mobility and had the definite direction. Their routes of migration either rallied or attenuated. Migrational processes influenced essentially on the neighboring regions and on the regions, by which that migrations passed. Under the absence of written sources and difficulty of ethnic interpretation of archaeological artifacts to the first plan is coming such historical source like coins.

Numismatic material defines the local circle and also ethnic belongship under proper level of study and correct classification. Importance and exclusive meaning of numismatic sources is in the above mentioned fact.

Iconographic analysis of coins of Bukkara Sogd and Chach and the evidences on the findings of coins of Turgesh Khanate let to define the Turkic coins among the mass of Chach and west-sogdian coinage.

1. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков и её наследники // История татар с древнейших времен. В 7 томах. - Т. 1. Народы степной Евразии в древности. - Казань, 2002. - С. 223.
2. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... С. 230.
3. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... С. 230-235.
4. *Байпаков К.М.* Западнотюркский и Тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, город и степь. - Алматы, 2010.
5. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... С. 235.
6. *Байпаков К.М.* Западнотюркский и Тюргешский каганаты... С. 44.
7. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... С. 235.
8. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... С. 237.
9. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... С. 237.
10. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... С. 238.
11. *Байпаков К.М.* Западнотюркский и Тюргешский каганаты.
12. *Кошеввар В.* Находки монет на территории Киргизстана, от древности до средневековья. Вестник МИЦАИ. - 2010. - № 12. - С. 72.
13. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... С. 245.
14. *Камышев А.* Раннесредневековый монетный комплекс Семипречья. История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана. - Бишкек, 2002. - С. 41-56.
15. *Смирнова О.И.* Сводный каталог согдийских монет. - М, 1981.
16. *Камышев А.* Раннесредневековый монетный комплекс Семипречья... - С. 92, № 21.
17. *Смирнова О.И.* Сводный каталог... № 1585. - С. 397.
18. *Мусакаева А.А.* К истории ранних связей Византии и Чача // Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии. 70 лет кафедре археологии Национального Университета Узбекистана. Ташкент, 4-5 ноября 2010 г. - Ташкент, 2010. - С. 103-104.
19. *Кошеввар В.* Находки монет на территории Киргизстана... С. 20.
20. *Кошеввар В.* Находки монет на территории Киргизстана... С. 20.
21. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... - С. 237.
22. *Ртвеладзе Э.В., Ртвеладзе Л.Л.* Циталась Хавабат-геге / Древности Ташкента. - Ташкент, 1976.
23. *Кляшторный С.* Степная империя тюрков... С. 245.
24. *Wilson H.* Ariana Antiqua. A Descriptive account of the antiquities and Coins of Afghanistan. - London, 1841.
25. *Thomas E.* Essays on Indian Antiquities, Historic, Numismatic and Paleographic, of Late James Prinsep. - London, 1853.
26. *Drouin E.* Une Medaille a Legendes semitique d'un Roy de la Sogdiane. - Paris, 1893.

27. *Wilson H. et Prinsep.* Observations on Lieut. Burnes's. Collection of Bactrian and other Coins, in A. Burnes, Travels into Bokhara. – London, 1839.
28. *Wilson H.* Ariana Antiqua. A Descriptive account of the antiquities and Coins of Afghanistan. London, 1841.
29. *Thomas E.* Essays on Indian Antiquities...
30. Allot de la Fye. Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrees voisines // *Revue Numismatique.* - Paris, 1910. - Том 14.
31. *Явич. М.М.* Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите // *ТОВЭ.* - Л., 1947. - Т. 4. - С. 212-218.
32. *Явич. М.М.* Замечания о неисследованном... - С. 220.
33. *Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. - Ташкент, 1988. - С. 98.
34. *Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд... - С. 100.
35. *Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд... - С. 101-102.
36. *Зеймаль Е.В.* «Вараварские подражания» как исторический источник // *СГЭ.* - Л., 1975. - Вып.40; *Дундуа Ф.* Нумизматика античной Грузии. - Тбилиси, 1987; *Мусакаева А.А.* Подражание драхме Александра Македонского из Китаба // *Transoxiana. История и культура.* Академику Э. Ртвеладзе в честь 60-летия - коллеги и ученики. - Ташкент, 2004; *Мусакаева А.А.* Древнебухарский чекан Согдианы // *Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса: матер. конф. по результатам совместных Узбекско-Итальянских исследований вархеологии и востоковедении.* Бухара 26-27 сентября 2003г. - Самарканд – Рим, 2006.
37. *Шишкин В.А.* Варахша. - Москва, 1963. - С. 232.

VI. Древние технологии

J.S. Park, D.A. Voyakin

A COMMENT ON HIGH TIN BRONZES
OF MEDIEVAL KOREA AND IRAN**Introduction**

In his paper 'The White Bronzes of Early Islamic Iran,' Melikian-Chirvani¹ discussed the unique bronze technology that flourished in Iran in the early Islamic period. He presented a specific class of bronze artifacts made of copper-based high tin alloys, which he named white bronzes. Many of them were apparently hammered to shape after casting, which has a significant technical implication in view of the high tin bronzes that are too brittle to do so without an appropriate control over working temperatures. By drawing on typological evidence he even proposed the diffusion of this technology to the neighboring country China and then to Korea and finally to Japan. He presented the Japanese word *sahari*, or *sabari*, as supplementary evidence for the diffusion by interpreting that it is rooted in the Persian word *safidruy* meaning high tin bronzes. It is of significance that the Japanese scholar Chikashige² used the word *sahari* to refer to a particular alloy called 'Corean bronze.' (Korea was often spelled Corean in his time).

We paid special attention to Melikian-Chirvani's theory on the propagation of this technology, and have tried to see if it could somehow be tested technically. Recently, we came across two clues that will be of help to this effort. In the course of examining artifacts from the Talgar site located in the southeastern part of Kazakhstan, a bronze object was found that was identical in shape and size to one of those reported in his paper. We were given a chance to take a small specimen from it and examine the metallurgical microstructures. We could identify the alloy compositions and the thermo-mechanical treatments applied in fabrication. Another clue came from a specific class of Korean bronzes made by a technique newly established in Korea at around the same period of early Islamic Iran. This article is to compare the microstructures of the Talgar object and two Korean bronze spoons.³ A brief comment will also be given on the incubation and establishment of this new bronze technology in Korea during the era of a strong foreign influence.

Artifacts and their microstructures

Figure 1a is the reproduction of 'FIGURE 25' in Melikian-Chirvani's paper showing the concave side of the object in the National Museum of Iran, and Fig. 1b shows the convex side of the one from Talgar which is in the Institute of Archaeology of Kazakhstan. Both consist of a bowl and a spoon attached on either end of a long handle, and may have been used as a ladle or a spoon. It was stated that the former was from Neyshabur. A similar kind, seemingly the same one, from Khorasan of the 11th century AD is on display in the website of the National Museum of Iran. The Talgar area is approximately 25 km to the east of Almaty, the largest city in the Republic of Kazakhstan, and has long been one of the major settlements in southeastern Kazakhstan called the Semirechye (the Seven Rivers) region. Medieval Talgar is one of

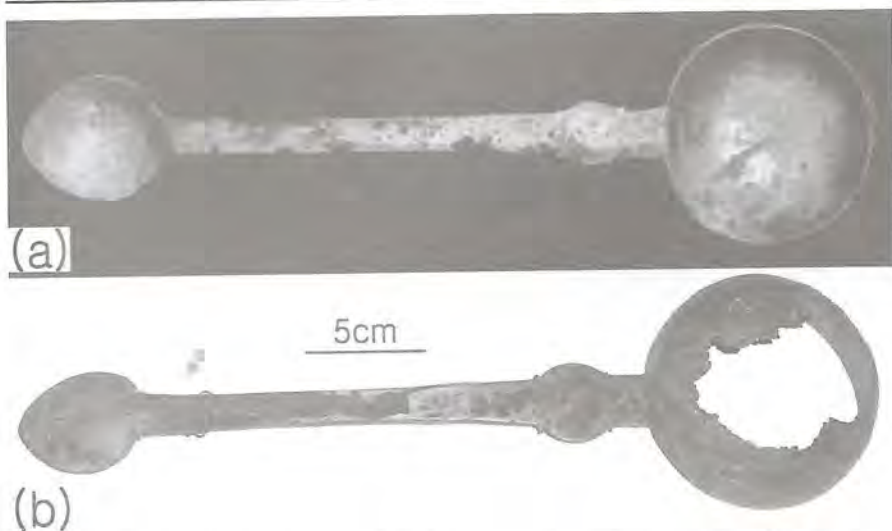

Fig. 1. Bronze ladle-spoons. (a) Concave side of the one from Neyshabur Khorasan; National Museum of Iran, (b) Convex side of the one from medieval Talgar; Institute of Archaeology, Kazakhstan

the steppe towns and cities that had developed along the Great Silk Route in Semirechye from the Turkic period (AD 600 to AD 900) and the medieval period (AD 900 to AD 1300). It faced the Mongol invasion near the end of the medieval period.⁴

A specimen was taken from the area marked in Fig. 1b. For microstructure examination, it was mounted and polished following standard metallographic procedures, and then etched with a solution of 100ml distilled water, 30ml hydrochloric acid and 10g ferric chloride. Figure 2a, an optical micrograph from the specimen, consists of the twinned α phase in the background of acicular martensite. The twin forms only in specimens that have been plastically deformed, as by hammering, and then annealed at elevated temperatures. The phase martensite is transformed from the high temperature β phase when it is quenched from above 586°C because slow cooling induces the brittle δ phase. This ladle-spoon was undoubtedly hot-forged after casting, and then finished by quenching.

Figure 2b, a secondary electron image (SEI) taken in the scanning electron microscope (SEM), provides a highly magnified view of the area marked in Fig. 2a. It contains two well-aligned inclusions elongated in the horizontal direction. This is another indication of hammering, and shows the direction of deformation. Figures 2c and 2d present the results of the chemical analysis using the energy dispersive spectrometer (EDS) equipped in the SEM. Figure 2c was taken from the area of approximately 0.35x0.25 mm including that of Fig. 2a at its center. Apart from gold (Au) applied artificially for the SEM examination, copper (Cu) and tin (Sn) were the only elements above the detection limit of the EDS, which was in the order of a few tenths of a percent. The tin content was estimated from Fig. 2c to be approximately 19.6%. Figure 2d, from the spot marked in one of the inclusions of Fig. 2b, shows that they are particles of sulfide containing a significant amount

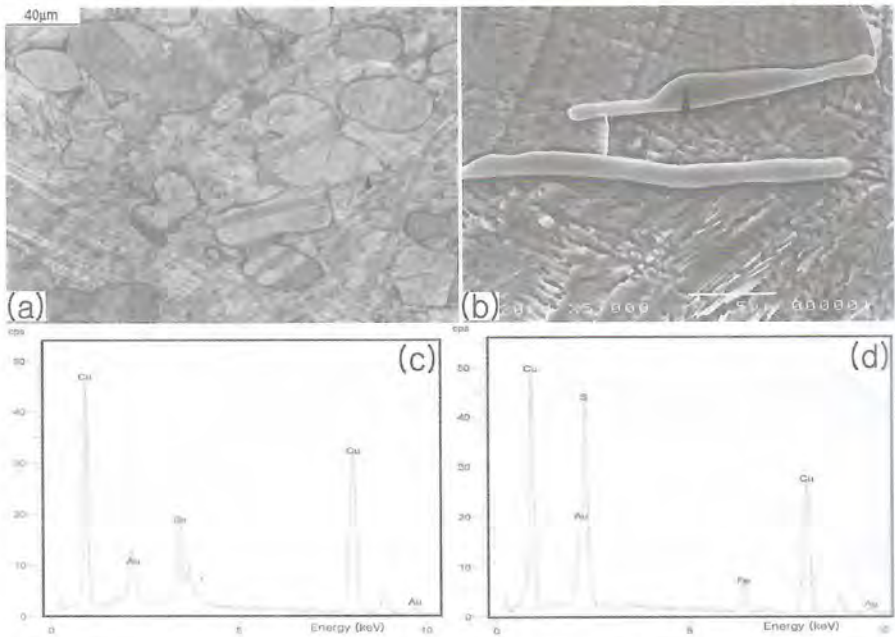

Fig. 2. Micrographs and EDS spectra taken from the object in Fig. 1b. (a) Optical micrograph, (b) SEI micrograph magnifying the area marked in Fig. 2a, (c) Spectrum from the whole area of Fig. 2a, (d) Spectrum from the spot marked in Fig. 2b

of copper and iron. They must have been incorporated inadvertently during smelting of certain specific copper ores bearing sulfur and iron. No lead was detected, not even in the form of such isolated inclusions as sulfide.

Figures 3a and 3b show broken spoons excavated from a military fortress located in the city of Icheon near Seoul, Korea⁵. The fortress was used by several Korean kingdoms from the 4th to 14th century AD. But the accelerator mass spectrometry on some organic materials⁶ and also on the carbon from cast iron objects excavated nearby placed their most probable date between the late 6th and the late 10th century AD.

Figures 3c and 3d are optical micrographs showing microstructures of the specimens taken from the area marked in Figs. 3a and 3b, respectively. Figure 3d consists of the twinned α areas and the background martensite, which is almost identical to Fig. 2a. Figure 3c shows some difference. The twinned α areas look similar, but the background is occupied by the α - δ eutectoid which forms only in slow cooling. Both spoons were hot forged, but only one was quenched. The EDS analysis detected only copper and tin, and the tin content was 18.6% for the sample in Fig. 3c and 18.8% for the one in Fig. 3d. No lead was detected in any form.

Discussion

The microstructures show that the alloys and the method employed in the fabrication of both the Kazakh ladle-spoon in Fig. 1a and the Korean spoon in Fig. 3b are identical. They were made from the Cu-Sn alloys where the tin content was above 18%, and the lead addition was strictly restricted. They were hammered at elevated temperatures and then quenched

from above 586°C. This is a unique technique to deal effectively with the brittle high tin bronzes in fabrication as well as in use. Hot forging can be successful owing to the ductile β phase that is stable above 586°C. When quenched, it transforms to the somewhat ductile martensite and imparts toughness to the finished products. The absence of lead should be understood as intended to avoid its potentially harmful effects on forging.⁷ This technique cannot be practiced without the complete understanding of the thermal and mechanical properties of the Cu-Sn alloys as affected by the addition of lead. Its emergence, therefore, means a significant change and advance in a local bronze industry.

Melikian-Chirvani⁸ and also Allen⁹ discussed the introduction of high tin bronzes into the Islamic world around the late 7th century AD based on documentary evidence. They suggested that forging and casting were both used. Their studies were primarily based on visual inspection, and generally lacked information on alloy compositions and the control of working conditions. In this respect, the analysis by Lambertus van Zelst and Pieter Meyers¹⁰ proved to be valuable. They measured the chemical composition of seven Iranian objects of the early Islamic period from the Metropolitan Museum collection. The tin content ranged from 21.6% to 23.6% averaging 22.3%, and the lead content was from 0.3% to 0.7%. Two of them were examined metallographically. Though no micrographs were presented, their study seems to suggest that they were hot forged followed by quenching. Their opinion was that the same technique was employed in the shaping of all but one object. The six artifacts are then generally similar to the Talgar ladle-spoon in alloy compositions as well as in the treatments applied. The only difference is the detection of lead, which may not be of any real significance since the amount is too little to count its presence as intended¹¹. It seems that in Iran this technique flourished temporarily during the early Islamic period, and declined with the increased use of brass.¹²

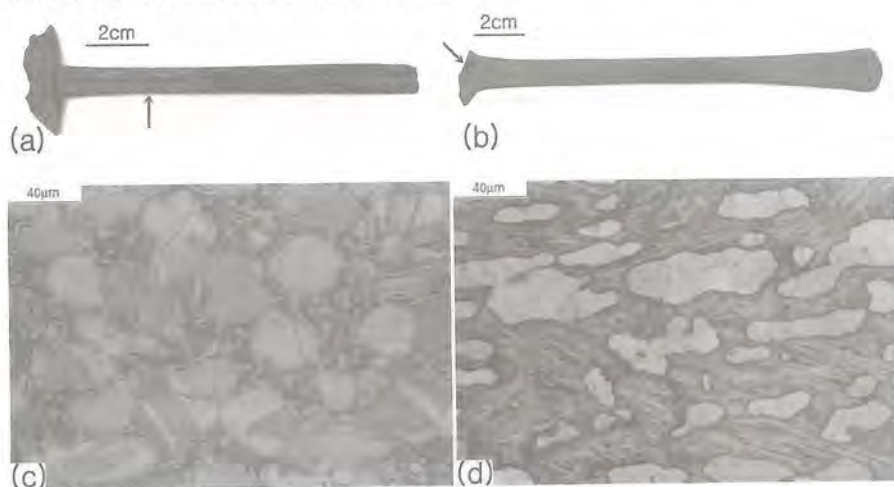

Fig. 3. Korean bronze spoons and optical micrographs. (a), (b) General appearances; (c), (d) Microstructures at the areas marked by arrows in Fig. 3a and 3b, respectively

As for the early Korean bronzes, the extensive data compiled by Choi¹³ demonstrated two conspicuous features; the use of casting as a major fabrication technique and the use of high tin alloys with frequent lead addition. While this early tradition continued in practice for the last two and a half millennia, a new technique emerged within the early high tin framework. Evidence was found in a recent study¹⁴ that the ideas for this technique were incubated sometime between the 7th and 10th century AD. Two important changes during this period include the introduction of hot forging and quenching after casting and the disappearance of lead from alloys. At first the thermal and mechanical treatments were applied separately on unleaded alloys. In the later development they were combined while the tin content of the unleaded alloys was settled within a relatively narrow range around 22%. This then became a standard recipe, and dominated the Korean bronze industry for the next one thousand years.¹⁵

The similarities identified in the high tin tradition of Iran and Korea deserve recognition, but one cannot jump to the conclusion that their technical ideas were culturally related. In fact this bronze tradition was remarkably consistent in both the selection of alloys and the control of working conditions in fabrication. This was verified not only in Iran and Korea but also in Thailand¹⁶ and India¹⁷ where the same tradition was established from as early as the first millennium BC. The similar technique was also observed from the musical instruments still in use in Korea¹⁸ and the Philippines.¹⁹ But we failed to find any metallurgical evidence reported on this technique practiced in the Tang China or earlier.²⁰ It is obscure whether this technique in early Islamic Iran was a revival of the old tradition or a new development. In Korea, however, it was introduced as a new tradition, most probably during the 7th-10th century AD. This era began with the establishment of the Unified Silla, the first unified kingdom in Korean history, and ended with its collapse by the succeeding Koryo dynasty. In its campaign for the unification, the Unified Silla invited the Chinese Tang force to subdue the two rival kingdoms, Koguryo and Paekche.²¹ The Korean peninsula was then undoubtedly under a strong foreign influence, which might have played a certain role in the incubation of the new technical idea. It is interesting to find that Arab-Persian traders frequently visited the Unified Silla,²² which they referred to as a gold-glittering nation.²³

Summary

Within the limitation of the general lack of microstructural data on Iranian bronzes apart from Fig. 2a, the bronze technology established in Islamic Iran and the Korean peninsula was strikingly analogous. Two important traits involved were the use of lead free high tin alloys and the thermo-mechanical treatments in the α/β region of the Cu-Sn system. These technical similarities do not guarantee the existence of cultural interaction between the two regions. It is of significance, however, that Korea was under a strong foreign influence during the period of the 7th to 10th century AD when the high tin tradition was incubated. If the tradition was inspired by foreign ideas, those from Islamic Iran would be one of the plausible candidates.

Acknowledgement

The authors acknowledge the Hanbaek Research Center of the Cultural Heritage for offering the artifacts for metallurgical examination. This work was finished while one of the authors (JSP) had his one year sabbatical leave at the Department of Geology and Geophysics, Yale University, as a visiting scholar from March 2006. This work was supported by the 2005-2007 Joint Research Project under The KOSEF-MAS Cooperative Program, Project # F01-2005-000-10051-0.

Abstract

Metallurgical microstructures of two Korean bronze spoons and a ladle-spoon from the medieval Talgar site in Kazakhstan were examined. The latter, consisting of a spoon and a bowl attached on either end of a long handle, was identical in shape and size to one of the high tin bronzes of Islamic Iran. They were all produced under the same unique bronze tradition characterized by the use of unleaded high tin alloys and the application of hot forging in fabrication. This article will present their microstructures, and review the probable exchange of technical ideas between Islamic Iran and contemporaneous Korea.

Keywords: Korea; Islamic Iran; High tin bronze; Microstructure; Exchange of technical ideas.

Резюме

Ж.С. Парк, Д.А. Воякин

КОММЕНТАРИЙ НА ТЕМУ ВЫСОКООЛОВЯНИСТОЙ БРОНЗЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОРЕИ И ИРАНА

В статье дается анализ микроструктур металла двух бронзовых ложек, обнаруженных в Корее и ложки, найденной при раскопках средневекового Талгара. Аналогия по форме и размеру последней была зафиксирована в коллекции изделий высокооловянистой бронзы средневекового Ирана. Производственная схема изготовления этих изделий заключалась в уникальной традиции производства бронзы, характеризующейся использованием припоев с высоким содержанием олова без следов свинца, а также применением метода горячейковки с целью придания изделию определенной формы. Описывая микроструктуры металла, авторы делают попытку проследить возможность существования обмена техническими идеями обширного региона, территориально обозначаемого границами Ирана и Корейским полуостровом.

Түйін

Ж.С. Парк, Д.А. Воякин

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ КОРЕЯ МЕН ИРАННЫҢ ҚАЛАЙЫСЫ ЖОҒАРЫ ҚОЛАСЫ ТАҚЫРЫБЫНА ТҮСІНІКТЕМЕ

Мақалада Корейдан табылған қола қасық пен ортағасырлық Талғардағы қазба барысында шыққан қола қасығының металдық микроқұрылымының анализі берілген. Пішіні мен көлемі бойынша кейінгісінің аналогиясы Иранның қалайысы жоғары қола бұйым жиынтығынан анықталды. Бұл бұйымдарды дайындаудың өндірістік үлгісі жоғары құрамды қалайыны қорғасынның ізінсіз дәнекерлеуді пайдаланумен сипатталатын қола өндірісінің бірегей дәстүрі, сонымен қатар бұйымға белгілі бір пішін беру мақсатында қатты қыздыру әдісі қолданылған. Металдың микроқұрылымдық сипаттамасында авторлар белгіленген Иран шекарасы мен Корея жарты аралы аумағындағы алып аймақта техникалық идеяның алмасу мүмкіндігін қадағалау әрекеттерін жасайды.

1. *Melikian-Chirvani A.S.* Metropolitan Museum Journal 9, 123 (1974).
2. *Chikashige M.* Journal of the Chemical Society (London), 117, 917 (1920).
3. *Park J.S. and Yu J. E., J.* of the Korean Cultural History, 21, 321 (2004).
4. *Chang C., Tourtellotte P.A., Baipakov K.M., Grigoriev F.P.* The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age through Medieval Periods in Southeastern Kazakhstan (Zhetyssu), The Kazakh-American Talgar Project 1994-2001, Sweet Briar, Almaty, Kazakhstan (2002).
5. *Park K.S., Seo Y.I. and Bang E.R.* Excavation Report of the Icheon Seolbong Fortress, Excavated Relics Institute of Dankook University, Seoul, Korea (1999).
6. *Park J.S.* Appendix to the 4th·5th·6th Excavation Report of the Icheon Seolbong Fortress-Text-, Excavated Relics Institute of Dankook University, p. 141, Seoul, Korea (2006).
7. *Craddock P.T.* World Archaeology 11(1), 68, (1979).
8. *Melikian-Chirvani A.S.* Metropolitan Museum Journal 9, 123 (1974).
9. *Allen J.W.* Persian Metal Technology 700-1300, Ithaca Press, London (1979).
10. *Melikian-Chirvani A.S.* Metropolitan Museum Journal 9, 123 (1974).
11. *Craddock P.T.* World Archaeology 11(1), 68, (1979).
12. *Craddock P.T.* World Archaeology 11(1), 68, (1979).
13. *Choi J.J.,* Proc. the Forum for the Fourth International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys (BUMA-IV), p. 25, Japan Institute of Metals, Shimane, Japan (1996).
14. *Jung Y.D. and Park J.S.* J. Kor. Inst. Met. & Mater 43(1), 80 (2005).
15. *Jung Y.D. and Park J.S.* J. Kor. Inst. Met. & Mater 43(1), 80 (2005); *Choi K.J. and Park J.S.* J. of the Korean Society for Heat Treatment 17(1), 2 (2004); *Lee D.N. and Lee H.J.* Proc. the Fifth International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys (BUMA-V) (eds., G. H. Kim, K. W. Yi, and H. T. Kang), p. 249, Korea Institute of Metals and Materials, Gyeongju, Korea (2002); *Park J.S.* Appendix to Excavation Report of the Daejeon Gaodong Site, Jungang Research Center of the Cultural Heritage, p. 264, Daejeon, Korea (2003).
16. *Rajpita W. and Seeley N.J.* World Archaeology 11(1), 26 (1979); 15. *Wheeler T.S. and Maddin R.* Expedition 18(4), 38 (1976).
17. *Srinivasan S.* JOM (July), 44 (1998).
18. *Lee D.N. and Lee H.J.* Proc. the Fifth International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys (BUMA-V) (eds., G. H. Kim, K. W. Yi, and H. T. Kang), p. 249, Korea Institute of Metals and Materials, Gyeongju, Korea (2002).
19. *Goodway M. and Conklin H.C.* Archaeomaterials 2(1), 1 (1987).
20. *Goodway M. and Conklin H.C.* Archaeomaterials 2(1), 1 (1987); *Barnard N.* Bronze Casting and Bronze Alloys in Ancient China, Monumenta Serica Monograph 14, The Australian National University and Monumenta Serica, Canberra (1961).
21. *Eckert C.J., Lee K.B., Lew Y.I., Robinson M. and Wagner E.W.* Korea Old and New - A History, The Korea Institute at Harvard University, Seoul, Korea (1990).
22. *Lee H.S.* Propagation of the West Asian Culture to the Silla kingdom, A Search for the Light of the East-Silk Road and Korean Culture, Organizing Committee of the Kyongju World Culture Expo 2000, p. 50, Kyongju, Korea (2000).
23. *Bahn P.G.* The Atlas of World Archaeology, The Brown Reference Group plc, p. 122, London (2006).

VII. Развитие туризма

М.Е. Дикань

РАЗВИТИЕ ДЕТСКОГО ТУРИЗМА В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ» И РАЗРАБОТКАНОВЫХ УЧЕБНО-ИСТОРИЧЕСКИХ МАРШРУТОВ В ДОЛИНЕ АРЫСИ

В наше время, когда антропогенное воздействие усиливается не только на природу, но и на объекты культурного наследия, значительно возрастает желание изучения и ознакомления молодежью с сохранившимися (пока) памятниками истории и культуры Казахстана. За последние годы десятки памятников навсегда исчезли с лица земли. Например, средневековое городище Хурлут, о котором писали еще арабские источники, попало в зону строительства автомагистрали Западная Европа - Западный Китай. В этой связи актуальным становится вопрос о сохранении памятников, а в более широком смысле слова - сохранении нашей истории. Чтобы сохранять – надо знать, что сохранять. В этом плане большую роль играют экскурсии, где дети наяву, а не по рассказам, книгам и даже телевидению видят нашу историю и могут ощутить тысячелетия в своих руках.

С этой целью в нашей гимназии реализуется программа «Культурное наследие в руках молодых», которая действует в русле программы ЮНЕСКО по сохранению культурных ценностей.

Для учащихся 6-х классов, которые изучают курс истории древнего Казахстана, организуются экскурсии к памятникам археологии этого периода. Это петроглифы эпохи бронзы в горах Каратау (Боралдай), захоронения раннего железного века в ущелье Бургулюк (хребет Коржантау). Учащимся 7-х классов, которые изучают средневековье, предлагаем экскурсии к городам и поселениям Отрарского оазиса: Туркестан, Сауран, Испиджаб. В 8-классе при изучении периода новой истории ученики выезжают к историческим памятникам, относящимся к этому периоду истории Казахстана. Их маршруты пролегают к Ордабасы, городищу Шымкент, по старейшим улицам областного центра. В данных маршрутах учителя истории выступают в роли экскурсоводов. Подобная форма закрепления учебного материала дает свои положительные результаты. Во-первых, способствует более полному усвоению программного материала; во-вторых, ведет к эмоциональному восприятию исторических фактов; в-третьих, формирует у учащихся чувства патриотизма и любви к своей малой родине. Кроме того, подобная форма работы способствует уважительному отношению, и в конечном итоге, сохранению культурно-исторического и природного наследия.

Мы предлагаем в качестве примера учебно-исторический маршрут по памятникам археологии и истории среднего течения реки Арысь.

Маршрут начинается с посещения цитадели городища Шымкент. Этот памятник ранее датировался XII веком, но в свете последних археологических исследований, его история расширяется. Обнаруженные в ходе раскопок артефакты свидетельствуют о том, что люди населяли это место уже 2000- 2200 лет тому назад.

Из Шымкента маршрут направлен на северо-запад города. В 12 км от Шымкента внимание привлекает холм на окраине села. Это Алтынтобе. Раскопки показали, что люди освоили это место в I-II вв. н.э. Из письменных источников также известно, что в 1864 году за это возвышение произошел бой между русскими и кокандскими войсками, во владениях которых был этот регион. Это был период вхождения Старшего жуза в состав Российской империи. После победы русских был открыт путь на Шымкент.

В 12 км от Алтынтобе мы подъезжаем к селу Акбулак. Это село сменило за свою историю несколько названий. Первоначально - поселение кочевников Акбулак. Затем во время переселения русских и украинских крестьян, особенно во времена столыпинской реформы, название изменилось. Русские переселенцы называли село Вревским.

В годы русско-турецкой войны баронесса Вревская организовала на свои средства санитарный медицинский поезд. В нем она сама работала медицинской сестрой. В честь этой славной женщины и решили назвать село. В годы советской власти откинули все, что было связано с царизмом и, к сожалению, и благородство, и гуманизм. После Великой Отечественной войны Вревское переименовано в Панфилово. Это тоже достойное имя. До начала Великой Отечественной войны Панфилов был военным комиссаром Киргизской республики. С началом войны его назначили формировать стрелковую дивизию в Алма-Ате. Она получила № 316 и героически сражалась под Москвой.

В 1993 году селу вернули первоначальное название Акбулак.

От села Акбулак маршрут идет по правому берегу реки Бадам (в переводе с персидского «миндаль»), далее мы приближаемся к небольшому горному массиву Ордабасы. Здесь в годы «Ақтабан шубырынды» собрались представители трех казахских жузов. Их лидеры - Айтеке би, Казыбек би, Толе би призвали народ к единению в борьбе с джунгарскими завоевателями. С тех пор Ордабасы является символом единения казахского народа.

Через 20 км маршрут приводит к Борижарскому некрополю. Это один из самых крупных могильников. Он датируется III-II вв. до н.э. - VII в. н.э. На 7 км в надпойменной части Арыси протянулись сотни курганов. Здесь имеются различные типы захоронений: катакомбы, наусы, дающие представления не только об обрядах захоронения, но и о жизни, быте, верованиях людей той далекой эпохи.

В 1 км от Борижарского могильника высится огромный холм. Это городище раннего средневековья Жуантобе. Городище окружает ров, который некогда в случае опасности заполнялся водой. Жуантобе в переводе означает «Толстый холм». Найденные в ходе раскопок помещения артефакты (монеты, керамика, украшения, предметы быта), позволяют сделать вывод, что Жуантобе мог являться центром средневекового округа Кенджил - городом Арсубаникет.

Маршрут учебно-исторической экскурсии закончен. Он позволяет учащимся за полдня погрузиться в историю Казахстана на два тысячелетия. Данный маршрут иллюстрирует материал учебной программы по истории для средних общеобразовательных школ 5-6-7-8 классов.

Түйін

М.Е. Дикань

**«МӘДЕНИ МҰРА» БАҒДАРЛАМАСЫ АЯСЫНДА БАЛАЛАР
ТУРИЗМІН ДАМУҒА ЖӘНЕ АРЫС АЛҚАБЫНА ЖАҢА ОҚУ-
ТАРИХИ БАҒЫТЫН ЖАСАУ**

Бұл мақалада орта мектептердің оқушыларымен туған өлкені, Қазақстан тарихын оқу тарихи-саяхаттар арқылы зерттеу бойынша жұмыс түрлері қарастырылады. Мақалада көрсетілген әдістер патриоттық тәрбиені қалыптастыруға және “Мәдени мұра” бағдарламасының аясында тарихи ескерткіштерді сақтау және балалар туризмін дамыту процессінің негізгі бөлігі болып саналады.

Abstract

M.E.Dikan

**Development of Children’s Tourism in Frames of the Program
“Cultural Heritage” and Work out of a New Educational-Historical Routes
in Arys River Valley**

The forms of activities with pupils are described in this work. The forms of work help pupils to study their native land, oblast, history of Kazakhstan.

One of the forms of work is the educational-historical excursion.

The method presented in the article bring up our children in the spirit of patriotism and is the main part of preservation of the historical monuments by the program “Cultural Heritage and Development of Children’ Tourism”.

1. *Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К.* Археология Казахстана» -Алматы: «Казак университет», 2006. – С. 181.
2. *Байтанаев Б.А.* Древний Испиджаб. - Шымкент-Алматы, 2003. –С. 73.
3. *Гусар О.* Региональный компонент в изучении истории Казахстана в 5 классах // История Казахстана: преподавание в школе. – Алматы, 2007. - № 3. - С. 16.
4. *Туганбаев К.* Путешествие в историю. – Алматы, 2003. - С. 26.

Принятые сокращения

- АВПРИ** - Архив внешней политики Российской Империи
- ГАОрО** - Государственный Архив Оренбургской области
- ЕНУ** - Евразийский национальный Университет, Астана
- Записки ИРГО по отд. этн.** - Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии, Санкт-Петербург.
- ИА КН МОН РК** - Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
- ИА РАН** - Институт археологии Российской Академии Наук, Москва
- ИА РАН** - Институт археологии Российской академии наук, Москва
- ИАОО** - Исторический архив Омской области
- Известия ИРГО** - Известия Императорского Русского географического общества, Санкт-Петербург.
- ИИАЭ АН КазССР** - Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии Наук Казахской ССР
- ИИМК** - Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук, Санкт-Петербург.
- КазГУ** - Казахский Государственный университет им.С.М. Кирова, Алма-Ата
- КазНУ** - Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Алматы
- КБ НИИ** - Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, Нальчик
- КСИА** - Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва
- КСИИМК** - Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, Москва
- ЛОИИМК** - Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
- МИАК** - Материалы и исследования по археологии Кыргызстана, Бишкек.
- НАН РК** - Национальная Академия Наук Республики Казахстан.
- ОАК** - Отчёты Императорской археологической комиссии, Санкт-Петербург.
- ПИДО** - Проблемы истории докапиталистических обществ, Москва-Ленинград.
- РГИА** - Российский государственный исторический архив, Москва
- СА** - Советская археология, Москва
- СМИЗО** - Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Санкт-Петербург.
- ТИИ АН КиргССР** - Труды института истории Академии наук Киргизской ССР, Фрунзе.
- ЦГА РК** - Центральный Государственный архив Республики Казахстан
- ЦГМК** - Центральный Государственный Музей Казахстана

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Байпаков Карл Молдахметович** – академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом изучения урбанизации и номадизма Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, г. Алматы, Казахстан.
- Байсариева Гульжанат** – старший научный сотрудник Отрарского Государственного археологического музея-заповедника, с. Шаульдер, Казахстан.
- Баратов Сергей Равшанович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель проекта. Хорезмская Академия Маъмуна, Институт археологии АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан.
- Бахтыбаев Мэлс Маратович** – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра. Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави, г. Туркестан, Казахстан.
- Богомоллов Геннадий Игоревич** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан.
- Воякин Дмитрий Алексеевич** – кандидат исторических наук, специалист по новейшим информационным технологиям в археологии, региональный эксперт ЮНЕСКО; Генеральный директор научно-исследовательской организации «Археологическая экспертиза», г. Алматы, Казахстан.
- Дживеди Сунита** – специалист английской филологии, независимый исследователь Великого Шелкового пути (Индия).
- Дикань Михаил Евгеньевич** – учитель истории гимназии «Арман», г. Шымкент, Казахстан.
- Ерофеева Ирина Викторовна** – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Национального центра археографии и источниковедения, г. Алматы, Казахстан.
- Есжан Ержан** – кандидат исторических наук, зам. директора Отрарского Государственного археологического музея-заповедника, с. Шаульдер, Казахстан.
- Жанаев Булат Тазыбаевич** – кандидат исторических наук, зав. отделом Национального центра археографии и источниковедения, г. Алматы, Казахстан.
- Жандарбек Зикирия Зманханулы** – кандидат исторических наук, Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави, г. Туркестан, Казахстан.
- Жолдасбаев Сайден Жолдасбаевич** – доктор исторических наук, профессор Международного Казахско-Турецкого университета им. Х.А. Ясави, директор Научно-исследовательского центра, г. Туркестан, Казахстан.
- Зиливинская Эмма Давидовна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н.Миклухо-Маклая, г. Москва, Россия.
- Камышев Александр Михайлович** – кандидат исторических наук, старший преподаватель Кыргызско-Российского Славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан.
- Коваль Владимир Юрьевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела славяно-русской археологии Института археологии РАН, Москва, Россия.
- Кожжа Мухтар** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра. Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави, г. Туркестан, Казахстан.

-
- Кольченко Валерий Александрович* – научный сотрудник Института истории и культурного наследия НАН КР, г. Бишкек, Кыргызстан.
- Кузнецова Ольга Викторовна* – научный сотрудник Института Археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, г. Алматы, Казахстан.
- Мусакаева Альфия Абдулвахаб* – кандидат исторических наук, с.н.с. Зав. отделом нумизматики Государственный музей истории Узбекистана АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан.
- Нурмуханбетов Бекмухамбет* – старший научный сотрудник Исыкского Государственного музея-заповедника, г. Исык, Казахстан.
- Парк Джан Сик* – Специалист по археометаллургии, профессор Отдела Металлургической Разработки Университета Хонгик, г. Сеул, Южная Корея.
- Подушкин Александр Николаевич* – доктор исторических наук, профессор Южно-Казахстанского Государственного педагогического института, г. Шымкент, Казахстан.
- Рудаков Вадим Геннадьевич* – кандидат исторических наук, преподаватель Академии государственной противопожарной службы МЧС России; Российского государственного торгово-экономического университета, г. Москва, Россия.
- Савельева Тамара Владимировна* – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, г. Алматы, Казахстан.
- Садуллаев Бахрам Пулатович* – младший научный сотрудник, Хорезмская Академия Маъмуна, Республика Узбекистан, г. Хива, Узбекистан.
- Смагулов Ербулат Акижанович* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, г. Алматы, Казахстан.
- Сулейманов Рустам Хамидович* – доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет Национального Университета им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан.
- Тепловодская Татьяна Михайловна* – Старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан.
- Терновая Галина Алексеевна* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, г. Алматы, Казахстан.
- Туйабаев Марат Кымызович* – кандидат исторических наук, зав. отделом Государственного историко-культурного музея-заповедника «Азрет Султан», г. Туркестан, Казахстан.

**ДРЕВНОСТИ ОТРАРА И ОТРАРСКОГО ОАЗИСА,
КАЗАХСТАНА И ЕВРАЗИИ**

научное издание

Печатается по постановлению Ученого Совета
Института археологии им. А.Х. Маргулана
Министерства образования и науки Республики Казахстан

Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 40-летию работ Южно-Казахстанской комплексной
археологической экспедиции. Шаульдер 18-19 октября 2011 г.

Отв. редактор К.М. Байпаков, академик НАН РК, профессор

Компьютерная верстка и дизайн О.В. Кузнецова

Подписано в печать 22.12.2012
Отпечатано в ТОО «Литера», заказ № 832, тираж 300 шт.

Иллюстрации к статье: С.Ж. Жолдасбаев
ОРТАҒАСЫРЛЫҚ СЫҒАНАҚ ҚАЛАСЫН МУЗЕЙЛЕНДІРУ
МЕӘСЕЛЕЛЕРІ

1-сурет. Ортағасырлық Сығанақ қаласы. Аэрофото

2-сурет. Кесене. Оңтүстіктен көрінісі

3-сурет. Мешіт. Жалпы көрінісі

Иллюстрации к статье: К.М. Байпаков, Т.В. Савельева
**ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: КАЗАХСТАНСКИЕ
КАРАВАННЫЕ МАРШРУТЫ И КАРАВАН-САРАИ**

*Цвет. рис. 1. Комплекс Акыртас. Караван-сарай раннего типа IX-X вв.
Раскопки жилого комплекса*

Цвет. рис. 2. Тараз. Караван-сарай XI - начала XIII в. Аэрофото

Цвет. рис. 3. Тараз. Караван-сарай. Работы по реконструкции

Иллюстрации к статье: Е.А. Смагулов
АРХЕОЛОГИЯ МЕЧЕТЕЙ: ЖУМА МЕЧЕТИ ОТРАРА И САУРАНА

Цвет. рис. 1. План центральной площади Саурана. Аэрофото

Цвет. рис. 2. Монетки в узелках из клада в мечети

Цвет. рис. 3. Общий вид с запада на двор мечети

Цвет. рис. 4. Руины гончарной печи

Цвет. рис. 5. Резервуар для вымачивания гончарной глины

Цвет. рис. 6. Выкладка пола главного зала тахаратханы

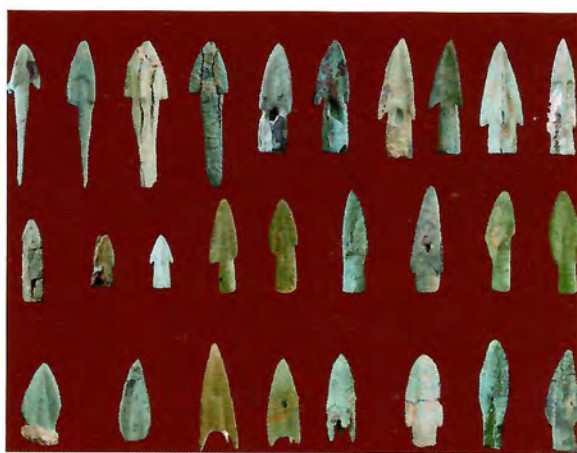

Цвет. рис. 7. Гончарный инструментарий

Иллюстрации к статье: С.Р. Баратов, Б.П. Садуллаев
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

*Цвет. рис. 1. Некрополь Мешекли. Группа 1, курган 3.
Погребение в каменном ящике эпохи бронзы*

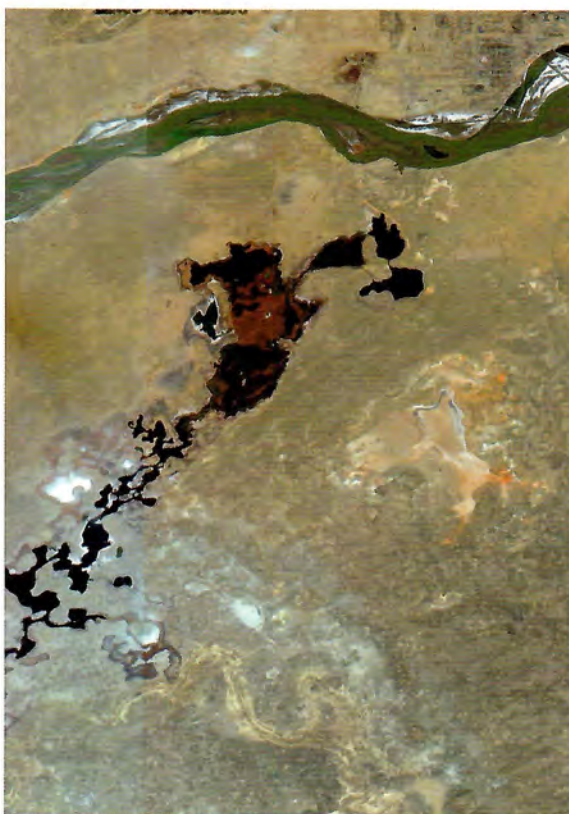
Цвет. рис. 2. Некрополь Уч очак. Курган 2. Внешний вид сооружения и основные типы бронзовых наконечников

Иллюстрации к статье: М. Туребеков
ГОРОДИЩЕ БОГРОХАН

Цвет. рис. 1 Обломки жженых кирпичей с арабской надписью

Иллюстрации к статье: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев
О ЗАХОРОНЕНИИ И ПЕРЕЗАХОРОНЕНИИ ОСТАНКОВ ХАНА АБУЛХАИРА

Цвет. рис. 1. Историческая местность в междуречье Сырдарьи и Кувандарьи, расположенная напротив урочища Акжар, где по сведениям И.А. Батыршина, находились могилы хана Младшего жуза Ералы (1791–1794) и его отца хана Абулхаира (1710–1748).
Космоснимок. Google. 2012 г.